

История русской армии

Том первый

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2003

ББК 68.49 (2)
И89

И89 **История** русской армии: В 7 т. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. Т. 1. — 704 с.; ил.

ISBN 5-89173-205-х (т. 1)

ISBN 5-89173-206-8

Первое издание этого труда вышло в начале второго десятилетия прошлого века. В его подготовке участвовали известные российские военные историки и теоретики А. К. Баиов, А. Г. Елчанинов, А. М. Зайончковский, Н. П. Михневич, В. П. Никольский, Н. А. Орлов, А. А. Свечин, Н. Н. Янушкевич и другие. В нем рассказывалось об истории развития русской армии от зарождения государства до начала XX века. Издание впервые давало цельную картину состояния русского военного искусства во все периоды российской истории. Следует заметить, что в русской военно-исторической литературе не было и не появилось за почти столетие после выхода первого издания более полной и систематизированной истории развития нашей армии. Нынешнее издание дополнено новыми работами историков. Книга предназначена для широкого круга читателей, но может быть использована и специалистами при изучении истории русского военного искусства.

ББК 68.49 (2)

Научно-популярное издание

История русской армии **Том первый**

Главный редактор *Н. Л. Волковский*. Редактор *Л. Ю. Киреева*.
Технический редактор *И. В. Буздалева*. Корректор *И. С. Миляева*.
Компьютерная верстка *Н. С. Сидельниковой*.
Компьютерная графика *Е. М. Петровой*

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.
Подписано в печать 12.11.02. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 22,0.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 5000 экз. Зак. №

ООО «Издательство «Полигон»,
194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 38/40.
Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23. E-mail: polygon@rol.ru

ISBN 5-89173-205-х (т. 1)

© ООО «Издательство «Полигон», 2003

Предисловие

В начале второго десятилетия прошлого века издатели этого труда указывали, что знание своей родины, знание славной боевой деятельности ее вооруженных сил, создавших из маленького удельного княжества, окруженного со всех сторон мощными врагами, могучую Российскую державу, которая стала занимать площадь, равную $\frac{1}{6}$ всей суши земного шара, столь же необходимо каждому образованному гражданину России, как и знакомство его с другими сторонами государственной жизни: промышленностью, политикой, торговлей, техникой, искусством и т. п.

«Только совокупность всех этих знаний, — подчеркивалось во вступлении, — явится правильной основой для здорового народного мировоззрения, для выработки таких понятий и взглядов, которые сознательно и инстинктивно всегда укажут верные пути к развитию и укреплению прирожденного чувства любви к родине и к воспитанию в каждом из нас веры в силы своего народа, своих армии и флота, являющихся ныне родными детьми нации, плотью от плоти и кровью от крови своего народа, со всеми его достоинствами и недостатками».

И сегодня не устарели эти слова тех, кто задумал в то время издание обширного труда по истории русской армии, равному которому не появилось в течение прошлого столетия. В связи с тем, что еще не найдено верного средства устранить вооруженные столкновения народов, государству необходимо обеспечить себя надежной и верной охраной, что достигается лишь неустанным и часто напряженным развитием его вооруженных сил, под мощной защитой которых только и могут нации мирно развиваться.

В настоящее время народ тесно связан со своей армией и флотом. Конституция нашей страны определяет: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации», что объединяет почти все население страны, и каждый из нас должен близко воспринимать интересы своих вооруженных сил, жить с ними единой жизнью. Вот почему необходимо знать историю своей армии.

Мы с гордостью можем оглянуться на тысячелетний почти непрерывный путь борьбы, пройденный российскими вооруженными силами. В борьбе за могущество, целостность и даже существование Отечества нашим вооруженным силам приходилось

встречаться и с величайшими полководцами, и с наиболее сильным врагом, перед которым трепетали и склонялись народы Европы: Густав-Адольф, шведский король, Фридрих Великий, прусский король, Наполеон I, великий император Франции — бросали свои мощные армии, покорившие Европу, на русские войска, которые не только с честью выдерживали сильнейшие натиски противника, но иногда долгой, настойчивой борьбой приводили на край гибели крупнейших полководцев. Так было с Фридрихом Великим при Кунерсдорфе (1759) и Наполеоном I — в 1812 г. Так случилось в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. с войсками фашистской Германии, до этого покорившими всю Европу.

Многие войны России были в то же время и историческим подвигом, великой службой во благо человечеству, культуре и цивилизации. Своими войнами Россия отклоняла многие удары от западных государств, принимая на себя натиск свирепых кочевников, помогала слабому и угнетенному, возрождала целые народы из рабства для самостоятельной жизни.

Не один только успех сопровождал русские вооруженные силы в их длинном пути борьбы. Были и крупные неудачи — особенно Крымская война 1853—1856 гг., Русско-японская война 1904—1905 гг. Но следует иметь в виду, что неудачи являются естественным ходом всякой борьбы, в которой взаимное положение борющихся зачастую меняется от всевозможных причин; их не могло избежать ни одно значительное государство. Достаточно вспомнить, что Пруссия пережила после блестящей боевой эпохи Фридриха Великого невиданный разгром при Йене и Ауэрштедте, что Франция после гениальных кампаний Наполеона I испытала Седан и что великой северной державе Швеции под Полтавой был нанесен Петром I окончательный удар в ее стремлении к господству в Северной Европе.

Однако эти неудачи не останавливали развития военных сил государства. Они лишь заставили обращать особенно серьезное внимание всей страны на состояние своих вооруженных сил и давали возможность при дружной работе исправить обнаруженные недочеты, создать вновь могучую армию, которая обычно в последующий период вознаграждала государство за все тяготы пережитых неудач.

Это многократно подтверждается в минувшей истории российских вооруженных сил, так будет и в дальнейшем.

История военного искусства в России до воцарения Петра Великого

*А. Г. Елчанинов, проф. Императорской
Николаевской Военной академии, генерал-майор*

От зарождения Русского государства до середины XI в.

**Византийские походы ♦ Походы Святослава ♦ Походы Владимира
Святославовича и Ярослава Мудрого**

Началом нашей истории и первым толчком к основанию наших ратных сил, по мнению профессора В. О. Ключевского, послужило образование в VI в. н. э. наступательного военного союза против Восточной Римской империи племен восточных славян.

Племена эти до II в. обитали по Среднему и Нижнему Дунаю, в царстве даков, а затем, после разорения римлянами этого царства, были вытеснены к отрогам Карпат.

Отсюда, по течению Днепра, Западного и Южного Буга и притоков Припяти и Верхней Вислы, молодые, полные сил и предприимчивости племена восточных славян двинулись в VII—VIII вв. в более доступную их натиску так называемую Русскую равнину, где, естественно, они и осели — прежде всего на богатом водном пути «из варяг в греки», т. е. от реки Волхов к Днепру.

Но в одно время с расселением восточных славян по западной лесистой части Русской равнины в восточной степной ее части распространилась новая азиатская орда, хазары, которые в VIII в. покорили зашедших ближе к востоку славян — полян, северян и вятичей.

Однако в начале IX в. сквозь хазар прорвались, с востока на запад, за Дон, новые орды: печенегов и за ними

узов-торков. Хазарская власть оказалась не в состоянии оберегать наших купцов на востоке. Пришлось об этом заботиться купцам самим (торговые города — вооруженные убежища).

Почти тогда же в городах по Днепру стали появляться пришельцы из Скандинавии. Преимущественно вооруженные купцы, стремящиеся пробраться в богатую Византию, они задерживались в больших торговых городах и входили в состав местного вооруженного купечества. Таким образом, в городах образовалась из туземцев и пришельцев военно-промышленная сила, которая не только сделалась сама независимой от хазар, но и подчинила себе несколько соседних племен.

В части городов варяги забрали власть, а их вожди стали военачальниками, называя себя князьями и витязями (княжество Рюрика в Новгороде, Синеуса — на Белом озере, Трувора — в Изборске, Аскольда — в Киеве).

Из всех городов восточных славян наибольшее значение имел Киев («стольный град», «мать городов русских») как центр русской торговли и обороны всей страны. Именно поэтому все варяжские князья и стремились завладеть Киевом, и поэтому же Киев неминуемо должен был стать узлом объединения русских славян.

Первые же русские князья в Киеве, поняв это, стремились подчинить соседние племена и расширить свои владения, причем править в завоеванных землях сажали наместников, «посадников» — своих сыновей или родственников, или особых выбранных лиц.

Наместники эти, по существу, были такие же князья, как и князь Киевский, но он считался старшим, «великим князем» русским, а все подвластные ему племена и земли входили в Великое княжество Киевское, или Русское государство, в середине XI в. довольно обширное и весьма с пестрым населением.

За право быть облеченными властью князья обязывались охранять торговые пути к заморским рынкам, оборонять подвластные земли и расширять все дальше зону торговли. Это в итоге привело нас к желанию покорить

Византию и овладеть выходом из Черного моря в Средиземное.

В общем, начало нашей истории было сопряжено с борьбой мощной и стойкой — то наступательной, то наступательно-оборонительной, как и во все остальное время нашего существования, — за свержение иноземного могущества и за выход на широкие морские просторы и на севере, в воды Фряжские (варяжские), и на юге, в воды Средиземные, а для этого нужно было иметь надлежащую военную силу.

Уже в середине IX в. у князей такая сила была — дружина, состоящая из наемников (варягов). Позднее в нее вошли славяне, а к концу X — середине XI в. в составе дружины были преимущественно славяне.

Дружина делилась на высшую (княжие мужи, или бояре) и низшую (гриди, или гридьба, позднее называемые дворовыми, или слугами).

Бояре, служа князю, вопросы управления и защиты земли решали сообща в Думе, или Государственном совете. Состоящая у князя на службе за содержание, дружина должна была находиться всегда в боевой готовности, но во всем остальном она была свободна. Дружина, таким образом, была военным сословием, занятым исключительно войной и торговлей.

Наряду с дружиной было еще и земско-городское войско, вои, куда входили все горожане, способные носить оружие, кроме самого младшего из взрослых членов семьи. Сельчане же привлекались редко и всегда в ограниченном числе.

Земско-городское войско собиралось, когда численность княжеской дружины была недостаточна. Вопросы, связанные с созывом и количеством воев, решались вечем; при разногласии мнений в вои шли только добровольцы. По миновании надобности вои расходились по домам.

Главным родом войск была пехота. Лишь сами князья да бояре, т. е. лица знатные и богатые, сражались верхом¹.

¹ Слово князь (конязь) и значит «сездящий на коне».

Вооружение пехотинцев

До Святослава вообще если и встречается конница, то почти исключительно наемная и с низкой боеспособностью.

Вооружение было как рукопашное (копья, мечи, секиры, топоры, ножи), так и метательное (луки со стрелами), причем пехота делилась на лучников, или стрелков, и копейщиков.

В оборонительное снаряжение входили: кольчужная броня, остроконечные шлемы с кольчужными сетками, покрывающими голову и плечи, и большие, часто в человеческий рост, деревянные щиты. Простые воины имели оружие беднее, проще и хуже; вооружение знатных и богатых свидетельствовало об их материальном достатке.

Тяжелое оружие и снаряжение обыкновенно хранилось в княжских складах и выдавалось перед походом, а после похода вновь отбиралось. Первое время князья раздавали коннице и лошадям из собственных табунов.

Соединение воинов называлось дружиной; несколько дружин образовывали рать или полки. Все они носили названия тех мест, откуда прибыли. Во главе стоял великий князь, ему подчинялись местные князья, воеводы, тысяцкие, головы, сотники и десятники.

Количество войск определить трудно. С полной уверенностью можно только сказать, что оно не превосходило 50—60 тысяч, обыкновенно же было гораздо меньше. Так, у Аскольда в походе на Византию было 8 тысяч воинов, у Олега и Игоря — значительно больше, у Святослава — своих только 10 тысяч, а наемников из венгров, печенегов и других народностей 40—50 тысяч, у Ярослава в IX в. в бою против Болеслава Храброго было 50—60 тысяч воинов. Строй и стратегия действий войск обеспечивали их высокую боеспособность.

Войска шли в поход от заранее назначенного сборного места, обыкновенно все вместе. Впереди шла сторо́жа, или передовая стража. Она несла дозор, вела разведку сил и расположения неприятеля и добывала «языков» (пленных). За главными силами шли довольно многочисленные обозы с продовольствием и снаряжением.

Вооружение всадника и убранство его лошади

На ночлег становились станом и окружали себя повозками или тыном и часто окапывались, выставив стражей, выслав дозоры и приняв другие меры предосторожности.

В бою пехотинцы сражались холодным оружием, преимущественно глубоким строем, но частью и в рассыпном строю метательным оружием.

Рать строила большой полк, или чело, из наемников под командованием воевод и два крыла из дружины, что свидетельствует о понимании значения удара во фланг и о сосредоточении здесь отборных войск.

Перед началом боя иногда происходило единоборство лучших воинов, часто самих князей. Общий бой, крайне ожесточенный и кровопролитный, начинался по приказу князя: первый удар — копьями, затем — мечами. Победу решали превосходство в численности, сила, ловкость владения оружием, мужество. В ходе боя прибегали к охватам, окружению, притворным отступлениям, засадам. В этом маневрировании крылья имели решающее значение.

По традиции того времени, сохранявшейся на Западе весьма долго, победители оставались на поле сражения праздновать победу на «костях» и только изредка преследовали всеми силами противника вплоть до окончательного его разгрома.

Наряду с вооруженными действиями, предпринималось строительство укреплений. Уже Олег строил их вокруг Киева. С течением времени укрепленные поселения заселялись боевыми людьми, или, как говорит летопись, «службами лучшими», из разных славянских и финских племен. Укрепление городов, городцов и острожков состояло из толстых деревянных стен, окруженных рвами и валами. Позднее валы и лесные засеки образовали вдоль границ укрепленные рубежи.

Брали города русские войска приступом, внезапным нападением, хитростью. При неудаче принуждали к сдаче голодом. Осадное искусство, как и везде тогда, было развито слабо.

Дружина обладала высокими воинскими доблестями: мужеством, храбростью, твердостью, терпением в пере-

несении лишений, неизбежных в опасной и суровой жизни воина, верностью и преданностью своим князьям и начальникам. Земское войско (вои) и особенно наемники этими качествами обладали в меньшей степени.

Князья (вожди) владели ратным делом и сердцами своих людей в большинстве своем мастерски. Будучи первым примером во всем сами, они часто водили дружины на подвиги почти сказочные. Войны и бои велись на уничтожение противника, разорение и опустошение вражеских пределов. Примерами могут служить византийские походы Олега Вещего, Игоря и необычайные по своей мощи походы Святослава.

Византийские походы. Еще Аскольд и Дир, не получившие от Рюрика городов во владение и надеявшиеся утвердиться в Греции, направились со своими войсками на юг по великому Днепровскому водному пути. Здесь, в земле полян, они овладели Киевом, где и остановились. К ним стали стекаться все недовольные и искатели приключений. Скоро из них образовалась многочисленная дружина. Аскольд и Дир предпринимают в 865 г., внезапно для греков, поход к Царьграду на 200 ладьях (8 тысяч человек).

В это время Константинополь был сильно укреплен, особенно с суши.

«Поход этих варваров, — замечает патриарх Фотий, — был так схитрен, что и молва не успела оповестить, и мы услышали о них уже тогда, когда видели их...»

Ужас, охвативший жителей столицы, был неопиcуемый. Немедленно к императору был отправлен гонец.

Между тем, когда Царьград был уже обложен войсками, вдруг, без всякой видимой причины, русы сняли осаду и, захватив громадную добычу, ушли на своих ладьях. По всем вероятностям, они получили известие о приближении императора Михаила III с греческими легионами и флотом, с которыми он пошел было против сарацин, но, получив известие о нападении русов, поспешил вернуться для выручки столицы.

Далее, по 907 г., т. е. в течение 42 лет, отношения Руси и Византии были, по-видимому, миролюбивыми. Русы

находились даже на греческой службе, но, вероятно, со стороны греков последовало какое-либо крупное нарушение договоров с Русью, так как в 907 г., т. е. на 29 году своего правления, Олег (Вещий) предпринял поход против греков. Это был уже не набег шайки варягов, а предприятие соединенных сил всех славянских и частью финских племен, населявших тогдашнюю Русь. По свидетельству летописей, поход был на конях и ладьях. Последних было 2 тысячи; на каждой якобы по 40 человек. Конницу отправили сухопутьем.

Поход Олега увенчался полным успехом. Греки согласились на потребованные Олегом условия мира, уплатили по 12 гривен на ладью и заключили предварительный, а впоследствии окончательный мирный договор, по которому русы приобрели существенные права в греческих областях. В знак победы щит Олега был прибит к вратам Царьграда. Увы, у него не нашлось последователей!..

Из преданий об Олеге видно, что он являлся не столько храбрым воином, сколько мудрым, искусным и хитрым, «Вещим». Он же первым стал объединять племена. Под его знаменем племена впервые познают мощь своего единства и соединенными силами участвуют в походе.

Игорь (912—945) предпринял два похода в Византию, не имевшие по своим последствиям никакого значения.

Походы Святослава. Сын Игоря Святослав первые десять лет своего княжения в Киеве ведет — при тогдашнем уровне развития воинского искусства и связи — победоносные войны с народами на Дону, Кубани и Каспии! Летопись за 964 г. гласит: «Когда князь вырос и возмужал, он начал вокруг себя собирать много храбрых воев, ибо и сам был храбр и быстр, как пардус (леопард), и потому много воевал. Котлов за собою не возил, мясо в походе не варил, но, тонко изрезав конину или зверину, запекал на углях и ел. Шатров у него не было, ложась спать, клал под себя потник, положив седло под голову. Таковы были и вои его».

В 967 г. греческий император Никифор Фока, в ожидании войны с болгарами вследствие отказа платить им дань,

отправил патриция Калокира в Киев к Святославу (с 26 пудами золота в дар) склонить его на набеги на Болгарию. Отважный Святослав охотно согласился, убежденный ловким Калокиром, мечтавшим с помощью храбрых русов занять шаткий престол.

На клич в поход, обещавший много добычи, золота и плененных девиц, охотно стекалась молодежь под стяги Святослава. Посадив на ладьи около 10 тысяч человек, Святослав в 967 г. двинулся в Болгарию Черным морем и Дунаем. Болгары численностью в 30 тысяч пытались сопротивляться, но русы, сомкнув щиты и обнажив мечи, нанесли им поражение. Болгары отступили к Доростолу, но были и там побеждены.

Вскоре вся страна, а также Македония и Фракия до Филиппополя подпали под власть Святослава. Тогда Фока, поняв, какого опасного союзника он пригласил, и узнав о замыслах Калокира, стал готовиться к войне: принял меры по обороне Царьграда, загородил цепью вход в Золотой Рог и отправил посольство к болгарам под видом переговоров о брачном союзе между лицами царственных домов, но на самом деле — с целью спровоцировать возмущение болгар. Печенег, вероятно, подкупленные Никифором, напали на Киев. Это заставило Святослава поспешить домой. Здесь, усилив свою дружину войми, он прогнал печенегов. Но когда его стали упрашивать остаться в Киеве, он отвечал: «Не люблю мне жить в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае (вероятно, нынешний Рушук); там — среда земли моей, туда сходится все хорошее: от греков — паволоки, золото, вино и различные овощи, из Чехии — серебро, из Угрии — кони, из Руси — шкура (меха) и воск». Вскоре после смерти матери своей, св. Ольги, Святослав опять отправился в Болгарию, и снова началась борьба, придававшая героический образ князю и заставившая потомство забыть весь вред его болгарских походов.

Святослав предпринимает набеги к югу от Балкан и в 970 г., овладев Филиппополем, подступает к Адрианополю.

Между тем Никифор был убит знаменитым полководцем Иоанном Цимисхием, который, вступив на престол,

старался переговорами склонить Святослава возвратить завоеванные области, иначе грозил войной. На это Святослав отвечал: «Да не трудится император путешествовать в нашу землю: мы скоро поставим шатры свои перед византийскими воротами, обнесем город крепким валом и, если он решится выступить на подвиг, мы храбро его встретим». При этом Святослав советовал Цимисхию удалиться в Малую Азию.

Война разгорелась, и Святослав понес вскоре поражение под Адрианополем, причем, имея громадные потери, отступил к Дунаю.

Войска греков из Адрианополя пришлось отозвать в Малую Азию и направить против восставшего Варды Фоки, брата убитого Никифора. Положение Цимисхия стало крайне затруднительным, и надо было предпринять решительные действия для обуздания завоевательских нападков русов. Но для этого требовались значительные приготовления, окончить которые нельзя было ранее весны следующего года; да к тому же в наступившее зимнее время переход через Гемский хребет (Балканы) считался невозможным. Ввиду этого Цимисхий снова завел переговоры со Святославом, послал ему дорогие подарки, обещая прислать дары и весной, и, по всем вероятностям, дело закончилось заключением предварительного договора о мире. Этим и объясняется, что Святослав не занял горные проходы (клисуры) через Балканы.

Весной 971 г. Цимисхий, пользуясь распыленностью войска Святослава по всей Болгарии и его уверенностью в мире, неожиданно выслал из Суды флот из 300 судов с приказанием войти в Дунай, а сам с войсками двинулся к Адрианополю. Здесь император был обрадован известием, что горные проходы не заняты русами, вследствие чего Цимисхий с 2 тысячами конных латников во главе, имея сзади 15 тысяч пехоты и 13 тысяч конницы, а всего 30 тысяч, беспрепятственно прошел страшные клисуры и 12 апреля совершенно неожиданно для русов подошел к Преславе, занятой воеводой Святослава Сфенкелом. На другой день Цимисхий, построив густые фаланги, двинулся к

городу, перед которым его ожидали на открытом месте русы. Завязался упорный бой, но русы, не имея конницы, не могли устоять против греческих всадников, и, когда те охватили их левое крыло, они вынуждены были отступить в город.

14 апреля прибыли к Цимисхию остальные войска с камнеметными и стенобитными машинами. Торопясь взять Преславу до прибытия на выручку Святослава, греки, без труда разбив деревянные стены, пошли на приступ и после отчаянного боя овладели городом. Сфенкел отступил за стены царского дворца, откуда продолжал обороняться, пока Цимисхий не приказал зажечь дворец. Выгнанные пламенем из дворца, русы отчаянно отбивались и почти все были истреблены, только самому Сфенкелу с несколькими воинами удалось пробиться к Святославу в Доростол.

В Преславе греками был взят в плен болгарский царь Борис, которого Цимисхий отпустил на свободу, даже заключив с ним союз.

В это время усилия Святослава стянуть войска к Доростолу не могли увенчаться успехом, если принять во внимание, с одной стороны, неожиданность для него развязывания войны, а с другой — быстроту действий Цимисхия: уже через 10 дней Святослав был настигнут греками под Доростолом. Этим и объясняется, почему Святослав, всегда первым нападавший на врага, даже не выступил навстречу Цимисхию. Это было теперь даже благоразумно, так как с наличными силами и без конницы он легко мог быть окружен и отрезан от Доростола превосходной многочисленной греческой конницей. Между тем в Доростоле находились все его ладьи, а Дунай был для него единственным путем отступления.

23 апреля произошел передовой бой у Доростола, а 24-го Цимисхий был атакован за стенами города.

25 апреля Цимисхий попытался, но неудачно, овладеть городом приступом. Вечером же русы снова предприняли масштабную вылазку, причем, по летописным источникам византийцев, они в первый раз попробовали дей-

ствовать в конном строю, но, имея дурных коней, набранных в крепости и не привыкших к бою, были опрокинуты греческой конницей. В тот же день подошел греческий флот и расположился на Дунае против города, вследствие чего русы были окончательно обложены и не смели более выходить на своих ладьях, боясь греческого огня. Для безопасности Святослав приказал вытащить лодки из воды и поставить их на берегу.

26-го числа русы опять сделали вылазку, но уже всеми силами. С длинными, в человеческий рост, щитами, покрытые кольчугой и броней, русы, выйдя в сумерки из крепости и соблюдая полную тишину, подошли к стану противника и неожиданно напали на греков. Бой длился с переменным успехом до полудня следующего дня, но после того, как был убит Сфенкел, доблестный защитник Преславы, русы отступили.

В ночь с 27 на 28 апреля Святослав, ожидая в свою очередь нападения, приказал вырыть глубокий ров вокруг городских стен и решил обороняться до последнего. Цимисхий сначала ограничился лишь осадой, надеясь голодом заставить Святослава сдаться, но в скором времени русами, предпринимавшими постоянные вылазки, все дороги и тропинки были перекопаны рвами и заняты, а на Дунае флот усилил свою бдительность. Вся греческая конница была выслана для наблюдения за дорогами, ведущими с запада и с востока в крепость.

Положение осажденных стало весьма затруднительным. К 28 июня прошло уже 65 дней осады, сопровождавшейся почти ежедневными боями. В городе находилось множество раненых и наступал жестокий голод. Между тем стенобитные машины греков продолжали разрушать стены города, а камнеметные орудия причиняли большие людские потери.

С 29 июня последовал трехнедельный перерыв в военных действиях.

Положение Святослава становилось, однако, безвыходным. На помощь извне невозможно было рассчитывать, а все выходы были заперты. Войско Святослава из-за голо-

да быстро таяло, у Цимисхия же не было ни в чем недостатка. При таких обстоятельствах Святослав созвал 21 июля на совет свою дружину; но это было им сделано не столько для того, чтобы узнать общественное мнение, сколько с целью воодушевить воинов на предстоящий и уже решенный им последний бой: прием, с успехом использованный позднее Александром Невским, Дмитрием Донским, Петром I, Суворовым — короче, всеми крупными и с сильной волей вождями.

Одни советовали выждать темной ночи, спустить в Дунай бывшие на берегу лодки и, соблюдая по возможности тишину, отплыть незаметно вниз по Дунаю. Другие предлагали просить у греков замирения. Но не так думал Святослав. Тут-то и были произнесены им те обессмертившие его слова, которые с гордостью вспоминали русские воины во всех случаях, где приходилось делать выбор между доблестью и смертью. Святослав сказал: «Выбирать нам не из чего. Волей или неволей мы должны драться. Не посрамям же земли русской, но ляжем костью — мертвые бо срама не имеют. Станем крепко. Я пойду впереди вас, и если глава моя ляжет, то поступите, как заблагорассудите (то промыслите собою)»¹.

Наэлектризованные этой геройской речью, вожди решили победить — или умереть со славой...

Святослав вывел в поле всех способных владеть оружием и приказал запереть городские ворота, чтобы никто не мог вернуться в крепость². Цимисхий также вывел свои войска из укреплений и построил к бою, а потом двинулся против русских, стоявших под стенами крепости.

Начался жестокий бой. Обе стороны дрались отчаянно, и хотя Святослав был ранен и сшиблен с лошади, но победа стала явно склоняться в нашу сторону. Однако Цимисхий умело отвел Святослава от крепости и охва-

¹ Так об этом пишут историки Н. М. Карамзин, Н. С. Арцыбашев и В. Г. Чертков.

² Позднее Дм. Донской перешел за Дон, князя на Калке — за нее.

тил его с обеих сторон конницей: обычная судьба всех, не умеющих оценить по достоинству врага.

Но здесь русских поразила еще и другая неожиданность... Внезапно налетевшая гроза с вихрем, неся тучи пыли, ослепила войска Святослава. Воины дрогнули, начали отступать и, пробиваясь сквозь греческую конницу, успели, хотя и с большими потерями, проложить себе путь к крепости и укрыться в ней. Потери Святослава в этом последнем бою были очень велики: по летописям византийцев, они достигали 15 тысяч человек.

Потерпев столь решительное поражение и не имея никакой возможности рассчитывать на успех впоследствии, Святослав вступил в переговоры с Цимисхием и получил право возвратиться Дунаем в Россию, а войска его (их оказалось будто бы 22 тысячи) греки даже снабдили довольствием. Святослав двинулся Дунаем и затем морем в Днепр. Но здесь, у порогов, печенегии преградили ему путь.

При попытке пробиться с еще более слабой, чем прежде, дружиной весной 972 г. Святослав был убит, и только воеводе Свенельду с малым числом воинов удалось вернуться в Киев.

По свидетельству византийских писателей, русы сражались храбро и отчаянно и давно уже пользовались славой победителей надо всеми соседними народами. Происходившие в ту войну сражения, из которых некоторые (например, бой 26 и 27 апреля) длились около суток, выказывают стойкость наших предков в бою — свойство, и до сих пор составляющее отличительную нашу черту. К тому же положение русов было затруднительным еще и по причине полного отсутствия у них конницы, — следовательно, условия борьбы с превосходной тяжелой конницей Цимисхия были крайне невыгодные.

Что касается самого Святослава, воина сурового, смелого и предприимчивого, то его предприятие в Болгарии не может быть признано безрассудным. Во всяком случае, Святослав представляется тут отнюдь не искателем приключений. Как уже указано выше, его поход в Болгарию имел основной целью утвердиться на Дунае, и уже

поэтому нельзя отвергать чрезвычайной важности преследуемой им задачи для утверждения как военного, так и политического и торгового могущества России.

Однако в самих военных действиях Святослава нельзя не видеть недостатка осторожности. Оставить незанятыми проходы в Балканах бесспорно было его крупной ошибкой, хотя, как видно из сказанного выше, есть много оснований предполагать, что она была следствием уверенности Святослава в том, что войны не будет, и последняя оказалась для него неожиданной. Зато трехмесячная оборона Доростола, и притом оборона в высшей степени доблестная, несомненно служит доказательством недюжинных военных способностей Святослава, а главное, сознания своего превосходства над другими, что позволяло ему гордо бросать врагу вызов: «Иду на вы...»

Походы Владимира Святославовича и Ярослава Мудрого. Гибель многочисленной русской рати вместе со Святославом, а еще более — междоусобия его сыновей — сильно потрясли начавшее возрастать могущество Руси. Часть покоренных племен стремилась вернуть себе свободу; соседи спешили воспользоваться удобным случаем пограбить Русь и за ее счет увеличить свои пределы. Надо было вновь покорять вышедшие из повиновения племена и умирять соседей. Это и выполняет Владимир, почти все княжение которого было сопряжено с войнами, и притом удачными. Владимир вел войны не для захвата богатой добычи, а для установления и утверждения русского владычества в Восточной Европе, и с государственных позиций его войны имеют бесспорно большое значение.

Первое время, за убылью своих войск, Владимиру были необходимы наемные дружины варягов, от которых он избавился, когда киевский престол перешел к нему.

При нем Русь принимала широкое участие в делах Византии уже не как враг, а как союзник, военная помощь которого выручает империю из затруднительных обстоятельств, хотя в 988 году и он воевал с греками. Но тогда Владимир не предпринял, подобно своим предшественникам, дальнего и рискованного похода на Царьград, а избрал более близ-

кую цель — греческие колонии на берегу Черного моря, в Крыму. Войска его направились в ладьях к Корсуню и, высадившись в его окрестностях, расположились сначала в расстоянии полета стрелы. Это был восьмой по счету поход русских в Черное море в течение ближайших 122 лет. Получив на требование сдачи города решительный отказ, Владимир приказал приступить к стенам и делать примет. Осадные работы подвигались, однако, весьма медленно — как говорит летописец — потому будто бы, что граждане Корсуни подрыли ход под стеной и уносили в город землю, присыпаемую русскими к стенам. Наконец измена помогла великому князю овладеть городом. Ему было сообщено о возможности лишить город воды. Исполнив этот совет, Владимир действительно вскоре принудил город к сдаче.

Осада и взятие Корсуня, в военном отношении не имеющие существенного значения, не лишены его по своим последствиям.

Как известно, Владимир по взятии Корсуня принял в 988 г. крещение и женился на Анне, сестре императоров византийских Василия II и Константина Багрянородных. Это привело к тому, что наши войска появились в рядах византийцев.

С принятием христианства и крещением Руси, т. е. во второй половине княжения Владимира, прекратились войны с западными державами, но далеко не прекратилась его военная деятельность. Ему пришлось до последних своих дней вести упорную и трудную борьбу с печенегами, набеги которых не давали покоя всему югу России. Владимир предпринял против них целый ряд походов, а для преграждения им доступов в Россию он устроил ряд новых укрепленных городов по рекам: Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне, а также поправил и укрепил старые. Для ограждения Киева Владимир, между прочим, окружил его рядом укреплений, как бы крепостцами. В новые города Владимир посадил правителями лучших мужей из славян — из новгородцев, кривичей и вятичей. В целях наблюдения за кочевниками и своевременного извещения об их набегах были насыпаны бесчисленные курганы, которые и теперь

еще часто встречаются в наших южных степях. Новые пограничные городки и сторожевые курганы были связаны между собой валом и частоколом. Таким образом, впервые образуется укрепленная черта, защищавшая, хотя далеко и не в достаточной мере, пределы Руси от набегов.

Княжение Ярослава Мудрого сопряжено с ведением постоянных войн его с братьями, для чего он нанимает на службу варягов.

Княжение Владимира и в особенности Ярослава Мудрого по многим причинам представляет наиболее много данных для изучения военного дела в Древней Руси. Именно в это время Русь становится государством, достигшим наибольших могущества, силы и международного значения за всю домонгольскую ее историю. Целым рядом удачных войн эти два славных князя достигают объединения Руси в столь обширных пределах. Сильная внутри, Русь пользуется соответствующим международным значением. Ее соседи наперебой стараются заручиться союзами с нею. Ярослав был женат на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа, сестра его Мария была замужем за королем польским Казимиром, а сестра последнего — за сыном Ярослава, Изяславом. Дочь Ярослава Елизавета была замужем за норвежским королем Гаральдом Смелым (Гардрагом), другая дочь, Анна, за французским королем Генрихом I и, наконец, третья, Анастасия, за венгерским королем Андреем I. Сын же Ярослава, Всеволод, был женат на дочери византийского императора Константина Мономаха... Какая мощь, и что бы было, если бы не татарское иго и приведшие к нему собственные грехи...

Вторая половина XI в. — первая половина XIII в.

Влияние очередного порядка престолонаследия на вооруженные силы Руси ♦ Вожди того времени ♦ Походы Александра Невского

С середины XI в., после княжения Ярослава Мудрого, на Руси установился новый порядок княжеского владения русской землей, названный профессором В. О. Ключев-

ским очередным: с переменой в составе княжеской семьи шло передвижение оставшихся князей из одной волости в другую, с младшего стола на старший.

Старшим считался стол Киевский. Его и должен был занимать старший во всем роде, с присвоением звания великого князя. Он распределял владения между младшими, разбирали их споры и судил их, заботился о семьях и был главой всей русской земли, а вся русская земля, в совокупности, принадлежала всему княжескому роду и, таким образом, не делилась на части, сохраняясь цельной в смысле народности. Отсюда и при новом порядке наша вооруженная сила осталась народной.

Но очередной порядок оказал все же сильное влияние на устройство вооруженной силы. Он делал подвижными и князей, и княжескую дружину, которая, следуя за князем в другую волость и покидая прежнюю, или покидая князя и оставаясь в прежней волости, никому при этом не изменяла. С другой стороны, однако, старшие дружинники, бояре, не могли занимать высших правительственных должностей долгое время в одних и тех же волостях, и через это они не приобретали себе здесь прочного влияния на дела.

В общем, очередной порядок не изменил отношений между князем и дружинниками, но дал дружинникам право менять князей.

Со временем очередной порядок вызвал споры между князьями о старшинстве. Явилось стремление приобрести его силой и разместиться по волостям не по очереди, а по праву наследства.

На почве же раздачи дружинникам земли в поместья¹, за обязательство не переходить к другим князьям, возникает порядок поместный. Первым последствием этого было то, что дружинники, сев на землю, неохотно уже от нее отрываются: начались, естественно, утеря ими боевых качеств и сокращение военного сословия. Второе последствие — упадок значения князя. Третье — подня-

¹ Ср. с «бенефициями» на Западе.

лось значение городов, с вечем во главе. Князья должны были считаться с этой силой, вполне окрепшей в конце XI в., входить с ней в сделки и заключать даже договоры, «ряды».

В итоге Русь разбилась на ряд «демократических республик», в большинстве из них с князем — только ставленником — во главе. А такой строй не мог не привести к полному крушению у нас государственности, что и доказало вскоре татарское иго.

Наемников с этого времени в ратях князей встречается все более. Они у нас были главным образом из печенегов, половцев, торков, берендеев и тюрок, кочевавших в низовьях Днепра и Дона, а также частью из венгров и поляков.

Из родов войск растет значение конницы, особенно благодаря уроку, вынесенному Святославом из похода в Болгарию. К середине XIII в. она составляет уже значительную часть вооруженных сил.

Отсюда вооружение, способы ведения боя, естественно, видоизменяются в сторону пригодности их для конницы. Сочетание же ее с пехотой создало способность к наступательному образу действий и проявлению крайнего упорства в обороне. Но увеличение числа наемников, ослабление княжеской власти и внутренние распри и неурядицы все же заметно ведут к понижению порядка и боеспособности войск.

Наиболее даровитыми вождями того времени были Владимир Мономах, внук Ярослава Мудрого, Изяслав Мстиславович, внук Владимира Мономаха, Святослав Киевский и Мстислав Удалой. Они ясно понимают выгоды действий сосредоточенными силами (особенно Владимир Мономах). Они же, как и их предки, сознают, что решительных успехов можно добиться только наступлением на врага в его пределах, и правилом их, усвоенным по наследству, осталось: «Изыскать недруга в его земле».

Скрытность и быстрота — залогов внезапности, — хитрость и демонстративные отводы войск тоже были их любимыми приемами.

Ночные передвижения и действия, преследования разбитого врага, благоразумная осторожность, медлительность и хитрость в обстоятельствах неблагоприятных — и решительность в условиях благоприятных (Юрий Долгорукий и Изяслав Мстиславович, последний особенно был решителен и смел), наконец, умелое пользование поддержкой народных масс (Владимир Мономах) — вот те особенности, благодаря которым наше ратное дело оставалось самобытным перед нашествием татар. Но неправильное внутреннее устройство государства, рознь и взаимное недоверие мешали проявляться этим качествам во всей полноте, и когда на раздробленную и разъедаемую смутой Русь надвинулись орды татар, учеников бесспорно великого полководца Чингисхана, мы пали в неравной борьбе и только ценой двух с половиной столетий рабства и покорности судьбе искупили потом свой грех розни и раздоров, проложив дорогу к созданию великого и мощного царства Московского, впоследствии империи Великого Петра.

Гроза татарского нашествия впервые прогремела в 1224 г., в несчастной для нас битве при Калке.

Получив сведения от половцев о приближавшемся нашествии татар, князь Галицкий Мстислав Удалой созвал в Киеве совет, на котором, как и всегда, решено было не выжидать нападения татар, а самим двинуться навстречу. На этом совете не было князя Юрия Владимировича, которому, однако, после выступления в поход был послано предложение присоединиться. После 17 дней похода русские войска сосредоточились (но войска князя Юрия Владимировича опоздали) на правом берегу Нижнего Днепра, близ Олешья, где присоединились и половцы. Здесь они одержали победу над передовыми монгольскими частями. Увлечшись, князя — снова без войск Юрия Владимировича, — еще через девять дней перехода прибыли к реке Калке (ныне река Калец в Екатеринославской губ.), где 31 мая 1224 г. и произошло кровопролитное сражение, окончившееся полным нашим поражением.

Причины — решение Мстислава Галицкого перейти р. Калку ввиду гораздо более многочисленного врага и

разногласие между князьями Галицким и Киевским, причем последний не захотел переправиться через реку, ибо, по его мнению — что и было вполне правильно, — татары имели возможность разбить нас по частям.

В общем, как видно, уровень военного искусства значительно понизился со времен походов Олега и Святослава, и общественная жизнь давала мало оснований для его дальнейшего подъема.

Однако какой яркой звездой светят нам подвиги великого нашего вождя и государя того времени, святого равноапостольного князя Александра Невского. Александр Невский принял тяжелое бремя правления в особенно скорбное для Руси время. Разрозненная во внутренней жизни, она, как было сказано, подчинилась татарскому игу, и это ослабление еще недавно могучей Руси тотчас же вызвало напор присмиривших было исконных врагов — шведов, ливонских рыцарей и литовцев.

Шведы издавна входили в Неву, Ладожское озеро и Волхов, не давая покоя Новгороду и Пскову. Рыцари поселялись еще с древнейших пор в землях Новгородской и Псковской и, понемногу завоевывая русские земли, даже нападали на сами Новгород и Псков. Успех врагов уничтожил бы нас окончательно: с востока татары, с запада шведы, Ливонь и Литва...

Заслуга отстоять простор для свободного развития Родины, обеспечить тыл с Запада для будущего низложения татарского ига, начать нравственную подготовку к такому низложению и выпала на долю великого князя Александра Невского, «Солнца земли русской». Задачи эти решены были им одинаково великими политикой и стратегией. Политически князь, не предвидя пока успеха открытой борьбы с татарами, не остановился перед унижениями, лишь бы отвести ханский гнев, что и удалось ему дважды (поездки в орду, в глубину Азии). Вообще с татарами Александр Невский предпочел демонстрировать покорство и кротость — путь всех московских «собира-телей Руси», от Иоанна Калиты до Иоанна Доброго включительно, пока Дмитрий Донской не вынул наконец меч

из ножен для нанесения жестокого удара на Куликовом поле...

На Западе, совсем наоборот, Александр Невский действовал мечом, и действовал так, что, по словам Н. И. Костомарова, «немцы навсегда оставили мысль поработить северные русские земли и подвергнуть их участи земель прибалтийских славян<...>. Сами Папы, вместо грозных булл, возбуждавших крестовые походы на русских наравне с язычниками, избрали другой путь для подчинения себе Руси — путь переговоров, — столь же бесплодный, как и воинственные буллы...» Из этих слов историка также видно, какой страшной была эта опасность с Запада, и я думаю даже, что, отстояв нас от воинствующего католицизма в XIII в., Александр Невский преднаметил и наши границы здесь, и наше свободное развитие.

На счастье, на Новгород со Псковом как передовые оплоты наши враги шли не дружно, а порознь, тогда как между буйным Новгородом и князем устанавливалась в самое нужное время должная связь.

Первыми в 1240 г. под начальством Биргера, зятя самого короля, пошли шведы, с папской буллой в руках. Провозгласив новгородцев союзниками язычников и врагами Христа, Биргер писал гордо: «Если можешь, сопротивляйся. Знай, что я уже здесь и пленю твою землю».

Но князь знал, что нужно было сделать. По отмеченному уже выше историческому нашему обычаю, он сам смело и быстро пошел вперед, дабы «искать недруга» и бить его, но не ждать его и не искать от него решения... При этом Александр шел, даже не ожидая союзных князей. Он присоединил к себе лишь жителей г. Ладоги, который был на его пути (вдоль Волхова): исконное наше сосредоточение сил с движением вперед, какое мы увидим и позже. По исконному же обычаю, перед походом было, для подъема духа, испрошено благословение духовенства.

Между тем шведы вошли через Неву в устья Ижоры и вышли на берег, дабы затем, овладев Ладогой, устремиться на Новгород. Сведения эти дала новгородская сторожа, как всегда, стоявшая в устьях Невы.

Здесь, несомненно, разгадка решимости и быстроты движения Александра: он спешил предупредить выступление шведов у Ладоги и идти дальше за Ижору. И вот в тумане, в 11 часов утра 15 июля, «как Божья гроза», налетел он на шведский стан. Лично положил он Биргеру «печатать копьём на лице», и шведам оставалось одно: спасаться бегством ночью на своих кораблях. Подвиг был столь славен, что с ним связано предание о помощи нам от святых Бориса и Глеба.

Шведы отхлынули. Новгород поднял голову — и посорился с Александром, хотя и почитал иметь его «в челе своих дружин». Князь ушел в Переяславль. Но в это время двинулись немцы. Они завладели Псковом и, страшно опустошая Водьскую пятину, показались у самого «Великого Новгорода». Мятежные новгородцы вспомнили избавителя от шведов: архиепископ умолил его вернуться. Князь быстро очистил окрестности Новгорода от немцев, освободил Псков. Озлобленные немцы собрали свой крестовый поход, хвалясь взять Александра живым. Но Бог судил иначе. Александр, «исполчившись» с новгородцами, псковичами и некоторыми другими, и здесь смело и властно пошел навстречу врагу. Разведчики (сторожи) узнали о его местопребывании на Чудском озере и сообщили, что лед еще крепок. В субботу, 5 апреля 1242 г., на восходе солнца, Александр увидел на льду немецкое полчище, сверкающее копьями, шлемами и панцирями. «Боже, суди мой спор с этим высокомерным народом», — воскликнул Александр и бросился в сечу. Немцы построили клин, или свинью. Они прорвали наш строй в передовых частях, но мы уже и прежде знали «неприятельские обращения»: ответив пятком, или клещами, мы впустили рыцарей к себе внутрь и окружили их с тылу. От «Ледового побоища» уцелело немного немцев, и они более уже не отваживались вступать в борьбу с Александром.

В 1245 г. зашевелился третий наш западный враг, Литва, овладевшая Торопцом. Александр устремился на литовцев, изгнал их из Торопца и, быстро и решительно действуя, нанес им еще ряд поражений...

никем же», — удел, завидный для кого бы то ни было из великих полководцев и свойственный нашим бывшим вождям чаще, нежели иностранным...

С середины XIII в. до второй половины XIV в.

Суздальское княжество ♦ Влияние татар и новых бытовых условий на устройство вооруженной силы ♦ Значение конницы и пехоты

Крайности очередного порядка княжеского владения постепенно сделали население Руси бесправным и разоренным и заставили его тем более искать выхода из тяжелого положения, что кочевавшие в соседних восточных степях варварские племена, постепенно сменявшие друг друга, непрерывно нападали на Русь, разоряли ее, жгли, грабили и уводили пленных. Этот выход население увидело в переселении туда, где подобных условий не было, и в XII в. стало уже заметным запустение Киевской Руси, особенно Приднепровья.

Отток населения отсюда шел и на запад, за Западный Буг, в глубь Галиции и Польши, и в противоположную сторону, на северо-восток, за р. Угру, между Окой и Верхней Волгой. Вот здесь-то и образовалось сильное Суздальско-Владимирское княжество (преобразованное впоследствии в Московское царство, а позже в Российскую империю), в то время как запустение Днепровской Руси окончательно завершилось татарским нашествием 1239—1240 гг.

С другой стороны, природа края породила в хозяйственном быту великороссов личную самостоятельность, привычку полагаться только на самих себя, сметку, сообразительность, умение применяться к обстоятельствам, изворотливость при затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями, неприязнительность, выносливость и наблюдательность... В итоге новое племя давало и новые превосходные основы для развития прочной и боеспособной вооруженной силы...

Одновременно в новом краю по-новому сложилось и государственное устройство. В середине XII века суздаль-

ским князем сделался один из младших сыновей Владимира Мономаха, Андрей Боголюбский. Будучи истинным великороссом, родившимся и выросшим на Севере, он не любил Киев и вообще юг. Сделавшись затем великим князем, Андрей остался в Суздале.

Благодаря самовластному и решительному нраву Андрей устанавливает обязательное подчинение младших князей старшему, придав княжескому старшинству значение верховной власти; желая быть независимым в управлении, Андрей остается жить в «пригороде», во Владимире, отстранив больших отцовых бояр и окружив себя людьми «младшей дружины», отроками.

В итоге в Суздальской Руси уже с конца XII в. стал разрушаться очередной порядок княжеского владения. Вместе с тем начавшиеся в ней усобицы потекли на иных началах, чем в Южной Руси, и здесь мы видим борьбу дядей с племянниками и двух слоев населения — высшего и низшего — между собой.

Княжение Всеволода III во многом было продолжением внешней и внутренней политики Андрея Боголюбского. Благодаря этому Суздальская земля, в начале XII в. захолустный северо-восточный угол, к XIII в. уже является княжеством, господствующим над остальной Русью, и власть заметно передвигается со Среднего Днепра на Клязьму.

Рядом со старшей, Владимирской, областью образовалось несколько младших волостей, которыми владели младшие Всеволодовичи на правах собственности и личного достояния, передававшегося по наследству от отца к сыну. Такие княжеские владения стали называться сначала вотчинами, а потом — уделами, в смысле отдельного владения, постоянного и наследственного. Отсюда и новый порядок княжеского владения, в отличие от очередного, назывался удельным.

Почва для создания вооруженной силы — собственное великорусское население — была прекрасного качества, и раз только судьбе угодно было повернуть грядущее Великороссии в лучшую сторону — тотчас же ска-

зались и эти качества, и мы быстро и твердо пошли в военном деле вперед.

Поворот к лучшему начался с середины XIV в. — отчасти под влиянием татарского ига и высокого военного искусства у татар. Влияние это начало проявляться с самых первых стычек с татарами, т. е. примерно с 1224 г., и особенно сильно сказалось после покорения ими Руси.

Резче всего это влияние отразилось на соотношении наших родов войск и их вооружении и боевых приемах. Конница сделалась главным и многочисленным родом наших войск. Но и пехота, уступая коннице в численности и качестве, так как состояла из не вполне хорошо устроенных и вооруженных дружин горожан и поселян, все же не утратила окончательно своего значения: конница у нас не получила того исключительного значения, как на Западе.

Вооружение мало-помалу стало почти совершенно монгольским, хотя на него оказывали влияние и заимствования у шведов, ливонских рыцарей, поляков и венгров. Метательное оружие составляли луки для полевых условий и самострелы для действий под крепостями. Рукопашное оружие стало многочисленнее и разнообразнее.

Бой теперь ведется большей частью на коне и начинается стрельбой из луков из разомкнутого или рассыпного строя. Войска то наступают, то отступают, стараясь расстроить противника. Затем действуют рукопашным оружием в сомкнутом, глубоком строю. Удар наносят, используя превосходство в силах, различные хитрости, скрытность и быстроту.

Охранение войск и добывание сведений о противнике начинают вновь упорядочиваться. Появляется также стремление к улучшению боевых построений. Наконец, необходимо отметить большое развитие полевых укреплений и возведение искусственных препятствий, а также то, что в действиях под крепостями начинают пользоваться стенобитными машинами.

Дух войск стоял обыкновенно высоко.

В итоге образовался отличный источник, из которого при известных условиях можно было создать прекрасное войско. Но общее положение страны пока еще мешало проявлению этих благоприятных условий.

Вторая половина XIV в. — середина XV в.

**Собрание Руси вокруг Москвы ♦ Преобразование в вооруженных силах ♦ Появление огнестрельного оружия ♦ Организация и тактика войск ♦ Возрождение наших ратных сил и высокий подъем русского военного искусства. Куликовская битва ♦ Ее значение
♦ Правление Иоанна III и Василия III**

Однако удельный порядок сам же подготовил и почву для новых успехов.

В 1147 г. на границе между Суздальским и Чернигово-Северским краем возникает село Москва, которое в 1156 г. делается городом, окруженным деревянными стенами. Как городок новый и расположенный где-то на окраине, до середины XIII в. Москва не имеет постоянного княжения. Лишь по смерти Александра Невского, в 1263 г., Москва становится стольным городом особого княжества, и малолетний сын Александра, Даниил, является родоначальником московского княжеского рода: сразу стол Московский попадает в достойные руки наследников Александра Невского!..

Как и все удельные князья, князья московские, начиная с их родоначальника, стремятся к увеличению и расширению удела. Округлив же свои владения, они в начале XIV в. начинают усиленно заниматься устройством внутренних дел. Северная Русь смотрит на них как на образцовых хозяев, на Московское княжество — как на самый благоустроенный удел.

Счастливое положение Москвы в узле дорог и на реке еще более способствовало ее процветанию. Мало-помалу у московских князей накопились большие средства. В связи с этим росло и их общее значение.

К середине XV в. Московское княжество благодаря богатству своих князей уже превосходило любое из вели-

ких княжеств на Руси, а за исполнение приказа хана — наказать тверского князя и его войска за восстание — князь Калита в 1328 г. получил великокняжеский стол, который с тех пор и оставался в руках московского князя. Ближайшим следствием получения московским князем великокняжеского стола была приостановка татарских нашествий. Это повлекло за собой всеобщую любовь населения северо-восточной Руси к московским князьям.

Вторым следствием явилось объединение Руси с образованием союза князей, во главе которого стал князь Калита. Одновременно московский князь, получив великокняжеский стол, получил и право собирать с Руси дань ханам, а в 1353 г. второй сын Калиты, Иван, получил от хана и судебную власть над всеми князьями Северной Руси.

Все изложенные мероприятия освящены были обращением Москвы в духовную столицу Руси (в 1326 г. митрополит Петр поселился в Москве), и это еще больше усилило тяготение всех частей земли русской к Москве.

В итоге, подчинив себе Русь, князья московские обратили Московское княжество в цельное, прочное Русское государство, а московского великого князя, только старшего по званию из числа удельных, — в единственного, т. е. единодержавного, русского государя.

Благодарное потомство свято чтит подвиги князей московских и дало им название «собиратели Руси».

По мере усиления Московского княжества дружины удельных князей сливаются с дружиной Великокняжеской, и скоро остается, в сущности, одна эта последняя дружина. Установление единства в дружинах дает возможность великому князю сосредоточить под своим начальством значительное войско.

Кроме того, в состав вооруженных сил Руси входили городовые полки, которые в каждом уделе составлялись из горожан, или, как их тогда называли, «жилцов», а также «городовые казаки», т. е. вольные люди, которые за деньги служили князьям по городам. С XIV в. на восточных и южных окраинах Руси появляется особый род вой-

ска — пограничное земское ополчение¹, так называемая засечная стража. Ее обязанность — охранение и оборона пограничных засек, прикрывающих границу.

Сельские ополчения, т. е. земледельцы, созывались лишь в самых исключительных случаях по одному человеку с определенного земельного надела (сохи). Отсюда название — «посошные люди».

Наемные дружины по-прежнему состояли из литовцев, поляков и иногда монголов, но появление их — уже более редкое — верный признак возрождения нашего национального достоинства.

Главным и бесспорно лучшим родом войск, под продолжавшимся влиянием татар, окончательно сделалась конница. Ее составляли чины и лица княжеских дворов, дворяне и дети боярские, т. е. те, чьи средства и возможности позволяли иметь коней.

Но у нас существует и пехота, которая хотя и образовалась из воинов, по бедности не имевших возможности завести и содержать коней, но все же она постоянно входила в состав полевых войск, и, например, Дмитрий Донской даже сожалел о том, что в 1380 г. в Куликовской битве у него было мало пехоты. Между тем в Западной Европе в это время пехоте не придавали никакого значения, и она была там в полном пренебрежении.

К прежнему оружию и снаряжению в 1389 г., в последний год княжения Дмитрия Донского, прибавились первые образцы огнестрельного оружия, приобретенные через посредство Новгорода и Пскова, торговавших с ганзейскими городами, а быть может, позаимствованные от шведов, датчан, ливонских рыцарей и литовцев.

При Василии I в Москве начали изготавливать порох, который носил название «зелия», а каменные стены Москвы были защищены «арматами» (огнестрельные орудия). Огнестрельные орудия были сначала очень длинными и тяжелыми, и совокупность их называлась нарядом или снарядом, что соответствовало западноевропейскому на-

¹ По одному человеку от 20 дворов.

званию «артиллерия». Имелись они сначала только в больших городах.

Каждые два-три года производили перепись служилых людей, детей боярских по областям, чтобы определить их число и сколько каждый из них мог выставить служителей и лошадей.

Войска делились на конные и пешие дружины или полки. Полки городовые назывались по городам: Киевский, Новгородский и т. д. Полки княжеские носили имена князей, например: полк Изяслава, полк Юрия. Слово «полк» означало только боевое подразделение рати. Городовые полки по-прежнему называются тысячами. Полки делились на сотни и десятки.

Во главе рати и полков стояли или князья, или ратные воеводы из именитых бояр. Из их же среды выбирались вообще все старшие войсковые начальники. Помощниками воевод были бояре путные, которые ведали передвижениями рати или полка, а также и самого князя. Позднее бояре путные заменяются окольниковыми, которые несут службу при князьях в их походах. Если же во главе рати или полка стоял боярин, то его ближайшим сотрудником и помощником являлся всегда окольниковый. Таким образом, путные дворяне, а потом окольниковые являются прообразом государевой свиты и старших офицеров генерального штаба.

Когда потребовалось вести переписку, окольниковые заменяются писцами, позднее — дьяками.

Во главе городовых полков стояли тысяцкие. Ратные воеводы назначались лишь на один определенный поход. Тысяцкие сначала несли службу и в мирное время, но это было невыгодно великим князьям. Почувствовав себя достаточно сильными, они избавились от тысяцких (Дмитрий Донской) и этим стали ближе к войскам.

Единоначалие окончательно установилось лишь с усилением московского князя: он и являлся главным начальником. Иногда же, по соглашению союзных князей, назначался общий воевода для посылаемых на войну ратей.

Походное движение русских войск того времени совершалось по одной или нескольким дорогам и отличалось

большим порядком и устройством, нежели прежде, а также более тщательным охранением.

Рать высылала вперед Сторожевой, или Передовой, полк. За ним шли главные силы, по порядку: полк Правой руки, Большой полк и полклевой руки. Сзади Большого полка следовал Тыльный (Засадный, Запасной) полк. Сторожевой полк вперед и в стороны высылал конные сторожи (разведочные части). Обозы — вообще весьма многочисленные — шли при войсках.

Для отдыха войска располагались обыкновенно на открытом воздухе или в шалашах и землянках, защищенных от непогоды войлоками.

Для боя строились: впереди — Передовой полк, за ним посередине — «Чело», на крыльях — полки Правой илевой руки. Наконец, Тыльный, или Засадный, полк служил общей поддержкой и располагался обыкновенно за важнейшей частью, иногда укрыто, если позволял местный ландшафт. В зависимости от обстановки построение могло меняться.

Перед боем князь обращался к войску с воодушевляющей речью, подавал знак к началу боя и обыкновенно первый со своим двором бросался в бой.

Главное значение принадлежало коннице. Действия пехоты были вспомогательными. Она преимущественно оборонялась, укрываясь за окопами, повозками или неровностями местности. В открытом же поле легкая пехота действовала в рассыпном строю, стреляя из луков, а тяжелая сначала производила удар копьями, а затем бралась за мечи, топоры и т. п.

В бою применяли охваты, засады, притворные отступления и прочие хитрости, — как и ранее...

Преследование производилось одним Передовым полком. Главные силы оставались на месте боя, подбирали раненых и пленных, погребали своих убитых и праздновали победу «стоянием на костях», а затем или следовали за Передовым полком, или направлялись в другую сторону.

Для обороны южных и восточных границ Восточной Руси укрепляли пограничные города и выводили «засеч-

ные черты» значительной протяженностью (засеки в лесах шириной от 16 до 30 сажень и земляные валы со рвами впереди, на открытых местах с небольшими сомкнутыми укреплениями — острожками или городками, — огражденными валами с толстым тыном и рвом; между ними для проезда — заставы с «надолбами»).

В XIV в. появляются пограничные станицы, заселенные городскими казаками и даже наемными татарами, в виде особой пограничной стражи, а деревянные ограды городов заменяются каменными стенами (впервые в Москве Дмитрием Донским в 1367 г., с помощью иностранных строителей, главным образом из Италии).

Укрепленный город имел внешнюю ограду — окольный град, или острог, — состоявшую из стены, называемой заборолом, и башен (вежи). Внутри, на высоком месте, помещался детинец, или днешний, т. е. внутренний, город, называемый вышгородом, а со времени возведения каменных стен — Кремлем.

С конца XIV в. стали применять при осаде и обороне городов новые огнестрельные орудия.

Подготовки войск в мирное время не было, но они отличались преданностью князьям, неприхотливостью в быту, выносливостью в походе, трудах и лишениях, мужеством и храбростью в бою, смелостью в открытом поле, упорством в обороне за городскими стенами. Недостаток заблаговременной выучки искупался непрерывным боевым опытом.

Вообще, военное дело в Восточной Руси шло по пути совершенствования, что явилось главным образом следствием единения Руси под эгидой княжеской власти и привело в дальнейшем к освобождению народа и обретению им славы.

И вот эта слава пришла, — пришла мощно, величаво, в бессмертном подвиге великого князя Дмитрия Донского и его сподвижников на Куликовом поле в 1380 г.

Великий князь Дмитрий Иоаннович (1350—1389) занял стол Московский одиннадцати лет от роду. По праву называя себя великим князем, он воплощал в себе надеж-

Дмитрий Донской

ды на возрождение Отечества и, опираясь на заветы предков — Святослава, св. Владимира, св. Ольги, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Александра Невского, Симеона Гордого и др., — как и русские люди, горел желанием стряхнуть татарское иго, видя для того один путь: дальнейшее сплочение Руси, дабы собрать силы для смертного боя с «погаными».

Девятнадцать лет Дмитрий готовится к великой борьбе. Ни на мгновение не оставляет своей мысли. Во имя нее крушит непокорных князей, поднимает дух народа и ратей мелкими успехами над татарами, в 1367 г. подводит под свою «высокую руку» Казань и, наконец, наносит в 1378 г., на р. Воже, самому хану орды первый крупный удар. В итоге почти вся святая Русь идет за великим князем, духовенство за него, в народе и войске воскрешена исконная доблесть, а битва на Воже закрепляет мысль о пользе единства для возможности бить самих татар.

Но и ставший у власти в орде Мамай замыслил в ответ на поражение в битве на Воже тоже немалое дело. Ударом в сердце, на Москву, решил он снова разбить Русь на составные части и тем лишить ее возрождающегося самоуправления. Он собирает, согласно летописям, 300 тысяч человек, где конники-татары усилены своей и лучшей наемной пехотой. Правда, рать неоднородна, дух ее — не прежних непобедимых татар. Но во всяком случае, грозная эта сила в июне 1380 г. двинулась через Волгу к кочевью в устьях реки Воронежа. Отсюда, держась у воды и среди обильных пастбищ, столь нужных конной рати, Мамай планировал броситься на Москву и восточнее (Ногайский шлях, через земли Рязанские) и западнее Дона (шлях Крымский, через устье р. Лопасни, у так называемых «четырёх церквей» и «Сенькиной переправы»)¹.

Короче, расположившись между двумя путями на Москву, Мамай мог внезапно избрать любой из них. Ясно, что значила тогда для Дмитрия разведка.

Но Мамай обеспечил себе и политическую поддержку. Он получил прямое содействие литовского князя Ягайлы

¹Шляхами именовались направления путей татар, по которым они шли к нашим границам через так называемое Дикое поле. Их было четыре основных: Бокаевский (через окрестности Полтавы), Муравский (через окрестности Тулы), Крымский и Ногайский (вдоль Дона). Несколько ветвей дополняли эту сеть. Ее значение сохранилось надолго. Так, битва Витовта с Едигеем в 1408 г. и Полтавская в 1709 г. — на одном и том же месте...

и склонил к союзу князя Рязанского, Олега, соперника Москвы. Соединение всех войск эти трое назначили на 1 сентября у слияния Дона и Непрядвы (Крымский шлях), так как идти сюда было всем почти одинаково — 130—140 верст.

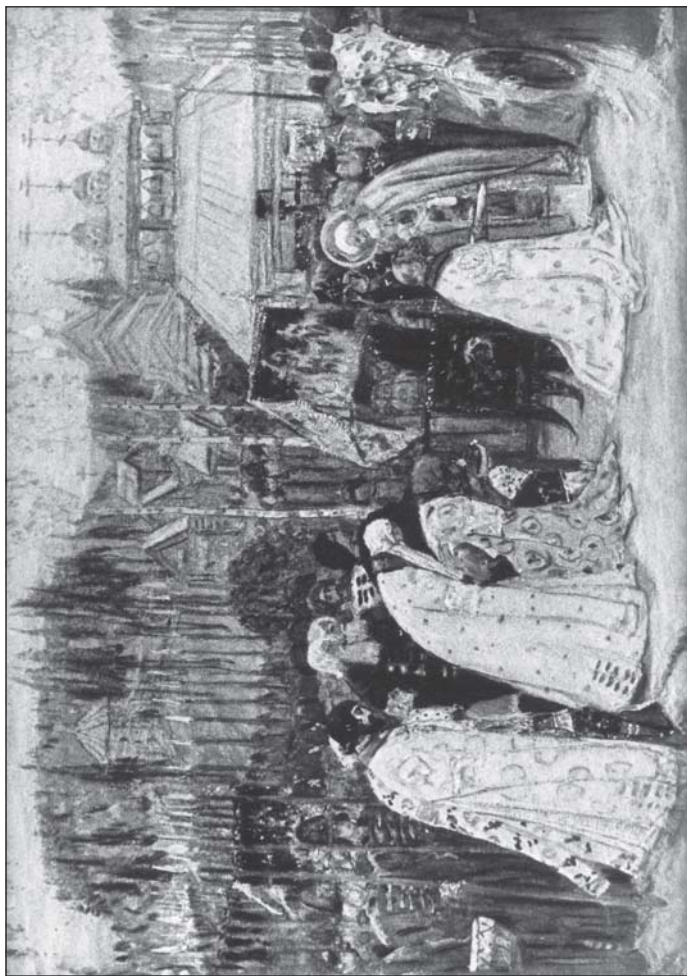
По соединении у Мамаю было бы 380 тысяч человек, да и охватывающее Москву с трех сторон положение могло быть всегда использовано. Однако были у союза и слабые стороны: различие стремлений, разность войск, трудность подчинения их единоначалию, — что и сказало позднее сильно.

Узнав о сборах Мамаю и Ягайлы, но не подозревая пока об измене князя Олега, Дмитрий объявил о сборе ратей дружественным и покорным князьям. Одновременно указано было привести в готовность пограничные крепости (Коломну, Тулу и др.). «Людны, конны и оружны» спешили радостно все «под высокую руку» великого князя. Князь Нижегородский, тесть Дмитрия, хотя и не явился сам, но прислал своих дворян.

Решение великого князя было необычайно простым и ясным: действовать всегда по примеру наших предков — идти навстречу врагам, где бы они ни были, и нанести им уничтожающий удар. Но кого же бить первым?

Для такого вождя, как Дмитрий Донской, было ясно: бить надо опаснейшего врага, Мамаю, и притом решительно и быстро, до соединения его с другими. Это природа так называемых внутренних операционных линий.

Решимость свою великий князь подкрепил силой и духом войск, личным начальством и выбором доблестных, опытных помощников; мобильность обеспечил конным составом ратей, искусным выбором направления и быстрым движением, образцовую разведку — «крепкой сторожей» Родиона Ржевского, Андрея Волосатого и Василия Тупикова, двинутых на юг — до встречи с татарами. Ей указано «добывать языка»; вспомним правило Наполеона: «Главное, побольше пленных». Сторожа уходит более чем на 200 верст от Москвы, но донесения обеспечены в кратчайший срок, а вскоре выдвигается и мощная

Сергий Радонежский благословляет Дмитрия Донского на Куликовскую битву
(с картины М. В. Нестерова)

поддержка — отборная конница Семена Мелика. В то же время ведется разведка в направлениях к Литве и Рязани.

Наконец, быстрота сосредоточения. Великий князь не теряет времени на подход всех сил. Точным расчетом сосредоточение идет одновременно с движением вперед — высокий образец в истории военного искусства! Припомним, кстати, тактику Александра Невского в битве против шведов...

20 августа великий князь, получив личное благословение Сергия Радонежского, идет на Коломну — обычный «перевоз» татар на Оке по Ногайскому шляху. Поразительная скорость движения — за три дня 90—115 верст, — достигнута отчасти выбором трех дорог.

В Коломне два дня уходит на смотры ратей (согласно летописям, 150—200 тысяч человек). С утвердившейся гордостью взирает князь на них, а они были полны счастья видеть во главе молодого непобедимого вождя, образец красоты, силы и смелости.

Но здесь же князя настигает и удар: известие об измене Олега Рязанского. Меняет ли Дмитрий решение? Нет, он лишь с удвоенным напряжением бросается на важнейшего врага, Мамай. Но так как через Рязань идти нельзя — это задержит главные действия, — то избран другой, ближайший доступ, Крымский шлях, с переправой на Оке у устьев Лопасни. 26-го великий князь идет спешно дальше, даже не ожидая отставших ратей. Так действовал впоследствии Суворов: «Атакуй, с чем Бог послал...»

Для обеспечения безопасности и скрытности своей тактики от Олега великий князь ведет все силы по западному берегу Оки. Быстрота все та же — 30 верст в сутки, хотя вся рать идет по одному пути.

Замечателен также указ: довольствие возложить на 10 подрядчиков (гостей), а в Рязани — «ни один волос не тронуть».

27-го вечером великий Князь у «четырех церквей» и Сенькиного брода. Ягайло — в Одоеве, Олег — у Старой Рязани, Мамай — на пути к устью Непрядвы. Расстояния до них 130—140 верст... Какой выбор места!..

И вот отсюда-то и выслан на поддержку «крепкой сторо́жи» лучший конник, Мелик, с его конницей: образцовая замена, а не смена разведки... Часто ли видим это теперь?..

Мелику тоже указано добыть языка. Успех в этом Мелика открывает Дмитрию замыслы союзников.

28 августа рать начала переправу. Еще не подошли братья Ягайлы, Андрей и Дмитрий. Но великий князь снова не ждет, а, двинув против Мамаю всю конницу, отставших (до 40 тысяч) присоединяет к пехоте на ходу.

Дальше движение идет вдоль Дона, от его истоков у Иван-озера. И оно уже осторожнее и медленнее. Только к 5 сентября конница достигает устьев Непрядвы (130 верст — около 20 верст в сутки), а к 7-му — пехота (около 15 верст). Мамай 5-го — в трех переходах (у Кузьминой гати). Ягайло идет медленно, равняясь на Мамаю. Олег недвижим у Рязани.

Стратегическое положение великого князя выясняется 5 сентября. Оно легче, чем думалось, но все же князь между двух огней — Ягайлой и Мамаем — с их полуторным перевесом сил.

Но решение великого князя неизменно: он справедливо говорит, что победа над Мамаем (главный враг) заставит уйти Ягайлу (второстепенный враг), — даже если бы у Ягайлы и были свои частные успехи!..

Князь созывает 7 сентября военный совет, но не с целью искать решения, а дабы вдохновить сподвижников и сообщить им свою железную волю.

Вот слова Дмитрия на совете:

«Любезные друзья и братья, ведайте, что я пришел сюда не затем, чтобы на Олега смотреть или реку Дон стеречь, но дабы русскую землю от пленения и разорения избавить или голову свою за всех положить: честная смерть лучше плохого живота. Лучше бы мне не идти против безбожных татар, нежели, пришед, ничто [не] сотворив, возвратиться вспять. Ныне же пойдем за Дон¹ и там или победим и всё от гибели сохраним, или сложим свои го-

¹ Прием Святослава в Доростоле: нет отступления!

ловы за святые церкви, за православную веру и за всю братию нашу христиан».

Здесь в каждое слово вложен глубочайший тактический смысл. А как велик и возвышен конец: жертвуем собой «за веру и Отечество»!..

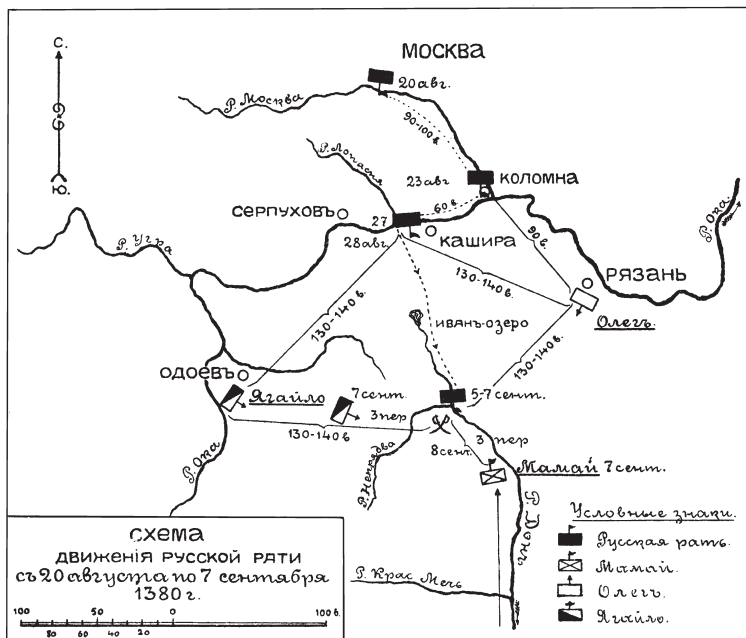
Мудрено ли, что 30-летний, «взором дивен зело», до толе непобедимый вождь увлек всех за собой, особенно когда подошло вторичное благословение на бой от Сергия через двух иноков-богатырей, Пересвета и Ослябю, а для боя избран день Рождества Пресвятой Богородицы, покровительницы «крестьян» (христиан).

Историки трепетно следят уже за тактикой перехода Дмитрия через Оку. Переход же за Дон — это то же, что движение Суворова на Макдональда или удар Бонапарта от Мантуи на австрийцев, — но еще и с наступательной переправой ввиду превосходящего по силе врага, — и все это во имя его уничтожения, хотя бы и ценою собственной гибели, но только непременно со славой!..

Три моста и несколько бродов остались связью с Родиной после смелой переправы на рассвете 8 сентября, всего верстах в восьми от Мамая. Сначала положение тылом к Непрядве открывало мосты, крутой овраг западнее реки Н. Дубяка разрезал наши силы, и татары могли охватить нас. Но лишь сошел туман, Дмитрий перевел войска восточнее, между верховьями Н. Дубяка и Смолки¹. Здесь пологий склон в направлении к противнику давал выгоды конному удару. Однако другой край лощины — «Красный Холм» с его обширным обзором — был уже во власти татар, и положение их тактически было более выгодно, а река в тылу была для нас все же огромной опасностью.

Но вот Засадный полк наш идет в Зеленую Дубраву. Вся обстановка изменилась сразу. Мосты охранены, и татарам создана ужасная ловушка на их уничтожение.

¹ Ввиду присутствия Ягайлы Дмитрий мог отодвинуть первоначально свой тыл на Крымский шлях, став между двумя врагами. Затем, когда обстановка выяснилась, он снова переменял операционную линию на поле сражения и вернулся опять на Ногайский шлях.

Движение русской рати с 20 августа по 7 сентября 1380 г.

Построение наше к бою было превосходным: при линейности строев — бой из подвижных уступов, т. е. из глубины. Ту же тактику видим у Александра Невского на озере Чудском, Петра под Полтавой, Суворова под Нови — драгоценная наша черта.

Но мало того. За полком Лево́й руки Дмитрия Ольгердовича — своя частная поддержка. Однако еще выше притаилась засада. Она требует особой скрытности, пока не время действовать, и особой быстроты, когда время действовать пришло.

Первым резервом командует зрелый, опытный в боях с татарами воевода Дмитрий Боброк, вторым — молодой, пылкий князь Владимир Андреевич, любимец войск, двоюродный брат Дмитрия Иоанновича. Выбор обоих знаменует значение в глазах великого князя засады (резерва),

которое особенно важно в конном бою, где побеждает всегда тот, у кого имеется хоть частица свежих сил в руках для последнего удара.

Обеспечась от охвата, имея заманкой врагу мосты и Засадный полк — для завершения сражения, Дмитрий наносит встречный удар по превосходящим силам Мамай. То же сделали Суворов на Требии, Бонапарт под Риволи...

Подняв еще выше дух войск тем, что стал в одежде простого воина перед Передовым полком, Дмитрий со словами: «Бог нам прибежище и сила», — первым ринулся на врага, как только завершилась схватка Пересвета с татарином-богатырем. Великий Петр, Суворов, Багратион, Скобелев тоже всегда становились во главе войск в самое важное мгновение!..

Дальнейший ход боя общеизвестен. Неудача татар, развернувшихся против нашего глубокого построения из уступов длинной сплошной «линией» и думавших взять верх бурным прорывом на нашем правом крыле (охват) и против Большого полка («Чела»), — т. е. неудавшийся замысел отвлечь внимание наше от мостов, — сменяется диким напором на полклевой руки. Все ближе теснили здесь нас татары к Непрядве. Все решительнее рвался помочь Засадный полк, а молодой вождь его обливался слезами. Только Боброк говорил: «Еще не приспел час». Но вот солнце стало слепить глаза татар, а ветер, изменив направление, понес им пыль в лицо. Боброк воскликнул: «Теперь держайте, друзи братие, во имя Отца и Сына, и Святого Духа», — и Засадный полк, «аки стая соколов на стаю журавлей», бросился в тыл татарам: участь боя была решена...

Здесь надо особо отметить очень опасное положение до удара Засадного полка. Но вождь верил в свои войска, сам умел действовать решительно, — и исход не мог быть иным...

Преследование на расстоянии в 50 верст довершило гибель врага. Мамай бежал первым, воскликнув: «Велик Бог Христианский!» Ягайло, простояв верстах в 40, быстро ушел. Олег так и оставался у Рязани...

разорjali «оскудевшую людьми Москву», — но все же Куликовская битва явилась таким же решающим поворотом в истории России и ее соседей, каким позднее стала Полтава. Как Полтава подготовила переход к императорскому правлению в России, так и Куликово поле подготовило нам Царскую Русь. Стремление великих князей московских к единению Руси нашло здесь свое подкрепление, и к словам Дмитрия «за веру и Отечество» вскоре прибавится — «и за Царя».

Вместе с тем, по мнению историка Соловьева, Куликовская битва размежевала Запад от Востока и имела в мировой истории такое же значение, как Каталаунская битва. Добавлю от себя: как Ледовое побоище Александра Невского 1242 г. и как Грюнвальдский бой 1410 г., отодвинувшие Запад от нас и создавшие нам простор для нашего исторического развития...

Следствием победы Дмитрия Донского на Куликовом поле было постепенное превращение Московского великого княжества в единое Русское царство. Честь окончательно завершить это выпала на великого правителя и даровитого вождя, Иоанна III, с именем коего и связано падение татарского ига.

Иоанн III, человек умный, твердой воли, решительный, умеющий действовать по обстановке и при всем том осторожный и выдержанный, с успехом продолжил дело своих предшественников, покорив даже Великий Новгород. Мало того, он в том же духе воспитал и своего сына Василия III. В итоге к концу правления Василия III Москва уже прочно владела землей от Печоры и Северного Урала до устьев Невы и Наровы и от Васильсурска на Волге до Любеча на Днепре.

При восшествии на Великокняжеский стол Иоанна III Москва имела площадь около 15 000 кв. миль. Благодаря Иоанну III и его сыну ее площадь увеличилась до 40 000 кв. миль.

Вообще, говорит профессор Ключевский, завершение собирания земель Северо-Восточной Руси превратило Московское княжество в великое русское государство,

а великого князя Московского — в великого русского государя. Но раз это так, то и войско, эта плоть от плоти и кровь от крови народа, тоже сделалось народным русским войском со всеми его достоинствами: почитанием своей веры, беззаветной преданностью своему царю и любовью к Отечеству. Наши предки, выращенные в почитании славы Куликовской битвы, в гордости за могучие наступательные шаги Руси Московской после 1334 г., имели с избытком эти качества. Но кроме того, в них работой веков и поколений, под давлением татарского ига и стремления стряхнуть его, зародилось чувство национального самосознания, чувство принадлежности к великому народу. Они несли в себе величайший залог исторических успехов — возвышенную народную гордость. Они начали считать себя избранныками, призванными к великой мировой деятельности. И судьба не обманула их...

Первым шагом к утверждению международного авторитета Руси — при несомненном влиянии второй жены Иоанна III, Софии Палеолог, — явилось освобождение в 1480 г., т. е. спустя 100 лет после Куликовской битвы, от татарского ига.

Второй шаг — свободная Русь, как равная между равными, завела внешние сношения с Польшей, Литвой, Швецией, орденами Тевтонским и Ливонским, императором германским и др.

Почувствовав силу, Иоанн III осознал, что значение его как государя возросло. Второй его брак, с племянницей последнего византийского императора, Софией Фоминичной Палеолог, навел его на мысль, что София, выйдя замуж за московского князя, сделала его преемником византийских императоров и передала ему все заботы о православном Востоке. Отсюда, между прочим, стремление иметь многочисленное и хорошо устроенное войско — частью в постоянной готовности — для поддержания значимости государя и для выполнения предназначенных Руси великих исторических задач.

Иоанн III уже имел возможность передать власть своему преемнику так, что удельные князья, братья Василия III,

потеряли всякое значение. Да и пора было. «Удельные предания были еще слишком свежи и кружили слабые головы при всяком удобном случае. Удельный князь был крамольник если не по природе, то по положению: за него цеплялась всякая интрига, заплетавшаяся в сбродной придворной толпе» (профессор В. О. Ключевский).

Но, кроме удельных начал, надо было бороться еще и с положением, которое мало-помалу заняло в Московской Руси боярство.

Вторая половина XVI в.

Правление Иоанна IV ♦ Опричнина ♦ Роды войск; организация, вооружение, снаряжение и снабжение ♦ Количество и качество артиллерии ♦ Способы начальствования ♦ Боевые приемы ♦ Инженерное искусство ♦ Дух войск и их боеготовность ♦ Поход Иоанна IV под Казань в 1552 г. ♦ Ливонские походы и войны со Швецией и Польшей ♦ Завоевание Сибирского царства

Стремления великого князя и бояр, до сего времени совпадавшие, стали различаться. Московский великий князь приобрел значение государя с широкой властью над народом, бояре составили правительственное сословие со стеснительной для верховной власти притязательностью. Другой язвой боярства того времени было местничество, особенно опасное во время войны.

Естественно, что великий князь Московский не мог мириться с новыми притязаниями на раздел власти. Отсюда ряд столкновений с боярами.

При этих столкновениях бояре, признавая самодержавную власть Московского государя, настаивали на необходимости и пользе участия боярства в управлении страной; московские же великие князья смотрели на бояр лишь как на людей, служащих при дворе.

Столкновения эти достигли кульминации при Иоанне IV, который больше, чем кто-либо, считал себя самодержавным государем и не был склонен уступать боярам хотя бы частицу своей власти. И вот, когда образовался боярский

кружок, который под руководством попа Сильвестра и Алексея Адашева пытался ограничить царскую власть, присвоив часть ее себе, Иоанн IV ответил на нее так называемой «опричиной».

Опричина, все более расширяясь, охватила половину государства, причем земли отбирались так, что в опричном управлении собрались мало-помалу старые удельные земли, исконные владельцы которых возбуждали особые гнев и подозрения Грозного. В итоге высшая знать из именитых удельных князей была сравнена с остальными служилыми людьми, и все следы старых удельных обычаев и вольностей в служебных отношениях, а также и остатки удельных дружин, с которыми потомки князей раньше приходили на государеву службу, постепенно искоренялись.

С другой стороны, владельцев земель, отходящих в опричину, Иоанн поселил на пограничных землях и этим сильно развил поместное владение землей за военную службу. В итоге удалось достичь столь необходимых для вооруженной силы единовластия и единства войск. Попутно развивалось поместное владение. Наконец, опричина являлась, до некоторой степени, постоянным войском, хотя и без особой, заблаговременной подготовки.

После выполнения своей главнейшей задачи — низведения боярства, опричина, однако, была вскоре уничтожена.

Тяжесть воинской повинности, падавшей на служилого человека, по закону от 20 сентября 1555 г., была следующая: со 100 четвертей, т. е. с 200 десятин, хорошей пахотной земли владелец обязан был снарядить и отправить на службу одного ратника «на коне и в доспехе полном», а в дальний поход — «о двуконь». Земледельцы, имевшие больше 200 десятин в поместьях и вотчинах, выставляли соразмерное пашне число вооруженных дворовых людей.

Профессор Ключевский выражает поместное право так: «Оклад — по чину, дача — по вотчине и продолжительности службы; придача к окладу и даче — по количеству и качеству службы».

Сверх поместного оклада служилые люди получали денежное жалованье.

В XVI в. служба дворянина, которая по судебнику 1550 г. была наследственной и обязательной, начиналась обыкновенно с 15 лет. До этого он числился в недорослях. Выросший для службы и записанный в служилый список, он становился «новиком». Тогда его, смотря по первым служебным опытам, «верстали» поместьем, а по дальнейшим успехам и денежным окладом — сначала «новичным». Впоследствии за службу делали прибавки. При этом верстание новиков было двоякое: в отвод и в припуск. Старших сыновей, когда еще отец сам служил, верстали в отвод, отделяли от отца; одного из младших, который начинал службу, когда сам отец уже не мог служить, отпускали к нему в поместье — как заместителя.

Поместное право давало возможность московскому правительству в любое время собирать временные конные ополчения из дворян и детей боярских численностью от 80 до 100 тысяч человек, носившие название поместной дворянской конницы.

В то же время необходимость постоянной охраны границ государства, которое теперь непосредственно соприкасалось с различными иноземными народами, заставила увеличить род войск, называемый городовыми казаками. Со времени правления Иоанна IV городовые казаки также становятся поместными войсками, но постоянными. Они были преимущественно конными и несли почти исключительно охранительную и разведывательную службу.

После покорения татарских царств на службу к московскому государю стали приниматься и татары, принявшие христианство, так называемые новокрещенные, а затем татарские мурзы и князья. Они также получали поместные оклады и жалованье, но в меньшем размере, нежели дворяне.

Кроме того, Иоанн IV создал постоянную пехоту, которая, вследствие своего вооружения, стала называться стрельцами. Стрельцы собирались из вольных людей хорошего поведения, получали во владение, подобно городовым казакам, участки земли за пределами городов и обязаны были служить пожизненно и наследственно, получая при этом жалованье.

Стрельцы были пешими, и только лучшие из них были конными и назывались стремянными. Жили стрельцы в особых слободах, пользуясь различными льготами. Общее число стрельцов к концу XVI в. составляло около 12 тысяч.

Наконец, при Иоанне IV в городах появляется особое сословие пушкарей, затинщиков, воротников, плотников и кузнецов как следствие роста у нас огнестрельного оружия. Все эти служилые люди также получали земельные участки, за что обязаны были нести пожизненную и потомственную службу. Они селились в городах особыми слободами, пользовались некоторыми преимуществами и составляли отдельный цех.

Поместные войска к концу XVI столетия (царствование Иоанна IV) составляли главнейшую составную часть русской вооруженной силы.

Но кроме них при надобности выставлялось ополчение из крестьян, — по одному с известного числа дворов (даточные люди). Даточные люди призывались пешими и конными. Они, в сущности, представляли собой род древнерусских воев. В Полоцком походе Иоанна IV, в 1563 г., их было, например, 80 тысяч.

Но кроме всех указанных войск в состав русских войск начиная с середины XVI в. входят еще и казаки донские, гребенские, терские, волжские и яицкие. Эти казаки — выходцы, недовольные существующими порядками, — жили на окраинах государства, на землях захваченных, и сначала мало зависели от Москвы. В Москве смотрели на них скорее как на союзников, чем на войска, состоящие в непосредственном распоряжении государства. Иоанн IV особенно покровительствовал донским казакам, давал им жалованье и некоторые льготы по торговле. Наконец, в состав русского войска входит и иноземное войско. Учреждение этого войска принадлежит Иоанну IV с первоначальной целью образовать царских телохранителей и иметь «размыслов» для артиллерийского и инженерного дел.

Наемничество, вообще, не привилось у нас. Даже при самом нелюбимом царе, Борисе Годунове, количество наемников не превосходило 5 тысяч.

Итак, мы проследили, во-первых, поместные войска: а) ополчение из дворян и детей боярских; б) татарское ополчение; в) городовые казаки; г) стрельцы; д) пушкари, затынщики, воротники; во-вторых, даточных людей; в-третьих, казаков непоместных и, в-четвертых, зачатки иноземных войск.

По роду службы все эти войска можно разделить на временные ополчения и на войска, близкие к постоянным.

Первые: а) ополчение из дворян и детей боярских; б) татарское ополчение и в) даточные люди.

Вторые: а) городовые казаки; б) стрельцы; в) пушкари, затынщики и воротники; г) непоместные казаки и д) иноземные войска.

По родам войск вооруженные силы Руси рассматриваемого времени могут быть разделены на: а) конницу; б) пехоту; в) артиллерию и г) инженеров.

Конница была главным, многочисленнейшим и лучшим родом войск. В состав ее входили: а) ополчение из дворян и детей боярских; б) татарское ополчение; в) казаки городовые; г) казаки непоместные и д) даточные люди.

Дворяне составляли самый важный разряд в русской коннице. В ней «Государев полк» представлял собой отборную рать и отличался богатством оружия, экипировки и добротностью коней.

После дворян следующий разряд русской конницы составляли дети боярские. На них вместе с городовыми дворянами лежали оборона пограничных городов и сторожевая служба вдоль границ.

Дворяне и дети боярские обязаны были приводить слуг, которые несли отдельную службу по сопровождению обоза, по сбору запасов и тому подобным второстепенным действиям. На них возлагались также и уход за конским составом и служба при табунах.

Наряду с дворянской конницей, состояла на тех же основаниях конница татарская.

Третий разряд русской конницы составляли городовые казаки, четвертый — конные даточные люди, снаряженные, вооруженные и снабженные всеми видами довольствия — теми, кто их выставлял.

Условия, которым должны были удовлетворять даточные, определялись каждый раз указом о сборе даточных.

Казаки непоместные, составляя часть русской конницы, служили главным образом на далеких окраинах.

Пехоту прежде всего составляли стрельцы. Они были лучшей пехотой наших войск того времени и особенно хорошо действовали при осаде и обороне городов.

Пешие городовые казаки, составляя защиту («засаду») пограничных городов, входили и в состав полевых ратей. Они не уступали стрельцам и вместе с ними образовывали в составе нашей пехоты самую надежную часть.

Пешие даточные люди служили на одинаковых правах с конными. Кроме службы в пехоте, на них возлагались обязанности при наряде и обозе, а также все полевые военно-инженерные работы.

Личный состав артиллерии образовывали пушкари, затинщики, воротники, плотники и кузнецы.

Что касается инженерных войск, то уже Иоанн III принял к себе на службу нескольких иностранных инженеров, их называли тогда «розмыслами», а при Иоанне IV у нас появляются свои, русские «розмыслы».

Вооружение конницы состояло из лука со стрелами, топора, кинжала, кистеня и копий. Наиболее богатые воины имели сабли. Предохранительное вооружение конницы было весьма различно, в зависимости от средств каждого. Кони были малорослые, но крепкие, ногайской породы. Конское снаряжение — подобное татарскому.

Вооружение стрельцов и городских казаков — пищаль или самопал, меч и бердыш, который в походе вешали за спину, а в бою втыкали перед собой в землю. У некоторых, кроме того, были копыя.

Вооружение остальных пеших ратников: холодное — мечи, тесаки, совни, рогатки и пр., метательное — саадки и самострелы и огнестрельное — пищали и самопалы.

Что касается предохранительного вооружения, то в этом отношении различия между пехотой и конницей не существовало.

Орудия со времен правления Иоанна III начали изготовлять дома.

При Василии III наряд наш разросся. Для обслуживания его уже не хватало цеховых пушкарей и их приходилось пополнять даточными людьми.

При Иоанне IV появляются русские пушечные мастера, и в 1547 г. на Московском пушечном дворе были отлиты первые 16-пудовые волкопейки, или соколки, т. е. фальконеты, которые были изобретены в Италии в 1536 г.

В походе Иоанна IV в 1552 г. к Казани было 150 тяжелых и средних орудий, не считая малых, — кроме наряда в разных городах. При этом, кроме гладкостенных, в тогдашней нашей артиллерии встречались и нарезные орудия, заряжавшиеся с казны и носившие название винтовальных. К числу винтовальных орудий относились и затинные пищали — крепостные ружья, стрелявшие свинцовыми пулями.

Определенного разделения артиллерии на отдельные виды не было. Однако по роду службы она делилась на артиллерию осадную, полевую, полковую и крепостную. Осадную артиллерию, или стенобитный наряд, составляли орудия наибольшего калибра (до 2,5 пуда) и наиболее тяжелые. Полевую артиллерию составляли орудия более легкие, а полковую — малые орудия до 6–8 фунтов, приспособленные к удобному передвижению. Они в небольшом числе придавались непосредственно войскам.

Таким образом, полковая артиллерия появляется у нас гораздо раньше, чем у Густава Адольфа, которого обыкновенно считают основателем этой артиллерии. При конных войсках полковые орудия появились в начале XVII в. (поход князя Пожарского к Москве) — тоже раньше всех.

Крепостная артиллерия, или городской наряд, состояла из орудий, размещенных по городам и крепостям. Состав ее был крайне разнообразен и многочислен.

Основным подразделением войск явилась десятня, которая состояла из людей, приписанных к какому-либо одному городу. Десятни по несколько сводились в полки, которых в рати было семь: Большой, или Главное войско,

Правой илевой руки, Передовой, Сторожевой и седьмой из легкой конницы, называемой Ертоул, или Ертоульный полк (конница самостоятельная). Десятня делилась на сотни, сотня делилась на десятки.

Стрельцы в мирное время разделялись на приказы в 800—1000 человек; приказы — на сотни, сотни на десятки. В военное время отдельные стрелецкие сотни распределялись по полкам.

Городовые казаки тоже делились на сотни и десятки.

Иностранные наемники образовывали иноземную дружину.

Заведывание всеми вооруженными силами в мирное время сосредотачивалось в Разрядном приказе, или Разряде. Городовые воеводы доставляли Разряду подробные списки, по каждому городу, дворян и детей боярских, с их поместьями. Разряд определял указами, какие именно служилые люди, каких городов и в каком числе должны были явиться к известному сроку на сборное место.

Стрельцами и пушкарями ведали соответственно Стрелецкий и Пушкарский приказы.

Для начальствования полками из бояр, окольных и думных дворян назначались полковые воеводы. Воевода Большого полка, или большой воевода, был и главноначальником. Каждому воеводе назначался, по крайней мере, один товарищ, обыкновенно из более способных, но младших начальников, чтобы хоть отчасти устранить недостатки местничества. К числу полковых воевод относились воевода у наряда и воевода гулявый, или разъездной, начальствовавший отборными воинами (1000 чел.), от которых высылались разъезды и лазутчики, и ведавший гуляй-городом. Все воеводы должны были каждый день являться за приказаниями к большому воеводе.

При воеводах состояли дьяки. Они писали приказы за подписью и воеводы, и дьяка; ведали государевой казной; раздавали жалованье; вели дневники военных действий, которые затем сдавали в Разрядный приказ.

Для управления в бою начальники имели на седле небольшие медные барабаны, в которые били перед отдачей

приказаний. За воеводами возились барабаны, набаты, на деревянных щитах на четырех рядом поставленных лошадях. В каждый такой набат били восемь человек.

В общем, чиноначалие было довольно простое и естественное, в связи с разделением рати на крупные и мелкие единицы.

Одежда русского войска была строго народной и, в соответствии со вкусом и средствами каждого воина, была чрезвычайно разнообразна. Только Царская дружина одевалась более или менее одинаково. Стрельцы имели единообразное одеяние: цветные кафтаны, сапоги и железные шапки.

Все войска, кроме иноземцев и стрельцов, должны были сами заботиться о своем довольствии. Стрельцы же и иноземцы получали от казны определенное количество продовольствия и фуража.

Свои запасы, или «кормы», каждый воин возил на вьючной лошади, вместе с приспособлениями для изготовления пищи. Пополнение запасов в своей стране шло покупкой или путем поставки населением, по заблаговременным распоряжениям правительства, причем воспрещалось в походе через русские земли отбирать что-либо насильно. Особенно строго следил за этим Иоанн IV.

В неприятельских землях войска свои запасы пополняли в попутных селениях и городах, причем для сбора запасов высылались особые «кормовщики». Борьба с грабежом при этом была очень затруднительна.

Войска не занимались вовсе предварительной боевой подготовкой, но она видна из той мощной и непрерывной работы, которую несли они: «В 1499 году князь послал воевод своих в Казань, в 1500 году в Литовскую землю, в 1501 году туда же и против татарских улусов, в 1502 году в Стародуб и Смоленск, в 1503 году опять в Литовскую землю, в 1505 году в Муром, в 1506 году в Казань и в Муром», и т. д., и т. д. — вот о чем свидетельствует летопись.

Сбор войск назначался указом, которым определялись: места сбора войск и запасов, число ратников и сроки явки. Не явившихся на сборное место разыскивали и высылали

насилно, подвергая предварительно тюремному заключению и телесному наказанию.

Среднее расстояние обыкновенного перехода не превосходило 15 верст¹, но иногда возрастало до 20 и даже 30 верст. Значительные силы совершали походные передвижения большей частью сухопутным, перевозя свои тяжести, наряд, боевые и жизненные запасы при возможности водою или на подводках.

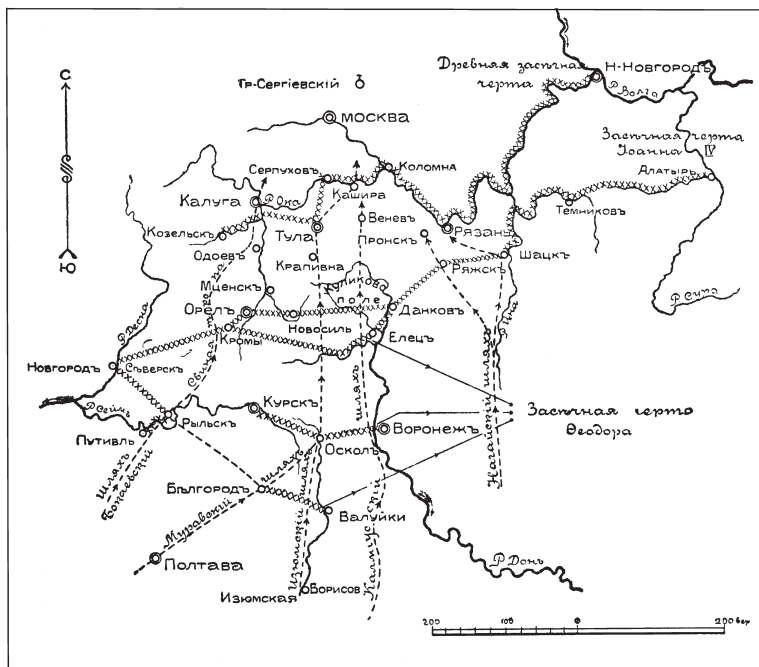
Впереди, иногда на расстоянии до шести переходов, шел Ертоул, от которого высылались во все стороны дальние разъезды для разведывания о путях и неприятеле и охранения главных сил от неожиданного нападения. За ним обыкновенно следовали даточные люди для исправления пути, мостов, гатей и т. п., затем Передовой полк, Большой, или главное войско, и при нем наряд; далее — тяжести и обозы и, наконец, — Сторожевой полк.

Полки Правой илевой руки следовали каждый с соответствующей стороны, иногда на большом расстоянии от Большого полка и вполне независимо от него, но при полном поддержании связи; если же опасность грозила только с одной какой-либо стороны, то полк соответствующей руки усиливался другими войсками. По трем, по двум дорогам войска шли уже быстрее. На ночлег избирали станы в местах, изобилующих водою, лесом и пастбищами. Они охранялись от неожиданного нападения противника часовыми, а иногда окружались еще окопами, рвами и повозками. Перед ночлегом отдавалось приказание, в какое именно время которому из полков выступать.

Сторожевая служба и разведывание о противнике, хотя и обдуманно разумно, выполнялись не всегда хорошо, что не раз приводило к случайным поражениям.

Особенностью того времени являлся гуляй-город — род подвижного закрытия из дощатых щитов, с отверстиями в них для ручного огнестрельного оружия. Щиты эти после расстановки их по месту скреплялись железными или веревочными связями и образовывали или длинную

¹ То же и теперь для больших сил.

Засечные черты

ограду, или отдельные укрепления. Ведал этой процедурой особый воевода — гулявый, который и выбирал место для установки города. Иногда гуляй-город занимал огромное пространство (до 5 и больше верст).

Бой начинала конница. Она стремительно бросалась на противника с криками и под звуки набатов, зурн и бубнов, действуя на скаку метательным и холодным оружием и стараясь дружным ударом сломить стойкость противника. Если ей это удавалось с первого раза, то победа была решена, и коннице оставалось преследованием довершить поражение неприятеля. Но если он стойко выдерживал первое нападение, то русская конница приходила в расстройство и в беспорядке бросалась назад, за пехоту. Тогда все удары принимала на себя пехота, которая,

под защитой препятствий на местности и особенно гуляй-города, дралась с необычайной стойкостью и упорством. Между тем воеводы собирали и строили конницу и снова вводили ее в бой. Зачастую неожиданное появление «засады» и удар ею сбоку или в тыл противника решали участь боя. <...>

Артиллерией начальники того времени пользовались неискусно.

Преследование разбитого неприятеля велось очень слабо. Вместо того, одержав победу, русские войска бросались прежде всего обирать и грабить все, что оставалось на поле сражения, и только потом уже думали о преследовании.

Что касается инженерного искусства, то здесь надо различать инженерное усиление границ и действия под крепостями. Первое выражалось «засечными чертами» из городков, острогов и острожков, обнесенных рублеными стенами или тыном и соединенных между собой в лесных местах засеками, а в открытых — земляными валами с водяным или сухим рвом.

Древнейшая из таких засек и ближайшая к Москве шла от Козельска на Тулу, Серпухов и Нижний Новгород (по Оке). При Иоанне IV была выстроена вторая засека — от Путивля на Рыльск, Новгород Северский, Орел, Новосел, Данков, Рязск, Шацк, Темников и Алатырь на Суре. При сыне Иоанна IV, Федоре, в конце XVI в. возникла третья засека, из трех рядов городов, постепенно углублявшихся в степи: Кромы, Ливны и Елец, Курск, Оскол и Воронеж, Белгород и Валуйки. С построением в 1600 г. города Борисова цепь укрепленных украинских городов подошла к среднему течению Северного Донца, и таким образом в какие-нибудь 15 лет мы продвинулись к югу с Верхней Оки и Тихой Сосны верст на 500–600 до черты, близко за которой уже начинались татарские кочевья. Естественно, что здесь скоро должна была назреть борьба, которая, спустя почти два века, и привела нас к берегам Черного моря и к обладанию татарским гнездом, Крымом.

Оборона засек, вала или черты лежала на обязанности засечной стражи. Но кроме этой засечной стражи, кото-

рая, выслав вперед сторожевые части, действовала на месте, на юге выставлялись две рати, каждая около 10 тысяч человек: Украинская — у Новосела, Мценска, Данкова, Дедилова, Пронска, Тулы и пр., и Береговая — по реке Оке с опорой на Серпухов, Калугу, Каширу, Коломну.

Число укрепленных городов значительно возросло. Старые крепости были исправлены и приведены в надлежащий вид, а все вообще крепости были тщательно снабжены «засадой», боевыми и продовольственными припасами.

Что касается самого укрепления городов, то оно мало отличалось от такого в предшествующем периоде. Теперь только стали делать выше стены и чаще возводить каменные сооружения. Вместе с тем в укрепленных городах увеличился состав артиллерии.

Искусство осаждать и оборонять крепости осталось почти тем же, что и прежде, с той лишь разницей, что со времен правления Иоанна III, по мере распространения огнестрельного оружия, стенобитные и метательные орудия стали употребляться реже и заменялись большими огнестрельными орудиями, число которых увеличивалось, а действие усиливалось все более и более. С середины XVI в. начали употреблять пороховые подкопы (мины) для разрушения стен и башен. Приступом брали крепости или города чаще уже со второй половины XVI в., когда и огнестрельное оружие, и инженерное искусство сделали большие шаги вперед.

Оборона русскими войсками крепостей и городов велась крайне наступательно: войска предпринимали смелые и решительные вылазки для действий в открытом поле с целью прогнать осаждающего от крепости или разрушить осадные работы. Сама оборона стен или вообще внешней ограды отличалась силой и упорством. О сдаче не помышляли. С воинами вместе бился весь народ, даже женщины и дети. В случае невозможности удержаться пушкари вешались на орудиях, а прочие — после общей молитвы предавали себя самосожжению или взрывались на воздух в храмах.

Поход Иоанна Грозного под Казань в 1552 г.

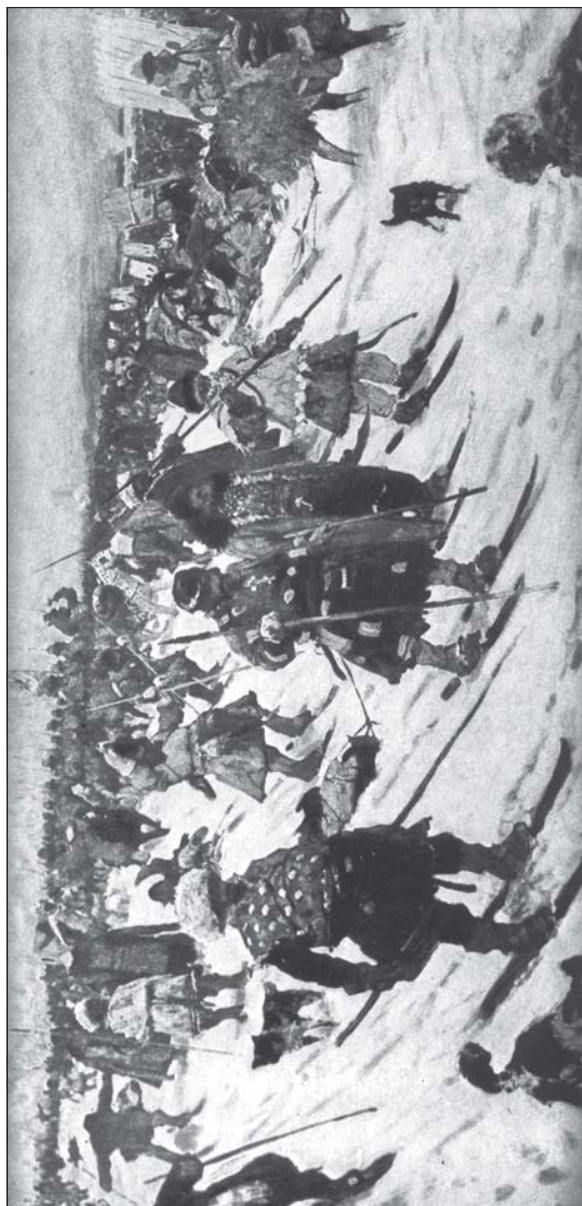
В смысле стойкости духа русские войска, как и прежде, отличались неутомимостью в трудах, мужеством, твердостью и терпением в нужде и лишениях, храбростью в нападении и необыкновенным упорством и стойкостью в обороне. По единогласному свидетельству русских летописей и иностранных писателей, умеренные в образе жизни, питающиеся простой, нередко скудной пищей, ночующие в шалашах или под открытым небом, они с одинаковым терпением переносили холод, зной, голод, жажду, всякого рода лишения и все трудности боевой жизни. Особенно обнаруживали они мужество и твердость в несчастьи и после неудач. <...>

В общем, были заведомо заложены разумные основания военного дела, и все вопросы, с ним связанные, понимались и решались правильно; и, что всего ценнее, наши национальные особенности таковы, что никогда не идут вразрез с истинными потребностями государства...

Яркую картину такого положения дела дает подвиг взятия Казани великим вождем нашим Иоанном IV Васильевичем в 1552 г.

До него, со времен княжения Святослава, доблестные русские витязи хотя и наносили мощные удары по врагам, но это были все же только встречные удары, т. е. по существу своему оборонительные действия.

Царь Иоанн IV, наоборот, сам мощно двинулся вперед, направив свои действия на решение исконной задачи —

Поход московитян в XVI в. (с картины А. И. Иванова)

пробиться к свободным морям. Владая одним Белым морем, Иоанн IV поставил целью своей жизни отвоевать обратно у ливонцев балтийские берега и вместе с тем возобновить наше наступление на Босфор, неизбежность которого вытекала из завоевания турками Византии, единовременной с нами и, со времен княжения Иоанна III, родственной нам империи.

Но чтобы обеспечить свой тыл перед выступлением против ливонцев и в направлении к Черному морю и на Босфор, великому царю были нужны Казань и Астрахань, т. е. Волга, а затем и Сибирь.

При этом, чтобы оценить преемственность такого решения, надо напомнить, что Олег, Игорь и Святослав тоже чувствовали себя хозяевами на Волге и даже доходили до южных берегов Каспийского моря.

В частности, к борьбе с Казанью Москву побуждали исторические права, промышленные запросы, религиозная вражда и потребность в защите своих владений от набегов. После успехов Дмитрия Донского в 1376 г. Казань снова потеряла свою независимость в 1487 г., при Иоанне III. Василий III, после ряда измен казанцев, водворил в Казань своего «подручника» и построил первую промежуточную опору на путях к ней — Васильсурск (1524 г.). В годы малолетства Иоанна IV результаты трудов предшественников были потеряны. Но, едва приняв на себя правление, Иоанн IV тут же, зимой 1547 г., ведет поход на Казань. Природа и судьба испытывают юного царя: гибель на Волге людей заставила его вернуться. Как и Петр под Нарвой, царь не теряет, однако, веры в успех. Величие души правителя и вождя, особенно сильное в несчастях, здесь налицо: в ноябре 1549 г. царь начинает новый поход и снова терпит неудачу, уже под стенами Казани, из-за слабой технической подготовки. Однако царь замышляет — и на этот раз блистательно проводит — третий поход, воспользовавшись уроками двух предыдущих и заложив в устьях реки Свияги город Свияжск — вторую и притом крепкую промежуточную опору на пути к Казани.

Устрашенные казанцы просили себе наместника, но когда назначенный царем Микулинский прибыл в Казань, то его править не допустили. Это развязало окончательно руки Царю покончить с Казанью.

Царь мудро решил предварить свои действия на Востоке установлением дружеских отношений с Западом (Швецией, Ливонией и Литвой). А тем временем турецкий султан стал призывать крымских, астраханских и ногайских татар помочь Казани. И крымский хан Девлет-Гирей, опираясь на поддержку султана, взялся спасти Казань, имея целью объединить под своей властью Крым, Казань и Астрахань. Иоанн Грозный оказался таким образом между двух огней. Изменились ли его намерения? Нисколько. Он лишь взял за основу действовать по внутренним операционным линиям, зорко следя притом и за ногайскими татарами. В прежних походах на Казань войска наши сосредоточивались у Владимира и Нижнего, т. е. прямо против нее. На этот раз (1552 г.) они собрались у Коломны и Мурома. Но Коломна на р. Оке — это Ногайский шлях, обычное место сосредоточения нашего против татар, а отсюда легко перекинуться за Оку всего на 60 верст — на Крымский (Муравский) шлях, к Кашире. Итак, выбор Коломны, как и ранее у Дмитрия Донского, — результат тонкого стратегического расчета по отношению к Крыму и ногаям.

Муром расположен тоже на Оке, но уже на прямом пути из Москвы в Казань: в 400 верстах от Казани и в 250 верстах от Москвы.

Между Коломной и Муромом — 150—175 верст, сообщения прикрыты Окой, и обе рати могли соединиться до подхода врага, вполне безопасно; и даже можно было, сдерживая врага на одном направлении, поспеть на защиту Москвы, двинувшись по другому направлению.

Таким образом, видно, что Муром — главное направление, а Коломна — заслон с юга. В общем, образцовое развертывание на исконной нашей базе — реке Оке.

Но что же предстояло делать царю дальше? До Казани от Коломны — примерно 650 верст, из Муромы —

450 верст. Эти расстояния должны преодолеть 150 тысяч человек с пушкарским нарядом и средствами для осады.

Памятуя неудачи зимних походов, царь идет летом, пользуясь реками для сплава запасов и нарядов. Крупное значение похода царь оттеняет личным своим предводительством.

450 верст по бездорожью, в краю обитания враждебно настроенных против нас инородцев, способны были остановить кого угодно. Но предшествующая работа, как мы видели, подготовила две прочные ступени, ведущие к нашей славе: Васильсурск и Свияжск как места базирования русских войск. И поход протекал благополучно, тем более что Свияжск был заблаговременно занят тремя полками...

16 июня 1552 г. — день начала похода. Войска движутся в направлении и от Муром, и от Коломны на Свияжск. Но в первый же день получены сведения о движении крымцев. Царь немедленно сосредоточивает войска на участке Кашира—Коломна, с главными силами у последней, т. е. там же, где и Дмитрий Донской в 1380 г. Обеспечив себя образцовой разведкой, царь ждет дальнейшего развития событий. 21 июня ему доносят, что войска крымского царевича находятся у Тулы. Царь продолжает придерживаться выжидательной тактики и двигает к Туле только часть сил. 23 июня поступает известие о появлении у Тулы самого хана, и тогда царь быстро трогает с места все силы, приказывает «перевозиться через Оку» и идет на Каширу. Хан, не ожидавший таких мер, отходит назад и терпит поражение от преследующих его частей Воротынского на р. Шивороне, в то время как главные наши силы спокойно движутся к Казани.

На совете 1 июля — а окружали Иоанна все его славные питомцы — решено было идти двумя путями: 1) на Рязань и Мещеру и 2) на Владимир и Муром, дабы соединиться за Алатырем. 3 июля войска вышли, 4 августа сошлись на р. Суре. Северная часть рати шла быстрее, по 25—30 верст в сутки, прикрывая южную часть со стороны Казани, а сама она была защищена ею с юга и юго-запада от ногаев. Южная часть войск покрывала расстоя-

Русский ратник (XIV — середина XVIII в.)

ние в 20—25 верст в сутки. Севернее всех, по выгодному пути вдоль Оки и Волги, шел наряд. Тактика бокового, по отношению к югу, движения 150-тысячного войска была соблюдена блистательно. Головы войск на разных дорогах были прикрыты посредством принятия собственных мер, кроме высылки вперед, из Мурома, ертоула (разведки) и за нею «посошных людей» для наводки мостов и исправления дорог. Короче, общеармейского авангарда нет, его заменяет конница, а это именно то, чего и требует современная военная наука.

13 августа вся рать с запасами и снаряжением прибыла в Свияжск, где уже находились три полка.

Снова был созван совет. Часть воевод советует зимовать. Царь сообщает свое властное решение, и 16 августа начата, а 19-го окончена переправа через Волгу, прикрытая ертоулом. 20-го все наши силы сосредоточиваются в устьях Казанки. Оказалось, что татар 63 тысячи человек, и удобнее всего вести удар с востока и юга, но есть и полевая сила Япанчи... На совете 21-го было решено начать обложение. 23-го оно исполнено распространением в обе стороны, будучи прикрыто стрельцами, казаками и ертоулом. Обложение закреплено турами и тыном, позднее акопиями (траншеями). Полки стали между реками Казанкой и Булаком и на Арском поле. Царский полк стал уступом сзади полкалевой руки, на левом берегу Булака.

24 августа наши войска постигло новое испытание: буря уничтожила все запасы. Поданы были голоса за уход на Волгу, дабы там восстановить силы для новой осады. Но царь был непреклонен. Осада оперлась на Свияжск и продолжилась.

С 28-го начались нападения Япанчи от Арского острога (в 75 верстах от Казани). Это была свободная полевая сила, мешающая осаде. Современная наука требует закончить с такой силой при первой же возможности. И вот 29 августа на совете решено было уничтожить Япанчу. 30-го его выманили в поле и двойным охватом нанесли поражение. Все же часть сил ушла в острог. Тогда 6 сентября искусными действиями Горбатого, подогреваемы-

ми решимостью царя, Арский острог удалось взять и тем самым покончить с полевой силой Япанчи.

Вслед за тем Горбатый с 45-тысячным отборным отрядом прошел в тылу наших войск до Камы, очистил всю территорию от врага и доставил обширные запасы.

Осада Казани сопровождалась артиллерийским огнем, окопными работами и установкой мин¹. Хотя решимость царя взять крепость приступом была велика, он ждал, пока не будет закончен «подкоп», и воздержался от искушения дать полную волю ворвавшимся 30 сентября в Казань воєводам, приказав им вернуться на занимаемые позиции.

2 октября все было закончено, высокий дух войск, видевших успехи царя в безнадежных, казалось бы, положениях, еще больше был поднят мерами нравственного воздействия.

«Дело сие было Измаильскому подобно», — писал один из историков. А тогда раздался призыв: «сегодня молиться, завтра учиться, послезавтра победа или славная смерть»... Залогами славной победы в обоих случаях послужили: предварительные выучка и нравственная подготовка воинов, тактика рационального деления войск на части с царской дружиной «для помощи во все стороны»; блестящие разведка и связь, умелая осада и своевременный приступ; удачное время нанесения удара — рассвет; правильный выбор направления главного удара и сосредоточение для этого лучших войск; умелое сочетание действий всех родов войск, правильная тактическая работа каждого из них в отдельности; умение конницы вести и конный, и пеший бой; отвлечение противника; обеспечение своего тыла и захват путей отступления врага. Добавлю, что и здесь войска и царь встретили решающий для них день совместной горячей молитвой. Призыв идти вперед за «веру, царя и Отечество» нашел тем больший отклик в сердцах воинов, что сам царь был тут же, с ними.

«Чтобы иметь успех в осадах, надо быть искусным в поле», — говорил Монтекукколи. Иоанн IV показал в

¹ Под руководством русского самородка-«розмысла» Выродкова, он же строитель Свяжска и Галича.

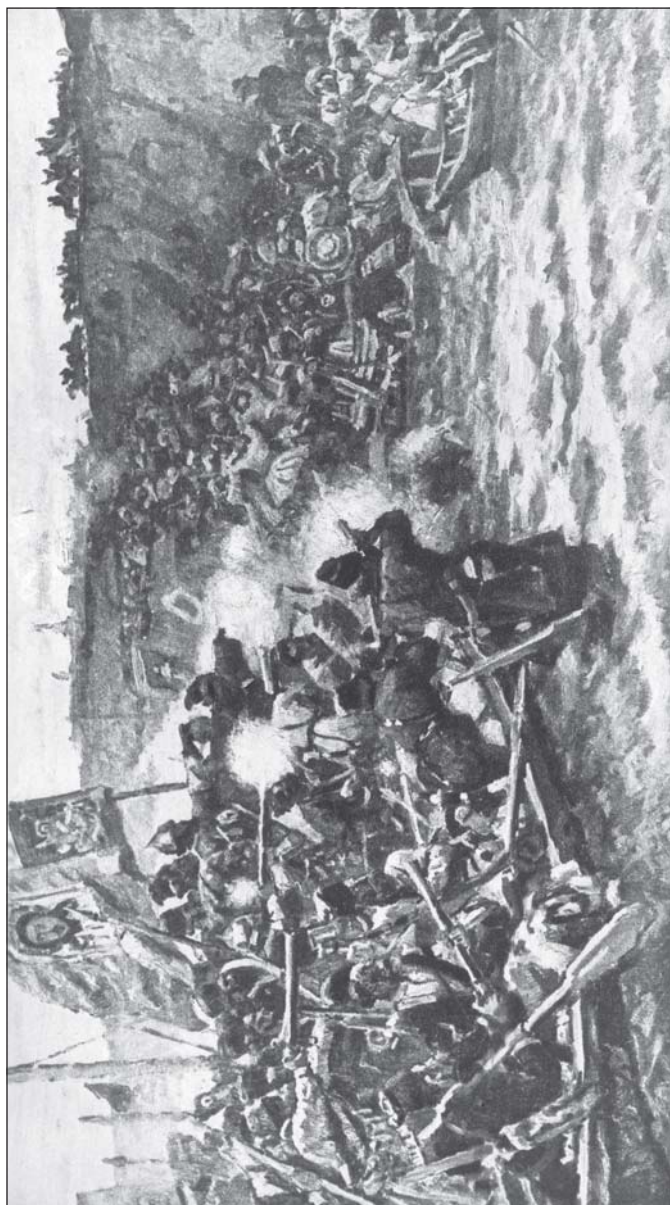
1552 г., что он был искусным и в том, и в другом. Но вот о чем нельзя все же не сказать. И победа на Куликовом поле, и взятие Казани куплены нами нелегким трудом и немалой кровью. Хотя постоянные войска Иоанна Грозного и обеспечили ему размах и мощь в наступлении, но они не обладали еще одним качеством — надлежащей боевой выучкой. Вот в этом-то и кроется ответ на вопрос, почему в ливонских и последующих войнах замыслы Иоанна IV не остались осуществленными до конца. Второй причиной неудач Иоанна Васильевича была внутренняя крамола, доводившая его даже до потери душевного равновесия...

И однако Иоанна Грозный навеки останется в памяти людской как царь, широко понимавший задачи своей Родины, умевший развить замыслы и стремления своих предшественников, поведший нас поступательно важнейшим историческим путем при помощи ряда славных помощников¹.

В доказательство же того, как много значила выучка, приведу вкратце оценку ливонских походов Иоанна IV.

Ливонская война (1554—1583 гг.) и прямое следствие ее, война с Польшей и Швецией, до 1582 г. по способу ведения резко отличались от первых войн Иоанна. Некоторые частные успехи наши (завоевание важных стратегических пунктов в Ливонии до 1558 г., взятие Полоцка в 1563 г., оборона Шуйским Пскова в 1581 г.) не имели решающего значения. До 1554 г. Иоанн действовал весьма последовательно. Решительность царя строго согласовывалась с осторожностью, а в важнейшие моменты была проявлена непоколебимая, благоразумно твердая воля полководца. С 1554 г., в войне с Западной Европой, Иоанн проявил обратные качества. Причина этого кроется в занятости Иоанна вопросами внутренней жизни страны и непосильностью для тогдашних наших войск стратегической задачи.

¹ Не забудем здесь знаменитого воеводу князя Курбского, видного деятеля в Казанском походе.

Бой Ермака (с картины В. И. Сурикова)

Картина состояния ратного дела во времена Иоанна IV была бы неполной, если не упомянуть о завоевании Сибирского ханства. Известные колонизаторы северо-востока Строгановы, получившие еще в 1517 г. грамоту на заселение части Устюжского края, столкнулись со ставшим во главе Сибирского ханства Кучумом. Получив от Иоанна IV позволение посылать за Камень (Урал) ратных людей, Строгановы призвали казаков с Волги под предводительством Ермака и отправили его 1 сентября 1581 г. с казаками и 300 строгановскими ратниками (всего 840 чел.) «на покорение новых земель».

Ермак поплыл вверх по Чусовой, потом по ее притоку Серебряной; дальше казаки волоком добрались до р. Жеравли, из нее в р. Баранчу, оттуда в Тагил, а из нее в Туру. Разбив на берегу Тобола, у урочища Бабасаны, высланного Кучумом царевича Маметкула, отряд поплыл по Иртышу. На берегах его Ермак вторично разбивает Маметкула и вступает в пустой стольный городок. Так началось освоение Сибири русским государством.

В итоге Иоанн IV, положивший начало регулярному войску, усовершенствовавший организационные порядки Иоанна III, стал твердой ногой на Востоке Руси и первым указал цель действий на Западе — занять Балтийское побережье для упрочения связи с Западной Европой и для обеспечения движения на Юг, к Черному морю. Однако он не имел средств достигнуть этих великих целей как по причине их глобальности, так и в связи с отсутствием должной подготовки.

И все же там, где нужно было грудью стоять за Родину, — там мы показали всю свою доблесть. После неудачной осады Ивангорода пушкари, не желая сдаться в плен, повесились на своих орудиях. Во Пскове (1581 г.), который так и не был взят, наступательная оборона была поразительна по своей напряженности¹, а на предложение

¹ 46 вылазок за 20 недель, и Баторий в первый раз потерпел свою военную неудачу именно здесь.

сдаться за великие награды воеводы-защитники ответили королю Стефану Баторию: «Мы не жида. Не предадим ни Христа, ни царя, ни Отечества. Не слушаем лести, не боимся угроз. Иди на брань: победа зависит от Бога...» В этом горделивом ответе, в этих полных чувства национального самосознания словах можно легко провидеть позднейших защитников Смоленска, героев Полтавы, витязей Кунерсдорфа, чудо-богатырей Суворова, воинов «священной памяти 12-го года», защитников Севастополя, сидельцев Шипки и Баязета, победителей Плевны, Филиппополя, Карса, Авлиара, завоевателей Геок-Тепе, безвинных страдальцев Порт-Артура, Тюренчена, Ляюна, Мукдена и Цусимы...

Смутное время (конец XVI — начало XVII в.)

Состояние войск во время правления Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I ♦ Осада Троице-Сергиевой лавры
♦ Низложение Василия Шуйского ♦ Подвиги Минина и князя
Пожарского ♦ Освобождение Москвы ♦ Избрание царя Михаила
Федоровича ♦ Состояние вооруженных сил

Поместная основа в развитии вооруженных сил принесла свою пользу в XVI в., но увлечение ею в дальнейшем начало приносить вредные последствия. Области дробились на множество частных разобщенных хозяйств. Землевладелец получал власть над крестьянами, а так как только наличием достаточного числа рабочих рук на земле помещика обеспечивались исправность его службы и вообще все его благосостояние, то землевладельцы старались всеми мерами прикрепить к себе рабочее население, не отпуская от себя тех, кого получали вместе с землей, и связывая договорами тех, которых «называли» на свои земли. Правительство поддерживало эти домогательства помещиков.

Это, естественно, вело к ограничению свободы и прав крестьянства, которое не могло мириться со своим закре-

пощением. И так как раздвигающиеся границы страны надо было оборонять, то правительство не препятствовало перемещению людей на окраины, и недовольное население уходило на свободные рубежи.

Наряду с этим в царствование Иоанна IV развились до громадных размеров столкновения и пререкания между боярами и государем, начавшиеся еще при Иоанне III и Василии III. Иоанн же IV, введя опричину, обострил недовольства среди боярства.

Трудно жилось и мелкому служилому люду. На нем лежала вся тяжесть военной службы, обременяемая непрерывными войнами, и охрана государственных границ; между тем средств для существования не было почти никаких.

Но дальше дела пошли еще хуже. Трон Иоанна IV унаследовал его слабоумный сын, Федор, и государством правили сначала ближние бояре, а с 1586 г. — шурин царя, Борис Годунов. Вследствие этого ко всему прочему прибавилась борьба за власть между боярами.

События, развернувшиеся после смерти Иоанна, собственно говоря, и следует считать началом так называемого Смутного времени. Ужесточающаяся борьба между боярами оказывала растлевающее воздействие на жизнь русского общества. Не изменилось положение вещей и после смерти Федора Иоанновича, когда царем был избран Борис Годунов.

Правда, говорят, что после смерти Грозного, благодаря деятельности Бориса Годунова, на Руси настали спокойствие и сравнительное благополучие. Но такая перемена в общественной жизни мало отразилась на судьбах воинов, да и продолжалась она недолго: происки бояр, убийство царевича Дмитрия, страшный голод, постигший Русь в 1601 г., вспышка разбоев и грабежей как следствие этого голода, наконец, появление в 1601 г. слухов о том, что царевич Дмитрий жив, — все это лихорадило общество.

Правящие круги более всего были заняты не государственными, а своими личными делами.

В-третьих, Борис Годунов был умным правителем и искусным дипломатом, но не любил военного дела.

Обиженное и завистливое боярство, потерпевшее неудачу в своих происках против Бориса Годунова, после смерти Федора Иоанновича, прибегло к новому страшному орудию разрушения страны — поддержке самозванца Лжедмитрия I. В стране начался полнейший развал. Бояре же, видя в самозванце только средство избавиться от Бориса, переходили на сторону Лжедмитрия и тем впервые привлекли русские войска к решению вопросов внутренней жизни — главным образом, занятия царского престола.

Но вот что надо оговорить здесь. Судорожно хватаясь как за спасителя за призрачную тень законного царя, наследника Иоанна Васильевича Грозного, наш народ ввергся в начале XVII в. в пучину Смутного времени, руководимый горячим желанием вернуть России законную неограниченную царскую власть и скинуть бремя боярских насилий. Ясно, какое удобное время для натиска на Русь представляло все это междоусобие ее исконным врагам и соперникам. И вот уже и измена изнутри, и натиск снаружи начинают колебать Русь до основания. После убийства Лжедмитрия I появляется второй самозванец. Игрушка в руках бояр и поляков, Лжедмитрий II, сразу же прозванный вором, руководимый хитрым и даровитым Рожинским и поддерживаемый известными польскими вождями Сапегой, Лисовским, в июне 1608 г. создает Тушинский лагерь в 13 верстах от Москвы, куда стекается всякого рода сброд из вольных людей.

23 сентября 1608 г. Сапега с 30-тысячным войском вышел из Тушинского лагеря и обложил Троице-Сергиеву лавру, где не было и 3 тысяч бойцов. С 1 октября он повел осадные работы, 12 октября пошел на общий приступ, но был отбит и преследуем, после чего назначил взорвать 9 ноября юго-восточную часть стены лавры через заранее подведенный к ней подкоп. Но Бог судил иначе: смелой вылазкой в ночь на 9 ноября осажденные разрушили замыслы врага, взорвали подкоп, при этом нанеся врагу убыль до 2 тысяч человек, разрушили осадные

Осада Троице-Сергиевой лавры (с картины Милорадовича)

укрепления и захватили часть орудий и боеприпасов, потеряв в ходе операции лишь немногим более 200 человек. Сапега перешел тогда на тесное обложение, которое продолжалось до мая 1609 г. Голод, болезни и — чего греха таить — внутренние раздоры истомили и измучили защитников. К весне их убыль превысила 2 тысячи человек, и 30-тысячному врагу, всегда сытому, бодрому и свежему, противостояли лишь 1 тысяча бойцов, от слабости едва державших в руках оружие. Однако долг пересилил все.

Два жестоких общих приступа, 27 мая и 28 июля 1609 г., вновь были отбиты — последний всего 200 бойцами с женщинами и детьми, — и оба раза защитники находят в себе силы преследовать врага — воистину подвиг нечеловеческий, сверхъестественный!.. Сапега продолжает осаду, а лавра гордо стоит еще полгода, не только не склоняясь перед врагом, но даже все время беспокоя его вылазками...

Между тем, князь Скопин-Шуйский, несмотря на преследующие его невзгоды (измена союзников-шведов, слабая боеспособность ополчений), хотя и медленно, но твердо шел на Москву, отвоевывая отобранные поляками земли, и к осени 1609 г. его успехи встревожили самого Рожинского, а ближе к зиме привели и к бегству самозванца.

Особенно замечателен подвиг взятия Твери, когда Скопин-Шуйский обманывает врага ложным отходом — и берет Тверь своими слабыми войсками ночью...

Нежелание Рожинского делиться славой с Сапегой привело к отказу от совместных с ним действий, и Скопин-Шуйский, выслав дважды подмогу в лавру (в середине октября 1609 г. и начале января 1610 г.), побудил наконец Сапегу снять 12 января осаду. Стойкая оборона Троице-Сергиевой лавры помогла оградить Москву от вторжения польских интервентов, а значит, и защитить всю Россию.

Оборона Смоленска, героическая и стойкая, длившаяся 22 месяца, кончилась, однако, его падением. Внезапная кончина освободителя Москвы, Скопина-Шуйского,

вызвала тягостные последствия. К Москве снова подошли «Тушинский вор» Лжедмитрий с Жолобовским, — и бояре, ища спасения, ухватились за сына Сигизмунда, Владислава, на условии сохранить православие. Но вместо Владислава Русь захватил Сигизмунд.

Когда же 16 июля шведы обманом взяли Новгород, а во Пскове в это же время объявился Лжедмитрий III, многие не без основания стали считать, что для Руси настали последние дни. Положение еще более обострилось после неудачи ополчения Ляпунова.

Но призыв патриарха Гермогена, архимандрита Троице-Сергиевой лавры Дионисия и ее келаря Авраамия Палицына поднял нижегородцев на борьбу во главе с земским старостой Козьмой Мининым-Сухоруким. К ним быстро присоединились новые ополчения, возглавил которые, по их же выбору, князь Дмитрий Пожарский.

Медленно продвигаясь вдоль Волги, Пожарский постепенно усиливался новыми дружинами. Только в августе 1612 г. двинулся он из Ярославля к Москве и занял укрепления к северо-западу от Кремля. На южной же и юго-восточной стороне города стояли казаки князя Трубецкого из первого ополчения.

22 августа поляки двинулись на Пожарского, но после семичасового боя отступили. 24 августа они снова ударили, но, будучи отброшены, стали уходить по Смоленской дороге. Последствиями этих побед Пожарского были сдача в плен поляков, находившихся в Кремле, и занятие нами Москвы.

Грамотой от 25 ноября Пожарский созвал в Москву по 10 человек каждого из городов для выбора царя. 21 февраля 1613 г. на Земском соборе единогласно был избран на царский престол Михаил Федорович Романов и этим был положен конец Смутному времени.

События на Руси в конце XVI и начале XVII в. поколебали все устои государства и нравственно расшатали общество. При таких условиях военное искусство не только не могло развиваться, но, напротив, приходило в упадок.

При Лжедмитрии II и нашествии поляков, когда разгром был полный, не могло действовать даже прочно установленное было поместное право. Приходилось наскооро собирать ополчения самого смешанного состава, лишённые какой бы то ни было подготовки и опыта.

Необходимо, однако, отметить попытки создания регулярной вооружённой силы, которые предпринимались Борисом Годуновым и Василием Шуйским и сводились к найму иностранцев. Заботами Василия Шуйского были переведены с немецкого и изданы «Воинская книга» и «Устав дел ратных». Эти издания свидетельствуют о том, что у нас осознавалась потребность заблаговременной подготовки войск к предстоящим военным действиям.

Неурядицы Смутного времени не остановили распространения у нас огнестрельного оружия: в походе Иоанна IV в 1552 г. было 150 тяжелых орудий, в войне со Швецией при Федоре Иоанновиче — уже 300. Усовершенствовалось также ручное огнестрельное оружие: появились карабины и пистолы, или пистолеты.

Миролюбие царя Бориса выразилось, между прочим, в особенном внимании к содержанию в порядке укрепленных пограничных черт и к соблюдению правил несения пограничной сторожевой службы. Заботы эти пригодились. Южнорусская Украина благодаря укреплению границ не раз удачно отбивалась от самозванцев. В то же время в России появились полевые окопы новейшей фортификации, называемые шанцами — четырехугольные земляные редуты.

Возникшие в Смутные времена народные ополчения не могли, конечно, стать вровень с регулярными войсками. Но там, где сознавали, чего хотели, где горела вера в Бога и в славное будущее России, где войска и вожди были объединены чувством взаимного доверия, — там, в умелых руках, ополченцы творили чудеса, и живые примеры тому — подвиги Скопина-Шуйского, Пожарского, беспримерная оборона Троице-Сергиевой лавры, Смоленска, прославившие доблесть русских защитников Родины.

XVII столетие

Общие условия развития военного искусства: состав войска; вооружение; управление; боевая подготовка; строй и способы действия; порядок и дух войск ♦ Крымские походы князя Голицына

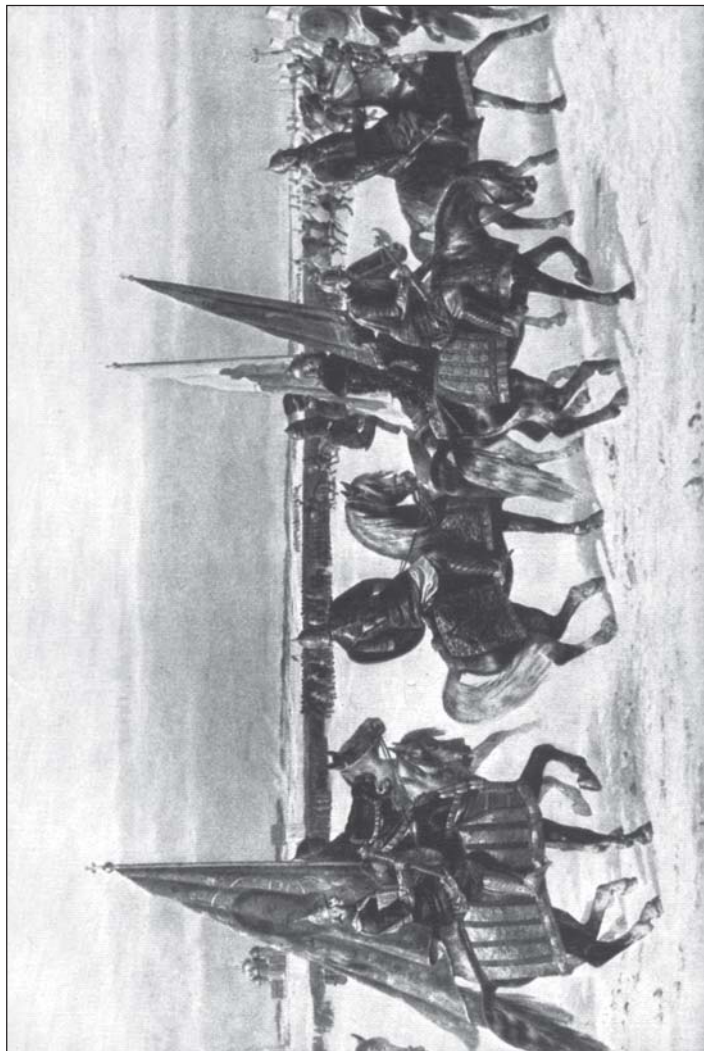
Общие условия развития военного искусства. После завершения Смутного времени казаки продолжали терзать Русь во всех направлениях, а отношения со Швецией также вызывали немало забот.

Чтобы бороться с этими невзгодами, молодой царь Михаил со своими советниками и Думой решили собрать денег в казну на обустройство войска. Задача эта была крайне трудна. После пережитых смут государство было совершенно расстроено и водворить порядок было весьма нелегко. Поэтому пришлось пока вернуться к поместному устройству войск с приданием им большей стройности и повышением боеспособности.

В 1620 г. произведена первая перепись. С этой целью были посланы «писцы и дозорщики» описать все земли, принадлежавшие казне, городам, монастырям и частным лицам, со всеми их угодьями, а также количество собираемых с них доходов и число дворов и жителей. Перепись позволила восстановить порядок в поместном устройстве войск.

Дальнейшие заботы касались сглаживания недостатков самих войск. Они сознавались московским правительством, особенно после 1620 г., когда на Руси водворился некоторый порядок, а фактическим правителем страны стал умный, сильный волей, опытный в делах отец государя, патриарх Филарет. Но поскольку на Руси не нашлось личности, способной взять на себя преобразование военного дела, пришлось обращаться к иноземцам.

Однако в царствование Михаила Федоровича наблюдаются лишь слабые подступы к преобразованиям, да непрерывные войны и мешали им, и только при царе Алексее Михайловиче преобразовательные устремления как в масштабах всего государства, так и военные получили

Смотр войск царем Алексеем Михайловичем (фрагмент картины Свечкова)

бóльшие развитие и определенность. Носителями прогрессивных тенденций явились Крижанич, Котошихин, Ртищев, Ордын-Нащокин и особенно Матвеев, который был совсем западным человеком. В его-то доме, поставленном вполне на европейскую ногу, и воспиталась мать Петра Великого.

И вот эти-то люди и берут на себя смелость утверждать, что сила государства зависит «от строев военных», которые требуют у нас улучшения; что военное искусство зависит не от одной лишь «природы», но и от развития и образования. Отсюда понятно, почему тогда же появляется, с одобрения царя, книга, в которой проповедуется такая дерзкая по тем временам мысль, что «ратная премудрость, oprичь¹ богословия, паче и превыше всех иных премудростей».

Необходимо, однако, заметить, что все сторонники преобразований считали полезным брать от Запада только суть, дабы воплощать ее применительно к особенностям родной обстановки.

В царствование третьего Романова, Федора Алексеевича, новые прогрессивные течения уже окончательно завоевали себе все права. Оказалось возможным уничтожить местничество и захватить все современное общество идеей преобразования, которое в конце XVII в. поверило, что «народ российский... паче о бранех, ниже о книгах, паче об обучении воинском, ниже обучении школьном тщание имеяше».

Совершенно определенно московское правительство осознало необходимость обучения войск европейскому строю; в 1630 г. государева грамота, обращенная к ряду городов, призывает в Москву детей боярских обучаться ратному делу у немецких полковников Александра Лесли и Франца Пецнера. Предполагали создать два полка пехоты, обученных европейскому строю, каждый в 1 тысячу человек.

Однако детей боярских, желавших поступить в солдатский строй, оказалось недостаточно. Тогда решено было

¹ Oprичь (устар.) — кроме, не считая (чего-либо).

брать всяких охочих людей. Вместе с тем среди иноземцев, служивших в России, оказалось недостаточное число годных к преподавательной работе, и было послано за ними за границу.

В 1632 г. у нас появились четыре солдатских пехотных полка и один рейтарский общей численностью 9500 человек, из которых 6500 русских и 3000 иноземцев.

Полки эти тотчас были двинуты под Смоленск, осажденный войсками боярина Шеина. Однако под Смоленском они никак себя не проявили, и даже возникшие неурядицы привели их к роспуску и прекращению подобного рода практики. Но все же первый опыт создания солдатских полков оказал свое положительное влияние.

Во-первых, полк впервые был разделен на роты. Во-вторых, появляются чины: а) полковник; б) большой полковой поручик, т. е. подполковник; в) майор; г) капитан (ротмистр); д) поручик и е) прапорщик, т. е. установилось чинопроизводство, не имеющее ничего общего с чинами старых русских войск. В-третьих, каждому из названных иноземных чинов соответствовала строго определенная строевая должность со строго регламентированными обязанностями. В-четвертых, отменялось прежнее исключительное право разных сословий на известные привилегии по службе.

В-пятых, к офицерским чинам предъявлены новые требования, а именно: «мудрость и доброискусность», т. е. знание и умение, а не только родовитость происхождения, как было до сих пор.

В-шестых, первые солдатские полки дали возможность подготовить такие же полки исключительно из русских. Для этого одновременно с иноземцами в полки был назначен второй состав офицеров всех чинов из русских. Польза опыта сначала была ничтожна, но сын боярский все же стал привыкать носить иное звание с более определенными служебными обязанностями и находиться, уже не по бедности, — под началом иноземца.

Короче, опыт создания первых солдатских полков все же проложил резкую грань между русскими войсками XVI

и XVII в.: между старым строем, признанным неудовлетворительным, и новым, потребность в котором уже чувствовалась.

К концу царствования Федора Алексеевича полков «иноземного строя» было уже 63, а именно: 38 пеших солдатских и 25 конных драгунских, называемых тогда копейно-рейтарскими. Общая численность этих полков достигала 90 тысяч человек, из них 60 тысяч русских, т. е. две трети от числа иноземцев.

Вместе с тем количество стрельцов в войсках стало увеличиваться: в конце XVI столетия их насчитывалось около 15 тысяч, а в начале последней четверти XVII столетия — 20 тысяч, да кроме того, городских стрельцов 30 тысяч. Такой рост числа стрельцов был вполне естествен, так как за счет них существенно возросло число пехотинцев, что и требовалось по причине постоянной борьбы с западными государствами, обладающими многочисленной пехотой.

Ратные люди иноземного строя разделялись на следующие роды: 1) рейтары и копейщики; 2) драгуны и 3) солдаты. Если сначала в числе их были только иноземцы, то потом: 1) «гуляющие некрепостные люди», 2) дворяне, дети боярские, иноземцы и новокрещенные.

Рейтары были конницей. Драгуны несли службу пешую и конную. Солдаты являлись пехотой.

Войска иноземного строя устраивались по западноевропейским, главным образом немецким, образцам.

Рейтары, драгуны и солдаты соединялись в полки численностью от 1000 до 1500 человек.

Полки делились на роты. В солдатских полках были роты мушкетерные и пикинерные, или роты копейщиков. Пикинерные роты составлялись из отборных солдат.

При полках была полковая артиллерия, шесть-восемь орудий при каждом. Такое же количество полковых пушек было и при стрелецких полках, а при остальных — не более пяти пушек в каждом.

Во главе каждого полка иноземного строя стоял полковой полковник; ближайшим помощником его и замес-

тителем был полковой поручик или подполковник. В каждом полку был полковой сторожеставец и полковой станоставец. Первый (впоследствии майор) был старшим офицером штаба полка и ведал походными движениями, расположением на отдых, внешним охранением, поддержанием внутреннего распорядка и безопасности и разведыванием. Он являлся вторым заместителем командира полка. Полковой станоставец (впоследствии квартирмейстер) был помощником сторожеставца и его заместителем.

Во главе каждой из рот полка стоял в пехоте капитан, а в коннице — ротмистр. Помощником их являлся поручик. Младшим офицером в роте был прапорщик.

Указанный состав отразился и на войсках русского строя. Бывший стрелецкий приказ, численность которого была увеличена с 500 до 1000 человек, с 1680 г. стали называть полком, голову — полковником, помощника головы, называемого раньше полуголовой или пятисотенным, — подполковником. Ротам соответствовали у стрельцов сотни, командиров которых теперь стали называть тоже капитанами.

В полках иноземного строя все офицеры — до капитана и ротмистра — были из иноземцев, прочие же офицеры сначала тоже только из иноземцев, а затем часть их была и из русских.

Соединений выше полка в войсках иноземного строя не было, но все-таки явилась необходимость установить по иноземному образцу генеральские чины. В самом начале XVII столетия у нас введены три генеральских чина: генерал-майор, генерал-поручик и генерал.

Высшим соединением войск является армия, действующая в боевых условиях по известному заданию.

Армия делилась на разряды (современные корпуса). Разряды состояли из войск различных родов и видов; понятие разряда в то время соответствует также и «Большой полк». Разряды делились на полки в прежнем широком смысле, т. е. вроде современных дивизий, из нескольких родов и видов войск.

Наконец, эти полки, в свою очередь, состояли из нескольких полков, в современном нам смысле — отдельных строевых и хозяйственных единиц. Главнейшими недостатками нового строя были следующие:

1) для генералов, которые были и иноземцами, и русскими, несмотря на то что они явились наиболее подготовленными кадрами, было закрыто дальнейшее продвижение по службе; и правительство, и армия не могли извлечь из них всей той пользы, какую они действительно могли принести;

2) двойственность в устройстве низших соединений: полков иноземного строя и поместной конницы и стрельцов, что представляло громадные неудобства. Затрудняя служебные передвижения, оно влекло за собой два устройства, две тактики, два разных способа обучения и боевого употребления частей одной и той же армии.

Двойственность эта отчасти была уничтожена приданием стрельцов полкам иноземного строя, но оставалось еще преобразовать поместную конницу или вовсе отказаться от нее.

Явная зависимость от местничества, приносившего так много зла и армии, и государству, привела к тому, что в царствование Федора Алексеевича, в 1682 г., особым собором было постановлено уничтожить этот пагубный обычай. С уничтожением местничества иноземное чиновничество у нас окончательно восторжествовало: устройство войск достигло необходимого единства, а при замещении высших должностей правительство получало полную свободу действий.

Нужно, однако, заметить, что правительство свободой этой пользовалось весьма осторожно. Вплоть до Петра Великого оно по-прежнему отдает предпочтение воеводе перед генералом, хотя уже не считается с родовитостью лица, назначаемого воеводой, и этим окончательно подготавливает общественную мысль к согласию с решением Петра поставить, еще до начала преобразования войск, во главе армии генералиссимуса Шеина и генералов Гордона, Головина и Ригимона.

Вооружение. Ручное огнестрельное оружие в конце XVII в. стало менее длинным и тяжелым, а потому и более удобным. В частности, это удобство было достигнуто заменой фитильно-колесного замка замком ударно-кремневым. В то же время вновь появляются отдельные образцы ружей, заряжаемых с казенной части, нарезных и даже подобных нашим скорострельным ружьям.

Главными видами ручного оружия были пищали, карабины и пистолеты, известные еще в XVI в., затем появились мушкеты довольно большого калибра, из которых стреляли с вилообразной подставки.

Хотя у нас постепенно и развивалось производство огнестрельного ручного оружия, но все же в основном приходилось выписывать его из-за границы. Холодное оружие (сабли, шпаги, пики, топоры, бердыши, копья и мечи) тоже закупалось в Западной Европе.

Наконец, существовало предохранительное снаряжение (шишак, латы и панцири).

Поместная конница и городовые войска были вооружены пищальями, карабинами, пистолетами и саблями, стрельцы — мушкетами, бердышами и саблями, первые сотни в полках — копьями и мечами.

Рейтары имели шишаки, латы или сабли, мушкеты или карабины и пистолеты; драгуны — мушкеты или карабины, шпагу и топор или бердыш; солдаты: мушктеры — мушкеты, шпаги; пикинеры — латы, шишаки, шпаги и длинные копья.

У драгун оружие было казенное.

Рейтары, имевшие поместье, должны были выезжать на службу на собственных лошадях и содержать себя сами. Не имевшие собственных доходов получали на время похода жалованье, одежду и лошадь.

Драгуны получали от казны лошадей, все снаряжение, денежное жалованье, довольствие и одежду.

По окончании похода драгуны отсылали лошадей со всем конским снаряжением по областям на кормление жителям, по одной на четыре двора.

Солдаты жили в особых солдатских слободах, где им давались дворы, в которых они жили с семьями. Как в мирное, так и в военное время они должны были обеспечивать себя всем необходимым самостоятельно, для чего получали жалованье.

Управление вооруженными силами. С увеличением численности войск вообще и с появлением постоянных войск появляется новое приказное управление. Первые указания о создании приказов относятся к 1512 г., а при царе Алексее Михайловиче число приказов под разными наименованиями доходит до 42.

Правильного и точного разграничения между приказами сфер их ведения не было. Так, Оружейный приказ, впоследствии Оружейная палата, ведал изготовлением огнестрельного оружия, выделкой и рассылкой гербовой бумаги и наблюдением за писанием икон. Не было строгого разграничения ведения и между верхним и областным управлением. Многие находились в полном недоумении, какому приказу они подведомственны по тому или другому делу.

Личный состав приказов состоял из старинного родового дворянства и дьяков. Дьяки имели большое влияние, так как без подписи их никакая канцелярская бумага не исполнялась. Иностранцы, говоря о России, упоминают о дьяках с большим почтением и называют их «канцлерами».

Наибольшее значение получил Разрядный приказ, или Разряд, так как он представлял высшее управление вооруженными силами России.

В этом приказе, по словам Котошихина¹, были ведомы «всякие воинские дела и города строением, и крепости починкою и ружьем и служилыми людьми. Также ведомы бояре, окольничие и думные, и ближние люди, и стольники, стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы... и казаки, и солдаты всякою службою; и кого куда случится

¹ Г. К. Котошихин (ок. 1630—1667) — подьячий Посольского приказа. В 1664 г. бежал в Швецию, где по заказу правительства написал сочинение о России.

послать на службу на войну... то указ о том в приказе разрядном», т. е. в разряде сосредоточивались все дела, которыми ведают теперь Главный штаб, Главное управление Генерального штаба, Канцелярия Военного министерства и разные Главные управления. Только учет поместных войск не входил в обязанности Разряда. Все делопроизводство находилось в руках людей хотя сравнительно и с высоким уровнем образования, но совершенно не сведущих в военном деле.

Были и другие приказы: Стрелецкий, Пушкарский, Оружейный, Иноземный, Рейтарский и Поместный. Каждый ведал своим отделом, но в зависимости от Разряда. Кроме них были еще другие, менее важные.

В общем, приказное управление приводило к чрезвычайной централизации власти в мирное и в военное время и к огромному влиянию дьяков на все дела и даже боевые действия. Главный воевода, получая наказ, хотя и должен был действовать по своему усмотрению и по обстоятельствам, но на деле его полномочия ограничивались указаниями Разряда.

Боевая подготовка войск. Рейтары в мирное время были свободны от службы и жили по своим поместьям. Осенью, после уборки хлеба, они собирались по царскому указу для ратного обучения в областные города. Для этого из Москвы высылались в соответствующие города рейтарского строя полковники. Обыкновенно сбор рейтаров продолжался около месяца.

Драгуны по окончании похода распускались по домам и в мирное время ни в какие учебные сборы не собирались.

Обучение солдат производилось так же, как и рейтаров.

При очерченных условиях вряд ли можно говорить о предварительном обучении войск иноземного строя. Но все же они, хотя и немного, обучались, а имея начальников, лучше подготовленных, могли быть лучше руководимы и скорее усваивали бы требования боевой службы.

Для солдатских полков в царствование Алексея Михайловича был издан в 1647 г. устав. Устав этот носил название «Учение и хитрость ратного строения пехотных

людей». Будучи весьма любопытным историческим документом, он, однако, за 10 лет был продан всего в числе 134 экземпляров. Очевидно, на него смотрели только как на пособие.

Строй и способ действия войск. Походные движения совершались в прежнем порядке: впереди и по сторонам — конница для разведки и дальнего охранения. Непосредственно впереди — авангард, составленный из наиболее надежных войск. За авангардом — главные силы с артиллерией в середине и обозами сзади. Обозы были громадные, что стесняло армию: шли не более 10–15 верст в день.

Войдя в соприкосновение с противником, армия всегда старалась двигаться таким образом, чтобы быть готовой принять оборонительный бой. Для этого необходимо было двигаться сосредоточенно, дабы скорее «стать в обоз», т. е. окружить себя повозками. Следствием этого явилось движение вблизи противника, где только позволяла местность, конницы впереди и по сторонам, а пехоты с артиллерией и обозами — позади и внутри. Так выработалось движение, известное под именем «полкохождение».

При встрече с противником пехота с артиллерией спешила укрыться за обозами или в гуляй-городе, а конница стремительно бросалась на неприятеля «казацким обычаем», беспорядочно густой толпой. В случае неудачи конница по-прежнему укрывалась за пехоту, и последняя уже выдерживала удар, стараясь только отбиться от нападения.

Вообще, наши войска охотнее прибегали к бою за укреплениями и в крепостях и удачнее выдерживали осады, чем полевые сражения. За окопами они выказывали чрезвычайную стойкость, а в поле для наступательного боя уже не обладали достаточным порывом. К этому необходимо добавить, что сторожевая служба не отличалась бдительностью, что нередко вело к неожиданным нападениям противника и к поражениям русских войск, причем артиллерия и обозы часто попадали в руки неприятеля.

Итак, появление войск иноземного строя пока оказало весьма малое влияние, распространение же огнестрель-

ного оружия привело даже к большему предпочтению обороны.

Порядок в войсках и дух их в XVII в. значительно упали вследствие утомления и изнурения от долгих войн и потрясений государственной жизни. Обеднение привело к плохому вооружению и снаряжению. Существует много суровых отзывов о наших войсках того времени. Но ведь те же войска все же вели войны с Польшей и Швецией, сберегали Россию от татар и казаков, держали порядок внутри... Временный упадок не погубил нас, он только доказал необходимость преобразований в армии, что и предпринял царь Петр, а вслед за этим явились «славный век Екатерины» и «чудо-богатыри Суворова»...

В общем, XVII в. в истории нашего военного искусства является подготовительным, переходным. Только благодаря работе, проделанной в XVII в., явилась возможность произвести те нововведения в военном деле гениального Петра, необходимость которых диктовалась самим временем.

Как пример состояния наших войск и их боеготовности к войне рассмотрим поход в Крым князя Голицына, любимца царевны Софьи.

Царевна Софья, получив осенью 1686 г. известие о новом набеге крымцев на Малороссию, приказала собрать 100-тысячное войско для похода и не только требовала участия в нем австрийского императора и польского короля, но и просила содействия у королей французского и испанского. Начальство над войском она вручила своему любимцу, князю Василию Васильевичу Голицыну. Лишь в начале мая 1687 г. собралось на р. Мерле войско, к которому на р. Сакмаре присоединились 50 тысяч малороссийских казаков. Пройдя за три недели 700 верст, армия 13 июня переправилась через Конские Воды. При дальнейшем движении она была встречена большим пожаром в степи, подожженной татарами; безводье, дым и летний зной изнурили людей и лошадей. Не встретив на пути до р. Карачакрак ни одного татарина, Голицын собрал здесь военный совет, на котором воеводы, ввиду истощения взя-

тых с собою запасов и трудности пройти оставшиеся до Перекопа 200 верст по безводной и обгорелой степи, решили вернуться. Отступление совершено было столь поспешно, что оставлены были позади обозы. На р. Мерле войска встретил боярин Шереметев, привезший реляцию с выражением признательности царевны за успешный поход, богатые награды Голицыну и воеводам и указ о роспуске ратных людей по домам.

С весны следующего года хан производил непрерывные набеги на Украину и Волынь, прорывался до Киева и Полтавы, увел более 60 тысяч пленных, пожег и разорил наши южные пределы. Поэтому 18 сентября 1688 г. царевна вновь объявила поход на Крым. Чтоб избежать зноя и степных пожаров, решено было начать поход до наступления весны, для чего ратным людям велено было собраться к указанным пунктам в Малороссии в феврале 1689 г. Начальство снова вверено Голицыну, который 17 марта выступил с главным полком из Сум.

В начале похода войска страдали от жестокой стужи, быстро сменившейся оттепелью; реки разлились; для переправ приходилось строить мосты и гати. 17 апреля Голицын прибыл к р. Орел, где собрались все силы общей численностью 112 тысяч человек (не считая малороссийских казаков, присоединившихся на р. Сакмаре); солдатскими и рейтарскими полками начальствовали исключительно иноземцы; при войсках было 356 пушек и свыше 20 тысяч повозок с довольствием на два месяца. Двигались весьма медленно и с большими предосторожностями, построившись в виде большого четырехугольника; далеко высылали разъезды, но в течение месяца не встретили неприятеля. Сперва шли вдоль Днепра, а затем свернули к Перекопу.

15 мая появились в первый раз 10 тысяч татар, но после незначительной перестрелки отступили на урочище Черная долина, где хан стремительно ударил на Голицына и, несмотря на то что располагал несравненно слабейшими силами, произвел немалый беспорядок, но в конце концов был отбит артиллерией. Потеря наша в этом

деле — около 1300 человек. После этого татары уже не решились нападать, и Голицын 20 мая остановился в виду Перекопа. Несмотря на незначительность его укреплений, громадное превосходство сил русских и то, что татары, видимо, были потрясены неудачей, Голицын не решился брать крепостцу и, озабоченный лишь тем, как бы благополучно вернуться в Россию, 16 мая послал хану предложение о мире, требуя, чтобы татары: 1) не ходили войной на Украину и Польшу; 2) не брали дани и 3) отпустили всех русских пленных.

Татары, с ужасом ожидавшие вторжения русских в Крым, были до крайности удивлены поступком Голицына, вели переговоры, явно насмехаясь над ним, и отказались от всех условий, предложенных Голицыным, который, заботясь лишь о безопасном отступлении, не настаивал и просил только, чтобы татары не беспокоили его на обратном пути. 21 мая он начал отступление, настойчиво преследуемый в течение восьми суток татарами, не дававшими покою ни днем, ни ночью.

Между тем Голицын писал не только Софье, но и польскому королю о своих блистательных победах над татарами и полном разгроме их. На р. Мерле рать была распущена. Голицын поспешил в Москву, где Софья осыпала его новыми наградами. Как видно, картина удручающая и прямо показывающая, что Россия в нынешнем состоянии требовала какого-то нового поворота в своем развитии, нового прилива сил...

Великий Петр влил в нее эти новые силы, и русские войска быстро показали, что равных им нет на свете.

Эпоха Петра Великого

*П. М. Андрианов, подполковник
Генерального штаба*

Военное искусство Петра Великого

**Зарождение регулярной армии ♦ Азовские походы ♦ Первый
рекрутский набор ♦ Организация регулярной армии;
вооружение; обмундирование; подготовка**

Ярким блеском засиял в конце XVII в. на русской земле светоч — царь Петр Великий. Как сказочный чародей прикосновением волшебного жезла пробуждает от долгого сна спящую царевну, так и Петр силой своего великого гения пробуждает обширное Московское царство к новой жизни, направляет по новой колее исторического бытия. Гигантский сдвиг, который удалось произвести великому преобразователю нашей родины как во всех сферах внутренней жизни страны, так и в области внешнего мирового ее положения, явился результатом огромной вдумчивой работы царя, работы созидательной, работы организационной. Смелым могучим взмахом разбивал Петр все то, что было непригодно для страны, и в то же время создавал новые основы во всех отраслях государственной жизни.

Задумав выдвинуть свою державу на уровень первостепенных европейских государств, царь Петр прежде всего сознавал, что в сонм просвещенных стран можно вступить, лишь опираясь на могучую военную силу, что важное мировое положение может быть только завоевано, что значение его государства будет всецело зависеть от состояния вооруженных сил в стране. Проникнутый этим

сознанием, царь Петр со свойственной ему удивительной энергией приступает к созданию в России постоянной регулярной армии и флота. Работа Петра Великого по созданию нашей вооруженной силы была столь плодотворна, что к концу его царствования Россия, вставшая вровень с великими мировыми державами, могла опираться на многочисленную, прекрасно обученную армию и на сильный флот. Уже в 1705 г., по свидетельству одного из иноземных послов при Московском дворе, «мощью собственного гения, почти без посторонней помощи, Петр достиг успехов, превосходящих всякие ожидания». Доброе семя дает прекрасные всходы. Таким добрым семенем для русской армии послужили «потешные войска», набранные в 1683 г. в селе Воробьева для забавы маленького царя.

Воинственность была несомненно врожденной склонностью Петра. В годы младенчества царевича интересовали исключительно игрушки военного характера. В придворных мастерских для младенца Петра изготовляли всевозможное оружие, которым тешился царевич и вооружал своих сверстников, «потешных ребятков». Первым руководителем Петра в военных играх и забавах был командир одного из иноземных солдатских полков — Менезиус.

Стрелецкий бунт в мае 1682 г., переход правления в руки властолюбивой царевны Софьи создают новые условия жизни малолетнего Петра. Удаленный от большого двора, освобожденный от придворного этикета, устраненный от всякого участия в государственных делах, Петр пользовался полнейшей свободой и по свойственной ему врожденной склонности, живя в пригородных селах Воробьева и Преображенском, предавался почти исключительно военным забавам.

Вокруг 10-летнего царя собираются для воинских забав отчасти дети дворовых людей, сверстники Петра, отчасти дети бояр, окружавших царицу Наталью Кирилловну. Обаяние Петра сказывалось в том исключительном увлечении, с которым предавалось «потехам Марсовым» это своеобразное войско. «Потешные» мало-помалу внеш-

не приобретают вид войсковой части. Занятия «потешных» носили преимущественно характер полевых упражнений.

В 1684 г. на реке Яузе возникает крепость, со стенами, башнями, рвами. Эта крепость, служившая сборным местом для «потешных», получила название «Пресбург». Близ крепости вскоре вырастают конюшни и другие постройки. Появляется целый городок.

На суше и на воде все время кипела работа. Всем руководил энергичный юноша-царь. Каждая отрасль службы была лично проверена и испытана неутомимым Петром. Не раз в осеннюю непогоду или в зимнюю стужу отстаивал царь свою очередь на часах; не прочь был Петр ознакомиться и с барабанной наукой; в его ловких крепких руках лопата грубо врывалась в землю; трудно было соперничать с царем в искусстве метания копья, в стрельбе из лука или мушкета. Практическая школа военного дела, так сказать, одиночная подготовка была пройдена Петром в период созидания «потешных».

Отсутствие церемонного этикета в Преображенском благоприятствует сближению молодого царя с иностранцами, которые много способствовали как общему, так и военному образованию Петра. Среди этих руководителей молодого царя выдвигается на первый план командир Бутырского солдатского полка генерал Патрик Гордон.

Шотландец Гордон, прежде чем попасть в далекую, малоизвестную в просвещенных государствах Московию, долго искал счастья в различных странах Европы. Прекрасная военная школа пройдена была Гордоном первоначально в Швеции, в рядах лучшей в те времена шведской армии. Затем судьба забросила его в Польшу. Здесь он принимает участие в борьбе против русских, но вскоре склоняется на предложение русского дипломатического агента Леонтьева и поступает на русскую службу — майором. С русскими войсками Гордон совершает Чигиринские походы, выделяясь среди других командиров своими богатыми военными дарованиями и доблестью. Наградой за походы для Гордона был чин генерал-майора и назначение командиром Бутырского солдатского полка.

Проходя практическую боевую школу, Гордон одновременно изучал военные науки — фортификацию и артиллерию; ознакомился с устройством вооруженных сил в важнейших государствах Европы. При широком уме, обширных познаниях в области военного дела Гордон совмещал в себе высокие нравственные качества, личное обаяние, умение держать в руках подчиненных.

Для молодого пытливого Петра умудренный опытом, уже пожилой Гордон являлся драгоценным советником и руководителем. Благожелательность, проявленная Гордоном к Петру в дни борьбы царя с Софьей, способствовала установлению дружеских отношений между боевым опытным командиром и жаждавшим познаний в области военного дела юным Петром.

Подобно Гордону, весьма благотворную роль в военной подготовке Петра сыграл женевец Франц Лефорт. С четырнадцати лет Лефорт начал службу в рядах французской армии, в войнах с голландцами приобрел боевой опыт. Переселившись по предложению царя Алексея Михайловича в Россию, Лефорт быстро овладел языком и ознакомился с нравами страны. Во время второго Крымского похода Лефорт уже командовал полком. Когда обстоятельства заставили Петра искать спасения от происков сестры в стенах Троицкой Лавры, Лефорт одним из первых явился на зов царя. Петр не мог, конечно, не обратить внимание на всесторонне образованного, жизнерадостного, общительного Лефорта и приблизил его к себе. Лефорт умело и интересно ведет занятия. Фехтование чередуется с танцами, за верховой ездой следуют уроки голландского языка. Впечатлительный Петр часами слушает живописные рассказы Лефорта о далеких западных странах, о войсках Цезаря, о бесчисленных кораблях богатой Голландии. Все сильнее и сильнее под влиянием этого живого слова пробуждалось в сердце молодого царя желание побывать там, на Западе, посмотреть на иные порядки, на иную жизнь, а потом направить по новому руслу свой государственный порядок. Кроме Гордона и Лефорта в воинских упражнениях Петра его учителями

Петр Великий (с гравюры Кнеллера)

были и многие другие офицеры-иностранцы, заброшенные судьбой в Московское царство.

Обогащенный новыми познаниями в области военного дела, вошедший уже в возраст, Петр не может довольствоваться потешными забавами. К потешным полкам, Преображенскому и Семеновскому, примыкают выборные московские полки Гордона и Лефорта. Царь Петр под руководством Гордона приобретает познания из истории военного искусства, знакомится со взглядами и деятельностью полководцев Тюренна, Монтекукколи и вместе с тем ревностно проходит практическую школу, участвуя в полевых занятиях своего молодого учебного отряда. Беседы царя с Гордоном иллюстрируются показными учениями и маневрами. Маневры совершаются ежегодно и по известной системе. В маневрах в период с 1691 по 1694 г. участвуют, кроме пехоты, конница и артиллерия. Маневры совершаются на две стороны, заканчиваются примерными сражениями. Наиболее интересным был маневр 1694 г., заставивший обратить на себя внимание всей Москвы. Этот маневр предпринят был с целью дать войскам практику в совершении наступательной переправы с боем, а также в постепенной атаке полевых укреплений. Районом действий избраны были окрестности села Кожухова, почему и маневр этот назван был Кожуховским походом. Отряд обороняющегося состоял из войск старого строя — стрельцов; отряд атакующего — преимущественно из новых войск с придачей поместной конницы. Оба отряда в начале похода прошли через Москву. Жители столицы были при этом поражены необычайным зрелищем, так как отряд наступающего был одет и отчасти вооружен по образцу западноевропейских войск.

Маневр начался наступательной переправой через реку Москву отряда Гордона, которому не могли помешать стрельцы. Переправившись, Гордон построил укрепленный лагерь. К этому времени обороняющийся успел возвести пятиугольное укрепление с 5-аршинным валом и рвом в 4 аршина глубиной. Началась постепенная атака. Наступающий закреплял пройденное пространство, уст-

Воины Преображенского полка (1695—1700):
слева направо — рядовой, сержант, офицер

раивая на флангах занятых позиций редуты. Обороняющийся действовал активно — вылазками. После сближения началась минная война. Взрыв порохового заряда, произведенный со стороны наступающего бомбардиром Петром Алексеевым, послужил сигналом к штурму ук-

репления. Отчаянно оборонялись стрельцы. В наступающих бросали гранаты, огненные горшки, лили воду, но это не могло сдержать порыва молодых полков. Укрепление было взято, и обороняющийся отошел в выстроенный сзади укрепленный лагерь. На следующий день лагерь был атакован. Схватка носила характер настоящего сражения. С обеих сторон были убитые и раненые. Обидно было стрельцам сдаваться молодым «потешным», но пришлось признать превосходство искусного и стремительного врага.

Маневренный опыт, приобретенный Петром, вскоре уступил место настоящему боевому опыту. Внимание царя привлекают южные берега Черного моря, столь необходимые для континентальной Руси, замкнутой и отрезанной от всего цивилизованного мира. В поисках выхода к морю Петр свой первый натиск производит по кратчайшему направлению, избирая объектом действий Азов как ближайший к Московскому царству порт на Черноморском побережье.

Первый неудачный по результатам поход к Азову все же свидетельствует о блестящих военных дарованиях Петра. Делая явные приготовления для похода 120-тысячной армии под начальством боярина Шереметева в Крым, Петр в то же время скрытно формирует 30-тысячный отряд из отборных войск для действий под Азовом. Внимание врага приковано было к огромной армии Шереметева, медленно наползавшей по Днепру к убежищу татар — Крыму, а между тем к Азову скрытно потянулись отборные войска.

3 июля 1659 г. началась осада крепости. Турки, защищавшие Азов, все время получали морем подкрепления. Средства сопротивления у осажденных не убывали, а, наоборот, возрастали. Это дает возможность туркам обороняться активно. Попытки наших войск штурмовать Азов успеха не имеют. Осадные работы не спорились у необученных, малоопытных осаждающих частей, артиллерийские запасы иссякли, а враг становится более дерзким, учащая вылазки. При таких обстоятельствах Петр принужден был снять осаду. Конечно, его энергия не была подо-

рвана этой первой неудачей. Прекрасно понимая, что главной причиной неудачного исхода дела являлось отсутствие у нас флота, царь деятельно приступает к постройке речной и морской флотилии. На спешно устроенных верфях Воронежа под руководством царя закипела работа. К весне 1696 г. тридцать крупных судов и около 1000 барок готовы были к походу. В мае сухопутные войска и флот двинулись вниз по Дону. За войском плыло до 1000 нагруженных всевозможными запасами барок. На этот раз расчеты царя оправдались: хотя осадные работы велись плохо, но, отрезанный с моря, Азов мог продержаться лишь в течение двух месяцев. 19 июля 1696 г. крепость сдалась.

Взятие Азова было чрезвычайно важно для Московского царства, но оно явилось лишь прелюдией, завязкой упорной кровавой борьбы между крестом и полумесяцем, той борьбы, которая длилась почти два века и завершилась на южных склонах Балкан и в долинах Закавказья.

Азовские походы как первый личный боевой опыт стали для Петра свидетельством того, что для борьбы с Турцией необходим сильный флот на Черном море, что русские войска, даже те отборные, лучше других обученные войсковые части, с которыми царь совершил поход под Азов, отнюдь не представляют той надежной вооруженной силы, с которой можно приступить к выполнению широких замыслов царя в области внешней политики. Азовские походы ярко подчеркнули недостатки войск старого строя. Разношерстная поместная конница, отягченная неуклюжим громоздким обозом, помышляла не столько о лихих атаках, сколько о скорейшем окончании тягостного похода, о возвращении к повседневной мирной жизни, к покинутым вотчинам и поместьям. Обленившиеся, распущенные стрельцы, привыкшие играть видную роль в городах, погрязшие в промыслах и торговых делах, не могли, конечно, проявить активности, необходимой при завоевательных стремлениях.

Пришлось подумать о создании надежных постоянных войск. Прежде чем создать по западноевропейскому об-

разцу регулярную армию, царь желает лично познакомиться с западноевропейскими порядками. В просвещенные страны Запада отправляется «великое посольство» для подтверждения прежней дружбы и любви и для заключения союза против турок. В составе посольства царь отправляется в чужие края под скромным именем «Преображенского полка урядника Петра Михайлова».

Путешествие Петра по Европе имело огромное значение в смысле личного усовершенствования его в различных отраслях познаний и чревато было последствиями по насаждению реформ в Московском царстве. Полтора года пребывания в просвещенных странах приобщили царя к европейской культуре и научили его многому полезному.

Во время путешествия предметом особо заботливого изучения для царя было военное и морское дело. В Курляндии от польско-литовских войск он выносит неблагоприятное впечатление. В Кёнигсберге царь изучает артиллерийское дело, изумляя специалистов своими способностями. На верфях Саардама и Амстердама он собственноручно постигает практическую часть кораблестроения, а в Англии основательно изучает теорию постройки судов. В Вене царь знакомится с организацией военного дела на примере имперских войск.

Стрелецкий бунт 1698 г. прерывает намеченное путешествие царя в Италию. Петр спешит на родину, чтобы покончить с мятежниками. Попутно все же успевает ознакомиться еще и с родами сил саксонских войск.

По возвращении в Россию Петр немедленно приступает к устройству на новых началах регулярной армии. Дейтельным помощником царя по созданию регулярных войск явился генерал Вейде, также ознакомившийся на практике с организацией западноевропейских армий.

Не желая вливать новое вино в старые мехи, Петр начинает великое дело уничтожением старого зла — стрелецкого войска. Стрельцы, а вместе с ними и ненадежные солдаты Белгородского разряда обращаются в крестьян. У царя возникает намерение содержать на полном иждивении государства 60 тысяч человек пехоты.

Нужный контингент людей должно было дать население страны. 8 ноября 1699 г. обнаружен царский указ о первом рекрутском наборе. Так называемые «даточные» люди должны быть поставлены с определенного числа дворов (100 сох — один ратник). Принимались также и «охочие» люди с жалованьем по 11 рублей в год на полном казенном содержании.

Главная комиссия по набору рекрутов, формированию полков, их снабжению и подготовке учреждена была в селе Преображенском. Заведывание набором в отдаленных низовых городах на Волге возложено было на Репнина. Прием рекрутов начался с 1 декабря 1699 г. Рекрутов принимали на службу под непосредственным наблюдением царя. Всего было принято 32 тысячи человек. Люди поступили на укомплектование 27 пехотных и двух драгунских полков.

Русская армия (до Нарвского погрома) получила следующую организацию. Пехотный полк состоял из десяти рот, причем одна рота в некоторых полках была гренадерской, а девять фузилерных. Состав полка: три штаб-офицера, 35 обер-офицеров и 1200 строевых нижних чинов.

Вооружение пехоты составляли «фузея» (ружье) с багинетом и шпага. «Фузея» — 8-линейного калибра с кремневым замком, 14-фунтов¹. Дальность стрельбы не превосходила 300 шагов; меткость была весьма ничтожна. За недостатком ружей часть пехоты была вооружена пиками. Капралы, сержанты, ефрейторы и нестроевые нижние чины были вооружены пиками и алебардами.

Обмундирование пехоты состояло из зеленого кафтана немецкого образца.

Первый устав — артикул — составлен был в 1698 г. генералом Вейде по немецкому образцу. Основным был строй пехоты, развернутый в шесть шеренг. Допускалось сдваивание рядов и шеренг. Ружейные приемы установлены были для заряжения и стрельбы, для отдания чести, для ношения ружья на походе и «положи мушкет» («составь»).

¹ Фунт — 409,5 грамма.

В составе драгунских полков было около 1000 человек. Каждый из них также делился на 10 рот. Вооружение драгун состояло из 12-фунтовых «фузей» без штыка. Для боя на коне — палаш и два пистолета. Мундир у драгун — синего сукна.

Особого устава для конницы первоначально создано не было. Драгуны руководствовались при обучении пехотным уставом. Основным строем конницы был развернутый строй в три шеренги. Допускалась стрельба с коня.

Все вновь сформированные части были сведены в три высшие тактические единицы — дивизии или генеральства. Во главе дивизий были поставлены начальники: Автомон Головин, Адам Вейде и Аникита Репнин. Командирами же частей первоначально были иноземцы, командовавшие раньше полками солдатского строя. Офицеры также были почти все иноземцы. Невозможность тщательной проверки познаний и определения нравственных качеств обуславливали прием в армию на офицерские места лиц, отнюдь не удовлетворявших даже самых скромных требований. Офицеры-иностранцы были настолько плохи, что начальники предпочитали обучать русских, чем пользоваться услугами иностранцев.

Простота организации, практичность и легкость усвоения военных уставных требований — вот отличительные черты нашей новой вооруженной силы.

Ввиду надвигающихся важных военных событий вновь сформированные войсковые части начинают спешно обучаться. По свидетельству современников, уже через три месяца после формирования частей сказались положительные результаты в боевой подготовке войск. Заряжание и стрельба проделывались так же искусно, как в войсках Цезаря. Ружейные приемы, перестроения, движения совершались быстро. Однако все эти достоинства молодой петровской армии были исключительно внешними. Только слабая механическая связь едва лишь зарождалась в полках, укомплектованных рекрутами, когда этим полкам впервые пришлось столкнуться на поле брани с образцовой шведской армией, имевшей двухве-

ковой славный боевой опыт. Первое же столкновение обнаружило крупные недостатки наших войск. Выучка и боевой опыт врага дали ему решительный перевес. При трудных обстоятельствах на поле битвы, при осадах и штурмах пришлось молодой русской армии приобретать познания в военном искусстве и боевой опыт. Но мы увидим, с каким изумительным успехом в течение нескольких лет наша армия окрепла, закалилась и, наконец, превзошла по своим боевым свойствам образцовую шведскую армию.

Тяжелы были условия существования нашей регулярной армии в первые дни ее зарождения. Но эта тяжелая обстановка несомненно благотворно повлияла на ее дальнейшее развитие. Все изменения, вносимые в организацию и в боевое устройство, основаны были на настоящем боевом опыте и не являлись продуктом хитрых измышлений мирного времени.

Все отрицательные приемы естественно отпадали, едва лишь выяснялась их боевая непрактичность и неприспособленность к обстоятельствам военного времени. Ринувшись прямо из колыбели в огонь битв, наша армия после обширного опыта Великой Северной войны вышла закаленной, сплоченной духовно, вполне рационально подготовленной в боевых отношениях. Пройденная школа была весьма поучительна.

Великая Северная война

Политическая обстановка ♦ Нарвская операция

Политическая обстановка. Отправившись в Западную Европу с твердым намерением склонить европейских государей к борьбе с Турцией, Петр, познакомившись с действительными политическими отношениями держав, усвоил себе вместо утопических надежд на изгнание из Европы турок весьма рациональный план борьбы с могущественной Швецией за обладание восточным побе-

режем Балтийского моря, утраченным Московским царством в период внутренних междоусобий.

Сама мысль о борьбе со Швецией впервые внушена была Петру курфюрстом Бранденбургским Фридрихом во время пребывания царя в Пруссии.

По возвращении «великого посольства» на родину Петр, встретившись с польским королем Августом, получает предложение вступить в союз с Данией и Польшей для совместной борьбы со Швецией с целью лишить последнюю преобладания на Балтийском море. Это предложение было очень заманчивым, а обстановка предстоящей борьбы казалась столь благоприятной, что Петр сразу же согласился. Правда, задача была не из легких. Для осуществления своих намерений союзникам предстояло вступить в борьбу с наиболее могущественной и самой воинственной державой в Европе. Два века тому назад Швеция, скромно приютившаяся ныне в уголке Европы на Скандинавском полуострове, была грозой соседних стран. Польша и немецкие государства не раз видели в пределах своих границ стройные полки победоносной шведской армии.

Задолго до Великой Северной войны шведы почти с неизменным успехом вели войны с соседями и приобрели заслуженную славу непобедимых бойцов. Оптимизм союзников был основан на соображении, что жители Лифляндии и Эстляндии, имевшие повод быть недовольными шведским правительством, станут на сторону союзников. Не внушал особых опасений также и молодой шведский король Карл XII, только что вышедший из-под опеки и не обнаруживавший, по-видимому, ни способностей, ни склонности к несению трудного бремени правителя и полководца.

По условиям договора с Польшей и Данией Петр, прежде чем обрушиться на северного врага, должен был закончить войну на юге с Турцией, а потому, вернувшись в Москву, он начинает усиленно хлопотать о заключении мира с турками, сосредотачивая в то же время постепенно войска к Новгороду (поближе к границам с Лифлянди-

ей). 8 августа 1700 г., узнав о заключении желанного мира, царь приказывает русским войскам из Новгорода двинуться к шведским границам, а 19 августа посылает в Швецию официальное объявление войны.

Таким образом, против молодого шведского короля образовался грозный союз трех государств, охватывавших полукольцом шведские владения.

Но многочисленность врагов и затруднительное положение, в котором находилась Швеция, скорее тешили, чем огорчали, Карла XII. Веря в свои способности, в непобедимость своей армии, он охотно принял брошенный ему вызов, видя в предстоящей борьбе удобный случай к прославлению своего имени.

Карл XII имел серьезные основания так оптимистически смотреть на грядущие события. Он стоял во главе великолепной по подготовке армии. При возникновении войны шведская армия состояла из 25 пехотных, девяти кавалерийских и одного артиллерийского полков; численность армии достигала 45 тысяч бойцов. Вся страна была приспособлена к быстрому формированию и пополнению вооруженной силы.

Территория королевства разделена была на несколько земских округов, из которых каждый выставял и содержал отдельный полк. Округа делились на небольшие участки в несколько дворов. Каждый участок снаряжал на службу одного солдата, а в случае его убыли выставял заместителя. Лишь Гвардейский полк комплектовался по способу вербовки. В случаях исключительной важности король имел право производить дополнительные наборы. В течение войны Карл XII широко пользовался этим правом, доводя численность своей армии до 100 тысяч.

Шведская пехота вооружена была на две трети мушкетами, остальная треть имела особые пики, втыкавшиеся для отражения кавалерийских атак в землю. Во время войны пехота перевооружилась постепенно ружьем со штыком.

Конница вооружена была саблями, пистолетами и в небольшом числе мушкетами. Особенность конницы за-

ключалась в том, что атаки производились на быстрых аллюрах. Стрельба с коня перед атакой не допускалась.

Полевая артиллерия имела 8- и 16-фунтовые пушки. Кроме полевой артиллерии существовали при пехотных полках полевые легкие 3-фунтовые пушки.

Военное искусство у шведов со времен великого полководца короля Густава Адольфа стояло на очень большой высоте. Предыдущими успешными войнами шведская армия приобрела широкую известность в Европе и слыла непобедимой.

Закаленные суровой северной природой, шведские воины отличались мужеством и хладнокровием. В рядах армии царил железная дисциплина, основанная не на страхе наказания, а на преданности долгу, воспитанному в шведском воине. Неприхотливость, выносливость, закаленность, глубокая религиозность, любовь к своим полководцам-королям — вот счастливые свойства, отличавшие шведского воина.

Постоянные войны способствовали накоплению кадров искусных начальников; во главе же победоносной армии судьбе угодно было поставить выдающегося военачальника — короля Карла XII, обладавшего крупными военными способностями, имевшего очень решительный характер, исключительное упорство при достижении намеченной цели, пользовавшегося любовью своих воинов и преданностью начальников.

Еще в раннем детстве Карл XII обнаружил большую любовь к военному делу и с глубоким интересом изучал походы великих полководцев древних времен — Александра Македонского и Юлия Цезаря. Неприхотливый в своих привычках, Карл разделял со своей армией все труды и невзгоды походной и боевой жизни. Он был близок к солдатам, в бою распоряжался превосходно. Разновидность тактических приемов, понимание местных условий на поле битвы, умение искусно сочетать скрытность подхода со стремительностью натиска — все это можно усмотреть в боевой практике Карла XII; но при всех этих положительных качествах он не обладал прозорливостью,

предвидением событий, глубиной и правильностью стратегического взгляда и расчета, словом, теми высокими дарованиями, которыми отличаются великие полководцы.

К тому же Карл XII был до крайности самонадеян; он не считался с мнением своих подчиненных, презирал своих врагов, не умел оценивать их достоинств.

При указанном выше состоянии вооруженных сил Швеции задача союзников, вступивших в борьбу с этой воинственной державой, была нелегка, а между тем грядущая борьба особенно важна была для Московского царства; для него она была жизненно необходима, так как только путем победы молодой царь Петр мог вывести свою державу к морским берегам; путем победы, наконец, могли быть прочно закреплены все те реформы царя, которые приобщали нашу родину к разряду просвещенных культурных стран.

Нарвская операция. Союзники, преследуя каждый свои собственные интересы, наметили следующий план действий против Швеции.

Россия, стремившаяся к берегам Балтийского моря, избрала театром войны Ижорскую землю и Карелию, прилегающие к Финскому заливу. Ближайшим местом действий для русской армии была намечена крепость Нарва, важнейший пункт Ингерманландии. С овладением Нарвой русские приобретали опорный пункт для дальнейшего завоевания края и торговую пристань с выходом в Финский залив и вступали в тесную связь с войсками польского короля.

Польский король, задумавший расширить пределы своей страны за счет шведских провинций Эстляндии и Лифляндии, избрал ближайшим объектом действий крепость Ригу.

Дания, помышлявшая о присоединении Голштинии, направила свою армию в эту провинцию.

Союзники Петра еще весной 1700 г. приступили к военным операциям. Датская армия, предводительствуемая королем, вторглась в пределы Голштинии. Польский король Август вступил в Лифляндию и приблизился к Риге.

Карл XII, получив известие о враждебных действиях своих противников, развивает необычайную энергию и сра-

зу же проявляет крупные военные дарования. Из всех противников опаснейшим и важнейшим для себя он считает Данию. Действительно, Дания находилась ближе других к Швеции и могла угрожать стране, если бы Карл XII с армией отправился в отдаленные области России и Польши. Опасным был для Швеции также и сильный датский флот.

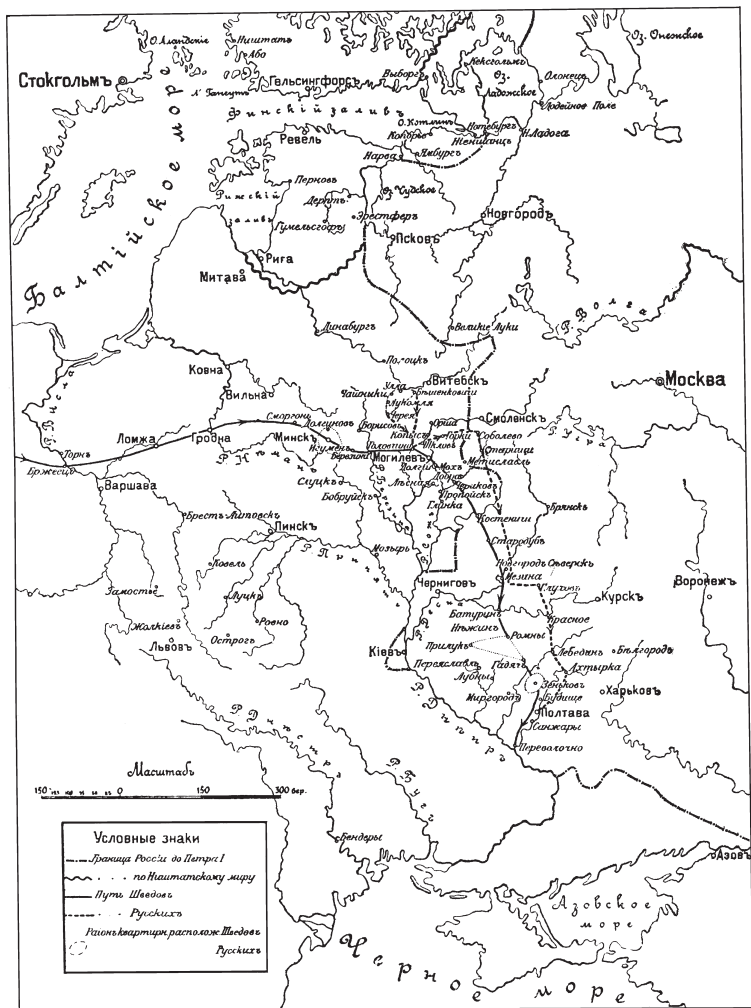
Предписав шведским войскам, находившимся в Эстляндии и Ижорской земле, удерживать крепости, Карл XII, быстро изготовившись к походу, в 1700 г. с 20-тысячной армией внезапно появился у берегов Дании, угрожая разрушением Копенгагену. В Копенгагене оставалось только ничтожное количество датских войск.

Пересевши на шлюпки, шведы приблизились к берегу Зеландии. Горя нетерпением поскорее сразиться с врагом, Карл XII первым выпрыгнул из шлюпки и, по пояс в воде, с обнаженной шпагой, устремился на врага. Датчане не могли сдержат натиска шведов. Береговые укрепления были взяты с налета, и Карл подступил к стенам Копенгагена. Жерла шведских орудий направлены были на столицу Дании. Под угрозой разрушения города Карл XII потребовал заключения мира на весьма выгодных для себя условиях. Отказ Дании от союза с Россией и Польшей, признание независимости Голштинии и крупная контрибуция¹ были наградой молодому шведскому королю за искусную операцию. Один противник, и притом, по верному определению Карла, опаснейший, был почти без усилия выведен из игры. Такой быстрый успех не мог не придать самонадеянности Карлу XII.

Намечая дальнейший план действий, Карл XII исходил из того, что из оставшихся двух противников считал более опасным для себя польского короля. После небольшого отдыха шведский король посадил свою армию на корабли и 6 октября высадился в городе Пернове, стремясь на помощь Риге, осажденной польскими и саксонскими войсками.

Устрашенный быстрым приближением шведов, Август II поспешно снял осаду Риги и отступил со своей

¹ Травендальский договор от 8 августа 1700 г.

Карта театра боевых действий в Северной войне (1707—1709)

армией на зимние квартиры в Курляндию и Литву. Тогда Карл XII, осведомленный о сосредоточении русских войск в Нарве, с 12-тысячной армией бросается на выручку осажденной крепости. Предстояло первое столкновение великолепно обученной армии шведского короля с неопытной еще в ратном деле русской армией.

«Преизрядным фейерверком» отпраздновала Москва заключение мира с Турцией, а вслед за тем на Постельном крыльце возвещался царский указ о новой борьбе: «Великий государь указал: за многие неправды свейского короля и в особенности за то, что во время государева шествия чрез Ригу от рижских жителей чинились ему многие противности и неприятства, идти на свейские города ратным людям войною с фельдмаршалом и адмиралом Ф. А. Головиным. В полку его быть всем стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам, кроме тех московских чинов, которые писаны в ученье ратного строя. Да с ним же быть на той службе генералам Ав. М. Головину, Ад. Ад. Вейду и князю Ан. М. Репнину с пехотными полками».

Как указано выше, целью задуманного похода была крепость Нарва. Крепость эта расположена в 12 верстах от устья реки Нарвы, на левом ее берегу. Против Нарвы на правом берегу лежал замок Ивангород, выстроенный некогда русскими. В Нарве находился 2-тысячный шведский гарнизон во главе с храбрым и опытным комендантом, полковником Горном. К гарнизону примкнули 4000 вооруженных граждан. На верках крепости было около 400 орудий, а продовольствием она снабжена была в изобилии.

С 22 августа русские войска начали выступать из Москвы в поход под Нарву. Всего под Нарву могло прийти, считая войска иррегулярные и конницу старого строя, до 40 тысяч бойцов.

Осадная артиллерия отправлена была из Москвы, Новгорода и Пскова. Артиллерия отличалась удивительным разнообразием: гаубицы, мортиры, картауны, пушки. Калибры — от 3 до 40 фунтов. Артиллерия была снабжена 12 тысячами пудов пороху, 5 тысячами пудов свинца, 6 тысячами ядер, около 12 тысяч бомб и 11,5 тысячи ручных гранат.

Петр, приняв звание капитана бомбардирской роты, часть похода совершил с Преображенским полком.

Первым прибыл под Нарву с частью войск новгородский губернатор князь Трубецкой.

По мере прибытия эшелонов войска располагались лагерем, постепенно полукругом охватывая крепость на левом берегу и примыкая флангами к реке. Линия наших войск растянулась на 7 верст. Фронт лагеря, ввиду возможности появления противника с запада, был обращен в поле — тылом к крепости. Окончательно войска расположились так: на правом фланге стояли преображенцы и семеновцы и с ними дивизия Головина; центр занял отряд князя Трубецкого, левее дивизия Вейде, а на крайнем левом фланге поместная конница под начальством Шереметева.

В конце сентября прибыл к Нарве царь Петр. Вместе с ним явились иностранные офицеры, рекомендованные польским королем как искусные инженеры и артиллеристы. Руководителем осадных работ назначен был генерал-инженер Алларт. На роль главнокомандующего польский король выдвигал герцога де Круа, прибывшего также под Нарву.

Обозрев войска, царь Петр тщательно произвел рекогносцировку подступов крепости и оценил их значение. Генерал Алларт нашел государя в поле с бумагой и карандашом, снимающего план крепостных верков. На выраженное генералом удивление, что царь лично производит те работы, которые можно было бы поручить другим, Петр ответил «и апостол Петр говорит: трудящийся да яст».

По личному указанию царя Петра заложены были контрвалационная и циркувалационная линии. Первая должна была служить исходной линией для апрошных работ¹ к крепости, вторая же — на случай появления противника с поля.

Ненадежность иноземных начальников-руководителей сказалась с первых же дней осады. Критикуя распоряже-

¹ Апроши — ходы сообщения между траншеями при осаде крепости. В начале XX в. термин вышел из употребления.

ния других, они сами не могли справиться с работой. Царю Петру лично пришлось производить разбивку батарей, следить за насыпкой укреплений, вооружать батареи и руководить стрельбой. Совершившая далекий поход из Москвы под Нарву, наша разношерстная артиллерия оказалась в плачевном состоянии. Снаряды не соответствовали калибрам; материальная часть пришла в совершенное расстройство. Для пробития в стенах крепости бреши не оказалось в достаточном количестве ни снарядов, ни пороха.

Полили холодные осенние дожди; настали ненастные дни. Дороги испортились; подвоз продовольствия и боевых припасов прекратился. Скудное питание способствовало появлению болезней. Уныние охватило молодые войска. Только вдохновенный царь-работник не унывал. Под пулями врага рядом со своими солдатами трудился Петр в траншеях, всюду направляя, налаживая дело. Он напрягал все усилия, чтобы поднять дух своих молодых полков. Попытка склонить коменданта Нарвы к сдаче успеха не имела. На предложение он отвечал насмешками, так как надеялся вполне на доблесть гарнизона и на скорое прибытие выручки.

Еще не были налажены осадные работы, как стало известно в русском лагере о приближении на выручку крепости шведского короля. Для проверки слухов о приближении Карла XII из стана русских войск выслан был по Ревельской дороге рекогносцировочный отряд поместной конницы старого строя под начальством Шереметева. Выступив с отрядом силой около 6 тысяч 26 октября изпод Нарвы, Шереметев быстро продвинулся почти на сто верст на запад, выслав разведку на Дерпт, Пернов и Ревель. Произошло несколько стычек с партиями шведов из отряда генерала Веллинга, причем от захваченных в плен шведов русские узнали, что в Везенберге ожидают шведского короля с 30-тысячной армией.

Вместо того чтобы ждать на месте подхода противника и следить за его дальнейшим наступлением, Шереметев отошел назад, к деревне Пигаиогги, находящейся в

40 верстах от Нарвы, где русская конница и оставалась до подхода армии шведского короля.

Карл XII приближался к Нарве из Ревеля. Войска его вследствие дурного состояния путей сильно растянулись. В Везенберге, после присоединения отряда генерала Веллинга, в рядах шведской армии насчитывалось 21 батальон, 46 эскадронов и 38 орудий.

16 ноября Карл XII подошел к русскому разведочному отряду. Местность впереди деревни Пигаюогги, где расположился конный отряд Шереметева, чрезвычайно благоприятствовала обороне. Путь для наступающих пролегал между двух отвесных утесов по топкому болоту и преграждался ручьем с переброшенными двумя деревянными мостами. Пассивная оборона переправы через ручей могла надолго задержать шведов. Но Шереметев вместо того, чтобы расположиться за ручьем и уничтожить мосты, послал на противоположную сторону 800 человек для фуражировки. Этот отряд в полдень наткнулся на авангард шведской армии и после первых пушечных выстрелов рассеялся.

Карл XII только вечером подошел к переправам. Он приказал навести орудия на дефиле, обороняемое русскими, предполагая утром двинуться на штурм. Ночью Шереметев отступил к Нарве, не разрушив даже мостов. При этом отступлении он не послал в русский лагерь донесения о приближении врага.

Между тем Петр Великий, осведомленный о малочисленности шведской армии, предполагал, что Карл XII не решится атаковать укрепленную позицию русских и станет выжидать прибытия подкреплений, а потому счел возможным оставить армию и отправиться в Новгород для свидания с польским королем и личных переговоров относительно будущих совместных действий.

17 ноября царь объявил генералам о своем намерении и утром 18-го, вверив командование армией герцогу де Круа и снабдив его подробными инструкциями, отбыл в направлении на Новгород.

Карл XII, получивший сведения о печальном состоянии осаждающей Нарву русской армии, без колебания принял

решение немедленно атаковать, несмотря на огромное неравенство сил. По его сведениям, в рядах русской армии было 80 тысяч бойцов. «Шведам ли бояться русских мужиков», — говорил король осторожным советникам. Упоенный боевым успехом, король верил в победу, и эта уверенность вождя перелилась в ряды его небольшой, но во всех отношениях превосходной армии.

Перед шведами была многочисленная, но не спаянная в единый грозный живой организм русская армия. Эта армия была укрыта за длинной линией неуклюже насыпанных валов. Узкая полоса между контр- и циркумвационными линиями лишала возможности русские войска маневрировать, оказывать поддержку соседям. Кусты и болота в тылу также затрудняли движение.

Растянувшись на 7 верст по фронту, без резерва, имея вражескую крепость в тылу, русская армия в случае неудачи могла воспользоваться для отступления лишь одним плавучим мостом, находившимся за правым флангом. Перед центром растянутой позиции зловеще возвышался Германсберг, занятый лишь слабыми частями русских.

При столь неблагоприятной стратегической обстановке, сложившейся для нашей армии, тяжела была и обстановка моральная. Царь, столь положительно действовавший на войска, отсутствовал. Иноземные начальники во главе с иностранцем главнокомандующим чужды были войскам. Между ними и солдатами не было той близости, того взаимного доверия и уважения, которые спаивают в часы боя армию в одно могучее целое и являются залогом успеха.

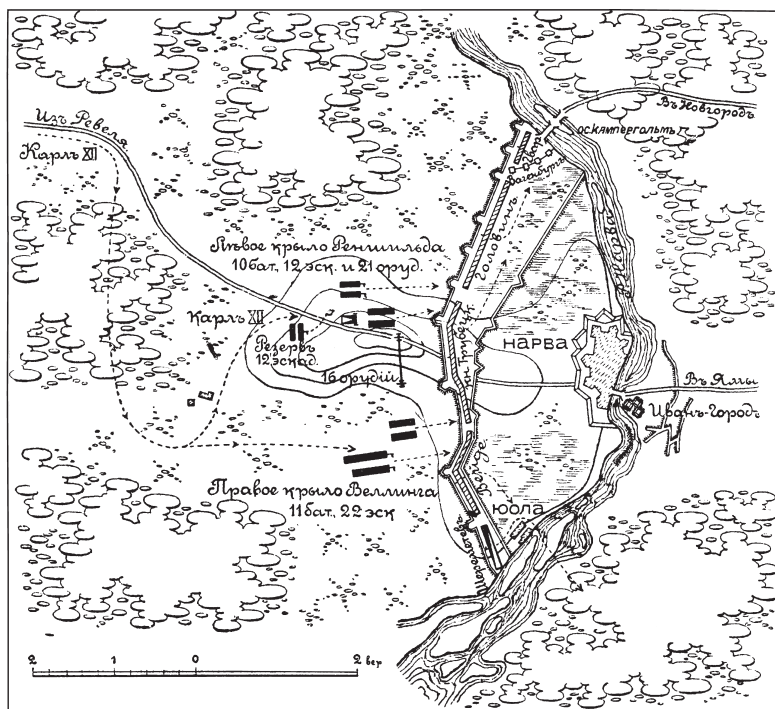
Прибытие Шереметева под Нарву утром 18 ноября встревожило всех начальников, неприятель был уже в непосредственной близости. Герцог де Круа приказал «тщательно во всю ночь ходить дозорам от одного полка до другого». Очевидно, дозорная служба неслась слабо, так как шведам ночью удалось измерить глубину рва вокруг ретраншамента.

Ночь шведская армия провела у деревни Лачены, в 10 верстах от наших укреплений. Рано утром 19 ноября

Карл XII двинул свою армию к Нарве. Войска приближались скрытно, пробираясь по едва заметным лесным тропинкам. Подход к центру русской позиции на пушечный выстрел совершен был так, что русские не знали о движении врага. На опушке леса шведы построились в боевой порядок. После личной рекогносцировки, оценив растянутое расположение русских, Карл XII объявил план атаки. Часть сил под начальством генерала Веллинга направляется правее высоты Германсберг, а другая часть армии под начальством генерала Реншильда — левее высоты. Обе группы войск, обтекая высоту, наносят удар в центр русской позиции и, разорвав линию, бьют врага по частям. На гребне высоты поставлена была шведская артиллерия, служившая как бы связью для обеих групп атакующих войск.

В полдень загрохотали шведские орудия — наша артиллерия откликнулась. Канонада с обеих сторон разгоралась. Около двух часов продолжалось это артиллерийское состязание. Ясное небо к двум часам пополудни заволокло тучами. Задул резкий западный ветер. Повалил снег и град. Под покровом этой естественной завесы шведы приблизились к валам наших укреплений и с криками «с нами Бог» стремительно атаковали редкую цепь стрелков, расставленных на позиции. Через четверть часа центральное укрепление было взято. Войска князя Трубецкого, атакованные в оба фланга, опрокинуты. Артиллерия стремительно захвачена шведами. Врезавшись в центр нашей армии, шведы стали отсюда теснить разбитые полки к флангам.

Внезапный налет врага ошеломил наших солдат. Пышались крики: «Немцы нам изменили». Солдаты бросились к палатке герцога де Круа. Офицеры-иностранцы поспешили сдать шведам. Паника, начавшаяся в центре, однако, стихала по мере приближения к флангам нашей позиции. На крайнем правом фланге гвардейские полки с частью войск из дивизии Головина разместились за вагенбургом и стойко встретили врага. Реншильд, подкрепленный частью батальонов Веллинга, не мог овладеть ва-

Сражение под Нарвой 19 ноября 1700 г.

генбургом. Пылкий король лично бросился в атаку, увлекая за собой войска. Однако и этот порыв не мог сломить сопротивления бывших «потешных», соратников царя. Все атаки врага были отражены, и только ночь прекратила жаркую схватку. И на крайнем левом фланге, благодаря распорядительности генерала Вейде, войска наши сдержали первый натиск Веллинга. К вечеру он даже потеснил истомленных боем и обессиленных шведов. Но на беду генерал Вейде был тяжело ранен, а в стоявшей рядом с его войсками поместной коннице Шереметева возникла паника, вследствие которой конница бросилась назад — в плывь через р. Нарву; значительная часть людей во время переправы потонула, остальные ушли на тот берег.

К ночи отряд Вейде столпился у деревни Юола, находясь в полном неведении относительно участи прочих частей русской армии.

Еще в начале боя опрокинутые войска центра бросились к мосту, наведенному через реку Нарву. Под тяжестью бегущей толпы мост обломился, единственный путь отступления был отрезан. Наступила тяжелая для русской армии ночь. Гул битвы сменился зловещей, томительной тишиной. На крайних участках растянутой позиции столпились наши войска: на правом фланге за вагенбургом — гвардейские полки, на левом у деревни Юола — дивизия Вейде. Шведы, разорвав центр, стали на ночь между позицией и городом.

Генералы правофланговой группы, собравшись в окопе, обсуждали свершившееся грозное событие. Решено было вступить в переговоры со шведами, предложить капитуляцию на условиях свободного отступления войск в пределы государства. Предложение было принято. Король дал согласие на отступление русского войска с оружием, знаменами, но без артиллерии. В 23 часа приступили к ремонту моста через Нарву. Ночью генерал Вейде получил извещение от генерала Бутурлина о капитуляции правого крыла. Тогда Вейде послал шведскому генералу Веллингу следующую записку: «Отделенные от армии, мы готовы биться до последней капли крови; но можем заключить договор, и, если условия будут женоерозны¹, я согласен». Шведский генерал потребовал сложить оружие и сдаться на милость короля. Изолированный, потрясенный событиями дня, Вейде подчинился требованию. А между тем против его 6-тысячного отряда находился лишь слабый отряд Веллинга. Шведы были крайне утомлены; многие упились вином, найденным в захваченном лагере; порядок в их рядах расстроился, несмотря на усилия офицеров.

После тяжелой бессонной ночи утром 20 ноября началось отступление через Кампергольмский мост остатков

¹ Не затруднительны (от франц.)

русской армии. С оружием и опущенными знаменами прошли гвардейские полки с дивизией Головина. Когда за ними последовали войска Вейде, то шведы отняли у них оружие, знамена и все имущество, а у многих солдат отобрали даже одежду. Все генералы объявлены были военнопленными.

Потеря русской армией под Нарвой составила около 7 тысяч. Вся артиллерия досталась ликующему победителю. Вслед за жестоким поражением армию ожидали новые невзгоды. Тяжелые лишения пришлось испытать войскам на пути к Новгороду. Без крова на ночлегах и пищи, ограбленные и обезоруженные врагом, тянулись вразброд полки к Новгороду. Черная лента трупов указывала на горестный путь отступления нашей армии.

Зловещим эхом разнеслась по русской земле весть о нарвской беде. Враги царя, воспользовавшись случаем, стали возбуждать народные массы против государя, уверяя, что поражение явилось Божьим наказанием за попрание традиций седой старины, за проклятые новшества, вводимые царем.

Страшный удар, нанесенный шведами под Нарвой, посеял уныние в рядах молодой русской армии. Создалось убеждение, что шведы непобедимы, что нам не под силу одолеть грозного врага. Среди темной, суеверной массы сложились легенды, что шведы чародеи, что их не берет пуля.

Трудным было после печального события под Нарвой положение молодого царя. Старое ратное дело было им же самим разрушено; новое, не успев еще проявить себя с положительной стороны, почти погибло под ударами шведов.

Но не пал духом Петр. Неудача не смутила его. Железная воля царя не была надломлена. В это тяжелое для страны время развернулись во всю гигантскую мощь созидательные силы Петра. «Я знаю, — сказал царь, получив донесение о нарвском поражении, — шведы могут еще раз-другой побить нас, но у них же научимся мы побеждать их».

В этих пророческих словах Петра выражена была его глубокая вера в могущество и жизнестойкость русского народа и твердое решение довести до желанного конца начатое великое дело. Со спокойной уверенностью стал Петр создавать новые средства для борьбы с врагом. Отступившие от Нарвы полки были приведены в порядок, вооружены и отправлены в Псков под начальством Шереметева. Новгород занят не участвовавшими в Нарвском сражении войсками: дивизиями Репнина и казаками. Новгород, Псков и Печоры, важные пограничные пункты, укреплены. В Печорах Петр лично принимал участие в земляных работах при насыпке укреплений. Вместе с царем работало и все население края, не исключая и духовенства. Для усиления армии объявляется дополнительный рекрутский набор. Формируются 10 драгунских полков. Все литейные заводы приступили к отливке орудий. Для этой цели взяты были кое-где колокола в церквях и монастырях. Эта чрезвычайная мера дала благоприятные результаты: в течение зимы изготовили 243 орудия. Царь Петр поспешил также уверить своего союзника, польского короля, в твердом своем решении продолжать борьбу. При личном свидании с королем в Курляндии Петр обещал ему оказать помощь войсками и денежными средствами. Таким образом, в течение зимы после нарвского погрома благодаря энергичной работе царя и его помощников страна готова была оказать упорное сопротивление врагу, если бы он задумал двинуться в глубь необъятной России. Но очевидно, такой поход не входил в расчеты шведского короля.

Легко разбив русских под Нарвой, Карл XII пришел к убеждению, что Россия — ничтожный противник, с которым не стоит серьезно считаться. Поэтому он оставил в своих прибалтийских владениях не больше 15 тысяч войск: 8 тысяч под командованием Шлиппенбаха — под Дерптом и 7 тысяч под началом Кронгиорта — в Ингрии, а со своей победоносной армией предпринял поход в Польшу.

В этом пренебрежении к противнику заключается первая крупная ошибка Карла XII. Он не использовал пре-

имущества от своей победы под Нарвой, а дал возможность неприятелю оправиться от удара и приготовиться к новой упорной борьбе.

Поверхностную царапину, нанесенную русским под Нарвой, Карл XII считал глубокой смертельной раной.

Завоевание берегов Балтийского моря

Набеги Шереметева ♦ Взятие Нотебурга, Ниеншанца ♦ Захват двух шведских кораблей ♦ Взятие Нарвы

Уже через две недели после нарвского погрома, Петр писал Шереметеву: «Понеже не лезть есть при несчастье всего лишаться, того ради вам повелеваем при взятом и начатом деле быть, то есть над конницей Новгородского и Черкасского, с которыми, как мы и прежде показывали (но в ту пору мало людей было), ближних мест беречь, для последующего времени, и идти вдаль, для лучшего вреда неприятелю...» Таким образом Петр давал директиву своим войскам: оберегать границы государства и в то же время идти вперед, готовясь нанести удар по неприятелю.

Группировка наших сил, расположенных у северо-западной границы государства, была такова: в окрестностях Пскова — 30 тысяч под начальством Шереметева; у Новгорода и Ладоги — 10 тысяч под начальством Апраксина; Репнину с 20-тысячным отрядом приказано двинуться в Курляндию на помощь королю Августу II. К выполнению активной задачи наши войска приступают крайне осторожно, несмотря на превосходство в силах над оставленными Карлом в Ингерманландии и Лифляндии войсками Кронгиорта и Шлиппенбаха. Нарвская катастрофа еще свежа в памяти у всех.

После настоятельных повелений царя Шереметев начинает посылать партии в пределы Лифляндии. Происходят в течение лета 1701 г. стычки с войсками Шлиппенбаха. Русские разоряют шведскую область, шведы совершают набеги на наши пределы и мстят за разорения. Так, в обоюдных набегах, протекает время до осени. Налеты

русских становятся все более и более смелыми. Наконец во главе крупного 18-тысячного отряда, состоящего из 8 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы, Шереметев нападает на главные силы Шлиппенбаха у мызы Эрестефер, причем шведы теряют до 3 тысяч убитыми, восемь знамен, четыре орудия и около 400 пленными. Наши потери — около 1 тысячи.

Русские могли праздновать первую победу, первый крупный успех новой вооруженной силы. «Слава Богу, — сказал Петр, узнавши о победе, — мы дошли до того, что шведов побеждать можем; пока сражаясь двое против одного, но скоро начнем побеждать их и равным числом».

Эта первая победа рассеивала немного тот мрак уныния, который обволок русскую землю после нарвского погрома.

За первым успехом вскоре последовали другие. Летом 1702 г. разбиты были неприятельские флотилии на Чудском и Ладожском озерах, а вслед за тем Шереметев повторил набег и совершенно разгромил при мызе Гуммельсгоф отряд Шлиппенбаха, который потерял 5,5 тысяч из 6, всю артиллерию и знамена. В этом же году Апраксин разбил на реке Ижоре войска Кронгиорта.

Известия об этих победах Петр получил на Белом море, где он находился с гвардейскими полками, чтобы защитить от шведского десанта Архангельск. Новые победы очень обрадовали царя и чрезвычайно благотворно повлияли на русские войска. Победы убедили нашу армию, что шведов можно одолеть. В этих небольших походах и боях наши войска начинали приобретать мало-помалу боевой опыт. Здесь, в прибалтийском крае, молодая русская армия проходила боевую школу. Набеги в Лифляндию, сопровождавшиеся постепенным разорением этой области, имели конечной целью разобшение шведских войск Шлиппенбаха от базировавшегося на Выборг отряда Кронгиорта. Теперь, после победы при Гуммельсгофе, задачу эту можно было считать наполовину решенной: русским оставалось только прочно утвердиться на какой-либо оборонительной линии между отрядами Шлиппенбаха и

Кронгиорта, и разъединение неприятельских войск было бы достигнуто окончательно. Выяснившаяся на горьком опыте чрезмерная трудность для только что родившейся русской армии осады первоклассной крепости Нарвы заставила царя отказаться от стремления к овладению линии р. Нарвы, и теперь взоры его обращаются к р. Неве — этой важнейшей артерии прибалтийского края, важнейшему водному пути.

Течение Невы прикрывалось двумя шведскими крепостями: у истока, при Ладожском озере, вход в Неву запирался Нотебургом — древним русским Орешком; близ устья же Невы, при впадении в Финский залив, находилась крепость Ниеншанц.

В сентябре 1702 г. русские войска со всех сторон потянулись к Нотебургу. Крепость занимала важное стратегическое положение. Она построена была на острове у самого истока Невы. Небольшой гарнизон, в 500—600 человек, при 140 орудиях надежно защищал крепость от попыток овладеть ею открытой силой.

Петр сосредоточил у Нотебурга войска Шереметева из Пскова, Репнина из Новгорода и прибыл сюда лично из Архангельска во главе гвардейских полков. Нотебург был обложен войсками по обоим берегам Невы.

Чтобы полностью окружить Нотебург, Петр сосредоточил на Ладожском озере, у истока Невы, флотилию, а 50 больших лодок переволокли в Неву. Когда тесное обложение было закончено, приступили к осаде. Осадой руководил Петр, хотя звание главнокомандующего сохранил Шереметев, получавший обо всем донесения от государя.

Две недели наши орудия громили стены Нотебурга. Башни были повреждены, но удобопроходимых обвалов в стенах сделать не удалось. От частой стрельбы многие орудия пришли в негодное состояние; снарядов оставалось немного. Тогда на военном совете было решено штурмовать Нотебург.

Штурм состоялся 11 октября. Из всех полков накануне вызваны были охотники. Они ночью разместились на судах, собранных на Ладожском озере, и ждали условно-

го сигнала. На рассвете с царской батареей дали три залпа. Тогда флотилия устремилась к крепости. Первое нападение было отбито мужественным гарнизоном. На вырубку прибыли гвардейцы под командой князя Голицына и майора Карпова. Под страшным огнем преображенцы и семеновцы приступили к острову и начали устанавливать штурмовые лестницы около проломов. Лестницы оказались короткими. У подошвы стен стояли штурмующие войска под огненным дождем. Несколько часов, неся ужасные потери, тщетно старались наши войска взобраться на стены. Петр послал уже приказание Голицыну отступить. Но Голицын приказал оттолкнуть лодки от берега, и для войск оставался лишь один путь: на стены крепости. На берегу Невы между тем Меншиков собрал свежие силы и готовился к переправе на остров. Такая настойчивость русских потрясла гарнизон. Как только начался новый жестокий приступ, огонь с верков прекратился; по приказанию коменданта барабаны гулко ударили «сдачу». Дружные радостные клики победителей загревели на обоих берегах красавицы Невы. Первая шведская крепость сдавалась царю Петру. «Ключ» к дальнейшим завоеваниям на балтийском побережье взят был в сильные руки державного вождя русской армии. «Зело жесток сей орех был, однако ж, слава Богу, счастливо разгрызен», — так писал Петр о взятии древнего Орешка.

Переименованная в Шлиссельбург, крепость была исправлена и занята сильным гарнизоном. Первым комендантом Шлиссельбурга был бомбардир поручик Преображенского полка А. Д. Меншиков.

Весною 1703 г. начинается дальнейшее поступательное движение русских войск к морским берегам. Только 60-верстная полоса отделяет теперь армию Петра от заветного моря.

Объектом действий намечена была шведская крепость Ниеншанц. Слабо укрепленная, во главе со старым больным комендантом, полковником Апполовым, эта крепость не могла оказать такого сопротивления, как Нотебург. После 12-часовой артиллерийской канонады подвезенной

из Шлиссельбурга нашей артиллерии крепость Ниеншанц 1 мая сдалась.

Со взятием Ниеншанца к русским перешла вся оборонительная линия р. Невы, а вместе с тем Россия приобрела опорный пункт у самого морского берега. Было сделано великое дело. Русский орел пробился сквозь построенные врагом преграды к открытому морю.

Неделю спустя после взятия Ниеншанца царем была одержана и первая победа на море. Это славное дело было результатом искусства и доблести царя.

Не зная о падении Ниеншанца, шведский флот, приблизившись к устью Невы, дал сигнал двумя пушечными выстрелами. Русские ответили также двумя выстрелами.

Когда шведы ввели два корабля в устье Невы, царь решил внезапным нападением овладеть судами. Тридцать лодок с посаженными в них гвардейцами во главе с капитаном бомбардирской роты, разделяясь на две флотилии, под покровом ночи приблизились к неприятельским судам. После нескольких дружных залпов гвардейцы бросились на суда врукопашную. Царь первым взобрался на 14-пушечный корабль «Астрель». Оба корабля (другой корабль носил название «Гедан») были взяты так быстро, что лишь восемь лодок успели принять участие в этом лихом деле. Первый выход в море завершился удачей. По единогласному решению генералов бомбардирский капитан Петр Михайлов, герой и вдохновитель этого молодецкого подвига, был награжден орденом святого Андрея Первозванного. Такую же высокую награду получили помощники Петра — Меншиков и Головин.

По взятии Ниеншанца возник вопрос, оставить ли здесь крепость для прикрытия будущего торгового порта или искать другого места, так как Ниеншанц был удален от моря. Собранный для обсуждения столь важного вопроса военный совет решил: «искать другого места». После тщательной рекогносцировки царь остановился на решении возвести крепость на острове Люст-Элант, что в переводе означает «веселый остров». Здесь 16 мая 1703 г., в день Святой Троицы, положено было основа-

ние Санкт-Петербургу. Прежде всего заложили Петропавловскую крепость из шести башен, или бастионов. В крепости одновременно с бастионами положено основание деревянной церкви во имя святых апостолов Петра и Павла. Мало-помалу крепость застраивалась. Подле церкви прорыт был канал для снабжения крепости водой. По сторонам канала построили дома коменданта и плац-майора, цейхгауз, или арсенал, и провиантские магазины. К северу от крепости, за протоком Невы, устроили кронверк. На царском бастионе на высокой мачте взвился крепостной флаг, заменяемый в торжественные дни штандартом — желтым знаменем с русским орлом вверху и символическим изображением четырех морей внизу: Белого и Каспийского — древнего достояния Руси; Азовского и Балтийского, приобретенных трудами и заботами Петра.

С занятием устья Невы главная артерия края перешла в руки Петра. Чтобы упрочить за собою обладание Невой, Петр оттесняет врага на север и на юг от Невы.

На реке Сестре царь одержал победу над Кронгиортом и, отбросив шведов до линии Выборг—Кексгольм, обеспечил защиту своих новых владений со стороны Финляндии. К югу от Невы в течение лета завоеваны крепости Ямы и Копорье. Этим новая столица прикрыта была со стороны Эстляндии. Чтобы прикрыть новую столицу со стороны моря от покушений шведского флота, царь спешно возводит на острове Котлин крепость Кроншлот, а для активной борьбы с вражеским флотом строит на олонечких верфях русский флот.

Петр Великий расширяет завоеванный плацдарм по обоим берегам Невы, направляя свои усилия на запад, против крепостей Дерпт и Нарва. Обе крепости были осаждены одновременно и к осени того же года перешли в руки русских.

Прошло четыре года с тех пор, как нестройные толпы русских рекрутов были разбиты и рассеяны Карлом XII под стенами Нарвы. И вот вновь под этими же стенами собралась армия Петра. Но теперь она уже представляла

грозную силу. За нею были ряд крупных побед, четырехлетний боевой опыт. С присоединением войск Шереметева под Нарвой собралось до 45 тысяч русских войск. Артиллерия осаждающих состояла из 66 пушек и 83 мортир. Шведский гарнизон крепости состоял из 4555 человек. Верки были исправны, артиллерия многочисленна. Комендантом Нарвы был все тот же храбрый Горн, видевший поражение и позор русской армии в 1700 г. Он был преисполнен решимости отстоять крепость во что бы то ни стало, надеясь на выручку со стороны Шлиппенбаха, по слухам, находившегося вблизи Везенберга.

Осада началась в первых числах июня, но сначала вяло продвигалась; с прибытием Петра работы оживились. В начале августа на двух бастионах уже зияли огромные бреши. Фельдмаршал Огилви предложил Горну сдать крепость. Комендант ответил глумлением на это предложение. Петр приказал прочитать ответ коменданта перед фронтом войск и решил штурмовать твердыню.

На штурм в передовую линию было назначено 1600 человек, разделенных на три штурмовые колонны. Впереди этих колонн должны были следовать солдаты, осужденные за побег. Они должны были нести штурмовые лестницы. Выполнение опасного поручения давало им случай заслужить прощение.

Утром 9 августа все приготовления к штурму были закончены, а в два часа дня начался приступ. Для поддержки штурмующих из лагеря выведена была вся армия. К трем часам главный вал был уже в нашей власти. Первыми взойшли на вал во главе с генералом Чамберсом гвардейские полки. Отброшенный со стен с остатками гарнизона, Горн укрылся в старом городе и приказал бить сдачу, но гул битвы, рокот орудий, трескотня ружей, яростные крики штурмующих заглушали сигналы. Ворота были взломаны, и штурмующие ворвались внутрь крепости. Началось преследование и беспощадное истребление гарнизона и жителей. Кровапролитие было остановлено через четыре часа после взятия крепости Петром, прибывшим в город. Только цитадель Ивангорода на правом бе-

регу Нарвы осталась во власти шведов. Через неделю гарнизон Ивангорода капитулировал.

С падением Дерпта и Нарвы район, покоренный силой русского оружия, еще более расширился. Вся Ингерманландия с рядом опорных пунктов была в нашей власти. Эстляндия и Лифляндия очищены от шведских войск, и только Рига, Пернов и Ревель заняты были шведскими гарнизонами.

Русская власть стала быстро утверждаться в завоеванной области. С необычайной быстротой создается новая столица, краса и гордость Полуночного края.

С уверенностью принялся Петр хозяйничать в завоеванной стране.

Боевыми событиями 1704 г. закончился первый период Великой Северной войны, так называемая Ингерманландская операция, которая привела Россию к берегам Балтийского моря. Кроме достижения крупных стратегических результатов, этот период войны для молодой петровской армии был великолепной боевой школой. В походах, победах, боях и при штурмах постепенно происходила закалка молодых петровских полков. Каждый род войск осваивает основанные на боевом опыте тактические приемы. Все войска настроены на то, чтобы в наступлении искать исхода борьбы с врагом. В короткий промежуток времени свершается огромнейшая перемена в области тактических воззрений в сравнении с предшествующим, дореформенным периодом. Пехота выражает явную тенденцию к рукопашному бою. Конница приучается к решению крупных стратегических задач на театре войны, но в то же время принимает деятельное участие в боевых столкновениях на поле сражения. Вновь созданная конница с первых же дней своего существования становится конницей драгунского типа. Она сражается в конном строю, но, когда требуют обстоятельства, спешивается. Артиллерия быстро совершенствуется, превращаясь из громоздкого обоза в подвижный род войск, преследующий даже конницу при набегах.

Явный успех наблюдается в развитии инженерного искусства, но в этой области преобладает взгляд на предпочтении решительного штурма прочим способам овладения укрепленными пунктами.

Обращаясь к проявлению стратегического таланта Петра в период Ингерманландской операции, нельзя не отметить глубины замысла и замечательного искусства в достижении цели. Нужно было вырвать из рук сильного врага древнюю русскую область, существенно необходимую для Московского царства.

После искусной политической подготовки наступает черед военных операций; объектом действий избирается важнейшая крепость намеченного для завоевания края, отдающая этот край в руки победителя, причем достигается также сближение с союзником по борьбе. Первая попытка оканчивается неудачей, но гибкий ум и железная воля Петра тотчас же находят выход из создавшегося тяжелого положения. К завоеванию края приступают с другой стороны. Царь намечает новое операционное направление, более кружное, но зато и более безопасное. В способ достижения цели вносится перемена: вместо стремительности вводится более соответствующая сложившейся обстановке осторожность. Все действия Петра, руководящего во всех мелочах операциями, вполне целесообразны. Систематически и последовательно он овладевает нужной для него прибрежной полосой и прочно закрепляет ее за собой.

В то время как из нарвской победы Карл XII не сумел извлечь ни малейшего практического результата для себя и для своей страны, Петр Великий из нарвского поражения извлекает массу выгоды для своей армии, для всего русского государства.

Предстояла еще для Петра долгая, упорная и опасная борьба с могучим врагом, но конечная цель войны была уже достигнута благодаря выдающемуся искусству царя. В первый же период борьбы Россия стояла у моря и могла извлекать все выгоды достигнутого положения. Но борьба предстояла долгая и упорная.

Гродненская операция

Сосредоточение русских войск под Полоцком
◆ Движение Карла XII ◆ Уход русской армии из Гродно

Пока происходило медленное, но прочное утверждение русской власти на берегах Финского залива, молодой и пылкий шведский король Карл XII успешно воевал в Польше, нанося одно за другим поражения своему противнику, королю Августу II. Победоносные шведские войска исходили Польшу в течение четырех лет, с 1701 по 1705 г., по всем направлениям. Август II неоднократно предлагал мир своему счастливому врагу, но Карл XII решил не вкладывать меч в ножны до тех пор, пока на польском престоле будет оставаться Август II. В погоне за осуществлением своей мечты Карл XII не обращал никакого внимания на те грозные события, которые происходили на берегах Балтийского моря. Продолжительное пребывание в Польше, в связи с горячим желанием лишиться престола Августа II, понемногу втянуло шведского короля во внутренние дела Польши. Политическая интрига засасывает его. Шведский король вмешивается в борьбу партий, собирает в Варшаве сейм и наконец добивается того, что вместо низложенного сеймом Августа II избирается познанский воевода Станислав Лещинский. Однако не вся страна признает законным постановление сейма, вынесенное при столь явном давлении со стороны шведского короля. В Сандомире по инициативе Августа II созывается новый сейм, который объявляет незаконным постановление Варшавского сейма и подтверждает права Августа II на польскую корону. Смута и междоусобие охватывают несчастную Польшу. Короли со своими приверженцами борются за власть, заливая страну потоками крови. Положение Августа II, имевшего против себя в 1704 г. и могучего шведского короля, и сторонников Станислава Лещинского, было весьма печально.

Петр Великий честно исполнял в отношении Августа договорные обязательства и постоянно посылал помощь

и войсками, и деньгами своему несчастному союзнику. В начале 1704 г. Петр послал Августу 12 тысяч пехоты и 5 тысяч конницы, но прибытие этих подкреплений не улучшило положения Августа. Осенью его разрозненные силы частью были оттеснены к Кракову, частью отброшены за реку Одер. Армия Карла XII стала на зимних квартирах близ Силезии. Отсюда близко было к наследственным владениям Августа — Саксонии, являвшейся базой, откуда главным образом черпал он силы и средства для упорной борьбы с Карлом XII. Угроза родовым владениям Августа побуждает Петра Великого принять чрезвычайные на этот раз меры для поддержки своего союзника.

Царь Петр отказывается от задуманного похода на север, в Финляндию, для овладения крепостями Выборгом и Кексгольмом и направляет свои войска на юг. Осенью 1704 г. к Полоцку прибыл 10-тысячный отряд Репнина, а к зиме туда собрались и все войска Шереметева. Летом 1705 г. сюда собрались все свободные силы русской армии: до 40 тысяч пехоты и 20 тысяч конницы. Из Полоцка, для отвлечения внимания шведского короля от Саксонии, Петр Великий направляет свою армию к литовскому городу Гродно, приближаясь, таким образом, к Польше, что давало возможность более активно влиять на внутренние события в этой стране и в то же время оказать помощь военной силой Августу II. Сосредоточение нашей армии у Гродно давало все преимущества активной обороны русских земель, так как этим расположением армии прикрывались операционные пути и на восток, к Москве, и на север, к завоеванным областям. Вместе с тем сосредоточение русских сил у Гродно было несомненно угрожаящим для шведской армии при всех ее операциях в западном направлении, так как Гродно лежало на важнейших путях, связывающих армию шведского короля с его прибалтийскими областями.

1 июня 1705 г. главные силы русской армии под начальством фельдмаршала Огильви покинули Полоцк, направляясь на Вильно и Гродно. При этом движении армии необходимо было обеспечить избранную операцион-

ную линию со стороны Курляндии, где находился сильный шведский отряд Левенгаупта. Эта задача возложена была на отряд Шереметева. С восьмью драгунскими и тремя пехотными полками Шереметев двинулся из Полоцка на Митаву и Бауску. Левенгаупт, осведомленный о приближении русских, занял позицию близ Гемауертгофа. Шереметев 15 июня с одними драгунами, не дожидаясь подхода пехоты и артиллерии, атаковал шведов. Сначала русские имели успех; Левенгаупт отступил, но, когда вслед за тем драгуны бросились грабить обоз противника, Левенгаупт перешел в наступление и разбил по частям нашу конницу и подошедшую к полю битвы пехоту. Вся артиллерия шереметевского отряда и несколько знамен захвачены были шведами.

О несчастной битве у Гемауертгофа (при Мур-мызе) Петр получил донесение от Шереметева 22 июня в Вильне. К известию о поражении Петр отнесся чрезвычайно спокойно, оценивая эту неудачу как маловажный эпизод в общем ходе великой борьбы. Предписав Шереметеву попытаться отрезать Левенгаупта от Риги, Петр с дивизией Репнина и Преображенским полком двинулся на помощь Шереметеву. Но последнему не удалось отрезать Левенгаупта. Оставив в Митаве и Бауске гарнизоны, шведский генерал успел отступить к Риге.

В начале сентября Петр овладел после короткой осады Митавой и Бауской. Этим достигнуто было надежное обеспечение операционной линии Полоцк—Гродно со стороны Риги. 1 октября Петр прибыл в Гродно. В окрестностях Гродна, кроме русских войск, сосредоточились саксонские, польские и литовские войска. Петр распорядился устройством вокруг Гродна укрепленного лагеря и озабочился снабжением Гродна большими запасами продовольствия. Не предвидя в предстоящий зимний период крупных операций, Петр I отправился 17 декабря в Москву, передав прибывшему в Гродно Августу начальствование над всей армией.

Союзная армия к началу декабря расположилась следующим образом: 12-тысячный авангард Меншикова на

р. Нареве в Тыкоцине, главные силы — 25 тысяч — в районе Гродна. На линии Нур—Брест стояли 10 тысяч саксонских и польско-литовских войск. Мазепа с 15 тысячами казаков занял Волынь, продвинувшись передовыми частями к Замосцю. Мазепе было предписано продвигаться ко Львову и поскорее войти в связь с саксонскими войсками, отброшенными шведами за Одер.

Расположившись на зимних квартирах, союзники не предполагали открытия Карлом XII зимнего похода. Между тем шведский король, заносивший уже руку на Саксонию, не мог отнестись безучастно к приближению русской армии к сфере его операций. Еще летом 1705 г., оставив для наблюдения за русско-саксонским корпусом Шуленбурга 12-тысячный отряд Рейншильда, шведский король с главнейшими силами прибыл к Варшаве и расположился лагерем под Блоне. Пышные приготовления к коронации Станислава Лещинского отвлекли в течение осеннего периода внимание Карла XII от военных операций. Но с наступлением зимы, когда реки покрылись льдом, Карл XII, разорвав тонкую линию польских войск по Бугу, отрезав авангард Меншикова от главных сил, с 20-тысячной армией перешел Неман неподалеку от Гродна и 15 января готов был атаковать укрепленный лагерь союзников. Быстрый подход шведов к Гродно воспрепятствовал сосредоточению к этому пункту всех сил союзников. В Гродно успело сосредоточиться лишь 30 тысяч; остальные же войска, отрезанные шведами от Гродна, собрались под начальством Меншикова у Минска.

По первому порыву Карл XII хотел штурмовать гродненские укрепления, но, убедившись в солидности их, решил отрезать союзную армию от сообщений на востоке, прекратить подвоз припасов и, таким образом, принудить противника выйти из укрепленного лагеря и принять бой в поле. В успехе же при столкновении с противником в полевом бое Карл не сомневался. Сперва шведы тесным полукольцом обложили союзников, но недостаток припасов принудил их вскоре несколько расширить район своего расположения.

Август II не решился оставаться при русской армии, находившейся в столь тяжелых обстоятельствах, и, сдав командование над войсками фельдмаршалу Огильви, покинул Гродно, пообещав, впрочем, вскоре вернуться на выручку с саксонскими войсками.

Весть об открытии зимней кампании получена была Петром в Москве 13 января. Царь спешно выехал на запад. В Дубровне он встретился с Меншиковым и от него узнал о блокаде русских войск шведами в Гродно и об оставлении армии королем Августом.

Тяжко было сознавать царю, что любимое детище — его молодая армия, подававшая уже блестящие надежды, находится в большой опасности. Перед нею опять был нарвский победитель, а с нею не было Петра, ее творца и вдохновителя. Присутствуя мыслью и сердцем в осажденном Гродно, царь, напрягая все усилия своего гения, принимает издали за спасение армии, делая ряд замечательных распоряжений для облегчения участи осажденных войск и защиты государства. Охватывая создавшуюся стратегическую обстановку на всем обширном театре военных действий — от берегов Балтийского моря до топких болот Полесья, Петр Великий принимает следующие меры: 1) вблизи осажденного Гродно, в Бресте и Слуцке, создаются продовольственные магазины; 2) казачьи отряды призваны нарушить сообщение шведов с Варшавой, причем казакам предписано доставлять продовольствие в блокируемый Гродно; 3) отрядам Боура и Розена поручено нарушить сообщение шведской армии, стоящей под Гродно, с Ригой; 4) гарнизонам Митава и Бауски предписывается в случае появления превосходящих вражеских сил взорвать укрепления и отходить к Полоцку; 5) отряд Меншикова у Минска, единственный отряд, прикрывающий границу русского государства, усиливается рекрутами призыва 1705 г., которые спешно проходят курс обучения.

Близость врага к границам нашей родины побуждает предусмотрительного царя озаботиться укреплением важнейших населенных пунктов. Выросли укрепления под

Псковом, Смоленском, Великими Луками; отданы были распоряжения об укреплении Москвы. Вдоль западной границы, от Пскова через Брянск до южных степей, царь приказывает устроить засечную линию. Эта линия, шириной от 150 до 300 шагов, местами усиливается присыпкой укреплений. На больших дорогах, пересекающих границу, строятся укрепления с палисадами. Вдоль всей засечно-оборонительной линии проводится широкая дорога. Оборона границы возлагается на местных жителей, которые обязаны со своим оружием — кто с ружьем, а кто просто с вилами и косами — стать на защиту Родины. Все перечисленные меры не могли оказать непосредственно благоприятного влияния на гродненские войска, но меры эти замечательны в смысле подготовки страны к встрече опасного врага.

Осажденная в Гродно русская армия жила надеждой на скорое возвращение короля Августа. Но этим надеждам не суждено было осуществиться. Реншильд разбил у Фрауштадта саксонский корпус Шуленбурга. Король Август, опасаясь за свои родовые владения, вместо Гродно повел войска в Краков.

Положение армии в Гродно становилось весьма тяжелым. Запасы быстро таяли. Недостаток фуража сказался на конском составе. Надежда на успех в открытом бою была невелика, а расчет на выход из Гродно и отступление без боя казался малоосуществимым. Можно было также ожидать, что Карл XII, усилив свою армию корпусами Реншильда и Левенгаупта, не остановится перед штурмом гродненских укреплений.

Из этого положения армия была выведена своим гениальным верховным вождем. Директивы Петра, посланные фельдмаршалу Огильви, были чрезвычайно просты, но вместе с тем глубоко продуманы и согласованы с обстановкой во всем ее объеме.

Петр решительно настаивал на оставлении армией Гродна и на отходе войск к границам. Направление марша первоначально предоставлено было определить на месте: «по которой дороге способнее», а о выборе дороги сообщить

в Минск «через пять или шесть курьеров, дабы можно было конницей встретить отступающие войска». Войскам предписывалось взять с собой только полковые орудия, но в случае нужды «хотя и все бросить». Что касается порядка отступления, то указывается: «до лесов быстро отойти всей армии, а затем разверстать все войско, чтобы шло врозь, так как при этом условии неприятель разве токмо на один батальон или полк нападет». Начать отступление царь предписывает с вечера, но не поздно, под прикрытием конницы, и озаботиться, чтобы население не предупредило врага о приготовлениях к отступлению. Припасы на время пути взять от населения «без крайнего разорения»; больных вывезти. «Все чинить по сему предложению, а паче по своему рассмотрению», — так заключает свои указания Петр, не любивший стеснять начальников в выборе средств при достижении указанной цели. Имея основание опасаться, ввиду частых принципиальных разногласий с фельдмаршалом Огильви, что его план не встретит у него сочувствия, Петр Великий в последующей директиве, от 12 марта, уже категорически приказывает очистить Гродно и выбирает сам путь отступления для армии на Волынь. Теперь царь Петр приказывает воспользоваться ожидаемым ледоходом и переправиться на левый берег Немана с таким расчетом, чтобы в первое время после переправы вскрывшаяся и разлившаяся река задержала на несколько дней шведов. Пользуясь выигрышем во времени, быстро направиться в обход Припятских болот либо на Брест, либо между Брестом и Пинском. Обогнув Полесье с запада и прикрываясь им, направиться южными путями на Киев или на Чернигов.

Открылся сильный ледоход, и 24 марта русская армия была уже на левом берегу Немана. Русские отошли на Тыкоцин, где 27 соединились с Меншиковым. Далее армия направилась к Бресту, куда и прибыла 4 апреля.

Между тем Карл XII, задержанный разливом и ледоходом, только 3 апреля мог перейти Неман у м. Орля. Предугадывая направление отступления русской армии, Карл XII двинулся наперерез, кратчайшим путем на Пинск.

Болота и беспрестанные набеги казаков на тыл замедлили движение шведов. Прибыв в Пинск, Карл XII принужден был на целый месяц остановиться, чтобы дать отдых своим изнуренным войскам. Тем временем русская армия из Бреста, прикрываясь на севере топкими болотами Полесья, направилась в Киев, куда и прибыла благополучно 8 мая.

Карл XII из Пинска перешел в Луцк. Убедившись, что русская армия на этот раз ускользнула от него, шведский король решил вновь обратиться против Августа II, внося огонь и меч в наследственные владения Августа. Карл двинулся через Вислу кратчайшими путями в Саксонию. В сентябре шведская армия уже бивакировала под Лейпцигом. Видя в руках грозного врага свои наследственные земли, он просит пощады. 25 сентября 1706 г. в Альтранштадте был заключен мир. Август II отказался в пользу Станислава Лещинского от польской короны, отказался от союза с московским царем, уплатил Карлу огромную контрибуцию.

Счастливым возвращением русской армии в Киев закончилась Гродненская операция, свидетельствующая об огромных военных дарованиях Петра.

Утвердившись на Балтийском побережье, Петр готовился к вторжению в пределы Финляндии, но, оценив события, происходящие в Польше, резко изменяет решение и протягивает руку помощи Августу II, чтобы спасти его от окончательного поражения и тем самым сохранить себе союзника для продолжения борьбы с Карлом.

На огромном и сложном по местным условиям театре войны Петр удивительно правильно намечает пункт сбора союзных сил, заняв угрожающее положение по отношению к противнику и выгодную стратегическую позицию для прикрытия своей страны и новых завоеванных областей.

Сосредоточение войск к намеченному пункту (Гродно) производится при условии надежного обеспечения операционной линии (Бауска и Митава). Ряд продуманных, разумных, вполне рациональных мер предпринят для облег-

чения участи осажденной в Гродно русской армии и для защиты государства от вероятного вторжения врага. Удивительно простой и наиболее соответствующий местным условиям и условиям времени план отступления армии из Гродна продуман во всех деталях, но вместе с тем не сковывает инициативы командующего армией.

Кроме этих выдающихся мероприятий и решений стратегического и административного характера, в период Гродненской операции сказались многие положительные стороны Петра Великого как полководца. Он проявляет, как и прежде, непоколебимую твердость при неудачах; энергия его неистощима, и чем затруднительнее обстановка, тем интенсивнее проявление энергии царя. Самая основательная разведка приобретает большое значение в глазах царя. Мелкие неудачи не смущают полководца и не отвлекают его от намеченной главной задачи. При всех же обстоятельствах Петр, как великий сердцевед, стремится поднять дух своей молодой армии и внушить ей бодрость и доверие к своим силам.

Наш талантливый военный историограф Д. Ф. Масловский, исследовав во всем объеме Гродненскую операцию, назвал ее классическим образцом военного искусства Петра Великого, и эта оценка вполне справедлива, так как в Гродненской операции ярко и выпукло сказался талант Петра как одного из немногих величайших мастеров военного дела.

Единоборство Петра Великого с Карлом XII

Альтранштадтский мир ♦ Жолкиевский военный совет и выработанный на нем план действий ♦ План Карла XII

Мирный договор между Карлом XII и уполномоченным Августа II был уже подписан, а Петр, не осведомленный еще об этом тягостном для него обстоятельстве, продолжает заботиться об отвлечении Карла от Саксонии. Из Киева осенью 1706 г. русская армия двинулась на Вольнь, а 20-тысячный конный отряд Меншикова получил прика-

зание перейти Вислу, соединиться с войсками Августа и очистить польские земли от 8-тысячного отряда генерала Мардефельда. Август счел нужным скрыть от Петра о заключении договора со шведским королем. Соединившись с Меншиковым, Август II теперь помышлял лишь о том, как бы невольным участием в поражении шведского отряда не навлечь гнев Карла XII. Выпросив у Меншикова пленных шведов, Август поспешил отпустить их на свободу, отправил Меншикова на зимние квартиры к Жолкиеву, а сам поспешил с извинениями к шведскому королю в Саксонию. Наконец Альтранштадтский мирный договор был обнародован, и Петр с грустью уяснил двуличный образ действий своего недавнего союзника и друга. Теперь Петру Великому предстояло вступить в единоборство с баловнем судьбы, но царь был уже готов к этой решительной борьбе.

Впрочем, прежде чем вступить в это решительное единоборство, Петр, считая, что с отнятием от шведов Ижорской земли главная цель войны достигнута, склонен был заключить мир, но при условии сохранения за нами сделанных завоеваний. Но упоенный успехом, увенчанный славой искусного полководца, шведский король не соглашался на переговоры прежде, чем все завоеванные Петром земли будут возвращены. Продолжение войны было неизбежным.

Карл XII, не замечая напряженной деятельности своего противника, почти целый год пробыл в пределах Саксонии, как бы умышленно давая время своему врагу еще более усилиться. На Россию он смотрел как на верную добычу, новый трофей. Он не считался с тем, что за пять лет, протекших со времени Нарвской победы, обстоятельства переменились; не считался с тем, что на его путях, далеко выдвинувшись на запад, ждет его 90-тысячная, сильная не только числом, но и устройством и боевым опытом армия.

К концу 1707 г. расположение русской армии было такое: конный отряд Меншикова разместился в Жолкиеве; главные силы под начальством Шереметева — между

Острогом и Дубном. В Полоцке для наблюдения за Левенгауптом, находившимся в Риге, оставлен был особый отряд Алларта. Ингрия занята была войсками Апраксина; все стояли на широких зимних квартирах.

Каких-либо определенных сведений о противнике не было. Группировка наших главных сил призвана была прикрыть пути, ведущие к югу — от Полесья на Киев.

Для обсуждения плана предстоящей кампании в конце года Петр I собрал в Жолкиеве высших начальников. Подробному обсуждению подвергался план кампании, составленный фельдмаршалом Шереметевым. Принятым решением было обусловлено: 1) не вступать со шведами в генеральное сражение в пределах Польши, а отходить к своим границам, так как неблагонадежность населения, в случае неудачного исхода сражения, могла подвергнуть армию нашу при отступлении крайней опасности; 2) отступая под действительной угрозой врага, уничтожать запасы, чтобы создать для шведов затруднение в продовольствовании армии; 3) непрестанно тревожить врага легкими отрядами конницы, изнурять его на отдыхе.

До выяснения обстановки Петр решил оставаться в Польше, что соответствовало активной возможности пользоваться средствами края для довольствия армии. Пребывание русской армии в пределах Польши оказывало, конечно, известное влияние на внутреннюю политику страны, где росло число сторонников России.

Оценивая план, принятый в Жолкиеве, нельзя не согласиться, что принятый способ действий наиболее всего соответствовал сложившейся обстановке. Наша армия, уже искусная в ведении малой войны, не была еще достаточно подготовлена в тактическом отношении, чтобы принять решающий бой с упоенной победами шведской армией. Малая война, с назойливыми уколами, постоянными тревогами, при лесистом и малонаселенном театре войны, действительно могла изнурить шведскую армию. Принятый способ действий сулил успех еще и потому, что избалованный военным счастьем шведский король строил свои расчеты исключительно на быстроте и внезапности опера-

ций. Он не находил нужным иметь для своей армии надежно оборудованную базу. Его армия довольствовалась преимущественно за счет местных средств того края, где происходили операции. Но при осуществлении Жолкиевского плана шведы не могли рассчитывать на местные средства, а подвоз припасов должен был связать руки королю-партизану, привыкшему действовать налегке.

Вместе с определением способа действий для армии Петр принимает ряд новых мер для защиты своего государства от вражеского нашествия. Киев, важнейший пункт южнорусского края, укрепляется и вместе с тем снабжается 3-месячным запасом продовольствия на 70 тысяч человек и 2-месячным рационом фуража для 55 тысяч лошадей. На Днепре строятся новые мосты. Оборона Киево-Печерской лавры и пограничных черкасских городов поручается гетману Мазепе, который должен был к июлю 1707 г. сосредоточить у Киева все казачье войско. Фельд-маршалу Шереметеву приказано быть в готовности «к весне ходить куда случай позовет», но подготовить коммуникацию между Днепром и Полесьем для переброски сил к северу от Полесья. С этой целью подготовить магазины в Мозыре, Слуцке и Минске.

Весной 1707 г., под влиянием возникших в Литве и Белоруссии беспорядков, Петр решает: главные силы перевести к северу от Полесья и прикрыть ими важнейшие операционные пути на Москву или в завоеванные прибалтийские области; на юго-западном театре ограничиться пассивной обороной. Закипела работа и внутри русского царства. Усиленный рекрутский набор дал новый приток сил в армию. Важнейшие города: Смоленск, Псков, Новгород — быстро укреплялись. Предусмотрительный царь, готовясь к упорной борьбе, приказал даже расположенную далеко в глубине России Москву приспособить к обороне.

Жителям западной пограничной полосы повелено было подготовиться к выселению внутрь страны: «От Пскова через Смоленск до черкасских городов и на 200 верст поперек объявить, чтобы к весне ни у кого не было явно

хлеба, спрятав его в лесах, ямах или где лучше... того для ежели неприятель... похочет, обшед войска... впасть внутрь, тогда сам не рад будет... своему начинанию».

Озабоченный сбором сведений о противнике, Петр, одновременно с подготовкой театра войны к активной обороне, выдвигается с конницей Меншикова в мае к Люблину, а затем к Варшаве. Здесь Петр остается до сентября. Наступающая осень убеждала царя, что противник уже не намерен в этом году предпринять поход. По повелению Петра русские войска располагаются на широкие зимние квартиры. При отъезде царя 8 октября дислокация русской армии была следующая: 1) дивизия Шереметева между Минском, Борисовом и Копысем; 2) дивизия Репнина в Вильно, ее передовые части в Ковно и Гродно; 3) конница Меншикова стала у Белостока. В общей сложности на данном театре войны было около 70 тысяч войск. Надежды Петра на спокойную зимовку его армии не оправдались. Как и в 1705 г., Карл XII предпочел зимнюю кампанию. За время пребывания в Саксонии силы шведского короля были пополнены отчасти новыми рекрутами, прибывшими с родины, отчасти вербовкой, произведенной в Саксонии и Померании. Осенью Карл покинул пределы Саксонии и продвинулся к Познани. С приходом последних укомплектований силы его армии возросли до 43 тысяч человек.

Размышляя о предстоящей кампании, Карл XII останавливается на решении: направиться кратчайшими путями в пределы прибалтийских провинций, завоеванных Петром. Соединившись с Левенгауптом, завладев Псковом, Нарвой и Петербургом, можно принудить русскую армию принять бой между Псковом и Новгородом и, переменяя операционное направление, теснить русские силы до Москвы, а по овладении столицей заставить русского царя принять суровые условия мира. Уверенность Карла в полнейшем осуществлении этого плана была столь велика, что он, находясь еще далеко от пределов России, назначил генерала Шпара московским комендантом.

Первоначальный план Карла XII имел много положительных сторон. При выполнении этого плана шведская

армия приближалась к своему отечеству: достигалось соединение разбросанных и отделенных большим пространством сил, наконец, удар направлялся в самую чувствительную точку, что угрожало обратным захватом только что завоеванного Петром прибалтийского края. Получалась чрезмерно длинная операционная линия, если конечным пунктом операций считать Москву, но выгодные стороны плана покрывали этот недостаток его.

Как только дороги подмерзли, а лед сковал болота и реки, Карл XII во главе 35-тысячной армии в конце декабря, перейдя у Влоцлавска Вислу, потянулся к Гродно. После весьма трудного зимнего похода 26 января шведский король занял этот пункт, вытеснив отсюда наших драгун. Из Гродно после трехдневной остановки шведы двинулись на Сморгонь, рассчитывая разбить отступающую русскую армию, но эта надежда не осуществилась.

Едва лишь до Петра дошли слухи об открытии зимней кампании шведами, он немедленно отдает распоряжение войскам отходить из Польши к границам русской земли, стягиваясь к позиции за р. Уллой, центральной и в отношении путей к Москве, и в отношении операционного направления на Ингерманландию. Приводя в исполнение Жолкиевский план действий, русская армия при отступлении оставляла за собой пустыню, и противник на своем пути находил дымящиеся развалины строений или покинутые жителями, опустошенные селения.

Направляясь из Гродно в Лиду и Сморгонь, Карл XII врезывался клином между двумя отдельными группами наших войск, но ни одну из них настигнуть ему не удалось. Движение в сильную стужу по опустошенной местности лишь до крайности изнурило его армию. Достигнув Сморгони, шведская армия стала на зимние квартиры, разбросавшись между Сморгонью и Вильном, и, после месячного отдыха в этом районе, передвинулась еще на восток и стала между Долгиновом, Радошковичами и Борисовом.

Выведа русскую армию из сферы опасного соприкосновения с противником, Петр расположил войска к весне

1708 г. в широком районе близ границы, подготовленной к обороне.

Главные силы под начальством Шереметева (всего 57 тысяч) расположились между Витебском, Дубровной и р. Уллой. Такое расположение допускало быстрое сосредоточение сил либо к Полоцку, если шведы двинутся к Петербургу, либо к Копысу, для прикрытия Москвы.

В Ингрии оперировал Ингерманландский корпус Ф. М. Апраксина силой около 25 тысяч человек.

За Ригой наблюдал 16-тысячный корпус Боура. Оборона Украины была вверена малороссийским казакам гетмана Мазепы, при котором состояла русская бригада Анненкова (2 тысячи). Кроме того, в важнейших пунктах южнорусского края: Киеве, Чернигове, Нежине и Переяславле — имелись особые русские гарнизоны, подчиненные князю Д. М. Голицыну.

Таким образом, к началу решительного единоборства с Карлом Петр располагал 100-тысячной регулярной армией. Группировка этих солидных сил вполне соответствовала условиям обороны государства при всех вероятных стратегических комбинациях противника. В марте Петр, рассчитывая на продолжительный перерыв в военных действиях, отбыл в строящийся Петербург, оставив начальствование армией в руках наиболее талантливых из своих сподвижников — Шереметева и Меншикова; первый из них командовал всей пехотой, второй — всей конницей.

В случае перехода шведов в наступление было решено придерживаться следующего плана действий: избегая решительного боя с противником всеми силами и затягивая его в глубь бедной, постепенно опустошаемой страны, не допускать его, однако, безнаказанно переправиться через Днепр; первоначальное задерживание противника на переправах и в дефиле впереди Днепра должна была выполнить конница, но затем к активной обороне Днепра предполагалось привлечь и пехоту, причем задуманный частный бой на правом берегу должен был произойти под личным руководством царя, рассчитывающего к этому времени вернуться к армии.

Группировка шведских сил после зимней кампании 1706/07 г. была такова: у Радошковичей и Долгинова — главные силы — 35 тысяч под начальством короля; в Риге — 16-тысячный корпус Левенгаупта и в Финляндии — 15-тысячный отряд Либекера; кроме того, ожидалось готовое уже к походу подкрепление из Швеции, около 8 тысяч. Всего у Карла XII должно было собраться 70-тысячное войско. Группировка главной массы войск более всего соответствовала идее наступления на Ингрию. Тогда главные силы попутно сближались с группой Левенгаупта и совместными действиями с группой Либекера могли угрожать войскам, оборонявшим завоеванные Россией земли.

Форсированный зимний поход неблагоприятно отразился на главной массе шведской армии. Пришлось дать утомленным войскам продолжительный отдых. О дальнейших крупных операциях в восточном направлении можно было помышлять лишь с наступлением летнего периода, когда армия могла найти на пути следования подножный корм для коней. В период долгой стоянки Карл XII озаботился сбором больших запасов продовольствия для всей армии. Эти запасы должны были составить подвижную базу для армии, что представляло, конечно, известные неудобства при дурном состоянии путей.

Приготовления Карла XII к походу известны были нашим начальникам. Исходя из группировки шведских сил, Шереметев и Меншиков предполагали возможным операции как в направлении на Москву, через Смоленск, так и на Петербург.

27 мая в Чашниках наши военачальники опять созвали военный совет: решено было принять более сосредоточенное расположение, с тем чтобы задержать противника на оборонительной линии рек Уллы и Березины. При этом вред двоевластия дал себя почувствовать сразу: опасения Шереметева за «псковские рубежи» повели к сосредоточению вверенной ему пехоты на северном участке линии — между Уллой и Лукомлей, откуда было удобно, в случае надобности, двинуться к Полоцку и за Двину; предположение же Меншикова о возможности прорыва

шведов через р. Березину имело последствием сосредоточение почти всей конницы на участке южнее Лукомли.

Оставаясь долгое время в Сморгони и делая приготовления к походу на Россию, Карл XII собирает сведения о внутреннем состоянии Московского царства, а также принимает ряд мер для создания наиболее благоприятной политической обстановки. Внутреннее состояние России представляется шведскому королю как вполне благоприятное для осуществления решительных действий. Страна, по-видимому, переживает тяжелый внутренний кризис. Это вполне соответствует действительности. Только что был затушен башкирский бунт. На Дону еще продолжался Булавинский бунт, отвлекший 6 тысяч регулярных войск от западной границы. Постоянные волнения запорожцев и сомнительное поведение малороссийского гетмана Мазепы создавали затруднительное положение для царя на юге. Тяжкое положение России усугублялось глухим брожением, ропотом и явным злорадством при всякой неудаче тех темных сил, с которыми вступил в беспощадную борьбу царь.

Жившие в Москве иностранцы считали, что положение несчастного царя становится отчаянным. Многие из ближайших соратников Петра тоже мрачно смотрели на грядущие события. Учитывая тяжелое положение Петра, шведский король вносит первую поправку в план кампании. Он теперь полагает возможным быстро покончить с русской армией, броситься в сердце России — Москву, лишить Петра трона, раздробить политическое единство государства и низвести Россию до положения удельного княжества.

Политическая обстановка, по-видимому, тоже складывалась благоприятно для шведского короля. Россия была изолирована. В лице Августа II она потеряла последнего союзника на Западе. Карл имел яркого приверженца в лице Станислава Лещинского, собиравшего сильное ополчение. Начатые польским королем переговоры с Мазепой обещали, видимо, счастливый исход: за титул Северского князя престарелый гетман готов был предать русского царя и

сделаться верным союзником Польши и Швеции. Крымский хан также склонялся оказать помощь шведам.

При столь благоприятных обстоятельствах Карл XII решает привлечь к главным силам Левенгаупта для совместных действий в направлении на Смоленск—Москву; Либекеру предписывается вторгнуться в Ингерманландию, а Станислав Лещинский должен был овладеть Киевом и, соединившись с Мазепой и татарами, направиться с юга к Москве.

В этом новом плане Карла XII нельзя не усмотреть явного преобладания соображений политического характера, весьма ненадежных и условных, над несомненными стратегическими преимуществами первоначального плана.

Между тем в начале июня разведки нашей конницы и лазутчиков обнаружили приближение шведов к р. Березине. Это обстоятельство, в связи с известием о крайней серьезности Булавинского бунта, наводило на мысль о большой вероятности наступления шведов в направлении к Могилеву или Быхову, вследствие чего на новом совете в Чашниках 12 июня было решено: 1) конницу, еще не успевшую собраться с зимних квартир, направить к р. Березине для занятия и возможного удержания пунктов вероятной переправы противника; 2) пехоту передвинуть к югу, на линию Черя—Бобр, где выжидать прояснения обстановки.

Но времени для выполнения намеченных передвижений уже не хватило.

Сосредоточив к 7 июня свою армию у Минска и приковав демонстрациями к Борисову находившихся там драгун Гольца, Карл XII двинулся усиленным маршем вправо, к Березино, и 14 июня без труда форсировал передовыми частями переправу через р. Березину; в следующие дни шведы устроили мосты, и 17 июня вся неприятельская армия была уже на левом берегу этой реки.

Дальнейшее наступление шведов на восток было, однако, сильно задержано ненастной погодой, распутицей и действиями нашей конницы, засекавшей перед неприятелем и без того скверные дороги, портившей мосты и гати...

Двигаясь со средней скоростью 8 верст в день, шведская армия только 25 июня начала переправу через р. Друт. К этому времени наша армия успела уже занять оборонительную линию р. Бабич, прикрыв путь на Могилев, Шклов и Копысь. Но желание преградить шведам доступ на всех переправах, через весьма условную по своей недоступности преграду, повело к разброске войск на 10 верст по фронту, чем не замедлил воспользоваться Карл XII.

3 июля он внезапно обрушился у с. Головчина на стоящую в центре позиции дивизию Репнина и нанес ей отдельное поражение. Значительные потери шведов в Головчинском бою, недостаточная ориентировка короля в обстановке, а главное, утомление шведской конницы продолжительной, предшествовавшей бою борьбой с препятствиями, созданными на пути шведов к р. Бабич нашими драгунами, — все это приковало противника на некоторое время к полю сражения, благодаря чему наша армия получила возможность переправиться сравнительно спокойно на левый берег Днепра. Таким образом, попытка к осуществлению задуманного Петром Великим плана активной обороны Днепра окончилась для нас неудачей. Путь к Днепру был шведам совершенно открыт, и 7 июля передовые части армии противника вступили в Могилев.

Получив известие о наступлении шведов, Петр тотчас же, невзирая на острые приступы болезни, отправился к армии и встретил ее в с. Горки. О Головчинском деле государь приказал произвести строгое расследование. Князь Репнин, допустивший потерю артиллерии, был отдан под суд и по приговору суда разжалован в солдаты. Несмотря на личные симпатии, Петр утвердил суровый приговор, а князь Репнин беспрекословно подчинился и стал ревностно продолжать службу в рядах армии.

В Могилеве Карл XII оставался более месяца. Испытывая крайнюю нужду во всем, он еще до прибытия в Могилев посылает в Ригу повеление Левенгаупту взять огромное количество боевых припасов, присланных из Швеции, собрать возможно большее количество продо-

вольствия в Прибалтийском крае и двигаться на соединение с главными силами.

Настроение шведов в Могилеве становится мрачным. В хлебе уже ощущался недостаток. Суровая, неприветливая страна недружелюбно встретила пришельцев. Неуловимая русская конница производила частые нападения, уничтожала в окрестностях припасы. Зловещие зарева пылавших со всех сторон русских деревень наглядно свидетельствовали о необдуманности шведского вторжения. Дурная погода и скудное питание вызвали вспышку болезней в армии. Впервые в мужественное сердце молодого шведского короля начинало закрадываться сомнение в успехе. Его попытки наступать, разбить и уничтожить врага успеха не имели. Оставаться в Могилеве и ждать прибытия Левенгаупта было рискованно: сведений о приближении Левенгаупта не было, а между тем шведской армии в близком будущем грозил голод. Под давлением этих соображений король в третий раз изменяет план кампании и принимает новое решение: двинуться на Украину, присоединить к своей армии малороссийских казаков, запорожцев, соединиться с поляками, привлечь орду крымского хана и тогда уже победоносно двинуться в Москву. Этот авантюристический план, основанный на очень зыбких соображениях, кажется Карлу весьма целесообразным и вполне осуществимым.

Русская армия, сосредоточившись у Горок, имела передовые конные части на линии Днепра, у Могилева и Шклова.

4 августа, не дождавшись прибытия Левенгаупта, Карл XII оставляет Могилев, переправляется через Днепр и направляется к Черикову. Это движение Петр расценивает как поворот шведов на Украину. Царь успел конным отрядом Ренне занять Кричев, а главные силы передвинулись в Мстиславль. Передвижения русских снова дают шведскому королю надежду разбить противника в решительном бою, и он сворачивает от Черикова к Мстиславлю и Смоленску. Русская же армия в это время сосредоточивается на позиции у села Добра.

Позиция русских с фронта прикрывалась болотистой рекой Белой Напой. Шведы подошли 27 августа к Молятичам, выдвинув авангард Росса по течению реки Черной Напы в направлении к левому флангу позиции русских. Такое расположение Росса угрожало обходом позиции русских в весьма важном направлении — на Смоленск. Петр считал возможным, ввиду отдельного расположения колонны Росса, произвести внезапное нападение. Отряд князя Голицына в составе восьми батальонов, переправившихся в ночь на 30 августа через болотистые речки, на рассвете внезапно атаковал шведский авангард. Густой туман прикрывал приближение русских. Бой продолжался часа два. Шведы были разбиты, и только подоспевшая помощь главных сил спасла отряд Росса. Это дело при с. Добра могло бы дать более существенные результаты, если бы в нем приняла участие наша конница, но она была задержана болотистой местностью. После дела у с. Добра наша армия, прикрываясь конницей Боура, отошла к деревне Соболева, где и расположилась на очень сильной позиции, надежно прикрытой болотистыми берегами реки Вихры.

В этот период операций особенно резко проявляется деятельность нашей конницы: она «по деревням провиант и на полях стоячий хлеб и строение всякое жгла для оголождения неприятеля и чтоб не было ему пристанища». Но, кроме такого пассивного сопротивления, наша конница не упускала случая мелкими, но частыми уколами и постоянными тревогами изнурять силы врага. С каждым днем эти налеты неуловимой нашей конницы становились назойливее и опаснее. На реке Городне, близ деревни Кадина, драгуны Боура почти полностью уничтожили два конных полка шведов, причем сам Карл XII едва избежал плена.

Медленно продвигаясь на восток, Карл XII 10 сентября подошел к русской границе у деревни Стариши. Здесь, всегда самостоятельный, всегда самонадеянный, Карл XII начинает колебаться в своих решениях. Он собирает военный совет и сознается своим генералам, что у него нет никакого плана.

Создавшаяся для шведов обстановка обуславливала несколько возможных решений. Самое осторожное из них, рекомендуемое генералами Карлу, состояло в том, чтобы вернуться к Могилеву, выждать прибытия Левенгаупта и тогда уже действовать по обстоятельствам. Карл XII отклонил этот план, опасаясь, что «отступление» подорвет его славу как непобедимого полководца. Раздавались голоса за наступление к Смоленску, но это приводило к осаде крепости; шведская же армия не имела при себе нужных осадных средств. Карл XII склонился к прежнему решению идти на Украину. Богатые средства Малороссии, столь нужные истощенной армии короля, особенно привлекают его; поэтому, не дождавшись прибытия Левенгаупта, он потянулся на Украину.

Движение шведской армии на Украину начато было 14 сентября. Вперед двинулся 4-тысячный авангард Лагеркрона, которому Карл предписал занять важнейшие укрепленные пункты Северной области.

Только 18 сентября новый план шведского короля был уяснен русскими. В то же время царь Петр получил известие о выступлении из Риги Левенгаупта с огромнейшим транспортом. Собранный царем военный совет решил одновременно развить операции против двух групп неприятельских сил. Главные силы под начальством Шереметева двинутся за шведским королем, особый же отряд, над которым пожелал принять командование царь, обратится против Левенгаупта.

Главные силы русской армии двинулись на Рославль, преследуя параллельно шведского короля. Чтобы не дать шведам войти в богатую Северскую область и лишить их имеющихся там запасов, был двинут особый 4-тысячный конный отряд генерала Ифланда. Он должен был в полной мере развить малую войну и осуществлять принятый план изнурения врага. Непосредственно в тыл шведской армии двинут был 5-тысячный конный отряд Боура.

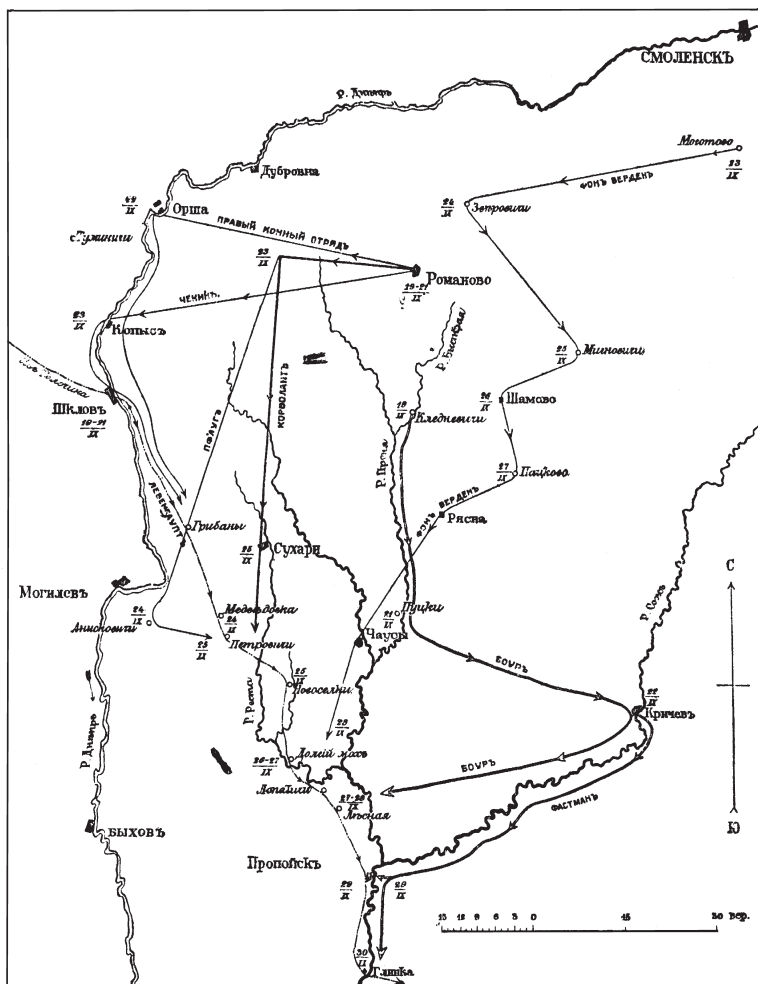
Поход шведской армии по первобытным лесам, по непроходимым болотам был сопряжен с огромными лишениями. Нередко целыми днями приходилось идти в воде.

Запасы хлеба и соли истощились. Только небольшие порции мяса поддерживали изнуренные силы солдат. Невольные сомнения при столь трудных обстоятельствах закрадывались в души этих превосходных солдат. Давно оторванные от родины, находящиеся вдали от своих сел и городов, шведские воины начинали падать духом. В какую неведомую страну ведет их упрямый повелитель? К чему понадобилось ему бродить по этим диким лесам, пустынным, унылым болотам?

Сражение при Лесной

Организация корволанта ♦ Установление соприкосновения
с Левенгауптом ♦ Сражение 28 сентября ♦ Преследование
♦ Значение сражения

Во исполнение повеления Карла XII, генерал Левенгаупт с 16-тысячным корпусом и с крупнейшим транспортом боевых и жизненных припасов двинулся из Риги на присоединение к главным силам шведов. Связанный грандиозным обозом в 7 тысяч подвод, Левенгаупт очень медленно следовал по указанному ему маршруту на Череву—Попойск. Движение транспорта не могло быть совершенно скрытым, и весть о приближении шведского генерала своевременно была получена Петром. Предстояло дело огромной важности. Нужно было во что бы то ни стало помешать соединению Левенгаупта с Карлом XII. Только соединение дало бы новый приток сил и средств Карлу для продолжения упорной борьбы. Сознывая, насколько важно не допустить корпус Левенгаупта и особенно конвоируемый им транспорт к главным силам шведов, Петр принимает на себя руководство операцией против Левенгаупта. По сведениям, полученным в Соболеве, у Левенгаупта было от 8 до 15 тысяч войска. Царь не считает возможным отделить для действий против него более 12 тысяч, но зато в состав отряда назначаются отборные, наиболее испытанные, закаленные в боях войсковые части. Здесь преображенцы и семеновцы, близкие соратники

Операция Петра Великого против Левенгаупта

царя, к ним присоединились лучшие полки молодой русской армии. Отряд был составлен преимущественно из конницы, что более всего соответствовало мобильности похода, но так как предвиделся неминуемый бой с солид-

ными силами врага, то для устойчивости придается и ездящая (конная) пехота. Всего в состав отряда вошло 10 драгунских полков и 10 батальонов ездящей пехоты, или 7 тысяч конницы и 5 тысяч ездящей пехоты. Отряду придана была легкая полковая артиллерия. Обоз состоял из навьюченных лошадей. Такой легкий корпус (корволант) вполне соответствовал по своей организации предстоящему розыску и атаке неприятельского отряда, связанного транспортом. Выступая против Левенгаупта, Петр мог рассчитывать привлечь в сферу своих операций ко времени решительных действий 5-тысячный отряд Боура. Этот отряд, преследуя с тыла главные силы шведов, служит как бы заслоном, прикрывающим операцию Петра с южной стороны.

С 18 по 20 сентября корволант сосредоточивался в Романове, а 21-го выступил на запад, к Днепру. Определенных сведений о местонахождении противника не было. Примкнувший к отряду еврей, оказавшийся шпионом, подосланным Левенгауптом, сообщил русским, что шведы находятся еще далеко за Днепром и предполагают переправиться в Орше. Корволант направляется к Орше и Копысу, но 22 сентября во время переправы через Днепр от одного шляхтича узнает, что еще 19 сентября шведы начали переправляться по наведенным ими мостам у Шклова и отсюда направляются к Пропойску. Столь важное известие, полученное непосредственно от очевидца, прояснило обстановку. Таким образом, царю Петру не удалось стать на пути следования Левенгаупта и теперь приходилось нагонять, преследовать его с тыла. Немедленно на разведку послан был Меншиков. Легкий корпус делится на две колонны; одна под начальством Брюса, другая — герцога Дармштадтского. Обе колонны направляются ближайшими путями к Пропойску, совершая форсированные марши, надеясь пересечь путь Левенгаупту.

24 сентября Левенгаупт попадает в сферу разведки Меншикова, причем было выяснено, что шведы двигаются на Новоселки, а через день обнаружилось, что у Левенгаупта 16 тысяч войск, т. е. на 4 тысячи больше, чем у нас.

Это обстоятельство, однако, не смутило Петра; он продолжает сближаться с врагом, оставаясь при твердом намерении атаковать шведов. Послав Боуру, бывшему у Черикова, приказание спешить на соединение с легким корпусом, Петр, заняв деревню Долгий Мох, решил лишь два дня подождать Боура, а если он за этот срок не придет, то атаковать шведов, невзирая на неравенство сил. Расчет Петра вполне согласован был с обстановкой. Важность цели не допускала отказа от боя. При удачном исходе нападения достигались результаты огромного значения; в случае же неудачи Петр рисковал немногим, так как Левенгаупт, отразив нападение русских, но будучи связан огромным транспортом, не мог причинить вреда легкому отряду.

Узнав о близости русских, Левенгаупт, прежде всего, принимает меры для спасения столь жизненно необходимого Карлу XII транспорта. Под прикрытием 3-тысячного авангарда транспорт направляется к Пропойску, чтобы поскорее переправиться через реку Сожу по имеющемуся у этого пункта мосту и поскорее поставить преграду между транспортом и преследующим его отрядом русских. С прочими силами, желая выиграть как можно больше времени, Левенгаупт останавливается на позиции у деревни Долгий Мох, пытаясь задержать русских на переправе через болотистую речку Ресту. Петр выдвинул к месту переправы пять орудий, и под прикрытием артиллерийского огня наши войска переправились через ручей. Тогда шведы отошли на несколько верст и стали готовиться к бою у деревни Лесной.

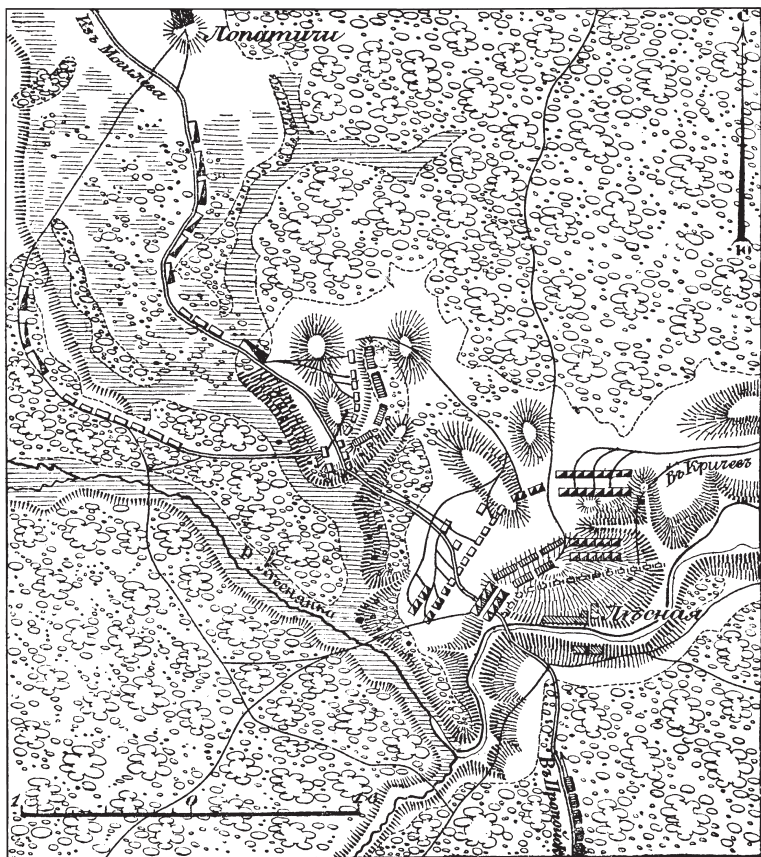
Царь Петр готовится к решительному бою. Чтобы во всяком случае задержать шведов на переправе через реку Сожу, Петр предусмотрительно посылает кружным путем к Пропойску отряд в 700 драгун под начальством бригадира Фастмана. Этому отряду царь приказывает уничтожить мост у Пропойска. Тысячу драгун из состава отряда Петр оставляет у деревни Долгий Мох для прикрытия переправы через Ресту и для связи с отрядом Боура. С остальными силами он решил атаковать врага.

Позиция, избранная Левенгауптом для встречи русских, находилась у деревни Лесной, на небольшой поляне, вблизи болотистой речки Леснянки. К западу от деревни Лесной группировались высоты, которые и послужили главной позицией для шведов. Из оставшихся при отряде повозок в тылу главной позиции построен был вагенбург, примыкавший боковыми фасадами к реке и образующий внутри обширный плацдарм. Впереди главной позиции находился перелесок, который послужил для шведов передовой позицией. Путь отступления от позиции отходил от левого фланга по мосту через реку Леснянку. При отступлении за вагенбург мост выходил из сферы влияния обороняющихся. У деревни Лесной шведы построили еще несколько мостов. К позиции подходили дороги: большая от деревни Долгий Мох; проселочная от деревни Лопатицы, выходившая на большую у передовой позиции шведов; со стороны Кричева, откуда ожидался Боур, также подходила проселочная дорога.

Передовая позиция занята была шестью батальонами шведов, прочие же войска Левенгаупта расположились на главной позиции.

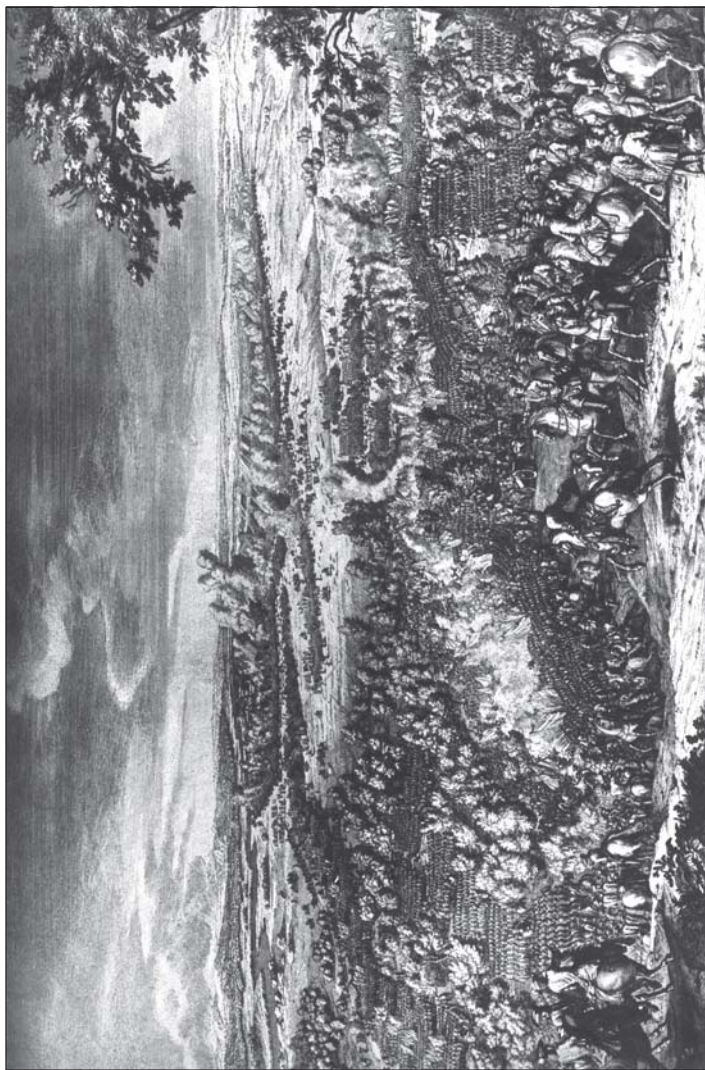
27 сентября, не выждав прибытия Боура в деревню Долгий Мох, но рассчитывая, что на следующий день его отряд может подойти к полю битвы, Петр готовится атаковать врага.

На рассвете 28 сентября часть русского отряда двумя колоннами направилась к деревне Лесной. В правой колонне, предводительствуемой царем, по проселочной дороге шли Преображенский, Семеновский полки и один батальон Астраханского полка, Троицкий, Владимирский и Нижегородский драгунские полки. В левой колонне были Ингерманландский пехотный и Невский, Сибирский, Тверской, Вятский, Смоленский и Ростовский драгунские полки; колонна направилась по большой дороге. Двигаться приходилось по густому лесу, покрытому болотами и изрезанному многочисленными речками. К Лесной, по приказанию царя, войска вел проводник из местных жителей.

Бой при Лесной 28 сентября 1708 г.

К полудню голова левой колонны приблизилась к перелеску, занятому шведами. Подойдя к полянке, допускающей перестроение в боевой порядок, главные части обеих колонн, не подозревая о близости противника, приступили к спешиванию и выстраиванию в боевой порядок, что в каждой колонне предполагалось произвести последовательно, по мере выхода частей из лесного дефиле. Однако шесть шведских батальонов, занимавших переле-

Битва при Лесной 28 сентября 1708 г. (со старинной гравюры)

сок, внезапно обрушились на находившийся в голове левой колонны Ингерманландский полк, который, несмотря на большие потери, тем не менее стойко сдерживал противника и прикрывал дорогу, запруженную остальными войсками этой колонны. Однако превосходство сил шведов дало им возможность охватить правый фланг колонны, оказавшейся из-за этого в опасном положении. Но на выручку ингерманландцев, по распоряжению царя, подошел Семеновский полк; примкнув своим левым флангом к ингерманландцам, семеновцы сделали, по тогдашним правилам ведения боя, несколько залпов, а затем перешли в атаку. Шведы атаку выдержали и продолжали распространяться к западу, охватывая по-прежнему правый фланг русских, хотя движение их и происходило все медленнее и медленнее. Вскоре прибыли преображенцы, скрытно подошедшие к левому флангу шведов. После нескольких залпов они пошли в атаку. Внезапное появление на фланге четырех свежих русских батальонов произвело на шведов настолько сильное впечатление, что они, не приняв атаки, бросились обратно в перелесок. Все русские полки ворвались на плечах шведов в перелесок, выбили их оттуда и заняли опушку, обращенную к Лесной, прикрыв тем развертывание остальных драгунских полков корволанта. Шведы, оставив три знамени и две пушки, отошли на главную позицию под прикрытием своей конницы.

Корволант в это время перестроился в боевой порядок в две линии: в первой стали — в центр восемь батальонов пехоты, на каждом из флангов по два драгунских полка; во второй линии — шесть драгунских полков тремя группами, отделенными одна от другой батальонами пехоты. Между линиями, для усиления слабых флангов тонкого (линейного) расположения, были поставлены гренадеры.

Около часу дня наши войска атаковали главную позицию. При выходе из перелеска они были встречены сильным пушечным и ружейным огнем шведов, затем и контратаками шведской кавалерии и пехоты. Шведские войска напрягали все усилия, чтобы остановить русских. Часа три

длился упорный бой с переменным успехом. Однако к пяти часам дня силы шведов были несколько надломлены. Очистив главную позицию и потеряв при этом восемь орудий и несколько знамен, они отступили к вагенбургу, готовые продолжать бой. Продолжительность и ожесточенность описанного боя утомили сражавшихся, благодаря чему невольно создался перерыв в действиях. Обе стороны ожидали подкреплений.

Около пяти часов на поле сражения наконец прибыл Боур. Его войска пристраивались к ближайшему левому флангу боевого порядка, но Петр перевел два полка драгун на усиление правого фланга, и, вновь предварив атаку залпами, русские стремительно ударили в штыки и в шпаги. Закипел ожесточенный рукопашный бой. На этот раз главный удар направлен был на левый фланг шведов. Стремительным натиском Петр отбрасывает шведов и захватывает мост на большой Пропойской дороге. В этот критический для шведов момент к полю битвы прибыл авангард, прикрывавший часть транспорта, направленного к Пропойску. Контратака этих свежих сил вернула шведам мост. Но усилия шведов окончательно были надломлены. Остатки войск укрепились в вагенбурге, отдав победителю весь свой лагерь. Наступившие сумерки и начавшаяся сильная снежная выюга около семи часов вечера прекратили бой. Царь предполагал на другой день повторить атаку. Русские войска провели очень тяжелую ночь на поле битвы. Люди стояли с оружием в руках. Валил густой снег при сильном ветре. Здесь же, среди солдат, завернувшись в плащ, прилег на снегу державный доблестный вождь русской армии. Присутствие царя при такой обстановке заставляло забывать солдат о всех невзгодах и лишениях и жадать все новых и новых подвигов.

При свете бивачных огней сошлись шведские генералы за вагенбургом, чтобы обсудить свое положение. Состояние отряда было ужасным: почти половина состава была потеряна. Искусство русских войск и их отменная храбрость угнетающе подействовали на шведов. Продолжение боя в тесном вагенбурге на следующий день угро-

жало окончательным истреблением отряда. При столь тяжелых обстоятельствах Левенгаупт решил ночью же начать отступление на Пропойск. Оставив раненых и артиллерию, а также огромный обоз, шведы тихо потянулись через мосты и стали скрываться во мраке ночи. Чтоб замаскировать это отступление и выиграть время, Левенгаупт приказал всю ночь поддерживать бивачные огни.

Только на рассвете Петр узнал об отступлении шведов. Тотчас же для преследования он посылает часть конницы под начальством Пфлуга. Ночное отступление шведов происходило в большом беспорядке, войска уже не слушались своих начальников. Вскоре Пфлуг настиг арьергард Левенгаупта и рассеял его. У Пропойска шведов ждала новая беда: мост через Сож был уничтожен и по ту сторону реки видна была русская конница; то были драгуны Фастмана. Бросив вторую половину транспорта, ушедшего с авангардом, и лишь частью уничтожив запасы, Левенгаупт посадил пехоту на коней и спустился вниз по течению реки Сож. У деревни Глинки ему удалось на конях переправиться на левый берег Сожи. Отсюда унылые остатки его корпуса потянулись в Северскую область, чтобы принести нерадостную весть своему повелителю.

Потери шведов под Лесной были огромны: 8 тысяч убитых осталось на поле битвы; 500 пало при преследовании; в плен захвачено было 45 офицеров и 700 нижних чинов; 17 орудий, 44 знамени и штандарта и, наконец, 7 тысяч нагруженных повозок достались победителям. Потери русских были сравнительно невелики: 1 тысяча убитых и около 3 тысяч раненых.

Блестящая победа Петра I при Лесной явилась результатом глубоко продуманной им операции; его распоряжения и действия русских войск во время сражения заслуживают быть особенно отмеченными. Прежде всего обращает на себя внимание активность действий корволанта; несмотря на выяснившееся превосходство шведских сил, царь непрерывными атаками взял в свои руки инициативу действий. Своевременное движение частей правой колонны на выручку левой (бой за перелесок) и

одновременные атаки всеми силами в дальнейшем бою указывают на то, что русские войска под начальством Петра I понимали значимость принципа взаимной поддержки в самом широком значении этого понятия. Необходимо также указать на умелое применение царем принципа подготовки атаки (артиллерийским огнем и ружейными залпами), на сосредоточение возможных сил к полю сражения (Боур) и на принцип умелого сбережения сил своего отряда во время боя. Все это дает право операцию Петра Великого против Левенгаупта, как основанную и по идее, и по исполнению на неизменных началах военного искусства и проведенную в строгом соответствии с обстановкой, считать классическим образцом, несмотря даже на то, что стратегическая разведка велась не непрерывно, а о движении Левенгаупта Петр I узнавал случайно и что на самом поле сражения наша конница не смогла открыть вовремя присутствия шведов в перелеске. Затем необходимо отметить отсутствие преследования всеми силами тотчас по окончании сражения. Тем не менее результаты победы были огромны.

С угрюмой тоской и затаенной тревогой встретила шведская армия, заброшенная в дебри Украины, остатки отряда Левенгаупта. Невеселые вести распространяли эти беглецы. Разнеслась молва по всей шведской армии о том, как превосходно сражались у Лесной молодые войска московского царя. Это уже не та толпа неучей, которую так легко рассеяли шведы под Нарвой в начале войны. У Лесной перед изумленными шведами искусно маневрировали прекрасно обученные войска. А вел в бой эти войска сам царь-великан. Орлиным взором высмотрел он самое слабое место в расположении шведов и нанес в эту чувствительную точку грозный удар. Смутились гордые сердца шведских воинов от этих зловещих вестей. Все чаще и чаще тревожные сомнения стали закрадываться в их души...

Потеря продовольственных запасов способствовала дальнейшему разложению армии Карла XII; потеря боевых припасов лишила возможности пополнить израсхо-

дованные снаряды до самого конца кампании, благодаря чему в Полтавском сражении из всей артиллерии Карла XII оказались обеспеченными боевыми припасами и могли действовать лишь четыре пушки.

Победе радовалась вся русская армия, но больше всех радовался сам царь; теперь он воочию убеждался, что его армия стала регулярной.

Из вдохновенного творчества и умелого руководства Петра, из доблести и искусства его легкого корпуса был сплетен победный венок под Лесной для молодой русской армии, отныне с уверенностью и надеждой смотрящей в будущее.

Покончив с Левенгауптом, Петр двинулся к Смоленску, а Меншиков с частью сил направился к Чернигову, сближаясь с армией Шереметева, двигавшейся на Рославль и Новгород-Северский и заслонявшей восточные области от шведов.

Поход шведов на Украину

Переправа через Десну ♦ Штурм Батурина ♦ Избрание нового гетмана — Скоропадского ♦ Изнурение шведов постоянными набегами

Тяжелым был поход Карла XII на Украину. Только 24 сентября, пробираясь по лесным дебрям и болотам, достиг он реки Ипути и занял Костеничи. Здесь пришлось сделать двухнедельную остановку, чтобы подтянуть отсталых и дожждаться прибытия Левенгаупта.

9 октября к шведской армии присоединяются жалкие остатки корпуса Левенгаупта, и на следующий день шведы продолжают свой марш на Украину. Армия Шереметева следовала параллельно шведам на юг. При дальнейшем движении Карлу XII предстояло форсировать реку Десну.

27 октября Петр узнает об измене Мазепы и обращается с манифестом к жителям Украины, объясняя, что Мазепа перешел к неприятелю, «дабы с общего согласия с ними

Малороссийскую землю поработить по-прежнему под владение Польское и церкви Божие и святые монастыри отдать в унию».

30 октября на военном совете в Погребках было решено уничтожить резиденцию гетмана, город Батурина, где были собраны огромные запасы продовольствия и боевых припасов. Против Батурина нужно было действовать немедленно, пока шведы были еще за Десной. Для овладения Батурином назначен был отряд под начальством Меншикова, который уже 30 октября выступил из Погребков.

Карл XII после открытой измены Мазепы решил немедленно форсировать Десну. Пунктом переправы он выбирает участок реки у деревни Мезин, в расстоянии перехода от главных сил русской армии. Переправе шведов у Мезина пытался препятствовать отряд Алларта. Однако попытка успеха не имела. С малыми потерями шведам удалось форсировать весьма серьезную преграду.

Потеря оборонительной линии реки Десны заставляет русскую армию отойти к Глухову. При этом Петр очень опасается за судьбу Меншикова. Однако опытный кавалерийский начальник прекрасно понял свою задачу. Двигаясь с полным напряжением сил, Меншиков 31 октября был уже под стенами Батурина. Приверженцы Мазепы хотели выиграть время и тянули переговоры о сдаче. Тогда Меншиков решился на штурм. Среди гарнизона Батурина нашлись казаки, стоявшие за царя и русское дело. При их содействии наши войска после двухчасового боя овладели городом. Жестокое разорение Батурина произвело сильное впечатление на все население Малороссии, которому стало ясно, что страшная участь ждет тех, кто изменит царскому делу.

Для шведов потеря богатых запасов Батурина была невозполнимой утратой. Прибыв 11 ноября к Батурину, Карл XII застал здесь лишь груды дымящихся развалин. Он остановился на несколько дней в селе Городище, чтобы собрать растянувшуюся на походе армию.

Вступая в пределы Малороссии, Карл XII обратился к манифестом к населению края, убеждая всех содействовать шведской армии в ее борьбе с русскими и обещая все

блага украинскому народу. Однако с первых же дней вступления в Малороссию шведам пришлось разочароваться в обещаниях Мазепы и убедиться, что симпатии местного населения совершенно не на их стороне.

Наша конница все время следила за шведской армией, извещая главную квартиру о всех переменах в стане врага.

6 ноября в Глухове, в присутствии Петра, при торжественной обстановке, состоялись выборы нового гетмана. Гетманская булава, по единодушному желанию собравшихся, вручена была лицу, пользовавшемуся доверием царя — Скоропадскому. Через несколько дней в соборной Троицкой церкви провозглашена была анафема Мазепе. Вместе с тем для удержания населения Малой Руси в преданности царю принимается ряд весьма важных мер: отменяются поборы, армии предписывается дружественное отношение к населению, невольно впадшим в измену под влиянием Мазепы обещается прощение в случае искреннего раскаяния, упорствующим посылаются суровая угроза.

Наступающее суровое время года в связи с изнурением шведской армии побуждает короля озаботиться расположением армии на зимних квартирах. Он останавливается около городов Прилуки, Ромны, Гадяч, Лохвица. При таком районе получалась разброска сил на 50 верст в ширину и 75 верст в глубину. В стратегическом отношении квартирный район шведской армии был едва ли выгоден для нее. Располагаясь в глубине Украины, почти на границе великороссийских областей, шведская армия удалялась от Днепра и, лишаясь сообщений с Польшей, попадала в совершенно изолированное положение.

Как только наша конница выясняет направление движения шведской армии, Петр решает передвинуть главные силы из Глухова в Лебедин, «упреждая противника левою стороною».

Имея мелкие стычки то с нашей конницей, то с сопротивлявшимися местными жителями, шведы к концу ноября заняли намеченный квартирный район. Наша армия, двигавшаяся параллельно, к 27 ноября также стала в окрест-

ностях Лебедина, прикрывая своим расположением важнейшее направление в глубь России. Благожелательное расположение к царю и русской армии малороссийского народа расстроило все расчеты лукавого Мазепы.

Наступила необычайно суровая зима.

Русская армия продолжала систематически осуществлять Жолкиевский план. Обстановка для этого сложилась благоприятная, так как шведы оказались в кругу, замкнутом русскими отрядами и укрепленными пунктами с русскими гарнизонами. До половины декабря набег с нашей стороны производились мелкими партиями, но затем вступают в дело более крупные силы.

16 декабря два отряда наших войск — один под начальством Петра, другой под начальством генерала Алларта — производят нападения на Гадяч и Ромны, причем последний пункт переходит в руки русских. Эти нападения заставляют шведов перейти на более тесные квартиры.

В конце декабря главные силы русских отошли от Лебедина к Сумам; шведы же ввиду усилившейся стужи стали снова в более широком квартирном районе.

Близкое соседство нашей конницы лишало шведов спокойного отдыха. Шведский король, чтобы избавиться от назойливых действий русской конницы, решил отбросить русских к востоку, за Ворсклу, опустошить широкую полосу местности, прилегающую к левому берегу Ворсклы, сделав ее недоступной для расположения войск и, придвинув шведскую армию к Ворскле, прикрыться труднопроходимыми берегами реки. Как только обнаружено было новое наступательное движение шведов на восток, Петр принимает меры противодействия. Наши главные силы передвигаются из Сум в Ахтырку для прикрытия операционного направления на Белгород или Харьков. Особый конный отряд, порученный Шереметеву, готовится напасть на шведов с западной стороны.

Карл XII, приводя в исполнение свой план, выдвинулся с конницей на восток до селения Хухры. Затем, разоривши край, отошел кружным путем через Городное—

Коломак к Опошне. Рейд шведской конницы, понятый в нашей главной квартире как начало наступления шведов, побуждает перевести главные силы от Ахтырки в Богодухов, узловой пункт путей на Харьков и Белгород. Однако Карл XII не помышлял о дальнейшем наступлении. Разоривши край, он вернулся 18 февраля в Опошню.

11 февраля Петр, вполне спокойный за судьбу своей армии, оставляет ее на попечение испытанных генералов и отправляется в Воронеж, чтобы оказать личное воздействие на постройку флота.

Постоянные угрозы Турции вмешаться в войну между Россией и Швецией, широкие приготовления к походу крымских татар, производимые с ведома и поощрения Константинополя, побуждают государя в свою очередь принять решительные меры против Турции. Царь, учитывая впечатлительность турок, замышляет грандиозный морской поход к Константинополю как демонстрацию против двуличной политики турок.

Кипучая деятельность на верфях не мешает, однако, Петру зорко следить за действиями русской армии на Украине и вдохновлять ее ценными указаниями, вполне соответствующими обстановке.

С наступлением весны, в марте, шведская армия снова заняла более сосредоточенное положение между реками Псёл и Ворскла.

Главные силы русской армии занимали Богодухов, а русская конница выдвинута была к линии р. Ворсклы. «Деташамент» Шереметева (конный отряд) продвинулся на восток до реки Псёл. В Нежине новый гетман Скоропадский собирал казачьи части, отправляя их по мере формирования к селению Лукомье на реке Суме. Боевые столкновения в начале марта почти прекратились и ограничивались действиями с обеих сторон мелких партий и разъездов.

С приближением весны все чаще и чаще внимание Петра сосредоточивается на запорожском вопросе. Уговоры Мазепы и горячая агитация нового гетмана Константина Гордиенка, убежденного ненавистника Москвы,

резко влияют на перемену настроения сечевиков. Имея основание относиться подозрительно к политике Москвы на Украине и, в частности, опасаясь даже за целостность существования Запорожья при усилении Москвы, сечевики склонились на уговоры Мазепы и Гордиенка и восстали.

Измена запорожцев причинила много хлопот Петру. Собравшись в середине марта в Переволочне на Днестре, запорожцы открыли враждебные действия против русских войск. В низовьях рек Ворсклы и Орели образовался опасный очаг, наводненный мятежной толпой.

Чтобы покончить с опасным выступлением запорожцев, всегда пользовавшихся глубокими симпатиями населения всей Украины, Петром предписываются решительные меры. Прекращается подвоз по Днепру к сече всех жизненных припасов. Запорожье изолируется заставами от Украины, и, наконец, высылаются в захваченный запорожцами район карательный отряд под начальством генерала Ренне. Карл XII успел поддержать запорожцев 4-тысячным отрядом генерал-майора Круза, но в происшедшей 11 апреля у м. Соколики битве запорожцы и шведы были наголову разбиты.

Одновременно с Ренне действовали также карательные отряды Яковлева и князя Гр. Волконского. Двинувшись из Киева вниз по Днепру, они взяли и разорили Келеберду и Переволочну, обороняемые запорожскими гарнизонами и приверженцами Мазепы и Карла XII. Ряд неудач повлиял на настроение запорожцев, они стали толпами удаляться на правый берег Днестра.

Шведская армия мало интересовалась борьбой русских с запорожцами. Главные силы Карла XII оставались на своих квартирах, неся постоянный урон от набегов русских.

Главные силы русской армии оставались также в прежнем районе и лишь в конце апреля стали стягиваться к Богодухову, занимая более тесный квартирный район. С наступлением весны армия начала готовиться к «походу»; приводилась в порядок материальная часть; князь Мен-

шиков заботливо осматривал войска, осведомляя постоянно государя о нуждах армии.

План «похода» заключался в том, чтобы выдвинуться к р. Ворскле и затем действовать в зависимости от обстановки.

«Деташамент» Шереметева, базирующийся к западу от шведов, время от времени напоминал о своем существовании, производя нападения на врага. Так, например, 22 апреля он произвел удачный налет на местечко Решетилку и разорил этот пункт, занятый шведами.

Окончился зимний период, причинивший столь много огорчений шведской армии. Вместо спокойного отдыха в течение почти всей зимы, невзирая на страшную стужу, пришлось вести борьбу с назойливым, почти неуловимым противником. Постоянные тревоги и нападения изнурили шведов, силы их таяли, а подкреплений не было. Будущее рисовалось в мрачном свете. Железная дисциплина шведов пошатнулась. Были уже случаи неповиновения, началось дезертирство. Глухой ропот по временам раздавался в шведском стане.

Видя тяжелое состояние армии, шведские генералы советовали упрямому королю оставить Украину и отойти в Польшу, куда можно было притянуть свежие силы на помощь истощенной армии. Но Карл гордо отклонил эти благоразумные советы. Отступление перед русскими казалось ему позором для его славы победителя. Он предпочел остаться на Украине окруженным неуловимым врагом, надеясь на осуществление своих зыбких политических мечтаний, надеясь принудить, наконец, русскую армию принять бой, в благоприятном исходе которого для шведов он не сомневался.

В течение всего зимнего периода деятельность русской армии строго соответствовала принятой системе изнурения противника. Обращают на себя внимание искусные меры царя, осуществленные для удержания в покорности населения Малороссии, и решительный образ действий в отношении Запорожья.

Осада Полтавы

**Состояние крепости ♦ Попытка освободить ее ♦ Шведские штурмы
Полтавы ♦ Переправа русской армии на правый берег Ворсклы
♦ Укрепленный лагерь у Семеновки**

Расположившись в новом квартирном районе между Ворсклой и Псёлом, Карл XII оказался в непосредственной близости к укрепленной Полтаве, которая несомненно имела важное значение для шведов как узел путей, торговый центр и укрепленный пункт на р. Ворскле. В политическом отношении захват Полтавы не мог не произвести неблагоприятного для русской армии впечатления среди неустойчивого населения Малороссии.

Личная рекогносцировка укреплений Полтавы, произведенная в начале апреля, убеждает короля, что вряд ли крепость может оказать упорное сопротивление. Действительно, укрепления Полтавы были неважны.

Небольшая крепость лежала на правом, высоком и крутом берегу р. Ворсклы. От реки город отделен был болотистым берегом. Восточная и западная части крепостной ограды окаймлялись оврагами. Оборонительная ограда, имеющая очертание бастионов, состояла из земляного вала с палисадом и с наружным рвом. Наиболее удобные подступы вели к западному фронту оборонительной линии.

Хороши были эти валы с палисадами для отражения набегов степных хищников, но трудно было за ними держаться против искусной армии шведского короля. Однако в крепости находился верный своему долгу 4-тысячный гарнизон, а во главе гарнизона поставлен был царем мужественный комендант полковник Алексей Степанович Келен. К гарнизону примкнула 2-тысячная дружина, составленная из граждан города Полтавы. Еще задолго до начала осады по приказанию царя укрепления Полтавы были приведены в порядок и крепость была снабжена продовольствием и боевыми припасами, но последних было немного. Артиллерия Полтавы состояла из 28 орудий.

К концу апреля шведы появились под стенами Полтавы. Их пехота заняла ближайший к городу район в построенном укрепленном лагере, а конница расположилась по деревням. В Будищах для прикрытия осады оставлен был обсервационный отряд генерал-майора Росса.

Осадные работы возложены были на «маленького Вобана», генерал-квартирмейстера шведской армии Гиленкрока, которому король приказал вычислить время падения крепости. Гиленкрок, ввиду недостатка у шведов боевых припасов, пытался отговорить короля от затяжной осады, но упрямого Карла нельзя было поколебать в его решениях. План осады заключался в подходе тремя параллелями к западному фронту крепости. Началу осадных работ предшествовал двухдневный штурм, 28 и 29 апреля, отбитый гарнизоном. Едва лишь начали шведы осадные работы, как энергичный комендант производит, одну за другой, три вылазки, нанося большой урон шведам, захватывая у них инструменты, разрушая возведенные сооружения. К 4 мая шведы все же подошли к контрэскарпу, но штурмовать крепость не решились. Русские, ожидая штурма, устроили внутреннюю ограду и утолстили крепостные валы.

Когда весть об осаде Полтавы дошла до русской армии, наступавшей от Богодухова к р. Ворскле, то на военном совете было решено отвлечь внимание врага от крепости нападением на Опошню и Будище, но эта диверсия не заставила шведов снять осаду. Они заняли лишь более сосредоточенное положение под Полтавой, выдвинув конницу к д. Жуки.

9 мая Меншиков получил от Петра письмо с советом оказать помощь Полтаве либо нападением на Опошню с целью отвлечь внимание противника от крепости, либо расположением армии в непосредственной близости к Полтаве на левом берегу Ворсклы, дабы оказать поддержку гарнизону при удобном случае людьми и припасами. Так как первый способ действий, указанный царем, был уже испробован и не дал благоприятных последствий, то Меншиков решил воспользоваться вторым советом.

14 мая главные силы нашей армии расположились против Полтавы, на левом берегу Ворсклы, у с. Крутой Берег. Все старания Меншикова направлены были к тому, чтобы оказать немедленную помощь осажденному гарнизону крепости.

15 мая ему удалось перебросить в крепость отряд Головина силой около 1000 человек.

В течение второй половины мая русские войска постепенно стягивались к осажденной Полтаве, располагаясь между деревнями Крутой Берег и Искровка.

Постепенно на нашем берегу возникали укрепления, привлекавшие внимание шведской армии. Наши войска усиленно вели инженерные работы с целью установить связь с крепостью. Через болотистые рукава Ворсклы устраивались проходы из фашин, а на берегу возводились и вооружались пушками и мортирами новые укрепления.

Шведы против наших укреплений возвели также непрерывную линию бастионов.

27 мая к войскам прибыл фельдмаршал Шереметев с «деташаментом» и принял командование над всеми силами. К началу июня для Шереметева стало очевидно, что перевес в инженерном состязании перешел на сторону шведов. Он склоняется к мысли оказать более активную помощь осажденной Полтаве, перебросив часть сил через реку и действуя в тыл осаждающим. Свои соображения по этому поводу он сообщил в письме государю, но Петр, получивший донесение фельдмаршала на пути к Полтаве, отложил решение вопроса о диверсии до прибытия своего к армии и изучения обстановки на месте. 4 июня Петр прибыл к армии и взял в свои опытные руки дальнейшее ведение операций.

Между тем осада Полтавы продолжалась. К середине мая шведские траншеи были уже у палисада крепости. Враг приступил к минной атаке. Две попытки подвести подкоп под вал и взорвать его успеха не имели. От бдительного коменданта не ускользнули приготовления шведов к взрыву. Когда шведы заложили сильный пороховой заряд под крепостным валом, защитники осторожно под-

копались к пороховому погребку и вынули заряд. Между тем шведы при вторичном подкопе, 23 мая, рассчитывали одновременно с взрывом вала штурмовать крепость. 3-тысячный отряд приготовился к приступу. По данному королю сигналу зажгли рукав, ведущий к пороховому погребу, и, в ожидании взрыва, штурмующий отряд стал приближаться к крепости. Спокойно притаился полтавский гарнизон за палисадом; защитники перехитрили врага. Подпустив шведов на дистанцию близкого оружейного выстрела, полтавцы встретили их дружным залпом и нанесли им большой урон.

Изредка прибегали шведы к бомбардированию крепости, но за недостатком боевых припасов не достигли существенных результатов.

Что касается осажденных, то они продолжали энергично вести активную оборону. Частые вылазки, меткий огонь наносили существенный урон шведам. Когда шведы перебросили траншеи через ров, то у защитников появилась на валах какая-то особая машина с крюками, с помощью которой полтавцы выуживали шведов из траншей или избивали их в окопах; так, например, за 25 мая этой машиной было «вынуто из сапов 11 человек, да в сапах вала найдено тем же инструментом побитых до 24-х, а прочие убежали».

Раздраженный сплошной неудачей шведов под Полтавой, Карл XII, невзирая на скудность боевых припасов, приказал произвести усиленное бомбардирование. 1 июня шведские снаряды произвели пожар в городе. Защитники крепости бросились тушить огонь, а шведы устремились на штурм. Атака была неожиданной, на валах было очень мало защитников. Легко опрокинув их, шведы водрузили уже на валу королевское знамя, но из города к месту боя спешили войска и городская дружина. Сильным натиском враг был опрокинут и сброшен с вала. Пытался было Карл XII склонить мужественного коменданта к сдаче, обещая почетные условия капитуляции и угрожая беспощадным истреблением гарнизона и жителей в случае отказа. Но не смутилось львиное сердце доблестного комен-

данта. Отпустив с отказом в сдаче крепости присланного парламентаря, Келен вслед за тем во главе гарнизона произвел вылазку и захватил у шведов четыре пушки.

Прибыв к армии 4 июня, Петр прежде всего позаботился о том, чтобы известить осажденный гарнизон о своем прибытии, перебросив в пустом ядре свое послание через Ворсклу в осажденный город. В ответном письме комендант уверял царя в несокрушимом мужестве гарнизона, но вместе с тем уведомлял об истощении боевых припасов.

Положение осажденной крепости не внушает царю крайних опасений, поэтому решительные действия он откладывает до прибытия к армии сорока тысяч калмыков, посланных ханом Аюкой с Волги.

Распоряжения Петра сводятся к тому, чтобы продолжать изнурение врага, пресечь возможный уход его за Днепр, подготовить быстрое сосредоточение русских войск на случай генерального сражения.

Русская конница тщательно обследовала местность по течению реки Ворсклы. Гетман Скоропадский занимал переправы на реках Псел и Грун, преграждая пути шведам в Польшу.

Новые донесения Келена 7 и 10 июня носили более тревожный характер. Продовольственные припасы были на исходе, осадные работы врага значительно продвинулись вперед.

12 июня Петр собрал генеральный совет для обсуждения плана действий. Принято решение оттянуть врага от Полтавы и заставить его снять осаду. Это считали возможным осуществить одновременным нападением со всех сторон на шведскую армию. Нападение предполагалось произвести утром 14 июня, но пришлось от этого отказаться, так как колонна Меншикова не могла совершить в намеченном пункте переправу через болотистую долину Ворсклы.

Военный совет, собранный 15 июня, постановил попытаться еще раз приблизиться апрошами к Полтаве; попытка эта на следующий день не удалась. Тогда 16 июня пос-

ле всестороннего обсуждения создавшихся условий пришли к убеждению, что только немедленная помощь может спасти крепость от падения и что без решительного сражения не обойтись.

Еще до решения совета о переходе в наступление главных сил русской армии отрядами генерала Алларта и Ренне были совершены переправы первым севернее, в одной версте от Полтавы, а вторым — южнее, у д. Петровки. При переправе отряда Ренне произошла схватка со шведами. Шведским отрядом руководил Карл XII. Приблизившись к самому берегу Ворсклы, он попал под огонь с противоположного берега и был ранен в ногу. Мужественный король, несмотря на тяжелую рану, еще около часу оставался на берегу реки, производя разведку.

19 июня русская армия покинула свой лагерь и перешла вверх по Ворскле к д. Черняхово. Желая сосредоточить к полю битвы возможно большие силы, Петр предписал Скоропадскому идти на соединение с армией. С дня на день ожидалось также калмыки.

20 июня русская армия по мостам, наведенным у д. Петровки, и прилегающим бродам перешла на правый берег реки. Переправу прикрывал на правом берегу отряд Ренне. Переправившаяся армия немедленно построила для себя укрепленный лагерь у д. Семеновки, а мосты были прикрыты особым укреплением.

Весть о переправе русской армии в тот же день дошла до шведского короля. Карл XII решил в последний раз попытаться овладеть Полтавой.

21 июня начался последний ужасный двухдневный штурм Полтавы особо выделенным отрядом. Король требовал от своих войск во что бы то ни стало овладеть крепостью. С распущенными знаменами под бой барабанов бросились ожесточенные враги на валы крепости. Гарнизон изнемогал в неравной борьбе. Не только воины и дружинники, но и все жители города вступили в бой с врагом. Дряхлые старики, женщины и малые дети сражались бок о бок с гарнизоном крепости. Дрались косами, вилами, дубинами; за недостатком снарядов и пуль осыпали

врага градом камней. Несмотря на бешеный натиск шведских войск, и на этот раз твердыня осталась в руках мужественного гарнизона.

Это была последняя попытка Карла XII овладеть крепостью. Теперь настало время повернуть ему фронт навстречу приближающемуся северному богатырю.

Полтавское сражение

Новый укрепленный лагерь у д. Яковцы ♦ Подготовка поля сражения в инженерном отношении ♦ Сосредоточение войск ♦ Подготовка войск в моральном отношении ♦ Положение шведской армии ♦ Бой на передовой позиции ♦ Поражение колонны Росса и освобождение Полтавы ♦ Переход русских в решительное наступление ♦ Поражение и бегство шведов ♦ Празднование победы и преследование шведов ♦ Значение победы

25 июня наша армия, покинув лагерь у д. Семеновки, продвинулась еще на три версты к осажденному городу и расположилась у д. Яковцы, устроив здесь новый укрепленный лагерь. Намеченным днем атаки шведов было 29 июня, день ангела Петра, но 25-го в русский лагерь прибыл перебежчик, доложивший царю, что 27-го шведы предполагают атаковать русскую армию. «На начинающего Бог», — промолвил спокойно царь, узнав эту новость, и стал делать последние приготовления к бою.

На предстоящий бой он смотрел как на «зело опасное дело», как на решительное неизбежное средство, к которому нужно прибегнуть для достижения желанной цели.

Укрепленный лагерь русской армии у д. Яковцы тылом своим примыкал к крутому берегу реки Ворсклы. Вправо от лагеря тянулась лощина, а влево простирался лес до полтавского Крестовоздвиженского монастыря. Перед фронтом находилась поляна шириной до двух верст, окаймленная с северо-запада другим лесом. Между этим лесом и монастырским оставался открытый промежуток шириной до одной версты. Этим свободным промежутком только и могли воспользоваться шведы для подхода

от Полтавы к русскому лагерю. Чтобы принять бой при наиболее благоприятных условиях, Петр приказал построить в проходе между лесами шесть отдельных сомкнутых укреплений (редутов), находящихся на расстоянии ружейного выстрела один от другого. Эта укрепленная линия была передовой позицией, на которую должна была наткнуться наступающая шведская армия. Шведам приходилось либо штурмовать эти редуты, на что нужно было бы потратить много сил и времени, либо прорваться между редутами, подставляя фланги при прорыве под огонь из укреплений. Блестящая мысль создать такую прерывчатую линию отдельных сомкнутых укреплений на поле сражения принадлежала самому Петру, до него ни один полководец не применил этого превосходного приема.

Значение укрепленной линии редутов увеличивалось еще тем, что, прорвавшись сквозь эту огневую полосу, шведы попадали на поляну перед нашим укрепленным лагерем, подставляя свой правый фланг под огонь из последнего. 26 июня Петр приказал построить еще одну укрепленную линию из четырех редутов, проходящую от середины первой, под прямым углом к ней. Эта новая линия должна была разрезать наступающие колонны шведов, сразу разделив их пополам. За недостатком времени из этих четырех редутов ко дню сражения были закончены лишь два.

Постройкой тет-де-пона у пункта переправы через реку Ворсклу, двух укрепленных лагерей, одного — у Семёновки, другого — у д. Яковцы, и линии редутов Петр Великий блестяще подготовил поле сражения в инженерном отношении. В случае наступления противника он должен был действовать в таком направлении, в каком было желательно и выгодно русским.

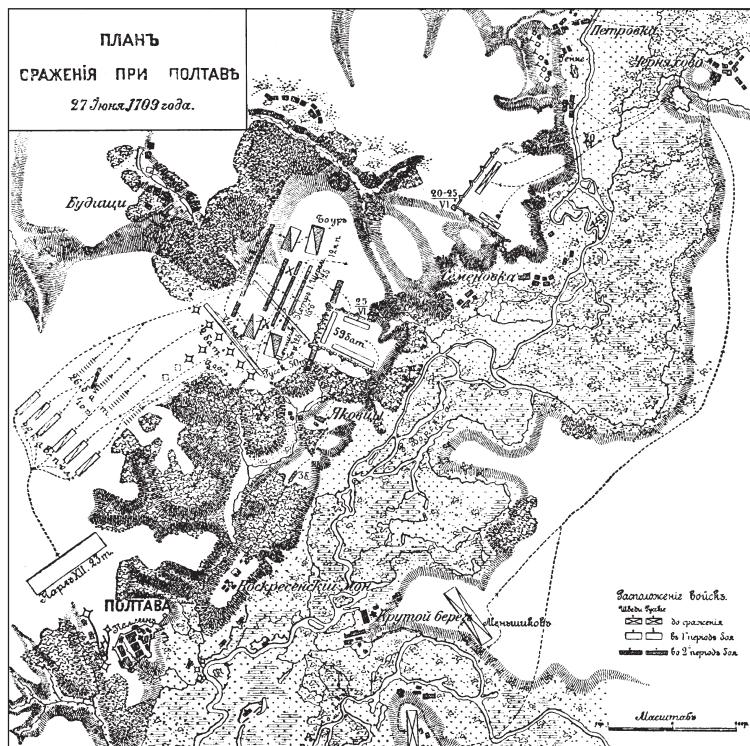
Ко дню решительного боя армия русского царя состояла из 61 батальона пехоты, 23 драгунских полков и одного эскадрона (Генеральный), нескольких тысяч казаков и 72 орудий, всего около 50 тысяч человек. По численности эта армия не так уж сильно превосходила ту, которую так легко разгромил за девять лет до Полтавской битвы

молодой шведский король под Нарвой небольшими силами; но велика была разница между участниками нарвского поражения и той грозной силой, с которой предстояло вновь вступить в бой шведскому королю. Девятилетняя суровая боевая школа воспитала и образовала молодую русскую армию. Как сталь, закаляясь в огне, становится упругой и твердой, так укреплялась в борьбе русская армия. Уже первые кровавые страницы ее истории пестрели славными именами одержанных побед. В рядах армии были полки, покрывшие себя славой уже при завоевании Прибалтийского края, при взятии шведских крепостей, наконец, в славном бою у Лесной. В рядах полков много было опытных воинов, вполне усвоивших ратное дело. Немало славных имен боевых начальников, доблестных сподвижников царя, выдвинула также 9-летняя война.

Было царю с кем совет держать. Его ближайшими помощниками были: фельдмаршал граф Б. П. Шереметев, спокойный, осторожный, но основательно усвоивший военное дело; князь А. Д. Меншиков, превосходный кавалерийский генерал, соединявший в себе рассудительность с быстрой решительностью и смелостью; далее следовали храбрые военачальники: князь М. М. Голицын, князь А. И. Репнин и превосходный артиллерист и инженер Я. В. Брюс.

Силы шведов значительно уступали по численности нашим. В состав армии ко дню боя входило 24 батальона пехоты, 41 эскадрон конницы и 4 орудия, всего около 25 тысяч человек. Кроме того, около 6 тысяч шведов, казаков и запорожцев было оставлено частью для охраны укреплений под Полтавой, частью для прикрытия обоза и артиллерии, не принимавшей участия в бою за недостатком боевых припасов, наконец, частью для сторожевой службы вдоль реки Ворсклы, между Полтавой и Переволочной.

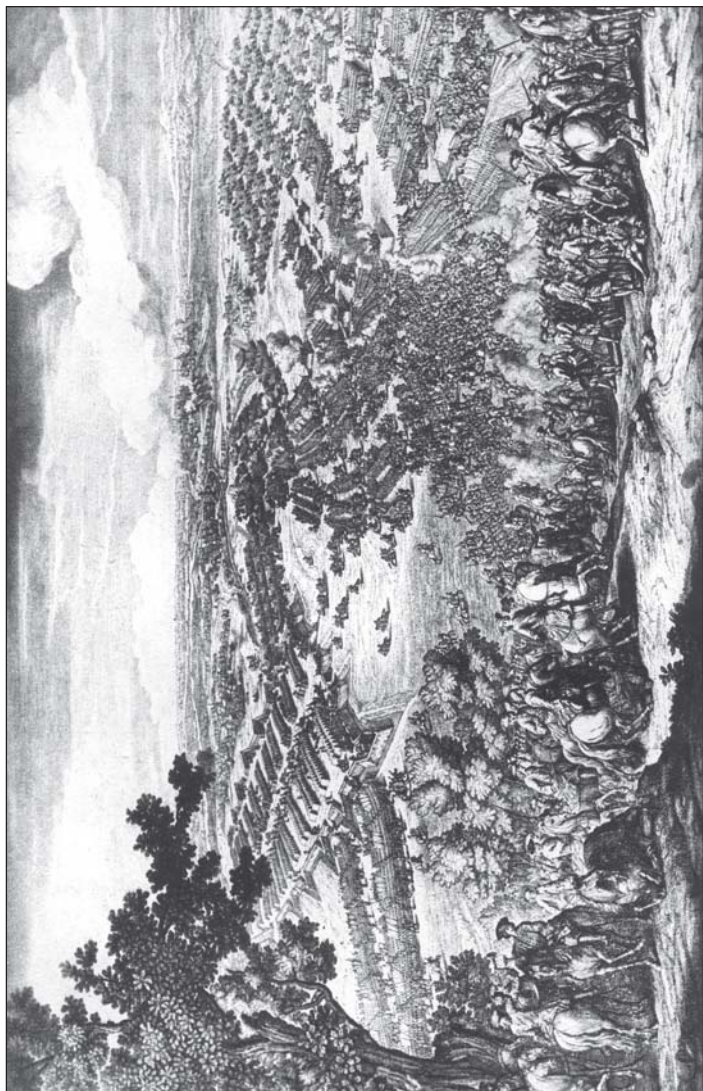
Положение шведской армии было тяжелым. Во всем ощущалась крайняя нужда; постоянные тревоги истощали силы солдат. Надежды на содействие Станислава Лещинского и турок не оправдались. Безрезультатные дей-

План сражения при Полтаве

ствия шведской армии под Полтавой являлись грозным симптомом бессилия «непобедимых», но упрямый Карл XII как бы не замечал того бедственного положения, в каком очутилась его армия. Лучшим решением для него было снятие осады и немедленное отступление за Днепр; принимать же решительный бой и опасно, и нецелесообразно, искать боя было уже безрассудно, а между тем Карл XII останавливается именно на решении начать бой первым.

26 июня русская армия, ввиду близости шведов и возможности их нападения, уже изготовилась к встрече противника. Линию редутов заняли два батальона пехоты

Полтавское сражение 27 июня 1709 г. (со старинной гравюры)

под начальством генерала Айгустова. За редутами стала вся конница под начальством Меншикова. Казаки Скоропадского расположились на дорогах, ведущих от Полтавы на запад, с целью воспрепятствовать отступлению противника кратчайшими путями на Польшу. Наконец, главные силы армии разместились в укрепленном лагере у д. Яковцы.

Одновременно с подготовкой поля сражения к назревающему бою Петр Великий не позабыл поднять дух своей армии. Царь и его армия накануне боя возносили горячие молитвы Всевышнему Творцу о даровании победы. Царь Петр объезжал стройные ряды молодых полков и напоминал им об исключительной важности для России предстоящего боя. Петр говорил своим войскам о погибельных для нашего Отечества замыслах шведского короля, мечтающего унижить Россию, разделить ее на небольшие уделы. Царь напоминал о том, как с помощью Божьей разрушились козни врагов. Верным присяге остался малороссийский народ, не получил шведский король обещанной помощи от Мазепы и польского короля, не поддержали его турки и татары. Невзгоды, лишения и частичные наши победы подорвали силы шведской армии; немного уж осталось врагов. Нужно довершить победу над остатками шведских сил. «Порадейте же, товарищи! Вера, Церковь и Отечество того от вас требуют».

Гвардейским полкам царь напомнил о глумлении врага над святою нашей церковью, о кичливости шведского короля, который расписал уже в Москве квартиры для своего войска и своего генерала Шпара назначил московским комендантом. И под влиянием этих царских речей разгорались жадной мести сердца русских воинов, проникались они несокрушимой решимостью положить живот свой за дорогое Отечество и великого своего, горячо любимого царя. На царский призыв от имени армии ответил горячей речью М. М. Голицын: «Великодержавный царь-государь. Ты видел труд и верность наши, видел храбрость твоих солдат в бою с Левенгауптом, когда целый день стояли под огнем и не смешали шеренг, не уступили

ни пяди земли; четыре раза от стрельбы ружья разгорались, четыре раза сумы и карманы патронами наполняли. Ныне же войско то же и мы, рабы твои, те же. Уповаем на Бога такой же иметь подвиг и ныне, какой и тогда». — «И я уповаю», — сказал царь.

Последний завет царя своим воинам накануне боя выражен был в бессмертном приказе, прочитанном войскам перед сражением и вызвавшим высокий подъем духа армии. «Воины, — говорил Царь, — вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и Церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога, поборающего на вас. А о Петре ведайте, что Ему жизнь Его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего».

Весь день 26 июня в шведском стане, под Полтавой, шли спешные приготовления к предстоящему бою. Превозмогая сильную боль, причиняемую раной, король отдавал последние распоряжения. Пехота разделена была на четыре колонны и должна была начать наступление. За пехотой в шести колоннах следовала конница. Король не мог, вследствие раны, сесть на коня и лично командовать своей армией в день боя, поэтому главнокомандующим он назначил фельдмаршала Реншильда; общее же командование над пехотой было поручено генералу Левенгаупту.

Шведские войска строились по колоннам. Карл XII в коляске объезжал войска и старался ободрить их речами. Напоминая своим воинам о былой славе, об одержанных блестящих победах, король внушал им веру в свои силы, в несомненный предстоящий успех. Он и теперь продолжал презрительно относиться к своему врагу и, не сомневаясь в поражении русской армии, приглашал своих воинов на пир в шатре московского царя. «Он приготовил

нам много кушаний, — говорил шведский король, — идите же завтра туда, куда ведет вас слава». И действительно, многие из генералов шведской армии попали на следующий день на пир в шатер московского царя, но... лишь в качестве военнопленных.

Промелькнула короткая летняя ночь. В два часа ночи, чуть заалелся восток, шведский король снова появился перед своей армией. Тихо было во вражеском стане. Стройные колонны уже изготовились к движению. «Начинайте с Богом», — громко сказал король Реншильду и повелительным жестом руки указал на лагерь русской армии. Раздались короткие, тихие команды — и глубокие колонны шведской пехоты, заколыхавшись, одновременно тронулись с места и направились к темневшей вдаль линии русских укреплений. Гулко звучали шаги, нарушая покой летнего утра. Не спали уже и русские. Зоркие и внимательные разезды тотчас же обнаружили движение врага и донесли о его наступлении Меншикову, который дал знать об этом царю. Князь Меншиков, выстроив своих драгун в боевой порядок, смело двинулся навстречу шведам, желая их встретить как можно раньше и тем выиграть время для изготовления к бою главных сил. Когда шведы увидели двигавшийся против них стройно, как на параде, широкий фронт русских драгун, то, по команде «кавалерия вперед», их конница быстро проскакала в промежутки между колоннами своей пехоты и стремительно бросилась на нашу конницу. В третьем часу утра перед редутами кипел уже горячий бой. Сперва шведские кирасиры потеснили нашу кавалерию, но, быстро оправившись, наша конница частыми повторными ударами оттеснила шведов. Нижегородский драгунский полк стремительной атакой отбросил шведских кирасир, причем кирасирский штандарт захватывается каптенармусом полка Аврамом Антоновым. Потеряв еще несколько знамен, шведская конница отхлынула назад и укрылась за свою пехоту, восстанавливая расстроенный порядок. Тогда на смену своей коннице выдвинулась славившаяся стремительными и настойчивыми атаками

шведская пехота. Она все усилия направила на овладение редутами, которые мешали всему боевому порядку продвинуться вперед, нарушая его стройность и устойчивость. Но защитники редутов уже были вполне готовы достойно встретить врага.

Заряженные фузеи зловеще выглядывают из-за земляных насыпей. Задние шеренги наготове держат заряженные ружья, чтобы передать их в переднюю линию, когда последняя откроет огонь. Тяжелым было положение защитников двух незаконченных редутов, выдвинутых вперед. Лишь небольшие насыпи скрывают гарнизоны этих укреплений, на которые должен обрушиться первый натиск врага. Дружными залпами встретили русские приближающихся шведов. Огонь не остановил врага. Правofланговая колонна генерала Росса, приблизившись к передовому редуту, стремительно бросилась в штыки и переколола немногих защитников его. С таким же порывом овладевают шведы вторым неоконченным редутом. Нападения на третий и последующий редуты уже отбиты дружным огнем обороняющихся. Жестокий упорный бой продолжался больше часу; за это время главные силы русских успели изготoвиться к бою, а потому нашей молодецкой коннице и славным немногочисленным защитникам редутов Петр посылает приказание отойти на главную позицию у укрепленного лагеря.

Но князю Меншикову, остановившему порыв шведов, заставившему их прекратить наступление, жаль было отходить; он желал здесь же, у передовых редутов, совершенно покончить со шведами. И вместо того, чтобы отступить, он просит царя разрешить ему остаться, где он стоял, и прислать ему на подмогу хотя бы немного пехоты.

Мужественный отпор защитников редутов, поддержанных конницей, заставляет Карла XII решиться на обход редутов с северной стороны. Отойдя немного назад и плотно сомкнувшись, шведы двинулись мимо продольных редутов с их северной стороны. Но наша конница, руководимая Меншиковым, вовремя заметила маневр шведов, быстро передвинулась к северу и могучей

стеной крепко заслонила промежуток между редутами и Будищенским лесом. Здесь вновь наши драгуны вступили в горячий бой со смелым и энергичным противником, всеми силами стараясь не допустить его за линию поперечных редутов. Четырнадцать знамен и штандартов были трофеями нашей конницы в этой славной сече. Взятые знамена были отправлены к Петру как доказательство нашего успеха на передовой позиции. Тем не менее, однако, царь вновь шлет приказание Меншикову отвести конницу назад.

В это же время Петр узнает, что при движении к северу от продольных редутов шведская армия разделилась надвое и часть ее, в составе шести батальонов и нескольких эскадронов под начальством генералов Росса и Шлиппенбаха, оказалась отрезанной редутами от остальных войск и, опасаясь отдельного поражения, укрылась в лесу, лежащем к югу от редутов.

От орлиного взора Петра, зорко наблюдавшего за ходом боя, не укрылось опасное положение колонны Шлиппенбаха и Росса. Решив нанести поражение этой колонне, царь приказывает Меншикову с пятью батальонами пехоты и пятью драгунскими полками переправиться к Монастырскому лесу и остановить Росса.

Начальствование над всей остальной конницей, бывшей у редутов, царь поручает генералу Боуру, которому и приказывает тотчас же отходить на правый фланг укрепленного лагеря.

Расстроенная и понесшая большие потери колонна Росса была стремительно атакована Меншиковым. Потрясенная предшествующим боем, она не сдержала натиска свежих русских сил и после короткого боя в совершенном беспорядке бросилась дальше в лес. Остатки колонны Росса бросились к укрепленному лагерю, устроенному под Полтавой, надеясь здесь найти спасение. Для преследования этих беглецов Меншиков отрядил пехоту под начальством генерала Ренцеля, а с конницей поспешил вернуться на поляну, где назревал уже решительный момент боя.

Генерал Ренцель принудил Росса и большую часть пехоты, оставленную Карлом XII под Полтавой, положить оружие. Мазепа с мятежными казаками и часть шведов, завидев русскую пехоту, бежали вниз по Ворскле к Переволочне.

Тем временем фельдмаршал Реншильд, видя отступление нашей конницы и маленьких геройских гарнизонов редутов, приказывает своей пехоте прорваться сквозь линию русских укреплений. Приказание это тотчас же исполняется.

Но едва лишь шведская пехота, понесшая большие потери и крайне расстроенная, прошла сквозь линию редутов на полянку, как загрохотала русская артиллерия из укрепленного лагеря, к которому правый фланг шведского боевого порядка приблизился теперь на 100 шагов. Густая картечь косила шведские ряды. Этого убийственного огня не могла выдержать стойкая шведская пехота и в беспорядке отхлынула влево, к Будищенскому лесу. Здесь шведам пришлось переменить под прямым углом свой боевой порядок, чтобы стать фронтом к русскому укрепленному лагерю. Вслед за пехотой на поляну прорвалась шведская конница.

Первоначально Петр предполагал оставить часть сил в укрепленном лагере, другую же часть построить на флангах, вне укрепленного лагеря, и этими войсками ударить в оба фланга вражеской линии, если бы она атаковала наш лагерь. Однако шведы медлили, очевидно, ожидая подкреплений: колонну Росса и Мазепу с казаками, которому послано было приказание прибыть на поле битвы. Видя нерешительность врага, Петр решает большую часть армии вывести из лагеря, построить боевой порядок и выжидать, что будет дальше; девять же батальонов, в качестве общего резерва, оставить в лагере.

Русская армия, выведенная из лагеря вперед, строит боевой порядок, разделенный на три участка: в центре — пехота в две линии, конница — на флангах. Правое крыло пехоты составили 13 батальонов из состава дивизии князя Голицына; сюда входили полки: Преображенский, Семенов-

ский, Ингерманландский и Астраханский и один гренадерский батальон. В центре в две линии стали 14 батальонов дивизии Репнина; на левом фланге 15 батальонов дивизии Алларта. Для лучшего осуществления принципа взаимной поддержки за каждым батальоном 1-й линии стал во 2-й линии батальон того же полка. Начальствование всей пехотой поручено было царем фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. На правом фланге стало 18 драгунских полков под начальством Боура, на левом — шесть драгунских полков под начальством Меншикова, «понеже тамо его прибытие потребнейше было». Остальные же шесть полков драгун под начальством князя Волконского были отправлены к Скоропадскому, чтобы подкрепить его и дать ему возможность поддерживать связь с главной армией Петра. Фельдмаршал Шереметев пытался было доказать царю, что ослаблять перед решительным боем свою армию отправкой шести полков рискованно, но тот не изменил своего решения, а осторожному Шереметеву сказал, что «больше побеждает разум и искусство, нежели множество». Насколько сильно горели желанием русские войска постоять за царя и Родину в день Полтавского боя, свидетельствует то, что оставленные в резерве солдаты молили царя со слезами не лишать их чести принять участие в бою. «Мы, надежда-государь, ни в чем не провинились перед тобой, мы несли равные с другими труды и тягости и ожидали с нетерпением сего дня. За что же отлучаемся от них?» Царь успокоил их. «Дети, — сказал он им, — вы ни в чем, конечно, не проступились, но надобно вам охранять ретраншемент и молить Бога о победе; вы равную со сражающимися получите милость мою и награду».

Шведы построили свою пехоту в одну линию со слабыми резервами во второй. Карл XII желал удлинить свой боевой порядок ввиду большой длины русского фронта. Шведская конница поровну стала на флангах своей пехоты. Перед правым крылом боевого порядка приказал взять себя в качалке Карл XII.

Был девятый час утра. Построение боевого порядка русской армии закончилось. В мундире гвардейского пол-

ковника, с обнаженной шпагой, Петр объезжал войска, отдавая последние распоряжения. Вот окончен уже последний смотр.

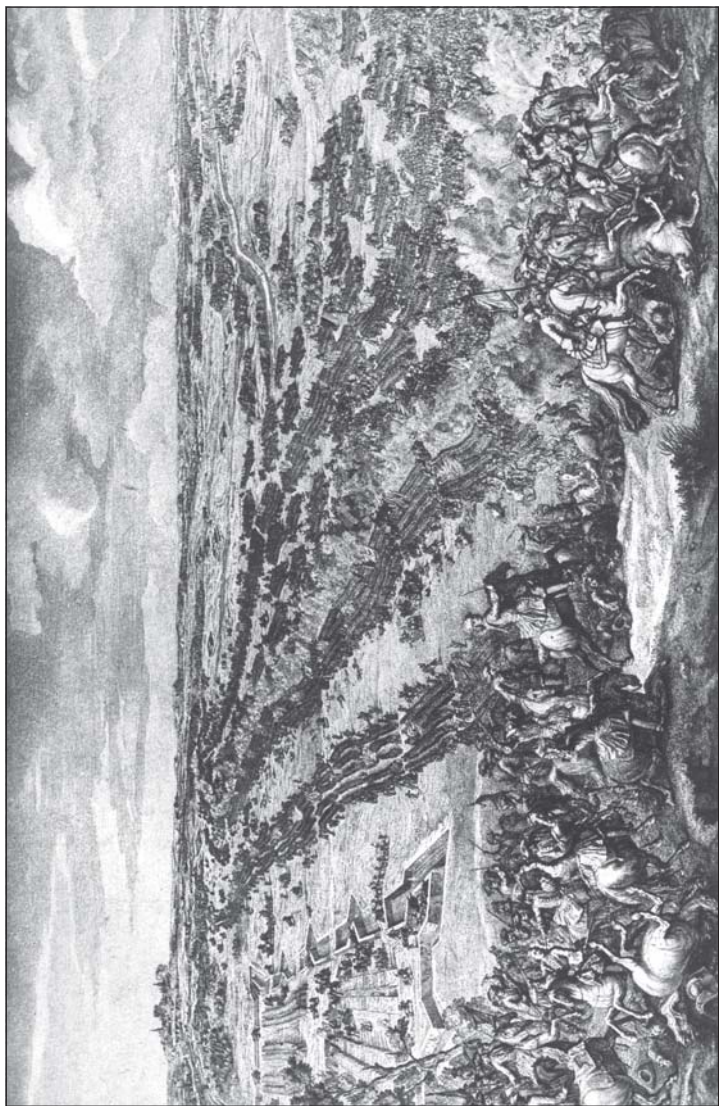
Царь дает последнее наставление фельдмаршалу Шереметеву: «Господин фельдмаршал, поручаю вам мою армию и надеюсь, что в начальствовании оною поступите вы согласно предписанию, вам данному, а в случае непредвиденном — как искусный полководец. Моя же должность надзирать за всем и быть готовым на секурс во всех местах, где требовать будет опасность и нужда».

Ровно в девять часов боевой порядок шведской армии пришел в движение. В ответ на это всколыхнулась так же и русская армия. Все уже и уже становилась полоса, разделяющая врагов. Загрохотала русская артиллерия, осыпая шведов чугунным и свинцовым дождем. Однако шведы, не расстраивая рядов, продолжали мужественно идти вперед. Подойдя на ружейный выстрел, шведы открыли по всей линии огонь из мушкетов, на который оживленно отвечали русские ружейным и артиллерийским огнем. Но скоротечен был этот огнестрельный бой. Вслед за ним, окутанные пороховым дымом, обе армии с громкими криками ринулись навстречу друг другу, и закипела жаркая рукопашная схватка...

Воодушевляемое присутствием короля, правое крыло шведской пехоты яростно атаковало наш левый фланг. Первый батальон Новгородского полка не выдержал стремительного натиска и подался назад. Образовался в передней линии нашей пехоты опасный прорыв боевого порядка. Но зоркий глаз Петра уже заметил смятение на нашем левом фланге. Из второй линии царь берет 2-й батальон новгородцев и во главе него бросается в опасное место. Кругом свистят пули. Вот одна из них пробивает царское седло, другая пронизывает шляпу, покрывавшую чело великого полководца, и, наконец, третья ударяет в крест на богатырской груди Помазанника Божия. Но хранил Господь великого государя в пылу кровавой сечи. Прибытие царя положило предел успехам шведов. Порядок на левом фланге восстановлен. По всей линии кипит

яростный рукопашный бой. Плотно прильнули одна к другой враждующие стороны. Страшная работа штыков и сабель, прикладов, пик и алебард сеет вокруг разрушение и смерть. Ужасный яростный стон битвы потрясает воздух. Последним бешеным порывом стремились шведы сломить сопротивление врага, чтобы положить конец лишениям, переносимым в этой стране. Но не под силу было им одолеть великого русского царя, зорко следившего за боем. Сперва в двух-трех местах под натиском русских дрогнули шведы. Вторая линия русской пехоты влилась в первую, усилив напор на врага, а таявшая тонкая линия шведов не получала уже никаких подкреплений. Наши фланговые части охватили боевой порядок шведов. Уже заметно изнемогают они от напряженного рукопашного боя. Пытается король воодушевить своих воинов и появляется в месте самой горячей схватки. Но вот ядро разбивает носилки короля, и он падает на землю. По рядам шведской армии пронеслась с молниеносной быстротой ужасная весть о гибели короля. И дрогнули тогда шведские полки. Уже в нескольких местах прорвана шведская линия, — расстроились ряды их полков. Очнувшись от падения, Карл XII приказал посадить себя на скрещенные пики и высоко поднять вверх, чтобы все видели его. Но и эта мера не помогла. Расстроенные толпы шведов, потеряв всякий порядок, как испуганное стадо, бросились к Будищенскому лесу. «Шведы, шведы, — взывал король к своим воинам, но его крик не мог остановить бегущей толпы. Из 24 драбантов, окружавших шведского короля, лишь трое остались в живых. Впавшего в обморок короля едва успели вывезти с поля битвы, посадить в карету и отправить к Переволочне.

Подобно яростному урагану понеслась русская конница вслед за бежавшей шведской армией и до самого леса рубила и брала в плен бежавших. Шведские генералы, офицеры и толпы воинов, бросая оружие, протягивали руки к победителям, взывая о пощаде. У леса преследование регулярной армией прекратилось; лишь казаки продолжали гнаться за остатками шведской армии,

Битва при Переволочной 30 июня 1709 г. (со старинной гравюры)

уходившей вниз по Ворскле к Переволочне. Победа русских была полная. Шведы потеряли более девяти тысяч убитыми и ранеными и 2700 пленными. Победа достигнута была «малою кровию»: у нас выбыло из строя 1345 человек убитыми и 3290 ранеными. В числе пленных шведских генералов находились: Пиппер, первый министр короля, и главнокомандующий фельдмаршал Реншильд. Окончился кровавый бой. Яркое летнее солнце своими палящими лучами осветило место битвы, где горой были навалены трупы павших в бою, стояли лужи запекшейся крови, раздавались стоны раненых.

Толпа сподвижников царя тесным кольцом окружила своего победителя. Преклонив меч, царь сердечно благодарил своих соратников: «Здравствуйте, сыны Отечества, чады мои возлюбленные. Потом трудов моих создал я вас; без вас государству, как телу без души, жить невозможно. Вы, имея любовь к Богу, к вере православной, к отечеству, славе и ко мне, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрые дела ваши не будут забвенны у потомства».

Князя Голицын и Меншиков от лица армии приветствовали царя с блестящей победой, восторженно прославляя его как вдохновителя и руководителя армии во время боя, появлявшегося в нужные минуты там, где необходима была помощь, не щадя жизни, бросавшегося в самые опасные места. Приведенные в порядок русские полки построились на поле битвы. С непокрытой головой объезжал царь свои доблестные полки и благодарил войска за совершенный подвиг и понесенные труды.

На месте боя было совершено благодарственное молебствие. После молебна в раскинутых шатрах состоялся торжественный пир. Царь пригласил к столу всех своих генералов, а также пленных шведских генералов, которым приказал вернуть шпаги. Во время пира царь, подняв кубок, провозгласил: «Пью здоровье моего брата Карла». Затем царь, вторично подняв кубок, сказал: «Пью здоровье наших учителей». — «Кто же эти учителя?» — спросил Реншильд. — «Вы, господа шведы», — ответил

Петр Великий объезжает войска после Полтавской битвы
(с картины Ю. Рецина)

царь. «Хорошо же Ваше Величество отблагодарили своих учителей», — с грустной улыбкой заметил пленный фельдмаршал.

Вечером выступили гвардейские полки, посаженные на коней, и 10 драгунских полков под общим начальством Боура для дальнейшего преследования врага.

Рано утром на следующий день после битвы состоялось погребение павших воинов. Царь отметил заслуги положивших за Родину живот свой храбрых благочестивых воинов. Высокий курган насыпали над братской могилой, а на вершине свежего могильного холма Петр собственноручно водрузил крест с надписью: «Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся, лето от воплощения Бога-Слова 1709 июня 24-го дня».

Воздав последний долг убиенным, Петр отправил еще и Меншикова для преследования шведов, подчинив ему высланные вперед войска, а сам поехал в Полтаву.

Царь обнял доблестного коменданта крепости, Келена, поблагодарил за совершенный подвиг и поздравил с производством в генералы. Затем государь посетил больных и раненых и побывал на крепостных валах, столь обильно политых кровью за три месяца осады.

На рассвете 30 июня Петр с двумя пехотными полками и драгунами выступил из лагеря к Переволочне, но до прихода царя здесь уже произошли решительные события.

Лишь около часу дня очнулся Карл XII от глубокого обморока, в который впал на поле битвы. Коляска быстро уносила его от злополучного места боя. Придя в себя, король стал звать своих генералов и тут узнал об ужасных потерях, понесенных его армией. Первой мыслью его было повернуть обратно всю эту массу и вступить снова в бой с русскими войсками, но окружающие генералы доказали королю всю нелепость этой попытки. Тогда король приказал забрать весь обоз и оставшуюся артиллерию и двигаться дальше вниз по Ворскле. Он надеялся присоединить к себе небольшие отряды, выставленные вдоль Ворсклы, и с ними еще раз вступить в бой с русскими. В Новых Сенжарах получено было тревожное извест-

тие о приближении погони, посланной царем. Пришлось сжечь обоз, раздать лошадей пехоте и спешно двинуться дальше к Переволочне. В дороге сломалась королевская коляска и страдающему от раны Карлу XII пришлось сесть на коня. Вечером 29 июня шведы достигли Переволочни. Перед ними расстилался широкий Днепр. Лишь несколько запорожских челноков ютились у крутого берега. А погоня все ближе и ближе. Король все еще верил в возможность дальнейшего сопротивления. Дух его войск был подорван; силы истощены, много безоружных, нет артиллерии, порох подмочен. Войска не могли уже оказать сопротивления врагу, упоенному только что выигранной блестящей победой. Долго уговаривали генералы упрямого короля переправиться через Днепр, не ожидая прибытия русских. Наконец он согласился. С ним переправились Мазепа, несколько генералов, свита и отряд силой около двух тысяч. Остальные войска, под начальством генерала Левенгаупта, остались на левом берегу Днепра.

Печальна была участь этих обломков некогда грозной силы. Левенгаупт старался на следующий день после переправы короля привести в порядок врученное ему войско, но роковая весть о прибытии русских на полуслове прервала его распоряжения. Меншиков, прибывший с 9-тысячным отрядом к Переволочне, послал парламентаря с предложением сдаться. Левенгаупт созвал на совещание начальников, и здесь выяснилось, что сопротивление невозможно. Начальники не верили уже в своих солдат. Тогда Левенгаупт решил сложить оружие. Здесь сдалось около 14 тысяч человек, досталось 28 орудий и 127 знамен.

1 июля к Переволочне прибыл Петр. Узнав, что шведскому королю удалось избежать плена, он послал в погоню за Днепр два конных отряда. Одному из отрядов, под начальством князя Волконского, удалось настигнуть шведов на реке Южный Буг. Шведский отряд был разбит, частью уничтожен, частью пленен, но Карлу XII с Мазепой и свитой в несколько десятков человек вновь удалось переправиться через реку Буг в пределы Турции.

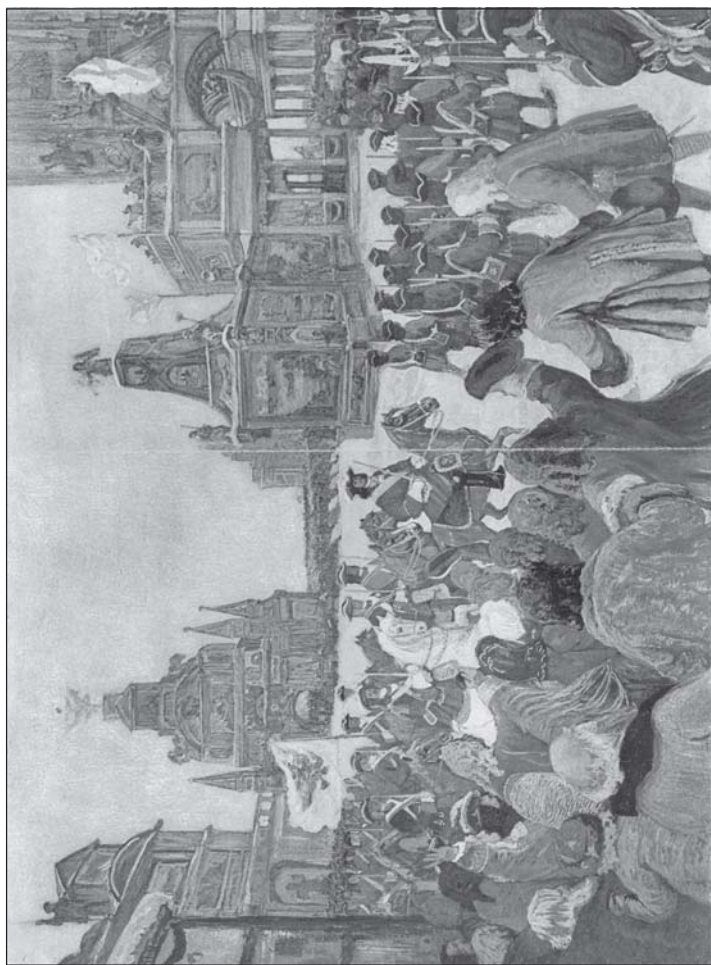
6 июля Петр вернулся в Полтаву и здесь осыпал щедрыми царскими милостями за славную победу всех своих сподвижников.

Молодая русская армия, а с нею вместе великая обновляющаяся страна радостно приветствовали Полтавскую победу. Этой великой победой начинался для нашей Родины новый исторический период существования. Надломлены были силы грозного врага на Севере. Решена была судьба тех завоеваний на Балтийском побережье, которые открывали нам водные пути на Запад. Теперь новая столица царя была обеспечена защитой и могла спокойно расширяться и развиваться. В борьбе между Россией и Швецией в день Полтавской битвы на поляне, окаймленной лесами, зародилась Россия как великая держава, здесь же начала свое существование другая Швеция: скромное, второстепенное королевство, пришедшее на смену могущественной и грозной властительнице Севера.

Полтавская победа закрепила на вечные времена за Россией южные ее пределы. Улеглись волнения на Украине; население Малой России, проливавшее кровь за святое общерусское дело, отстаивавшее Полтаву вместе с московскими воинами, отныне стало сливаться в один прочный, неразделенный организм с Великой Русью. Сердце Украины, Полтава, явилось несокрушимым оплотом общегосударственного дела.

Полтавская победа вводит Россию в семью великих держав, призванных управлять человечеством. Государства Западной Европы расступились и дали почетное место великому русскому народу. С нескрываемым изумлением созерцали они могучий рост молодого государства, еще так недавно почти неизвестного среди европейских народов. Для всех стало ясно, что отныне новая великая северная держава станет оказывать сильное влияние на судьбу Европы. Западные государи стали искать союза с русским царем, предлагали ему свою дружбу.

Полтавская победа, выдвинувшая на столь видное место в мировой истории русский народ, тем самым выдвигала и все славянство, нашедшее в лице русского народа

Въезд Петра I в Москву после Полтавской битвы

достойного представителя и могучего защитника общеславянских интересов.

В Полтавской победе Петр нашел радостное удовлетворение за все понесенные им тяжелые труды. Эта победа показала, что царь ведет свою державу по верному пути. До Полтавской победы многочисленные враги царя говорили, что вводимые новшества погубят Московское царство, что затеянная им война причинит русскому народу неисчислимые бедствия. Русский народ осознал значение преобразований, вводимых в стране царем, и теперь за ним, за его сподвижниками неудержимой лавиной покатились вперед навстречу просвещению и культуре масса русского народа.

Молодая, но уже упоенная громкой всемирной славой, русская армия после Полтавской победы окончательно окрепла духом. Много ей предстояло еще впереди поработать на кровавой ниве, чтобы упрочить за Россией имя великой державы. Но теперь русская армия бодро глядела вперед. Под сенью знамен, развевавшихся в пороховом дыму на поле битвы под Полтавой, наша армия готова была идти на новые подвиги, уверенная в своих силах, уверенная в успехе. Полтавская победа явилась последним ярким актом двухлетней кампании 1708–1709 гг. Эта кампания представляет глубокий интерес в стратегическом и тактическом отношении. В ней рельефно выразилось понимание Петром обстановки, ясно определился его талант как полководца. Вся кампания проникнута идеей подставления противнику сильной стороны и уклонения слабой. План русских вполне сообразен со свойствами местности, с качествами своей армии и способом действий противника. Далеко за пределами своей страны встретила русская армия приближающегося врага, осуществляя принцип активной обороны государства. Когда Карл XII потянулся за русской армией, то Петр, пользуясь беспредельной глубиной своего царства, завлек врага внутрь страны, стал временно избегать решительного боя, желая сначала изнурить врага, ослабить его порыв, надорвать силы. Для выполнения этого плана армия царя, отступая перед шведами, уничтожает запасы в стране, тревожит противника постоянными нападениями мелких отрядов. Ког-

да же поставленная цель была достигнута, когда ослабленная, наполовину растаявшая, лишенная боевых припасов, обманутая в ожиданиях шведская армия очутилась на далекой Украине, искусный вождь русской армии наносит ей окончательный удар.

Как великий сердцевед, знал Петр, что дух выше плоти, и он принимает все меры к тому, чтобы поднять дух своей армии. Накануне боя он взывает к лучшим чувствам русского солдата, побуждая его постоять до конца за Отечество, церковь, веру православную, и мы видим, как жаждали русские воины выполнить на поле брани священный завет возлюбленного своего царя. Но если великолепно была нравственная подготовка армии в день боя, то не меньшее удивление возбуждают и прочие меры, принятые царем накануне знаменательного сражения. Мы видели, что царь сосредоточил ко дню боя все силы, чтобы иметь перевес над врагом. Подготовка поля сражения созданием передовой позиции, укрепленных лагерей и предмостного укрепления делали Петра Великого хозяином поля битвы. Он подчинил себе волю врага, заставил его разыграть бой так, как наиболее выгодно было для русской армии, достигшей этой победы с «легким трудом и малою кровью». Зоркий опытный глаз и твердая воля царя не покидают армию и во время Полтавского боя. Он все видит, всюду поспекает. Где опасность, там и вдохновенный полководец. Дрогнули новгородцы в 1-й линии, но уже 2-я линия под начальством царя вливается в 1-ю, заполняя промежуток. «В сем нужном случае за людей и Отечество, не щадя своей особы, поступая, как доброму приводцу надлежит», мчался царь навстречу смертельной опасности.

Методическая стратегия Петра в кампанию 1708—1709 гг. была противопоставлена авантюристической стратегии его соперника, Карла XII, стратегии, основанной на полном пренебрежении и принципами, и обстановкой; стратегии грандиозной, но фантастической в своих предначертаниях и азартной в их исполнении.

Такое противопоставление не могло не закончиться полным торжеством разума и искусства над легкомыслием и азартом.

Продолжение борьбы на Севере

Ближайшим последствием Полтавской победы было возобновление Северного союза между Россией, Данией и Польшей, расторгнутого успешными действиями Карла XII.

1710 г. ознаменован был блестящими успехами русских войск в Прибалтийском крае. Прибрежная полоса, завоеванная до 1705 г., удлинилась; завоевания продолжались и на северном и на западном фронтах. На севере были взяты Выборг и Кексгольм; первый — Апраксиным, второй — Брюсом. На западе — Ревель и Пернау завоеваны были Боуром, и, наконец, Динамюнде и Рига после упорной осады сдались Шереметеву.

Царь Петр, успешно завершив кампанию 1710 г., уже создавал план похода на следующий год в шведские владения, замышляя десантную операцию под стены Стокгольма, надеясь этой угрозой принудить осиротевшую Швецию к заключению мира, но из Константинополя шли тревожные вести и со дня на день нужно было ожидать открытого разрыва с Турцией. Это обстоятельство отодвигало на будущее время окончательное решение Прибалтийского вопроса. Молодая армия царя Петра вновь должна была направиться в южные пределы.

Прутский поход

Причина войны с турками ♦ Планы сторон ♦ Сосредоточение русских войск и начало похода ♦ Столкновение авангарда с турецкой армией 7 июля ♦ Отступление 9 июля ♦ Бой у урочища Новой Станилешти ♦ Соглашение 12 июля ♦ Значение Прутского похода

Потеряв под Полтавой славу непобедимого полководца, Карл XII со свитой в несколько десятков человек, со злосчастным Мазепой достиг турецкой крепости Бендеры. Здесь нашел приют повелитель Швеции, поселившись под охраной янычар в маленькой деревушке Варнице. Все усилия Карла XII теперь направлены были к тому, чтобы как

можно скорее вовлечь приютившую его Турцию в борьбу с Россией. Интрига, начатая шведским королем при дворе султана, встретила поддержку со стороны поляков, сторонников низвергнутого с престола Станислава Лещинского, и со стороны дипломатического представителя Франции. В письмах султану шведский король старался обрисовать угрожающее положение России. Король обращал внимание султана на крепости, построенные царем на Дону и на южной границе Московского царства, определяя значение их как базы для будущих операций царя против турецких владений. Одновременно с королем тревожные вести о военных приготовлениях русских сообщали султану татарские мурзы, подкупленные Карлом XII.

Действительно, кипучая деятельность Петра могла внушать серьезные опасения Порте. В 1710 г. наши отношения с Турцией начинают быстро портиться: пал великий визирь Али-паша — сторонник дружбы с Россией, а новый визирь открыто стал на сторону шведского короля. Между тем Петр настойчиво требовал исполнения турками договора с Россией, в силу которого Карл XII подлежал высылке из пределов Турции. Это последнее требование царя сопровождалось угрозой разрыва в случае отказа. Но прежде, чем грамота царя с этим требованием получена была в Константинополе, там уже окончательно взяла перевес партия шведского короля. Русский посол лишен был свободы, а великий визирь получил повеление султана готовиться к походу. Политическая обстановка для борьбы с Турцией складывалась для Петра неблагоприятно. Союзники Петра, действовавшие вяло на севере, совершенно не заинтересованы были в борьбе России на юге. В поход против турок Петр мог направить только часть своих сил, так как невозможно было обнажить свой северный фронт и вывести все войска из только что завоеванного края. Непокойно было и на южном фронте. Запорожцы, засевшие на низовьях Днепра, мутили заднепровскую Украину.

При столь тяжелой политической обстановке царь делает попытку завязать сношения с христианскими наро-

дами, подвластными турецкому султану. Царь намерен был вести борьбу в пределах турецких владений и подобно тому, как действовал в 1708 г. в Польше, обороняя активно границы своего царства, полагал и теперь выдвинуться за пределы России и начать борьбу на территории врага. Царь завязывает тайные сношения с ближайшими к России вассалами турецкого султана, господарями Молдавии и Валахии. Ближайшая к России Молдавия в лице своего господаря, князя Кантемира, заключила договор с Петром, обязуясь восстать против турок при вступлении русских войск в пределы страны. В силу договора Молдавия обязалась заготовить продовольствие для русской армии. Господарь Валахии Бранкован уклонился от открытого союза, придерживаясь выжидательной политики, но обещал содействовать молдаванам при заготовке продовольственных припасов. Славянские народы, подвластные Турции: болгары, сербы и черногорцы, с радостным волнением мечтали о возможности свержения тяжелого ига и обещали с своей стороны помощь царю. Петр указывал впервые балканским народам, откуда могут они ждать спасения; царь намечал на юге те политические идеалы для России, которые были осуществлены его предшественниками много лет спустя.

Зимой 1710 г. обе стороны готовились к борьбе. Русская армия, пополнив ряды новым рекрутским набором, сосредоточивалась на Волыни. В поход предназначались только регулярные войска; общая численность сосредоточенных на Волыни войск доходила до 50 тысяч. Турция в этот период своего существования еще не имела регулярной армии. Главную массу войск составляло народное ополчение, призываемое каждый раз при возникновении войны. Эти огромные полчища, составленные из людей, не обученных военному делу, были неуклюжи, малоподвижны, неспособны к маневрированию. Малейшая боевая неудача могла вызвать панику в турецких войсках. Среди необученных масс турецких ополчений резко выделялся корпус янычар, содержимый как постоянное войско, комплектуемый из христиан. В эпоху первого

столкновения с Россией Турция была могущественной страной, с которой считалась вся Европа. Христианские народы Балканского полуострова стонали под жестокой рукой султана; Австрия не раз трепетала под ударами турок; грозные полчища османов докатывались до Вены. Турки прочно утвердились на северном побережье Черного моря, владея обширным краем до линии Азов—Каменец-Подольский.

На призыв повелителя правоверных к столице Турции из далеких стран Востока потянулись разношерстные толпы полудиких воинов, и к началу весны огромный лагерь 250-тысячной армии пестрел в окрестностях Константинополя. В начале мая эта масса потянулась на север, к берегам Дуная. Особая 70-тысячная армия готовилась к отправке морем к Азову, занятому русским гарнизоном.

Соотношение сил, предназначенных для борьбы враждующими сторонами, было весьма неблагоприятным для русских.

Театром военных действий во время Прутского похода послужили главным образом Молдавия и прилегающие к ней области нынешней Бессарабии на востоке и Валахии на западе. Степная равнина кое-где оживляется грядами холмов с мягкими очертаниями. В глубоких балках протекают речки и ручьи.

Только Днестр и Прут могли представить серьезные препятствия для движения войск. Сильной оборонительной линией для той и другой стороны мог послужить Дунай, являвшийся также преградой для движения войск.

Дорог в стране было мало; в ненастное время года движение войск делалось весьма затруднительным. Довольно крупные, но редкие населенные пункты группировались главным образом по долинам рек. Благодатная почва обыкновенно с избытком обеспечивала продовольствием местное население, но, к несчастью для русской армии, весной 1711 г. страшный бич южных стран — саранча оголила весь обширный район между Прутом и Дунаем. Только в южной части Валахии остались запасы; в Молдавии же ни хлеба, ни фуража для армии не имелось. Население в сво-

их симпатиях открыто склонялось на сторону России, но было чрезвычайно инертно, и для поднятия его требовалось особое побуждение, каковым могла быть, например, победа русских войск. Из населенных пунктов важнейшее значение имели крепость Бендеры и столичные города княжеств Яссы и Бухарест.

Планы сторон. Рассчитывая на содействие населения Молдавии и Валахии, а также на подготовку княжеств как базы для дальнейших операций на юге русской армии, Петр намеревался в возможно скорейший срок достигнуть оборонительной линии Дуная и не допустить турецкую армию в пределы Дунайских княжеств. Предполагалось на Днестре действовать оборонительно, от Дона к Кубани развить наступательные операции против татар.

Турки, по-видимому, намеревались развить крупные активные операции, что вряд ли соответствовало свойствам малоподвижных масс, составлявших турецкую армию.

Сосредоточение русских войск и начало похода. Для прикрытия района сосредоточения русской армии от набегов татар на Днестре к границам Молдавии еще зимой выдвигается конный отряд князя М. М. Голицына, образующий завесу. Главная масса русских войск под начальством Б. - П. Шереметева потянулась от Риги кратчайшими путями через Польшу; гвардия шла из Петербурга через Москву и Киев; для ускорения движения гвардейцы были посажены на коней.

Шаткое положение Украины и возможность вторжения в нее татар побуждают Петра оставить здесь сильные отряды князя Ромодановского и князя Голицына. К Нижнему Дону для действий на Кубань сосредоточился 30-тысячный корпус генерал-адмирала графа Апраксина, состоявший главным образом из калмыков и яицких казаков. Такая группировка вполне отвечала намеченному плану действий, но образуемое ядро главных сил, конечно, было недостаточным сильно для выполнения наступательных задач.

Сосредоточение наших главных сил к Днестру закончилось в начале мая. Царь Петр в это время находился еще в Москве, где был задержан важными государственными

делами и передачей Сенату полномочий по управлению страной на время отсутствия. Оценивая чрезвычайно важное значение захвата Молдавии и подхода к Дунаю, прежде чем турки успеют достигнуть его берегов, Петр предписывает фельдмаршалу Шереметеву, оставив армию на Днестре, с отрядом из 13 драгунских и двух пехотных полков, посаженных на коней, вступить в пределы Молдавии и быстро двинуться к Исакче на Дунай. Но затруднения, встреченные Шереметевым сначала в отношении конского состава и огнестрельных припасов, а затем в снабжении войск продовольствием, не позволили ему исполнить в точности желание царя.

Выступив со значительным опозданием и медленно двигаясь в указанном направлении, наш конный отряд только 27 мая прибыл в Рашков. Здесь получено было извещение от господаря Молдавии, что великий визирь уже в середине мая выступил с огромнейшей армией из Адрианополя и приближается к Дунаю. Отправив вперед три полка драгун для скорейшего прикрытия Ясс, Шереметев продолжает двигаться к Яссам, чтобы оттуда уже свернуть по течению реки Прут к Дунаю¹. Но оставление русскими войсками Ясс не входило в расчеты Кантемира, опасавшегося за судьбу своей столицы. При свидании с Шереметевым он убедил фельдмаршала в том, что турки в превосходящих силах уже успели переправиться через Дунай, и рекомендовал «без знатного числа пехоты по Дунаю не ходить». Убеждение Кантемира возымело свое действие. Шереметев решает остановиться в ожидании подхода главных сил в окрестностях Ясс и посылает Петру печальную весть о приближении турок и об отсутствии в Молдавии запасов, нужных для армии.

Это известие 12 июня получено было государем в Сороках, на промежуточной базе для русской армии. Царь Петр резко упрекнул Шереметева за медлительность. На фельдмаршала возложена была обязанность собрать про-

¹ Такое направление марша обеспечивало пеший отряд водой и давало ему надежду пополнить в Яссах запасы продовольствия.

честве 100 тысяч голов скота и месячного запаса провiantа на 30 тысяч человек, будут заготовлены Кантемиром.

Только в середине июня закончилось сосредоточение к Сорокам главных сил армии. Войска разделены были на четыре дивизии. Гвардейские полки Преображенский и Семеновский со своими неразлучными боевыми товарищами астраханцами и ингерманландцами с придачей бомбардирской роты составили дивизию Петра; из прочих войск сформированы были дивизии: Вейде, вернувшегося из плена, Репнина и Алларта.

20 июня войска позшелонно (в эшелоне по дивизии) стали выступать из Сорок. Армия по безводной степи потянулась к Яссам. Была страшная жара. Солнечные удары то и дело поражали непривычных к южному климату солдат. Достигнув 25 июня Ясс, армия получила здесь неприятное известие об измене общему делу валахского господаря, который перекинулся к туркам. Молдаване обещанных запасов также не приготовили. Окрестности Ясс представляли черную выжженную пустыню, без травинки. Конницу пришлось немедленно двинуть на юго-запад, в долину реки Серета, где сохранился кое-какой подножный корм.

В Яссах Петр собрал военный совет. Тревожная обстановка была налицо: отсутствие запасов связывало операции армии; выяснилось несоответствие сил наших с турецкими; измена Валахии также вредно отразилась на положении нашей армии. Немедленное возвращение на Днестр было бы наилучшим выходом из создавшегося положения. Однако Петр считал невозможным покинуть Молдавию, только что протянувшую руку дружбы русской армии. Отход наших войск из княжества подвергал его жестокой мести турок. Престиж русского имени был бы подорван, а это несомненно отразилось бы на обстановке далеко за Дунаем, среди христианских народов Турции, ждавших русских как избавителей. Царь Петр остается с армией в Яссах и приказывает собирать запасы и устраивать магазины. Молдавский господарь уверял, что, по имеющимся у него достоверным сведениям, турки еще

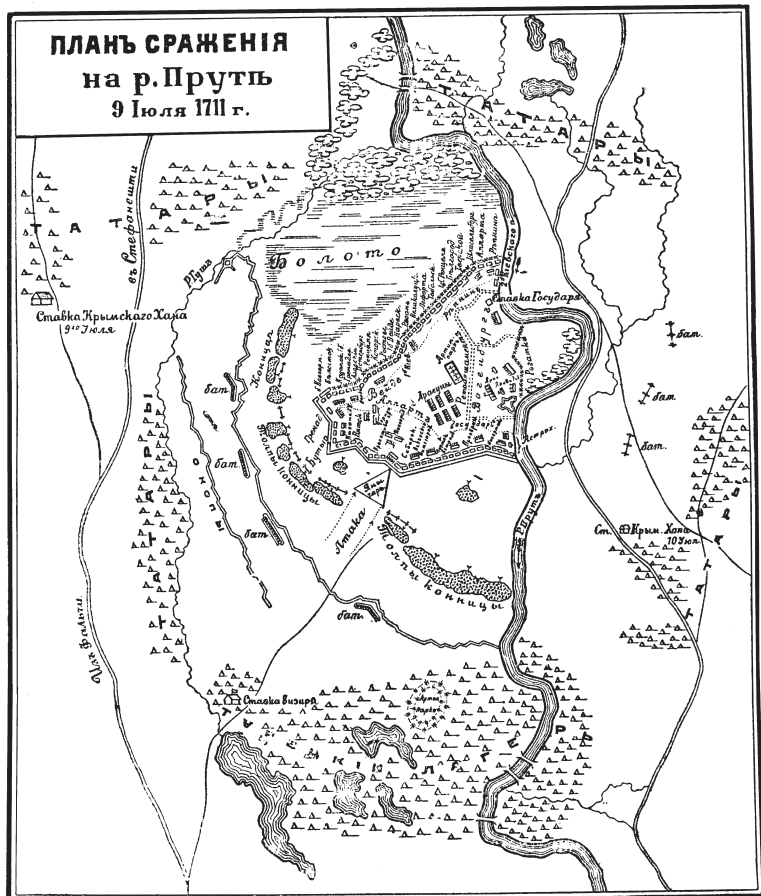
за Дунаем. Он предлагал царю передвинуться на юг, в придунайскую полосу, пощаженную саранчой, и попытаться захватить огромные запасы у Браилова.

Сведение о противнике сообщалось господарем неверное. Великий визирь с 250-тысячной армией 18 июня переправился у Исакчи через Дунай, присоединил к своим силам 70 тысяч крымских татар и с этой массой войск двинулся вверх по левому берегу Прута. Между тем Петр решил двинуться на юг, к Галацу, а для опережения подхода турок к Браиллову и захвата собранных там запасов решено было выслать вперед 7-тысячный конный отряд под начальством Ренне.

Конный отряд выступил из Ясс 30 июня. Вслед за ним через два дня двинулись и главные силы. Марш был организован следующим образом: впереди авангард под начальством Януса из семи драгунских полков с конной артиллерией; за ним дивизии главных сил с небольшими дистанциями между дивизиями. Ближайшим предметом действий намечались Фальчи, где имелись переправы через Прут, дававшие возможность туркам действовать по обоим берегам Дуная. Захват этих переправ при дальнейшем движении русских на юг обеспечивал операцию с левого фланга, так как ниже Фальчи Прут протекает в болотистой долине.

7 июля армия дошла до д. Станилешти. Здесь получено было неожиданное известие: великий визирь уже занимает Фальчи; часть турецких сил успела переправиться на правый берег Прута. Однако последнее сведение было неверным: вся турецкая армия находилась еще на левом берегу, а через Прут наводились мосты. Получив это известие, Петр приказал авангарду отойти к главным силам, а отряду Ренне возвратиться, захватывая как можно больше продовольственных припасов.

Уже 7 июля перед авангардом Януса появилась турецкая конница. Одна за другой следовали атаки лихих наездников. Сомкнув ряды, медленно отходил авангард на север, отражая натиск врага огнем артиллерии и короткими контратаками. Прождав до полудня 8 июля, царь

К походу 1711 г.

двинулся со своей дивизией навстречу авангарду. Под вечер впереди показался отступающий авангард, облепленный со всех сторон многочисленной турецкой конницей. Тогда Петр построил боевой порядок, чтобы принять на себя отступающий авангард. Каждый полк построился в два каре. В первой линии стали преображенцы, во второй — Астраханский и Ингерманландский полки, а в тре-

тзей — семеновцы; по углам этого боевого порядка стала артиллерия. В середину вошел изнуренный боем авангард Януса с обозом. Турки полукольцом охватили царскую дивизию и стремительно бросились в атаку. Герои Лесной и Полтавы встретили атаку дружными, выдержанными залпами. С большим уроном отхлынула вражеская конница. Государь приказал боевому порядку отходить к Станилештам. Турки последовали за нашими войсками, но держались на почтительном расстоянии, не осмеливаясь приблизиться к грозной дивизии царя. Ночью вся армия соединилась, только о судьбе отряда Ренне не было никаких известий. Начальники собрались в царском шатре обсудить создавшееся положение. Остановились на решении отойти назад и на первой выгодной позиции принять бой. Ночью стали готовиться к отступлению. Часть громоздких повозок была сожжена, тяжелые бомбы зарыты в землю. Под покровом ночи двинулся обоз с сильным прикрытием, а на рассвете 9 июля покинула лагерь вся армия, имея в арьергарде Преображенский полк.

Турецкая конница ночевала, как стая шакалов, близ русского стана. Лишь только началось отступление русской армии, как турки вцепились в наш арьергард, повторяя атаку за атакой. Стойко отражали преображенцы и бомбардирская рота натиск врага, но отступление с боем, с постоянными остановками сильно задерживало марш; к тому же страшный палящий зной, клубы едкой черной пыли изнуряли солдат. После полудня, отойдя всего лишь на семь верст от места ночлега, армия остановилась для отдыха близ урочища Нов. Станилешти. Ввиду возможного подхода главных сил турецкой армии сейчас же приступили к устройству укрепленного лагеря. Батальоны развернулись в линию и стали исходящим углом, оперев фланги фасов в реку. Это живое укрепление усилено было сплошной линией окопов и рогатками. Артиллерия стала в исходящем углу и по южному фасу. Внутри боевого порядка близ реки построили вагенбург; за ним расположилась главная квартира с прикрытием. Часть конницы и артиллерийский парк стали между передней линией войск и вагенбургом.

Едва лишь обозначилась линия русских окопов, как весь горизонт на юге заволочла огромная турецкая армия, а на левом берегу Прута показалась орда крымского хана. В лагере было всего 40 тысяч (31,5 тысячи пехоты и 6,5 тысячи конницы), а силы турок с татарами достигали 270 тысяч. При турецкой армии были: шведский генерал Шпар и сторонник Станислава Лещинского — Понятовский. Эти советники уговаривали великого визиря воздержаться от боя с русской армией, лишенной запасов. Они предлагали визирю обложить со всех сторон стан русских и голодом вынудить их к сдаче. Но великий визирь не сомневался в том, что его многотысячные полчища раздавят русскую армию. Он приказал своим войскам немедленно строиться к бою.

Гигантский клин стал вырастать против центра южного фаса русского лагеря. Три янычара обозначили острие этого клина. За ним, постепенно увеличивая число людей в шеренгах, стала вся турецкая пехота. Клин имел 400 шеренг в глубину. По сторонам пехоты стала артиллерия. Конница охватила стан русских по всему правому берегу Прута. К шести часам пополудни построение боевого порядка турок было закончено. Острие клина стало приближаться к русскому лагерю. Дружные фузейные залпы и густая картечь остановили янычар. Задние шеренги турок напирали на передние, передние падали, как подкошенные, сраженные убийственным огнем русских. Открывши беспорядочный ружейный огонь, турки не могли продвинуться вперед. Клин представлял великолепную цель для наших ружей и пушек. Турецкая конница только криками «Алла» поддерживала свою пехоту, но сама атаковать не решалась. Для усиления огня южного фаса, Петр перевел сюда с северной стороны несколько полков и часть орудий.

При свете потухающей зари, после трехчасового огнестрельного боя, турки бросились назад. Только в версте от нашего лагеря бегство врага приостановилось. Огневой поток вырвал много жертв из огромной армии турок; их потери превысили 7 тысяч человек. Наши войска потеряли 1400 человек убитыми и 1300 ранеными.

С наступлением ночи бой прекратился. Царь Петр не решился вывести в поле свою армию, несмотря на очевидный успех.

Великий визирь был смущен яростным сопротивлением русской армии. Опасаясь ночной контратаки, он приказал строить окопы и выставить сильное охранение. К рассвету турки возвели траншеи и установили в окопах до 300 орудий. По нашему лагерю был открыт оживленный пушечный огонь. Татары переправились на левый берег Прута и поставили пушки в таких местах, чтобы огнем артиллерии препятствовать русским брать воду из реки. Днем визирь предполагал повторить атаку, но потрясенные потерями янычары отказались идти на штурм и требовали заключения мира. Турецкая армия была сильно встревожена слухами о приближении с тыла русского отряда Ренне, силы которого значительно преувеличивались.

Весь день 10 июля прошел в артиллерийской перестрелке. Визирь был смущен явным ропотом недисциплинированных масс, составлявших его армию.

С другой стороны, положение русской армии было чрезвычайно тяжелым. Отрезанная от родины, окруженная шестеро превосходящими силами, изнуренная, не имеющая уже запасов продовольствия и фуража, она должна была мрачно глядеть в будущее. Захваченные в плен янычары показали, что в рядах турецкой армии оживленно обсуждается вопрос о желательности заключения мира. Это заявление пленных Петр предложил обсудить на собранном им военном совете. Совет вынес такое заключение: попытаться склонить предводителя турецкой армии к заключению мира на выгодных для Турции условиях, но с тем, чтобы русская армия, сохранив оружие и все свое достоинство, отошла к границам государства; если же враг на это условие не согласится, то пробиться или погибнуть.

Фельдмаршал Шереметев вечером 10 июля отправил визирю письмо с предложением вступить в переговоры, но вместе с тем русские войска приступили к построению нового ретраншемента. В течение всей ночи ответа получено не было. Царь Петр приказал сблизить повозки ва-

генбурга и устроить около них окопы. В эту тревожную ночь, готовясь к битве при столь тяжелых условиях, великий государь, как и всегда, заботился не о своей участи, а о вверенном ему Богом царстве. В эти тяжелые минуты он думал о последствиях несчастного похода, о возможной гибели своей или плене и сопряженных с этим обстоятельством невзгодах для русской земли. Желая оградить государство от каких бы то ни было затруднений, Петр, по свидетельству многих историков, заготовил следующий указ Сенату: «Господа Сенат! Извещаю вам, что я со всем своим войском, без вины или погрешности нашей, но единственно только по полученным ложным известиям, в четыре краты сильнейшей турецкой силой так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и что я, без особливия Божия помощи, ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим Царем и Государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то и по собственноручному повелению, от вас было требуемо, покамест я сам не явлюсь между вами в лице моем. Но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собой достойнейшего мне в наследники».

На рассвете 11 июля было послано второе письмо визирию, в котором указывалось, что в случае промедления русские начнут бой. Ответа также не последовало. Царь Петр решился силой оружия проложить себе путь. Заблистали багинеты, ощетинились полки, и передняя линия двинулась к вражеским окопам. Едва лишь головные полки прошли несколько шагов, как раздалась команда «стой». Посланный от визирия предлагал прислать доверенное лицо для переговоров. Царь послал в турецкий лагерь Шафирову. Прежде всего визирь потребовал выдачи Кантемира, но Петр написал по этому поводу Шафирову: «Лучше оставлю туркам землю до Курска, уступив оную, надежда мне остается паки ее возвратить; но нарушение данного слова невозвратно. Я не могу оногo преступить и пре-

дать Князя, оставившего свое владение из любви ко мне. Мы ничего не имеем собственного, кроме чести; отступить от нее есть перестать быть Государем».

Весь день 11 июля тянулись переговоры. Несколько раз Шафиров передавал в русский лагерь условия визиря и получал указания от Петра. Наконец соглашение было достигнуто. Русская армия получила беспрепятственный пропуск с артиллерией и обозами и даже продовольствие от турок. Царь Петр уступал туркам завоеванный у них Азов и обязывался скрыть вновь возведенные на южнорусской границе крепости Самару, Каменный Затон, Таганрог. Было также оговорено невмешательство России в польские дела, а Карлу XII выговорен свободный пропуск в Швецию.

12 июля, когда соглашение было уже подписано обеими сторонами, в турецкий лагерь прискакал из Бендер Карл XII. Он настойчиво упрашивал визиря возобновить бой с русскими, предлагал принять на себя начальство над турецкими войсками, обещая непременно разбить царя. На это визирь возразил: «Ты уже попробовал русских, да и я их видел». Нарушить соглашение визирь отказался. В тот же день русская армия двинулась на север, 17-го переправилась через Прут у деревни Степановцы и потянулась к Могилеву на Днестре.

В то время как главные силы русской армии претерпевали такие злоключения на берегу Прута, отряд Ренне ночным штурмом захватил Браилов, гарнизон которого выговорил себе право свободного выхода с оружием. Получив 16 июля известие о заключении мира, Ренне вернулся ушедший за Дунай турецкий гарнизон и передал ему крепость.

Закончился неудачный Прутский поход, который принято называть «прутской бедой».

Прутский поход, являясь одним из эпизодов Великой Северной войны, отвлекает Россию от того основного направления, в котором велась борьба. Все у нас приспособлено было для борьбы на Севере, для схватки с могучей Швецией. Внезапная борьба на юге с турками, без

систематической подготовки с нашей стороны к ней, явилась как бы элементом случайности в общем ходе Северной войны, тем элементом, который нельзя предвидеть, но нужно локализовать. Внезапная борьба вызывает спешность в подготовке. Известная истина, что на войне нельзя всего предусмотреть, особенно резко подтверждается, когда подготовка к войне ведется спешно, а это как раз и было перед Прутским походом.

Русская армия начинала поход при далеко не выясненной обстановке. Театр войны, его свойства и средства были неведомы, силы врага и его намерения оставались не выясненными. При таких условиях допущены были нами две существенные ошибки: 1) назначенные для похода силы далеко не соответствовали силам врага и поставленной цели операции; 2) расчет на местные средства оказался совершенно необоснованным. Результатами этих основных ошибок явилась встреча с армией противника, в пять раз превосходящей наши силы, и полное истощение продовольственных запасов у наших войск.

Положение, в каком оказалась наша армия на Пруте, было вполне аналогичным тому, в каком Карл XII был два года тому назад на Украине. У Карла — надежды на Мазепу и на средства Украины, у Петра — надежды на Кантемира и на средства Придунайских княжеств. Шведы на Украине и русские на Пруте окружены превосходящими силами противника. Но как различно решают Карл XII и Петр одинаково трудную задачу. Карл XII вопреки неблагоприятной для него обстановке ищет боя, совершенно нецелесообразного для его армии, терпит жестокое поражение, решающее его участь, участь армии и даже судьбу государства; Петр уклоняется от боя как от «зело опасного средства», особенно при обстановке неблагоприятной. Ценой известных уступок он спасает свою армию, сохраняет себя для России. Конфузная в момент совершения капитуляция дает самые благие последствия для страны. Армия, ушедшая без славы с берегов Прута, быстро приобретает новую славу на другом, более важном в данное время театре, продолжая надламывать могущество Швеции. Царь Петр

остается во главе обновляющейся России, продолжает свою творческую гигантскую работу. Между тем принятие боя при столь неблагоприятных условиях несомненно привело бы к гибели армии и Петра, а вместе с тем к страшному крушению молодой России, к подрыву ее значения. Россия стала после Прутского похода ослабленной на юге, но это не имело значения и не оказало влияния при борьбе на севере. Тягость условий Прутского договора была только кажущейся. В сущности же интересы России не страдали нисколько. Срывая крепости на южном фронте, она временно отказывалась от наступательной политики на юге впредь до окончания борьбы на севере.

Между тем в истории России, истории русской армии Прутский поход имел огромное положительное значение. Для будущей вековой борьбы с Турцией был найден руководящий стимул: моральный и материальный союз с единоверными и единокровными народами, населяющими империю падишаха.

Эти народы впервые видят на далеком севере новую могучую силу, доброжелательную к ним, готовую протянуть им руку помощи, готовую бороться за их освобождение.

Для русской вооруженной силы Прутским походом было указано направление будущих операций, тернистый, но славный путь к широкому Дунаю, к снежным вершинам Балкан, к далекому Царьграду. Шестьдесят лет спустя по этому пути пошел Румянцев и под Ларгой и Кагулом покрыл славой русское оружие; на том же театре действовал Суворов; в том же направлении в последующих войнах действовали русские войска, тесня турок к Дунаю и Балканам.

Как военная операция Прутский поход был неудачен, но как этап в истории России, в истории русской армии этот поход, отражающий в себе глубокую государственную идею Великого Петра, достоин лучшей памяти, чем та, которая создалась о нем у потомства.

Дальнейшая борьба со Швецией была также успешна. В 1714 г. покорение крепости Нейшлота позволяет русским прочно утвердиться в Финляндии, а затем и перенести операции на берега Скандинавского полуострова.

В 1716 г. борьба продолжалась в водах Балтийского моря и на территории Швеции.

Преемница Карла XII¹, его сестра Ульрика Элеонора, решила продолжать борьбу исключительно с Россией. Это увеличило страдания Швеции.

1719 г. был ознаменован удачными действиями русских эскадр Апраксина и Синявина. Русский десант опустошил окрестности Стокгольма.

В 1720 г. русские галеры под начальством Голицына из финляндских шхер налетели на берега Швеции и произвели ужасное опустошение.

Наконец в Ништадте начаты были мирные переговоры. Неуступчивость шведских уполномоченных побудила Петра во время переговоров произвести еще один страшный налет на обессиленную Швецию. Тогда уполномоченные поспешили согласиться на продиктованные царем условия. 30 августа 1721 г. мир был подписан.

Лифляндия с островами Эзелем и Даго, Эстляндия, Ингерманландия, часть Финляндии и Карелия вознаградили молодую Россию за тяжкие ратные труды царя Петра и его армии.

3 октября Петр привез в свою новую столицу известие о заключении мира, утвердившего величие России.

Торжественное празднование заключения мира происходило 22 октября. Во время молебствия в Троицком соборе высшие государственные сановники от лица русского народа просили государя принять титул императора и наименование Великого и Отца Отечества. Принимая императорский титул, Петр Великий сказал окружающим высокопоучительное слово: «Зело желаю, чтобы весь народ наш прямо узнал, что Господь прошедшею войной и этим миром для нас сделал. Надлежит Бога всею крепостию благодарить; однако ж, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами так не случилось, как с монархией греческой.

Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который Бог нам пред очи кладет».

¹ Карл XII был убит при осаде крепости Фридрихсгал в Норвегии.

Состояние русской армии при Петре Великом

Организация ♦ Высшие тактические соединения ♦ Комплектование; довольствие; расквартирование; реформа центрального управления.

Управление войсками в военное время ♦ Дисциплина

♦ Тактическая подготовка армии ♦ Боевые действия

Устройство нашей армии к концу царствования Петра Великого, претерпев некоторые изменения, представляло уже стройную систему, отчетливо регламентированную.

Организация петровской армии была такова. Пехота по штатам, объявленным в 1711 г., состояла из двух гвардейских и 40 полевых армейских полков и пяти гренадерских. К этому штату в 1721 г. было прибавлено девять новых полков, составивших так называемый Низовый, или Персидский, корпус.

Полк делился на два батальона, батальон на четыре роты; в полку 40 штаб- и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 1120 строевых рядовых и 247 нестроевых. Состав роты: четыре офицера, десять унтер-офицеров и 150 рядовых. Первоначально нестроевые в полку составляли 17% общей численности, но к концу царствования число нестроевых понизилось до 14 %.

Разницы в составе полка по мирному и военному времени не существовало.

Боевая сила полевой пехоты к концу царствования Петра Великого равнялась 54 560 бойцам; кроме того, Низовый корпус — в составе 12 400 человек.

Конница. Конница была создана исключительно драгунского типа, способная к действиям на коне и к пешему бою.

По штату 1711 г. положено было содержать 33 полевых драгунских полка и один отдельный эскадрон, развернутый впоследствии также в полк (Кроншлотский), 30 полков было фузилерных и три гренадерских.

Драгунский полк состоял из десяти рот, причем две роты составляли эскадрон. Состав полка: 38 штаб- и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров и 920 рядовых; нестроевых 290 в полку. В каждой роте три офицера, во-

семь унтер-офицеров и 92 драгуна. Боевая сила полевой кавалерии 33 тысячи человек. Штат мирного и военного времени одинаков.

Артиллерия. Наибольшее разнообразие наблюдается в организации артиллерии. Прежде всего материальная часть отличается многочисленностью калибров орудий. Царь Петр стремился к уменьшению числа калибров и типов орудий. Основные калибры были следующие: 3-фунтовая полковая пушка; полевые пушки до 12 фунтов; осадные в 18 и 24 фунта; крепостные — разных калибров.

Полковые пушки придавались по две на полк.

Полковые орудия конных полков представляют прототип нашей конной артиллерии. Царя Петра бесспорно следует признать творцом конной артиллерии, так как до него этого рода войск не существовало ни в одной армии.

Полевая артиллерия не имела штата. Артиллерийский корпус формировался каждый раз при намеченной операции.

В случае надобности формировались из осадных орудий особые осадные парки.

В 1712 г. устанавливается штат артиллерийского полка. В его состав вошли: одна бомбардирская и четыре канонирские роты; кроме того, инженерные войска: минерная рота, инженерная и понтонная команды. Таким образом, этот полк можно назвать артиллерийско-инженерным.

Артиллерия перевозилась на обывательских лошадях. Личный состав артиллерийского полка не был связан ни с материальной частью, ни с лошадьми и не представлял настоящей строевой части.

Гарнизонные войска. Для несения внутренней службы и утверждения русской власти во вновь завоеванных провинциях Петр создал гарнизонные войска. На укомплектование гарнизонных войск поступали люди упраздненных частей старого строя и частью рекруты, не пригодные для службы в полевых войсках. К концу царствования Петра Великого у нас имелось 49 пехотных гарнизонных полков и четыре полка и два отдельных эскадрона драгун; всего 66 тысяч пехоты и 4 тысячи конницы. С 1716 г. гар-

низонные войска начинают исполнять функции запасных войск, подготавливая рекрутов для полевых частей и посылая иногда команды из своего состава для укомплектования полевых полков.

Ландмилиция. Для несения гарнизонной службы в мелких населенных пунктах, а также с целью обороны Украины от набегов татар была учреждена ландмилиция. Она заменила городовые войска старого строя. В 1723 г. у нас было шесть конных полков ландмилиции, всего 6 тысяч человек.

Иррегулярные войска. Окраинное население государства выставляло в помощь регулярной армии свои особые войска. Донские казаки — до 5 тысяч, малороссийские казаки — до 15 тысяч, слободские казаки — до 10 тысяч и калмыки — до 15 тысяч.

Общий состав сухопутной вооруженной силы в конце царствования Петра Великого достигал 220 тысяч, из них полевых войск около 100 тысяч.

Высшие тактические соединения. В мирное время полки пехоты и конницы соединялись в дивизии или генеральства исключительно для удобства в административно-хозяйственном отношении. В военное время из полков заново формировались бригады, а бригады сводились в дивизии. Несколько дивизий составляли армию. Для исполнения отдельных боевых задач армия выделяла отряды, носившие названия: корволанта (Лесная), деташемента (Шереметев на Украине) и, наконец, корпус резерва.

Комплектование армии. Первые полки регулярной русской армии были укомплектованы главным образом даточными людьми, собранными со всего тяглого населения. Начиная с 1705 г., армия пополняется рекрутскими наборами. Новой повинности подлежало население только центральных великороссийских губерний. В 1712 г. видна попытка установить территориальную систему комплектования; расписываются губернии по полкам, но эта система не привилась. На военную службу не принимались люди опороченные, увечные и слабоумные. Призывной возраст, постепенно повышаясь, достиг 30 лет. Служ-

Воины Преображенского полка (1700—1725): гренадер, обер-офицеры, пикинер, барабанщик

ба продолжалась до инвалидности. Прием на службу ведали губернаторы. Так как бóльшую часть податного населения составляли крестьяне, то элемент, пополняющий армию, отличался однородностью, был вполне национален и благоприятен как в нравственном, так и в физическом отношении.

Комплектование унтер-офицерами совершалось производством в это звание рядовых, отличавшихся знанием службы. При пожизненном сроке службы затруднений при выборе унтер-офицеров не встречалось. В 1712 г. было определено на службу в армию большое число подьячих из Сената и губернских канцелярий, «дабы могли быть в унтер-офицерах». В Москве же был сформирован из подьячих особый батальон.

Офицерский вопрос разрешался сложнее. От офицера Петр требовал основательных познаний строевого дела и высоких нравственных качеств. Огромный контингент офицеров составляли дворяне, прошедшие службу в рядах армии в звании нижних чинов и отличавшиеся знанием солдатского дела; такое знание давало право на офицерский чин и нижним чинам недворянского происхождения. Кроме того, приходилось привлекать на службу иностранцев, но последние при Петре Великом играли роль инструкторов. Производимый в офицеры подвергался предварительной баллотировке, в которой участвовали все офицеры полка; только лица, получившие отличное образование, освобождались от баллотировки.

Почти одновременно с возникновением у нас регулярной армии получают начало различные военные школы, подготовляющие офицеров. Первая школа возникла в 1700 г. при бомбардирской роте. В 1701 г. учреждается в новой столице инженерная школа, а два года спустя там же появляется особая школа при лабораторном доме, в которой получают подготовку офицеры-артиллеристы. Таким образом, первые возникшие у нас военные школы приспособлены были для подготовки офицеров в специальные рода войск и во флот.

Вместе с учреждением школ возникает у нас специальная военная литература. Сперва появляются учебники по математике, артиллерии и фортификации. Вскоре появилось переведенное Минихом с французского языка лучшее руководство по артиллерии — «Записки Сен-Реми».

Офицеры производились в следующие чины по вакансии, причем кандидаты подвергались баллотировке: при производ-

стве в обер-офицеры в баллотировке участвовали все офицеры полка; в штаб-офицеры — все штаб-офицеры дивизии.

Царь Петр оказывал высокое доверие офицерам своей армии и привлекал их к участию в управлении не только армией, но и государственной жизнью.

Довольствие войск. При Петре Великом устанавливается новый способ довольствия армии. Все заботы по продовольствию принимает на себя правительство. Учреждаются продовольственные магазины, пополняемые подрядным способом. В конце царствования подрядный способ заменяется натуральной повинностью.

Расквартирование. Возникшие при Петре Великом войсковые части располагались по обывательским квартирам в городах. Военский устав 1716 г. определял взаимоотношения между хозяевами и квартирующими войсками.

В 1724 г. войска переместились из городов в уезды, где приступили к постройке казарм. Однако преобладающим способом расквартирования долгое время оставался, как и прежде, постой по обывательским квартирам.

Реформа центрального управления. Дореформенные «приказы» в царствование Петра Великого преобразованы были в военную коллегию. Последняя, однако, сформировалась лишь к концу царствования и начала действовать только с 1 января 1720 г. Первым президентом военной коллегии был светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Военной коллегии было предписано «ведать армию и гарнизоны и все военные дела, которые были веданы в военном приказе и которые прилучается во всем государстве». Однако военная коллегия не объединила под своим началом всю организацию управления армией. Совершенно независимым учреждением остался Комиссариат, ведавший всеми заготовлениями и снабжениями; в косвенном подчинении осталась Артиллерийская канцелярия, ведавшая материальной частью артиллерии.

Управление войсками в военное время. Боевая обстановка, в которой оказалась с первых дней существования молодая петровская армия, сразу же указала Петру на важное значение единовластия в армии. После несчастной

Нарвской операции, вскрывшей недостатки того, что главнокомандующий не обладал достаточными полномочиями, царь Петр устанавливает единовластие главнокомандующего. В воинском уставе 1716 г. были подробно и точно регламентированы обязанности главнокомандующего.

Руководство армией в военное время вверялось генерал-фельдмаршалу, который, обладая полной властью, подчинялся лишь царю и обязывался в особых случаях собирать военный совет. В последнем Петр видел совещательный орган.

Генерал-фельдмаршал мог иметь помощника — генерал-фельдмаршал-лейтенанта. Помощниками главнокомандующего являлись: генерал-фельдцейхмейстер, генерал от кавалерии и генерал от инфантерии, генерал-кригс-комиссар, генерал-квартирмейстер и другие чины.

При главнокомандующем формируется штаб армии. Чины квартирмейстерской части выполняли те работы, которые теперь возлагаются на офицеров генерального штаба.

Дисциплина в рядах петровской армии. Воинские артикулы, составлявшие особую часть воинского устава, предусматривали суровые наказания за злостные воинские преступления. Телесные наказания и смертная казнь были обычными карами, налагаемыми судами на виновных в нарушении воинской дисциплины и долга. За маловажные проступки виновные подвергались дисциплинарным взысканиям, заключавшимся в лишении свободы и денежных штрафах. При этом соблюдалась известная постепенность в ужесточении наказания для провинившегося многократно. Следует отметить, что в петровской армии воспрещались телесные наказания за ошибки во время строевых учений.

Суровые меры для поддержания дисциплины в рядах армии, если принять во внимание грубость нравов и жестокость данной эпохи, не могли служить препятствием для воспитания доблести и воинского духа в рядах молодой русской армии.

Петр с первых же дней существования русской армии стремится установить близкие, сердечные отношения между начальниками и подчиненными. Офицерам царь вменя-

ет в обязанность заботиться о нуждах солдат. Особенно внимательными к нуждам солдат должны быть их ближайшие руководители — младшие офицеры. Прапорщик обязан ходатайствовать о нижних чинах «и егда в наказание впадут». Офицеры должны «во все дни посещать немощных» нижних чинов.

Безжалостно преследовал Петр всякие злоупотребления по службе. Не возбранялось обиженным нижним чинам обращаться с жалобами, но только через своего ротного командира и не коллективно.

Исключительная заботливость царя о русском солдате давала превосходный пример всему командному составу нашей армии. Между офицерами и нижними чинами, конечно не в ущерб дисциплине, устанавливались не формальные отношения, а близость почти родственная, семейная. Это обстоятельство весьма благотворно влияло на боевую спайку войсковых частей. Нравственное состояние нашей армии и ее дух были таковы, что в большой мере усиливали ее боевые качества.

Тактическая подготовка петровской армии. Ко времени издания воинского устава в 1716 г. молодая петровская армия успела пройти настоящую боевую школу и усвоить наиболее рациональные приемы полевых действий войск, опередив во многом образцовые армии западноевропейских государств. Устав 1716 г. регламентировал те приемы, которые практически усвоены были войсками в период долгой и упорной борьбы. Сущность указаний воинского устава заключалась в следующем.

Общие распоряжения по проведению разведок, походных движений и охранению высылались иногда вперед на значительное расстояние — до 150 верст. Разведывательные отряды должны были «все дороги и пасы¹ осмотреть». Таким образом, объектом разведки являлись и местность, и противник.

Походные порядки, в зависимости от удаления противника, делились на два вида: 1) вдали от неприятеля и 2)

¹Пас (устар.) — торная тропа в лесу.

вблизи неприятеля. При движении вблизи врага на первый план выступала боевая готовность войск. Авангард превращался в сильный отряд с половиной всей конницы и легкой артиллерией. За авангардом следует пехота, за ней артиллерия и обозы; остальная конница составляла арьергард. Части двигались широким фронтом, обыкновенно развернутыми ротами, поэтому мобильность войск была мала.

При движении по гористой и лесистой местности места, важные в тактическом отношении, должны были захватываться предварительно авангардом или спешенной конницей.

При отступательных переправах сначала отступала конница, за ней артиллерия, последней же пехота под прикрытием огня переправившейся уже артиллерии.

Фланговые марши совершались в нескольких колоннах, причем колоннам придавалась артиллерия.

Отдых. Вблизи противника войска на отдых располагались лагерем (биваком); в остальных случаях — предпочтительно на квартирах. Если противник был недалеко, лагерь обносился ретраншементом.

Особое внимание обращалось на возможно быстрое сосредоточение войск.

Сторожевая служба. В зависимости от свойств местности для несения сторожевой службы назначалась пехота или конница. Кавалерия выдвигалась дальше к противнику.

В наиболее опасных местах вокруг лагеря выставлялись отводные караулы. Они выставляли цепь парных часовых с поддержками, караулы были большие и малые. Караулы должны были видеть соседние караулы. Каждому караулу и посту указывалось сборное место. Ночью число постов увеличивалось. Сквозь линию постов никого не пропускали. Всем нижним чинам сообщалось секретное слово — лозунг; офицерам, кроме того — пароль. Проверка тщательности несения сторожевой службы производилась рундами.

Боевые действия. Отдавая дань господствующим в то время идеям в области военного дела, Петр принял для

русской армии линейный боевой порядок, в две линии, но вносил в него, в зависимости от обстановки, весьма существенные поправки и в нужных случаях видоизменял этот боевой порядок настолько, что он по свойствам своим приближался к глубокому порядку. Так, в 1706 г. царь указывал Брюсу «становить в бою по ордеру баталии; буде же кому места не будет с левой руки, становись с правой, позади один другого во столько линий, сколько ширина позволит». В первый период боя при Лесной в ожидании конницы Боура Петр строит войска в одну линию.

Артиллерия в боевом порядке не имела строго определенного места, а занимала возвышенные места, удобные для действий ее.

В Полтавском сражении во второй линии ставятся вторые батальоны полков, а в первой линии — первые батальоны тех же полков; этим нарушены были принципы линейной тактики, но осуществлялся принцип взаимной выручки «своими» на поле сражения. В инструкции, преподанной царем армии в 1713 г., перед Фридрихштадтским боем, говорится: «накрепко смотреть, чтоб друг другу секундовать... и когда неприятель пойдет на одно крыло, то другому крылу неприятеля с тылу и во фланг атаковать». В первые годы Северной войны конница в бою строилась на флангах пехоты в колоннах. В 1713 г. Петр вводит построение головных эскадронов в развернутом строю, чем достигалась большая боевая готовность конницы и возможность развить большую стремительность при атаке.

Крупнейшей поправкой к линейному боевому порядку является резерв, часто вводимый Петром Великим в бой. Воинский устав требовал, чтобы резерв прикрывал крылья артиллерии и для «сикурса, где неприятельскому нападению наивяще быти чают». В Полтавском сражении мы видим кроме частного резерва, каким является вторая линия боевого порядка, еще и общий резерв — батальоны, оставленные в ретраншементе.

Обращает на себя внимание то, что Петр требует от начальников занимать такое место во время боя, чтобы

сохранить возможность управления войсками, но «когда необходимая нужда того требует», предписывает начальникам служить примером доблести для войск.

Взгляд Петра на боевой порядок отличается удивительной правильностью и широтой. По его мнению, высказанному три века тому назад, расположение войск в бою «зависит от осторожности, искусства и храбрости генерала, которому положение земли, силу неприятеля и обыкновенные оного знать и потому свое дело управлять надлежит».

Царь Петр — великий полководец

Никогда не забудет благодарная Россия имени своего великого преобразователя, неутомимого труженика на троне, искусного кормчего, направлявшего крепкой верной рукой государственный корабль к величию и славе. Он превратил Россию в великую мировую империю, гордо вступившую в семью великих держав и занявшую среди них почетное место. Как же достиг этого великий царственный чародей?

Широкой мерой отпущены были ему божественным промыслом блестящие всесторонние дарования, которые он всецело отдал своей горячо любимой родине.

В личности Петра удивительно гармонично сочетались черты незаурядного государственного деятеля-организатора с замечательным талантом полководца. Как царь он стремился поднять благосостояние своего государства, изыскивал и создавал средства, необходимые для достижения поставленной цели; как полководец он, пользуясь подготовленными средствами, напрягал свои мощные усилия для достижения задуманного.

Государственная мудрость подсказывает царю, что его державе для поддержания тесной связи с просвещенной Европой нужно сперва пробиться к открытому морю. Но на пути к этому стоит могучий грозный сосед, с которым приходится вступить в борьбу. Царь, готовясь к великой борьбе, начинает создавать соответствующие силы и средства. Во всю величину развертывается его всеобъемлю-

шее творчество. Царь создает организованную на новых началах вооруженную силу. Создание регулярной армии, постройка флота вызывают напряженную работу во всех отраслях народной и государственной жизни. Армию нужно вооружить, одеть, снабдить, флот построить, оборудовать. Закипела в стране созидательная работа, появились фабрики, заводы, поднялась торговля, промышленность. Везде и всюду царь Петр, как домовитый хозяин, вникал в дела, налаживал и направлял их.

Когда силы и средства к предстоящей борьбе были подготовлены, царственный работник-организатор уступает место великому полководцу.

Удивительно умело приступает Петр к выполнению трудной боевой задачи. В его руках в начале Северной войны находилась только что сформированная, неопытная армия. Это хрупкий, ненадежный материал, но все же нужно испытать его, закалить. Первый опыт неудачен: армия разбита под Нарвой. Но благодаря организаторскому таланту царя страна уже приспособилась к новому порядку, она выделяет новые силы и средства для борьбы. Энергия полководца не подорвана. «Шведы могут еще раз-другой побить нас, но у них же научимся мы побеждать их». Царь верит в себя, в свой великий народ.

Враг проявляет близорукость и надолго оставляет в покое кажущуюся ему разбитой и лишенной средств к сопротивлению страну, и этим пользуется Петр, чтобы прежде всего осуществить то дело, из-за которого начата борьба. Создав весьма искусный план завоевания Ижорской земли, царь быстро и умело приводит этот план в исполнение и закрепляет за собой завоеванные земли.

Но царь сознает, что рано или поздно придется ему лицом к лицу столкнуться в поле с победоносной армией шведского короля, и в те долгие годы, которые провел Карл XII в Польше и Саксонии, Петр неустанно работает над увеличением могущества своей армии и достигает в этом деле поразительных результатов. Это опять же пример творческой работы царя-организатора.

Но вот грозный противник снова идет в пределы России, и царь-полководец создает и выполняет замечательный план войны. Пользуясь беспредельной глубиной своего царства, он завлекает врага внутрь страны, временно избегает решительного боя, желая сначала изнурить врага, ослабить его порыв, надорвать силы. Для выполнения этого плана армия отступает перед шведами, уничтожает запасы в стране, тревожит противника постоянными нападениями мелких партий. Когда же поставленная цель достигнута, искусный вождь русской армии наносит ослабленной, наполовину растаявшей, лишенной боевых припасов, обманутой в ожиданиях союзниками шведской армии окончательный удар.

Особенно резко и выпукло вырисовывается великий полководческий талант Петра в Полтавском бою. Искусный подход к полю сражения, умелое сосредоточение сил, блестящая подготовка поля сражения в инженерном отношении, превосходная моральная подготовка армии и, наконец, вдохновенное руководство боем свидетельствуют о великом искусстве Петра, делают Полтавский бой во всех отношениях классическим образцом военного искусства.

Умаляет ли неудачный Прутский поход величие Петра как искусного полководца? По нашему глубокому убеждению, этот поход, хотя и неудачный по окончательному результату, все же не умаляет военного дарования Петра Великого. Увлеченный борьбой с могущественной Швецией на севере, борьбой, требовавшей огромной напряженной деятельности, Петр, при неблагоприятно сложившейся для него политической обстановке, принужден был прекратить налаженное дело на северном фронте и спешно организовать поход на юг, двинуть свою молодую армию в новом направлении, в далекую неведомую страну. Обстановка для похода создалась чрезвычайно неблагоприятная. Коварные и робкие союзники царя не оправдали возлагаемых на них надежд. Русская армия, окруженная вшестеро превосходящими силами противника, оказалась к тому же лишенной продовольственных средств.

Поход был неудачен в смысле непосредственных результатов, но он имел огромное политическое значение для будущей агрессивной политики России на юге. Царь Петр указал грядущим поколениям путь к Дунаю и Балканам, указал славный путь к победам и славе, но, одержав несколько тактических успехов в столкновении с турками, он не мог достигнуть стратегического успеха.

Прутский поход не затемняет ореола славы Петра как великого полководца. Неудачи во все времена порой постигали многих великих полководцев и являлись обыкновенно результатом вредного влияния тех неуловимых случайностей, которые не могут быть предусмотрены заблаговременно. Наполеон, Фридрих Великий, Ганнибал, Юлий Цезарь, разве эти признанные всеми великие полководцы не знали мрачных дней боевых невзгод, постигавших их, невзирая на тщательную подготовку операций.

Доведением великой Северной войны до желанного, благоприятного для России конца Петр проявляет свою непоколебимую волю — драгоценный дар великих полководцев.

Оценивая в совокупности дарования Петра как великого полководца, нужно признать в нем: необыкновенное развитие творческой стороны ума и, как прямое следствие этого — всесторонность; редкую гениальную проницательность и способность быстро принимать сообразные с обстановкой решения; глубокую веру в самого себя, умение не теряться при всякого рода неожиданностях и неудачах; глубокое понимание основных законов военного искусства и находчивость в изобретении средств для проведения их в жизнь; настойчивое стремление к достижению поставленной цели, наконец, верную оценку боя как средства решительного, необходимого, но в то же время как средства крайнего — «зело опасного», а потому требующего всесторонней подготовки — вот в чем заключалось полководческое искусство Петра Великого.

Какаясь организаторских талантов Петра Великого, нужно отметить его глубокое знание военного дела. Создавая регулярную армию по западноевропейскому образцу, Петр

не ограничился одним подражанием. Его полки — не полки «иноземного строя», это полки, сохранившие индивидуальность русского народа, сказавшуюся на его прекрасных боевых качествах: терпеливость в беде, безграничная выносливость, несокрушимая стойкость, способность к беззаветному самопожертвованию, отвага без задора и смелость без бахвальства.

Все принятые Петром начала организации, снабжения и вообще устройства вооруженной силы во всех отношениях глубоко практичны, а боевые приемы, явившиеся следствием непосредственного боевого опыта, настолько правильны, что послужили прочным фундаментом для дальнейшего совершенствования русской армии и обусловили ее дальнейший боевой успех.

Поскольку в последующие эпохи русская армия придерживалась боевых заветов великого своего творца, постольку успешны были ее действия; при уклонениях же от этих великих заветов наступали мрачные времена неудач и боевых невзгод.

В лице Петра Россия имела великого гения, который, по меткому определению Г. А. Леера, «умел все делать, мог все делать и хотел все делать».

Птенцы гнезда Петрова

**Б. П. Шереметев, А. Д. Меншиков, М. М. Голицын, Ап. И. Репнин,
Я. В. Брюс, А. С. Келен**

За продолжительный период великой Северной войны из рядов русской армии выдвинулось много искусных военачальников, деливших с державным вождем русской армии тяжелые заботы по управлению войсками.

Неутомимая, напряженная боевая работа доблестной стаи «птенцов гнезда Петрова» в ходе Северной войны привела к окончательной победе, которую одержали ученики над учителями.

В памяти благодарного потомства сохранились имена славных боевых сподвижников великого царя Петра.

Правой рукой Петра, его ближайшим помощником и советником, был генерал-фельдмаршал граф *Борис Петрович Шереметев*. Происходя из знатного дворянского рода, Шереметев с самого раннего возраста связал свою судьбу с великим делом царя Петра. Начав службу в «потешной» Преображенской роте, он, последовательно повышаясь в чинах, достиг фельдмаршальского жезла. Живя некоторое время в Западной Европе, Шереметев получил хорошее образование и приобрел основательные познания в военном деле.

Царь доверял осторожному Шереметеву и нередко поручал ему серьезные боевые задачи. С 1701 г. Шереметев во главе русских войск весьма удачно воюет со шведами в Лифляндии, нанося вначале очень осторожно урон врагу и восстанавливая в себе и молодой русской армии веру в свои силы после тяжкого поражения под Нарвой.

В день Полтавской битвы царь доверил свою армию Шереметеву, вручив ему командование над войсками и оставив за собой высший надзор за всем происходящим на поле битвы. Разумное управление войсками, проявленное Б. П. Шереметевым, во многом способствовало одержанию блестящей победы.

В последующие годы Шереметев также принимал самое деятельное участие в Северной войне.

В лице Шереметева Петр имел ревностного проводника в жизнь намеченных военных реформ.

Не довелось этому блестящему сподвижнику великого царя дожить до окончания Северной войны. Фельдмаршал в постоянных походах и боях расстроил здоровье и в 1717 г. скончался в Москве.

Светлейший князь *Александр Данилович Меншиков* происходил из простой крестьянской семьи. Поступив в «потешные» войска, Меншиков своими блестящими способностями обратил на себя внимание Петра Великого, умевшего по достоинству оценивать таланты окружающих его людей.

Меншиков был неразлучен с царем в походной и боевой жизни. Он принимал участие в походах на Азов, а

затем в Северной войне. Постепенно приобретая боевой опыт, он стал лучшим кавалерийским начальником в русской армии.

Перед боем у Лесной Меншиков образцовой разведкой определил путь следования и численный состав шведского отряда Левенгаупта.

В день Полтавской битвы А. Д. Меншиков, командуя нашей передовой конницей, первым обрушился на приближающегося врага. При столкновении со шведской кавалерией, он быстрыми повторными ударами совершенно расстроил ее и принудил укрыться за пехотой. В этом блестящем кавалерийском деле наша молодая конница, руководимая искусным и решительным А. Д. Меншиковым, отбила у шведов много знамен и штандартов. Стоя во главе пяти батальонов пехоты и пяти полков конницы, А. Д. Меншиков разбил колонну генерала Росса, отделив шуюся от боевого порядка шведской армии.

У Переволочны, благодаря решительности и настойчивости, проявленным Меншиковым, его 9-тысячному отряду сдался генерал Левенгаупт с почти 14-тысячной шведской армией. Князь Меншиков был близким человеком, любимцем Петра. Во всех важных делах царь не пренебрегал советами умного, энергичного, решительного и преданного ему «Данилыча» и прощал за эти качества многие его слабости.

Князь *Михаил Михайлович Голицын*, потомок литовских князей, сын боярина и курского воеводы, прославил свое имя как самоотверженный слуга Петра. В возрасте 12 лет он был записан в Семеновский полк и с того времени участвовал во всех делах и походах Петра. Отличился в бою под Нарвой, где отбил с гвардией все атаки шведов и отошел, сохранив оружие и знамена.

Выдающуюся храбрость проявил в сражении при Лесной.

За блестящие подвиги в Полтавском бою М. М. Голицын получил фельдмаршальский жезл.

Когда русская армия в Прутском походе попала в критическое положение, доблестный князь Голицын на военном совете заявил: «Лучше погибнуть, чем положить оружие».

После смерти Петра Великого князь Голицын занимал высокий пост президента Военной коллегии, ревностно проводя в жизнь заветы любимого царя.

Князь *Аникита Иванович Репнин* начал службу в поместных войсках. Очень активное участие принимал при завоевании Прибалтийского края, командуя дивизией. Храбро сражался при взятии крепостей Нотебург и Ниеншанц.

За нераспорядительность и потерю семи орудий в сражении при Головчине был по суду разжалован в рядовые. Настал день битвы при Лесной. С необыкновенным воодушевлением как рядовой боец сражался Репнин и своим примером увлекал окружающих. Милостивый царь, обрадованный славной победой при Лесной, простил Репнина, и тот был вновь назначен начальником дивизии.

В Полтавском бою Репнин командовал центром нашей пехоты и проявил отменное мужество и распорядительность. После Северной войны Репнин был назначен президентом Военной коллегии. Смерть любимого императора безмерно огорчила А. И. Репнина, и год спустя, в 1726-м, он скончался.

Мудрым советником и неразлучным боевым товарищем царя был генерал-фельдцейхмейстер и генерал-фельдмаршал *Яков Велимович Брюс*. Он был одним из образованнейших людей своего времени. Его разносторонние познания принесли огромную пользу молодой России в годы царствования Петра Великого. Во всех областях государственной жизни Я. В. Брюс был незаменимым работником. Кроме военной специальности он прекрасно знал географию, астрономию, математические науки и был превосходным инженером. По поручению царя Я. В. Брюс составлял календари, издавал полезные книги по всем отраслям науки. Удивленные его многосторонним дарованиям, современники считали его едва ли не чародеем.

В Полтавской битве Я. В. Брюс командовал всей русской артиллерией. Как известно, образцовое действие артиллерии в этом бою много способствовало достижению успеха.

Скончался Яков Велимович в 1735 г. в звании президента Берг- и Мануфактур-коллегии.

Доблестный комендант Полтавы, *Алексей Степанович Келен*, был душой обороны крепости. В течение трех месяцев с небольшим гарнизоном и дружиной из граждан Полтавы он отражал натиск 30-тысячной шведской армии.

Личное мужество Келена для всех было примером. Не ограничиваясь отражением яростных штурмов, Келен в течение всей осады постоянно производил ночные вылазки, уничтожая осадные работы шведов, захватывая у врага инструменты и пушки.

Комендант Полтавы оказывал благотворное влияние не только на гарнизон, но и на жителей Полтавы. Достоин поистине изумления тот духовный подъем, который, благодаря коменданту, присущ был гарнизону и гражданам даже в последние дни осады Полтавы. Ужасный двухдневный штурм, 21 и 22 июня, принес потери численностью 1300 человек. Когда защитники крепости собрались в храме, чтобы принести благодарение Господу Богу за избавление от опасности, кем-то из граждан было высказано мнение о невозможности дальнейшего сопротивления. Трудно описать всеобщее негодование, вызванное предложением сдать врагу крепость. Изменник был безжалостно избит до смерти камнями и кольями.

Когда после Полтавской победы Петр при народном ликовании въехал в Полтаву, храбрый комендант встретил царя следующей речью: «Вниде храбрыйшый Александра, милостивейшый Веспасиана, премудрейшый Соломона, благочестивейшый великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич. Мафусаилов тебе лет жития и Августово обладательство от Бога желаем».

Царь горячо благодарил своего верного слугу за великий подвиг перед Родиной. Трижды поцеловав героя, царь сказал: «Почтенная глава, совершившая преславный подвиг, надежда на тебя не обманула меня».

За великие заслуги перед Родиной А. С. Келен был произведен в генералы, пожалован медалью на золотой цепи и награжден 10 тысячами рублей из царской казны.

Военное искусство и состояние русской армии при ближайших преемниках Петра Великого

А. К. Баиов, ординарный проф. Императорской Николаевской Военной академии, полковник Генерального штаба

Организационно-административные реформы в царствование императрицы Анны Иоанновны

Царствования первых двух преемников Великого Петра, Екатерины I и Петра II, были настолько кратковременны, и с военной точки зрения в продолжение их было сделано так мало, что в истории русского военного искусства периодом, непосредственно следующим за эпохой Петра Великого, необходимо считать царствование императрицы Анны Иоанновны. Тем не менее события царствования Екатерины I и Петра II не остались без влияния на состояние и развитие военного искусства в последующее время.

Неспособность и слабоволие первых двух преемников Петра Великого, вызвавшие придворные интриги, были причиной борьбы за упрочение личного положения между лицами, стоявшими до сих пор во главе различных государственных учреждений, и привели в конце концов к преобладающему значению временщиков, которые свои личные дела ставили превыше всего. Фактически руководство государственными делами перешло к иноземцам, чего не допускал Петр Великий и что стало теперь неизбежным, так как теперь только они, подготовленные Петром, были способны и имели время заниматься делами управления.

Таким образом, военное дело вскоре после смерти Петра Великого всецело перешло в руки Миниха, который самостоятельно руководил им, влиял на него, подчинил его сво-

им взглядам и убеждениям, настолько придал ему окраску своей личности, что по справедливости эпоха в истории русского военного искусства, следующая непосредственно за эпохой Петра I, должна быть названа эпохой Миниха.

Бурхард Миних, уроженец Ольденбурга, получил в доме отца своего прекрасное инженерное образование. Уже 16 лет, с 1700 г., он вступил на военное поприще, служа первое время в различных армиях. В это время военное искусство на Западе стояло далеко не на высокой ступени развития. Впрочем, неоднократно Миних участвовал в войнах под началом Евгения Савойского, который резко выделялся из среды тогдашних полководцев как своим талантом, так и пониманием военного дела.

С 1713 по 1720 г. включительно Миних занимался или мирной инженерной деятельностью, сооружая каналы, или организаторской, с успехом устраивая на новых основаниях пешую коронную польскую гвардию. В 1721 г. он был принят Петром на русскую службу в чине генерал-поручика. Таким образом, проведя почти 12 лет в рядах западноевропейских армий во время их боевой деятельности, Миних после 8-летних мирных занятий переходит на русскую службу.

Поступив на русскую службу в феврале 1721 г., почти накануне заключения Ништадтского мира, Миних не мог принять участия в Великой Северной войне. Не пришлось Миниху участвовать также и в Персидском походе Петра. Таким образом, Миних не был очевидцем боевой деятельности Петра и не мог непосредственно наблюдать за способом ведения им войны, способом, существенно разнившимся от того, свидетелем которого ему пришлось быть при начале своей военной карьеры в течение довольно продолжительного времени. Миниху в первые годы службы в России пришлось применять лишь свое знание инженерного искусства.

Тем не менее, однако, боевая деятельность Петра, особенная по своему характеру и богатая по результатам, а поэтому несомненно производившая сильное впечатление на современников, не могла не быть известной Миниху, который, любя военное дело и обладая пылким характером, очевидно, должен был интересоваться ею и желать ознакомиться с нею воз-

можно лучше, а личные выдающиеся качества: трезвость взглядов, любовь к делу и неустанное трудолюбие и энергия — дали Миниху возможность правильно оценить все то, что он видел на практике и что узнал теоретически в военном деле, отдать преимущество в этом отношении деятельности Петра и сделаться способным и, благодаря даровитости, достаточно самостоятельным его последователем, не обладающим, однако, творческим гением своего вдохновителя.

Приобретя за успешное исполнение инженерных работ милость и доверие Петра, что в свою очередь послужило прочным основанием для дальнейшего возвышения энергичного и способного иноземца, Миних вскоре после смерти императора становится во главе военного ведомства, где тотчас и проявляет неослабевающую с годами полезную деятельность.

Приверженность Миниха петровским началам в военном деле сказалась, прежде всего, в том, что он явился инициатором образования Воинской комиссии, главное назначение которой составляло «исправление многих непорядков и помешательств, явившихся и происходивших в армии после смерти Петра Великого».

В своих работах Воинская комиссия должна была руководствоваться следующими основными положениями: во-первых, «чтобы учиненное от императора Петра Великого учреждение крепко содержать», т. е. чтобы все мероприятия по духу были проникнуты петровскими началами и, во-вторых, чтобы результатом этих мероприятий явилась возможность «содержать армию всегда в постоянном добром и порядочном состоянии и, сколько при том возможно, без излишней народной тягости и напрасных государственных убытков».

Кроме этих основных положений, Комиссии были преподаны указания и по отдельным вопросам, подлежащим ее рассмотрению.

В организации армии были введены следующие главнейшие изменения:

1) учреждены для полков пехоты и конницы два штата — мирного и военного времени, что впервые устраивало столь широко развитую кадровую систему;

2) уничтожены гренадерские полки, чем достигалась полезная в боевом отношении однотипность пехоты и конницы;

3) уничтожены гренадерские роты как административные единицы, гренадеры были распределены по фузилерным ротам, по 16 человек в каждой, и только на время учений и боевых действий они образовывали отдельную роту;

4) образованы в коннице один гвардейский и три кирасирских полка;

5) уменьшен нестроевой элемент.

В общем, полевая пехота по штатам военного времени состояла из трех гвардейских и 50 армейских полков и представляла боевую силу до 75 тысяч нижних чинов при 2200 офицерах, а полевая кавалерия состояла из одного гвардейского, трех кирасирских и 29 драгунских полков и представляла собой силу в 31 тысячу нижних чинов при 1200 офицерах.

Артиллерия по-прежнему разделялась на полковую, полевую, осадную и крепостную. С 1737 г. каждому пехотному полку было придано вместо двух по четыре трехфунтовые пушки (по две на батальон), а драгунским полкам, из которых некоторые прежде вовсе не имели полковой артиллерии, — по две такие же пушки. В полевой артиллерии число орудий было с 1737 г. также в значительной степени увеличено. Орудия полевой артиллерии были 8-, 6- и 3-фунтовыми.

Дальность артиллерийского огня разных образцов полевых орудий того времени была: пушек — 500—800 сажений, гаубиц и мортир — 850—1000 сажений. Главным орудием осадной артиллерии были 24- и 18-фунтовые пушки, 9- и 5-пудовые мортиры.

Однако Миниху оказалось не под силу изменить невыгодную особенность в организации артиллерии XVIII в. — разделение материальной части, личного и конского состава полевой и осадной артиллерии на две вполне независимые друг от друга в командном отношении части: прислугу с орудиями и ездовых с лошадьми; между тем такое разделение невыгодно отражалось на несении службы артиллерией и тормозило приготовление ее к военным действиям.

Отделенная в 1727 г. от артиллерии инженерная часть незадолго до вступления на престол императрицы Анны в

1729 г. вновь была присоединена к ней. При этом организация инженерных войск оставалась петровская.

Что же касается инженерного дела вообще, то необходимо отметить, во-первых, устройство линий на наших южных границах и, во-вторых, усиленную деятельность по исправлению крепостей. Наиболее важная, Украинская, линия, имевшая назначение прикрывать от набегов татар Украину между Днепром и Северным Донцом, представляла собой на протяжении 268 верст непрерывный вал реданного начертания, усиленный 15 крепостцами, между которыми находились еще частные опорные пункты в виде реданов, люнетов и редутов. Непосредственно за линией с внутренней стороны был расположен ряд блокгаузов, представлявших собой закрытые помещения для войск.

Гарнизонные войска имели то же назначение, как и при Петре. Общая численность гарнизонных войск достигала: пехоты — около 70 тысяч и драгун — около 5 тысяч.

Ландмилиция в начале царствования Анны, как и прежде, представляла собой подвижную поселенную силу, предназначавшуюся преимущественно для внутренней и только в исключительных случаях для внешней службы за счет усиления состава полевых войск. Корпус Украинской ландмилиции состоял из 20 конных полков, а Закамской ландмилиции — из трех конных и одного пешего полка. Общая численность ландмилиции в царствование Анны Иоанновны достигла 27 тысяч человек.

Кроме указанных регулярных войск, в состав русской армии времен императрицы Анны Иоанновны входили еще нерегулярные войска, а именно: донские казаки до 15 тысяч человек, малороссийские казаки до 20 тысяч, Чугуевский казачий полк в составе 500 человек, слободские казаки — до 5000 человек, несколько тысяч запорожских казаков, два гусарских полка (Сербский и Венгерский) и одна гусарская рота (Грузинская); наконец, небольшие команды калмыков и волюхов.

Лучшими из нерегулярных войск были донские казаки; почти так же высоко, как и донских казаков, нужно поставить и гусар. Боевые качества слободских казаков были зна-

чительно хуже. Что касается малороссийских казаков, то в этом отношении они стояли так низко, что ими как боевой силой пользовались в ограниченных размерах.

Относительно установления правильной постоянной организации дальше полка в царствование императрицы Анны ничего не было сделано; организация дивизий и особенно бригад является крайне неустойчивой.

Во главе высшего центрального управления вооруженными силами в царствование императрицы Анны Иоанновны по-прежнему находилась Военная коллегия. В 1736 г. Военной коллегии было дано новое устройство, которое имело следующие выгодные стороны:

- 1) устанавливало полное единство военного управления;
- 2) усиливало и облегчало контроль над всеми приходами и расходами военного ведомства (учреждением счетной конторы).

В 1731 г. учредили одного генерал-инспектора и трех военных инспекторов. На обязанности этих лиц лежало два раза в год инспектировать войска, которые в этом отношении разделялись на четыре департамента; кроме войск, инспектора осматривали также госпитали, лазареты и провиантские магазины. В мирное время инспектора присутствовали в Военной коллегии, а в военное время генерал-инспектор и два инспектора должны были находиться при действующей армии, а один инспектор оставался в пределах империи для инспектирования гарнизонных войск.

В 1736 г. было издано положение о походном комиссариате, который ведал вопросами провиантскими и комиссариатскими.

Необходимо отметить, что тяжесть и, главное, продолжительность военной службы в связи с тем, что правительство после Петра допустило для некоторых обществ замену рекрутов выкупом, довольно сильно развили наемничество, причем наемниками, естественно, по большей части являлся весьма ненадежный элемент. Это тем более было возможно, что нравственного ценза для рекрутов почти не существовало, так как не брали в рекруты только бывших в «катских руках». Беглых принимали, но суровость крепостного права того времени отчасти оправдывает побег крестьян от

помещиков и позволяет думать, что бегал не только один худший элемент.

В общем, нужно заметить, что при императрице Анне Иоанновне предпринимались попытки наилучшего способа комплектования при данных обстоятельствах и проявлялась гуманность со стороны тех, в чьих руках находилась судьба военных вопросов вообще. К сожалению, по причинам военного характера тенденция эта не закрепились не только тогда, но и еще много времени спустя.

Комплектование офицерами производилось главным образом на тех же основаниях, как и раньше; с 1731 г. был основан Шляхетский кадетский корпус. Как дело научной подготовки, так и воспитательная часть были поставлены в корпусе вполне рационально.

Кроме русских офицеров, в армию со времен еще Петра Великого принимали довольно значительное число иностранных офицеров, которое, однако, при Петре II стало уменьшаться. Императрица Анна еще более стеснила доступ в русскую армию иностранных офицеров. Срок службы офицеров в 1736 г. ограничен был 25 годами.

В вопросе обмундирования, оставшегося без существенных изменений со времен Петра I, можно отметить только распространение на всю армию введенного при Петре II для артиллерийских частей ношение кос, штиблетов, манжет и пудрения, что, конечно, бесцельно осложняло обмундирование. Вместе с тем при императрице Анне стали более настойчиво требовать от офицеров ношения установленной формы обмундирования, чем уничтожена была пестрота в покрое и цвете офицерской одежды.

С 1736 г. пехотных офицеров вооружили ружьями со штыками и шпагами вместо алебард и эспаантонов.

В это же время были уравнены оклады жалования русских офицеров с иностранцами прибавкой первым. Факт уравнивания в содержании офицеров, русских и иностранных, ясно свидетельствует, что в иностранных офицерах уже не так нуждались и не так дорожили ими. Очевидно, сознавали, что они уже сделали то дело, ради которого в петровских штабах им было отведено место на одну треть.

Казенный полковой обоз, в общем, был не особенно значительным, но собственный офицерский и даже солдатский обоз, несмотря на требования командующего армией, в турецких походах того времени достигал громадных размеров, что, главным образом, и отягощало армию, делая ее громоздкой и неповоротливой.

Необходимо, однако, сказать, что в Крымские походы особенности театра войны и характер противника заставляли в сильной мере отступать от нормы и казенного обоза, и действующая армия вынуждена была до крайности увеличить размер обоза. Иногда число возов обоза при армии достигало 90 тысяч.

В 1731 г. в дополнение к Воинскому уставу 1716 г. была издана «экзерциция пешая», разъясняющая особенно подробно один отдел устава, а именно: отдел «экзерциции». В строевой службе пехоты времен царствования императрицы Анны, насколько позволяет судить об этом «экзерциция пешая» 1731 г., можно заметить следующие важнейшие особенности:

1) в стрельбе принимали участие все в роте, причем первая шеренга стреляла с примкнутыми штыками, стоя на коленях (при Петре первая шеренга не стреляла);

2) строи были: а) развернутый, б) состоящий из линии колонн, взводных и двухвзводных, и в) каре, построение которого производилось «в силе Воинского устава»;

3) перемена фронта производилась только захождением плечом и притом на твердой оси;

4) учения об атаке холодным оружием не было вовсе.

Для обучения кавалерии служил составленный в 1732 г. устав специально для кирасир. Драгуны пользовались им с самыми незначительными изменениями. В общем, в строевой службе конницы времен императрицы Анны, насколько об этом позволяет судить «экзерциция конная», можно заметить следующие особенности:

1) основным был строй, развернутый в три шеренги; для движения выстраивали колонны по четыре, повзводно и поэскадронно;

2) существовало перестроение в две шеренги;

3) обучение атакам производилось небольшим аллюром «маленькой рысцой»;

4) стрельба была установлена из ружей и пистолетов с коня.

В артиллерии цельного, разработанного в подробностях и затрагивавшего все вопросы строевой подготовки устава не было, и наша полевая и полковая артиллерия в этом отношении руководствовалась отдельными положениями шведского артиллерийского устава, переведенными около 1730 г. Согласно шведскому уставу, подготовка орудия к заряданию, зарядание его, наводка орудия и производство выстрела требовали 48 приемов, из которых 38 — только для зарядания, что вызывалось главным образом заряданием с дула отдельно зарядом и снарядом и несовершенным способом воспламенения заряда. Относительно ведения огня артиллерийский устав указывал только на следующее: открывать огонь не следует далее чем с 400 шагов; орудие для стрельбы должно ставиться на ровном месте, а если такого нет, то его нужно приготовить.

В 1736 г. генерал-майором Фермором по указанию Миниха была составлена «Диспозиция боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками».

Основные положения и диспозиции заключались в следующем:

1) войну необходимо вести наступательную и стараться перенести ее в неприятельскую страну;

2) лучшим средством решения дела является бой — «должно искать сражение, чтобы победить неприятеля»;

3) выиграть бой можно только тогда, когда к нему достаточно подготовлены;

4) подготовка к бою требует: а) хорошего знания противника; б) хорошего знания сильных и слабых сторон своей армии, чтобы подставлять первые и уклонять вторые; в) решительного и энергичного образа действия со стороны начальников; г) хорошей подготовки начальствующих лиц к управлению войсками и знания тактических положений — «как атаковать, как драться, как стрелять и как обороняться»; д) хорошей тактической подготовки войск.

Как результат этого «диспозиция» выставляет требование «прежде всего армию учить только тому, что придется

делать в бою». Для пехоты указывается прежний четырехшеренжный развернутый строй и требуется отказаться от пальбы шеренгами и от залпов целыми батальонами или полками. Открывать огонь пехоте во всех случаях рекомендовалось с расстояния не большего, чем наполовину расстояния ружейного выстрела. Как бы оправдывая это требование, «диспозиция» указывала, что, «сохраняя спокойствие и присутствие духа, можно иногда отбить противника без выстрела».

«Диспозиция» весьма заботилась об облегчении солдат в бою, требуя, между прочим, чтобы пехота в ожидании боя оставляла в обозе шинели, ранцы, а также шпаги; нижние чины должны были брать с собой по фляге воды и сухари.

Относительно артиллерии «диспозиция» дает следующие общие указания: полковые орудия следует держать за флангами батальона таким образом, чтобы неприятель их не мог преждевременно заметить. Полевая артиллерия должна располагаться на возвышенности, откуда можно было бы обстреливать главные силы неприятеля. При отсутствии такой возвышенности полевая артиллерия располагается на одной линии с пехотой и действует подобно полковой артиллерии.

Относительно конницы в «диспозиции» встречаются только два указания, а именно: 1) как правило, драгунам запрещалась стрельба с коня; она допускалась только как исключение, при преследовании разбитого неприятеля, и 2) в пешем строю драгуны должны были действовать так же, как и пехота, однако только в пределах самого необходимого для них.

Независимо от указанных двух видов боевого порядка армии, предусмотренных «диспозицией», практика войны с Турцией в царствование императрицы Анны заставила русскую армию широко пользоваться еще одним видом боевого порядка, который составлялся из одного или нескольких каре, располагавшихся таким образом, чтобы возможно было оказать друг другу взаимную поддержку. В таком боевом порядке, состоявшем из каре, армия нередко в ожидании нападения противника совершала марши-маневры на протяжении нескольких переходов. При этом нужно заметить, что сначала боевой порядок составлялся из одного каре и лишь впоследствии постепенно перешли к построению из нескольких

каре, что несомненно благоприятно отразилось на гибкости и подвижности боевого порядка.

С 1736 г. запрещено было производить в унтер-офицеры неграмотных, что свидетельствует о повышении требований к ним. Строевая подготовка офицеров также не может быть заподозрена в слабости, так как в этом отношении никаких перемен и изменений, по сравнению со временем Петра не произошло.

Отношения офицеров к нижним чинам, быть может, и нельзя назвать гуманными, но, во всяком случае, они не являлись более жестокими, чем отношения в то время помещиков к своим крестьянам, и даже напротив, положение нижних чинов в полках было значительно лучше, чем крестьян у своих помещиков. В общем, в эту эпоху руководители русской армии стремились вести ее по пути, которым вел и Петр Великий. Вместе с тем нельзя не отметить, что в это время руководители русской армии стремились в ее жизнь внести больше «регулярства», о чем так заботился Петр Великий.

Война с Турцией в 1736—1739 гг.

Причины войны ♦ **Планы войны** ♦ **План кампании 1739 г.** ♦ **Движение армии до р. Буг** ♦ **Продвижение армии к Днестру** ♦ **Переправа через Днестр и поход через Перекопские узины** ♦ **Ставучанское сражение**

Причины войны. В 1724 г. Петр, утвердившись на западном и южном берегах Каспийского моря, приобрел прочную базу для движения к Константинополю азиатским путем. Но не суждено было Петру развить этот успех свой: в 1725 г. царь умер и свой невыполненный план о выходе к берегу моря на юге как о жизненной задаче России он передал в завет своим преемникам.

Всеобъемлющий гений Петра Великого позволял ему самолично руководить всеми отраслями государственной деятельности, подыскивая себе только талантливых исполнителей. Первые преемники его по многим причинам были в другом положении: они должны были искать себе не только

исполнителей, но и руководителей, которым вынуждены были поручать всецело исполнение той или иной отрасли деятельности государства. Таким руководителем внешней политики при первых трех преемниках великого императора явился талантливый вице-канцлер Андрей Иванович Остерман, ученик незабвенного императора, вполне проникнутый духом его политики, хорошо усвоивший ее основную идею и стремившийся к выполнению ее.

Остерман, считая необходимым для России овладеть на юге морем, ясно сознавал, что для решения этой задачи России придется вступить в жестокую борьбу с Турцией, и делал все, чтобы эта борьба велась в условиях, наиболее выгодных для нас. В этих видах, прежде всего, был заключен союз с Австрией. Затем в 1735 г. нами был заключен трактат с Персией, по которому последняя за возвращение ей Дербента, Баку и Сальяна обязывалась действовать против турок.

Военные действия против турок начаты были осенью 1735 г., когда в Крым был двинут под начальством Леонтьева корпус войск силой в 30 тысяч человек. Позднее начало похода и рано наступившая в степи зима заставили Леонтьева через 13 дней, дойдя лишь до Каменного Затона, в 280 верстах от нашей границы, прекратить дальнейшее движение к Крыму и возвратиться к своим границам, причем он потерял 9 тысяч человек и почти столько же лошадей.

Предпринятая после этого Австрией попытка привести Россию и Турцию к соглашению не увенчалась успехом, и 12 апреля 1736 г. Россия объявила Турции «прямую войну».

Таким образом, действия, открытые против Турции в 1735 г. и служившие началом четырехлетней войны нашей с Турцией в царствование Анны Иоанновны, логически вытекали из основной, вполне правильной идеи внешней политики Остермана, унаследованной им от Петра I, — идеи о необходимости для России владеть на юге морем.

Политическая обстановка непосредственно перед началом войны складывалась таким образом: в Польше хотя и был королем преданный России Август III, но внутренние неуря-

дицы не позволяли ему открыто стать на сторону России, вследствие чего последняя не могла, например, пользоваться польской территорией для прохода в турецкие владения, что значительно стесняло операции.

Персия выполняла свое обязательство и отвлекала часть турок в Азию.

Что касается Австрии, то хотя она и была союзной державой и обязалась в предстоящей нашей войне с Турцией выставить против последней вспомогательный корпус, однако боязнь расширения России к Черному морю, куда она стремилась сама, делала ее крайне неискренней и завистливой, что и сказалось в подыскании ею различных предлогов к тому, чтобы не принимать участия в войне.

План войны. Гениальный Петр после неудачного Прутского похода отказался от наступления к Константинополю через Молдавию и искал другой путь к проливам.

Приходилось в стремлении к оттеснению турок от берегов Черного моря и проливов следовать примеру Петра и выбирать более кружной путь, постепенно приближаться к заветной цели, двигаясь вперед. Приходилось рассчитывать войну на несколько кампаний, из которых каждая предыдущая подготавливала бы следующую.

Полное господство над Доном, над его устьем, завоевание Крыма, подчинение татарских орд, подчинение Валахии и Молдавии, утверждение на берегах Босфора — вот задачи, которые постепенно должны были выполняться на избираемом пути. Азов, Крым, Очаков, Бендеры, Хотин, Яссы и Константинополь — вот цели действий отдельных кампаний, которые надо было предпринять для решения намеченных задач.

Назначенный еще в 1735 г., после неудачного похода Лентьева на юг, главнокомандующим русской армией, фельдмаршал Миних намечал такой план действий против Турции: «на 1736 г. — Азов будет наш. Мы станем господами Дона, Донца, Перекопа, владений Ногайских между Доном и Днепром по Черному морю, а может быть, и самый Крым нам будет принадлежать. На 1737 г. — подчиняется весь Крым, Кубань, приобретается Кабарда; императрица —

владычица на Азовском море и гирле между Крымом и Кубанью. На 1738 г. — подчиняются без малейшего риска Белгородская и Буджакская орды по ту сторону Днепра, Молдавия и Валахия, которые стонут под игом турок. Спасаются и греки под крыльях русского орла. На 1739 г. знамена и штандарты ее величества водружаются... где? в Константинополе».

Кампания 1736 г. и ее результаты. Итак, в 1736 г., по плану Миниха, надлежало овладеть Азовом и завоевать Крым.

Для выполнения этого плана было сформировано две армии: Днепровская — для действия против Крыма, силой около 70 тысяч человек, и Донская — против Азова, силой в начале кампании около 10 тысяч, а в конце — около 25 тысяч человек.

Взятие Азова, разорение части Крымского полуострова и приведение в подданство России некоторых орд кубанских татар — таковы были окончательные результаты кампании 1736 г. Таким образом, только половина программы, намеченной Минихом на этот год, была выполнена им.

Вспышки болезней в армии, значительная потеря в людях и лошадях, неустройство продовольственной части и невозможность, по тогдашним обстоятельствам, вести кампанию зимой заставили Миниха окончить кампанию в августе и вернуться к своим границам.

Кампания 1737 г. и ее результаты. План кампании на 1737 г. был составлен совместно с австрийцами.

В 1737 г. решено было: одну армию отправить в Крым, а другую — против Очакова. В Крым из Азова отправлялся с 40-тысячной армией Ласси. К Очакову направлялся Миних с армией в 90 тысяч человек.

Результатом действий обеих армий в кампанию 1737 г. было взятие Очакова, Кинбурна и вторичное сильнейшее разорение Крыма.

Значительная убыль людей вследствие болезней, недостаток в продовольствии, в воде и в подножном корме для лошадей и скота, отсутствие сильной флотилии, необходимость тащить с собой сильно стесняющих действия армии

больных и раненых — все это заставило Миниха, снабдив Очаков достаточным гарнизоном в целях сберечь эту «в неприятельской ноге занозу», в конце августа отказаться от каких-либо «дальнейших предвосприятый» и направиться к своим границам.

Со своей стороны фельдмаршал Ласси, начав кампанию непосредственно против Крыма успешным вторжением на полуостров, разорив его окончательно и разогнав татарскую армию, почти по тем же причинам, как и Миних, и боясь «великого армии разорения», отказывается от похода на Кафу и от окончательного закрепления за собой Крыма и в конце июня также отступает к своим границам.

Кампания 1738 г. и ее результаты. Еще во время кампании 1737 г. в Немирове заседал конгресс, собранный по инициативе Австрии, на котором Остерман пытался добиться того, ради чего велась наша война с Турцией. Успехи турок против австрийцев, ясно выраженная зависть и недоброжелательство Австрии к своей союзнице — России — сделали этот конгресс безрезультатным и привели к новой кампании 1738 г.

13 января 1738 г. императрица утвердила план будущей кампании, выработанный Минихом. Для ведения операции со стороны России вновь было сформировано две армии: Главная — силой в 108 тысяч человек — на Днестре, под начальством Миниха, и Донская армия силой около 65 тысяч — под начальством Ласси. Целью действий Главной армии было поставлено вторгнуться за Днестр и разгромить турок в самой Молдавии.

Удачно начатый Минихом поход к Днестру после нескольких победоносных сражений с татарами привел его в конце июля к столь желанным берегам Днестра. Однако за Днестр, в Молдавию, Миниху в этом году вторгнуться не удалось ввиду целого ряда неблагоприятных условий (длинная операционная линия, трудность переправы). После нерешительной попытки Миних отказался от переправы через Днестр и вернулся к своим границам.

Действия фельдмаршала Ласси против Крымского полуострова в 1738 г. в общем были также безрезультатны. Взор-

вавши Перекоп, Ласси «прямым трактом» отступил в Украину. Неуспехами обеих армий, однако, еще не исчерпываются военные неудачи России в злополучном 1738 г.

Рост заболеваемости в Очакове, развившейся при осаде его турками осенью 1737 г., с течением времени стал еще более усиливаться, что заставило Миниха приказать гарнизоны из Очакова и Кинбурна вывести, расположить их ниже порогов, а крепости взорвать и разорить.

Таким образом, в 1738 г. не только не было сделано каких-либо завоеваний на пути к овладению Черным морем, т. е. на пути к достижению той цели, ради которой была начата война с Турцией, но даже потеряно то, что приобретено в 1737 г.

Очевидно, что при таких обстоятельствах без новой кампании обойтись было нельзя.

Кампания 1739 г. *План кампании и движение армии до р. Буг.* План кампании на 1739 г., составленный Минихом, заключался в следующем:

1. Главной армии идти через Польшу к Хотину и действовать, «как конъюнктуры и неприятельские поступки и движения показывать будут».

2. «А с другой армией для толь наивящей неприятелю диверсии против Крыма и Кубани все такие действия производить стараться, которые токмо возможны будут, к чему уповательно и флотилия на Днепре не без пользы употреблена быть может». Под последним разумелись действия в направлении на Очаков и Кинбурн.

Армия, предназначенная действовать против Хотина, должна была состоять всего из 91 тысячи человек, из которых 15 тысяч войск нерегулярных. При армии находилось 169 полковых пушек, 58 орудий большого калибра и обоз, везомый на 22 тысячах пар волов.

Армия была разделена на четыре дивизии более или менее однообразного состава. Дивизии, по общему правилу, делились на бригады неравномерного состава.

22 мая в м. Левах, куда перешли войска от Лыбеди, Миних собрал военный совет, на котором впервые объявил старшему генералитету, что целью предстоящего похода являет-

ся взятие крепости Хотин, а затем вторжение в Волошскую и Молдавскую земли.

25 мая армия перешла к Василькову, расположившись на самой польской границе. Здесь сосредоточилось всего около 69 тысяч человек, из которых строевого элемента 58 тысяч.

28 мая армия из Василькова и Треполя, не дождавшись донских казаков, выступила в «дальний марш». Дивизии двигались по разным дорогам, независимо одна от другой, по выданным маршрутам, и Миних только требовал, чтобы начальники своевременно сообщали ему, где их дивизии будут каждый день находиться. Для уравнивания движения колонн Миних временами определял срок, когда все дивизии должны прибыть к определенным пунктам, или указывал день общей дневки.

21, 22 и 23 июня 1, 2-я и 4-я дивизии без всякого противодействия со стороны неприятеля переправились у Константинова и Меджибожа через р. Буг и к вечеру 23-го сосредоточились у Летичева. Что касается 3-й дивизии, то она, ввиду затруднительности переправы через Буг бывшей при ней осадной артиллерии, была направлена в обход верховьев р. Буг на Купель и Черный остров.

Движение армии к р. Днестр. Переправа через Днестр и движение через Перекопские узины. 6 июля Миних с тремя дивизиями прибыл к р. Бованцу в одном переходе от Збруча, куда еще 5 июля прибыла 3-я дивизия. Таким образом, 6 июля вся армия Миниха вновь сосредоточилась.

8 июля армия выступила к р. Збручу, которую и перешла у Тернорудки и Каневки 8 и 9 июля.

10 июля впервые показался в виду армии неприятель. Поэтому с 11-го числа армия, имея впереди авангард Фермора из четырех драгунских полков, шла в одном общем каре, каждая сторона которого составлена была из одной дивизии: внутри каре находились все обозы; вокруг армии следовали нерегулярные войска. В последующие дни вид каре, в зависимости от местных условий, несколько изменился. 16 июля армия имела дневку в Качюбнице, и здесь был собран Минихом военный совет, на котором решено переправу через Днестр произвести выше Хотина, прибегнув к demonstra-

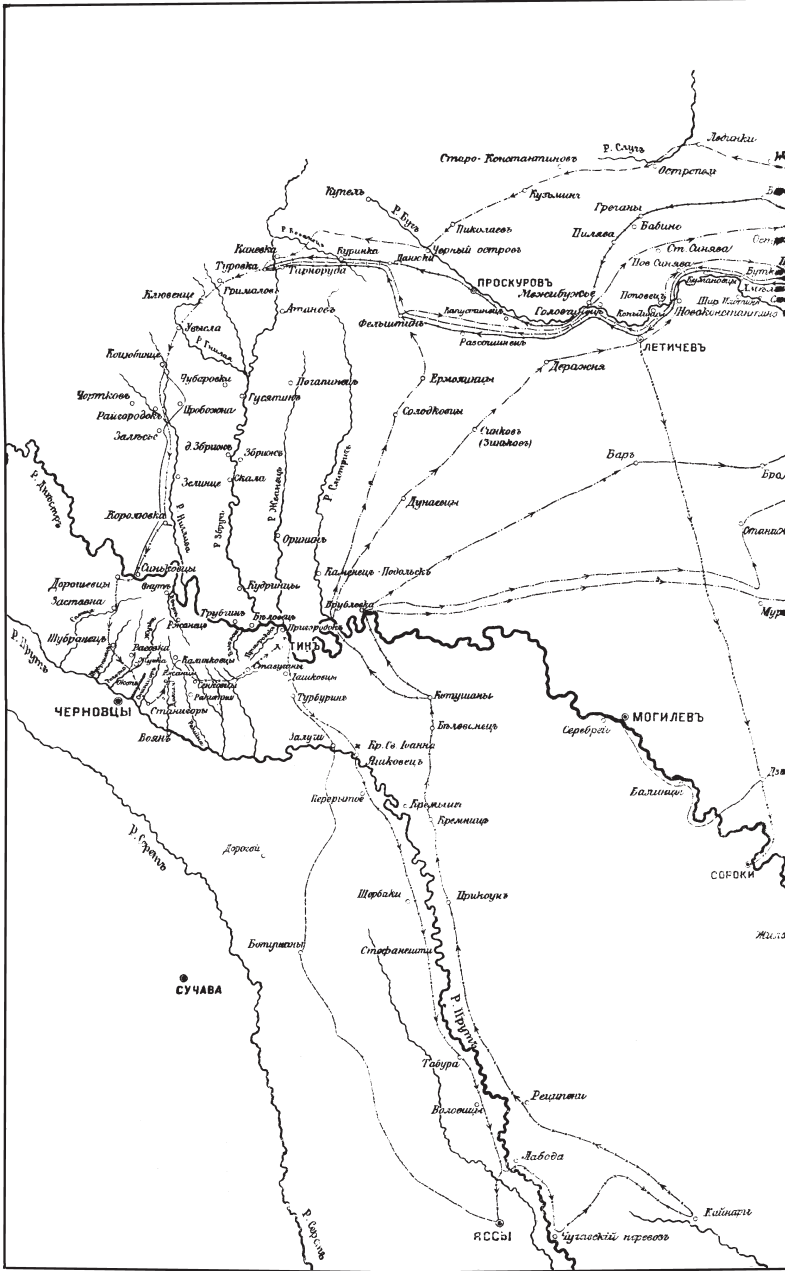
ции: одна часть армии под начальством Румянцева, играя роль всей армии, должна была показать намерение продолжать путь свой прямо к Хотину, а другая, под непосредственным начальством Миниха, под видом конвоя, сопровождающего посла русской императрицы в Турцию, должна была направиться к Днестру выше Хотина, где и переправиться.

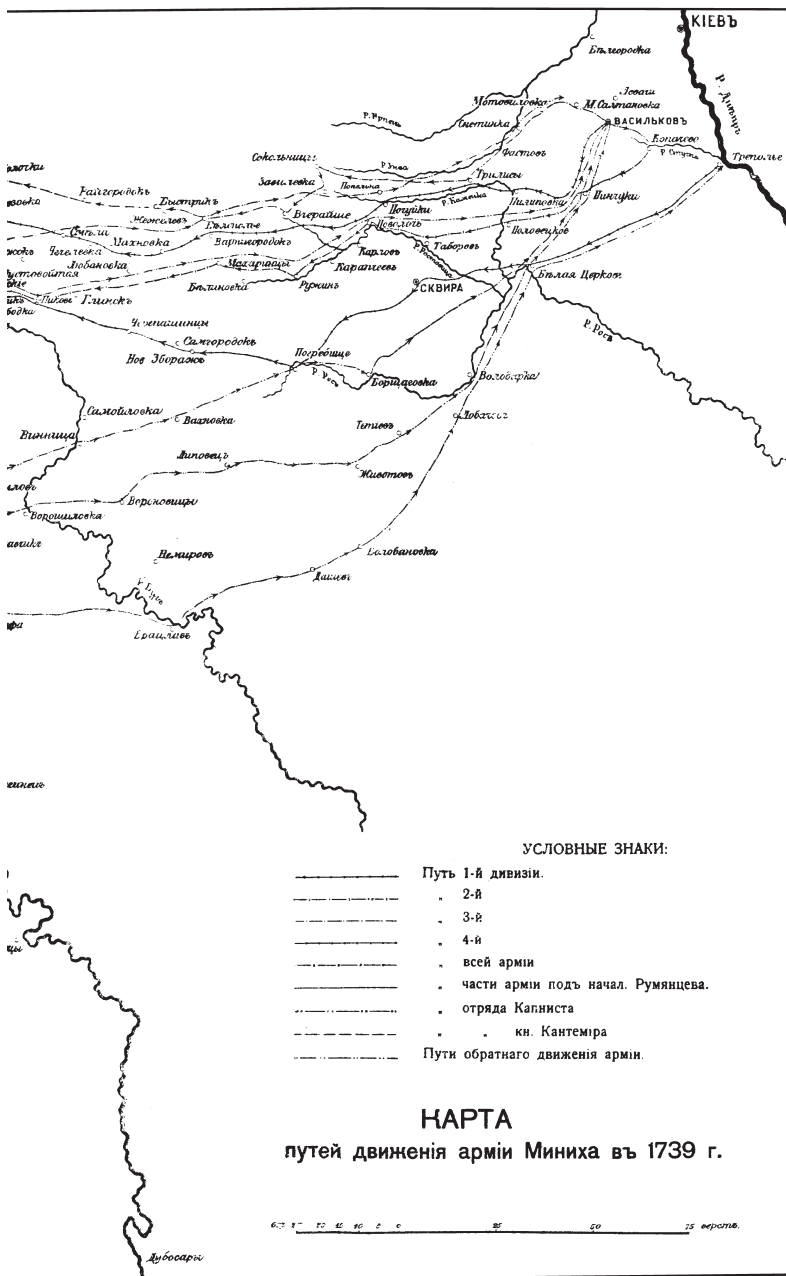
Корпус Миниха состоял из 28 тысяч человек, из которых 9500 было нерегулярных. 17-го вся армия сделала небольшой переход к Пробожне. 18 июля Миних со своим корпусом отделился от Румянцева и, сделав 30 верст по крайне неблагоприятной местности, в 5 часов вечера с авангардом прибыл к Днестру у д. Синьковицы, лежащей в 50 верстах выше Хотина. Прибытие Миниха к Днестру в этом пункте было настолько неожиданно для противника, что фельдмаршал здесь не нашел ни одного неприятельского солдата. Миних тотчас же переправил через него вброд нерегулярные войска, а к вечеру 19 июля весь корпус Миниха был уже на правом берегу Днестра.

Начавшиеся дожди сильно затрудняли движение Румянцева, и он только 24 июля подошел передовыми частями к Днестру. Переправа войск Румянцева началась 25 июля. В этот же день, вследствие тесноты лагеря у Синьковиц, Миних передвинул лагерь на 4 версты вверх по Днестру к д. Дорошевы.

Вместе с переменой лагеря была изменена и организация армии: прежнее деление на авангард и четыре дивизии заменено делением на авангард, кор-де-батайль, правое и левое крыло. Авангард состоял из Волошского корпуса и двух Компанейских полков. Крылья состояли каждое из шести пехотных, шести драгунских, двух-трех Малороссийских полков; гвардия — из пяти драгунских, восьми пехотных, девяти ландмилицких, двух Малороссийских полков, донские казаки и запорожцы составляли кор-де-батайль.

Прежде чем начать движение от Днестра, Миних в д. Заставна, куда 3 августа был перенесен лагерь, собирает военный совет. На военном совете 4 августа решено было «в наступающий день марш с армией к Хотину воспрять по дороге, пролегающей ближе к Пруту, подаваясь к Волошскому местечку Черноуцы».

КИЕВЪ

Благовещенка

Математика

Светинка

Восток

Тришес

М. Сидорова

Васильковъ

Богуслав

Школуца

Блава Церков

Сквира

Володарка

Звонецъ

Топило

Житоно

Слабошанка

Лиски

Нечирово

Вранское

Вороньки

Вилочко

Валовка

Симоловка

Ново Збаранко

Смородока

Чемпишине

Лиски

Ужгород

Лобановка

Чеховка

Степановка

Степановка

Степановка

Степановка

Степановка

Степановка

Степановка

Степановка

Степановка

Степановка

Степановка

Степановка

Степановка

Степановка

Дубосары

Наиболее трудным на этой дороге являлся участок от д. Рагозна до д. Ракитна, проходящий по узкому горному дефиле, называемому «Перекопские узины». Почти в самом начале этого участка находилось сильное укрепление — Окоп. 5 августа, оставив у Заставны осадную артиллерию и провиантский магазин, под прикрытием 20-тысячного корпуса Кейзерлинга армия выступила к Хотину. 6 августа Миних занял Окоп. На другой день, 7 августа, армия, пройдя 6 верст, расположилась лагерем в трех каре в лесу на горе Станигор, примкнув правый фланг к р. Прут и оперев левый в Хотинские горы.

8 августа армия, ожидая обозы, в целях лучшего их прикрытия продвинулась вперед приблизительно на 2 версты и расположилась на правом высоком берегу оврага перед р. Долгой. Здесь русская армия по всему фронту была атакована татарской конницей; благодаря действию артиллерии, на которую навели противника гусары, нападения эти были отбиты, и к вечеру неприятель отошел за р. Долгую, где преследовавшими гусарами был замечен большой неприятельский лагерь.

8 августа в 19 часов Минихом были собраны на совет начальники дивизий. На этом совете, приняв во внимание необходимость дальнейшего наступления к Хотину, отсутствие при армии обозов и их безопасное положение, решено было немедленно перейти в наступление и атаковать противника.

Оставив в лагере понтоны и бывшие при армии полковые обозы под прикрытием сборного отряда Бахметьева, армия 9 августа на рассвете «со всякой тихотой» в трех каре выступила из лагеря.

Удачные действия Миниха заставили в этот день неприятеля отступить, и русская армия, беспрепятственно перейдя р. Гукову, стала лагерем вблизи д. Ракитна. Переправой через р. Гукову окончился выход армии из Перекопских ущелий, и теперь Миних считал, что дорога к неприятелю и Хотину открыта.

С 10 по 13 августа включительно русская армия, в ожидании прибытия обозов, продвинулась всего на 6 верст к д. Калиновцы, два раза переменяя лишь лагерь.

Получив 13 августа сведения, что турки намереваются атаковать нас, Миних решил не ожидать атаки, а на следующий же день самому атаковать противника. Однако 14 августа неприятель не принял боя и только татары попытались напасть на оставленный обоз, но безуспешно.

К вечеру русская армия, пройдя несколько верст, расположилась лагерем у д. Синьковицы.

15 августа армия в ожидании присоединения обозов оставалась на месте. Только поздно вечером в этот день к армии прибыл наконец весь обоз.

Поход к Ставучанам и Ставучанское сражение. 16 августа рано утром русская армия продолжала свое движение. В половине девятого утра, поднявшись на одну из высот, русские войска увидели впереди противника, расположенного на укрепленной позиции; в десять часов утра татары быстро двинулись к русской армии и совершенно окружили ее. Армия тем не менее продолжала движение, удачно отбиваясь то при помощи артиллерии, то при помощи нерегулярных войск. Все это, однако, крайне замедляло движение армии, и только к вечеру, пройдя всего 6 верст, она подошла на пушечный выстрел к неприятельской позиции и расположилась лагерем на берегу р. Шуланец у деревни Широцы. Здесь армия стала в трех каре, кругом обставленных рогатками и артиллерией. Положение ее было крайне тяжелое: кругом многочисленные полчища турок и татар; перед фронтом главные силы турок занимали, под начальством Вели-паши, сильно укрепленную позицию, с которой, начиная с четырех часов дня обстреливали армию сильным артиллерийским огнем. На левом фланге армии находился Колчак-паша с конными янычарами; на правом — Генж-Али-паша с турецкой кавалерией (спаги), а в тылу все татарские орды под командой султана Ислам-Гирея. В армии чувствовался недостаток в фураже и дрoвах. Воду тоже доставали с трудом. Постоянные нападения отдельных партий, не прекращавшиеся даже ночью, заставляли держать всех людей «при ружье и к действию во всякой готовности».

Противник торжествовал, так как был убежден, что теперь «он российскую армию в своих руках имеет и что из

оной ни один человек не спасется». В лагере Вели-паши вспоминали не без удовольствия поражение Дели-Петро (Великого Петра) на берегах Прута в 1711 г., считая, что русская армия и теперь находится в таком положении и что ей остается одно — сдаться на капитуляцию. Но решительный и энергичный Миних разрушил надежды и мечты своего гордого противника.

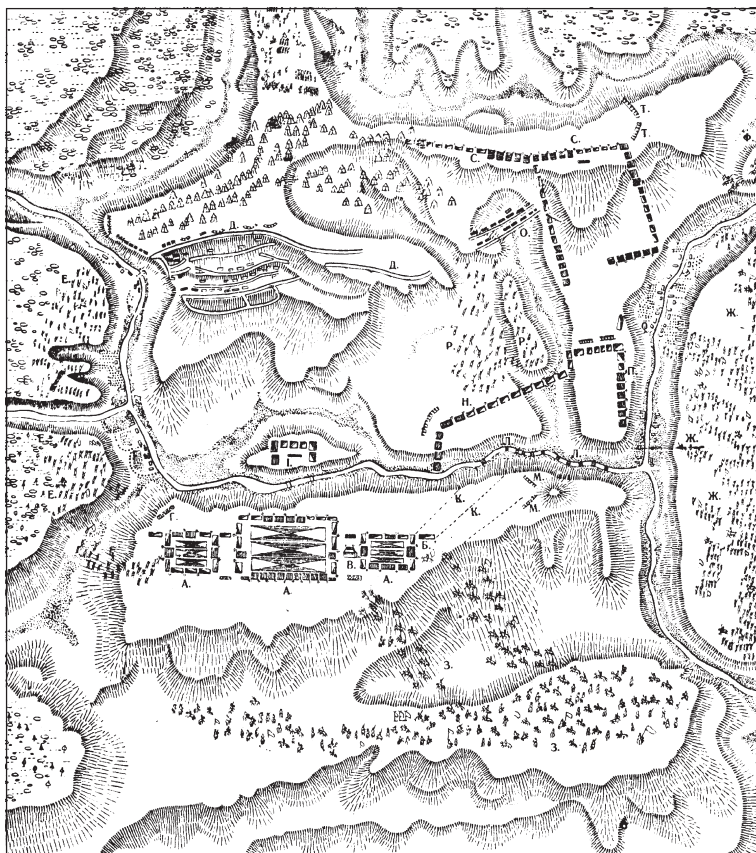
Позиция, выбранная сераскиром Вели-пашой для генерального сражения с русской армией, находилась в 10 верстах на юго-запад от Хотина, на высотах между деревнями Надобоевцы и Ставучаны. Ставучанская позиция была очень сильна с фронта, причем наиболее сильной являлась ее западная часть. Фланги ее были обеспечены. Переход в наступление удобен был на ее левом участке. Благодаря крутизне скатов правого участка позиции обстреливание его из пушек было крайне затруднительно для атакующего. Обход позиции был возможен только с ее левого фланга; однако по трудности выполнения он требовал слишком много времени.

Не решаясь атаковать Миниха и отступая под его натиском, главнокомандующий турецко-татарской армией сераскир Вели-паша с 11 августа стал стягивать свои силы на Ставучанскую позицию и приступил к ее укреплению. К 17 августа Вели-паша сосредоточил на позиции Надобоевцы—Ставучаны все, что только мог, притянув сюда даже почти весь гарнизон Хотина. Общая численность турецко-татарской армии, сосредоточенной у Ставучан, достигла 70—90 тысяч человек. При 70 орудиях. Направив всех татар в тыл русской армии и выделив турецкую кавалерию на фланги своего расположения, Вели-

Сражение при Ставучанах

Условные обозначения:

А — лагерь русских; Б — правое крыло русских, на котором ночью 16 августа были атакованы квартирмейстеры; В — ставка главнокомандующего; Г — донские казаки; Д — укрепленный лагерь турок; Е — правое крыло турок под начальством коменданта Хотина Колчак-паши; Ж — левое крыло турок под начальством Генж-Али-паши; З — татарские орды под начальством Белгородского султана Ислам-Гирея; И — отряд генера-

ла Левендаля, назначенный для демонстрации; К — марш русской армии к переправам через р. Шуланец; Л — мосты на р. Шуланец; М — две бригады русской артиллерии, огнем прикрывающие переправу армии через р. Шуланец; Н — боевой порядок русских после переправы через р. Шуланец; О — новые траншеи и батареи, построенные турками после переправы русских через р. Шуланец; П — правое крыло русских, атакованное турками; Р — атака янычар; С — боевой порядок русских после разбития турок; Т — две бригады русской артиллерии, обстреливающие Генж-Али-пашу; У — бегство сераскира Вели-пашы; Ф — бегство султана Ислам-Гирея и татар

паша собственно для занятия позиции имел не более 20 тысяч войск. Очевидно, что этими силами занять всю позицию, имевшую протяженность в 5 верст, он не мог. Желая, вероятно, непосредственно прикрыть кратчайшую и лучшую дорогу на Хотин, Вели-паша решил занять не всю позицию, а только наиболее сильную западную ее часть, оставив незанятой восточную, откуда отходил путь на Бендеры. Несмотря на природную силу западной части позиции, Вели-паша нашел необходимым еще укрепить ее.

Принять участие в бою со стороны русской армии в этот день могло 40 тысяч регулярных и 8 тысяч нерегулярных войск при 250 полковых и полевых орудиях.

План Миниха в Ставучанском бою заключался в том, чтобы при атаке неприятельского левого фланга «употребить воинскую стратажему... якобы неприятельский ретранжемент атаковать хотели», т. е. план сражения 17 августа состоял в том, чтобы ведя демонстрацию против правого фланга противника, решительный удар нанести на его левый фланг. Для демонстрации был назначен отряд Густава Бирона в составе 9 тысяч человек при 22 полковых пушках и одной бригаде полевой артиллерии.

Рано утром 17 августа отряд Густава Бирона быстро переправился через р. Шуланец, стал на небольшой высоте, в расстоянии около 2 верст от неприятельских батарей, и начал бомбардировку укреплений противника. Турецкая артиллерия, в свою очередь стала обстреливать русский отряд. Артиллерийский огонь с обеих сторон продолжался здесь до полудня.

Все это действительно заставило Вели-пашу предположить, что русские желают атаковать его правый фланг, и он обратил свое внимание исключительно на эту сторону. Войска, занимавшие позицию, стали сосредотачиваться ближе к правому флангу, впереди имевшихся уже батарей и окопов, и с поспешностью начали строить новые.

Около полудня Миних, заметив, что действиями отряда Густава Бирона неприятель вполне введен в заблуждение относительно истинных его намерений, приказал всей армии повернуться направо и двинуться к месту слияния р. Шуланец и ручья, впадавшего в последнюю у д. Долина. В то же время отряд

Густава Бирона переправился обратно за Шуланец и занял в общем построении свои места. Это движение Густава Бирона было принято Вели-пашой за отступление всей русской армии, и им было даже послано в Хотин известие о победе.

Вскоре, однако, туркам открылся истинный смысл движения, предпринятого русскими, и они стали переводить войска на свой левый фланг, где немедленно приступили к возведению трех батарей и окопов.

С целью сдерживать татар и конницу Генж-Али-паши, часть которой появилась уже и на левом берегу р. Шуланец с намерением оказать сопротивление русской армии с фронта, вблизи переправы были расположены, под начальством артиллерии подполковника князя Дадиана, две бригады полевой артиллерии, под прикрытием огня которой и производилась переправа.

Медленно со всеми обозами и тяжелой артиллерией армия в трех каре двигалась, «взяв дирекцию направо». Впереди шел Карл Бирон с правым крылом, прикрываясь огнем артиллерии князя Дадиана. Карл Бирон подошел к реке и, забросав болотистые места фашинами, навел через нее 27 мостов, по которым и перевел беспрепятственно свои полки. Возбравшись на высоты левого берега реки, Карл Бирон во втором часу дня расположился на них в двух верстах от лагеря противника таким образом, чтобы прикрыть переправу от покушений неприятеля, находившегося у него перед фронтом и особенно на правом фланге.

Турки несколько раз пытались атаковать Карла Бирона. Особенно наседали с правого фланга конница. Наиболее энергичное из таких нападений было произведено около трех часов дня. Однако все эти атаки кончились для неприятеля неудачно. В то же время турки торопились занять высоты левого фланга и стягивали туда все свои силы, возводили там из готовых туров батареи, которые, однако, вскоре были сбиты нашей артиллерией. Расположение и действия Карла Бирона вполне обеспечивали переход остальных войск через р. Шуланец.

Перейдя р. Шуланец и построившись в одно общее каре, внутри которого был весь обоз, армия медленно, с постоянными остановками, продвигалась вперед.

В пятом часу дня, когда она проходила мимо д. Ставучаны, турки произвели решительную атаку: с правого фланга стремительно атаковала конница. С фронта — янычары, в числе 12—13 тысяч, направившиеся против центра, где находилась гвардия и бóльшая часть пехоты. Армия остановилась, закинула рогатки и открыла сильный артиллерийский и пехотный огонь.

Противник не выдержал такого огня. Конница отхлынула, вновь перейдя за Ставучанский ручей; янычары, потеряв около 1 тысяч убитыми и ранеными, обратились в беспорядочное бегство.

Опасаясь за свой обоз, Миних вынужден был отказаться от преследования отступавших янычар.

Упорное, настойчивое и неуклонное движение русской армии к намеченной цели, совершающееся притом, несмотря на все попытки врага расстроить его, спокойно и стройно, настолько поражает противника своей мощью, представляется ему чем-то неотразимым и, в конце концов, производит на него такое впечатление ужаса, что неприятельские войска, занимавшие позицию, зажгли свой лагерь и стали быстро уходить по направлению к Хотину. Конница же и татары все еще держались вокруг русской армии, стесняя ее движение. Только в семь часов вечера армия достигла турецкой позиции и заняла неприятельский лагерь.

В это время Генж-Али-паша решился сделать последнюю попытку вырвать победу из рук Миниха. Собрав свою конницу, он приготовился атаковать правый фланг русских войск, но действием двух артиллерийских бригад был обращен в бегство еще до выполнения своего намерения.

Разгром противника был полный. Вся 70-тысячная армия противника рассеяна. Бóльшая часть турок Вели-паши и Генж-Али-паши бежала к Бендерам, увлекши за собой почти весь Хотинский гарнизон. Небольшая часть их бросилась к Пруту и далее за Дунай, татары поспешно уходили к себе в Буджак.

Победителям достались многочисленные трофеи и значительная добыча. Потери русских войск в Ставучанском сражении были относительно ничтожны: убитых — 13, среди

которых один полковник Донского войска, и 54 раненых, между которыми шесть офицеров.

Потери турок были гораздо значительнее, ими было ославлено на поле сражения не менее 1000 трупов.

Хотя Миних еще вечером 17 августа высказывал мысль о необходимости «по получении от Бога дарованной победительной виктории без замедления поступать», чтобы «неприятелю не дать время ободриться», но усталость войск, бывших с раннего утра целый день в действии, темнота, наступившая скоро после окончания боя, помешали Миниху преследовать, хотя бы конницей, разбитого врага.

Ближайшим следствием Ставучанской битвы была сдача 19 августа Миниху без боя Хотина.

За взятием Хотина вскоре последовало занятие Ясс, затем полное подчинение Молдавии, которая 5 сентября 1739 г. присягнула на подданство России. Мечты Миниха, казалось, близки были к полному осуществлению, но поражение Австрии в связи с ее двусмысленным поведением по отношению к России привело к тому, что полученные результаты далеко не соответствовали ни принесенным жертвам, ни военным успехам армии. Однако очевидно, что такая безрезультатность не может умалить ни заслуг и славы армии и ее главнокомандующего, ни того значения, какое она безусловно имела в деле нашей последующей борьбы с Турцией как с точки зрения политической, так и исключительно военной.

Характерной особенностью стратегии Миниха является наступление с постоянным поиском боя; особенностью же тактики является постепенная выработка боевого порядка и действий против турок. При этом, линейный боевой порядок постепенно переходит в боевой порядок, состоящий из нескольких каре, взаимно поддерживающих огнем одно другое, а прежняя пассивная оборона, приобретая малопомалу активный характер, переходит в бой, чисто наступательный.

Миних не порывает с петровскими традициями, он отталкивается от данных Петром национальных начал в военном деле и стремится к основам, выработанным на Западе.

Напротив, необходимо признать, что военная деятельность Миниха не только не шла вразрез с идеями Петра, но сохранила для будущего петровские начала, которые и выказались в первых же значительных военных действиях следующей эпохи на полях Егерсдорфа, Цорндорфа и Куннерсдорфа. Если же заглянуть еще дальше и обратиться к нашим первым, после Миниха, операциям против турок, бывшим в эпоху Екатерины II, то нетрудно будет видеть следы эпохи Миниха в блестящих действиях Румянцева при Рябой Могиле, Ларге, Кагуле и Суворова — при Туртукае, Фокшанах, Рымнике, Измаиле и пр.

Организационно-административные реформы в царствование императрицы Елизаветы

Со вступлением на престол Елизаветы Миних, стоявший 10 лет безраздельно во главе армии, должен был уступить свое место другому; сначала на его место выдвигается Ласси.

В середине 50-х гг. при дворе возвышаются Шуваловы, среди которых особенное значение вскоре возымел граф Петр Иванович Шувалов, весьма умный, образованный и способный человек. По его инициативе в 1754 г. была образована Воинская комиссия «для рассуждения по делам, касающимся до Военной коллегии, а также о всех нерегулярных войсках».

Результаты ее деятельности в 1754 г. были нижеследующими:

В пехоте сформировались гренадерские полки, причем главным мотивом такого возрождения отдельных гренадерских полков послужило то, что в иностранных армиях их не было; затем был сформирован так называемый Обсервационный корпус в составе одного гренадерского и пяти мушкетерских полков. Наконец, для увеличения армии все пехотные полки из 2-батальонных были переформированы в 3-батальонные, причем в каждом полку было 12 мушкетерских и две гренадерские роты.

Исключением являлись полки Обсервационного корпуса, которые были 4-батальонными, в составе 12 мушкетер-

ских и четырех гренадерских рот. Впрочем, нужно заметить, что в поход все полки выступали в 2-батальонном составе.

В коннице было несколько уменьшено число полков. Это было сделано для того, чтобы за счет полученной таким образом экономии улучшить их содержание. Наряду с этим в драгунских полках вновь появились гренадерские роты, что преследовало цель усилить оборонительные и наступательные средства этих полков при действии их в спешенном строю. Но организацию конницы не успели провести до Семилетней войны, а потому конница в поход вступила расстроенной.

Количество полковой артиллерии было уменьшено таким образом, что на каждый батальон пехоты и на каждый полк конницы приходилось теперь по одной пушке. Боевые действия в Семилетнюю войну показали, что такого количества артиллерии недостаточно. Ввиду этого, а также вследствие непригодности Обсервационного корпуса он был обращен в отдельный бомбардирский корпус, в состав которого было назначено 46 гаубиц, составивших 19 парков по 2—3 орудия в каждом.

Крупной реформой в артиллерии в эту эпоху было появление новых орудий. В 1756 г. появились новые полковые орудия — гаубицы, отличавшиеся большей подвижностью, что достигалось уменьшением массы и принятием разборного лафета.

В 1757 г. было введено новое орудие в полевой артиллерии — единорог трех видов: двухпудовый, пудовый и полпудовый (вдвое легче пушек; стреляли более метко и разрывным снарядом).

Артиллерия, входившая в состав армии, делилась на бригады (примерно, по 20 орудий в каждой); бригады, приданные дивизиям и корпусам — на батареи. Все же, однако, указанные бригады и батареи еще не представляли собой отдельных строевых частей в нынешнем смысле этого слова.

В 1757 г. была учреждена первая у нас чисто строевая инженерная часть — инженерный полк, состоявший из двух рот пионеров, двух рот инженеров и двух мастеровых рот.

В военное время инженерные офицеры назначались весьма часто для несения службы в Генеральном штабе. Это яв-

лялось следствием того, что инженеры пользовались особым покровительством графа П. И. Шувалова.

Общий состав армии к началу Семилетней войны был следующий: полевых войск — около 185 тысяч, гарнизонных — около 75 тысяч, ландмилиции — около 28 тысяч и нерегулярных войск тех же категорий, что и в предшествующую эпоху — около 44 тысяч.

Организация высших тактических соединений была прежней, но дивизии приобрели значение территориальных округов; их было всего пять: Московская, Петербургская, Лифляндская, Украинская и Новгородская. В состав дивизии входили все войска, кроме расположенных в Оренбурге и в Сибири.

Управление в военное время получило совершенно новое направление: в 1756 г. была образована Конференция, которая, по мысли ее создателей, должна была направлять и стратегические операции. Наши главнокомандующие признавали такое положение вещей ненормальным, и все с Конференцией, в состав которой к тому же входило много лиц, не имеющих понятия о военном деле, были в натянутых отношениях, что еще более ухудшало положение дел.

Квартирмейстерская часть в эту эпоху приходит в расстройство. Причиной этого является, во-первых, несоответствующее выдвижение инженерных офицеров на эту службу и, во-вторых, сильное развитие адъютантуры, которая заполнялась обыкновенно родственниками и знакомыми и приобрела несоответствующее ей влияние даже на ход военных действий.

Комплектование офицерами производилось как и раньше, но теперь было больше офицеров из Кадетского корпуса.

Вообще в царствование Елизаветы было обращено внимание на поднятие образовательного уровня офицеров. Совершенствуются артиллерийская и инженерная школы, которые соединяются в одну.

Существенных изменений в обмундировании и в вооружении в царствование Елизаветы не последовало. Следует только отметить, что боевой комплект патронов для каждого нижнего чина был увеличен до 100 штук.

Довольствие в военное время ориентировалось на условия, в которых приходилось вести военные действия, и основывалось на организованном подвозе его с хорошо оборудованных баз и на эксплуатации местных средств. В связи с этим количество обозов уменьшилось.

До 1755 г. единственным руководством для подготовки войск к строевой и полевой службе был устав 1716 г. Это зависело от двух причин: 1) другого не было, и 2) этого требовало направление, которое создавалось в зависимости от повеления государыни: «Экзерциции и барабанному бою быть как при Петре». Воинская комиссия 1754 г. создала новые уставы.

Пехотный устав 1754 г. имел три главные особенности: во-первых, в нем не заключалось положений о полевой и гарнизонной службе. Последствием этого был произвол в несении этих отраслей службы, умаление их значения и упадок, что крайне тяжело отражалось на войсках в военное время. Во-вторых, одиночное обучение в уставе не было отделено от совокупного, что влекло за собой потерю значения одиночной подготовки, а значит, и ее понижения. В-третьих, устав 1754 г. давал массу форм и видов строя, сложные правила для их построения, массу мелочей, не поддающихся разучиванию, — вообще дух устава противоречил высказанной в нем же истине, что «всякий тот способ (построения и стрельбы), которым неприятеля победить можно, за наилучший почитается». Причиной такого противоречия является недоверие вдохновителей и составителей устава к тем, кто должен был его применять.

Основным строем пехоты, по уставу, являлся строй развернутый, 4-шереножный. В ружейные приемы было введено «метание артикулов по флигельману», «прихлопывание по суме» и «пристукивание крепко» по ружью. Кроме того, ружейные приемы были крайне сложны; например, зарядание производилось в 12 темпов, составлявшихся из 17 приемов.

В перестроение развернутого строя была введена новинка — колонны:

1) ротная — для отбития атаки кавалерии, в сущности ротные каре;

2) взводная — для походных движений;

3) батальонные колонны для прорыва тонких линий неприятеля; эти колонны не строились из частей, больших батальона; если же это нужно было, то батальон становился за батальоном на 12 шагов дистанции;

4) кроме того, устав предусматривал четыре каре: одно — батальонное и три полковых. Такие каре различались между собой формой. Правила построения каре были крайне сложны и мелочны. Стрельбы одиночной по-прежнему нет.

В общем, все виды строев, все правила стрельбы указывают на увлечение стрельбой и на малое уважение к штыку.

Таким образом, пехотный устав 1755 г. уклонился от идей Петра. Он является поворотным пунктом в сторону западных увлечений от наших самобытных петровских начал.

Конница 1755 г. также получила новый устав, причем нельзя не сказать, что он правильно определяет главные боевые свойства конницы: быстроту и силу удара холодным оружием; отсюда вытекают и требования устава — обучение совершенной верховой езде и владению холодным оружием. Требования относительно верховой езды были весьма разумны: крепко сидеть и искусно управлять лошастью, а средством для этого рекомендовались полевые поездки; для обучения действию холодным оружием устав указывал на рубку чучел.

В общем, устав конницы 1755 г. делает громадный шаг вперед по сравнению с уставом 1733 г. и в этом отношении более отвечает идеям Петра.

Изменения в материальной части артиллерии, ее составе и организации и, что самое главное, в условиях ведения боя делали устав артиллерии 1730 г. несоответствующим. Требовался новый, но его разработать не успели, а потому появилось как бы дополнение к старому — «Наставление для действия артиллерии в бою». Это «Наставление» было издано в 1759 г., и таким образом при его составлении использован опыт кампании 1757 и 1758 г.

Основные положения «Наставления» следующие:

а) подавляющее количество артиллерии должно назначаться в боевую часть и небольшое число орудий — в резерв;

б) дистанция для стрельбы: для орудия большого калибра — с 750 сажений, малого калибра и полковых пушек — с 400 сажений.

По приближении противника на 250 сажений орудия большого калибра переходили на картечный огонь; по мере дальнейшего приближения противника и другие орудия переходили постепенно на этот огонь (полковые пушки с 70 сажений).

Орудия второй линии располагались между линиями и стреляли или через головы, чтобы своих не повредить и обстреливать противника, или вдоль линии против неприятеля, ворвавшегося между линиями с флангов.

Устава полевой службы не было, а потому она неслась лишь по традициям; значения ей не придавали, а потому, очевидно, выполнялась она неудовлетворительно.

В частности, походные движения в начале Семилетней войны производились в боевом порядке и лишь потом — отдельными колоннами, между которыми поддерживалась тесная связь. Впереди походного порядка шла легкая конница, потом — сильный общий авангард и независимо от него перед каждой колонной частные авангарды. Неподвижное сторожевое охранение дополняется подвижным посредством легкой конницы. Вдали от неприятеля сторожевую службу несла исключительно конница.

Разведку требовалось выдвигать возможно дальше вперед. Важнейшей задачей разведки являлся сбор верных сведений о неприятеле; отсюда вытекали и способы действия, а именно: «отнюдь не скоро ретироваться».

Располагались на месте войска преимущественно биваком; при расположении на квартирах требовалось обеспечивать их естественными преградами и принятие мер для быстрого сбора.

Боевой порядок — в три линии, причем третья — резерв; между 1-й и 2-й линиями тоже ставились небольшие резервы. Дистанция между линиями, в зависимости от местности, была установлена в 300—500 шагов.

Полки строились в боевом порядке на назначенном им месте в развернутом строю.

Полковая артиллерия располагалась впереди своих полков; полевая — впереди фронта и на флангах, причем окончательно места выбирают для нее бригадные генералы пехотных дивизий.

Конница в боевом порядке ставилась на флангах и между линиями. Иногда конница образовывала сильный маневренный уступ за флангом для парирования обхода.

Войска в боевом порядке располагались не равномерно, а в зависимости от значения различных участков и вероятных действий противника; все применялись к местности. Боевой порядок допускал возможность оказать поддержку не атакованными войсками, а это обстоятельство и резервы устраняли недостаток гибкости и невозможность взаимной выручки в линейном боевом порядке.

В общем, в эпоху императрицы Елизаветы мы в вопросах военного дела ничего не потеряли, но зато и мало приобрели. Таким образом, действия в Семилетнюю войну — это результаты подготовки в предшествовавшую эпоху.

Участие русских войск в Семилетней войне

Причины войны и события до 1759 г. ♦ Кампания 1759 г. до Куннерсдорфского сражения ♦ Куннерсдорфское сражение ♦ Действие русской армии в 1760 и 1761 гг.

Причины войны и события до 1759 г. Стремление Фридриха II покончить с тяжелым политическим положением своего молодого королевства, обусловленным, с одной стороны, чересполосностью и беззащитностью его, а с другой — бедностью государства в экономическом отношении, привело к так называемой Силезской войне с Австрией (1740—1748), в результате которой Пруссия приобрела Силезию и графство Глац. Такое положение вещей противоречило интересам России.

Вследствие этого решено было «сократить силы скоропостижного короля прусского», и для этого был заключен союзный договор с Австрией, по которому Россия и Австрия взаимно обязывались вести наступательную войну против Фридриха II (каждая из сторон обязывалась выставить 80 тысяч

человек). Целью войны ставилось: возвращение Австрии Силезии и Глаца и присоединение к России Пруссии с правом обменять ее Польше на Курляндию и Семигалию и с исправлением западной границы.

Главкомандующим нашей армией для действия против Пруссии в 1756 г. был назначен Апраксин, которому 5 октября была дана инструкция, обязывавшая его двинуться к прусским границам.

Пререкания Апраксина с Конференцией по поводу данной ему инструкции и навязываемых ему планов кампании, а также значительные затруднения, которые встретил Апраксин при приведении армии в полную готовность для заграничного далекого похода, привели к тому, что русская армия только весной 1757 г. могла открыть кампанию. Армия Апраксина, силой около 90—100 тысяч человек, имела главной целью «наступать всеми колоннами в Пруссию и прочие начать операции, имея главным предметом г. Кенигсберг».

Только в начале мая главные силы русской армии начали сосредотачиваться в Ковне, а отдельный корпус Фермора двинулся против Мемеля (связь с флотом). 25 июня Мемель был взят, после чего русская армия двумя группами (от Мемеля и от Ковны) направилась к Кенигсбергу.

Оборону Восточной Пруссии Фридрих поручил Левальду с 30 тысячами человек.

Операции обеих сторон в 1757 г. в результате привели 19 августа к случайному для нас сражению у Грос-Егерсдорфа. Несмотря на то что это сражение было для нас случайным, пруссаки потерпели здесь полное поражение и принуждены были отступить.

С. О. Апраксин

Сражение при Цорндорфе

Однако неудовлетворительная организация доставки продовольствия, неустройство тыла в пределах Восточной Пруссии и усилившаяся болезнь заставили Апраксина, по единогласному решению военного совета, собранного им 27 августа, сначала отступить к Тильзиту, а затем отойти к Мемелю, откуда разойтись на зимние квартиры в Курляндию и Литву.

Еще во время движения армии от Тильзита к Мемелю в октябре 1757 г. фельдмаршал Апраксин был отрешен от должности, предан суду за неудачный исход кампании 1757 г. и заменен графом Фермором.

31 декабря 1757 г. русские войска начали наступление, и уже 11 января Фермор занял без боя Кенигсберг, а затем всю Восточную Пруссию, которая была обращена в русское генерал-губернаторство во главе с Фермором.

1 июля армия выступила из Познани по направлению к Франкфурту, и 4 августа русские войска подошли к Кюстрину и в этот же день приступили к бомбардированию крепости.

Фридрих Великий, видя опасность в сосредоточении на Нижней Варте, в 100 верстах от Берлина, русской армии, решил действовать против нее энергично. 10 августа Фридрих соединился под Кюстрином с отрядом графа Дона и 14 августа атаковал русских под Цорндорфом. В результате этого сражения обе армии разбились друг о друга: Фридриху не удалось нанести сколько-нибудь решительного поражения русской армии, которая сохранила за собой поле сражения. Правда, к концу боя русская армия была отрезана от пути отступления, но Фридрих за истощением своих войск не мог воспользоваться этим.

В сентябре решено было перенести действия в Померанию. Здесь Фермор в конце октября получил приказание Конференции кончить кампанию и отойти на зимние квартиры на правый берег Вислы, что и было исполнено к 15 ноября.

Таким образом, летняя компания 1758 г. была для России совершенно безрезультатна. Тем не менее Восточная Пруссия по-прежнему оставалась в наших руках и русская армия занимала очень выгодное стратегическое положение, позволявшее развить энергичные действия против Пруссии.

К сожалению, влияние австрийской дипломатии, проявлявшееся отчасти и раньше, стало больше тяготеть над стратегическими операциями русской армии, направляя их исключительно только к выгоде Австрии и совершенно не считаясь с интересами России вообще и русской армии в частности. Ближайшим же следствием этого явилась крайняя зависимость русских от австрийских дипломатов и главнокомандующих.

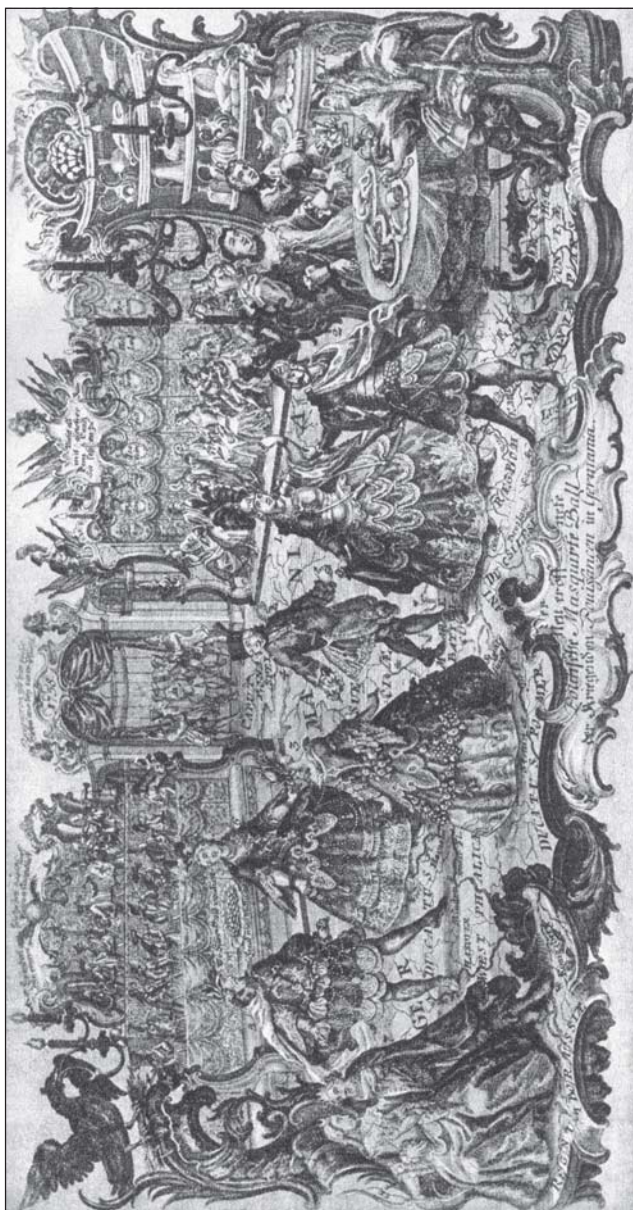
Кампания 1759 г. до Куннерсдорфского сражения. К началу 1759 г. общее положение на театре войны было следующее: союзные армии располагались: 125 тысяч французов — на Рейне и Майне, 45 тысяч имперцев — во Франконии, 155 тысяч австрийцев — вдоль границы Богемии, 16 тысяч шведов — у Штральзунда и 50 тысяч русских — на Нижней Висле. У Фридриха вместе с гарнизонами крепостей было около 220 тысяч, из которых только 23 тысячи графа Дауна — на северо-восточном фронте против русских. Сам Фридрих был в Силезии.

Такое положение вещей, в связи с истощением материальных средств в Пруссии, вынуждало Фридриха в 1759 г. отказаться от решительных операций и прибегнуть к маневрам и другим вспомогательным средствам и способам для продолжения борьбы.

Отсутствие единства и общности интересов у союзников препятствовало и им действовать энергично.

Русская армия оставив на Нижней Висле 10 тысяч человек, должна была двинуться от Познани к Одеру и здесь, где-нибудь между Франкфуртом и Бреславлем, соединиться с австрийской армией. Дальнейшие действия планом кампании не намечались, и план только указывал, что они должны будут вестись в зависимости от обстановки; где именно должно произойти соединение союзных армий, какова основная цель дальнейших, после соединения армий, операций, — все это не было сообщено русскому главнокомандующему.

В сущности говоря, русская действующая армия представлялась в распоряжение Австрии, хотя ее главнокомандующий не подчинялся австрийскому главнокомандующему.

Аллегорическое изображение Семилетней войны

При таких условиях положение главнокомандующего русской армией нельзя не признать в высшей степени тяжелым: с одной стороны, он должен был вести операции, попирая основные требования военного дела, а с другой — вести их вопреки интересам России.

Положение Фридриха в Силезии давало ему все выгоды помешать соединению русских с австрийцами и разбить их по частям; союзникам необходимо было при помощи маневрирования избежать отдельного поражения.

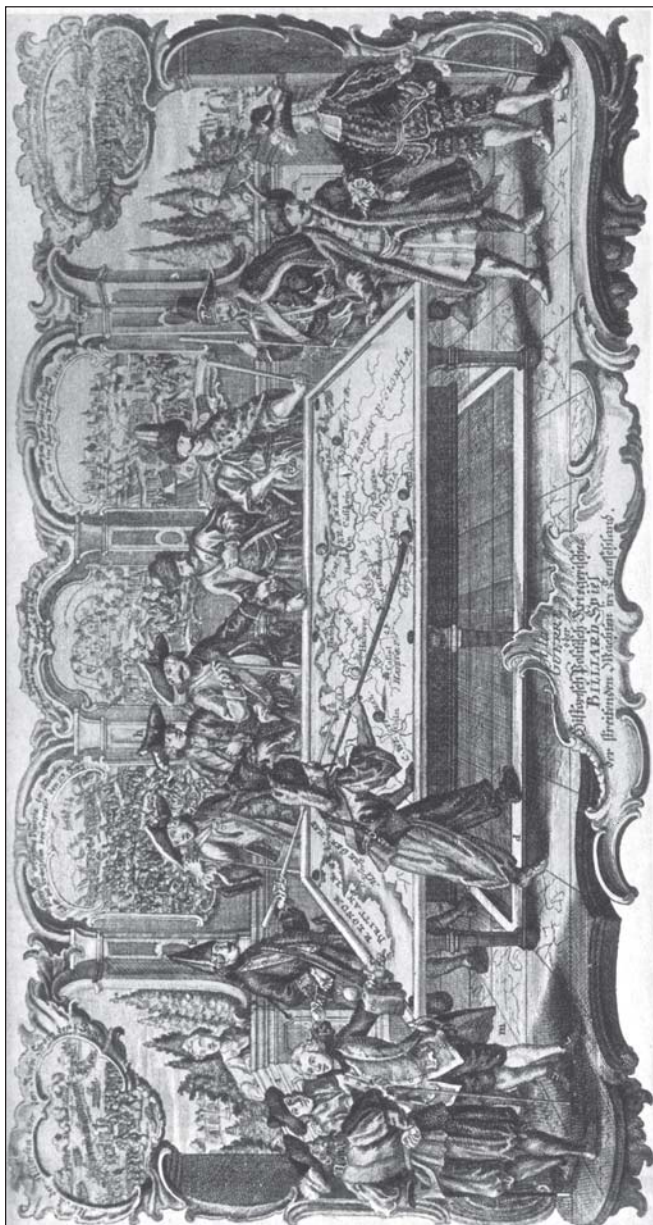
В мае 1759 г. Фермор с 60 тысячами человек несколькими колоннами двинулся от Нижней Вислы к Средней Варте. Далеко впереди армии двигалась конница, составлявшая непроницаемую завесу. В середине июня войска наши сосредоточились в Познани.

Между тем в Петербурге были крайне недовольны нераспорядительностью Фермора по снабжению армии некоторыми предметами довольствия, и в мае последовало назначение главнокомандующим графа Петра Семеновича Салтыкова.

19 июня Салтыков прибыл в Познань и здесь принял от Фермора армию, которая насчитывала в своих рядах не более 40 тысяч человек. Граф Фермор остался при армии в качестве начальника дивизии. В Познани граф Салтыков условился с австрийским главнокомандующим Дауном соединиться с ним 7—8 июля или у Кроссена, или у Королата.

Ко времени прибытия к русской армии нового главнокомандующего пруссаки под начальством графа Дауна, перешли в наступление от Ландсберга. Тогда 27 июня Салтыков переходит в наступление против пруссаков, направив объединенную в руках молодого генерала графа Тотлебена нерегулярную конницу на сообщения пруссаков. Но Даун решительно уклонился от боя. Наша армия двинулась за отступившим неприятелем, и 9 июля Салтыков достиг Гольцына. Узнав о движении Салтыкова, Даун быстро перешел к Цюлихау, который успел захватить 10 июля, раньше прибытия туда русских, и таким образом занял разобщающее положение относительно союзников.

При таких условиях Салтыкову приходилось или атаковать пруссаков на позиции у Цюлихау, или двинуться мимо Цюли-

Аллегорическое изображение Семилетней войны

хау на Пальциг к Кроссену. Зная, что позиция у Цюлихау очень сильна, и что у Веделя, сменившего Дона и получившего инструкцию во что бы то ни стало мешать соединению русских с австрийцами, имеется около 60 тысяч человек, Салтыков решил двинуться мимо Цюлихау на Пальциг к Кроссену.

К 12 часам 12 июля Салтыков занял Пальциг, и в этот день на позиции впереди него Ведель атаковал русскую армию, но неудачно — корпус Веделя, после упорного боя в течение целого дня, был рассеян.

После Пальцигского боя Салтыков, простояв несколько дней на поле сражения, 17 июля передвинулся к Кроссену. Прибыв в Кроссен, Салтыков не нашел здесь австрийцев, и так как план кампании, составленный Конференцией совместно с дипломатами Венского двора, доводил нашу армию только до р. Одер, то Салтыкову теперь приходилось самостоятельно, под собственную ответственность, решать вопрос о том, что делать дальше.

Убедившись в полной пассивности Дауна и видя, что путь к Берлину открыт, русский главнокомандующий решился возможно скорее захватить Франкфурт и угрожать Берлину.

20 июля наш авангард, под начальством Вильбуа, занял Франкфурт. На следующий день, 21 июля, прибыл сюда Лаудон с корпусом в 20 тысяч человек при 48 орудиях. 22 июля к Франкфурту прибыл Салтыков со всеми русскими силами.

Прибыв во Франкфурт, Салтыков подчиняет себе Лаудона и таким образом сосредотачивает под своим начальством около 55 тысяч человек, из которых 35 тысяч русских.

Угрожающее положение относительно Берлина, занятое Салтыковым, вызвало у Фридриха серьезное опасение за его столицу и вынудило его принять решительные меры для ее спасения. Ввиду этого Фридрих с армией в 38 тысяч человек форсированным маршем направился к Мильрозену с целью, переправившись через р. Одер выше Франкфурта, атаковать Салтыкова. Даун по-прежнему действует весьма вяло, не торопится соединиться с русскими и предъявляет Салтыкову настойчивое требование, чтобы вся русская армия присоединилась к нему, для чего Салтыкову отступить к Кроссену как к пункту, уже раньше намеченному для соединения.

Весьма неохотно Салтыков согласился на предложение Дауна и решил 31 июля начать обратное движение от Куннерсдорфа к Кроссену. Между тем уже 30 июля наши разъезды обнаружили начало переправы Фридриха на правый берег Одера у Герица.

Не признавая русскую армию способной к наступательному бою против Фридриха, Салтыков решился принять бой на позиции, образуемой высотами между Франкфуртом и Куннерсдорфом.

Куннерсдорфское сражение. Высоты, образующие Куннерсдорфскую позицию, представляли собой отдельный хребет, от предместья Франкфурта до д. Куннерсдорф. Скаты к Одеру очень круты; с противоположной стороны к склонам хребта прилегают холмы, перерезанные оврагами. Сам хребет также перерезывается оврагами с крутыми берегами, отделявшими три отдельные возвышенности. Самая западная из них — ближайшая к Франкфурту, Жидовская гора — превалировала над местностью и отделялась Лаудоновым оврагом от средней, Большого Шпица; эта последняя, в свою очередь, отделялась оврагом Кунгрунд от самой восточной высоты, Мюльберга, имевшей наименьшую высоту и обстреливаемой даже с впереди лежащих Третинских высот. Оба оврага были крайне затруднительны для свободного движения войск, в особенности для артиллерии и для атак конницы. Около деревни Куннерсдорф к Кунгрунду подходит с юга, от Франкфуртского леса, другой овраг, проходимый только в некоторых пунктах между значительными прудами.

Между этим последним оврагом и р. Гюнер, протекающей восточнее позиции, местность прерывается балкой Бекер, отделяющей, восточнее Мюльберга, отдельную высоту — Малый Шпиц. В общем, Куннерсдорфская позиция имела следующие особенности: фронт был доступен для атаки, но войска наступающего разъединялись оврагами. Левый фланг на Мюльберге был весьма слаб по естественным, указанным выше свойствам местности и к тому же оврагами отделялся от войск правого фланга. Путем отступления могла служить только дорога, проходящая на Франкфурт по мостам, откуда можно было следовать на соединение с Дауном

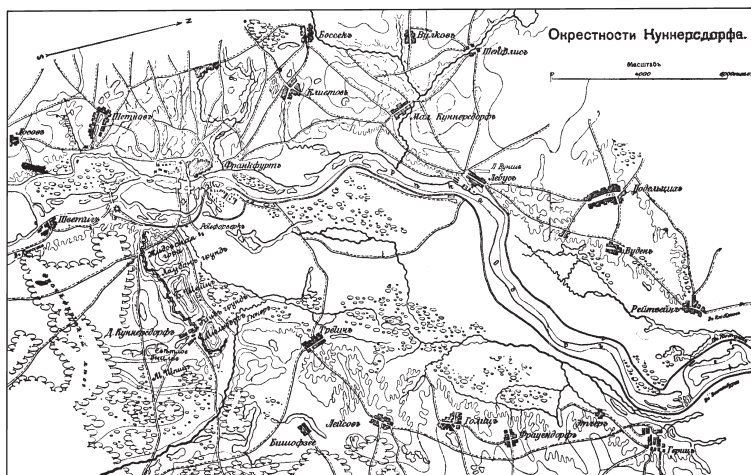
по левому берегу Одера, а если бы неприятель завладел Жидовской горой, то русская армия попала бы в критическое положение.

Таким образом, особое значение приобретала Жидовская гора; с ее потерей русская армия лишалась всяких средств для дальнейшей борьбы. Переход в руки неприятеля Мюльберга и даже Большого Шпица не мог иметь решающего влияния на исход боя. Участь сражения зависела от удержания в руках союзников Жидовской горы; полная же победа могла быть ими достигнута в том лишь случае, если бы они сумели воспользоваться высотами Мюльберга и Большого Шпица, дабы заставить атакующего потратить на их атаку силы и расстроить себя до решительного штурма Жидовской горы в такой мере, чтобы оставшиеся войска обороняющегося не только могли удержать за собой Жидовскую гору, но, опираясь на нее, перейти в решающее наступление.

Одновременно с занятием позиции граф Салтыков, ожидая обхода короля с юго-востока и вполне правильно оценивая местные условия на позиции и относительное значение ее отдельных частей, приказал немедленно приступить к усиленным инженерным работам. При этом главное внимание главнокомандующего было обращено на усиление окопами не левого фланга (горы Мюльберг), ближайшего к неприятелю, а правого и центра: Жидовской горы и Большого Шпица.

На Жидовской горе было возведено пять батарей, из которых наиболее сильная, по числу орудий, предназначалась для обстреливания пространства южнее Куннерсдорфа, а остальные должны были обстреливать неприятеля фронтальным и фланговым огнем при дебушировании его из Франкфуртского леса.

На Большом Шпице была установлена другая, весьма сильная, батарея, которая, как и большая батарея на Жидовской горе, выдавалась на фронте позиции несколько вперед, что придавало линиям русских укреплений вид бастионного фронта правильной формы, причем батареи составляли как бы бастионы, обстреливавшие переходы через

Окрестности Куннерсдорфа

пруды у Куннерсдорфа, и развертывание войск южнее них, а окопы между ними — длинную куртину, из-за которой пехота с удобством могла обстреливать доступы к Куннерсдорфским высотам с фронта.

На Мюльберге были построены четыре относительно слабые батареи, которые предназначались для обстреливания неприятеля, наступающего со стороны Третинских высот, расположенных к востоку от позиции, и траншеи, прикрывавшие доступ со стороны Малого Шпица. Все укрепления соединялись между собой непрерывными окопами, но профиль их не препятствовал действию поверх бруствера даже полковой артиллерии.

Кроме двух мостов у Франкфурта (около предместья) и одного моста, ведущего к Шетноу, где располагался вагенбург, были построены еще два — за Жидовской горой.

К рассвету 1 августа русские войска расположились на укрепленной позиции у Куннерсдорфа в следующем порядке. Правый фланг позиции, на Жидовской горе, под начальством генерала Фермора заняли девять русских полков. Центр позиции, между Лаудоновым оврагом и Кунгрундом,

был занят 17 полками русской пехоты, под начальством Вильбуа и графа Румянцева.

Левый фланг позиции (гора Мюльберг) был занят только пятью полками Обсервационного корпуса, под начальством князя Голицина. Редут и окопы, прикрывающие мост впереди правого фланга позиции, были заняты тремя полками кроат.

Для прикрытия обоза (русского и австрийского), построенного двумя вагенбургам южнее Шетнова, были назначены два полка. В городе Франкфурте оставлены только залого, в составе пяти офицеров и 260 нижних чинов.

Шесть австрийских полков расположились на Жидовской горе за русскими полками. Эти полки, вместе со всей союзной конницей, в числе 71 эскадрона, составляли как бы общий резерв армии.

Фридрих с армией в 48 тысяч человек, переправившись в ночь на 31 июля у Лебуса, направился к Герицу, а оттуда двинулся к Третину и Бишофзее, куда и прибыл к двум часам того же дня.

Кунерсдорфское сражение 1 августа 1759 г.

В половине третьего утра 1 августа главные силы Фридриха II, построенные в две линии, имея конницу Зейдлица впереди 1-й линии, двинулись к Бишофзее и далее — к пунктам, назначенным для переправы через болотистую р. Гюнер.

Русская легкая конница тотчас заметила переход пруссаков в наступление и, согласно приказанию графа Салтыкова, уничтожив мост между озерами южнее Куннерсдорфа, отступила за правый фланг боевой линии.

Около девяти часов утра две сильные прусские батареи открыли огонь с Третинских высот. Несколько позднее неприятельская артиллерия выехала на позицию на Малый Шпиц и около прудов, южнее Куннерсдорфа; в этих же двух направлениях показались маневрирующие прусские войска. Русская артиллерия со своей стороны тотчас же ответила сильным огнем, и в десять часов утра артиллерийская канонада была уже в полном разгаре.

Зорко следя за маневрами Фридриха, граф Салтыков пришел к заключению, что король «в одно время против нашего правого и левого крыла атаку начнет», и решил заставить противника атаковать свой левый фланг и тем возможно дольше удерживать свой правый фланг, дабы впоследствии иметь возможность, опираясь на него и сохраняя свободу действий, оперировать в зависимости от хода боя и «предприятий» противника. Для лучшего выполнения этой задачи, кроме уничтожения моста между озерами южнее Куннерсдорфа, Салтыков приказал зажечь эту деревню и тем уменьшить неприятелю удобство развертывания сил против центра и правого фланга позиции. В двенадцатом часу дня неприятель явно обнаружил направление своей атаки на Мюльберг. Несмотря на критическое положение Обсервационного корпуса главнокомандующий не усилил свой левый фланг ни одним человеком, но зато им были приняты меры к устройству возможно сильной обороны центра, Большого Шпица за Кунгрундом, на случай атаки со стороны Мюльберга. Для этого, еще до атаки последнего, два полка и все гренадерские роты корпуса Лаудона были переведены на Большой Шпиц и поставлены здесь в частном резерве за центром первой линии. Кроме того, Салтыков изменил группировку кон-

ницы: 1) 15 эскадронов русских конногренадер и драгун стали у подошвы высот, около Кунггрунда; 2) 13 эскадронов кирасир с легкой конницей Тотлебена поместились за крайним правым флангом; 3) девять эскадронов кирасир с чугуевскими казаками поставлены в Лаудоновом овраге; 4) два гусарских австрийских полка продвинулись между 1-й и 2-й линиями на Жидовской горе, составив как бы частный резерв 1-й линии; 5) два полка австрийских гусар поднялись на Большой Шпиц, за 2-ю линию русской пехоты; 6) в общем резерве у Ротефорверка оставались три гусарских полка.

В половине двенадцатого дня прусская пехота и конница, сосредоточившись в трех группах около Малого Шпица, Бишофзее и Третина, начали спускаться с высот и направились против фронта и левого фланга войск князя Голицына.

Первый удар пруссаки направили на гренадерский полк Обсервационного корпуса, атакуя его сначала с фланга, а затем с фронта войсками, успевшими подойти со стороны Третина. Шуваловские гренадеры не выдержали стремительного натиска многочисленного противника и в полном беспорядке бросились с Мюльберга к болотистому берегу Одера, увлекая за собой и прочие полки Обсервационного корпуса, которые, переменяя фронт и образовав две линии, могли задержать неприятеля лишь на самое короткое время.

С занятием Мюльберга королем были достигнуты немаловажные результаты: силы обеих армий почти уравновесивались — русская армия сразу уменьшилась в своем составе на 15 батальонов и 42 орудия; нравственный дух прусских войск от этого первого блестящего успеха поднимался; после занятия Мюльберга Фридрих II получил возможность продольным огнем обстреливать русскую армию именно в то время, когда последней, столь мало способной к маневрированию, предстояло под выстрелами, по частям, переменять фронт налево; когда ей приходилось под тем же огнем массировать войска на тесной площадке Большого Шпица, вследствие чего ни один выстрел противника не пропал даром; наконец, присутствие прусской конницы и батарей на Малом Шпице обязывало русских беречь и свой фронт, т. е. готовиться к бою на два фронта. К счастью, теснота на Мюль-

береге не дала возможности прусским батареям развернуться на этой горе в значительном числе, но тем не менее огонь ставшей там артиллерии был так действен, что на Большом Шпице «места почти не было, где бы пушки его [неприятеля] не вредили, отчего многие у нас ящики подорваны и у пушек лафеты повреждены».

Успешная атака Фридриха II на Мюльберг убедила графа Салтыкова в том, что неприятель «до самого нашего правого крыла и до реки Одера пробиваться будет», а потому он нашел нужным «употребить сильные против него способы». Главнокомандующий приказал генералу Панину переменить фронт налево крайними полками обеих линий и усилил их гренадерскими ротами корпуса Лаудона. Общее начальство над этими войсками было поручено генералу Брюсу, которому приказано поддержать князя Голицына. Узкий хребет не позволял вытянуть в одну линию более двух полков, а поэтому следующие полки 2-й линии получили приказание образовать новые линии позади Брюса. Таким образом, образовалось шесть линий, выстроившихся поперек бывшего фронта позиции.

Генерал Брюс не только двинулся на поддержку Голицына, но и произвел контратаку, однако безуспешно: Мюльберг обратно не был взят, тем не менее дальнейшее наступление Фридриха II было задержано. Эта задержка имела чрезвычайно важное значение для дальнейшего хода боя, так как с потерей на Большом Шпице сильной батареи, защищаемой графом Румянцевым, едва ли русские могли бы удержаться на центральном участке своей позиции.

Сосредоточение остатков корпуса Голицына у западного подножия Мюльберга, сосредоточение там же русских конногренадер указали пруссакам, что болота Одера не так непроходимы, как предполагали. Вследствие этого прусские войска, бывшие у Третина, решили атаковать в тыл участок нашей позиции, где первоначально располагалась 2-я линия войск, занимавших Большой Шпиц.

Одновременно с атакой со стороны Третина Фридрих II решил форсировать переход через Кунгрунд. Для этого им выдвинута была на край оврага сильная батарея для фрон-

тального и вместе с тем продольного обстреливания Большого Шпица; пехота же была выстроена на Мюльберг линия за линией, так что «толстот ее и густот конца видеть нельзя было». Наконец, особая колонна готовилась к атаке со стороны Куннерсдорфа. В это же время конница Зейдлица приготавливалась атаковать центр нашего расположения со стороны прудов, лежащих южнее Куннерсдорфа.

Сначала неприятельская батарея выехала на одну очень удобную высоту на правом берегу р. Гюнер и открыла огонь по нестройной толпе шуваловцев, которая быстро стала отходить к Ротефорверку. Тогда войска обходной колонны перешли р. Гюнер, благополучно прошли по лежащему на их пути болотистому участку, подошли к Кунгрунду и бросились на высоты в двух направлениях: пехота — правее, а конница — левее, ближе к оврагу. Правая прусская атака встретила блестящий отпор пяти полков пехоты (три из второй линии центра и два прибыли с Жидовской горы), шуваловских гаубиц и австрийской артиллерии. Общими усилиями этих войск правая колонна пруссаков (пехота), осыпаемая градом ружейных пуль, а также картечью с фронта и фланга, с громадными потерями, в полном беспорядке, бесповоротно отброшена назад.

Левая атака пруссаков у Кунгрунда, т. е. атака конницы принца Вюртенбергского, сперва была успешна. Неудержимо бросились прусские латники на фланг ближайшего к ним пехотного полка, сбили его и затем вынеслись на площадь Большого Шпица; вместе с ними с фронта, через овраг Кунгрунд, бросились и войска, находившиеся на Мюльберге, а со стороны Куннерсдорфа показались войска атакующего. В эту критическую для союзников минуту граф Румянцев и Лаудон бросаются с тремя слабыми полками конницы на прусских кирасир и опрокидывают последних с высот.

Атака короля на Кунгрунд с фронта сначала также была удачна: его войска успели уже взобраться на Большой Шпиц, но не могли продвинуться даже до места, занятого полком, составлявшим крайнее прикрытие слева укрепления этой горы, переход которого в руки неприятеля так решительно повлиял бы на ход сражения. Наши гаубицы успели занять выгодную

позицию и с большим успехом расстреливали густые массы прусских войск на Мюльберге, а три полка, пришедшие с Жидовской горы, задержали наступление противника.

Таким образом, маневры короля не дали благоприятных результатов, и Фридрих вынужден был вести простой фронтальный бой, сбивать шаг за шагом русские войска, прибывавшие все в больших и больших силах с Жидовской горы.

При этих условиях весьма понятно, что атака конницы Зейдлица во фланг русской пехоты, столпившейся на Большом Шпице, была единственным средством в руках короля для одержания победы. Но теперь, когда укрепления Большого Шпица были удержаны, атака эта для Салтыкова не была опасна, и он вправе был сказать, что теперь «можно уже было баталию почитать одержанною».

Зейдлиц отлично понимал создавшееся положение дел и долго не решался атаковать; лишь уступая настойчивым требованиям короля, он двинул свою конницу.

Поле для атаки прусской конницы западнее прудов у Куннерсдорфа было вполне удобно: переход через пруды, развертывание и разбег хотя и были под артиллерийским огнем, но при тогдашней действенности последнего это была относительно легко разрешимая задача для образцовой кавалерии. Ей оставалось только довершить сильный удар на окопы, занятые нерасстроенной пехотой, под личным начальством Румянцева. Что и являлось труднейшей задачей.

Зейдлиц перевел всю свою конницу через пруды восточнее Куннерсдорфа, развернул ее на глазах у русских и затем бросился на окопы Большого Шпица. Атака Зейдлица «под сильным пушечным огнем с наших батарей» была моментально отбита с большим уроном.

В трех местах, выйдя с неудобной для ее действия позиции, союзная конница устремилась за расстроенной прусской кавалерией. Регулярная кавалерия отыскала себе выход со стороны Лаудонова оврага, а бывшая на правом фланге — около Франкфуртского леса. Уже после того, как Зейдлиц успел укрыться за прудами, почти вся конница союзников выстроилась в следующем порядке: австрийские гусары — впереди и левее батареи на Большом Шпице; под прямым

же к ним углом — русская регулярная конница в две линии. Общее начальство над этими частями принял Лаудон, позади него сосредоточилась конница графа Тотлебена.

Воспользовавшись тем, что атака Зейдлица была отбита, четыре русских полка, под начальством бригадира Берга, стремительно перешли в наступление против пруссаков, успевших утвердиться на восточной оконечности Большого Шпица. Поддержанный еще четырьмя полками, бригадир Берг заставил противника отступить за Кунгруд и навел панический ужас на толпы пруссаков, которые занимали Мюльберг и к тому же несли громадные потери от губительного огня русской артиллерии, в особенности шуваловских гаубиц, удачно поставленных Бороздиным.

При таких условиях прусская пехота, конечно, не могла оказать никакого сопротивления наступавшим русским войскам, в самое непродолжительное время штыками очистившим Мюльберг и прочно утвердившимся на прежней позиции.

Фридрих, видя паническое бегство своей пехоты, решил сделать последнее отчаянное усилие и пустить в дело конницу Зейдлица и несколько эскадронов лейб-кирасир.

Русская конница с тремя австрийскими полками отошла к Франкфуртскому лесу. Зейдлиц вторично перевел свою конницу через пруды и снова бросился на окопы. Но атака была доведена только на половину пушечного выстрела от ретраншемента: огнем артиллерии и атаккой союзной конницы слева Зейдлиц вторично был отброшен назад. Желая хотя бы немного задержать наступление русских, Фридрих приказывает двум эскадронам лейб-кирасир атаковать головные полки контратаки русских, но «слабость в неприятеле уже так велика была, что одних чугуевских казаков довольно было сии два эскадрона истребить. Посему неприятельская армия в совершенное бегство обратилась». К семи часам вечера поражение прусской армии было полное, однако и победители, ведшие бой в необычных для них условиях в течение целого дня, пришли в сильное расстройство. Это и было причиной того, что победа не была завершена энергичным преследованием.

Только австрийская конница и главным образом не бывшая в деле легкая конница графа Тотлебена была в готовно-

сти для преследования. Генерал Лаудон двинулся за разбитой им конницей Зейдлица на юг, а граф Тотлебен — на Бишофзее к Герицу, т. е. в самом важном направлении.

Преследование союзной кавалерии прекратилось на крайних границах поля сражения, и энергичного преследования вне поля сражения не было ведено совсем ни Тотлебенем, ни Лаудоном.

Вся союзная армия заночевала на поле сражения, разбросанная от Мюльберга до Жидовской горы на пространстве до 5 верст.

В первой, наскоро составленной реляции главнокомандующий засвидетельствовал, что «если найдется где победа ее славнее и совершеннее, то, однако, ревность и искусство генералов и офицеров и мужество, храбрость, послушание и единодушие солдатства должны навсегда примером остаться».

Но эта блестящая победа стоила нам громадных жертв. Союзники потеряли 15 тысяч (13 тысяч русских и 2 тысячи австрийцев), т. е. 25 %, а пруссаки — 17 тысяч, т. е. 34 %.

Трофеями Куннерсдорфской победы были: 26 знамен, два штандарта, 172 орудия и большое количество огнестрельных запасов, из которых одних патронов более 93 тысяч.

Отсутствие преследования со стороны Салтыкова после Куннерсдорфской победы привело к тому, что прусская армия к 3 августа сосредоточилась у Фюрстевальде, непосредственно прикрывая Берлин. Но впечатление от поражения было настолько сильно у пруссаков, что в Берлине, как и в прусской армии, царила паника, а немедленное наступление Салтыкова к Берлину могло бы без особого труда закончиться взятием столицы. Однако наступления к Берлину не последовало, виновником чего является австрийский главнокомандующий.

Тем не менее Куннерсдорфское сражение является одним из славных подвигов русской армии и служит показателем высокого уровня военного искусства России в одну из тех эпох, когда у нас не было военного гения, деятельность которого придает блеск военным операциям и скрашивает до некоторой степени недостаток искусства у его современников.

Под напором Дауна, с которым русский главнокомандующий должен был считаться, согласно указаниям Конференции, 19 августа Салтыков очистил Франкфурт.

Дальнейшие настояния Дауна и его отказ действовать совместно с Салтыковым заставили последнего в конце октября двинуться на зимние квартиры к Нижней Висле, куда русская армия и прибыла в декабре.

Действия русской армии в 1760 и 1761 гг. После кампании 1759 г. русская армия еще два года вела борьбу с Пруссией и, несмотря на то что предыдущие кампании явно доказали невыгоды совместных действий с австрийцами, тем не менее и в 1760, и в 1761 г. Конференция составляла для наших армий такие планы действий, по которым русские главнокомандующие должны были, соображая свои действия с австрийскими армиями, исполнять желания венской дипломатии.

В 1760 г. Салтыков передовым корпусом Чернышева 28 сентября занял Берлин. Главные силы в это время находились у Франкфурта. Получив сведения, что Фридрих лично спешит с 7 тысячами воинов на выручку своей столицы и что Даун не может оказать существенной поддержки русским, Салтыков бросил Берлин и отвел войска к Ландсбергу.

В ноябре русская армия стала на зимние квартиры на Нижней Висле, но еще в октябре, в связи с болезнью Салтыкова, главнокомандующим был назначен граф Александр Борисович Бутурлин. Отдельный корпус Румянцева (20-тысячный) действовал в Померании и 5 декабря 1761 г. взял крепость Кольберг.

25 декабря 1761 г. скончалась императрица Елизавета.

На престол вступил Петр III, поклонник Фридриха II. 8 февраля 1762 г. Россия особой декларацией отказалась от союза с Австрией. 5 марта было заключено формальное перемирие с Пруссией, а 24 апреля Петр III заключил трактат с Фридрихом, по которому был восстановлен с Пруссией вечный мир, а все завоевания русского оружия были возвращены без всякого вознаграждения. Напротив, часть русской армии (20-тысячный корпус Чернышева) отдавалась в распоряжение Фридриха II.

Таким образом, несмотря на блестящие победы русской армии, России не удалось сократить силы «скоропостижна-

Граф З. Г. Чернышов

го пруссакого короля». Однако победы эти не были совершенно бесплодными: силы Пруссии были крайне надорваны ими, и это сказалося в царствование Екатерины, когда великая государыня, решая мировые политические вопросы в интересах России, находила возможным не особенно считаться с мнениями и желаниями Фридриха.

В военном отношении наше участие в Семилетней войне имеет громадное значение. Во главе действующих армий в эту

эпоху стояли генералы, которые служебный и боевой опыт получили в царствование императрицы Анны. С другой стороны, война, веденная армией, руководимой генералами предшествовавшей эпохи, послужила школой для таких будущих деятелей, как Румянцев, Панин, Прозоровский, Суворов.

Характерной чертой нашей стратегии в рассматриваемую эпоху была осторожность, которая являлась следствием, во-первых, стремления Конференции руководить операциями в ущерб «полной мочи» главнокомандующего и, во-вторых, полного подчинения нашей стратегии влиянию австрийской дипломатии.

В эту войну в значительной мере получили развитие стратегические действия легкой конницы впереди фронта армии, причем отличительными особенностями этих операций являются: независимость от тыла, быстрота налета отдельными партиями с разными целями, широкий фронт, в несколько раз превосходящий фронт армии, и значительно выдвинутый вперед район освещения местности конницей драгунского типа.

Наконец, в отношении стратегии необходимо отметить умелое и полезное сочетание в довольствии армии местных средств с процветавшей тогда в чистом виде магазинной системой. Особенностью тактики русских войск в Семилетнюю войну является активно-оборонительный бой. Чисто наступательный бой в эту войну не получает достаточного развития. Однако нужно заметить, что активность при обороне выказывала в то время только одна русская армия.

Что касается артиллерии, то, перерождаясь в своем устройстве, она на полях сражения оказывает могущественное содействие пехоте и коннице. Особенности действий артиллерии являются: распределение ее на батареи по линии, защита ее огнем промежутков между линиями, стрельба через головы пехоты. Эти особенности показывают усовершенствование не только техники и организации нашей артиллерии, но и прямое влияние этого на ее действия в бою.

Наконец, необходимо указать на проявленное еще раз в Семилетнюю войну классическое упорство русских войск и на то нравственное значение, которое имели победы наши над лучшими войсками, руководимыми лучшим полководцем. Эти победы несомненно укрепили уверенность наших войск в себе, подняли дух и дали пищу для нравственного воздействия как на отдельных людей, так и на целые войсковые части, чем с таким успехом пользовались деятели следующей эпохи.

Царствование императрицы Екатерины II

Румянцев (краткий очерк жизни) ♦ Кампания 1769 и 1770 гг.
♦ Сражение при Ларге ♦ Сражение при Кагуле

27 июня 1762 г. на престол русских царей вступила императрица Екатерина II, и с этого дня, можно сказать, начинается наиболее блестящая эпоха в истории русского военного искусства.

Какова же основная причина столь высокого развития в России военного искусства в екатерининскую эпоху? Лич-

ность самой императрицы и наличие соответствующих соратников, понимание Екатериной интересов России, ее исторических задач, свойств и характера русского народа, а отсюда стремление следовать заветам Петра Великого и вести Россию по пути, указанному им, — все это дало возможность родному военному искусству достигнуть своего мощного развития.

Второй отличительной чертой Екатерины II являлось то, что она сама выразила следующими словами: «Крупные и решительные успехи достигаются только дружными усилиями всех ... а кто умнее, тому и книги в руки...» Другими словами, Екатерина отлично понимала всю пользу и необходимость в деле управления того, что можно выразить одним словом — доверие. Екатерина отлично понимала, что только при доверии возможно проявление и развитие инициативы, самостоятельности, а значит, и высшее проявление плодотворной деятельности. Однако доверие должно оказываться не всякому, а тому, кто сумеет разумно и с толком им воспользоваться. И Екатерина действительно умела выбирать таких людей, что и составляет треть ее личное свойство, которое способствовало, может быть, более, чем какое-нибудь другое, расцвету военного искусства у нас в России в эпоху ее царствования.

Широкое право, не на словах только данное Екатериной, проявлять в военном деле частный почин несомненно должно было способствовать развитию способности в этом отношении, что, в связи с умением Екатерины отличать и выбирать людей, обуславливало наличие военных талантов, дружными усилиями поднявших военное дело у нас до той высоты, с которой может равняться только эпоха Петра I.

В век Екатерины появилось действительно много талантливых военных людей, к которым нужно причислить Захара Чернышева, Петра Панина, князя Репнина, Вейсмана, Кречетникова, Каменского, Семена Воронцова, Голенищева-Кутузова. Но из их среды особенно выделялись своими способностями и талантами фельдмаршалы Румянцев, Потемкин и Суворов.

Каждый из только что названных фельдмаршалов имел свои характерные особенности, которые и наложили особый

отпечаток на их деятельность, влиявшую в том или ином отношении на русское военное искусство и поставившую последнее на столь высокую ступень.

П. А. Румянцев (краткий очерк жизни). Отцом графа Петра Александровича Румянцева был любимый денщик Петра Великого, Александр Иванович Румянцев, известный по делу царевича Алексея Петровича, которого он отыскал за границей и привез в Москву. По исполнению этого поручения Петр в 1718 г. сосватал Александра Ивановича за фрейлину своего двора, графиню Марию Андреевну Матвееву, родную внучку боярина Артамона Сергеевича Матвеева, пользовавшуюся особыми симпатиями Петра Великого.

Александр Иванович Румянцев, отличавшийся расторопностью, исполнительностью и честностью, постоянно был в разъездах, выполняя различные поручения Петра Великого, преимущественно дипломатического характера. Его отлучки из Петербурга иной раз длились по нескольку лет.

В одно из таких долговременных отсутствий у жены его, Марии Андреевны, в 1725 г. родился сын, который в честь царя был назван Петром. Александр Иванович сына впервые увидел, когда тому было 5 лет. Первым делом Румянцева по отношению к сыну была запись его, по обычаю того времени, солдатом в гвардию.

Императрица Анна Иоанновна сначала весьма милостиво относилась к Александру Ивановичу Румянцеву: ему повелено было присутствовать на заседаниях Кабинета; он был пожалован в генерал-адъютанты и, наконец, в январе 1732 г. назначен «главноуправляющим государственными доходами». Однако Румянцев, отговариваясь тем, что он не способен к такого рода занятиям, отказался от последнего места, чем и навлек на себя немилость государыни. Она лишила Румянцева чинов, орденов и повелела ему удалиться в свои казанские деревни.

Семилетний Петр Румянцев, конечно, должен был отправиться с отцом, и здесь он впервые сел за обучение грамоте, лениво зубря букварь под надзором отца.

Царская опала крайне угнетала Александра Ивановича. В 1735 г. Румянцев был прощен, получил назад чины и орде-

Генерал-фельдмаршал граф П. А. Румянцев-Задунайский
на и назначен губернатором в Казань, а в июле 1736 г. —
главным начальником Малороссии.

Петр Румянцев всюду следовал за отцом. В 1739 г., когда
Александр Иванович в должности начальника дивизии дол-
жен был принять участие в Ставучанском походе Миниха, он

устроил сына для приобретения дипломатического опыта двоюродным при посольстве, отправляющемся тогда в Берлин.

После заключения мира с Оттоманской Портой в 1740 г. Александр Иванович Румянцев возвратился в Петербург. Петр был вызван из Берлина и определен в Сухопутный Шляхетский кадетский корпус, где пробыл недолго — всего четыре месяца. Воспользовавшись отсутствием в Петербурге отца, Петр Румянцев в конце сентября 1740 г. самовольно покинул корпус. По выражению одного из его биографов, «пылкий, огненный юноша не мог подчинить ума своего единообразным занятиям, и он сбросил узы, на него положенные».

Тем не менее в этом же году Петр Румянцев в возрасте 15 лет был произведен в офицеры. Даровитый юноша, «сбросив узы, на него положенные», и пользуясь отсутствием строгого отца, проводил жизнь, полную всевозможных увлечений и разгула, ничем и никем не сдерживаемого, что, однако, не мешало ему стремительно возвышаться в чинах.

Александр Иванович Румянцев возвратился в Петербург уже после воцарения императрицы Елизаветы Петровны и в 1743 г. был отправлен в Або для заключения мира со Швецией.

Петру Румянцеву в это время шел девятнадцатый год; он был уже армейским капитаном и с полком находился в Финляндии. Упоминаемый уже его биограф говорит, что молодой Румянцев «удальством превосходил товарищей, пламенно любил прекрасный пол и сам был любим женщинами, не выносил препятствий и часто, окруженный солдатами, в виду их торжествовал над непреклонными».

Александр Иванович Румянцеву, конечно, не могло нравиться такое поведение сына, и он воспользовался первым же случаем, чтобы хотя бы на время разлучить Петра с его полковыми товарищами, которые несомненно способствовали проявлению удалства молодого капитана. Заключив в июне 1743 г. весьма выгодный для России мир со Швецией, Александр Иванович с известием об этом в Петербург отправил своего сына Петра. В высшей степени довольная условиями мира, императрица Елизавета крайне благосклонно приняла посланца и произвела его прямо в полковники, а

самому Александру Ивановичу с нисходящим потомством было пожаловано графское достоинство.

Однако и столь высокие царские милости не успокоили молодого Румянцева. Его проказам не было конца. Дошло, наконец, до того, что императрица Елизавета Петровна, узнав о какой-то новой дерзкой выходке Петра Румянцева, велела отправить его к отцу для примерного наказания. Александр Иванович приказал подать розги. «Да ведь я — полковник!» — заявил Петр Александрович. «Знаю, — ответил отец, — и уважаю твой мундир, но ему ничего не сделается: я буду наказывать не полковника, а сына».

Вскоре после этой отеческой экзекуции Петр Александрович получил в командование Воронежский полк.

В сентябре 1745 г. императрица Елизавета Петровна, принимавшая живейшее участие в судьбе Петра Александровича Румянцева, выбрала для него весьма богатую невесту, дочь известного кабинет-министра Вольнского. «Такой богатой и доброй девки, — писал Александр Иванович сыну, — едва найти будет можно. За ней более двух тысяч душ, и не знаю, не будет ли трех. Двор московский... каменный великий дом в Петербурге... конский завод и всякий домашний скарб...» Заканчивалось письмо знаменательными словами по поводу личного участия в этом деле императрицы: «Вы ведаете, как она по крови близко обязана свойством...»

Но никакие доводы отца не подействовали на сына: Петр Александрович не поехал в Петербург, и его женитьба, задуманная самой императрицей, расстроилась. Он же продолжал вести прежний разгульный образ жизни.

Лишь в 1747 г. граф Петр Александрович несколько угомонился. В этом же году он с полком приехал в Москву. В следующем, 1748 г. граф Петр Александрович женился, но избрал себе в подруги жизни не Вольнскую, а дочь фельд-маршала князя Михаила Михайловича Голицына-старшего, княжну Екатерину Михайловну. Женитьба эта примирила графа Петра Александровича с отцом, который в следующем году умер.

В том же 1748 г. Румянцев принимал участие со своим полком в походах князя Репнина во Франконию, куда мы,

согласно нашему договору с Австрией, отправили вспомогательный корпус. Впрочем, в военных действиях корпус этот участия не принимал. По возвращении в Россию граф Румянцев, обогащенный личным знакомством с военным делом в Европе, повел спокойную жизнь, научился до некоторой степени сдерживать свой пылкий характер; пристрастился к серьезному чтению, которое отныне никогда не бросал, даже в походах. Однако горячность и темперамент Румянцева вскоре расстроили его семейное счастье, но это нисколько не отразилось на его карьере.

В 1756 г. Румянцев был произведен в генерал-майоры и затем принимал деятельное участие в начавшейся в этом году Семилетней войне, ставшей его боевой школой. Румянцеву приходилось работать в области стратегии, тактики и военной администрации, и притом против прусской армии, руководимой Фридрихом Великим, т. е. «под мечом строгого неприятеля», в тот период нашей военной истории, когда при существовании Конференции даже главнокомандующие не могли пользоваться какой бы то ни было инициативой.

Свою деятельность в Семилетнюю войну Румянцев начал с формирования новых гренадерских полков, а затем ему поручено было переформирование части драгун в кирасиры. То и другое он исполнил отлично.

В начале похода 1757 г., когда наша армия шла через Литву, Румянцев командовал отдельной колонной конницы силой до 6 тысяч человек, а по вступлении армии в Восточную Пруссию принял пехотную бригаду. Во главе этой бригады он и решил участь Грос-Егерсдорфского сражения (19 августа 1757 г.). В наиболее критическую минуту Румянцев, бригада которого составляла резерв 1-й дивизии, по своей инициативе двинул ее через лес, считавшийся непроходимым, на помощь 2-й дивизии и во фланг атаковал пруссаков так, что «они тотчас помешались и по жестоком кровавом сражении с достаточным числом своих войск в наивысшем беспорядке свое спасение действием искать стали».

В зимнем походе 1757—1758 гг. в Восточную Пруссию Румянцеву с особым отрядом было приказано возможно скорее занять Тильзит. Несмотря на то что главнокомандующий

указывал ему «возможно поспешать», Румянцев до тех пор не приступал к исполнению этой боевой задачи, пока не придал своему отряду возможно лучшую организацию и не обеспечил его всем необходимым.

Работая энергично и вполне самостоятельно, Румянцев на эту предварительную подготовку отряда потратил две недели, но зато впоследствии отлично организованный и снабженный всем необходимым отряд с громадным успехом выполнял все возлагаемые на него боевые задачи.

Высылая вперед своего отряда конницу, Румянцев начальнику ее дал подробную инструкцию, сущность которой заключалась в следующем:

- 1) во время похода соблюдать строжайшую дисциплину;
- 2) командирам частей особенно заботиться о сбережении здоровья людей и надзирать за конским составом;
- 3) младшим офицерам постоянными беседами с нижними чинами поднимать нравственный дух солдат;
- 4) принять особые меры предосторожности против неожиданного нападения, столь опасного для конницы, особенно при расположении ее на отдых по квартирам, причем на закрытой местности лучшей мерой для этого Румянцев считал посылку патрулей (дозоров) вперед и в стороны;
- 5) поддерживать постоянную связь между передовыми частями конницы.

Таким образом, Румянцев, впервые поставленный во главе крупного тактического соединения, получившего самостоятельную задачу, в основу всего ставит дисциплину и нравственный дух солдата при постоянной заботе о нем его ближайших начальников.

Румянцев искусно выполнил задачу по занятию Тильзита.

Затем Румянцев 11 января с прочими войсками армии принимал участие в занятии Кенигсберга, находясь все время при своих войсках и вместе с ними перенося все труды и лишения тяжелого зимнего похода.

После занятия Кенигсберга Румянцев вскоре был отправлен в Столбцы, около Минска, для реформирования нашей совершенно расстроенной конницы. Это поручение, как и все вообще организационно-тактические задачи, было ис-

полнено Румянцевым с громадной энергией и очень успешно: уже через три месяца Румянцев привел на Вислу 18 эскадронов отлично устроенной конницы, оставив на месте кадры для дальнейшего пополнения. Эти эскадроны вместе с переформированными им же кирасирами составили до 7 тысяч регулярной конницы, которая в следующую кампанию в значительной своей части выступала как самостоятельная конница под начальством Румянцева.

В летнем походе 1758 г. при движении нашей армии сначала в Померанию, а потом к Познани и в период маневрирования армии на Нижней Варте и Нетце Румянцев с 24 эскадронами и шестью конными орудиями прикрывал фланги и тыл армии и в то же время демонстрациями отвлекал противника от опасных для нас направлений. Все эти задачи выполнялись прекрасно, но еще большая заслуга Румянцева при этом заключается в умении организовать дальнюю разведку, результатами которой было получение точных сведений о расположении и действиях противника.

В этот период деятельности выказываются следующие особенности Румянцева как военачальника: он предоставляет своим подчиненным полную инициативу, широко поощряет отличавшихся и жестоко карает провинившихся за нерешительность и невыполнение боевых задач, если это явилось следствием недостаточной настойчивости в достижении намеченных целей, боязни потерь и т. п. Румянцев уделяет большое внимание стратегической обороне в широком смысле этого слова, благодаря чему безошибочно оценивает значение того или иного пункта на театре войны, заблаговременно определяя ту роль, которую он может играть в общем ходе операции.

В конце июня Румянцев получил в командование одну из трех дивизий, на которые делилась тогда наша армия.

Когда в сентябре 1758 г. обстоятельства заставили Фермора передвинуть свою армию на север, в Померанию, на Румянцева с конницей было возложено обеспечение этого движения, а по прибытии армии на квартиры к Старгардту — и прикрытие осады Кольберга со стороны Нижнего Одера. Первая задача была Румянцевым выполнена с таким искус-

ством, что противник лишь через 10 дней узнал, что наша армия покинула берега Варты.

Не менее искусно Румянцев разрешил и вторую задачу. Для ее выполнения Румянцев близ Старгардта (у Пас Круга) занял укрепленную позицию, на которой 22 сентября и был атакован графом Дона. В этом сражении Румянцев, правильно оценивая обстановку, несмотря на вызывающие маневры пруссаков и вопреки всегдашнему стремлению к активности, не перешел в наступление, выказав поучительную в данном случае осторожность; в частности же необходимо отметить, что здесь он дает редкий образчик работы спешенной конницы драгунского типа на укрепленной позиции.

В начале 1759 г. граф Румянцев был назначен начальником тылового корпуса на Нижней Висле. Задача этого корпуса состояла в прикрытии от противника Восточной Пруссии и магазинов на Висле. Главнокомандующий находил необходимым поручить указанную задачу графу Румянцеву «как особо искусному генералу».

Однако назначенный в этом году новый главнокомандующий, граф П. С. Салтыков, нашел, что такой талантливый генерал, как Румянцев, должен выполнять более важные боевые задачи, и потому граф Петр Александрович был назначен начальником одной из дивизий армии, которая в мае выступила к Одеру. Румянцев прибыл, однако, к армии лишь незадолго до Куннерсдорфского сражения.

В этом сражении, в котором Салтыков наголову разбил Фридриха Великого, Румянцев со своей дивизией находился на самом важном пункте и, проявив широкое понимание обстановки, умение оценить важность момента, способность быстро и вполне самостоятельно избрать средства для приведения в исполнение отвечающего обстановке решения, весьма много способствовал выигрышу нами этого кровопролитного боя.

В этом же году, по поручению графа Салтыкова, Румянцев приступил к организации отряда для набега на Берлин. Однако совершить этот набег ему не пришлось: он был с полным успехом произведен в следующем году другим генералом, но по плану, составленному раньше Румянцевым.

В 1761 г., когда решено было овладеть весьма важной для нас приморской крепостью Кольбергом, командиром отдельного корпуса, предназначенного для этого, с общего согласия дивизионного генералитета был избран граф Румянцев.

Кольбергская операция явилась первой, самостоятельно проведенной Румянцевым. И здесь Румянцевым были установлены начала, послужившие основой русского военного искусства; начала эти, установленные еще Петром Великим, сообразовались с развитием военного дела в Западной Европе, но соответствовали и особенностям русского военного искусства. Румянцев прежде всего обратил внимание на правильную его организацию, положив начало образованию высших, после полка, тактических соединений.

В корпусе Румянцевым были образованы легкие батальоны из охотников для действия в лесах, которыми богаты окрестности Кольберга, и для поддержки отдельных операций легкой конницы. Правила для обучения легких батальонов впервые устанавливали у нас начала рассыпного строя. Все же вообще войска корпуса Румянцева тоже впервые обучались действию в бою колоннами.

Довольствие войск корпуса Румянцев основывал главным образом на правильном устройстве подвозов, причем все его меры в этом отношении резко выделяются предусмотрительностью, точностью и ясностью отдаваемых приказаний.

В самих операциях под Кольбергом Румянцев успел проявить в полной мере недюжинные дарования полководца. Прежде всего он обнаружил замечательный характер и силу воли в достижении поставленной цели: дважды, вследствие крайне неблагоприятной обстановки, военный совет единогласно постановлял снять осаду крепости и отступить с флотом от Кольберга, и только благодаря энергии Румянцева и решимости принять ответственность на себя дело было доведено до конца.

Постановка Румянцевым во время операции под Кольбергом ближайших целей высоко поучительна, так как эти цели ставились, строго сообразуясь с имевшимися у него под руками средствами и действительным положением противника. Румянцев под Кольбергом крайне свободно и вполне са-

мостоятельно относился к подробным планам кампании, составленным в Петербурге, за 1000 верст от театра войны. Он развивает активные начала как в стратегии, так и в тактике; работой самостоятельной конницы решительно достигает целей; наконец, здесь же, под Кольбергом, Румянцев кладет начала общему положению относительно строевой, полевой и сторожевой службы, которое впоследствии развилось в имевший потом столь общее значение для всей армии «Обряд службы».

Если к этому прибавить, что Румянцев, обладая сам широким почином действий и постоянно упорно отстаивая свою самостоятельность, с первого же шага предоставляет своим подчиненным свободу действий при исполнении данной им задачи, то мы получим довольно полное и ясное представление о новых румянцевских началах в русском военном искусстве. Эти начала были весьма родственны по духу идеям Петра. Впрочем, это вполне естественно...

За отличия в Семилетнюю войну Румянцев был награжден чинами генерал-поручика и генерал-аншефа.

Если до войны Румянцев был только баловнем судьбы, то с первых же шагов своей самостоятельной боевой деятельности он резко выделился своим оригинальным, самобытным талантом.

Отрицательное отношение к кордонной системе при расположении войск по квартирам; сообразное с обстоятельствами охранение квартиро-бивачного расположения с применением сильных дежурных частей, правильным распределением очередных смен зимою, приспособлением селений и ближайших окрестностей к бою, внешним дальним охранением легкой конницей; не шаблонное, а сообразное с обстановкой распределение марша; образцовая служба конницы, находящейся впереди фронта армии, с оставлением главной части ее в одной массе под непосредственным начальством Румянцева на несколько переходов впереди в важнейшем направлении и с выделением от этой массы к стороне неприятеля до соприкосновения с ним «конных партий» различной силы; активность и решительность в бою вообще, сильный удар в конном строю холодным оружием без пренебреже-

ния, в случае необходимости, действиями в спешном строю, в бою конницы в частности — таков заключительный вывод относительно проявления полководческого таланта Румянцева в Семилетнюю войну.

По восшествии на престол Екатерины II Румянцеву, весьма резко отзывавшемуся о новой императрице и не присягнувшему ей до смерти Петра III, было разрешено, согласно его просьбе, «жить в деревне или ехать к целительным водам». Но когда в 1763 г. Румянецев просил об отставке, то ему в этом было отказано, а в 1764 г. он был назначен на важный пост Малороссийского генерал-губернатора и президента Малороссийской коллегии, учрежденной в Глухове.

Прибыв в Малороссию и ознакомившись с местными условиями края, Румянецев высказал ту мысль, что развитие народной жизни у нас на юге «в диких степях» возможно только при обеспечении границ естественными преградами, какими являлись, по мнению Румянцева, Черное море и Буг. Исходя из этого Румянецев решительно высказался за необходимость вести с Турцией войну и при этом наступательную.

Что касается охраны границ, то Румянецев был против кордонной системы, находя нецелесообразным оборонять украинскую линию войсками, растянутыми «в нитку». Лучшим же способом обороны границы Румянецев считал наступательные действия.

При вспыхнувших в 1768 г. беспорядках в Польше и объявлении войны Турцией Румянецев назначен был главнокомандующим Украинской, одной из двух действующих армий. По плану войны, выработанному в Петербурге, Первая армия, главная, под начальством князя Голицына, должна была в первых числах марта 1769 г. сосредоточиться к Киеву, затем двинуться к Днестру и овладеть Каменец-Подольском и Хотинном. Армия же Румянцева, численностью в 40 тысяч человек, должна была сосредоточиться в двух пунктах: у устья р. Самары и Бахмута — и прикрывать южные границы.

Вынужденный в 1769 г. прибегнуть к обороне открытых границ на обоих берегах Днепра, Румянецев организует оборону следующим образом: сомкнутые укрепления украин-

ской линии он занимает лишь слабыми гарнизонами, прочие же войска сосредотачивает в три подвижных отряда, располагая каждый за одним из трех участков, на которые была разделена линия. При нападении на один из участков соседние участки, совместно с Донским войском, должны были решительным наступлением в тыл вторгнувшихся татар отрезать нападавших. Неудача в 1769 г. попыток вторжения татар в южную Россию вполне оправдала план Румянцева.

Предвидя, что исход кампании 1769 г. должен решиться на главном театре, на правом берегу Днепра, Румянецв оказывал здесь всевозможное содействие армии Голицына, искусными маневрами привлекая на себя значительные турецкие силы.

Недовольная князем Голицыным, Екатерина II, возведя его в звание фельдмаршала, отозвала из армии, вручив ее Румянцеву.

Приняв Первую армию в сентябре 1769 г., Румянецв в 1770 г. проводит свою знаменитую Ларго-Кагульскую операцию, которая является высочайшим образцом в области стратегии и тактики¹.

Блестящие операции Румянцева в 1770 г. при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле в конечном результате привели к прочному занятию нами дунайских княжеств и к отпадению от Турции буджакских и едиганских татар, которые переселились в Россию, что заставило и крымского хана, Каплан-Гирея, склониться к сближению с Россией.

В 1771 г. на 60-тысячную армию Румянцева, прочно владевшую всем краем на левом берегу Дуная, от Краевского Баната до устья Дуная, была возложена второстепенная задача сохранить княжества и отвлечь силы турок от Крыма, куда был направлен главный удар армий князя Долгорукова. Характер поставленных Румянцеву задач и соотношение между ними и средствами, данными ему для их выполнения, вынудили Румянцева в 1771—1772 гг. обратиться к пассив-

¹ Подробное описание этой операции, обессмертившей имя Румянцева, дано ниже.

ной обороне Дуная с постоянными короткими набегами небольших отрядов на правый его берег.

Здесь он применил ту же систему обороны линии Дуная, что и на украинской линии в 1769 г. Разделив линию обороны на три участка, Румянцев на каждом из них держал сосредоточенно, под прикрытием крепостей, определенную группу армии; сзади же участков, примерно за серединой всей обороняемой линии, был расположен общий резерв.

Результатом всех крайне целесообразных мер в 1771 г. были, с одной стороны, неудача турок в их стремлении проникнуть на левый берег Дуная, а с другой — покорение князем Долгоруковым без особого труда Крыма, объявленного независимым от Порты и вступившего в союз с Россией. План кампании, утвержденный императрицей в марте 1773 г.¹, требовал от Румянцева перейти на правый берег Дуная и, направившись к Шумле, разбить главную армию визиря.

Недостаточность сил, их расстройство и сильная разброанность, неясность обстановки — все это заставило Румянцева высказаться против этого плана и вместе с тем попутно указать императрице на то, что диктовать план из Петербурга невозможно.

«Планы, — указывает Румянцев, — обыкновенно делаемые в начале войны... для согласного учреждения движений и содействий... но при приближении к неприятелю предается тогда искусству военначальника располагать дальние предприятия по видимой на то время удобности и предстоящих обстоятельствах».

Екатерина II, под влиянием Петербургского совета, не соглашалась с Румянцевым, и ему, верящему в собственные силы и талант, пришлось поступиться своим взглядом, согласно которому цель, направление и время удара за Дунаем зависят от «случаевых и начального [т. е. высшей командной власти] усмотрения», и исполнить план, одобренный императрицей.

¹ В 1772 г. обе стороны бездействовали, так как было заключено перемирие и велись переговоры о мире, но безрезультатно.

С началом кампании 1773 г. Румянцев пассивную оборону Дуная заменяет активной и, захватив инициативу в свои руки, производит по всей линии ряд поисковых операций. Воспользовавшись результатами разведывательного отряда, а также всех вообще поисков, Румянцев весьма удачно, с точки зрения стратегии и тактики, избирает пункт для переправы у Гуробал.

Соответственный выбор пункта переправы; прочное обеспечение его передовыми войсками; искусные демонстрации; быстрое сосредоточение и решительность действий на пункте переправы передовых войск, наконец, смелое и образцовое пользование слабыми средствами речной флотилии, бывшими в распоряжении главнокомандующего, — все это привело к тому, что переправа армии через Дунай у Гуробал была произведена весьма успешно. Таким образом, Румянцев, совершив, по выражению Екатерины II, то, что «до него русские не делали в течение 800 лет», дал первым в истории русского военного искусства образец активных действий на реках, установил средства, облегчающие атаку оборонительной линии, выяснил относительную легкость этого способа действий.

Сила крепости Силистрии, недостаточное число войск для ее взятия и для других вспомогательных назначений, непрочность сообщений с пунктом переправы выдвинувшейся вперед армии, крайняя трудность дальнейшей доставки запасов заставили Румянцева, по одержании им на правом берегу Дуная трех побед, согласно решению собранного им военного совета, отступить обратно за Дунай, а вскоре за тем и закончить кампанию 1773 г. Это не помешало, однако, Екатерине II наградить Румянцева за переправу за Дунай, и она к его фамилии вполне справедливо добавила «Задунайский».

Но недовольная обратным переходом Румянцева через Дунай и ободренная победой Суворова у Гирсова (3 сентября 1773 г.), императрица потребовала, чтобы армия вновь немедленно вернулась на правый берег Дуная. Румянцев ввиду приближения распутицы не сочувствовал этой идее и решил начать наступательные действия за Дунай весной 1774 г. (с появлением подножного корма), конец же 1773 г. употре-

бить на приведение армии в порядок и снабжение ее всем необходимым.

В 1774 г. Румянцев, которому теперь Екатерина II, убежденная его доводами и предшествующим опытом, предоставила полную свободу, решил распространить наступательные действия до Балкан, причем в основу своих операций он положил идею, выраженную им так: «Я приложу старание поставить все части во взаимную связь и теснить неприятеля, вовлекая его на бой в поле из мест, на которые без крайности не почитаю я полезным вести поспешную атаку и отваживать в начале кампании людей на большую потерю». Руководствуясь этой идеей, Румянцев, не теряя людей и времени на взятие крепостей, а оставив против них лишь наблюдение и изолировав их, главные силы одновременно и концентрически направил против армии великого визиря, находившейся в Шумле.

Победы Каменского при Базарджике, Салтыкова — у Туртукая и особенно Суворова под Козлуджей, организованный Румянцевым набег нашей конницы за Балканы, в тыл Шумлинского прохода, для разрыва связи Шумлы с Адрианополем, и решимость Румянцева двинуть свои главные силы к Шумле заставили турок заключить мир, который и был подписан 10 июля 1774 г. в Кучук-Кайнарджи.

В ходе операций в 1774 г. Румянцев искусно руководил действиями отдельных частей армии, соответственно с обстановкой ставя им частные задачи и направляя их отдельные усилия к достижению общей главной цели кампании. Напоминая постоянно подчиненным генералам, что на войне «не дни да часы, а и моменты дóроги», Румянцев, однако, предоставлял им полную свободу и самостоятельность в достижении поставленных им частных задач.

Но в эту кампанию Румянцев проявил не только высокое искусство полководца. Он заявил себя также талантливым дипломатом, основывающим свои действия на хорошем знании характера противника, на твердости и настойчивости, вытекающих из правильного понимания интересов своего отечества, на умении поддержать достоинство и честь великого государства, представителем которого он был.

По Кучук-Кайнарджийскому миру Россия приобрела: города Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн и степь между Днестром и Бугом, кроме крепости Очакова; южная граница России к востоку от Днепра была подвинута к речкам Берда и Конские Воды. Русский флот получил такие же права плаванья по Черному и Средиземному морям, как флоты Англии и Франции. Крым признан Турцией самостоятельным в политическом отношении. Наконец, Турция уплатила России контрибуцию в 4 500 000 рублей.

Столь весомые результаты нашей первой Турецкой войны в царствование Екатерины II являются следствием полководческого и дипломатического искусства Румянцева.

В период первой Турецкой войны, а также в ближайшие годы после этой войны, когда он в 1775 г. вновь занял должность Малороссийского генерал-губернатора и был назначен начальником всей регулярной конницы, Румянцев много времени, сил и труда посвящал организационно-административным реформам, а также вопросам обучения и воспитания войск.

Самой выдающейся реформой в деле организации пехоты в период царствования Екатерины II было формирование егерей. Румянцев еще в 1761 г. под Кольбергом ввел егерей, которые действовали в рассыпном строю. Этим опытом воспользовался Петр Панин, командовавший Финляндской дивизией, и сформировал у себя команду из 300 егерей, дав ей первые инструкции по организации, обучению и действиям.

Воинская комиссия, учрежденная в 1762 г. для обсуждения военных реформ по весьма обширной программе, ознакомившись с ней, сочла эту команду соответствующей службе легких войск. Ввиду этого в 1765 г. было повелено сформировать в четырех западных дивизиях полковые егерские команды, и включить в состав каждой из них 60 рядовых, четырех унтер-офицеров и одного офицера. В общей сложности эта мера дала 1650 отборных, прекрасно обученных воинов. Они были лучше вооружены, им щедрее отпускались средства для обучения стрельбе, им дана была иная амуниция. Выработаны были указания относительно особенностей

обучения, целей, которые при этом надлежало преследовать; установлен был несколько отличный строй с широким применением действия в одиночку, «врассыпку».

Само учреждение этих команд, с 1767 г. выделенных из общего штата, и способ их боевого употребления подготовляли естественным путем принятие в нашей армии рассыпного строя.

Число егерей постепенно увеличивалось, и, по настоянию Румянцева, в 1770 г. полковые егерские команды были сведены в отдельные егерские батальоны. Румянцев настаивал на этом потому, что придавал егерям особенно важное значение и считал необходимым никогда не разрушать цельность полка, к чему приходилось прибегать, когда егеря составляли только полковые команды. Таким образом, Румянцев, выказывая вполне правильный взгляд как на назначение егерей, так и на сохранение цельности полка, оказал сильное влияние на развитие у нас егерских войск.

Умелое пользование егерями Румянцевым, а затем и Суворовым в первую Турецкую войну привело к тому, что они оказали существенную пользу во всех случаях боевой деятельности. Егеря встретили горячего сторонника в лице Потемкина, что обеспечило им не только существование, но и дальнейшее организационное развитие. Действительно, в 1767 г. в армии было всего 3540 егерей; в 1777 г. — уже шесть батальонов, в 1788 г. — 24 батальона, а к концу царствования Екатерины — 43 батальона, которые составили 10 егерских корпусов, по четыре батальона в каждом, и три отдельных батальона.

Придавая огромное значение кадрам запасных частей для подготовки рекрутов, Румянцев предполагал создать три категории гарнизонных войск: крепостных (собственно гарнизонных) для защиты пограничных крепостей, способствующих усилению действий полевых войск; губернских — исключительно для внутренней службы, и запасных отдельных батальонов — для подготовки рекрутов.

Что касается конницы, то Румянцев требовал от нее подвижности и силы удара холодным оружием; наиболее соответствующим типом конницы он считал драгунскую ка-

валерию; с 1775 г. Румянцев стремится к образованию нового вида конницы — легкоконных полков, отличающихся от драгунских только отсутствием в них полковой артиллерии.

Из малороссийских казаков Румянцев образовал семь регулярных полков малороссийской конницы, эти полки Потемкин в 1784 г. преобразовал в карабинеров; из трех охочеконных полков Румянцев сформировал три легкоконных полка, которые впоследствии Потемкин тоже обратил в карабинерные. Из поселенных конных полков Румянцев в 1776 г. образовал Украинскую и Екатеринославскую конницы, предназначенные для охраны наших южных границ и составившие к 1784 г. достаточно подготовленный и надежный элемент, которым весьма удачно воспользовался Потемкин для формирования 15 легкоконных полков.

Примечательно к артиллерийскому вооружению Румянцеву принадлежит идея уменьшения калибров и устройства постоянных батарей.

Румянцев впервые высказывает мысль о формировании постоянных армий, сообразно с особенностями пограничного театра военных действий и наличием вероятных противников, в связи с чем должна быть установлена и дислокация армии в мирное время.

В бытность Румянцева генерал-губернатором население Малороссии было привлечено для отбывания воинской повинности, в связи с чем, с одной стороны, увеличивался источник комплектования армии, а с другой — воинская повинность распределялась более равномерно между жителями государства. Не без участия Румянцева окончательно был введен 25-летний срок службы для нижних чинов.

С 1777 г. Румянцев стал настаивать на устройстве постоянных округов комплектования, т. е. на принятии у нас территориальной системы комплектования, что, впрочем, не было проведено в жизнь, и на том, чтобы каждый род войск комплектовался из населения, способного по своим прирожденным свойствам к специальной службе. В этом отношении кое-что было достигнуто, так как конница комплектовалась преимущественно из жителей южных областей и частично из белоруссов, а лесники Польши пополняли егерские

войска. Особое внимание Румянцев всегда обращал на боевую подготовку войск. С этой точки зрения прежде всего необходимо отметить издание им в 1770 г. так называемого «Обряда службы».

«Обряд службы» был направлен на то, чтобы уравнивать чрезвычайно разнообразную подготовку полков, входящих в состав армии. Он, с одной стороны, дополнял и исправлял действующие тогда уставы, а с другой — объединял многочисленные инструкции, в частности пехотный и кавалерийский уставы, разработанные Воинской комиссией в 1763 г.

Несмотря на то что императрица указала комиссии на желательность ограничить уставные формы строго необходимыми для боя, «чтобы ничем таковым в эскерциях и маневрах люди напрасно к единому только в виде украшения утруждаемы не были»; несмотря на то что Воинская комиссия сама признавала необходимость коннице вести бой на коне, не злоупотребляя спешиванием, и быть готовой «к нападению и разрыву пехотных фронтов», несмотря на все это, уставы 1763 г. почти ничем не отличались от уставов елизаветинского времени, что с несомненностью указывало на крайне одностороннее использование опыта Семилетней войны.

С целью дополнить эти уставы и был издан «Обряд службы». В основу «Обряда службы» Румянцевым были положены те же идеи, которые им были высказаны еще в 1761 г.

«Обряд службы», который в 1788 г. с небольшими изменениями, сделанными Потемкиным, принимается официально во всей армии: 1) ввел как в пехоте, так и в коннице двухшереножный строй; 2) упростил ружейные приемы; 3) упростил ведение огня частями, чрезвычайно сложное и непрактичное по уставу; 4) придал колоннам строй маневренный и боевой; 5) регламентировал правила быстрого перестроения из развернутого строя; 6) установил в конных учениях аллюры не меньше рыси, а при атаках — «вскачь, имея саблю наголо»; 7) потребовал от начальников всех степеней обучать подчиненные им войска только тому, что нужно на войне.

Роль «Обряда службы» была очень велика, так как он наметил отправные точки в области боевой деятельности войск

на ближайшее время, исходя из чего впоследствии Суворов, основываясь на опыте войны 1768—1774 гг. на польском и турецком театрах, вырабатывал свою систему действий.

В дополнение к изданному в 1759 г. «Наставлению для действия артиллерии» Румянцев разработал в 1770 г. «Наставления всем господам батарейным командирам». (В 1788 г. это «Наставление» Потемкин предложил к руководству начальникам, бывшим у него в непосредственном подчинении.)

В «Наставлении батарейным командирам» говорится: 1) о походных движениях артиллерии; 2) о порядке всех действий при расположении артиллерии на месте после марша и 3) о стрельбе.

В указаниях относительно походных движений устанавливалось неперемнное наличие при артиллерии пионеров, на которых возлагалось устранение всех препятствий для движения; батареи должны были двигаться в колонне в одно орудие, имея за каждым орудием его зарядные ящики, т. е. проводилась идея, что орудие и его зарядный ящик составляют одно целое.

В указаниях относительно стрельбы предписывалось стрелять преимущественно на средние и ближние дистанции, не увлекаясь стрельбой на дистанции дальние, так как в последнем случае «не всегда бывает желаемое действие», к тому же при стрельбе на более ближних дистанциях «сверх сделанного ему [неприятелю] великого урона можно соблюсти и заряды, которых тогда менее издержано будет».

«Наставление» заканчивается чрезвычайно характерными для Румянцева словами, показывающими, насколько он был проникнут сознанием необходимости частного почина: «впрочем, в подробное о сей полезности описание я не вхожу более, а отдаю на собственное примечание господ офицеров, яко на искусных артиллеристов».

В обучении войск Румянцев резко отличал одиночную подготовку солдата, от подготовки частей, причем успех одиночной подготовки он обуславливал «трудолюбивым примером» младших начальников и простотою устава. Вместе с тем Румянцев резко подчеркивал, что образование

солдата не должно быть сложным при его основательности и что упражнения должны быть непосредственной подготовкой для боя. Умелое обращение с ружьем, отказ от показной стойки и маршировки, освоение ружейных приемов — вот, что требовал Румянцев от обучения войск, причем он особенно налегал на «скорый заряд и исправный приклад», т. е. на стрельбу.

В деле воспитания войск Румянцев широко развивал идеи так называемых «полковничьих» инструкций, внося в них много самобытного. Изданные Воинской комиссией в 1764 г. (для пехоты) и в 1766 г. (для конницы) «полковничьи инструкции» восстанавливали некоторые из забытых в армии постановлений Петра Великого, касающихся воспитания. В них, между прочим, говорится, что необходимо «объяснять солдату силу и содержание воинского артикула, уставов и приказов, а паче что до солдата касается, изъяснять должность службы и требуемую от солдата неустрашимую храбрость, и что никакие страхи и трудности храбрость и верность российских солдат никогда поколебать не могли, в которых число и он принят».

В инструкциях указывалось, что «солдат именем и чином от всех прежних его званий преимуществует». Инструкции обязывали полковых и ротных командиров заботиться о подготовке хорошего солдата и указывали путь к этому, а именно: нравственное воспитание личности и дисциплина, основанием которой должны служить чинопочитание, сознательное отношение к воинскому долгу и развитие нравственных побуждений, на первом плане которых ставится честолюбие.

Те же идеи проводил в жизнь Румянцев, который на первый план также выдвинул меры, способствующие развитию нравственного элемента: «высшее развитие воинского долга, строгая, но сознательная дисциплина — не за страх, а за совесть, утверждающая между командиром и подчиненным взаимное доверие и являющаяся «душой службы»; непосредственная работа офицеров для приведения нижних чинов в приличное военным людям состояние; строгие и однообразные требования гарнизонной и внутренней службы; твердое знание солдатами их прав и обязанностей».

Из воспитательной школы Румянцева выходит целый ряд видных деятелей, которые разносят его идеи повсюду; к их числу принадлежат Воронцов, Потемкин и, наконец, Суворов.

О тактических взглядах Румянцева можно судить из следующего его высказывания: «Я того мнения всегда был и буду, что нападающий до самого конца дела все думает выиграть, а обороняющийся оставляет всегда страх соразмерно сделанному на него стремлению», и «наступлением можно унизить выгоды противника перед своими невыгодами». Исходя из этого Румянцев для построения боевого порядка намечает следующие отправные точки:

1) расчленив линейный порядок или общее каре, преимущественно предпочитавшиеся до сих пор, на части удобные для движения, маневрирования и удара в штыки;

2) придать боевому порядку такое построение, которое давало бы возможность встречать атаку главным образом неприятельской конницы, имеющей сноровку окружать атакуемого со всех сторон, пользуясь своим численным превосходством;

3) части боевого порядка должны быть устойчивы, возможно нечувствительны к прорыву, способны к развитию огня, наиболее действенного;

4) располагать и двигать эти части так, чтобы они могли оказывать взаимное содействие огнем, а в случае возможности — и ударом в штыки; для этого начальникам частей боевого порядка нужно предоставить известную самостоятельность.

Наиболее соответствующим типом для построения частей боевого порядка Румянцев признавал каре. Оно могло действовать ружейным и артиллерийским огнем во все стороны и более другой формы построения было способно сохранять сомкнутость рядов; при этом свойственные русскому солдату стойкость и выдержка благоприятствовали отражению первых, наиболее опасных ударов турок.

Вместе с тем Румянцев сознавал, что конница наша слабее неприятельской, что ей нужно дать точку опоры, даже укрыть ее за пехотой до наступления благоприятного момента.

Ввиду этого, согласно орд-де-батайль, установленному Румянцевым, армия, разделенная на три дивизии, должна

была строиться в боевой порядок следующим образом: каждая пехотная дивизия составляет отдельное каре, и все они строятся в одну линию: в центре — более сильная, другие — по флангам; кавалерия — в интервалах между дивизиями и на флангах боевого порядка; полковые орудия — по углам каждого каре, полевая — перед их фасадами в 60 шагах; среднее каре — по фигуре продолговатое, передний и задний фасады — вдвое длиннее боковых, другие два — квадраты.

В таком боевом порядке каре предоставлялась маневренная самостоятельность, и они связываются в своих действиях только общей внутренней идеей боя, почему взаимное удаление и расположение их различно в каждом частном случае. Наступление в одну линию не является правилом. Осаженное уступом назад, то или иное каре играет роль резерва и дает возможность полководцу сосредоточить к различным точкам поля сражения превосходящие силы.

Впоследствии Румянцев, по условиям боя, дивизионные каре расчленяет на несколько меньших, выдвигая вперед и на фланги егерей, которые или строятся в каре или же действуют «враспылку». Указанный боевой порядок Румянцева: обладает гибкостью, т. е. способностью, сообразно местности и действию противника, изменять внешние формы; подвижностью, предоставляющей возможность принять участие в бою всем родам войск; обеспечивает взаимную поддержку; предоставляет артиллерии видную роль в подготовке удара.

Только размещение кавалерии противоречит основным свойствам этого рода войск. Причины указаны выше. Но, ставя конницу под укрытие пехоты, Румянцев принимает меры к поднятию боевого ее значения.

Как же построенная в такой боевой порядок армия должна вести бой, по мнению Румянцева?

Ответ на этот вопрос можно найти в одной из его инструкций, в которой преподаны важнейшие указания, оригинальные и правильные по идее, для ведения наступательного боя:

1) предварительная подготовка удара артиллерией, которой предоставляется известная свобода в выборе позиции и от которой требуется искусство, «верный взгляд военный»,

определять, против каких пунктов неприятельского расположения сосредотачивать огонь;

2) пехоте своим малодейственным огнем не увлекаться; начальникам подготовить артиллерию и, следя за действием ее, ловить минуту для наступления, которое производить быстро, «со всем военным звуком», и атаковать в штыки.

К начальникам, как видно, предъявлялись новые требования, о чем и речи не было при пользовании линейным порядком.

Уяснить общее положение дела, уловить удобную минуту для действия, принять на собственный страх решение — вот что особо подчеркивалось в вышеупомянутой инструкции Румянцева.

В тактике походных движений для Румянцева типичным является его марш-маневр в 1770 г. от Хотина долиной Прута. Здесь он ведет армию в семи колоннах, причем распределение войск по колоннам и интервалы между ними таковы, что в каждую данную минуту армия может выстроить указанный выше боевой порядок. Такое движение разьединенными группами, сосредотачиваемыми только к полю сражения, выдвинуло опять-таки требование к проявлению частными начальниками самостоятельности.

С 1775 г. начал возвышаться Потемкин, и с этого времени решение всех военных вопросов мало-помалу переходит к нему.

Впрочем, до 1780 г. Румянцев имел еще довольно заметное влияние на продвижение военно-административных реформ. Кроме того, в этот же период (с 1775 по 1780 г.) им была произведена громаднейшая работа по подготовке мирного завоевания Крыма, чем всецело воспользовался впоследствии Потемкин, осуществив основные идеи Румянцева по заселению южного края и по присоединению Крыма.

Сущность взглядов по военно-административным вопросам, высказанных Румянцевым в это время сводится к следующему:

1) устройство вооруженных сил государства должно строго соответствовать историческим и географическим особенностям России, по которым мы «мало сходствуем с другими

европейскими народами», а потому надо в «приличном толь-ко подражать» иностранцам;

2) благосостояние нашей армии всецело зависит от благосостояния народа, дающего и людей, и деньги, а потому особенно важно сберечь народные силы, чтобы «несоразмерным и бесповоротным взиманием не оскудеть народ»;

3) необходимо соблюдать строгую соразмерность расходов на военные потребности с другими государственными надобностями, в противном случае «или часть воинская будет в нестроении и терпеть недостатки, или [возможны] другие чувствительные угнетения».

Наконец, Румянцев высказывался за широкое развитие военных школ.

Что касается Крыма, то дело его присоединения Румянцев вел весьма тонко и искусно, выказывая в одинаковой мере как крупный военный талант, так и незаурядное дипломатическое дарование. Результатом его трудов было: обессиление Крыма, обретение там наших сторонников и организация местного правительства, которое всецело зависело от России. Все это настолько подготовило почву для дальнейшей деятельности Потемкина, что простая справедливость требует признать следующее: что славу бескровного присоединения Тавриды князь Таврический должен разделить с графом Задунайским.

С 1774 по 1779 г. граф Румянцев жил в Малороссии, в своих имениях — Вишеньках, Ташани, Гомеле; исполнителями же его распоряжений были Прозоровский, Суворов, Бринк и др. Предоставляя своим непосредственным помощникам полную самостоятельность, Румянцев следил за ходом дел, согласовывал и направлял деятельность всех и каждого к одной цели, что и приводило все действия наших генералов в Крыму и на Кубани к полному успеху.

Совершенное знание людей и страны, безошибочная оценка обстоятельств, правильный выбор средств, точный расчет, отсутствие надежды лишь на удачу — вот те свойства, которые всегда были присущи Румянцеву и которые в Крыму выказали его подчиненные, являясь, несмотря на всю свою самостоятельность, лишь точными исполнителями воли и

указаний фельдмаршала, насколько это, конечно, было необходимо для согласованного развития операции. При этом Румянцеву неоднократно приходилось повторять, что главнейшими правилами военного искусства он считает: не раздроблять своих сил, охранять свои сообщения и обеспечивать взаимное содействие войск.

С 1780 г. Потемкин решительно выдвигается в первые ряды соратников государыни и затмевает Румянцева, который во многом не сходился с могущественным любимцем Екатерины.

Румянцев продолжал выполнять обязанности Малороссийского губернатора и, хотя время от времени был награждаем императрицей, но значения и влияния уже не имел. Однако во вторую Турецкую войну, начавшуюся в 1787 г., командование одной из действующих армий было поручено Румянцеву.

После блестящей Кинбурнской операции Суворова в 1787 г., сохранившей нам Крым, в 1788 г. решено было действовать двумя армиями: Екатеринославская, под начальством Потемкина, должна была взять Очаков; Украинская армия, под начальством Румянцева, должна была поддерживать австрийцев у Хотина, прикрывать Польшу и обеспечивать осаду Очакова при условии, что Бендеры находились в руках турок. Таким образом, Румянцев с 40-тысячной армией должен был прикрывать 400-верстное пространство.

В 1789 г. Румянцев предполагал открыть кампанию наступлением долиной Прута к Дунаю, но в марте этого года фельдмаршал, по указанию Потемкина, был отозван из армии, которая также поручалась князю Таврическому. После сдачи армии во временное командование, до прибытия из Петербурга Потемкина, князю Репнину Румянцев, несмотря на недовольство императрицы, оставался жить в Яссах в надежде снова получить командование войсками в том случае, если бы Потемкин, по каким-либо причинам, отказался от такового.

Нелегко было развенчанному герою, всеми позабытому, проживать в том же месте, где он еще так недавно пользовался громадным влиянием и почетом, но сознание возмож-

ности еще послужить России своим талантом заставляло Румянцева терпеть нравственный гнет личного самолюбия и жертвовать собой. Лишь Суворов несколько смягчал тяжесть положения своего бывшего главнокомандующего: не следуя примеру других, Суворов часто посещал Румянцева, в торжественные дни являлся к нему в парадной форме, посылал ему вторые экземпляры всех своих донесений и распоряжений.

В 1790 г. Румянцев удалился наконец в свою деревню Ташань, где получил после заключения Ясского мира шпагу, украшенную бриллиантами, с надписью «За занятие части Молдавии в начале войны».

Начавшаяся в 1794 г. третья Польская война и возможность нового столкновения с Турцией заставили вспомнить о Румянцеве. Екатерина II писала престарелому фельдмаршалу: «Я слышала о лучшем состоянии теперь здоровья Вашего, обрадовалась и желаю, чтобы оно дало Вам новые силы разделить со мною тягости мои; ибо Вы сами довольно знаете, сколь отечество помнит Вас, содержа незабвенно всегда заслуги Ваши в сердце своем; знаете также и то, сколь много и все войско самое любит Вас и сколь оно порадуется, услыша только, что обожаемый Велисарий¹ опять их приемлет, как детей своих, в свое попечение».

Роль Румянцева в 1794 г., когда он был назначен командовать войсками на юге на случай войны с Турцией, не была активной. Однако он оказал большое влияние на ход войны с Польшей, правильно оценив обстановку на польском театре и предписав туда отправиться Суворову.

Румянцев умер 8 декабря 1796 г.

Современники Румянцева так оценивали его: императрица Екатерина говорила, что он «займет в ее веке несомненно превосходное место предводителя искусного и усердного». Суворов о Румянцеве отзывался так: «Ему нет равного... Суворов — ученик Румянцева». Солдаты, которых Румянцев не раз водил к победам, обращались к нему

¹ Велисарий (ок. 504—565) — византийский полководец императора Юстиниана I.

с краткими, но многозначительными словами: «Ты — прямой солдат».

Знаменитый историк Н. М. Карамзин так характеризует Румянцева: «Задунайского можно смело назвать Тюренном¹ России. Он был мудрым полководцем, знал своих неприятелей. И систему войны образовал по их свойствам; мало верил слепому случаю и подчинял его вероятностям рассудка; казался отважным, но был только проникательным; соединял решительность с тихим и ясным действием ума; не знал ни страха, ни запальчивости; берег себя в сражениях единственно для победы; обожал славу. Но мог бы снести и поражение, чтобы в самом несчастье доказать свое искусство и величие; обязанный гением натуре, прибавил к ее дарам и силу науки; чувствовал свою цену, но хвалили только других; отдавал справедливость подчиненным, но огорчился бы в глубине сердца, если бы кто-нибудь из них мог сравняться с ним талантами: судьба избавила его от сего неудовольствия».

Ознакомившись с боевыми деяниями Румянцева, административно-организационными взглядами, проводимыми им в жизнь, с его заслугами в военном деле, мы должны, не боясь преувеличения, сказать, что Румянцев несомненно принадлежит к числу тех немногих, кто одарен печатью военного гения, и что поэтому он должен быть поставлен в немногочисленные ряды великих полководцев.

Кампания 1769 г. Ближайшей целью Екатерины на пути разрешения турецкого вопроса было завоевание Крыма и утверждение на северных берегах Черного моря, что служило важным этапом в борьбе за обладание Черным морем и свободным выходом из него. При таких обстоятельствах война с Турцией являлась неизбежной.

Несмотря на все старания французов, а также бежавших в Турцию польских конфедератов, турецкий султан Мустафа II долго уклонялся от навязываемой ему войны и еще в начале 1768 г. объявил всем сторонникам войны с Россией,

¹ Тюранн Анри де Ла Тур д'Овернь (1611—1675) — маршал Франции. Одержал ряд крупных побед.

что «Турция не намерена вмешиваться в дела конфедератов, потому что все ее действия клонятся только к охранению ее собственной чести и спокойствия».

Искусно спровоцированное столкновение между татарами и гайдамаками на р. Кодыме, у местечек Балта и Голта, послужило предлогом для объявления нам Турцией войны в конце 1768 г.

Объявив России войну, Турция решила действовать наступательно. Пользуясь слабой защитой нашего пограничного с ней пространства, Турция предполагала произвести вторжение в наши пределы с трех сторон: главной армией верховного визиря, силой около 400 тысяч человек, от Адрианополя к Хотину и далее к Варшаве, а оттуда на Киев и Смоленск. Другая армия — крымского хана, численностью в 60 тысяч, — должна была вторгнуться в пределы России со стороны Крыма, и, наконец, третья армия, посаженная на суда, имела назначением высадиться в Азовском море, овладеть Таганрогом и Азовом и, соединившись с горцами Кавказа, двинуться к Астрахани.

Для решения вопроса о плане войны со стороны России 4 ноября 1768 г. был собран в Петербурге, под личным председательством императрицы, военный совет, который прежде всего единодушно решил внести войну наступательную и постановил для операций против турок сформировать две армии: главную, под начальством князя Голицына, для овладения Каменец-Подольском и Хотинском, и вторую армию, под командованием графа Румянцева, численностью до 40 тысяч, сосредотачиваемую у Екатеринослава и Бахмута, для прикрытия южных границ государства.

Действия армии князя Голицына в 1769 г., несмотря на ее наступательную задачу, были крайне медленны и нерешительны: только 10 сентября ему удалось занять крепость Хотин.

Вторая армия, бывшая под начальством Румянцева, первой оперировала у Хотина, двинулась к Бугу, причем, искусно организуя это движение и высылая сильные передовые отряды, доходившие до Бендер, Румянцев ввел в заблуждение визиря относительно своих сил. Это и послужило глав-

ной причиной бездействия визиря и его нерешительности вторгнуться в Новороссию и идти всеми силами к Хотину. Когда же Голицын окончательно отошел за Днестр, то вторая армия расположилась на зимних квартирах по обе стороны Днестра около Кременчуга.

Кампания 1770 г. По предложению Военной коллегии для действий против турок в кампании 1770 г. было назначено 148 тысяч человек с 40 тысячами разных нерегулярных войск. Все эти войска распределялись на две армии и четыре отдельных корпуса:

первая армия — графа Румянцева — 71 тысяча человек, 162 орудия, 9 тысяч человек нерегулярных войск;

вторая армия — графа Панина — 33,5 тысяч человек, 97 орудий и 2 тысячи человек нерегулярных войск;

крымский корпус — 7500 из регулярных и 14 тысяч из нерегулярных войск, 87 орудий;

польский корпус — 13 тысяч, 38 орудий, 2500 человек нерегулярных войск;

кубанский корпус — 600 из регулярных, 12 тысяч из нерегулярных войск, четыре орудия;

закавказский корпус — 3 тысячи из регулярных и 500 человек из нерегулярных войск, 12 орудий.

17 сентября Румянцев с небольшим конвоем из малороссийских казаков прибыл к армии, которая располагалась по-прежнему у Меджибожа.

Не зная еще намерений петербургского совета и того плана на 1770 г., который вытекал бы из этих намерений, Румянцев, ознакомившись с общим положением дел, ставит себе ближайшей целью сильным передовым корпусом прочно занять Молдавию и подготовить, в зависимости от обстоятельств, наивыгоднейшее стратегическое положение для наступательных операций весной 1770 г. Такое решение вызвало со стороны Румянцева: 1) высылку сильного корпуса в Молдавию; 2) соответственное расположение своих главных сил на зимних квартирах; 3) установление, насколько возможно, тесной связи со второй армией, которая была отделена от первой громадным расстоянием — в 400 верст.

Румянцев усилил войска, занимавшие Яссы, пятью пехотными полками и, передав начальствование над ними и над всем краем, занятым нашими войсками, генерал-поручику Штофельну, приказал последнему прочно занимать Молдавию и высылать значительные партии для разведок к Браилову, Галацу и Бендерам.

Состав корпуса Штофельна был следующий: восемь батальонов гренадер, три батальона егерей, семь пехотных и 11 гусарских полков.

Главные силы своей армии Румянцев расположил под прикрытием Хотина за Днестром.

Для установления же связи со второй армией Румянцев выслал левым берегом Днестра, к Бендерам, отряд легких войск под командованием князя Прозоровского, который должен был соединиться около Бендер с отрядом Витгенштейна.

План кампании 1770 г., составленный в Петербурге, сводился к следующему: второй армии вести правильную осаду Бендер, а первой армии прикрывать эту осаду.

Пользуясь тем, что, давая эту задачу, не определили, как должно быть выполнено прикрытие осады Бендер, Румянцев, верный своей наступательной тенденции и признававший, что если живая сила противника стоит на пути осуществления намеченной задачи, то лучший способ действий — энергично наступать на нее, решил двинуться «между Прутом и Серетом и не допустить неприятелю свободный переход на левую сторону Дуная, как от Браилова и Исакчи, так и через Валахию со стороны Видина и Орсовы».

Для осуществления своей операции Румянцев приказал Штофельну при первой возможности начать энергичные действия. Выдвинув вперед корпус Штофельна, Румянцев свои главные силы располагает на зимних квартирах между Збручем и Бугом.

Армия Румянцева в это время была разделена на три дивизии и резерв и состояла из 58 батальонов, 60 эскадронов и 103 орудий.

11 ноября передовой отряд Штофельна, в составе 1 тысячи человек пехотинцев, после боя против 6—7-тысячного

отряда лучшей пехоты и конницы турок занял Галац. Затем вместо указанного ему овладения Браиловом Штофельн ставит себе задачей занятие Валахии. Но Румянцев немедленно высылает к Штофельну резерв Потемкина, усилив его еще двумя пехотными полками, и настойчиво повторяет приказание немедленно взять Браилов.

Между тем турки в Валахии сами перешли в наступление, и овладеть нам Браиловом не удалось. В результате в феврале Штофельн сосредоточил свои войска, действующие в Валахии, к Бухаресту, имея сильный резерв в Фокшанах.

Вскоре руководство операциями передового корпуса было передано князю Николаю Репнину, а Штофельн остается только генерал-губернатором занятого края.

Лишения, испытываемые войсками, побудили Румянцева решиться на их отвод из Валахии и южной Молдавии. Румянцев отлично понимал, что это произведет весьма невыгодное впечатление, но он решается на это, чтобы иметь возможность при изменившейся обстановке выполнить основную задумку своего плана — активными действиями прикрыть осаду Бендер; для этого он считает необходимым сосредоточить все свои силы на Пруте, между Бендерами и Яссами, а сосредоточившись, броситься на врага к устьям рек Прут и Серет. Это передвижение войск привело его к бою при Рябой Могиле 17 июня 1770 г., в котором Румянцев, имея 65 батальонов, 50 эскадронов, пять гусарских полков и 115 орудий (42 тысячи человек), разбил наголову 72-тысячный отряд турок и татар, занявший сильную позицию на левом берегу р. Калмацуй. Победа эта была добыта главным образом благодаря искусному маневрированию армии графа Румянцева.

Конница преследовала противника на протяжении 20 верст; пехота же Бауэра и Репнина — на расстоянии 10—6 верст. К вечеру вся армия Румянцева сосредоточилась у д. Тимликиш, на реке Лопушна, верстах в 4—5 от места сражения.

Потери неприятеля были довольно значительны: одних убитых, не подобранных при отступлении, найдено нами было до 400 человек. Наши потери были совершенно нич-

тожны и не превосходили 50 человек, выбывших из строя за все время действия с 15 июня.

Сражение при Ларге. Победа Румянцева при Рябой Могиле установила господство русских в долине р. Прут, за исключением его низовьев, и обеспечила связь со второй армией. Однако из-за недостатка сведений о неприятеле вследствие потери соприкосновения с ним и для выяснения обстановки Румянцев прежде всего предпринимает разведку. Решив оставить свои главные силы на левом берегу Прута, он высылает вперед три авангарда: один — Потемкина — по правому берегу Прута и два — Бауэра и Репнина — по левому берегу; главные силы три дня оставались близ поля сражения при Рябой Могиле.

Уже 21 июня Румянцев получил от Потемкина донесение, что его разъезд обнаружил неприятеля впереди р. Елани. июня он достигает Фальчи. Бауэр в этот же день прибыл к р. Тегечи против Фальчи.

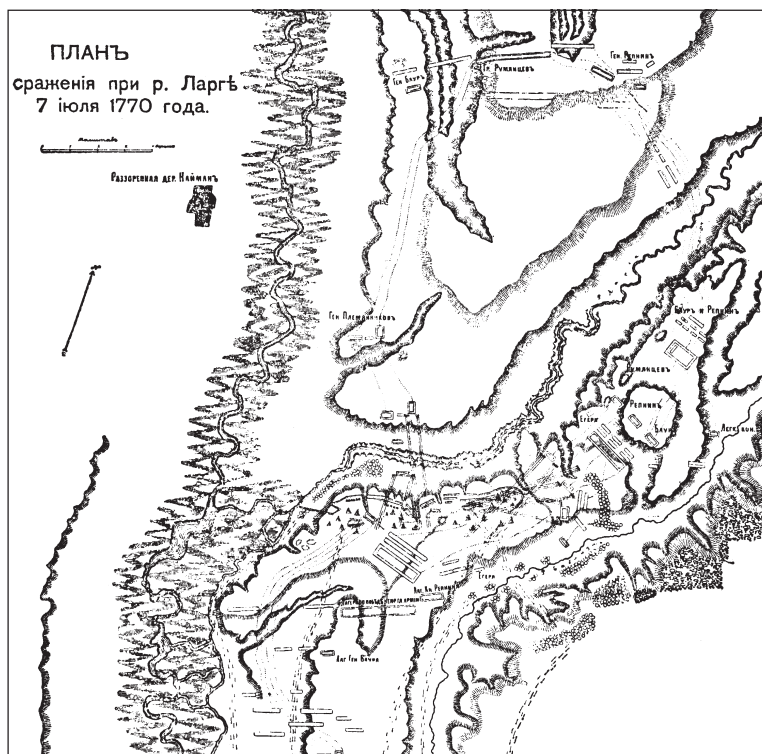
Главные силы находились в этот день у р. Сороты. Впереди них уступом влево находился авангард Репнина против д. Цыганки.

30 июня Румянцев прибыл к месту расположения Бауэра, и здесь им были получены сведения, что неприятель в значительных силах замечен в 25 верстах впереди Бауэра на левом берегу Прута около р. Ларги. На правом же берегу турки отступили перед наступавшим авангардом Потемкина.

Румянцев тотчас двинул к Ларге авангард Бауэра, а за ним и авангард Репнина.

В это время Румянцев получил известие с Дуная, что визирь все еще стоит у Исакчи и никак не может построить там прочного моста, однако успел уже выслать до 20 тысяч человек на присоединение к войскам, сосредоточенным на р. Ларге.

Румянцев принимает решение атаковать и разбить неприятельскую армию, сосредоточенную на р. Ларге, прежде чем к ней присоединятся высланные с Дуная подкрепления. Приняв такое решение, Румянцев ближайшей целью ставит себе сосредоточение к полю боя возможно большего числа своих войск. Для этого он все войска, находивши-

План сражения при р. Ларге 7 июля 1770 г.

еся на правом берегу Прута, переводит на левый и только у мостов у Фальчи был оставлен незначительный отряд Каковинского. Сосредоточение армии, начавшееся 1 июля, было закончено 5-го числа.

Неприятельская армия, силой 80 тысяч человек, из которых 15 тысяч было турок и 65 тысяч татар, занимала чрезвычайно сильную, по местным условиям и хорошему укреплению, позицию при слиянии рек Ларги и Прута. Позиция представляла собой возвышенное плато, которое образовывал высокий и крутой левый берег Ларги, преваляровавший над правым берегом. В самой западной своей

части, которая, собственно, и была занята турками, плато было разрезано двумя крутыми оврагами, впадающими в Ларгу и препятствующими свободному сообщению вдоль позиции.

С фронта позиция прикрывалась р. Ларгой, непроходимой вброд. Левый фланг позиции обеспечивался р. Прутом и ее болотистой долиной. С юго-востока и с юга позиция турок ограничивалась широкой долиной р. Бабикула, имеющей довольно высокие и крутые берега.

Отмеченное взаимное расположение рек Ларги и Бабикула приводило к тому, что, окруженная со всех сторон, она только с восточной стороны на правом фланге имела открытый выход. Этот выход, лежащий между Ларгой и Бабикулом, достигал в ширину 4 верст и имел при данных условиях чрезвычайное значение: через него проходили пути отступления с позиции к Бендерам; он делал правый фланг позиции наиболее слабым; он, наконец, являлся наиболее удобным подступом для атаки неприятеля. Позиция турок за р. Ларгой была наиболее уязвима с правого фланга.

Турки прекрасно оценивали как выгодные, так и невыгодные стороны своей позиции; они построили четыре ретраншемента: три — на фронте позиции между оврагами, его разделяющими, а четвертый — на правом фланге, в виде подковы, для преграждения удобнейших подступов к позиции и с целью затруднить ее обход с этой стороны. Вообще же, все укрепления в совокупности способствовали пассивной обороне противника и облегчали ему отражение одновременных ударов с фронта и с открытого правого фланга. Пехота противника заняла все укрепления, а конница (60 тысяч) сосредоточилась за правым флангом, имея назначением действовать активно в широкой Бабикульской долине.

Румянцев решил в основу предстоящего боя положить следующую идею: производя демонстрацию с фронта, нанести решительный удар в правый фланг противника. Взяв за основу эту идею, Румянцев, в зависимости от условий местности и свойств противника, а также принимая во внимание опыт сражения при Рябой Могиле, при составлении плана боя вносит существенные поправки. Эти поправки, с одной

стороны, свидетельствуют о дальнейшем развитии тех начал в ведении боя и в построении боевого порядка, которые были намечены Румянцевым и отчасти проведены им в жизнь при Рябой Могиле, а с другой — указывают на стремление Румянцева принимать более смелые решения, вполне соответствующие природе наступательного боя.

Составленный Румянцевым план для атаки турок и татар, расположившихся на позиции за р. Ларгой, сводился, согласно заблаговременно отданной диспозиции, к следующему:

1) для атаки назначалась вся сила войск Румянцева; к полю сражения не был притянут только 2-тысячный отряд Каковинского, который имел задачу прикрывать мост у Фальчи;

2) для наступления все войска были разделены на три группы: а) правая группа под начальством Племянникова в составе 11 батальонов, шести эскадронов и 25 орудий, численностью до 6 тысячи человек; б) левая группа, состоявшая из двух частей — отрядов Бауэра и князя Репнина: первый до 4 тысяч человек (6 батальонов, 14 орудий) и второй до 11 тысяч (23 батальона и 30 орудий); в) главные силы, под личным начальством Румянцева, в составе 24 батальонов, 42 эскадронов регулярной конницы, 50 орудий и 2000 гусар, общей численностью 19 тысяч человек, из которых 11 тысяч пехотинцев и 8 тысяч человек конницы;

3) задачи каждой группы были следующими: а) правая группа Племянникова должна была с чуть забрезжившим рассветом наступлением на центр неприятельской позиции отвлечь на себя внимание и силы турок, а затем перейти к решительной атаке одновременно с войсками, атакующими во фланг, и «нанести ему, — по словам Румянцева, — ужас и вред... ударив на противостоящих или бегущих прочь, что будет делом вашего [Племянникова] искусства и предусмотрительности»; б) левые группы Бауэра и Репнина должны были скрытно переправиться по наведенным Бауэром мостам в строго установленном порядке через Ларгу значительно выше неприятельского лагеря, занять хребет, идущий к его правому флангу, и сначала прикрыть переправу главных сил, а затем наступать по отмеченному хребту и, обойдя таким образом правый фланг позиции турок, атаковать их в

самый чувствительный и в наиболее важный пункт их расположения; согласно диспозиции, войска Бауэра должны были выступить из лагеря 16 июля, тотчас после пробития вечерней зари, и к часу пополудни навести уже через Ларгу четыре моста; Репнин обязан был выступать тотчас же вслед за Бауэром; в) главные силы должны были переправляться в строго установленном порядке: пехота в двух колоннах, конница — в третьей колонне, а пороховые ящики в четвертой — вслед за отрядами Бауэра и Репнина, служа резервом.

Назначением этого резерва было: 1) совместно с левой группой нанести решительный удар в избранную точку; 2) обеспечить наступление с левого фланга, на который — по условиям местности и в соответствии с наличием в составе неприятельской армии значительного количества конницы — можно было ожидать неприятельской атаки. Таким образом, из всего 40-тысячного состава армии для главного удара предназначалось 34 тысячи, а для демонстративных целей — лишь 6 тысяч человек.

Бывшие при армии арнауты и казаки должны были, держась левее ударного крыла, атаковать противника во фланг и тыл.

Наконец Румянцев требует от командиров принять меры для подъема духа войск перед боем «для обнадеживания себе лучшим успехом в таковом предприятии ободрять людей помощью Божескою к благословенному от него оружию Ее Императорского Величества и поощрять любовью и должностью, коими они обязаны, к своей государыне и отечеству».

Само наступление войск между Ларгой и Бабикулом предписывалось производить так: отряды Бауэра и Репнина должны были наступать отдельными каре, имея между ними свою конницу. Главным силам указывалось наступать отдельным дивизионным каре — почти линейным с небольшим числом батальонов между передним и задним фасадами каре. Отрядам Бауэра и Репнина давалось указание в случае надобности уступить в первой линии место главным силам, с чем и сообразоваться при наступлении. Регулярная конница должна была располагаться между каре.

Диспозиция для атаки неприятеля на р. Ларге была разослана 6 июля, накануне боя; Племянников же вследствие осо-

бой задачи, возложенной на его отряд, был снабжен еще специальной инструкцией.

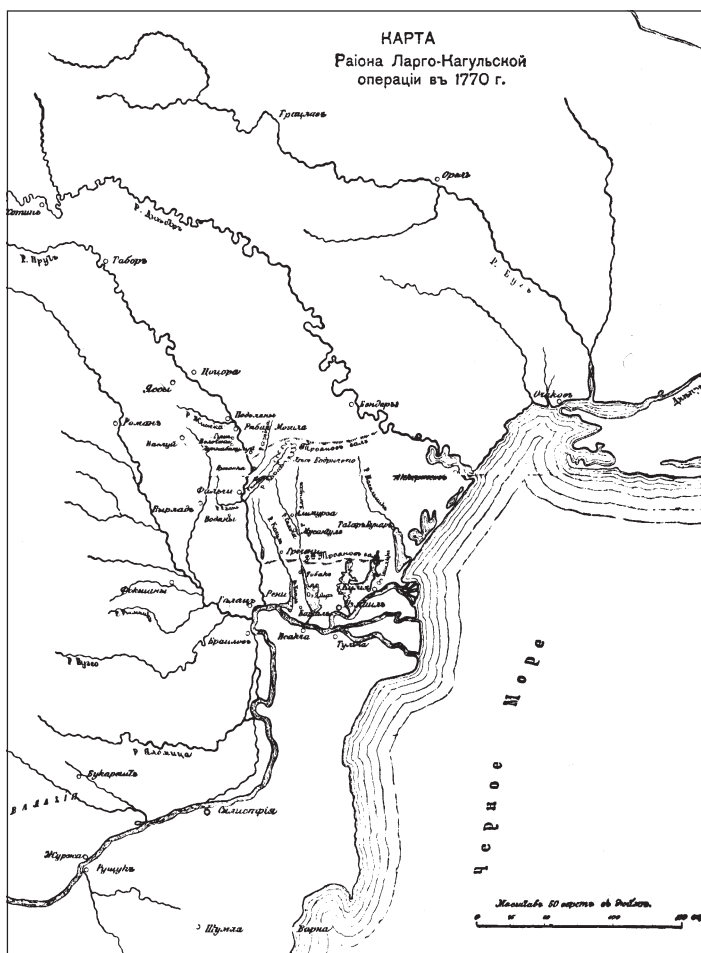
Переправа войск через р. Ларгу, а также развертывание их на хребте между долинами Ларги и Бабикула, были исполнены точно по диспозиции. Однако неприятель скоро узнал о переходе наших войск через Ларгу.

В два часа ночи все войска начали наступление. Племянников, построив пехоту в два каре, поставив сзади конницу и выдвинув на фланги егерей, двинулся к устью Ларги, туда, где был мост. Не доходя приблизительно трех верст до моста, Племянников остановился у крутого оврага, отвлекая на себя внимание турок.

Отряды Бауэра и Репнина, выстроив после переправы боевой порядок, стали наступать по хребту в юго-западном направлении; уступом впереди и справа каре Репнина наступали егеря. Бауэр принял влево к долине р. Бабикула и наступал в одном каре, имея своих егерей также впереди и слева. Еще левее егерей Бауэра двигалась легкая конница. Румянцев с главными силами двигался за Бауэром и Репниным в составе общего резерва. Главные силы наступали в одном каре, имея за собой всю регулярную конницу.

К четырем часам утра каре Бауэра, Потемкина и Репнина, сбив передовые татарские посты, подошли без всякого препятствия к крутому оврагу, прикрывавшему доступ к сильному правофланговому подковообразному турецкому укреплению. В неприятельском лагере началась тревога, поднялась общая суматоха, раздались тревожные крики, а из укреплений был открыт сильный артиллерийский огонь.

Тогда Румянцев отдал приказание немедленно взять неприятельское укрепление. Каре Репнина было направлено для атаки ретраншемента справа, каре Потемкина — с фронта, Бауэра — слева, причем последнему было указано проникнуть внутрь ретраншемента, открытого с этой стороны. Атаку ретраншемента Румянцев приказал тщательно готовить артиллерийским огнем; при этом, чтобы возможно скорее достигнуть результатов подготовки, артиллерию Бауэра и Репнина он подкрепляет из главных сил 17-й оружейной бригадой полевой артиллерии Мелисино.

Карта района Ларго-Кагульской операции в 1770 г.

Между тем все три каре боевой части продолжали продвигаться вперед и, подойдя на 200 шагов к ретраншементу, остановились и открыли по нему картечный огонь из 60 полковых пушек, поставленных в семи батареях между каре. В то

же время бригада Мелисино заняла позицию на высоте несколько позади и между каре Репнина и Потемкина. Огонь русской артиллерии, особенно бригады Мелисино, был весьма действен, и турецкая артиллерия вскоре вынуждена была замолчать.

С открытием канонады на левом фланге армии, Племянников стал продвигаться к правому берегу Ларги, где и открыл фронтальный артиллерийский огонь. Угрожаемые атакой с фронта отрядом Племянникова и видя, что успех на правом их фланге склоняется в сторону русских, турки решили сдерживать наступление Румянцева против подковообразного ретраншемента и выслали всю татарскую конницу долиной реки Бабикула с тем, чтобы ее атакой на легкие войска и левый фланг главного каре Румянцева принудить его остановиться, после чего атаковать с тыла войска Репнина и Бауэра.

Зорко следивший за ходом боя, Румянцев скоро заметил движение татар и, сознавая всю его опасность, выслал для его парирования бригаду Римского-Корсакова из дивизии Брюса, стоявшей на левом фланге главного каре, и бригаду полевой артиллерии Внукова. Бригада Римского-Корсакова спустилась в долину Бабикула и открыла продольный огонь вдоль долины. Артиллерия Внукова расположилась на высотах правого берега долины и также начала продольно обстреливать татар. Действия Римского-Корсакова и Внукова вполне обеспечили тыл Репнина и Бауэра, и они свободно могли продолжать свою атаку.

В это время Румянцев, передав оставшиеся в главных силах дивизию Олица и часть дивизии Брюса под начальство Олица, прибыл в боевую часть для непосредственного руководства ею. В момент прибытия Румянцева к боевой части Репнин и Потемкин вели атаку против фронта неприятельского правофлангового ретраншемента; часть войск из каре Потемкина, под начальством бригадира Ржевского, действовали во фланг и тыл того же окопа. Бауэр, двигаясь левее Ржевского и будучи прикрыт егерями и бригадой Римского-Корсакова от татарской конницы, продвинулся на удобную позицию, находящуюся в 200 шагах от него, и ар-

тиллерийским огнем стал обстреливать тыл неприятельской позиции.

Меткий огонь русской артиллерии, охват Ржевского и обход Бауэра дали возможность Репнину в боевом порядке и без особых потерь ворваться в укрепление и овладеть правогофланговым участком позиции, с которой турки отступили на второй ее участок.

Между тем Племянников, под прикрытием огня своей артиллерии и строго сообразуясь с развитием успеха атаки Репнина, перешел к решительной атаке фронта неприятельской позиции. Турки встретили его контратакой войсками, занимавшими крайний левый неатакованный участок позиции. Контратака турок, несмотря на ее стремительность, успеха не имела.

При дальнейшем развитии боя Племянникову пришлось преодолеть только сильные локальные препятствия, так как сопротивление неприятеля было парализовано постепенным продвижением вдоль позиции к ее левому флангу войск Репнина, а за ними и Бауэра. При таких условиях вскоре все неприятельские укрепления были заняты русскими войсками.

К этому же времени турецко-татарская конница, направленная против главных сил Румянцева долиной Бабикула, не выдержав огня артиллерии Внукова и пехоты Римского-Корсакова, обратилась в бегство. Для ее преследования тотчас были направлены легкая конница и вся регулярная конница Салтыкова.

Удачные действия Репнина, успехи Племянникова, бегство турецко-татарской конницы распространили в армии противника панику, и к 12 часам дня сражение было окончательно полной победой Румянцева. Турки и татары обратились в поспешное бегство.

В сражении при р. Ларге турки потеряли одними убитыми около 1000 человек. Потери русских не превосходили 100 выбывших из строя.

Наши трофеи составляли: 30 орудий, восемь знамен, ставки пашей и весь неприятельский лагерь.

За победу в сражении при Ларге Румянцев был награжден орденом святого Георгия первой степени, получив первым этот высокий знак отличия.

Сражение при Кагуле. После боя на р. Ларге обстановка для Румянцева складывалась крайне неблагоприятно. В ходе преследования отступающих турок и татар русской армии приходилось втягиваться в крайне пересеченную местность, неудобную для маневрирования; Румянцеву нужно было бы дробить свои силы для наблюдения за отдельными участками; наконец, пополнение запасов сделалось крайне затруднительным.

Ввиду этого Румянцев вынужден был со всеми войсками оставаться на месте, выделив вперед для прикрытия армии верст на двадцать сильный авангард. Но такое решение давало возможность визирю совершенно безнаказанно переправиться через Дунай.

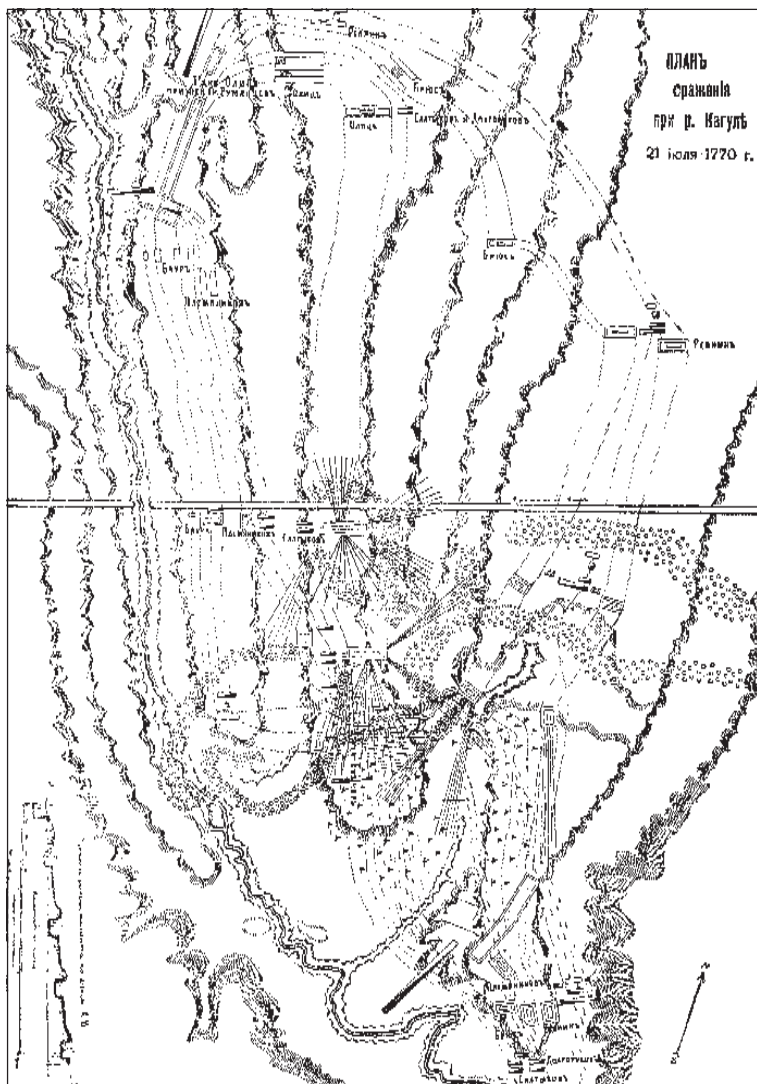
Не в силах помешать противнику сосредоточиться Румянцев не отказывается, однако, от мысли разбить армию визиря, но желает сделать это, не углубляясь далеко за Троянов вал. Приняв такое решение, Румянцев уже на второй день после боя при Ларге выслал вперед авангард Бауэра, который 10 июля подошел к д. Гречени, на р. Кагул, не дойдя 10 верст до Троянова вала.

Тогда же Румянцев узнал, что визирь, будучи не в состоянии навести на Дунае мост, переправился на 300 лодках и выслал подкрепление к отступавшим от Ларги туркам.

Зорко следя за малейшим движением неприятеля, Румянцев тотчас выслал полковой обоз навстречу транспорту в направлении к Фальчи с тем, чтобы возможно скорее подвезти к армии хотя бы 10-дневный запас продовольствия. Ввиду этого он 11 июля перешел к д. Алимурза на р. Сальче.

13 июля Румянцев получил от Бауэра донесение, что турки в значительных силах сосредоточились в 20 верстах от этого селения. В то же время было получено известие, что татары появились на левом берегу озера Ялпух. Узнав об этом, Румянцев усилил авангард Бауэра войсками Репнина, а войска, бывшие под его непосредственным начальством, на случай общего сосредоточения двинул по р. Сальче и 14 июля занял д. Мусантул.

Ввиду того, что в турецком лагере была слышна салютационная пальба, Бауэр сделал предположение о прибытии туда визиря с его главными силами.

План сражения при р. Кагуль 21 июля 1770 г.

В результате 16 июля главные силы Румянцева оставили долину р. Сальчи и подошли к д. Гречени. Для прикрытия же левого фланга в д. Мусантул был выделен особый отряд под начальством князя Волконского, всего более 10 тысяч человек. За этим выделением у Румянцева при полном сосредоточении остальных его войск оставалось 24 тысячи пехотинцев, 5,5 тысячи человек конницы, а всего 29,5 тысячи человек строевых и нестроевых войск при 118 орудиях.

20 июля турки начали наступление и в этот же день расположились в семи верстах от нашей армии. Тогда Румянец сделал распоряжение об атаке неприятеля.

Силы турок, которых предстояло атаковать, достигали 150 тысяч человек, из них 50 тысяч пехотинцев и 100 тысяч конницы; кроме того, в тылу у Румянцева было 80 тысяч татар.

Поле сражения при Кагуле ограничивается с севера Трояновым валом — от р. Кагул по прямой линии на протяжении 7—8 верст, на западе — непроходимым вброд Кагулом, на востоке — широкой ложбиной. Эта последняя и р. Кагул постепенно сближаются между собой с севера на юг, и 7—8-верстное расстояние между ними по Троянову валу доходит мало-помалу до полутораверстного открытого пространства, образующего южную границу поля сражения. Внутреннее пространство поля сражения разделено четырьмя гребнями высот разной длины, идущими параллельно Кагулу и восточной ложбине, т. е. сходящимися к узкому южному выходу с поля сражения. Средний хребет, с версту шириной, простирается за вал в направлении к югу на четыре версты и в конце почти сходится с более широким восточным гребнем, обнимающим с востока все три хребта.

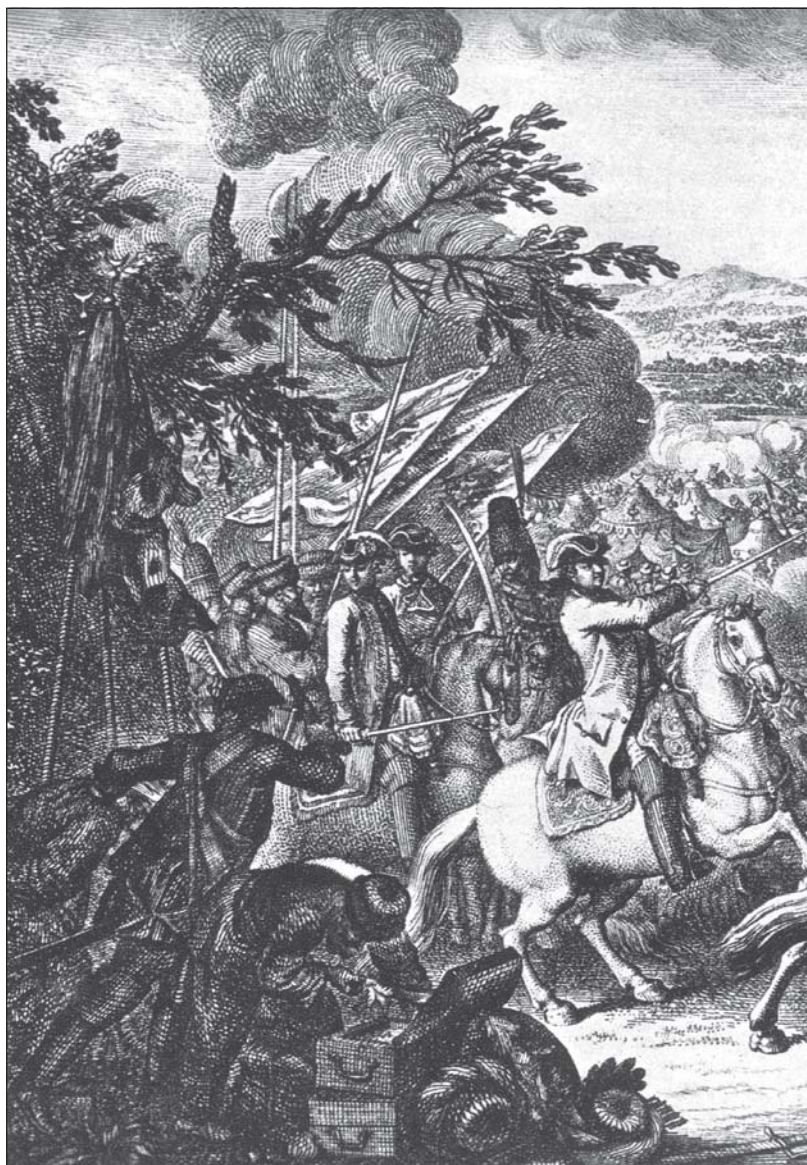
Визирь Галиль-бей, со 150—170 тысячами человек при 130 орудиях, занял южный край наиболее длинного среднего хребта и, по обыкновению, приступил к возведению сильных укреплений. За ночь они успели возвести на протяжении более двух верст ярусную оборону в четыре ряда окопов с пятью рядами впереди них и разместить там свою многочисленную артиллерию. При всех невыгодах турецкой позиции — тесной и открытой с правого фланга — она имела и огромные преимущества, дающие возможность туркам со-

вершено свободно атаковать русских в разных направлениях лощинами, между гребнями.

Оценив условия, при которых приходилось вести бой, Румянцев решил направить главный удар на левый фланг турок.

Для боя армия оставалась при прежнем подразделении, т. е. была в составе трех дивизий, двух авангардов и конницы. По диспозиции на 21 июля, каждое из этих подразделений получило самостоятельную частную задачу: а) авангард Бауэра, силой до 4 тысяч человек, должен был следовать по крайнему гребню к долине Кагула и, перейдя Троянов вал, атаковать турок в обход их левого фланга; б) дивизии Племянникова, численностью до 4,5 тысячи человек, указано было наступать по тому же хребту и, перейдя Троянов вал, принять влево и, закрыв собой лощину, атаковать левый фланг турок; в) дивизия Олица, около 7,5 тысячи человек, должна была следовать по наиболее длинному хребту, на оконечности которого турки заняли позицию, и в связи с дивизией Племянникова атаковать левый фланг позиции; г) дивизия Брюса, силой до 3 тысяч человек, и авангард Репнина, в составе около 5 тысяч человек, следуя по двум восточным, концентрически сходящимся хребтам, должны были атаковать центр неприятеля; д) конница распределялась следующим образом: 1) Сербский гусарский полк — между Бауэром и Племянниковым, 2) шесть эскадронов карабинеров — между последним и Олицом, 3) главные силы конницы Ив. Салтыкова, всего до 3,5 тысячи человек — между Олицом и Брюсом и, наконец, 4) два полка — между Репниным и Брюсом. Все обозы оставлены были в вагенбурге сзади армии. Из 27 тысяч войск под командованием Румянцева в один пункт удара направлялось до 20 тысяч.

В час ночи русские войска, расположенные на р. Кагул верстах в 6—7 от Троянова вала, начали движение строго согласно диспозиции. Каждое подразделение армии шло отдельно, в двух колоннах. По занятии места на соответствующих гребнях левый фланг вынужден был отступить от точного указания диспозиции, а именно: Брюс примкнул к Репнину, образовав на левом фланге одну группу войск до

Победа русской армии, предводительствуемой фельдмаршалом

П. А. Румянцевым, над турками при Кагуле 21 июля 1770 г.

8 тысяч человек. Только в пятом часу утра русские войска начали переходить Троянов вал, причем конница Салтыкова была переведена с левого фланга каре Олица на правый.

Вскоре сильная турецкая артиллерия из-за ярусных окопов открыла канонаду, и турецкая конница повела атаку на весь фронт нашего наступления. Каре наши остановились и открыли жестокий огонь по неприятелю. Пользуясь ложиной между двумя группами нашей армии, турецкая конница окружила со всех сторон Брюса с Репниным, засакала за Троянов вал и, засевав во рву, открыла огонь в тыл каре Олица.

Когда Румянцев заметил, что наиболее усиленные атаки направлены на Брюса и что ложина между ним и Олицом вся заполнена неприятельской конницей, то тотчас сделал следующие распоряжения: из каре Олица был выслан внутренний резерв и охотники с несколькими пушками, которые, став в каре на Трояновом валу, открыли продольный огонь вдоль него и этим скоро обеспечили тыл Олица. В то же время каре Олица было двинуто вперед и несколько влево. Этим движением оно закрывало выход из ложины, где скопился противник, и угрожало его пути отступления. Открыв артиллерийский огонь вдоль ложины, отделявшей главные силы Олица от Брюса и Репнина, каре Олица к восьми часам утра восстановило наконец связь с левой группой.

В отряде Брюса и Репнина в критическом положении находилась конница. Пехотные каре спокойно отражали удары, но конница вынуждена была прибегнуть к стрельбе с коня. На правом фланге Бауэр и Племянников также были атакованы неприятельской конницей, но успешно отбивали атаки.

В девятом часу утра центр и левый фланг русских, отразив первый натиск неприятеля, перешли в наступление.

Указанный порядок движения открывал ложину между Олицом и Бауэром. Этим воспользовались турки и направили на Бауэра свою конницу, мгновенно окружившую его со всех сторон и заставившую его остановиться. Между тем войска, атакующие центр позиции, около девяти часов утра появились впереди окопов. Только каре Племянникова приготовилось штурмовать крайний фланг турецких укреплений, как 10 тысяч янычар из передовых рвов бросились ложиной меж-

ду Племянниковым и задержанным Бауэром, ворвались в каре Племянникова и сбили его полки в нестройную толпу, бросившуюся назад и готовую расстроить спокойно наступавшее каре Олица. Моментально оценив критическое положение, Румянцев обратился к герцогу Брауншвейгскому со словами: «Теперь настало наше дело» выехал из каре, встретил бегущих словами «Ребята, стой!» — и этим личным своим примером магически воодушевил все войска.

Войска Племянникова, видя какой опасности подвергается Румянцев, остановились, задержали янычар и дали возможность бригадиру Озерову с 1-м гренадерским полком из каре Олица встретить янычар картечью и штыками. В то же время бригада Мелисино открыла по янычарам сильный огонь, а конница Салтыкова и Долгорукова, пользуясь минутой, пошелонно атаковала турок и тем способствовала окончательному отражению турецкой контратаки.

Быстро приведя в порядок каре Племянникова, Румянцев тотчас направил его по следам бежавших в укрепления янычар, которые к этому времени были охвачены с их левого фланга гренадерским батальоном Воронцова из отряда Бауэра, высланным ложиной и наткнувшимся на необеспеченный, вследствие перехода янычар в наступление, левый фланг турецкой укрепленной линии. Удачные действия Воронцова всецело облегчили фронтальный удар Племянникова, а за ним и Олица. К моменту атаки Племянникова и Олица с фронта Бауэр поддержал Воронцова, а Брюс атаковал правый фланг турок. В то же время Репнин, видя успех в центре, свернул влево и открыл огонь в тыл турок. Этим он увеличил панику, обыкновенно охватывающую их в подобном положении. В десятом часу утра позиция была уже взята и неприятель обращен в бегство.

Из-за усталости войск и поспешности отступления неприятеля его преследовали в этот день пехотой не более четырех верст, а конницей — несколько дальше. К вечеру вся армия Румянцева расположилась вблизи бывшей турецкой позиции.

Потери турок были огромны: 130 орудий большого калибра со всеми запасами и весь обоз достались победителю.

Наши потери не превышали 1 тысячи, а турок — до 20 тысяч человек.

За победу при Кагуле Румянцев был произведен в фельд-маршалы.

Следствием Кагульского боя было занятие нами в середине ноября 1770 года всех укрепленных пунктов на Нижнем Дунае.

В общем, стройная и цельная Ларго-Кагульская операция Румянцева с неуклонным преследованием своей цели, с неизменным стремлением к решительному бою, с искусным ведением наступательных боев при использовании в полной мере технических средств того времени и принципов глубокой тактики, с постоянным духовным взаимодействием полководца и ведомых им войск, с проявлением в высшей степени взаимной выручки, а частными начальниками — частного почина показывает, что в разбираемую эпоху военное искусство у нас на Руси стояло очень высоко и гораздо выше, чем на Западе. Вместе с тем Ларго-Кагульская операция свидетельствует о том, что в лице Румянцева не только наша военная история, но и военная история всего мира имеет дело с гениальным военачальником, с великим полководцем, который, глубоко понимая основы военного искусства как в стратегии, так и особенно в тактике, направил развитие военного дела по новым путям, наиболее отвечающим природе войны и боя.

Александр Васильевич Суворов

*А. Г. Елчанинов, ординарный проф.
Императорской Николаевской
Военной академии, генерал-майор*

Александр Васильевич Суворов (1729 или 1730—1800) происходил из старинного, но незнатного дворянского рода¹.

Родители не готовили Суворова к военной службе: он был худ, хил, мал ростом, плохо сложен и некрасив. Однако, едва узнав грамоту, Суворов непреодолимо пристрастился к военным книгам, и когда ему минуло 11 лет, генерал Ганнибал, воспитанник Петра Великого, после жалобы отца Суворова на военные склонности сына, разговорился с ним и посоветовал не мешать этим склонностям.

Тогда отец Суворова в 1741 г. записал его рядовым в Лейб-гвардии Семеновский полк, и с 15 лет Суворов начал службу. К этому времени он успел изучить походы Александра Македонского, Цезаря, Ганнибала, Густава II Адольфа, Тюренна, Евгения Савойского, историю военную и общую, географию, философию, иностранные языки; рядовой Суворов знал больше многих офицеров того времени. Всего он достиг самоучкой; лишь фортификацию, артиллерию и языки проходил с помощью отца и в кадетском корпусе.

В полку Суворов с особой любовью взялся за солдатскую науку — делал даже то, чего ему не полагалось. Ружье

¹ Его дед, Юда Сувор, прибыл в Москву из Швеции при Симеоне Гордом.

он называл «женой»; вместе с нижними чинами исполнял черные работы. Здесь он и привык к суровой жизни, чем навсегда закалил свое здоровье. Но главное, здесь зародилась прочная связь Суворова с солдатом, основа всей его деятельности.

Продолжая читать все свободное время, Суворов к 20 годам приобрел знания, которые ему не могли дать тогда учебные заведения. Но он не останавливался на достигнутом и продолжал учиться — до конца дней.

Только в 24 года Суворов, пройдя нижние звания, был произведен в поручики Ингерманландского пехотного полка, когда многие его сверстники были уже штаб-офицерами и генералами. Но Суворов сам отчасти не хотел быстрого производства в офицеры. Он стремился в совершенстве изучить солдатскую среду, и эта настойчивость, отличительная черта его жизни, вполне вознаградилась: за девять лет казарменной жизни он сделался неограниченным властителем сердца и ума солдата. Один иностранный писатель говорит: «Суворов завоевал сперва область наук и опыт веков, а затем — победу и славу».

Боевая деятельность Суворова

Первый боевой опыт и командование полком ♦ Суворов в войне с польскими конфедератами 1768—1772 гг. ♦ Участие Суворова в Первой турецкой войне 1773—1774 гг. ♦ Деятельность Суворова в 1774—1787 гг. ♦ Третья турецкая война: Кинбурн, Фокшаны, Рымник, Измаил ♦ Суворов в Финляндии и в Херсоне ♦ Вторая война с Польшей ♦ Штурм Праги

Первый боевой опыт и командование полком. К началу Семилетней войны Суворов — уже штаб-офицер, получив за четыре года два чина.

В 1758 г. ему поручено набрать в Лифляндии и Курляндии 17 батальонов и отвести их в Пруссию. Затем он — комендант Мемеля, а в 1759 г. в чине подполковника попал к Фермору «дивизионным дежурным» — чем-то вроде начальника штаба корпуса. Это было первым шагом его боевой службы в качестве офицера Генерального штаба.

1 августа 1759 г. — первое боевое крещение Суворова под Куннерсдорфом. Здесь бог войны сразу принял молодого русского витязя под свое особое покровительство. И яркое сияние победы осенило Суворова, а его «глазомер» сразу же обрисовался словами: «На месте главнокомандующего я бы пошел теперь на Берлин». В 1760 г. Суворов принимает участие в известном набеге Чернышева на Берлин. Многие начальники уже знали Суворова как дельного и перспективного штаб-офицера, в том числе Берг, просивший Фермора «уступить» ему Суворова. У Берга Суворов и получил первое свое боевое крещение как боевой командир.

Много раз проявлял он здесь свою смелость, особенно у Старгарда, где с горстью конницы напал на целый полк, а будучи окружен, быстро пробился и сохранил взятых пленных.

Вообще, все дела Суворова в эту войну были сплошным подвигом личной храбрости, находчивости и хладнокровия. Он был оценен как отличный офицер Генерального штаба и пехотный командир, но особенно как выдающийся офицер конницы¹.

Два раза он был ранен, и довольно сильно.

После войны Суворов, посланный в Петербург с депешами, явился к Императрице и вскоре, приказом ее от 26 августа 1762 г., был произведен в полковники с назначением сначала командиром Астраханского пехотного полка, а затем и Суздальского.

Семилетняя война произвела на Суворова сильное впечатление. Войска наши отличались необыкновенной храбростью и стойкостью, но сама постановка военного дела, особенно хозяйства, оставляла желать лучшего. Суворов, получив полк, начинает его учить и воспитывать на свой, суворовский образец: явилось знаменитое «Суздальское учреждение». Когда даже выдающиеся деятели Европы были увлечены слепым подражанием пруссакам, Суворов оставался самообытным, и ничто не могло изменить его личного взгляда на военное дело.

¹ Во время войны Суворов командовал несколько месяцев Тверским драгунским полком, из-за болезни его командира, а также Новоархангельским.

Главная задача Суворова была обучить полк только тому, что необходимо на войне; строевые учения велись живо, наглядно. Главное внимание обращалось на порядок ведения огня и быстроту перестроений. Каждое занятие кончалось обучением владению штыковым ударом. Часто, подняв полк по тревоге, Суворов водил его по несколько суток, днем и ночью, через густые леса, холмы и овраги, по бездорожью, вброд и вплавь через реки. После учений Суворов делал разбор учения, каждый раз высказывая свое требование идти навстречу опасности, всегда наступать, никогда не отступать и не обороняться. Вместе с тем, воспитывая солдата, Суворов укреплял в нем веру в Бога, столь присущую русскому человеку, внушая, что на войне ничего невозможного нет, а дисциплину основывал не на страхе наказания, а на осознании ее необходимости. Он почти не прибегал к жестоким наказаниям и никогда не попирали человеческое достоинство.

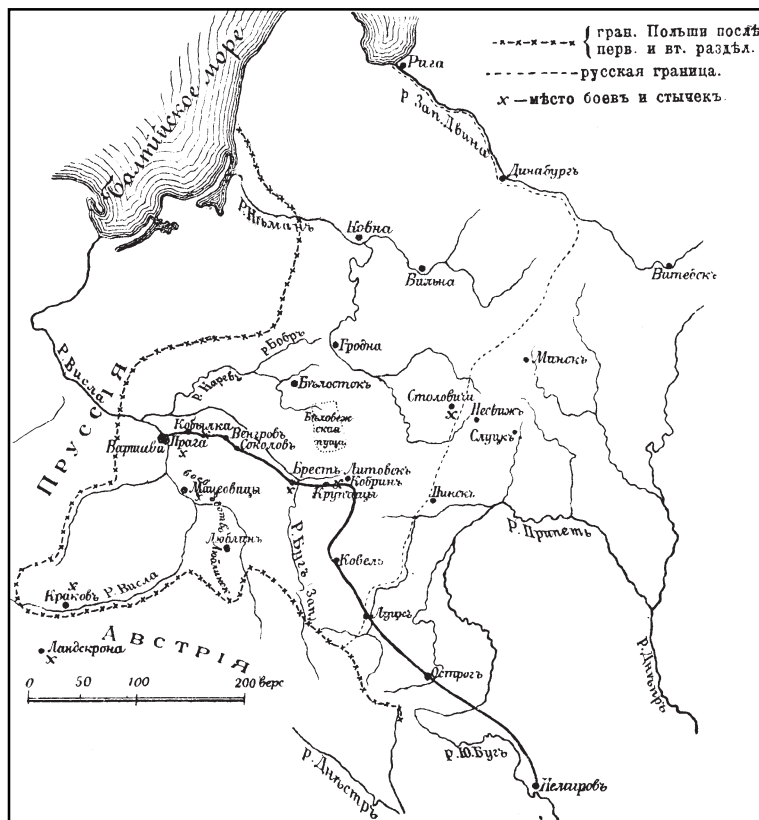
В 1765 г. в Красном Селе на смотре в присутствии императрицы Суздальский полк резко выделился из девятнадцати других по всем воинским показателям.

В 1768 г., во время волнения в Польше, Суворов, уже в чине бригадира, был направлен туда с суздальцами (входившими в его бригаду).

Суворов в войне с польскими конфедератами 1768—1772 гг. Суворов выступил к Смоленску из Ладоги в ноябре, в самое тяжелое время. Несмотря на бездорожье, множество болот, сильную непогоду и короткие ноябрьские дни, суздальцы прошли за 30 дней более 850 верст, и за весь поход заболело только шесть человек и один пропал без вести.

В Смоленске Суворов был задержан, так как зимой волнения в Польше утихли. Но весной 1766 г. Суворов со своей обученной по собственным правилам бригадой вновь двинулся в Польшу. От Минска до Варшавы 600 верст он прошел за 12 дней, частью пользуясь подводами.

Немедленно из-под Варшавы он сделал набег к Бресту, а далее, за сутки преодолев 70 верст к Орехову на разгром банды Пулавских (400 солдат против 2 тысяч). Один из предводителей банды был убит, а банда рассеяна.

Карта военных действий 1768—1771 и 1794 гг.

После этой победы Суворов был назначен главой «Люблинского района», и под его командованием собралось до 4 тысяч человек. Несмотря на трудности, Суворов скоро прибрал край к рукам. Но Александр Васильевич все же тяготился своим положением: не мелких деяний жаждал он, а крупных, решительных ударов по конфедератам. Кроме того, раздражали несогласия с главнокомандующим войск в Польше, Веймарном — генералом опытным, но болезненно самолюбивым. Но вот в 1771 г. Турция, по наущению Франции, объя-

вила войну, а прибывший с небольшим числом войск французский генерал Дюмурье начал удачно поход, отбросив наши передовые части за Вислу. Суворов воспрял духом.

С 1600 человек и при восьми орудиях двинулся он из Люблина, по пути разбил несколько отрядов и в 28 верстах от Кракова, у д. Ланцкроны, пополнив войско до 3500 человек, 10 мая неожиданно напал на конфедератов (4 тысячи человек). Сражение было выиграно за два с половиной часа благодаря умению Суворова оценивать противника. Конница дерзко сбила врага, главные силы довершили победу.

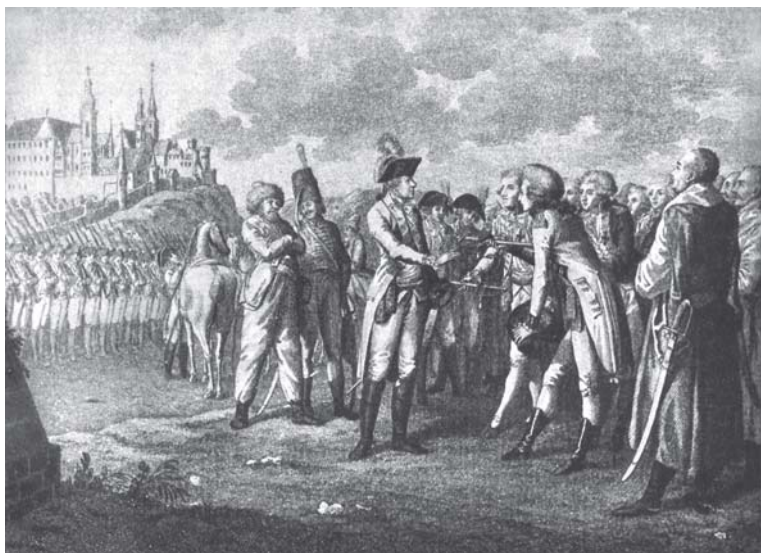
Ланцкронское поражение произвело потрясающее впечатление. Дюмурье вернулся во Францию. Но остался еще Пулавский — глава дела, самый смелый и способный конфедерат. Суворов немедленно двинулся за ним, настиг у Замосцьа, разбил и стремительно преследовал.

Поляки сделали еще одно усилие. Великий гетман Литовский, граф Огинский, уклонявшийся до того от вхождения в конфедерацию, открыл в Литве военные действия.

Веймарн приказал Суворову не отлучаться из Люблина до особого распоряжения и лишь наблюдать за Огинским. Однако Суворов счел необходимым скорее покончить с ним. 1 сентября он отправил Веймарну краткое донесение: «Пушка выстрелила, и Суворов пошел в поход». 12-го Суворов, у Несвижа, узнал, что Огинский с 4—5 тысячами человек находится у местечка Сталовичи. У Суворова было всего 822 человека. Он решил взять внезапно, навязав противнику ночное сражение.

Бой был очень упорный. Лишь к 11 часам удалось сломить сопротивление поляков. Несмотря на помощь Беляка, выступившего с двумя полками улан, они бежали. Сталовичский поход — за четыре дня более 200 верст — и победа сделали Суворова весьма известным. Фридрих Великий советовал полякам его остерегаться. Однако Веймарн послал в военную коллегияу донос на самовольство Суворова. Но Суворова не предали суду, как хотел Веймарн, а наградили орденом св. Александра Невского.

В начале 1772 г. Веймарн сменил Бибииков, человек разумный и справедливый. Решено было истребить конфеде-

Сдача Краковского замка в 1771 г. (с картины Шуберта)

ратов, для чего отобрать у них все их укрепления, где было немалое число и французов, под командованием генерала де Виоменья. Последний, по оплошности русских в Кракове, овладел замком, его оплотом.

Суворов немедленно двинулся к Кракову, осадил замок и, обрушив артиллерией часть его и произведя в городе пожары, предложил сдаться. Требование немедленно было исполнено.

Из Кракова Суворов делал налеты на соседние укрепления, вплоть до раздела Польши между Россией, Пруссией и Австрией.

Описанные действия Суворова обращают на себя внимание невероятной быстротой передвижений и стремительностью нападений.

40—60 верст — обычный переход Суворова, а бывало, что он преодолевал за сутки до 85 верст. В итоге внезапность появления и стремительные удары даже с ничтожными силами приносили победы над многочисленным, но уже озада-

ченным врагом. «Удивить — победить», — говорил Суворов. «Быстрота и внезапность заменяют число», — было его же правилом.

Все бои Суворов начинает головными частями, не ожидая подхода хвоста. «Голова хвоста не ждет» и «атакуй с чем Бог послал», — говорит он, держась правила, что лучше бить врага хотя бы и малыми силами, но неожиданно, чем идти на него со всеми силами, но дать возможность обнаружить себя. Такие действия не всеми были поняты, и успехи Суворова приписывали его дерзости и счастью. Так, Дюмурье, осуждая Суворова за ведение боя у Ланцкроны, говорил, что русские могли быть жестоко биты по частям. Поляки также порицали Суворова: он не имеет понятия о военном деле, ему драться только с медведями. «Бывало, займешь позицию, ждешь русских с фронта, а он бросается либо с тылу, либо во фланг. Мы разбегались более от страха и внезапности, нежели от поражения»¹.

Участие Суворова в Первой турецкой войне 1773—1774 г. Еще во время борьбы с конфедератами разгорелась война с Турцией. Она шла пять лет — с 1769 по 1774 г. Первый год мы вели себя бесцветно, робко. Но в 1770 г. Румянцев победами у Ларги и Кагула почти полностью сокрушил сухопутные силы Турции, а в Чесменском бою мы разбили ее флот. Затем 1772-й и часть 1773 г. прошли в бесплодных переговорах, и пришлось снова взяться за оружие, вызвав из Польши и Суворова с назначением его начальником войск, дислоцированных у Негоештского монастыря (против крепости Туртукай), для связи дивизии Салтыкова (начальника Суворова) с Потемкиным.

Дабы перейти Дунай неожиданно, Румянцев решил мелкими нападениями приучить турок к тревоге. Первое нападение указано было сделать Суворову на Туртукай. У Суворова было всего 500 пехотинцев, в Туртукае — 4-тысячный гарнизон. Он просил усиления, ему отказали. Разведав силы противника, Суворов отдал приказ, где, в частности, говори-

¹ Дубровин Н. Суворов среди преобразователей Екатерининской армии. С. 87.

лось: «Турецкие набеги отбивать наступательно. Подробности зависят от обстоятельств, разума и искусства, храбрости и твердости командующих».

В полночь 9 мая суворовцы сели в лодки, а в четыре часа ночи все было закончено: турки бежали, потеряв шесть знамен, 16 орудий, 30 судов, 21 лодку и более 1 тысячи убитыми и ранеными. Мы потеряли 88 человек. Суворов дважды был в опасности: разорвало турецкую пушку, осколком которой его ранило в ногу; и наскочил на него янычар.

«Слава Богу, слава вам, Туртукай взята, и я там», — писал Суворов Салтыкову, причем получалась игра слов: Я там — название селения у Туртукая.

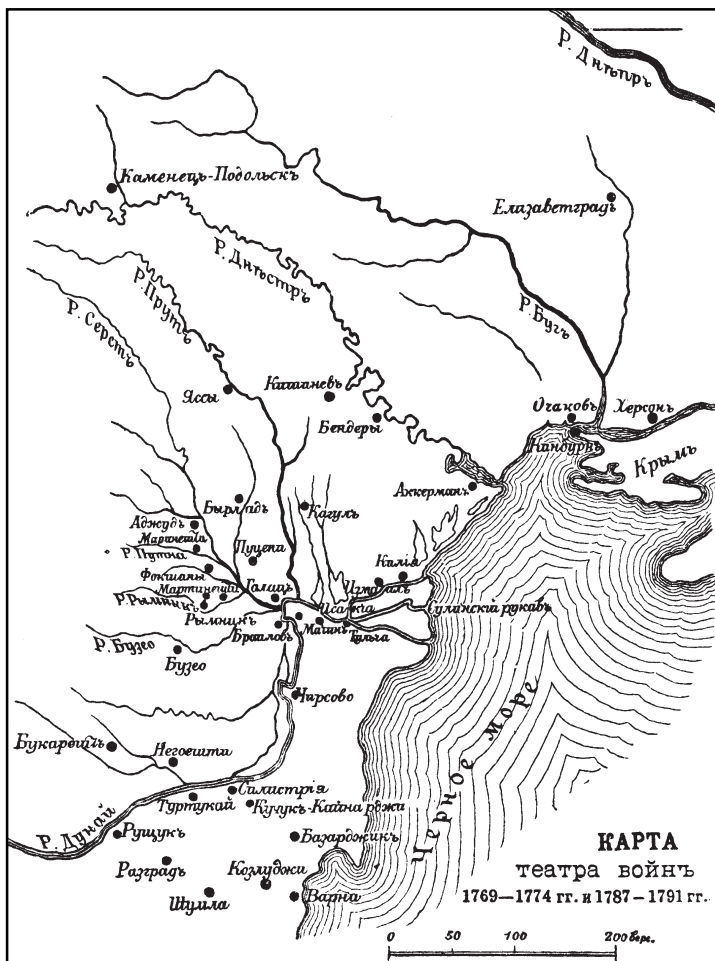
Бой у Туртукая замечателен еще и тем, что Суворов внес новые начала в действия войск. Несмотря на малое их число, он выстраивает две колонны и организует поддержку, а колонны прикрывает стрелками. Такое построение¹ было тогда совершенно новым, и его стали применять шире лишь через 50 лет после Суворова.

4 июня Суворов, большой лихорадкой, получил приказ Румянцева вторично идти на Туртукай, где 4 тысячи турок снова сильно укрепились. Как Суворов ни был слаб, он все же решил снова овладеть Туртукаем и в ночь с 16 на 17 июня произвел нападение. Всего у него было до 3 тысяч воинов, в том числе 680 солдат, едва обученных. Приказ был очень прост, в нем сказано: «Командиры частей и колонны ни о чем не докладывают, а действуют сами собой с поспешностью и благоразумием». К рассвету турки были обращены в бегство и, преследуемые пять верст, оставили 14 орудий, 35 судов, продовольствие, 600—800 убитых. Мы потеряли 102 человека.

В самом бою Суворов явил образец силы воли: истощенный лихорадкой, он передвигается с помощью двух человек, а для повторения приказаний — при нем особый офицер. Однако под конец боя Суворов все же сел на коня.

Что касается тактики, оба боя у Туртукая — образцы наступательной переправы.

¹ Позднее у Измаила, в Праге.

Карта театра войны 1769—1774 и 1787—1791 гг.

7 июня, согласно новому расписанию полков, Суворов назначен в Гирсово, единственное место, которым мы овладели на правом берегу реки и через которое Румянцев предполагал перейти Дунай. Потому удержать его в наших руках было весьма важно.

В ночь на 3 сентября Суворов одержал здесь блестящую победу, заманив 12 тысяч турок к нашим окопам с 3 тысячами солдат, а затем нанеся встречный удар и преследуя врага 30 верст конницей. Потери турок превысили 1100 человек наши — 200. Это образец выжидательного с решительной целью боя.

Зимой 1773 г. Суворов взял отпуск и отбыл в Москву, где неожиданно женился¹, но к началу 1774 г. вновь прибыл к войскам.

Румянцев полагал открыть действия в начале мая. Главные силы собирались у Браилова, западное крыло Репнина — у Слободзеи, восточное крыло Каменского — у Измаила, Суворов поддержкой — у Гирсова. Салтыков оборонял Верхний Дунай и Журжево. Суворов был подчинен Каменскому, для совместных с ним действий они условились наступать к Базарджику и далее к Шумле.

Это привело к упорному встречному бою у Козлуджи, в котором Суворов, не дожидаясь Каменского, с 8 тысячами солдат обрушился на 40 тысяч турок. Под быстрым натиском Суворова турки начали терять голову: они рубили для ускорения бегства построики артиллерийских лошадей, убивали своих всадников. Когда же к Суворову подоспели 10 орудий, все турецкое войско обратилось в ужасе в бегство. Суворову досталась богатая добыча: 29 орудий и 207 знамен. Потеря турок показывается различно: наименьшая — 500 убитых и 100 пленных, наша — 200 человек.

Несмотря на утомление, Суворов преследовал неприятеля до наступления ночи.

Сражение у Козлуджи было случайным для обеих сторон². В подобных боях и берет верх тот, кто раньше быстрыми, смелыми действиями убедит противника в своем превосходстве.

После победы Суворов подвергся упрекам Румянцева за действия вопреки приказанию, отданному от Каменского, и за уклонение от подчинения ему. Но вот в чем дело — Суворов и Каменский были упрямы, самолюбивы, недолюбливали

¹ Брак этот был несчастливим.

² Т. е. встречным.

друг друга. Совместные действия могли кончиться крупной ссорой в ущерб делу; Суворов постарался этого избежать¹. Наконец, Суворов чувствовал себя достаточно сильным и без Каменского. В общем, самостоятельность Суворова увенчалась успехом, и сам Каменский донес, что признает Суворова единственным виновником победы.

Победой при Козлудже турки так были потрясены, что вскоре Порта подписала Кучук-Кайнарджийский мир на условиях, предложенных русским правительством.

В первую Турецкую войну все главные победы были одержаны Суворовым. Под Туртукаем он дважды бьет многочисленного неприятеля с 4 тысячами солдат. Под Гирсовом 3 тысячи воинов бьют 12-тысячное войско; наконец, под Козлуджи 8 тысяч человек бьют 40 тысяч.

Обыкновенно принято думать, что турки были противником слабым; что бить их было легко; что их нестройные, хотя и многочисленные толпы готовы были бежать при первой к тому возможности и что «европейское качество всегда побьет азиатское количество», — как говорит историк Соловьев. Однако те же беспорядочные толпы турок били хорошо обученные австрийские войска и вынуждали Австрию подписывать постыдный мир, вроде Белградского. Следовательно, наши победы над турками, помимо выучки войска, одерживались еще и превосходством духа. Попутно Суворов не оставлял без внимания и тактические приемы.

Румянцев первым, в нарушение традиций, стал строить войска в несколько каре. Суворов пошел дальше; у него в каре строились даже роты. Это давало бóльшую подвижность, а одно или несколько разбитых каре не мешали остальным, тем более что Суворов строил их в два ряда. Кроме того, суворовские каре всегда могли поддержать друг друга перекрестным огнем. Это его знаменитое высказывание: «подвижные кареи, не закрывая крестных огней».

В общем, Суворов вложил в свои построения прерывчатость по фронту и в глубину, основав ее на самостоятельно-

¹ Суворов говорил про Каменского: «Каменский военное дело знает, да оно его не знает, а Суворов военного дела не знает, зато оно его знает».

сти, выучке и вере вождя в войска, а войск — в вождей, как это было в Риме, в революционных войсках и должно было еще больше закрепиться теперь, при здравом понимании глубокой тактики.

Деятельность Суворова в 1774—1787 гг. После войны общественное мнение указало на Суворова как на надежнейшего усмирителя все еще бушевавшего Пугачевского бунта. За девять дней прошел Суворов 600 верст, но ему не удалось сразиться с Пугачевым, который был разбит и взят в плен Михельсоном. Суворову осталось лишь распорядиться отправить Пугачева в Москву.

После казни Пугачева Суворову было поручено умиротворить край. Менее чем за год Суворов выполнил задачу не силой оружия, к которому старался не прибегать, а чело-вечностью и целесообразными мерами.

После умиротворения восточных окраин Суворова направляют в Крым. Однако здесь он пробыл недолго: попав под начальство Прозоровского, человека посредственного, Суворов отпросился в отпуск, в Полтаву, и в Крым больше не явился, несмотря на предписание Румянцева.

Томимый жаждой деятельности, Суворов с помощью Потемкина был назначен на Кубань. За три месяца Суворов сделал больше, чем его предшественник за несколько лет. Румянцев, оценив это, назначил Суворова в Крым на место Прозоровского. Здесь Суворов проявил и дипломатический дар, убедив крымцев в необходимости принять наше подданство. Обращением с населением Суворов и его войска приобрели добрую славу. Морское побережье было искусно охранено.

Однако Суворов из-за недоразумений с Румянцевым просил другого назначения; снова при содействии Потемкина получил Малороссийскую дивизию и уехал в Полтаву, к жене с дочкой. Но и здесь он пробыл недолго. В Петербурге будировалась несбыточная тогда затея: завязать торговлю с Индией через Персию и Каспийское море, для чего тоже понадобился Суворов. Целых два года жил он в Астрахани без дела. «Боже мой, долго ли еще мне в таком тиранстве то-

Генералиссимус князь А. В. Суворов

миться», — пишет он. Наконец Потемкин вызвал его снова в Крым, где происки турок произвели волнения. Пользуясь этим, мы заняли не только Крым, но и Тамань и Прикубанский край. Надо было привести к присяге новых русских подданных. Хорошо зная нравы туземцев, Суворов прибегнул к

любезности и угощениям, и ногайцы присягнули. Но вскоре, в отсутствие Суворова, изменили и, хотя и были разбиты, ушли за Кубань, не признав нашей власти. Суворов с 16 ротами, 16 эскадронами, 16 казачьими полками и 16 орудиями выступил за Кубань и настиг ногайцев, прежде чем они ушли в недоступные горы.

Прибегнув к ночным передвижениям и распространив ложные слухи, Суворов ночью 30 сентября перешел Кубань вброд по шею, а утром, близ урочища Керменчик, неожиданно напал на ногайцев и после 8-часового жестокого боя разбил их, вынудив к полной покорности. Крымские татары, боясь подобной участи, начали переселяться в Турцию, а Турция в феврале 1774 г. признала подданство России Крыма и Кубанского края.

После Крыма и Кубани, Суворов получил на два года Владимирскую дивизию. Это время Александр Васильевич признавал за «бездействие», и тут-то разошелся он с женой, отдав дочь в институт, а малютку-сына оставив при матери.

В конце 1786 г. Суворов по старшинству произведен в генерал-аншефы (полный генерал) и по желанию Потемкина поставлен во главе войск в Кременчуге, ибо Потемкину во время путешествия Екатерины в Крым нужно было представить и войска в должном виде.

30 апреля был смотр войскам Суворова, который в ходе него провел свое обычное учение. Все были поражены щегольским снаряжением солдат, их видом и особенно точностью и живостью движений и действий. Спутник Екатерины, император Иосиф II, признался, что не видел лучших войск. После этого смотра имя Суворова прогремело по всей Европе, и к его боевым подвигам прибавилась слава выдающегося военного учителя. В общем, созрело всеобъемлющее дарование, способное и бить врага в открытом поле, и мирным путем присоединять целые области, и обучать войска истреблению врага, и покорять без выстрела сердца целых народов.

Третья турецкая война: Кинбурн, Фокшаны, Рымник, Измаил. Присоединение Крыма к России нанесло удар Турции как главе магометанского мира, а в европейских враждеб-

ных нам государствах поселило зависть. По наущению Англии и Пруссии Турция потребовала в 1787 г. возвращения Крыма и ликвидации Кучук-Кайнарджийского договора, а получив отказ, 13 сентября объявила войну.

Нам эта война была нежелательна. Дела в Польше ухудшились, назревал разрыв со Швецией, и Пруссия была враждебна. Но вызова турок нельзя было не принять, и война началась при почти полной нашей готовности. Целью турок было овладеть Крымом и крепостью Кинбурн, которая затрудняла вход в Днепр и прямое сообщение Очакова с Крымом.

У нас было две армии: Екатеринославская, под началом Потемкина, численностью в 70 тысяч для обороны Крыма и вторжения в Турцию с берегов Черного моря; и 30-тысячная Украинская, под командованием графа Румянцева, для обеспечения связи с австрийцами (обязавшимися прибыть нам на помощь) и с Потемкиным, а также для охраны пространства от Киева до Хотина и прикрытия тыла Потемкина от Польши. В ожидании общего сбора приказано было Суворову с 30 тысячами солдат оборонять Херсон и Кинбурн и поддержать наши войска в Крыму.

У Суворова — с растяжкой от Херсона до Кинбурна, в Кинбурне и окрестностях — было лишь до 3 тысяч человек, но здесь был сам Суворов, оценивший значение Кинбурна, который хотя и мало был пригоден для обороны, но все же запирал выход из лимана вдоль Кинбурнской косы, где турки могли высадиться лишь с востока и запада.

Турки, уверенные в неготовности нашей, решили неожиданно овладеть Кинбурном. Весь день 30 сентября и с рассветом 1 октября они обстреливали с судов крепость, но Суворов приказал не отвечать. В девять часов утра к западной оконечности косы подошел большой флот и начал высаживать 6 тысяч отборных янычар. На востоке от Кинбурна высадились запорожцы, но были прогнаны.

Под руководством иностранных офицеров турки принялись быстро рыть окопы поперек косы и ставить рогатки, а суда были отведены далеко в море, чтобы янычары не помышляли об отступлении. Суворов, молясь в церкви, прика-

Спасение Суворова мушкетером Новиковым
в бою под Кинбурном

зал не мешать высадке: «Пусть все вылезут». Было лишь указано стянуть к крепости войска из окрестностей. Когда, при полном нашем безмолвии, турки вырыли 15 рядов окопов и были в одной версте от крепости, Суворов спокойно построил шесть батальонов и пять рот пехоты в шахматном порядке в две линии, а конницу поставил южнее, вдоль бере-

га моря (уступ). В крепости и в обозе за крепостью было оставлено по две роты.

В три часа дня передовой отряд турок подошел на 200 шагов к гласису. Суворов дал залп из всех орудий, а первая линия с двумя казачьими полками и двумя эскадронами драгун мгновенно уничтожила турецкий авангард. Затем, несмотря на огонь 600 орудий с моря, первая линия генерала Река заняла 10 рядов турецких окопов, но здесь остановилась: коса очень сузилась, упорство турок, очнувшихся от первого удара, возросло. Суворов ввел вторую линию и два эскадрона. Но янычары, опрокинув наших, взяли обратно все окопы.

Суворов был в первых рядах, пеший (лошадь была ранена). Несколько турок бросились на него, но рядовой Шлиссельбургского полка Новиков одного застрелил, другого заколол, остальные бежали. Отступавшие гренадеры заметили Суворова; кто-то закричал: «Братцы, генерал остался впереди», — и все как один бросились снова на турок. Опять окопы один за другим начали переходить в наши руки. Но и этот успех был непродолжителен: огонь с суши и с судов нас отбросил.

В довершение Суворов был ранен картечью ниже области сердца и потерял сознание. Казалось, все было потеряно. Но огонь турецкого флота был ослаблен дерзостью лейтенанта Ломбарда: турки приняли его галеру за брандер и быстро начали уходить, а Суворов скоро пришел в себя. «Я в третий раз обновил сражение, — писал он, — победа совершенная». Немедля были двинуты четыре роты из обоза и крепости, и тут же прискакала находившаяся за 36 верст от Кинбурна легкоконная бригада, вызванная утром¹. Свежие войска пошли бурным прорывом. Конница рубила в лоб, пехота штыками шла с севера, казаки с юга. Артиллерия картечью была почти в упор.

В конце боя Суворов вновь был ранен — в руку пулей навывлет, но не покидал строя, хотя от потери крови и падал часто в обморок.

¹ «Счастье не изменило своему любимцу в это роковое мгновение», — говорит историк И. П. Петрушевский.

Из 6 тысяч высадившихся турок осталось в живых 700. Мы потеряли до 1000 убитыми и ранеными. Победа под Кинбурном — следствие превосходного руководства боем Суворовым. Благодаря необыкновенной настойчивости Суворова, доблести войск, общему подъему духа, как сказал поэт, «Наша Кинбурнска коса вскрыла первы чудеса», — тем более, что турки были, по словам самого Суворова: «Молодцы: с такими я еще не дрался».

Начало войны Кинбурнской победой удручило турок, а Суворов получил орден св. Андрея Первозванного при рескрипте. «Чувствительны Нам раны ваши», — писала Екатерина. Потемкин не находил слов благодарить Суворова. Но плодами победы не воспользовались: войска не были в сборе; настала зима. Военные действия прекратились.

Зиму Суворов пробыл в Кинбурне, плохо поправляясь от ран.

К марту 1788 г. наши армии были почти готовы. Австрия, объявив войну, выставила помощь, но действия все не начались. Только в июле Потемкин наконец приступил к осаде Очакова. Осада, как всегда, затянулась, вспыхнули болезни. Суворов мучился, язвил Потемкина. «Не такими способами бивали мы поляков и турок, — говорил он, — одним глядением крепости не возьмешь. Послушались бы меня, давно Очаков был бы в наших руках».

Преследование турок без разрешения Потемкина осложнило отношение. Потемкин послал офицера за объяснениями к Суворову, у которого в это время вынимали пулю из шеи. Суворов ответил:

Князь

Г. А. Потемкин-Таврический

Осада Очакова 6—17 декабря 1788 г.
под начальством князя Потемкина

«Я на камушке сижу,
На Очаков гляжу».

После этого Суворову пришлось уехать в Кинбурн, где он слег. Лечение шло плохо: произошел взрыв лаборатории, и Суворов снова был ранен — в лицо, грудь, руку и ногу. Пришлось лечиться в Херсоне, а потом, до следующего года, в Кременчуге.

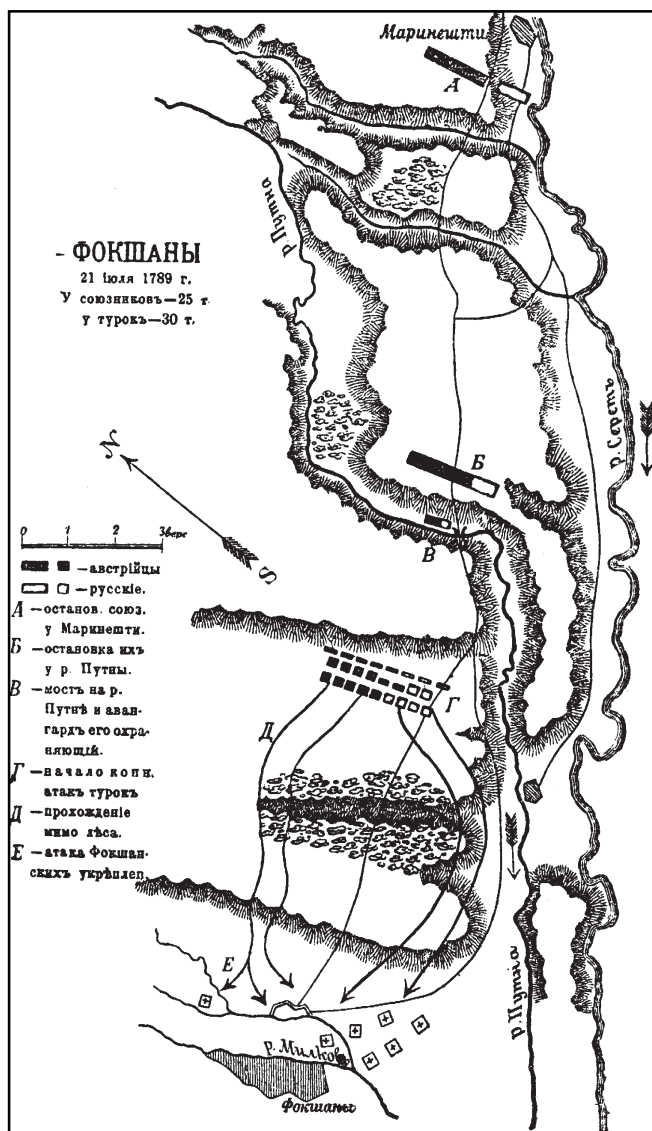
Наконец, после долгой, томительной осады, Очаков был взят 6 декабря все же приступом, а следующий год пришлось начать при неблагоприятных условиях. Швеция объявила войну, Польша тоже грозила разрывом. Но компания 1789 г. началась удачно: Дерфельден дважды разбил турок, и еще лучше пошли дела, когда в конце апреля Дерфельден сдал дивизию Суворову, который получил ее, однако, лишь после личного обращения к Екатерине. Став у Бырлада, Суворов явился ближайшим соседом только что прибывших в Аджуд 18 тысяч австрийцев, под командованием принца Кобурга.

Так как мы бездействовали, турки решили быстро двинуть на австрийцев к Фокшанам 30-тысячное войско Османа-паши. Принц просил Суворова о помощи. Суворов, оставив в Бырладе часть войск, выступил с 7 тысячами солдат, известив принца запиской: «Иду, Суворов». Пройдя за 28 часов 50 верст по дурной дороге, Суворов прибыл к австрийцам в 22 часа 17 июня так неожиданно, что Кобург поверил, только сам увидев русских.

Весь день 18 июня ушел на наводку мостов через р. Тротуш, и наши хорошо отдохнули. Утром принц послал приветствие Суворову, прося о встрече. Суворов ответил уклончиво. Второму посланному ответили, что Суворов Богу молится, третьему — что Суворов спит. Позже Суворов говорил: «Мы все время провели бы в прениях дипломатических, тактических, энигматических¹; меня бы загоняли, а неприятель решил бы наш спор, разбив тактиков».

В 11 часов Суворов послал Кобургу записку на французском: «Войска выступают в 2 часа ночи тремя колоннами,

¹ Загадочных, непонятных.

Фокшаны 21 июля 1789 г. У союзников — 25 тысяч,
 у турок — 30 тысяч

среднюю составляют русские. Неприятеля атаковать всеми силами, не занимаясь мелкими поисками вправо и влево, чтобы на заре прибыть к р. Путне, которую перейти, продолжая атаку. Говорят, что перед нами турок тысяч 50, а другие 50 дальше. Жаль, что они не всегда вместе, лучше бы было покончить с ними разом».

Кобург согласился не без колебания. Но, во-первых, уже было не время противоречить, а во-вторых, принц невольно подчинился Суворову, хотя и был старше.

Союзники выступили 19-го ночью. За р. Тротуш перестроились в две колонны: западная — австрийцы, восточная — наши. Впереди наших, чтобы скрыть их прибытие, шла австрийская конница Карачая, и остановки наши делали укрыто.

Утром 20-го продолжали идти к р. Путне, где были передовые войска турок. Главные силы их были в укрепленном лагере, у Фокшан. В четыре часа дня турки были сбиты за Путню, и союзники под проливным дождем навели мосты. На рассвете 21 июня Суворов пошел к Фокшанам.

Австрийцы построились в две линии, конница сзади; Суворов — в пять линий, конница — впереди. Турецкая конница окружила союзников и особенно плотно Суворова. Однако испытанная в боях с турками пехота наша была несокрушима: движение продолжалось. На пути лежал густой лес, занятый турками. Суворов решил его обойти, двинув австрийцев с запада, а русских с востока. Турки толпами отступали в главный лагерь. Обойдя лес, Суворов подошел еще ближе к востоку, болотистым камышом, чтобы выйти в бок турецкому лагерю, австрийцы продолжали движение в лоб.

Турки открыли сильную пальбу, но союзники, примкнув теперь друг к другу, уверенно шли на врага. В 1000 шагах от турок их артиллерия открыла огонь, а когда наша конница опрокинула турецкую конницу и часть пехоты, первая линия союзников, под начальством Дерфельдена, без выстрела, с музыкой и барабанным боем, бросилась в штыки.

Разбитые наголову, войска Османа бежали на Рымник и Бузео. Легкие войска союзников преследовали противника до наступления ночи. Через несколько недель Осман собрал едва несколько сотен человек.

После победы, которая обошлась всего в 400 человек убитыми и ранеными, Суворов и Кобург впервые увиделись; они обнялись, поцеловались. Принц, совершенно очарованный умом и обращением Суворова, сделался на всю жизнь его другом.

Фокшанский разгром был неожидан и для нас, и для турок. Мы наступать еще не думали; как вдруг слабые силы Суворова присоединяются к австрийцам, увлекают их и могучим ударом наносят врагу поражение. Турки, шедшие раздавить одиноких австрийцев, вдруг сами терпят поражение. Без сомнения, было чему подивиться. Екатерина заплакала от радости и при милостивом рескрипте пожаловала Суворову бриллиантовый крест и звезду к ордену св. Андрея Первозванного. Австрийский император прислал при рескрипте дорогую табакерку с бриллиантовым шифром. Общественность России выражала громко восторг. Суворов был везде героем. Турки начали суеверно бояться Суворова, маленький «Топал-паша»¹ сделался для них едва ли не пугалом: с ним стали побеждать и австрийцы!

Победа вновь была одержана благодаря воинскому искусству и силе духа войск. Непреклонная воля Суворова увлекла на победный путь и союзников. Полная его уверенность в победе заставила и их смотреть на дело уверенно и спокойно. Воинское искусство проявилось в нанесении встречного удара, который разрушил наступательный замысел турок. Оно же видно и в напряженности действий, и в глубоком построении с умелым сочетанием родов войск, и в громовом ударе на поле сражения, и в преследовании. Но главное: «Фокшаны зажмут рот тем, кои рассеивали, что мы с австрийцами в несогласии», — как сказала Екатерина.

Однако и плодами Фокшанской победы мы не воспользовались, поскольку снова не были готовы к общему наступлению. Суворов ушел обратно в Бырлад, Кобург остался в Фокшанах. Великий визирь вновь решил наступать. Искусно обманув Потемкина, он, лично возглавив 90—100-тысячное войско, устремился на Рымник, чтобы разбить Кобурга.

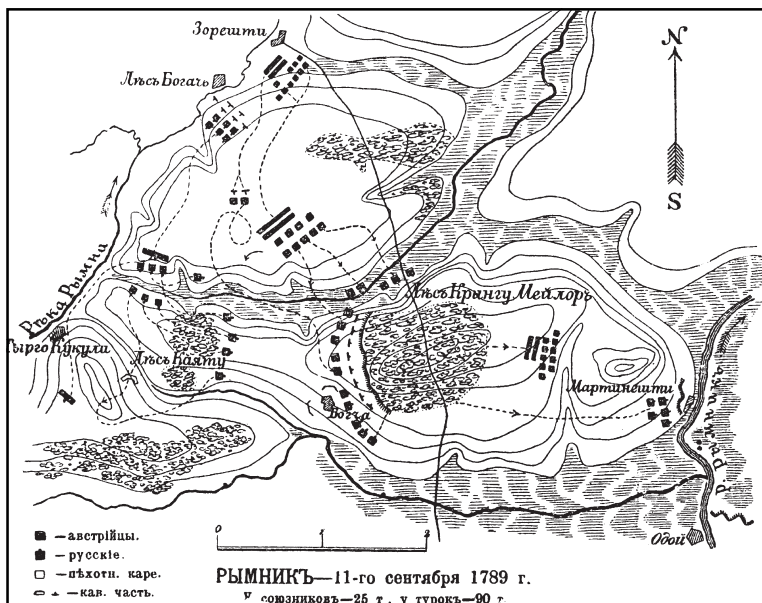
¹ «Хромой генерал». Суворов хромал еще после Туртукая.

Суворов разгадал намерение турок и перешел из Бырлада в Пуцени с намерением помочь австрийцам. 6 сентября ночью он получил известие о движении против Кобурга великого визиря и просьбу о помощи. Суворов, не убежденный пока в ее своевременности, остался наблюдать за Галацем, но усилил разведку. 7-го явился второй гонец: громадные силы турок находятся всего в 16 верстах от принца. Теперь Суворов уже повел свое 7-тысячное войско и, преодолев за двое суток более 75 верст по отвратительным дорогам при ливне и затратив время на наводку ряда мостов, 10 сентября соединился с австрийцами. Турки между тем, остановясь в укрепленном лагере на р. Рымнике, ограничились стычками.

Решением Суворова было немедленно напасть самому. Принц не соглашался, говорил, что несоразмерность сил слишком велика, русские войска очень изнурены, позиция турок очень сильна и т. п. Суворов раздраженно отвечал: «Числительное превосходство неприятеля, его укрепленная позиция, потому-то именно мы и должны атаковать его, чтобы не дать ему времени укрепиться еще сильнее. Впрочем, делайте что хотите, а я один с моими русскими войсками намерен атаковать турок и тоже один надеюсь разбить их».

Принцу оставалось исполнить волю Суворова. Суворов сделал разведку. У д. Тырго-Кукули стояло до 15 тысяч турок. Западная опушка леса Крынгу-Мейлор была занята 40 тысячами человек, в длинном ретраншементе с засеками, обеспеченными топкими болотами. Остальные 35—45 тысяч турок расположились в укрепленном лагере у Мартинешти на р. Рымнике.

Суворов предписал союзникам начать движение ночью на лес Крынгу-Мейлор, против крыла и середины неприятеля; на себя Суворов брал самую трудную задачу: двинуться боком на д. Тырго-Кукули, зайти правым плечом на д. Богчу и одновременно с австрийцами ударить по главным силам турок. Связь между русскими и австрийцами обеспечивала конница Карачая. Построение наше было таким же, как и под Фокшанами, причем оно же предписывалось и австрийцам. Преодолев (два батальона фанагорийских гренадер) крутой

Рымник. 11 сентября 1789 г. У союзников — 25 тысяч,
у турок — 90 тысяч

овраг и отбив яростные удары конницы турок, наши овладели передовым лагерем.

Принц Кобург двинулся в направлении леса Крынгу-Мейлор. Великий визирь приказал всей коннице (свыше 20 тысяч коней) ударить в большой промежуток между союзниками. Три раза бросались турки, но безрезультатно. Преследуемые союзной конницей, они понеслись к д. Богчу. Заняв д. Тырго-Кукули, Суворов быстро зашел на восток, в направлении на д. Богчу. В 3—4 верстах от леса, пользуясь близостью колодцев, он дал истомленным войскам напиться. Через полчаса, тщательно осмотревшись, Суворов вновь пошел на д. Богчу. В это время прибыл великий визирь со свежей конницей.

Земля задрожала от топота 40 тысяч коней, и турецкая конница окружила наши войска со всех сторон. Но, сопер-

начая с русскими в храбрости, австрийцы мужественно встретили противника, а конница Карачая рубила турок с боков и тыла.

Между тем Суворов овладел д. Богча. Увидев у себя в тылу русских, турки отхлынули частью к лесу, частью к Мартинешти.

Австрийцы скоро примкнули к нашему северному крылу. Теперь предстояло овладеть лесом Крынгу-Мейлор, где стояли 40 тысяч не бывших еще в бою янычар. Мгновенным наitiем свыше, дабы поразить турок неожиданностью и меньше терпеть от их огня, Суворов пустил вперед всю конницу и за ней бегом пехоту. В 300 саженьях от турок союзная конница сквозь пехоту бешено понеслась на укрепления. Стародубский карабинерный полк с полковником Миклашевским во главе первым перескочил окопы, за ним влетели австрийские гусары. Казаки и арнауты ворвались с тыла. Не успели янычары прийти в себя, как союзная пехота с криками «ура» и «да здравствует Франц» хлынула вслед за конницей. Началась страшная резня. Турки бросились к Мартинешти. Великий визирь пытался остановить их, читал Коран, умолял, грозил, стрелял из орудий — ничто не помогло. Только наступившая ночь спасла остатки беглецов.

Победа была полная: 15—20 тысяч турок лежали на поле битвы, остальные рассеялись. Великий визирь собрал впоследствии только 15 тысяч человек. Потери победителей не превосходили 600—800 человек. Добыча была огромная. Суворов получил достоинство графа Рымникского, Георгия I степени, бриллиантовый эполет, богато изукрашенную шпагу и ценный перстень; австрийский император возвел его в звание «графа Священной Римской империи».

Силой воли Суворов увлек колеблющегося союзника. Так же, как и под Фокшанами, решил он действовать самым страшным оружием: неожиданностью. Соединение его с австрийцами было столь невероятно быстрым, что визирь приказал отрубить голову лазутчику, донесшему, что Суворов 7 сентября находился в Пуцени.

Турки были разбросаны в трех местах, и визирь, ожидавший подкрепление, был разбит по частям.

Боковое движение с 7 тысячами войск — при наличии впереди 15 тысяч противника, а сбоку 40 тысяч — было выполнено с поразительным искусством. Распоряжение об ударе конницей на укрепления Крынгу-Мейлорского леса относится к числу блистательнейших решений гениального полководца.

Сила духа Суворова, его уверенность в победе передалась в войска, которые проявили необыкновенный подъем, особенно русские. Один из австрийских офицеров писал: «Как ни хороши наши люди, но русские еще превосходят их в некоторых отношениях; почти невероятно то, что о них рассказывают. Нет меры их повиновению, верности, решимости и храбрости. Они стоят как стена, и все должны пасть перед ними». Рымникская победа была столь потрясающа, что, перейди мы в общее наступление, война кончилась бы в том же году. Суворов и дал смелый совет похода за Дунай, но Потемкин продолжал бездействовать, и зима опять отдала поход до будущего года.

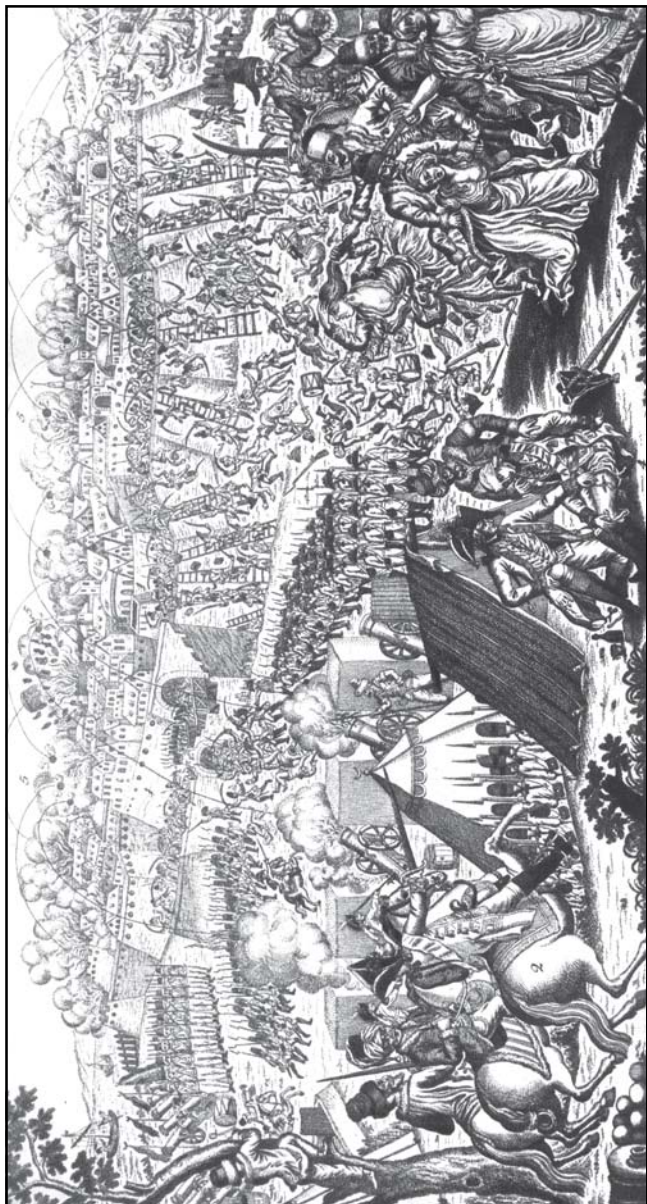
Все же Потемкин решил до зимы овладеть крепостями по Нижнему Дунаю. Корпус Мелера-Закомельского (10 тысяч) был собран на Нижнем Дунае, корпус Суворова (12 тысяч) — у Галаца. Кроме того, в устье Дуная прибыли содействовать сухопутным войскам гребные суда де Рибаса. В середине октября Мелер-Закомельский овладел Килией, а в половине ноября де Рибас овладел Тульчей и Исакчей.

Вторично (первый раз в 1787 г.) войска наши подошли к Измаилу и под начальством трех равновластных начальников: Мелера-Закомельского, Потемкина (племянника князя) и де Рибаса — приступили к осаде.

Измаил к 1790 г. был сильно укреплен иностранными инженерами. Главный вал на протяжении 6 верст имел семь бастионов и большое число входящих и исходящих углов. В юго-восточной части, лицом к реке, был кавальер до 40 футов¹ высотой, с 22 орудиями. Вал крепости был высотой в 3—4 сажени², ров шириной 6 сажений и глубиной 3—5 сажений, местами с водою до плеч. Все верки были земляные, за исключением двух каменных бастионов; кроме того, Бендерский бастион в

¹ 1 фут равен 0,3048 м, или 304,8 мм.

² 1 сажень равна 2,1336 м.

Штурм Измаила 11—12 декабря 1790 г. под начальством А. В. Суворова

северном исходящем углу был обделан камнем. Приречная сторона была слабее, но турки не полагали, что мы войдем в устье Дуная. Вооружение крепости состояло из 200 крупных орудий. Сам город высился уступами; прочные ханы, гостиницы, мечети способствовали обороне. Сообщения шли через четверо ворот: Царьградские (Броские) и Хотинские на северо-западной стороне, Бендерские и Килийские на северо-востоке. Число защитников достигало 35 тысяч, из них 8 тысяч конницы, 17 тысяч янычар, несколько тысяч татар.

Комендант Измаила, старый, поседевший в боях Айдозли Мехмет-паша, был человеком решительным, твердым и дельным. Султан обещал, что, если Измаил будет взят, оставшиеся в живых защитники будут казнены. Боевых припасов было в изобилии, продовольствия — на полтора месяца. Таким образом, Измаил был крепостью сильной, хорошо вооруженной и снабженной, с многочисленным храбрым гарнизоном и с опытным, решительным вождем.

Скорое овладение Измаилом было весьма трудным. Между тем оно было крайне необходимо политически, дабы заключить мир с Турцией, пока враждебные нам державы не успели помочь ей, для чего и надо было кончить войну сильным ударом. Однако дела наши шли плохо. В сырое, холодное время в войсках вспыхнули болезни, не хватало довольствия. 26 ноября на военном совете было решено, ввиду неодолимости Измаила, отойти на зиму подальше. Некоторые части уже приводили в исполнение это решение; де Рибас объявил, что уходит к Суворову, в Галац, как вдруг пришло известие, что начальником войск, собранных под Измаилом, Потемкин назначил Суворова. Известие это, как искра, облетело войска. Все ожили, все знали, чем кончится дело. «Как только прибудет Суворов, крепость возьмут штурмом», — говорили все, а особенно пылко де Рибас, иначе и не называвший Суворова, как героем.

Суворов отправил из Галаца под Измаил фанагорийских гренадер, 200 казаков, 1 тысячу арнаутов и 150 охотников Апшеронского полка, 30 лестниц и 1 тысячу фашин, продовольственные запасы, а сам поспежал вперед.

Рано утром 2 декабря, предварительно преодолев свыше 100 верст, к Измаилу подскакали два всадника, забрызган-

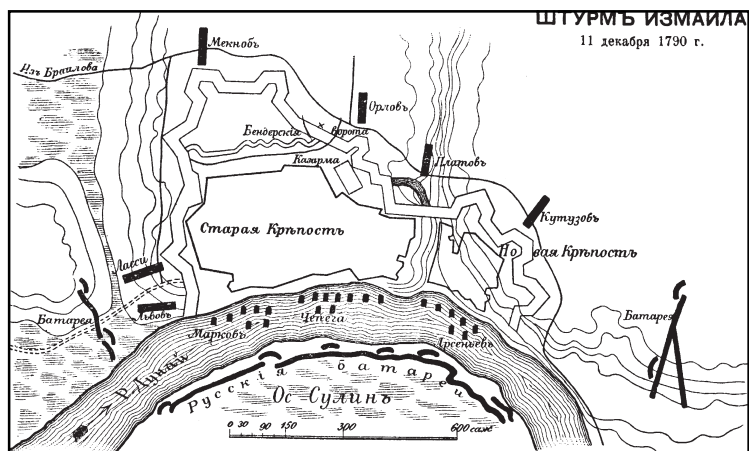
ные грязью: это были Суворов и казак, который в крохотном узелке вез все имущество полководца. Раздалась приветственная пальба, общая радость распространилась в войсках: в маленьком, сморщенном старичке видели символ предстоящей победы!

Суворов немедленно приступил к делу. Ежедневно выезжал он с офицерами на разведку, изучал внимательно каждую складку местности, давал указания, где и как вести войска на приступ. Были заложены батареи с целью убедить турок в желании вести осаду. Рибас выстроил сильные батареи на острове Сулин и учил войска посадке на суда. В лагере были выстроены валы и рвы наподобие измаильских, и ночью под руководством Суворова войска учились преодолевать их; готовились лестницы, фашины¹.

7 декабря Суворов послал в Измаил письмо Потемкина с предложением сдать крепость и к письму приложил свою записку: «Сераскиру, старшинам и всему обществу: я с войсками сюда прибыл. 24 часа на размышление для сдачи и воля; первые мои выстрелы — уже неволя; штурм — смерть. Что ставлю вам на рассмотрение». Сераскир ответил письмом, прося перемирия на 10 дней, а на словах прибавил: «Скорее Дунай остановится в своем течении и небо рушится на землю, чем сдастся Измаил».

Суворов ответил сераскиру, что, вопреки обыкновению, дает на размышление еще 24 часа. В назначенный срок ответа не было, и на 11-е число было назначено взять Измаил. Оставшиеся сутки пошли на завершение вещественной части и на небывалую по умению и объему нравственную подготовку. Суворов ходил по бивакам, говорил с солдатами и офицерами, вспоминал прежние победы, указывал на трудности овладения Измаилом. «Видите ли эту крепость, — говорил он, указывая на Измаил, — стены ее высоки, рвы глубоки, а все-таки нам нужно взять ее. Матушка-царица приказала, и мы должны ее слушаться». — «С тобой все возьмем», — восторженно отвечали солдаты. Гордый ответ сераскира Суворов приказал про-

¹ Байрон говорит: «Так он учил свои молодые войска выходить невредимыми из огня, подобно саламандрам».

Штурм Измаила 11 декабря 1790 г.

честь в каждой роте, чтобы еще больше поднять жажду победы. Казакам с короткими пиками внушалось, что они в условиях тесноты наиболее способны к эффективным действиям.

Но надо было повлиять и на генералов. Еще несколько дней назад они считали взятие Измаила невозможным и решили отступать. Суворов созвал военный совет и произнес воодушевляющую речь, подчеркнув, что уже два раза русские безуспешно подступали к Измаилу, третья неудача невысказана, надо или взять крепость, или умереть. «Я решился овладеть крепостью либо погибнуть под ее стенами», — так закончил свою речь Александр Васильевич.

Общее постановление было — начать приступ... Участь Измаила была решена!..

У Суворова под Измаилом было всего 31-тысячное войско, из них 15 тысяч пеших казаков, плохо вооруженных. Войска разделились на три крыла, по три колонны каждое. Рибас (9 тысяч человек) с речной стороны, правое крыло Потемкина (7,5 тысячи человек) ориентировано на западную часть крепости, левое крыло Самойлова (12 тысяч) — на восточную конная поддержка Вестфалена (2,5 тысячи всадников) — на сухопутной стороне.

Колоннам дано задание: первой, под командованием генерала Львова, взять редут Табию с тыла; второй, руководимой Ласси, — куртину у Броских ворот; третьей, возглавляемой Мекнобом — Хотинские ворота; каждая колонна состояла из пяти батальонов. В голове — 128—150 стрелков, за ними рабочие с шанцевым инструментом, затем три батальона с фашинами и лестницами, наконец, поддержка — два батальона в общем каре. Четвертой колонне, под командованием Орлова (2 тысячи казаков), поручалось взять вал восточнее Бендерских ворот; пятой, во главе с Платовым (5 тысяч казаков), идти по ложине против восточной части крепости и помогать флоту. В поддержку казакам придавались два батальона Полоцкого мушкетерского полка. Впереди колонн — 150 отборных казаков с ружьями, затем рабочие, за ними казаки с короткими пиками. Шестая колонна, под командованием Голенищева-Кутузова (пять батальонов казаков), должна была взять Килийские ворота.

С речной стороны первой колонне Арсеньева (три батальона, 2 тысячи казаков) приказывалось идти против кавальера и ближайшего к берегу бастиона; второй, бригадира Чепеги (три батальона, 1900 казаков) — против средней части крепости; третьей, Маркова (пять батальонов, 1 тысяча казаков) — против старой крепости. В лагере оставлено по 100 человек от каждого батальона поддержки¹. Колонным начальникам дана полная свобода действий в оперировании резервами.

Распределение войск свидетельствует о направлении главного удара с речной стороны, которая была слабее; остальные войска, особенно казаки, должны были отвлекать на себя силы противника. Чрезвычайно важным моментом является отсутствие общей поддержки пехотой и замена ее конницей: сразу введены все силы.

Для усиления эффекта внезапности Суворов избрал для начала боя ночь. Кроме того, ожидая упорного сопротивления турок, он хотел действовать возможно дольше при светлой части дня (рассвет в Измаиле в семь часов утра, закат в четыре часа дня). По третьему сигналу ракеты, в пять часов

¹ Сборная поддержка — обеспечение действий из глубины.

ночи, войска должны были прийти в движение. Во избежание недоразумений приказано было всем начальникам сверить свои часы, а чтобы «басурманы» не догадались, что начинают ракеты, решили пускать их в лагере каждую ночь.

Войскам даны подробные наставления: что делать стрелкам, рабочим; как пользоваться лестницами и фашинами; как вести себя при овладении валом; когда открывать ворота; кому охранять пороховые погреба и пр. В общем, все знали свои места и обязанности.

Стать в ружье приказано лишь за полчаса до начала движения, «дабы медленими не угашать стремления к приобретению славы». Строго запрещалось грабить город во время боя, трогать мирных жителей и особенно женщин и детей.

Накануне приступа, с восходом солнца, все батареи открыли сильный огонь по крепости, произведя значительные повреждения. В тот же день Суворов отдал приказ, который кончался словами: «Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается в третий раз или победить, или умереть со славою».

Ночь 11 декабря была темная, пасмурная; деятельный комендант Измаила объезжал валы, поверяя сторожевую службу. Несколько казаков перебежали к туркам. Эффект неожиданности частично пропал, но и утомление турок возросло. Никто не спал и у нас; офицеры и солдаты собирались у костров, говорили о предстоящем сражении. Суворов ходил по бивакам и заводил разговоры. «Какой полк?» — спрашивал он; получив ответ, хвалил солдат, припоминал минувшие дни. «Славные люди, храбрые солдаты, — восклицал он, — тогда они делали чудеса, а сегодня превзойдут самих себя». Простые, проникновенные слова обожаемого полководца воспаляли сердца солдат и офицеров, все жаждали показать себя достойными похвал.

В первом часу ночи Суворов прилег к костру, но заснуть не мог. В три часа взвилась первая ракета, и войска заняли назначенные места. В половине шестого пошли на приступ. Густой туман скрывал движение. Вдруг огненное кольцо опоясало крепость, раздался грохот 250 крепостных орудий, а вслед за тем начался огонь по крепости 500 орудий с при-

брежной стороны. Войска быстро приблизились ко рву и, забросав его фашинами, приступили к спуску, приставляли лестницы к стенам, карабкались на них. Первым вошел на вал Ласси. Войска Львова, перейдя ров, наткнулись на высокий палисад; Львов первым прыгнул через него, за ним все остальные — и овладели Броскими и Хотинскими воротами, в которые и влетела немедля часть конницы.

Кутузов, произведя отчаянный удар на бастион Килийских ворот, замялся в нерешительности. Суворов, заметя это, послал сказать, что Кутузов назначается комендантом Измаила и что послано донесение в Петербург о взятии крепости.

У Мекноба лестницы оказались коротки: пришлось связывать их по две, под страшным огнем; наконец, удается взойти на вал, но тут удальцов встретил сам сераскир с отборными янычарами. Мекноб смертельно ранен, почти все офицеры перебиты, но вал все же наш.

Орлов уже карабкался на стены, как вдруг толпа турок бросилась сбоку на казаков. Пики разлетаются под ударами, безоружные казаки гибнут. Суворов двигает на помощь им конницу и два батальона Полоцкого мушкетерского полка — и только часть турок спаслась в крепости, но противник успел затворить ворота.

Платов перейдя по пояс в воде, взбирался на вал. Услышав победный крик «Алла» турок, двинувшихся против Орлова, казаки, потеряв и сами многих убитыми, остановились, но атаман с криком: «С нами Бог и Екатерина, братцы за мной!» — бросился вперед. Помощь 1-го батальона Бугских егерей от Кутузова решает дело: казаки входят в связь с Рибасом, войска которого в быстром порядке высадились на берег и тоже овладели валом.

Наступил день. Главный вал был в наших руках. Турки отступили в город, готовясь к последней, отчаянной обороне. После короткого отдыха, с ружьями наперевес, с музыкой, неудержимо хлынули наши со всех сторон, и к двум часам дня, после отчаянной борьбы за каждое здание, проникли внутрь города. Суворов приказал восьми эскадронам и двум казачьим полкам очистить улицы от турок. К четырем часам дня, строго по расчету Суворова, из 35-тысячного

турецкого войска 26 тысяч были убиты, 9 тысяч человек, почти все с ранениями, взяты в плен. Из крепости ушел случайно только один раненый турок, а Дунай на полверсты в ширину был красным от крови.

Наши потери составили, по одним данным, 4500 убитыми и ранеными, по другим — 10 тысяч. Измаил на три дня отдан был солдатам на разграбление — печальный обычай времени!..

11 декабря 1790 г. произошло беспримерное событие в истории всех времен и народов. Действительно, «не Измаил, но армия турецкая истреблена в укреплениях пространных». Не только взяты стены, считавшиеся неодолимым препятствием и обороняемые многочисленным и храбрым врагом, но и совершенно истреблен весь враг, засевавший за стенами. И все это благодаря великому дару Суворова подготавливать приступ и блистательно его выполнить.

Распоряжения, даваемые Суворовым со 2 по 11 декабря, отличаются несравненной прозорливостью и основательностью. Потемкин дает средства, слишком слабые для овладения крепостью, и Суворов принимает все меры, дабы увеличить их: стягивает из Галаца дополнительные войска и средства; ведет на приступ даже пеших казаков, плохо вооруженных. Ни один человек не остается не у дел.

Местность у Измаила и сама крепость, за короткий срок изучены войсками так, что никто не сбился ночью с пути. Расчет движения и его выполнение следует признать образцовыми: все у цели одновременно — разница в несколько минут.

Из-за наступления войск с разных сторон неприятель в темноте не мог определить, где будет нанесен главный удар, вследствие чего не было известно, куда вести поддержку, а когда стало светло — валы уже пали. Порядок движения прост и искусен: стрелки бьют защитников стен, пока рабочие с инструментом и батальоном с фашинами и лестницами переходят ров, поддержка ведет главный удар. Конница назначена для отражения вылазок, что и выполняет, выручив Орлова, а затем подкрепляет развитие успеха. Все твердо знают свои обязанности, все заранее выяснено, и нет ни од-

ного недоразумения. Между тем для подготовки было выделено всего восемь дней.

Еще выше — подготовка нравственная. Уже с появлением Суворова под Измаилом начинается перерождение взглядов в войсках, а на военном совете 9 декабря, под влиянием его силы духа, совершается внутренний переворот в настрое всех военачальников, и насколько прежде они были неуверены в успехе, настолько теперь уверовали в него. Искусно поддерживав нравственный подъем и доведя его до высшего напряжения к самому нужному мгновению, Суворов в ходе сражения пожинает зрелые плоды, и в бою его участие сравнительно мало: все делается благодаря нравственному подъему как бы само собой...

Впечатление от Измаильского погрома на Турцию было оцепеняющим, многие крепости сдавались без сопротивления, боясь участи Измаила. Путь в сердце Турции был открыт. Но Потемкин и тут, ввиду наступления зимы, завершил кампанию. Только в 1791 г., после незначительных действий с нашей стороны, был подписан Турцией мирный договор, однако все еще под впечатлением падения Измаила.

В России восторгам и изумлению общества не было границ. Целый ряд произведений, начиная с Державина, был посвящен Суворову. Но он сделался центром всеобщего внимания, уважения и удивления и в Европе. Позднее Байрон посвятил целые главы Суворову в своем «Дон-Жуане». Сам Суворов признал взятие Измаила делом необыкновенным и впоследствии говорил: «На такой штурм, как Измаильский, можно пуститься один только раз в жизни». Правда, это не помешало ему взять так же и Прагу четыре года спустя...

После взятия Измаила Суворов приехал в Яссы, к Потемкину, который встретил его любезно и спросил: «Чем я могу наградить ваши заслуги, граф Александр Васильевич?» Суворов, ждавший фельдмаршальства, оскорбился и раздраженно ответил: «Я не купец и не торговаться сюда приехал. Кроме Бога и государыни, никто меня наградить не может». Озлобленный Потемкин, донося о взятии Измаила императрице, писал, что для воздаяния Суворову за его заслуги достаточно

будет выбить медаль в память штурма Измаила и зачислить Суворова подполковником в Преображенский полк¹. Екатерина согласилась на это. Суворов остался без награды. Но этим дело не кончилось.

Суворов в Финляндии и в Херсоне. 25 апреля Потемкин устроил в Петербурге в честь взятия Измаила торжество, на котором присутствовала сама государыня, главного же виновника падения Измаила — Суворова — послали в Финляндию намечать укрепление побережья.

Суворов исполнил задание за четыре недели, но, вместо ожидаемого им назначения в Турцию, 25 июня получил новое повеление: «Полагаемые вами укрепления построить под ведением вашим». Суворов не любил строительного дела, но был сведущ в нем. Он пробыл в Финляндии полтора года и укрепил границы.

Деятельностью этой государыня была довольна, но Суворову нужна была служба боевая, даже «хоть в Японию». Однако 10 ноября он получает начальство над войсками в Екатеринославской губернии, Крыму и присоединенных землях, причем поручалось и укрепление южных границ по замыслу инженера де Волана.

В Херсоне, как и в Финляндии, Суворов тяготился «тиранством судьбы». В 1793 г. он просил уволить его «по здешней тишине и отсутствию практики» и позволить отправиться добровольцем в союзные войска, против Франции. Просьба не была уважена. В 1794 г. вспыхнул мятеж в Польше. Суворов вновь писал: «Всеподданнейше прошу всемилостивейше уволить меня волонтером к союзным войскам, как я много лет без воинской практики по моему знанию». Императрица вторично отказала.

Суворов был в отчаянии. Но судьба сжалилась над ним. Начальник всех войск на польской границе и против Турции, Румянцев, 7 августа, не сносясь с Петербургом, приказал Суворову выступить на войну, и 14 августа Суворов начинает свой знаменитый польский поход.

¹ Полковником Преображенского полка числилась сама Екатерина II.

Вторая война с Польшей. Штурм Праги¹. Второй раздел Польши в 1794 г. Россией, Пруссией и Австрией вызвал восстание. Его главой избран литовец Тадеуш Костюшко, даровитый военный человек высоких нравственных качеств. Он провозгласил всеобщее вооружение, произвел нужные сборы, возвысил налоги и создал войско.

Профессор Н. А. Орлов считает, что боевые силы поляков превышали 70 тысяч человек: у Костюшко 20—25 тысяч, у Заиончика в Люблинском воеводстве — 20 тысяч, у Ясинского близ Гродно — 6 тысяч, у Грабовского близ Вильны — 12 тысяч, остальные — в разных частях Польши. У нас было: у Репнина на границе Литвы, у Риги—Дриссы—Пинска — 23—25 тысяч; у Дерфельдена на пути к Владимиру—Волынку с юга — 19 тысяч; у Ферзена в Краковском и Сандомирском воеводствах — 12—13 тысяч. Пруссаки выставили 10 тысяч. Всего 64—67-тысячное войско, да еще мог присоединиться Суворов с 4500 воинами.

До прибытия Александра Васильевича дела наши шли удачно, но развить успех мы не старались. Варшавой овладеть упустили случай. Костюшко оправился, укрепил Прагу. Приближалась осень. Казалось, война будет прервана, но в это время Суворов дал делу другой оборот.

14 августа Суворов выступил из Немирова с 4500 солдатами и 10 орудиями. Присоединив по пути войска под командованием Буксгевдена и Маркова (6500 человек и 16 орудий), он 22 августа прибыл в Варковичи (за девять дней преодолел 270 верст), 23-го выступил на Ковель (125 верст), куда прибыл 28-го. 31 августа двинулся на Кобрин. 4 сентября у Кобрина, близ монастыря Крупчицы, были разбиты передовые части Сераковского. Сераковский отошел к Бресту с 6000 войск и 10 тысячами косиньеров. На рассвете 8-го 9-тысячное войско Суворова после шестичасового жестокого боя, преимущественно на холодном оружии, взяло верх: Сераковский был совершенно истреблен. У нас вышло из строя до 1000 человек. «Брестский корпус... сего числа кончен», — доносил Суворов.

¹ См. карту на с. 392.

Победа эта произвела удручающее впечатление. Сам Костюшко растерялся. Еще недавно ходили слухи, что идет не знаменитый Суворов, а другой, теперь же у всех закралось мрачное предчувствие.

Движение Суворова от Немирова к Бресту с разгромом противника — выдающийся образец военного искусства. Владея Брестом, Суворов способен был отрезать от Польши поляков, бывших в Литве и выступавших против Репнина; давал возможность Ферзену отойти на соединение с Репниным; подготовлял поход на Варшаву и, наконец, занимал р. Буг в обеспечение приобретений по назревшему третьему разделу Польши. Вообще мы приобрели господствующее положение. Суворов мог двинуться прямо к Бресту, но тогда он подвергал бы опасности свои сообщения от Сераковского и Макрановского, между Дивином и Пружанами, а потому он выбирает несколько кружной путь, на Дивин и Кобрин, чтобы здесь обеспечить свой тыл победой. Кроме того, Суворов выходил бы на соединение с войсками Репнина от Пинска. Войска двигались весьма быстро, несмотря на крайне плохие дороги.

Суворов ехал среди солдат, говорил с ними, узнавал старых сподвижников, хвалил их. Во всех частях раздал он свою «Науку побеждать», которую унтер-офицеры должны были знать наизусть, а солдатам прочитывать ежедневно.

В Бресте Суворов оставался месяц. Его принудили к тому убыль людей и нелады с Репниным по обеспечению тыла и флангов. Пока Суворов перепиской с генералами добивался обеспечения задуманного им похода на Варшаву, Костюшко сам помог ему. Неумело пытаясь помешать соединению Ферзена и Суворова, он 29 сентября, у Мацеиовице, был разбит Ферзенем и взят в плен. «Finis!»¹ — воскликнул здесь Костюшко. Теперь Суворов был вполне обеспечен с юга и решил немедленно идти на Варшаву, приказав² Ферзену и Дер-

¹ «Конец!» (лат.).

² По одним источникам, Суворов отдал приказания именем Румянцева, по другим — именем императрицы.

фельдену идти на соединение: первому — на Минск, второму — на Белосток.

Ферзен был подчинен Суворову. Но Суворов не знал, захочет ли и Дерфельден исполнить его приказание, не даст ли ему Репнин другого задания, а потому решил для обеспечения себя с севера двигаться к Варшаве кружным путем на Бельск. Кроме того, он просил австрийцев протянуться до Лукова и далее до Вислы, против устья Пилицы, до соединения с пруссаками, а пруссаков приглашал содействовать в покорении Варшавы.

Но поскольку Дерфельден послушался Суворова, Суворов решил идти на Варшаву прямо. 7 октября, оставив в Бресте небольшую часть, он с 8-тысячным войском выступил на Янов. 14 октября в Станиславове присоединился Ферзен с 11 тысячами солдат. Дерфельден был близ Вышкова, на Буге. В Станиславове узнали, что в Окуневе и Кобылке сосредоточены большие силы поляков. Суворов ночью идет на Кобылку, а Ферзена двигает на Окунев. Ферзен противника не нашел, а Суворов в Кобылке полностью разбил (15-го утром) часть сил Макрановского (отступившего из Литвы спасаясь от Дерфельдена). С нашей стороны бой велся стремительными ударами в лоб с охватом, лесом и болотом, преимущественно спешенной конницей. Удар в сабли Мариупольского легкоконного полка и двух эскадронов Глуховских карабинеров был так блестящ, что Суворов говорил одному французскому эмигранту: «Если бы ты был при Кобылке, ты бы увидел то, чего я никогда не видал».

В Кобылке Суворов остановился, хотя до Праги оставалось несколько верст. Необходимо было ждать Дерфельдена и подготовить приступ. Овладение укрепленной Прагой с несколькими десятками тысяч защитников было дело не легкое, а между тем падение Праги означало и падение Варшавы — главного и последнего очага восстания.

Прага представляла собой бедное еврейское поселение на восточном берегу Вислы (200 сажень в ширину); в Варшаву вел мост. Она и ранее была обнесена валом, но Костюшко впереди старого вала насыпал укрепления от Вислы до болотистого, непроходимого вброд ручья. За ним простиралось

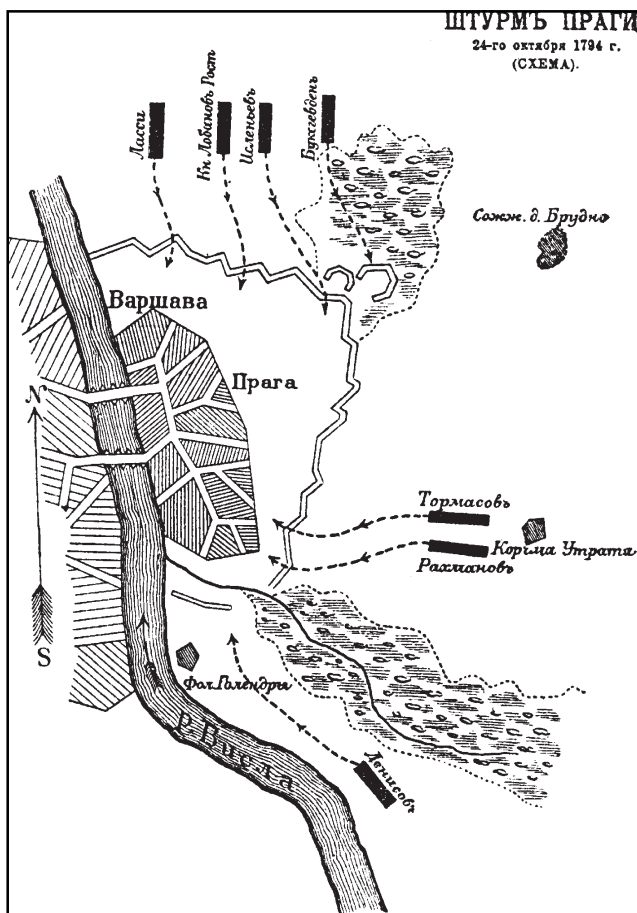
на полверсты поле, местами шириной в полторы версты. Укрепления шли в три ряда: 1) засеки и волчьи ямы, 2) сплошной земляной вал и ров для сохранности пехоты и артиллерии; 3) 43 батареи для стрельбы поверх вала; 4) в исходящем углу — два прочных кавальера. Орудий на вооружении — 104. Укрепления не были окончены. Самым сильным местом был исходящий угол с прочным «Зверинцем».

Сменивший Костюшко Вавржецкий предложил оборонять саму Варшаву, но поляки рассчитывали, что Суворов будет осаждать Прагу, начнется зима и русские отступят. Между тем Суворов решил Прагу взять приступом.

19 октября в Кобылку прибыл Дерфельден, и у Суворова собралось до 31 тысячи войска: 18 тысяч пехоты, 7 тысяч конницы и 5 тысяч казаков. (Как под Измаилом!)

18-го Суворов со всеми старшими чинами произвел разведку. Деятельно готовясь к приступу, 22-го, по окончании приготовлений, войска подошли к Праге, став вне зоны выстрела из укреплений. Генералы повторили разведку. В полночь начали возводить батареи, чтобы как и под Измаилом, убедить поляков в приступе к осаде. 23-го батареи вели весь день огонь. Приступ был назначен на полпятого ночи семью колоннами. Конница вошла в колонны и в четыре отдельные поддержки. Первой колонне (Ласси) указано было отрезать неприятеля от моста с севера; четвертой (Буксгевдена) — взять Песочную гору и «Зверинец»; Пятой (Тормасова) — восточный фронт по кратчайшему направлению к мосту; второй (Лобанова), третьей (Исленева) и шестой (Рахманова) — поддерживать остальные и занимать вал предместья; седьмой (Денисова) — выступить на два часа раньше других и содействовать первой колонне отрезать неприятеля от моста с юга. Для подъема духа Суворов 18 октября созвал военный совет, на котором и заразил подчиненных уверенностью в победе, а 22-го разговорами с солдатами поднял их дух до возможных пределов. Перед самым приступом был прочитан приказ, столь же краткий и внушительный, как под Измаилом.

Поляки не ждали нападения, и наступление наше было замечено поздно. При звуках выстрелов, польские началь-

Штурм Праги 24 октября 1794 г.

ники бросились к войскам, но распоряжений не было дано; бой принял случайный и беспорядочный характер. Быстро овладели наши валами и отрезали врага от моста. Ища спасения от огня артиллерии почти в упор, поляки бросались в Вислу и тонули сотнями. Вавржецкий пытался остановить бегущих, но все было напрасно. Он приказал разрушить мост,

чтобы спасти Варшаву, но Суворов и сам приказал зажечь мост: разорение столицы не входило в его расчеты.

Вслед за мостом запылала Прага, превратясь в настоящий ад. Суворов разослал офицеров, чтобы те направили жителей в русский лагерь, но большая часть их погибла раньше. Побоище кончилось только к полудню.

Поляки потеряли 23 тысячи человек и 104 орудия, мы — до 3 тысяч воинов. Варшава содрогалась от ужаса. Рано утром 25 октября к Суворову явились представители варшавского законного правительства. В грозном победителе они увидели великодушного человека. Впоследствии они поднесли Суворову табакерку с надписью: «Варшава своему избавителю».

29 октября Суворов торжественно вступил в Варшаву. Войскам приказано было идти с незаряженным оружием и на выстрелы из домов не обращать внимания. Власти поднесли Суворову хлеб-соль и городские ключи. Суворов поцеловал ключи и, подняв глаза к небу, сказал: «Благодарю Тебя, Всемогущий, что я не должен был купить эти ключи, как...» — он взглянул в сторону Прагу и прослезился.

Последствием взятия Праги стал третий раздел Польши, после чего она как государство перестала существовать. Могучим умом Суворов понимал, что только сильный удар может сокрушить Польшу, а его военный дар дал возможность блистательно достигнуть цели.

Взятие Праги по образцовой подготовке во многом схоже с взятием Измаила: то же тщательное изучение местности, искусное распределение войск, такой же подъем духа солдат. Каким было воздействие Суворова, видно из того, что многие генералы, проявившие героизм, были совершенно слабы телом; сам Суворов писал, что «едва ноги таскает»; Шевич страдал лихорадкой; Поливанов с момента выступления из Бреста едва мог говорить от слабости, но под Прагой первым врубился в неприятеля; Исаев остался в строю с рукой, пронзенной пулей, нанесшей ему одновременно рану и в грудь; Ферзен давно перемогался через силу. Могли ли плохо действовать войска при таких вождах? Поистине, «дело сие Измаильскому подобно!».

Причины жестокости боя были неустранимы: храброе сопротивление поляков вначале, бегство в конце; память об апрельской резне в Варшаве, когда народ резал даже и в церквах безоружных солдат.

В итоге, как пишет Петрушевский, «пролилась река крови, но устранялось хроническое кровопролитие затягивающейся войны». Сам Суворов говорил: «Миролюбивые фельдмаршалы при начале польской кампании провели все время в заготовлении магазинов. Их план был воевать 3 года с возмущившимся народом. Какое кровопролитие! И кто мог поручиться за будущее. Я пришел и победил. Одним ударом приобрел я мир и положил конец кровопролитию». Наконец, ужас, охвативший поляков после 24 октября, был причиной их дальнейшего умиротворения и главным двигателем в плодотворных сношениях с русскими.

С военной точки зрения весь поход Суворова, закончившийся молниеносным ударом под Прагой, является необычайно высоким образцом. Еще из Немирова Суворов писал, что для окончания войны ему нужно 40 дней. Если вычсть 29 дней вынужденного «Брестского сидения», то окажется 42 дня. Вот какова точность расчетов Суворова!

Решив взять Прагу, Суворов замечательно смело и осмотрительно идет к цели. Дабы присовокупить к своему 8-тысячному войску дополнительную силу, он приказывает Ферзену и Дерфельдену присоединиться к нему, хотя последний и не был ему подчинен; по собственному почину сносятся с австрийскими и прусскими войсками, прося их о содействии. Словом, стремится использовать все наличные силы, а когда они достаточны, наносит быстрый и громоподобный удар. Только величайшие полководцы мира давали образцы подобных же действий...

Австрийский император и король прусский прислали Суворову ценные награды. Екатерина была в восторге. «Взятием Варшавы вы сами себя сделали фельдмаршалом», — писала она. Сверх сего, она подарила полководцу имение польского короля «Кобринский ключ» с 7 тысячами крестьян.

Увольнение Суворова со службы

Главный виновник третьего раздела Польши, Суворов стал, естественно, центром особого внимания и пользовался уважением не только в России, но и за границей.

4 января 1796 г. Суворов прибыл в Петербург. При торжественной встрече, несмотря на 20-градусный мороз, 66-летний Суворов ехал в карете в мундире и без шляпы, держа пожалованную Екатериной шубу на коленях. Заботы о нем государыни и всего общества приняли характер баловства. Однако Суворов с радостью принял предложение осмотреть пограничные укрепления Финляндии, которые им были сооружены в 1791—1792 гг., но закончены другими.

По возвращении Суворов получил самую большую из трех существовавших тогда армий в Ярославской, Пермской, Екатеринославской, Харьковской губерниях и Таврической области, всего 19 пехотных и 13 кавалерийских полков, Черноморский гренадерский корпус, три егерских корпуса, 147 осадных орудий, 48 понтонов, три полка чугуевских казаков и Екатеринославское пешее и конное войско.

В марте 1796 г. Суворов прибыл в Тульчин. Прежде всего он озаботился состоянием здоровья войск. Ежегодная убыль в связи со смертью достигала в некоторых частях 25 %. Суворов добился того, что к августу этот показатель достиг соотношения 1: 792, т. е. снизился до 0,012 %.

С обычной увлеченностью приступил он к обучению войск. Казалось, разразись война, Суворов явится во главе своей, суворовской силы, — и Екатерина уже готова была помочь Европе в борьбе с Францией, планируя откомандировать за границу именно Суворова. Но 6 ноября 1796 г. императрица скончалась, и на престол вступил Павел I. Желая избежать войны, он отменил распоряжение об отправке наших войск и вместо того приступил к нововведениям в армии.

Здесь столкнулись два взгляда, и «екатерининские орлы», в полном расцвете самодеятельности, как морозом, были прибиты «Гатчиной», с ее муштрой и недоверием.

Суворов не мог сочувствовать такому повороту дела, и это стало причиной его падения. За предложениями дело не ста-

ло. И после резкого рескрипта в высочайшем приказе от 15 января 1797 г. Суворову был объявлен выговор.

Суворов подал прошение об увольнении в годичный отпуск, ссылаясь на «многие раны и увечья». Ему было отказано. Тогда 3 февраля он подал прошение об отставке. 14 февраля последовал жесткий ответ: «Государь император, получив донесение вашего сиятельства от 3 февраля, соизволил указать доставить к сведению вашему, что желание ваше предупреждено было и что вы отставлены еще 6-го числа сего месяца».

И вот Суворов на 67-м году жизни был «отставлен от службы» даже без мундира. Он поехал в свое Кобринское имение, надеясь в тиши кончить свои дни. Но ночью 22 апреля его спешно отвезли в глухое имение Кончанское (Боровичский уезд Новгородской губернии). Здесь Суворова водворили в маленький дом, в котором можно было жить лишь летом, а на зиму полководец перебирался в крестьянскую избу. Кроме того, особый чиновник (Николаев) следил за каждым его шагом, и вообще Суворова содержали, как важного государственного преступника.

Несправедливые казенные взыскания, поборы жены и грабежи в Кобринском имении грозили великому полководцу разорением.

14 февраля 1798 г. к нему прибыл племянник, Андрей Горчаков, флигель-адъютант, с повелением немедленно явиться в Петербург. Суворов долго не соглашался, но Горчаков уговорил своего дядю. Павел I встретил Суворова радушно и беседовал с ним около часа наедине. Потом оба пошли на парад. Государь думал ученьем произвести приятное впечатление. Между тем Суворов вел себя непозволительно и, не дождавшись конца учения, уехал домой.

Через две недели фельдмаршал попросил у государя разрешения вернуться в Кончанское, на что Павел согласился.

Теперь надзор был снят, но все же Суворов сильно томился бездействием. Однако он зорко следил за событиями в Европе и успехами Франции, и уже тогда у него зародился план войны с французами, так что, когда в сентябре 1798 г. к нему прибыл генерал Прево по поручению Павла узнать

мнение Суворова о войне с Францией, Суворов смело высказал свои воззрения.

Но время шло, и в декабре 1798 г. Суворов даже подал прошение о позволении постричься ему в монахи.

Вдруг 6 февраля 1799 г. в Кончанское прискакал флигель-адъютант Толбухин и привез Суворову следующий высочайший рескрипт от 4 февраля: «Сейчас получил, граф Александр Васильевич, известие о самостоятельном желании Венского Двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мои корпуса Розенберга и Германа идут. И так, посему и при теперешних европейских обстоятельствах, долгом почитаю не от своего только лица, но от лица других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену».

Пораженный таким оборотом дела, обрадованный до слез, Суворов забыл все перенесенные страдания и срочно поспекал из Кончанского, чтобы стать во главе войск для совершения новых, дотоль еще неслыханных подвигов.

Итальянский и Швейцарский походы

- Переход через реку Адду ♦ Переход Суворова от Милана к Турину
- ♦ Трехдневные бои на Тидоне и Треббии ♦ Сражение при Нови
- ♦ Выступление Суворова из Италии ♦ Начало Швейцарского похода.
- Взятие Сен-Готарда ♦ Переход через Чертов мост и движение к Альторфу ♦ Переход через хребет Росшток. Военный совет в Мутенской долине ♦ Двухдневные бои в Кленской и Мутенской долинах ♦ Окончание Швейцарского похода
- ♦ Возвращение Суворова в Россию

Переход через реку Адду. Каким образом случилось, что Суворов понадобился Австрии? Почему она неожиданно вспомнила опального русского полководца?

Когда в 1799 г. между Францией и Австрией произошел новый разрыв после разгрома Австрии Бонапартом в 1796/97 г. и Франц Иосиф просил помощи у России, Павел I согласился, будучи перед тем неоднократно задет и оскорблен Францией. Вскоре примкнули к союзу Англия, Турция и Неаполь.

Кроме флота, Россия должна была послать два корпуса в Северную Италию и один в Швейцарию. Но у австрийцев был лишь один даровитый полководец, эрцгерцог Карл, которого и назначили в Южную Германию. В Италию же послать было некого. В таких-то обстоятельствах в Вене вспомнили о Суворове и после долгих колебаний на почве самолюбия, по настоянию Англии, обратились к Павлу I с просьбой назначить в помощники эрцгерцогу Карлу «знаменитого мужеством и победами» Суворова.

8 февраля вечером к Зимнему дворцу подъехала кибитка, и из нее вышел сгорбленный, худенький старичок, гроза турок и поляков, будущий победитель французов.

«Боже, спаси царя!» — воскликнул он, падая на колени перед государем. «Тебе спасать царей», — ответил Павел.

В ходе беседы обнаружилось, что Суворов имел замысел, сходный с государем: перенести войну во Францию, овладеть Парижем и там уже диктовать условия мира.

Таким образом, политика и стратегия, хотя и случайно, совпали. Мало того, Суворову над русскими войсками давалась полная свобода действий. «Веди войну, как умеешь», — сказал государь¹. Но не так смотрела на это Австрия. Всеми делами ее ведал первый министр, барон Тугут, неограниченно доверенное лицо у императора, самонадеянный, властолюбивый, упрямый и злой. Он твердо держал в руках политические и военные дела, — последние как председатель гофкригсрата.

Тугут и гофкригсрат перед началом войны с Францией составили, по обыкновению, «подробный план действий». Решено было обороняться, а при случае овладеть Италией — цели домашние, личные, — и Суворову для достижения своих целей приходилось вести войну не с противником, а с Тугутом.

К началу 1799 г. Франция выставила пять армий: 1) Батавская — Брюна (27 тысяч) в Голландии; 2) Дунайская — Журдана (37 тысяч), в Эльзасе, на западном берегу Рейна;

¹ Это, однако, не помешало назначить к Суворову «умерять его неограниченное воображение» тупицу Германа, а зачисления фельдмаршалом в приказ не отдавать.

3) Гельветическая — Масены (30 тысяч), в Швейцарии; 4) Итальянская — Шерера (58 тысяч), в Северной Италии, на западном берегу Минчио; 5) Неаполитанская — Макдональда, в Ср. и Южн. Италии. Всего до 180 тысяч, не считая 57 тысяч вспомогательных войск (весьма ненадежных).

Австрия имела: 1) армию эрцгерцога Карла (80 тысяч) за р. Лехом; за нею, в Богемии, корпус Старая (15 тысяч); 2) корпус Готце (26 тысяч) в Граубиндене и Форарльберг; 3) армию Бергарда (48 тысяч) в Тироле; 4) в итальянских владениях и в южных пределах Австрии — 86 тысяч Меласа. Всего 255 тысяч человек.

Русские корпуса (58 тысяч) к началу войны не прибыли; они направлялись: Римского-Корсакова (28 тысяч) в Швейцарию, Розенберга (20 тысяч) и Ребиндера (10 тысяч) в Северную Италию.

Несмотря на превосходство сил противника, Франция решила наступать. Но к прибытию Суворова Журдан дважды потерпел поражение от эрцгерцога Карла и отступил за Рейн, Масена проник в Граубиндер, а из Тироля был вытеснен, Шерер же после сражения у Маньяно отступил к р. Адде.

14 марта Суворов торжественно прибыл в Вену. Император и Тугут уверяли, что ему будет дана полная свобода действий, лишь бы он сообщил свой план войны. Через несколько дней к нему прибыли четыре члена гофкригсрата с мельчайшими подробностями действий. Суворов зачеркнул все и внизу написал: «Я начну действия переходом через р. Адду, а кончу кампанию там, где Богу будет угодно».

Сразу же начались трения. Франц Иосиф вручил Суворову наставление: «Мое желание состоит в том, чтобы первые наступательные действия армии имели целью прикрытие собственных владений и постепенное удаление от них опасности неприятельского вторжения». Наступление разрешено вести только до р. Адды, причем предписывалось: «Сообщать мне предложения свои о дальнейших военных действиях». Продовольственная часть, что оказалось губительным, возложена была на Меласа и австрийское интендантство.

3 апреля Суворов был в Вероне, одновременно с Баграционом (авангард Розенберга). Народ выпряг лошадей и сам

вез карету Суворова. Затем Суворов 4 апреля выехал в Валеджио, где оставался до 7-го, выжидая прибытия хотя бы половины войск Розенберга, а чтобы не терять времени, принялся за обучение австрийцев, переводя «Науку побеждать» на немецкий язык и послав русских офицеров приучать австрийцев к стремительным штыковым ударам.

7 апреля прибыла в Валеджио вся дивизия Повало-Швейковского, и Суворов отдал распоряжение о движении к р. Адде. Движение шло быстро, по особому указанию Суворова. Выступали ночью, шли 7 верст, затем делали привал на один час, через 7 верст отдых часа на три-четыре для варки пищи. Пройдя еще 7 верст, снова делали привал на час, наконец, еще 7 верст — и ночлег. Таким образом войска шли большей частью утром и вечером, в жару отдыхали и без особой усталости проходили в сутки 28 верст. Австрийцы считали такое движение утомительным и иногда самовольно останавливались для отдыха, за что получали от Суворова резкие выговоры. «Марш был слишком быстр и лишен всякого военного расчета», — писал Мелас.

После взятия 10 апреля крепости Бреши под угрозой приступа — гениально обставленное предприятие с целью начать войну успехом — Суворов 14-го подошел к Адде.

Шерер, имея не более 28 тысяч войск, отступил за Адду для обороны. Опасаясь за фланги, Шерер растянулся от оз. Комо до р. По на 100 верст, оставив часть войск даже за р. По. Кроме того, французы удержали зачем-то мосты с тет-де-понами у Касано, Лоди и Пичигетоне — большая их ошибка.

Суворов (50 тысяч) сосредоточился против северного Крыла и центра французов, заняв 42-тысячным войском 40 верст. На самом севере было выставлено 19 тысяч против 8 тысяч французов, в середине 23 тысячи против 8 тысяч.

Казачи открыли растянутое расположение французов. Суворов решил прорвать его.

17 апреля Шерер сдал войска Моро, молодому генералу, любимцу французского народа. Узнав об этом, Суворов сказал: «Не штука разбить шарлатана. Лавры, которые мы отобьем у Моро, будут цвести зеленее». Моро распорядился собрать к середине разбросанные войска, но

Итальянский поход

быстрота действий Суворова помешала ему. Французы были прорваны.

Оставалось отступать на Милан, но половина дивизии Серюрье у Ваприо была отрезана и сложила оружие. В общем, французы потеряли 2500 убитыми и ранеными, 5 тысяч пленными и 27 орудий. Союзники — до 2 тысяч человек. Победой на Адде Суворов открыл путь на Милан, куда немедленно и двинулся. Французские власти бежали вместе с Моро, и в городе восстановлено законное правительство.

18 апреля, в первый день Пасхи, толпы народа в Милане восторженно встречали русского полководца. Суворов стал центром особого внимания. Хорошо владея итальянским языком, он очаровывал всех своей вежливостью, обходительностью, весельем и остроумием. Французы, взятые в плен при Адде, были приведены в восторг ласковым обращением победителя. Русские войска заслужили общее расположение.

С занятием Милана в Ломбардии началась народная война, волна которой прокатилась по Пьемонту, Тоскане и Римской области, что сделало положение французов опасным.

Всего две недели прошло со времени прибытия Суворова, а дела в Италии изменились в корне...

Переход Суворова от Милана к Турину. В Милане Суворов оставался два дня. Заметив за десять дней похода много различий в уставных и тактических положениях у русских и австрийцев, он разослал общие правила, а также разработал дальнейшие военные действия против французов. Сущность их заключалась в том, чтобы, осаждая в тылу Мантую (Край), броситься на Макдональда (Средняя Италия), а затем на Моро (Турин). Покончив же с ними — идти, притянув все силы, на Париж. Когда Суворов продиктовал это генерал-квартирмейстеру Шателеру¹, австрийский стратег был поражен обстоятельностью всех мероприятий и спрашивал Суворова, когда он все это успел обдумать.

Однако с такими замыслами гофкригсрат согласиться не мог. В рескрипте от 2 мая Франц Иосиф напоминал о прежнем оборонительном плане действий и необходимости заняться покорением крепостей в Северной Италии, особенно Мантуи.

Но Суворов, не дождавшись ответа, уже продолжал наступление. Моро, отступая от Адды, имел двоякую цель: охранение Турина и поддержание сообщений с Макдональдом в Неаполе. Поэтому он отступил: частью на Турин, а частью — через Валенцу на Александрию. Затем, оставив в туринской цитадели гарнизон, Моро с остальными силами, в ожидании Макдональда из Неаполя, расположился между Валенцей и Александрией, за реками По и Танаро.

Суворов, имея в виду сначала уничтожить Макдональда, а потом Моро, 20 апреля направился (36 тысяч) из Милана к переправам на По, а к р. Тичино двинул 5-тысячное войско Вукасовича. 26 апреля союзники стояли по обоим берегам

¹ Шателера Суворов ценил как разумного генерала, хотя и называл его «милый ветрогон» и «моя разрозненная библиотека».

По у Павии, вклинившись между Моро и Макдональдом, которые беспрепятственно соединиться уже не могли.

Здесь 2 мая авангард корпуса Розенберга под начальством Чубарова, стремясь в Валенцу, об оставлении которой Моро получены были ложные сведения, потерпел неудачу у Басиньяно. Выманить Моро из крепости Валенцы также не удалось.

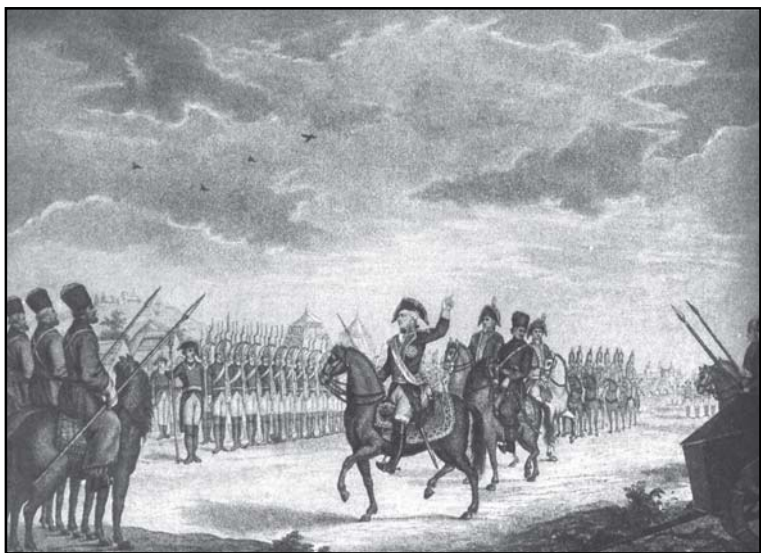
Вскоре после Басиньяно Суворов узнал, что Макдональд задержан в Южной Италии и соединение его с Моро откладывается.

15 мая союзники овладели Турином, заставив французов отступить в цитадель. Население Пьемонта, возбужденное воззванием Суворова, начало народную войну. Моро, не надеясь более на успех, отступил сначала на Кони, а затем в Ривьеру Генуэзскую. Таким образом, за шесть недель Суворов прошел свыше 400 верст и завоевал всю Италию к северу от р. По. Во власти французов были только крепости Мантуя и Кони и цитадели в Александрии, Тортоне и некоторые другие, но и те обложенные союзниками.

Однако и союзники разбросались по всей Италии. Под Турином было лишь 29 тысяч человек. Такая разброска, противная ведению войны Суворовым, объясняется приказом из Вены брать крепости, куда отвлечено 39,5 тысячи войск, а 23 тысячи обеспечивали 400 верст операционной линии. Разбросав против желания свои силы, Суворов принял все меры обеспечить сообщение с Австрией: привел в оборонительное состояние крепости, взятые у французов, в Пьяченце устроил промежуточную базу.

«Недуробленный лес опять вырастает», — говорил всегда Суворов. Этим лесом теперь был Моро. Суворов решил прикончить его в Ривьере. Но в это время были получены сведения о движении Макдональда в Северную Италию, и это заставило Суворова изменить решение.

По соглашению с Моро Макдональд (28 тысяч) должен был двигаться на Тортону, по южному берегу По, а Моро — также к Тортоне, через Гави, выслав дивизию Виктора к Парме на усиление Макдональда, а для обеспечения его с запада 3 тысячи человек под командованием Ляпоипа, вдоль Треббии, к Бобио.

Суворов, объезжающий войска в Италии (с картины Нофелли)

Усилившись, таким образом, до 35,5 тысячи, Макдональд двинулся к Тортоне, но временно оставил дивизию Оливье у Модены, а Монришара — у Карпи для наблюдения за Краем. Это создало большую растяжку в глубину — до 100 верст.

29 мая Суворов узнает о движении Виктора на восток. Значит, Моро усилил Макдональда, а следовательно главный враг — Макдональд. Поэтому Суворов принимает решение: бить с наивозможной быстротой и силой Макдональда, а против Моро оставить лишь заслон. Раз решение принято, оно немедленно же приводится в исполнение, — и началось беспрецедентное в истории военного искусства движение Суворова навстречу Макдональду с боями на Треббии. Приказано: Бельгарду, который был уже в Александрии, немедленно притянуть к себе Ота (двигался от Пармы на Пьяченцу) и Фрелиха (от Кони); Гогенцоллерну от Модены усиленно спешить к Александрии. Кроме того, Бельгарду требовать помощи из-под Мантуи, от Края. В Валенце устроить промежуточную базу. 30 мая, оставив в Турине 8-тысячное

войско Кейма для обеспечения тыла со стороны Савойи и Дофинэ, Суворов выступает к Александрии с остальными силами, послав и Краю приглашение прибыть туда же.

Клаузевиц не находит слов восторгаться замыслом Суворова, которому в то время исполнилось 69 лет и в руках которого были на три четверти чужие войска, а свои — не переучены по-суворовски.

Но всякому замыслу дает цену его исполнение. И вот Суворов спешит, как никогда. «Любезный генерал, — пишет он Кейму, — поторопитесь взять цитадель, чтобы я раньше вас не пропел *Te Deum*».

1 июня Суворов, пройдя при страшной жаре по отвратительным дорогам 100 верст за два с половиной дня, прибыл в Александрию, где у него с войсками Бельгарда было уже 34 тысячи. Кроме того, в Александрию могли еще поспешить: Вукасович от Кераско, От — от Вогеры; всего было бы 45 тысяч. Но вот начинаются трения. Край вместо выступления из-под Мантуи прислал Суворову приказание гофкригсрата не выделять ни одного солдата до сдачи крепости. Клаузевиц впоследствии в негодовании назовет такой поступок венского правительства «преступным вмешательством в естественный ход военной машины». И все же Суворов собрал уже до половины всех войск на театре войны, а с войсками Края у него было бы более 60 тысяч человек, т. е. свыше двух третей от запланированной численности войск. Вспомним правило Наполеона о хорошо соображенных предприятиях!..

Прибыв в Александрию, Суворов 2 июня вечером получает подтверждение, что Макдональд, не соединясь с Моро, двигает войска прямо на Модену и Реджио и что 1 июня Гогенцоллерн был отброшен от Модены значительными силами французов к Мантуе.

Суворов, мгновенно оценив обстановку, решил не упустить верный случай нанести Макдональду отдельное поражение, — и вот 4 июня начинается знаменитое в летописях войн движение к р. Треббии.

Трехдневные бои на Тидоне и Треббии. Макдональд после победы над Гогенцоллерном ускорил движение, и 3 июня

авангард его (дивизии Виктора и Домбровского) был уже у Фьоренцолы. От, немедленно по прибытии в Вогеру, повернул назад, к Пьяченце, и стал здесь для обороны.

Между тем Суворов, решившись идти навстречу Макдональду, делает соответствующие распоряжения: приказано спешно окончить предмостные укрепления у Валенцы и Басиньяно; укрепить Павию; усилить цитадели в Милане и Пичигетоне, снабдив их продовольствием и боевыми припасами; на По, Танаро и Бормиде навести мосты.

С оставшимся 24-тысячным войском (русских 22 батальона и четыре полка казаков, австрийцев девять батальонов и 18 эскадронов) Суворов 4 июня в 22 часа перешел Бормиду, имея на южной дороге русские войска, на севере австрийские. Уже здесь виден замысел охватом с юга, русскими войсками, отрезать Макдональда от гор и, прижав к р. По, уничтожить. Двигаясь всю ночь, войска 5-го утром достигли Кастельнова-ди-Скривиа. Отдохнув всего три часа, достигли Кастеджио, голова — Страделы. Первая задача захватить эту знаменитую в истории теснину ранее Макдональда — разрешена. Во имя нее за одни сутки войска Суворова, двигаясь в сильную жару, преодолели 45 верст. Из Кастеджио генерал Валецкий был отряжен с одним батальоном, 50 казаками и 50 драгунами на Бобио. Припомним, что сюда противник направил 3 тысячи французов под командованием Ляпоипа: провидение сверхъестественное!..

Суворов полагал выступить далее в С-Дживани в четыре часа ночи, но, получив донесение Ота, что он отступает перед главными силами французов от Пьяченцы за р. Тидону, приказывает Меласу немедленно идти на поддержку, а вслед за тем идет и сам к Страделе.

6 июня в 10 часов утра Суворов — в Страделе, полагая здесь встать на отдых. Но пришло новое донесение, что на Ота обрушились французы уже на р. Тидоне. Действительно, Макдональд, узнав о движении Суворова из-под Александрии, решил разбить Ота до прибытия Суворова; дивизии Виктора, Сальма, Домбровского и Руска назначены для удара, Оливье и Монришару приказано спешить на помощь.

С 8 часов утра он выдерживает упорный бой с французами, но принужден отступить в крайнем расстройстве. В это время прибыл Мелас, и австрийцы отбивают французов у д. Сармато.

Между тем Суворов, не дав почти ни минуты отдыха войскам, идет навстречу французам с необыкновенной быстротой. В палящий зной люди не шли, а бежали. Многие едва не умирали от изнеможения, отсталые целыми десятками обозначали ужасный след похода. Растяжка была громадная, Суворов разъезжал вдоль колонны, повторяя: «Вперед, вперед, голова хвоста не ждет». По временам обгонял солдат, прятался где-нибудь в стороне, снова вскакивал на коня и неожиданно появлялся. Это оживляло людей. Часто Суворов ехал рядом, забавляя солдат прибаутками. Чтобы заставить забыть об усталости, он приказал во время движения учить 12 французских слов. Как только войска растягивались, офицеры громко произносили эти слова, и солдаты спешили к голове, чтобы услышать их. Но были приняты и меры более крупные. Отдан знаменитый приказ, начинавшийся словами: «Неприятельскую армию взять в полон!..» Одновременно казачьи разезды двинуты за 70 верст вперед, в тыл Макдональду, разрушать мосты на р. Таро. Ни на мгновение ни в ком не допускалось сомнения в победе.

Скоро поступает новое известие: неприятель уже за р. Тидоной, и От отступает к С-Джиовано. Здесь начинается область личного воздействия полководца на результат встречного боя, который так мощно был задуман, но на который тяжелой печатью легла неудача австрийцев. Суворов, передав начальство великому князю и приказав ему вести войска как можно поспешнее, сам с четырьмя казачьими полками и генералом Багратионом скачет к полю битвы. Уже несколько часов От и Мелас упорно дрались, но в три часа дня три дивизии противника повели одновременно удар в лоб и в охват с обеих сторон, и австрийцы начали отступать.

Но вдруг закрубились облака пыли, сквозь которые чернел густой лес казачьих пик: это Суворов летел на помощь. По его же правилу: «Умей пользоваться местностью», — он въехал на холм обозреть все поле сражения. Безотрадная

картина представилась ему. Охваченные с трех сторон, отступают австрийцы. Клином между ними и избранным для нас более южным направлением победоносно, с громадным подъемом, врываются поляки (дивизия Домбровского). Но ведь недаром сам Суворов говорил: «Удивить — победить».

Ослепленный жаждой отомстить за поражение Моро, Макдональд и не думал здесь встретить самого Суворова — это первое. А второе то, что малейшее ошеломление противника, малейшая его приостановка во встречном бою есть уже великий залог успеха. И вот казачьи полки Грекова и Поздеева несутся на Домбровского с юга, а вслед за ними — австрийские драгуны Левенера и Карачая; казаки Молчанова и Семерникова ударили на французов с севера. Сразу оба крыла врага скованы, и подготовлена почва для вступления в бой конницы. За конницей прибегают на поле сражения два батальона русских гренадер. Суворов направляет их к северному крылу — прикрыть переход к наступлению австрийцев. Подходящие же постепенно наши войска выстраиваются уже южнее, дабы захватить сообщения врага.

Как только голова пехоты показалась на поле сражения, Суворов переходит в общее наступление. Багратион просит повременить, говоря, что много отсталых, в ротах нет и по сорок человек. «А у Макдональда нет и двадцати», — возразил Суворов, — «атакуй, с чем Бог послал!» Где мы найдем другое такое понимание природы встречного боя! Всем начальникам приказано, не теряя времени, идти прямо в штыки. Ни мгновения не отдыхая, с музыкой и барабанным боем, с веселыми песнями ринулись наши. Суворов разъезжал по войскам, повторяя: «Вперед, вперед, коли, руби». Французы дерутся с острвенением, но вскоре Домбровский опрокинут, шедшая на помощь полубригада сбита, все южное крыло французов опрокинута за Тидону. Северное крыло еще держалось против австрийцев, но с поражением южного и оно ушло за Тидону.

В девять часов вечера сражение закончилось. Первый урок Макдональду был дан, наступление его 22-тысячного войска остановлено 19 тысячами союзников.

По причине истощения сил победители не преследовали противника и расположились на ночлег на западном берегу Тидоны: русские — южнее, австрийцы — севернее.

Ночью посланы офицеры подбирать отсталых, а у с. Паррапанезе наведен мост для войск Края, идущих из-под Мантуи, и на случай неудачи боя: высший образец подготовки к смене операционной линии на поле сражения.

Макдональд отступил к Треббии, Оливье и Монришар были все еще в переходе. Но, рассчитывая на их скорый подход и действия Моро и Ляпоипа в тыл Суворову, Макдональд решил 7 июня вновь наступать. Однако Суворов не позволял предупреждать себя. Приказом от 7 июня наступление назначено тремя колоннами: южной — Повало-Швейковского; средней — Ферстера; северной — Ота. У Фрелиха восемь батальонов; поддержка сначала за северной колонной, а за Тидоной — за средней — для помощи южному крылу Розенберга (южной и средней колоннам; прочие войска вел Мелас). Чертеж при приказе не дает сомнения в направлении удара — с юга, т. е. на уничтожение — и в самое больное место.

Из-за утомления войск наступление отложили с семи на десять часов утра, и когда жарким утром союзники двинулись к Треббии, пересеченная местность сильно сдерживала их движение. В 14 часов Багратион у Казалиджио увидел дивизию Домбровского, готовую к бою. Суворов приостановил войска, дал оправиться и в два часа дня разослал приказ начать удар¹.

Домбровский снова взят в лоб русской пехотой, сбоку казаками Грекова и Поздеева. Поляки, ненавидя само имя Суворова, сражались яростно, но были сбиты. Поддержанные частями Викторя и Руска, французы перешли в наступление против Багратиона, но подоспел Повало-Швейковский и частью влево, частью (сам Розенберг) вправо, ударил в штыки. Бой у Казалиджио вновь разгорелся. Средняя колонна, врезавшись клином, овладела д. Граньяно.

Но теперь к французам прибыли Оливье и Монришар, благодаря чему они стали в полтора раза сильнее Суворова.

¹ Из южной колонны, где был вместе с великим князем.

Немедля Монришар, видя потерю Граньяно, усилил своих, но безуспешно, так как Багратион и Пова-Швейковский уже сбили врага южнее, и Монришар, боясь обхода, тоже отошел. Однако развить успех мы не могли: Мелас, вопреки приказу, удержал Фрелиха у себя, где, и без того будучи сильнее, австрийцы уже потеснили французов за Треббцию.

Исход сражения еще не был решен, а наступала ночь. Союзники стали на западном берегу Треббии, французы — за нею. Макдональд получил второй блистательный урок: 24 тысячи союзников отбросили за Треббцию, охватив с юга, 35 тысяч врага.

8-го непреклонный Суворов снова решил наступать. Приказ остался тот же, что и накануне, только Меласу подтверждено вести Фрелиха и 10 эскадронов Лихтенштейна за средней колонной.

Макдональд тоже решил наступать, в связи с чем приказано: Виктору, Руска и Домбровскому (14 тысяч) сбить и обойти союзников с юга; Ватреню и Сальму (7 тысяч) — с севера; Оливье и Монришару (11 тысяч) — бить в центр. Поддержек не оставлено: расчет на тактическое окружение (двойной охват) и быстроту действий (все силы сразу). Снова из-за утомления войск решили начать бой лишь в 10 часов.

Увидя обход Домбровского, Суворов двинул на него Багратиона и разослал общее приказание обратить особое внимание на юг. Дивизию Домбровского быстро уничтожили; лишь 300 человек бежали; гроза обхода миновала, но равновесие сил (у нас 23,5 тысячи, у французов 35 тысяч) еще не восстановилось. Наоборот, пришлось выручать Пова-Швейковского, пять батальонов которого окружены были пятнадцатью батальонами Виктора и Руска, причем гренадерский полк Розенберга развернул даже кругом третью шеренгу. Под палящим зноем в неравной борьбе наши едва стояли на ногах. Судьба боя висела на волоске. Розенберг уже просил об отступлении. Суворов, в изнеможении от жары, лежа в рубашке у громадного камня, ответил: «Попробуйте сдвинуть этот камень, — не можете. Ну так и русские не отступают. Извольте держаться крепко и ни шагу назад». Розенберг уехал.

Но вот и сам любимец Суворова, Багратион, доложил, что убыль велика, ружья от грязи не стреляют, войска в изнеможении не могут больше драться. Это было последней каплей суворовского терпения. «Нехорошо, князь Петр, — сказал полководец и, крикнув: — Коня», — как был в рубашке, поскакал к войскам. Разом все воскресли, усталости как не бывало! Мало того, когда, наведя преследовавших одну нашу часть французов на искусно скрытую батарею и придав этому отступлению преднамеренный вид («Заманивай!»), Суворов бросил Багратиона в тыл Виктору и Руска, то удар был так стремителен, что французы сочли — здесь свежие подкрепления. Виктор и Руска, отброшенные за Треббию, уже не осмеливались более начинать боя.

Южное крыло французов было разбито, — равновесие сил установилось. Но, как и 7-го, успеха развить мы не могли: Мелас опять удержал Фрелиха, поскольку не понимал, что его роль второстепенная и что успех сражения зависит от действий правого фланга. Только по вторичному приказанию Суворова послал он Лихтенштейна, но собрал военный совет, постановивший, что «левая колонна теперь может действовать лишь оборонительно».

Лихтенштейн не успел добить южное крыло французов, но много помог своему центру и северному крылу. Выручив Ферстера, отбивавшегося от всей дивизии Монришара, он кинулся на Оливье и Сальма, готовых опрокинуть Меласа, который, забыв постановление военного совета, перешел в наступление, тесня французов за Треббию.

Начинало темнеть. Уже три дня бились противники на одном месте; долина Треббии завалена трупами, а исход сражения еще не решен... Непреклонный Суворов решил преподать четвертый урок Макдональду; но, справедливо считая, что французы фактически разбиты, поздравил войска с победой. Действительно, ночью Макдональд собрал военный совет в Пьяченце¹. Генералы единогласно заявили о невозможности продолжать бой. Многие полки были почти пол-

¹ Он лежал там, раненый еще до боев саблей в стычке и сильно страдавший.

ностью истреблены, конница убавилась наполовину, все пали духом, зарядов почти не было. О Моро и Ляпоипе не слышно, а Край, Гогенцолерн и Кленау в тылу, в Модене, Реджио, Парме. Макдональд начал отступление.

Суворов, узнав о том на рассвете, обрадованный, выступил для преследования: с юга — русские, с севера — австрийцы. Но Мелас, остановясь у Пьяченцы, выслал лишь небольшой отряд Ота, который на р. Нуре стал для обороны, и преследовали противника безостановочно только наши. Два дня гнал Суворов остатки врага, но 10-го получил донесение о движении с тыла Моро. Тогда, поручив продолжить преследование Оту, он с остальными силами немедленно, с той же быстротой, поворачивает к Александрии, решив «угостить Моро, как угостил Макдональда».

К 10 июня из 35 тысяч французов налицо было едва 10—12 тысяч, совершенно павших духом. Кроме того, они потеряли шесть пушек, семь знамен и почти весь обоз. Убыль союзников за три дня боя: 850 убитыми, до 4 тысяч ранеными и 500 пленными (австрийцы).

Движение Суворова из-под Александрии к Треббии на встречу Макдональду, закончившееся полным поражением противника, относится к числу величайших образцов военного искусства. Все военные историки признают, что если бы за Суворовым даже не было раньше никаких подвигов, то за одно его движение к Треббии и бои 6—8 июня он заслуживает звания великого полководца.

Только великое дарование способно так искусно повернуть все неблагоприятные условия в свою пользу. Суворов с поразительной силой завершает успех конечным действием на войне — боем, направленным на уничтожение противника охватом его с юга нашими (лучшими) войсками. Успех первого боя на р. Тидоне предопределило понимание Суворовым природы встречного боя. Во второй день идет охват противника с юга. Третий день символизирует торжество духа и воли над силою, свидетельствует о почти сверхъестественном воздействии полководца на войска. Недаром Моро, ставя Суворова ни в чем не ниже Бонапарта, говорит: «Что вы скажете про человека, который уложит всех, ляжет сам,

но не даст приказа отступить...» И эту настойчивость, это упорство так тщательно воспитывал в себе Суворов еще с юности.

Но вот враг уходит, еще не вполне уничтоженный, благодаря его перевесу в силах. «Победивши, обновляя по обстоятельствам, но гони его до сокрушения <...> Преследуй денно и ночью, доколе истреблен не будет», — учит Суворов. Макдональд теряет к 11 июня из 35-тысячного войска 23—25 тысяч, т. е. две трети, а Суворов тем временем, «глубоко схватывая природу действий по внутренним линиям», с той же быстротой «обновил по обстоятельствам» преследование Моро — и Моро ушел, не желая повторять уроков Макдональда.

Сражение при Нови. Едва прибыв в Александрию, Суворов получил 10 июня весьма суховатый по форме рескрипт Франца Иосифа. Напоминалось о необходимости осады Мантуи; приказывалось «совершенно отказаться от всяких предприятий дальних и неверных». Между тем, император Павел за победы в Италии возвел Суворова в звание «князя Итальянского».

17 июня сдалась наконец Мантуя. Венский двор считал войну оконченной. Суворов, наоборот, полагал, что падение Мантуи развяжет ему руки для наступления на Ривьеру и Францию. Суворовым уже были сделаны все распоряжения о движении к Ницце и Генуе и совместных действиях с флотом.

31 июля долгожданный Край прибыл в Александрию, и в войска немедленно был разослан приказ о движении в горы. Но на этот раз опередил противник.

Из-за поражений, нанесенных французам Суворовым, Северная Италия стала главным участком войны, что вынудило Директорию принять особые меры для обеспечения защиты Франции от вторжения врага. Было предложено собрать новую 50-тысячную армию под командованием Шампионе для обороны Альп со стороны Савойи и Дофинэ, а итальянской армией, усилив ее до 70 тысяч человек, действовать наступательно для освобождения Пьемонта и Мантуи.

Масена в Швейцарии должен был сосредоточить значительные силы у р. Лимату.

24 июля молодой и талантливый Жубер принял начальство над итальянской армией, а Моро, предложив услуги, как помощник, остался при нем. На военном совете 29 июля было решено наступать с 35 тысячами человек; остальные 13 тысяч оставить в тылу и с боков.

Суворов начал получать сведения о наступлении французов с 24 июля. Но только 1 августа окончательно выяснилось, что они двигаются долинами Бормиды и Скривии. Куда же, однако, могли они идти: на Александрию? На Павию? На Тортону? Самым опасным было последнее направление, ибо здесь шли сообщения Суворова.

Суворов решил, дав французам спуститься в равнину, разбить их здесь. Передовым войскам было указано выманить врага из гор. В то же время Суворов расположился так, чтобы, в каком направлении ни появился Жубер, встретить его передовыми частями, а затем нанести решительный удар.

2 августа Суворов перенес ставку ближе к противнику — в Поцоло-Формигаро — и придвинул сюда шесть батальонов Милорадовича для поддержки Багратиона, очистившего Нови. Краю предписано, перейдя к Фресонаре, бить западное крыло французов при выходе его на равнину.

Перед рассветом 3 августа французы появились на всем крыже у Нови, на пути к Тортоне обложили форт Серавале (Домбровский) и по горам ушли на восток... Все это прикрывалось большими силами Сен-Сира, занявшими Нови. Если бы Край напал в это время на Жубера, то помешал бы французам соединиться у Нови, но, ссылаясь на сильное утомление войска, он просил у Суворова разрешения повременить, на что и получил согласие, так что до полудня остался в Александрии, а у Фресонары был только Бельгард (6 тысяч).

Весь день 3 августа Суворов ждал выхода врага на равнину.

Между тем французы приостановились. Жубер с Моро и Сен-Сиром взошли на высоты у Нови. С крутых предгорий Апеннин они увидели равнину, заполненную союзными войсками. Жубер впал в уныние. Он не верил в падение Мантуи

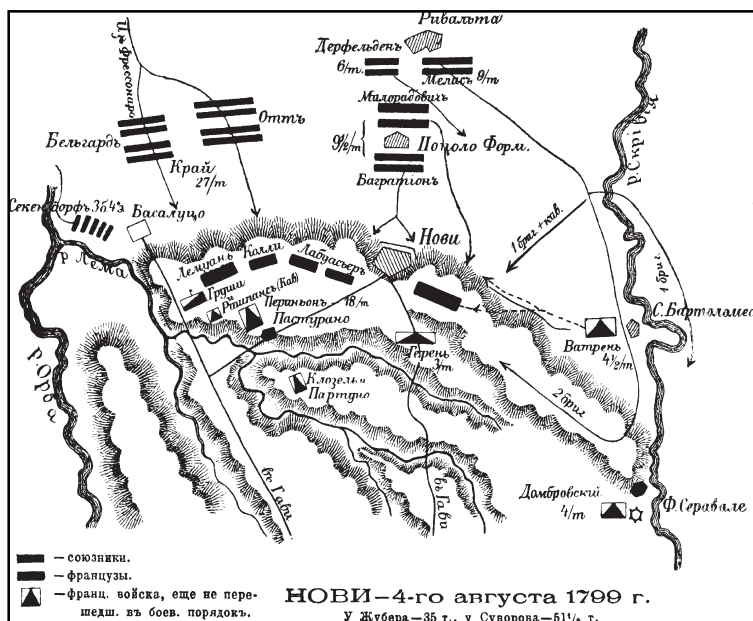
и в сосредоточение войск Суворова, но теперь прямо перед ним, в двух с половиной верстах, у Поцоло-Формигаро, стояли 9500 солдат Багратиона и Милорадовича, в шести верстах, у Ривальты — 15-тысячное войско Меласа и Дерфельдена, на р. Обре — 27 тысяч человек под командованием Края и Бельгарда, а сзади, у Тортоны, — еще 13,5 тысячи (Розенберг и Алькаини). Самого Суворова легко узнали по его странной одежде: он ехал верхом в белье. Жубер был в смущении. Идти вперед безрассудно, отступить — стыдно. Он собрал военный совет. Почти все настаивали на отступлении к Генуе; Жубер не согласился. Целый день прошел в спорах; только ночью совет был распущен.

Жубер обещал скоро прислать приказ об отступлении, но утро 4 августа застало еще французов у Нови. Высоты, где расположились французы, — последние отроги Апеннин между долинами рек Скривии и Обры. Возвышенная, сильно пересеченная местность, виноградники и город Нови с высокой каменной стеной и садами давали все выгоды упорной обороне. Однако пути для отступления были неудобными: в тылу горы перерезаны речками и глубокими оврагами, хороших дорог только две: на Гави и (за западным крылом) на Пастурану.

Убедясь 3 августа, что французы не выходят на равнину, Суворов решил сам 4 августа бить их в горах. Краю (27 тысяч) указано идти с запада, отбросив французов к р. Скривии и отрезая остальные войска от Гави, Багратиону и Милорадовичу (9500 человек) взять Нови. Дерфельден и Мелас оставлены у Ривальты до особого приказа, но Меласу указано: добивать французов, отрезанных движением Края.

Сражение у Нови мало изучено и односторонне освещено. Между тем это высокий образец военного искусства и больше, чем Аустерлица, прообраз новейших боев чуть не на 100 лет вперед.

Суворов стоял уступами с запада, имея 65-тысячное войско на протяжении одного перехода (20 верст) по фронту и в глубину. Наиболее опасно было для него движение французов на Тортоны. Знать наверняка, стоя внизу, то, что делается наверху, на высоте 700 футов — очевидно, нельзя.

Нови. 4 августа 1799 г. У Жубера — 35 тысяч, у Суворова — более 51 тысячи

Между тем Серавале уже был занят, с запада производились какие-то передвижения к востоку, т. е. на Тортону. Ясно, что Суворову надо было не пустить противника сюда: ударить на него, приковать его с запада. Раз он на восток не пойдет, следовало, так сказать, забить его в кряж горы, т. е. взять Нови. Когда же взятием Нови и успехами с запада враг окончательно был бы сжат — выход остальных сил в тыл привел бы к полному уничтожению неприятеля. Каждый уступ имел при этом свое, определенное назначение и полную свободу действий. Глубина же последовательно вводимых уступов обеспечивала способность маневрирования на поле сражения и вступление, в общей маневренной связи, в бой прямо с похода.

Еще до рассвета Край (Суворов, пуская его в направлении ложного удара, писал: «Совершенно полагаюсь на мое-

го друга-героя...») повел удар, но, несмотря на смерть в пять часов ночи Жубера, еще к восьми утра успеха не достиг. Край несколько раз просил Багратиона начать выступление, но тот не трогался с места, ссылаясь на неполучение приказаний. Около девяти часов утра Суворов приказал Багратиону брать Нови, Милорадовичу поддерживать его, Краю возобновить удар на западное крыло неприятеля¹.

Нови был занят тремя батальонами Гардана, а к западу от города стояла еще полубригада; в качестве поддержки выступали четыре батальона и шесть эскадронов.

Блестящими действиями — заставляя нас разбиваться о Нови, а затем делая вылазки — Гардан сдерживал Багратиона. Одно время грозила даже громадная опасность от вышедшего ему в бок Ватрени. Суворов ввел тогда третий уступ Дерфельдена. Но полного успеха все еще не было. Край вновь был потеснен с высот.

К часу дня оба противника, после 9-часового боя, были совершенно изнурены и нуждались в отдыхе. Затишье это, однако, было перед грозой, и от зоркого взгляда Суворова не ускользнуло, что победа уже у него в руках.

Он убедился, что у Нови находятся все силы французов, что теперь уже нечего опасаться за Тортону, и приказал Меласу обрушиться на восточное крыло неприятеля, а Розенбергу прибыть к Ривальте, т. е. вводелся четвертый уступ, а пятый подводился к полю сражения. Но Мелас еще до приказа встал за Дерфельденом направился вперед по обоим берегам Скривии. Это усердие Меласа объяснялось, однако, его коварными замыслами: он спешил продемонстрировать, как его тактика способствует развитию успеха, на что имел тайное указание гофкригсрата.

¹ Получая просьбы Края об одновременном с ним ударе, Багратион посылал ординарцев к Суворову за разрешением, но ординарцы не возвращались. Багратион поехал сам. Суворов, окруженный генералами, лежал на земле, завернувшись в плащ, и спал или делал вид, что спит. Едва Багратион заговорил с Дерфельденом, как Суворов вскочил и принялся задавать вопросы своему любимцу. Узнав про неудачу Края, он отдал указанные выше распоряжения об ударе.

В четыре часа дня вдруг вновь разгорелся ожесточенный бой: Суворов возобновил удар всеми силами. Край по-прежнему шел на западное крыло французов, Дерфельден — на Нови и высоты к западу от него, Мелас — на высоты к востоку: двойной охват и отрез от путей отступления. Розенберг, нетронутый, еще в тылу, стоял уступом с востока.

Около шести часов вечера началось массовое отступление французов. Их западное крыло могло отступать только по дороге на Пастурану, где теснина была загромождена повозками и трупами лошадей, а тем временем австрийцы вышли почти в тыл Пастуране, когда русские неудержимо катились сюда с другой стороны. В это мгновение вся масса французских войск дрогнула, рассыпалась; пехота, артиллерия, кавалерия — все бросились опрометью через поля, овраги, рытвины, каждый искал спасения, как мог. Только часть войск Сен-Сира отступила в относительном порядке к Гави.

Наступление ночи спасло французов. Утомленные 16-часовым кровопролитным боем, союзники заночевали на поле сражения. Лишь Розенберг спешил на соединение: ему, со свежими силами, было приказано преследовать противника.

Победа была крупной, но доставшейся дорогой ценою — 8000 выбывших из строя. У французов — 6500 убитых и раненых, 4500 взяты в плен и до 2 тысяч самовольно бежали с поля боя, захвачены вся артиллерия (39 орудий), четыре знамени, весь обоз и парки.

Ночью Суворов отдал приказ о преследовании противника и движении на Ривьеру.

5-го Розенберг продолжал преследование, но вяло, путей отступления не отрезал. На следующий же день войска были остановлены совсем... Французы не были уничтожены, наши войска кипели негодованием. Что же тому причиной?

На другой день сражения Мелас доложил: продовольствия для горного похода нет, и мулы не заготовлены; гофкригсрат приказал выделить из войск Меласа 9 тысяч человек в Тоскану, и распоряжения об их выступлении уже сделаны, наконец, Кленау, направленному к Генуе, дан приказ идти обратно в Тоскану.

Скрепя сердце, Суворов временно отложил наступление на Ривьеру и собрал войска к северу от Нови, но судьба и на этот раз помешала движению к Генуе. 6-го он получил донесение, что австрийцы в горных проходах в тылу у него разбиты значительными силами и Шампионе готовится к наступлению. Когда же выяснилось, что из Швейцарии опасность не грозит, Суворов сам получил из Вены приказ двинуться в Швейцарию.

Из хода боя видно, что одновременность ударов Края и Багратиона была предумышленной: до часу дня Суворов ведет усиленную разведку, не предполагая еще наносить окончательного удара, но тесня французов на запад от Нови. Когда же соединенные удары Края, Багратиона и Милорадовича убедили Суворова, что перед ним все силы Жубера, он, притянув к себе Меласа, наносит удар противнику с востока и бьет его. Отсутствие же преследования противника — это уже «заслуга» перед Моро австрийского гофкригсрата.

В награду Суворову за Нови приходилось изыскивать что-либо необычайное. Император Павел приказал объявить в высочайшем приказе: «В благодарность подвигов князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического, гвардии и всем Российским войскам даже и в присутствии государя отдавать ему все воинские почести, подобно отдаваемым особе Его Императорскаго Величества».

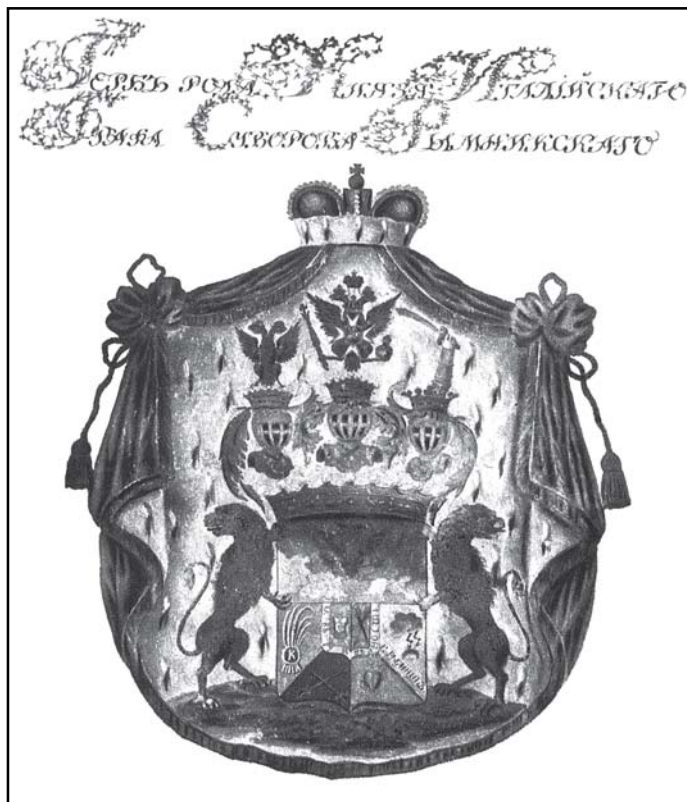
Король Сардинский Карл Эмануэль за освобождение Пьемонта наградил Суворова званием фельдмаршала пьемонтских войск, гранда королевства Сардинского, с потомственным титулом принца и «брата» короля.

В Англии чеканили медали с изображением завоевателя Италии; в театрах пели оды в его честь; на торжественных обедах возлащали его здоровье вслед за тостом, адресованным королю.

Во Франции составлялись пари: за сколько времени дойдет он до Парижа.

Одна лишь Австрия держалась холодно, и в избылии сыпались попреки гофкригсрата и выговоры императора.

Сражением при Нови закончился поход в Италии. Он является образцом высшего воинского искусства и примером про-

Герб рода князя Италийского графа Суворова-Рымникского

явления небывалой силы человеческого духа. Все задуманное приведено Суворовым в исполнение блистательно: три раза наносит он поражения сильному, искусному противнику и за несколько недель завоевывает обширную страну при условиях самых неблагоприятных. Происки и козни Венского кабинета тормозят все начинания полководца, зачастую расстраивают замыслы его, и надо удивляться, как и при таких условиях Суворов еще достигает содеянного. Невольно рождается вопрос: что мог бы сделать Суворов при полной его свободе?

Припомним еще раз, что Суворову было в то время 69 лет, что он впервые попал в совершенно новую обстановку,

что войска на три четверти были иноземными, и что, наконец, даже русские войска были уже сильно тронуты новыми веяниями — Суворову даже приходилось переучивать их вновь. Но он преодолел все — невзирая на тяжести и невзгоды давал всем пример силы воли и телесной выносливости и по праву мог говорить: «Я был счастлив, потому что повелевал счастьем».

Выступление Суворова из Италии. Раз Италия была завоевана, присутствие Суворова с русскими войсками становилось препятствием для исполнения тайных желаний Венского двора, а Англия опасалась, как бы Суворов не овладел для России Генуей.

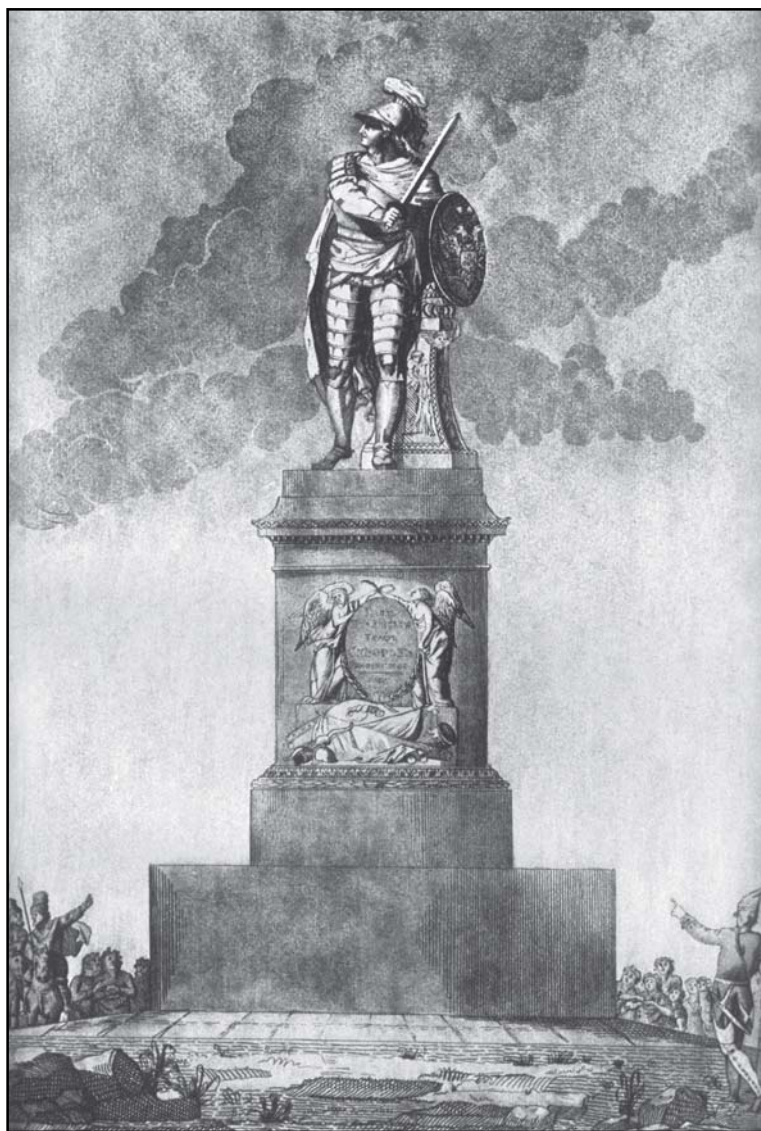
И вот союзники решают: 1) русские войска сосредоточить в Швейцарии под начальством Суворова и действовать наступательно через Франш-Конте; 2) англо-русский корпус назначить для освобождения Голландии и вместе с войсками эрцгерцога Карла изгнать французов из Бельгии; 3) австрийцам действовать: эрцгерцогу Карлу — на Нижнем и Среднем Рейне, а Мелису — в Северной Италии, причем эрцгерцог Карл должен был находиться в Швейцарии до прихода Суворова.

В Вене добавили, что наступление австрийцев отложено до будущего года, а Суворову из Северной Италии идти в Швейцарию следует безотлагательно.

«Выдавая из меня сок, нужный для Италии, бросают меня за Альпы, и уже с неделю я в горячке больше от яду венской политики», — говорил Суворов в скорби и негодовании. Но Павел I даже обрадовался освобождению Суворова от пресинга гофкригсрата.

12 августа прибыл Римский-Корсаков. Тогда эрцгерцог Карл решил идти за р. Ааре, но, потерпев неудачу, отошел за Лимат, а, получив повеление выступить из Швейцарии в Германию, 20 августа покинул Римского-Корсакова перед лицом сильного врага и оставил в горах лишь 22-тысячное войско Готце.

Суворов ясно видел ужасное положение дел в Швейцарии, а потому, не дожидаясь сдачи Тортонской цитадели, за

Памятник Суворову в Петербурге (проект)

шесть дней прошел 150 верст — от Асти до Таверны (начало горного похода).

«Сия сова не с ума ли сошла, или его никогда не имела», — писал он про творца этого нового замысла, Тугута. Но сова не сошла с ума, она затеяла погубить нас и развенчать Суворова...

К этому времени у Римского-Корсакова (27 тысяч), имеющего главные силы у Цюриха, остальные войска были разбросаны по восточным берегам Лимата и Ааре. Войска Готце (южное крыло, 10 тысяч) стояли на Линте, Елачича (5 тысяч) — у Сарганса, Линкена (3500) — у Иланца, Ауфенберга (3 тысячи) — у Дисентиса, Штрауха и Гадика (12 тысяч) — на пути в Швейцарию из Северной Италии.

Французы были сильнее и более сосредоточены: Тюро (9500 человек) — против Штрауха и Гадика; Лекурб (12 тысяч) — на Сен-Готарде и в долине Рейсы до Альторфа; бригада Молитора — у Глариса; Сульт (11 тысяч) — на Нижней Линте и Цюрих-ском озере; Мортье (9 тысяч) — на Альбисе; главные силы (37 тысяч) — на западных берегах Лимата, Ааре и Рейна, до Базеля.

Разработка деталей оперативных действий была возложена на Суворова. О французах он знал только, что они растянулись в виде запятой, жирная часть которой расположилась против Римского-Корсакова, а хвост проходит через Сен-Готард. Зная это... 26 августа Суворов наметил следующий план действий: быстро устремясь к Сен-Готарду, бить южное растянутое крыло французов (Гюден и Лекурб); австрийцам били в лоб, помогая им и последовательно идя на сближение по мере углубления в страну; окончательное же соединение союзников для нанесения совместного удара по главным силам французов произойдет где-то у Глариса.

Все это до гениального просто и гарантирует эффективность действий, особенно в горах. Но, к несчастью, не имея подробных сведений о характере местности, не зная точного расположения союзных войск, Суворов не рискнул не посоветоваться с австрийцами, в том числе с Готце¹. Готце взгля-

¹ Кроме того, к Суворову был приставлен, как особый знаток гор, полувидевший впоследствии известность Вейротер.

нул на дело более широко: намеченное Суворовым соединение у Глариса он выносит вперед, к Швицу и Эйнзидельну; Суворов тянет австрийцев к себе, Готце направляет их в другую сторону и даже тянет к себе 5 тысяч человек от Римско-Корсакова; Суворов спрашивает, где и как соединиться, Готце говорит о том, когда он сам начнет наступление.

Умышленная незаготовка австрийцами выюков с довольствием окончательно подорвала основные устои замысла Суворова еще до начала движения, и гроза назрела уже у подножия Альп, она была неизбежна.

Но и здесь распоряжение Суворова — в начале похода переходить Сен-Готард с охватом его с востока по двум дорогам, причем этот двойной охват должен открывать путь к дальнейшему продвижению — свидетельствует о том, что тактику действий в горах он разработал блистательно. Была доля трудности в обеспечении прочной связи между отдельными частями, но Суворову нужно лишь было на время его наступления сковать французов с фронта, чтобы самому выйти на фланг и тыл Масены.

Всего у Суворова было около 20 тысяч человек, сформированных в Таверне заново. Австрийцы дали 25 горных орудий. Полевая артиллерия и обозы пошли кругом, через Тироль. Мулов заменили казачьи лошади (по совету Великого князя), выюки и довольствие заготовили сами.

Для действий в горах было дано особое наставление: каждой дивизии идти отдельной колонной, с 25 казаками и 20 пионерами впереди; при головном батальоне — одно орудие, прочие — по полкам. В хвосте — запасные орудия и 10 выюков с ружейными патронами; остальные выюки — позади корпуса под прикрытием одного батальона и спешенных казаков. Для боевых действий головным частям пехоты рассыпаться и быстро взбираться на вершины, следующим частям поддерживать цепь, по возможности в сомкнутых колоннах, шагах в ста от рассыпного строя, и действовать исключительно холодным оружием, не останавливаясь под неприятельским огнем, а смело бросаться в штыки.

Начало Швейцарского похода. Взятие Сен-Готарда. 10 сентября, в пасмурное ненастное утро, мог наконец дви-

нуться Суворов в горы, известив Готце и Римского-Корсакова о своем движении, сообщив свою диспозицию и прося содействия способом, какой сами признают удобным. При этом он писал Готце: «Никакое препятствие, никакие затруднения, никакие пожертвования не должны останавливать нашего стремления к той важной цели, для которой мы соединяемся». И далее: «Для общего нападения считаю нужным напомнить о необходимой во всех случаях предосторожности держать по возможности свои силы в совокупности, дабы бесполезным раздроблением их и добровольным ослаблением не сделать самую атаку безуспешною. Затем должно разузнать вернее стоящего перед собой неприятеля и настоящую силу его. Мы должны о первых своих шагах подробно извещать друг друга через ежедневных курьеров».

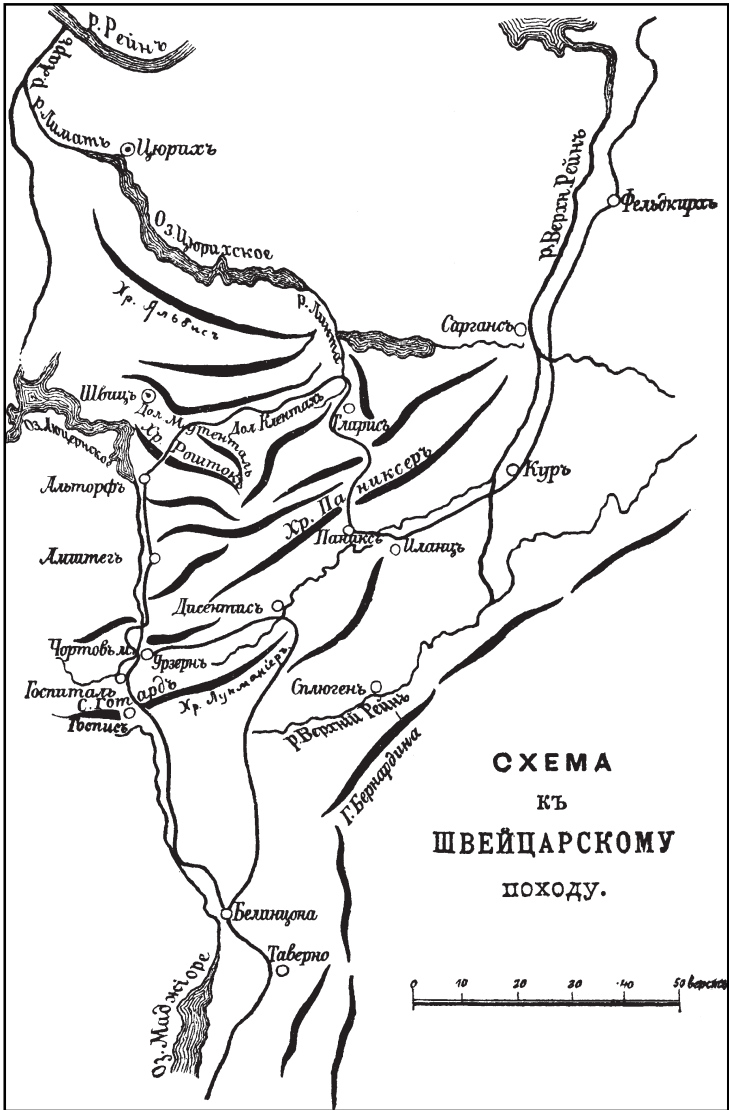
Понимал ли кто когда-либо глубже вопросы тактики действий в горах?!

Розенберг от Белинцоны пошел вверх по р. Тичино, а сам Суворов с корпусом Дерфельдена — от Таверны к Белинцоне. Несмотря на нездоровье, он бодро ехал на казачьей лошади, в обычной легкой одежде, и только сверху накинул ветхий, тонкий плащ, так называемый «родительский»¹.

Все дни похода войска дрогли от холода, ветра и ливня, особенно на ночлегах без топлива.

12 сентября Дерфельден, пройдя за три дня 68 верст и остановившись в десяти верстах от Айроло, дал время Розенбергу (преодолевав за три дня 75 верст по весьма трудной дороге) выйти в тыл Сен-Готарда. Розенберг шел с рассвета до глубокой ночи; войска наши выбивались из сил, но в первый день прошли 24 верст, во второй — 30. На 12-е, в холодную бурную ночь, он ночевал на высоте в 8000 футов без бивачного огня, а днем спустился к Дисентису; после чего,

¹ Рядом с Суворовым ехал старый швейцарец Антоний Гама, хозяин дома, в котором жил Александр Васильевич в Таверне. Антоний так привязался к великому полководцу, что позабыл про свои годы и, невзирая на протесты и слезы семьи, решил сопровождать Суворова в походе, сдержал свое слово и был очень ему полезен.

Швейцарский поход

без единого отставшего от войск, не отдыхая, двинулся к д. Урзерн. 13-го Розенберг уже брал Сен-Готард с тыла.

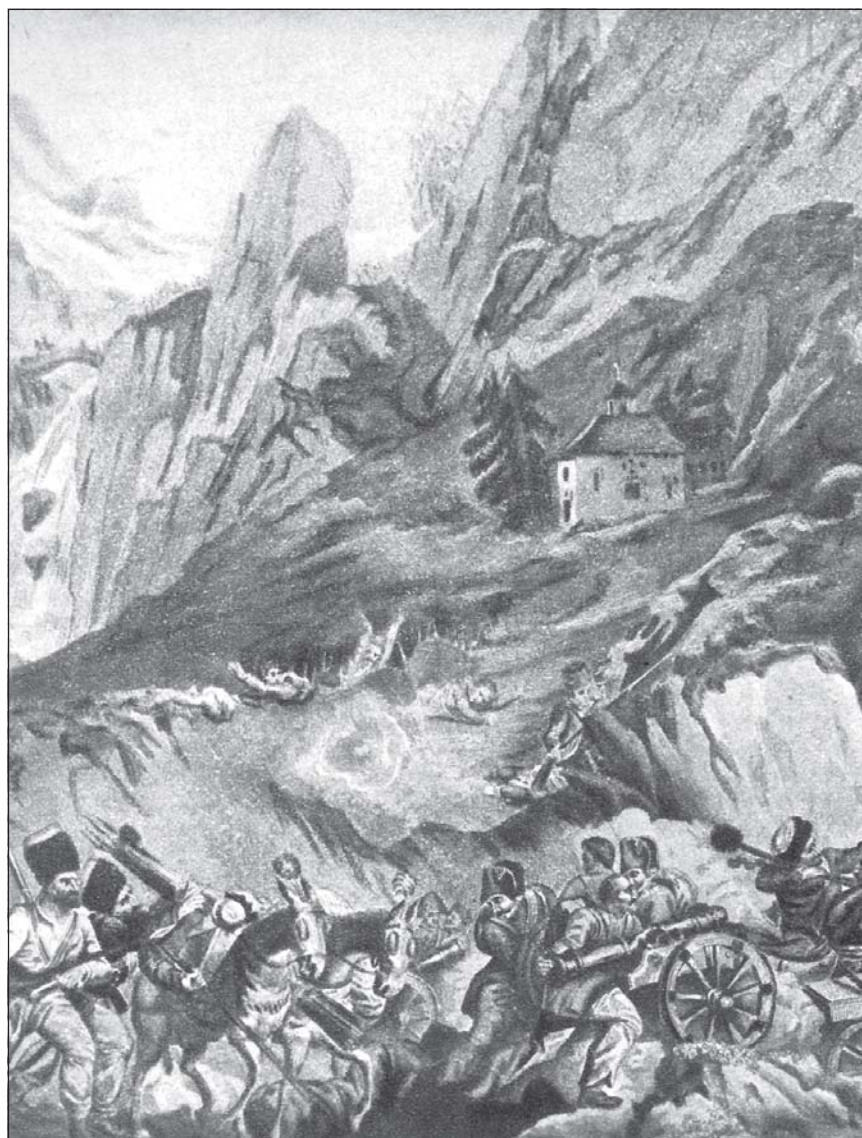
На Сен-Готарде было 8500 французов под командованием Лекурба. С глубочайшим пониманием сути боя в горах, Суворов лобовым ударом Дерфельдена сковал французов до назревания обхода Розенберга¹, а затем рядом частных охватов сбил их и отрезал с тыла как раз в то время, когда на подмогу прибыл сам Лекурб. Розенберг захватил у противника три орудия, 370 тысяч патронов и однодневный запас хлеба из расчета на корпус. Между тем Лекурб, обойденный Розенбергом, старался задержать Суворова хотя бы до ночи, упорно обороняя д. Госпиталь. Только с наступлением темноты Суворов наконец ворвался в деревню. Лекурб был окружен, и все пути в долину Рейсы были ему отрезаны. Он мог бы отойти на Фурку, но тогда открыл бы Суворову путь к Люцернскому озеру, где русские могли захватить суда. Лекурб решился, сбросив орудия в Рейсу, двинуться ночью, через Бетцберг (на высоте 7800 футов), в долину Гешенен. Французы, в экипировку которых входила обувь с шипами на подошвах, всю ночь карабкались по горам, где еще не ступала нога человеческая. К утру Лекурб вышел к единственной переправе через Рейсу — Чертову мосту, вновь преградив путь Суворову.

Утомленные трудным горным походом и боем, ночевали: Дерфельден — у д. Госпиталь, Розенберг — у д. Урзерн. Вьюки сильно отстали. Заснуть из-за холода и сырости почти никому не удалось.

Первая встреча в горах с французами обошлась нам дорого, потери составили около 2 тысяч человек, но одно из самых трудных препятствий было пройдено, и неприятель, знаменитый Лекурб — побежден.

Появись Розенберг у д. Урзерн засветло, замысел Суворова на уничтожение врага осуществился бы. Все дело в обманчивости чувств в горах: на спуске в Урзернскую долину между двумя и тремя часами дня к Розенбергу выстрелы

¹ По некоторым сведениям, войска Розенберга, по примеру Милорадовича, скатились с кручи под Урзенем — сидя.

Переход Суворова через Альпы в 1799 г.
(с гравюры Вендрамини по рисунку Портера)

Суворова доносились как бы издалека. Розенберг ждал — и вышел только к вечеру.

Переход через Чертов мост и движение к Альторфу. Утром 14 сентября Дерфельден и Розенберг двинулись к Альторфу вместе. Поход был сопряжен со страшными затруднениями. Казалось, природа хотела проверить, точно ли для суворовцев нет невозможного. В одной версте от д. Урзерн горная тропа проходит сквозь Урзернскую дыру в отвесных утесах, после чего огибает гору карнизом и круто спускается к знаменитому Чертову мосту — каменному своду над р. Рейсой, которая здесь рвется через трещину шириной в 400 шагов и пенится на глубине в 75 футов водопадами. Затем тропа¹ дважды огибает крутые скалы и, переходя с берега на берег, перед д. Гешенен, в двух с половиной верстах от Урзернской дыры, выходит из ущелья.

Два-три десятка стрелков могли задержать наступление Суворова и в Урзернской дыре, и у Чертова моста, особенно если взорвать мост. Но мост был не тронут: Лекурб надеялся и так остановить Суворова, обороняя частью французов Урзернский проход, против которого стояла пушка, а два батальона расположив сзади моста.

На рассвете 14 сентября передовой батальон полка Мансурова (из корпуса Розенберга) двинулся к Урзернской дыре и в подземелье был встречен пушечным и ружейным огнем: пробиться было невозможно. Но когда 300 охотников полковника Трубникова, майор Тревогин с 200 егерей Кашкина и батальон полковника Свищова, пройдя в обход, горами, через Рейсу, неожиданно появились перед французами, те так изумились, что бросили дыру и спешно начали разбирать кладку съезда. Мансуров в суматохе прорвался сквозь подземелье и бросился на французов, которые, пытаясь спастись, стали прыгать с утесов и почти все погибли.

Однако два батальона, стоявшие за мостом, успели разобрать часть спуска, и перейти через него уже было нельзя. Открылась стрельба почти в упор. Но под угрозой нового

¹ Здесь теперь стоит с 1898 г. памятник Суворову.

обхода Тревогина, Свищова и генерала Каменского с Архангелогородскими мушкетерами французы начали отступать от моста. Наши бросились вперед; притащили бревна и доски из сохранившегося вблизи сарая; быстро связали их офицерскими шарфами и по этой зыбкой перекладине стали перебегать на тот берег, под сильным огнем французов. К четырем часам дня мост был годен для движения¹, и Тревогин и Свищов погнали врага.

В то время, когда Суворов пробивался через Чертов мост, Лекурб бросился назад, к Амштегу, и оттеснил шедшего сюда от Дисентиса австрийца Ауфенберга, после чего, испортив все мосты, отступил к Альторфу.

После напряженной работы ночью по исправлению дорог и быстрого наступления днем 15-го, причем авангард Милоладовича перебежал через горящие мосты, мы вынудили французов и здесь отступить, и Лекурб ушел за Рейсу, вновь уничтожив мосты.

Суворов провел ночь на 16-е у Альторфа.

Тяжелыми были дни 14 и 15 сентября, но, одолев храброго и искусного противника и не спасовав перед природными невзгодами, измученные доблестные войска могли, казалось бы, надеяться на благосклонность судьбы. Оставался всего один переход до Швица. Смелый замысел великого полководца готов был дать блестящие плоды. Но вдруг у Альторфа Суворов узнает, что дороги на Швиц нет. Горная тропа исчезла. Недоступные снеговые хребты преградили путь. Только теперь стало очевидно, куда завели их австрийцы. Были, правда, две тропинки из Шахенской долины в Мутенскую через снеговой хребет Росшток, но даже опытные швейцарские охотники считали их теперь непроходимыми. О Линкене не было известий, а среди жителей ходили слухи, что накануне в Швейцарии был жестокий бой и французы победили.

¹ Рассказывают, что австрийские саперы очень медленно чинили мост. Тогда Ребиндер вызвал рабочих своего полка, которые и исправили мост. Говорят также, что под удары топора бывший здесь Суворов приговаривал: «Ту-гут, ту-гут!»

Сражение у Чертова моста 14 сентября 1799 г.

Можно смело сказать, что если бы на месте Суворова был другой генерал, то в подобном критическом положении он созвал бы военный совет для обсуждения мер к спасению армии. Может быть, самый решительный избрал бы кружной путь через Шахенскую долину к Верхней Линте в надежде найти там Линкена, но едва ли кому бы то ни было пришлось в голову избрать тот путь, который выбрал Суворов. Ни одного мгновения его великая душа не ведала сомнений, с обычной своей твердостью, без всякого военного совета, решается он идти, как можно скорее, к Швицу, чтобы не дать сильным французам разбить слабого Корсакова. Он не дает даже отдыха измученным, оборванным, полуголодным войскам и с рассветом 16 сентября приказывает двигаться в Мутенскую долину через Росшток, по прямому пути к Швицу. На такой подвиг способны были только Суворов и его чудо-богатыри!

Переход через хребет Росшток. Военный совет в Мутенской долине. В пять часов ночи 16 сентября началось движение. Багратион шел впереди, за ним корпус Дерфельдена и австрийская бригада Ауфенберга; Розенберг прикрывал сзади от возможного нападения Лекурба.

Отдохнувшие войска от подножия грозного хребта пошли по едва заметной тропинке, которая чем выше, тем была уже, а местами совсем исчезала среди скал. Идти можно было только поодиночке и с нечеловеческими усилиями.

Суворов большей частью шел пешком при передних частях, у всех на виду. Вечно бодрый и веселый, он не давал хандрить людям. Увидев кучку людей, отказавшихся в отчаянии идти дальше, он весело затянул песню: «Что с девушкой сделалось, что с красной случилось», — и мигом все повеселели.

Спуск был еще труднее. Почва стала скользкой и вязкой; местами люди прямо скатывались вниз. Кто оступился или поскользнулся, летел в бездну. Лишь к пяти часам дня голова колонны спустилась в долину, к д. Мутен. Расстояние в 16 верст от Альторфа до Мутена авангард преодолел за 12 часов. В хорошую погоду опытные швейцарские охотники идут здесь восемь часов.

Спустившись, Багратион узнает, что в д. Мутен расположились французы. Отважный сподвижник Суворова с головными частями бросается на них: половина врагов переколота, другая сдалась.

Авангард Багратиона собрался у Мутена только поздно ночью. Вместо отдыха пришлось стоять под ружьем, так как у Швица находился неприятель, а хвост Розенберга был еще у Альторфа, и на всем протяжении между Мутеном и Альторфом тянется непрерывная цепочка одиночных людей и выюков по страшной крутизне. В таком положении застала их холодная, ветреная ночь.

Переход русских через эти горы до сих пор еще живет в памяти местных жителей как предание полубаснословное; показывая тропинку, едва заметную на скалах и снежных пустошах, швейцарец говорит с благоговейным удивлением: «Здесь проходил Суворов». На картах Швейцарии тропинка эта обозначается надписью: «Путь Суворова в 1799 г.».

Два дня тянулись войска от Альторфа до Мутена, и еще два дня — выюки. Все это время, 16-го и 17-го числа, Лекурб бросался на Розенберга, но был отбиваем, и выючный обоз успел втянуться в Шахенскую долину.

Пришедшие в Мутенскую долину войска еле держались на ногах от усталости, холода и голода, но, несмотря на это, ничего не тронули у жителей.

Посланные к Гларису для связи с Линкеном казаки вернулись с донесением, что Гларис и долина Кленваль заняты французами, а о Линкене нет даже и слуху. Скоро и окрестные жители принесли страшные вести: 14 сентября Корсаков с громадными потерями отброшен из Цюриха к Шафгаузену. Готце разбит на Линте и пропал без вести. Елачич и Линкен отступили к Рейну. Масена спешит к Гларису и Швицу запретить Суворову выходы от Мутенской долины.

Изнуренное беспримерным походом, 18-тысячное войско Суворова оказалось среди неприступных Швейцарских гор окруженным многочисленным, гордым победами противником.

18-го числа Суворов окончательно убеждается во всем из донесения Линкена. Казалось, и собственное спасение было уже невозможно. Идти к Швицу — нет смысла: Массена не

пустит, а если бы и пробились, то что могли сделать малочисленные, голодные войска без сухарей, зарядов и артиллерии — против многочисленного, сытого и хорошо снабженного врага? Идти назад к Альторфу? Но разве могли суворовские войска отступать? Да наконец, у Альторфа Лекурб. Оставалось идти на Гларис, пробиваясь к Куру и Иланцу, на соединение с австрийцами. Но как встретят это решение войска? Хватит ли у них сил преодолеть еще целый ряд невероятных затруднений и выказать подвиги, может быть, еще более героические? И вот Суворов начинает свое обычное психологическое воздействие на войска: 18 сентября назначает он военный совет¹, впоследствии описанный Багратионом², где сказал такие слова: «Теперь идти нам вперед, на Швиц — невозможно. У Масены свыше 60 тысяч человек, а у нас нет полных и 20 тысяч; идти назад — стыд... Это означало бы отступить... а русские... и я... никогда не отступали. Мы окружены горами. У нас осталось мало сухарей; а менее того — боевых и артиллерийских снарядов. Мы будем окружены врагом сильным, возгордившимся победою... победою, устроенной коварною изменою.

Помощи теперь нам ждать не от кого; одна надежда на Бога, другая на величайшую храбрость и на высочайшее самоотвержение войск, вами предводимых. Это одно остается нам. Нам предстоят труды величайшие, небывалые в мире: мы на краю пропасти.

Но мы русские. С нами Бог. Спасите, спасите честь и достоинство России и ее самодержца, Отца нашего Государя Императора!.. Спасите сына его, великого князя Константина Павловича, залог царской милостивой к нам доверенности!» — и с последним словом великий полководец пал к ногам Константина Павловича.

За всех ответил «благороднейший старец» Вилим Христович Дерфельден:

«Отец Александр Васильевич! Мы видим и теперь знаем, что нам предстоит; но ведь ты знаешь; знаешь, отец, ратни-

¹ Австрийцы на совет приглашены не были.

² Рассказы старого воина. С. 211—221.

ков, преданных тебе душою, безотчетно любящих тебя: верь нам! Клянемся тебе перед Богом, за себя и за всех, что бы ни встретилось, в нас ты, отец, не увидишь ни гнусной, незнакому русскому трусости, ни ропота. Пусть сто вражьих тысяч станут перед нами; пусть горы эти втрое, вдесятеро представят нам препону, — мы будем победителями того и другого; все перенесем и не посрадим русского оружия; а если падем, то умрем со славою!.. Веди куда думаешь; делай что знаешь: мы твои, отец!.. Мы русские!»

Суворов слушал эту речь с закрытыми глазами, поникнув головой, а после всеобщего клича «Клянемся!» он открыл глаза, блестящие райской радостью, и начал говорить: «Надеюсь... рад!.. Помилуй Бог... мы русские!.. Благодарю, спасибо! Разобьем врага, и победа над коварством... будет победа!..»

Вслед за этим Суворов подошел к столу диктовать приказ.

«Мы вышли, — писал Багратион, — от Александра Васильевича с восторженным чувством, с самоотвержением, с силою воли духа: победить или умереть со славою, закрыть знамена наших полков телами своими».

Велик народ, который имеет в своей истории подобный военный совет! Все лучшие качества выказались на нем в лице военачальников наших! А когда они зажгли своими чувствами офицеров и солдат, то войска снова были готовы на какие угодно подвиги, к каким угодно лишениям...

Двухдневные бои в Кленской и Мутенской долинах. Сущность приказа Суворова от 18 сентября заключалась в том, чтобы идти к Гларису, а если французы преградят дорогу, пробиться силой. В тот же день, 18 сентября, Ауфенберг должен был двинуться к горе Брагель (по дороге на Гларис), сбить здесь французов и теснить возможно дальше. На следующий день за Ауфенбергом назначено было идти Багратиону, за ним — дивизии Швейковского. Розенберг и Ферстер (из корпуса Дерфельдена) оставлены в Мутенской долине, чтобы удерживать стоявшего у Швица противника, пока все прочие войска и выюки не пройдут через Брагель.

Ауфенберг 18-го же ливнул, сбил на горе Брагель неприятельский пост и спустился в Кленталь.

На другой день двинулся и Багратион, а за ним Швейковский (всего 6 тысяч). После перехода через хребет Росшток Брагель не удивила наших войск, хотя подъем и спуск были очень трудны. Только к трем часам дня Багратион спустился к Кленталь, где Ауфенберг с утра уже был в бою с Молитором, который, уверенный, что Суворов погибнет в Мутенской долине, послал Ауфенбергу предложение о сдаче. Ауфенберг уже вел переговоры, когда подоспел Багратион. Ударом в лоб и обходом егерями с обоих флангов он сбил Молитора и прижал к теснине между озером и отвесными горами.

После 16-часового боя выход в долину Линты был все же в наших руках.

В то же время и Розенберг блистательно выполнял свою задачу в Мутенской долине, имея 4 тысячи человек. Когда же на другой день Розенбергу предстояло отступить в виду сильного врага, он вышел из положения военной хитростью, послав в Швиц приказ приготовить на 21 сентября продовольствие на 12 тысяч русских войск, и французы в Швице весь день 21-го не трогались с места, ожидая нападения.

Между тем Розенберг тихо снялся с бивака и пошел к Гларису. К концу дня Масена обнаружил обман, но преследовать было поздно. Тогда он повел свои войска кругом на соединение с Молитором, а Розенберг продолжал движение. Испытав страшные лишения, проведя две ночи без топлива среди снежной пустыни, он только 23-го пришел в Гларис. Заслуги Розенберга громадны, и ими он совершенно искупил свои просчеты в Басиньяно и на Сен-Готарде.

Окончание Швейцарского похода. Ожидая Розенберга, Суворов стоял у Нетстала. 23-го у Глариса собрались все войска. Изнуренные горным походом, голодом, тяжелыми боями, оборванные, босые, без патронов и артиллерии, они казались сборищем нищих. Лишения были столь велики, что даже генерал Ребиндер последние дни ходил, обернув ступни ног кусками сукна от мундира. Но по внутреннему своему состоянию это были все те же чудо-богатыри.

Двумя ночными переходами Суворов отделился от французов; французы заметили движение, когда большая часть

войска уже снялась с биваков. Но этот путь был еще труднее, чем все прежние: по узкой тропе шло движение поодиночке. Тропа была почти непроходима и местами представляла узкий обледенелый карниз, покрытый снегом.

Только к полудню собрались войска в д. Паникс, а после небольшого привала перешли в Иланце. Здесь стоял Линкен; Ауфенберг был у Кура, Елачич и Петраш растянулись от Кура до Боденского озера. Грозный снеговой хребет прикрыл союзников от неприятеля. В Иланце наши обогрелись, а на следующий день в Куре нашли обильные запасы. Мгновенно все оживились; усталость и страдания были отринуты; раздалась веселая русская песня, слышались шутки...

Швейцарский поход был кончен. Из 20 тысяч человек, выступивших из Италии, в Кур пришло около 15 тысяч. Более 1600 человек были убиты, упали в пропасти и замерзли, 3500 человек ранены, — но ни одного отставшего... Масена говорил впоследствии, что за один этот поход он отдал бы все свои 48 походов...

Возвращение Суворова в Россию. Европа следила за Швейцарским походом с замиранием сердца, а когда в конце октября были получены верные сведения об исходе похода, то ликование русского общества не было конца. «Побеждая всюду и во всю жизнь вашу врагов отечества, — писал Государь, — недоставало вам одного рода славы — преодолеть и самую природу; но вы и над нею одержали ныне верх».

29 октября Суворову пожаловано звание генералиссимуса, и Военной коллегии повелено вести с ним переписку не указами, а сообщениями.

О чем же думал сам великий полководец в это время? Еще из д. Паникс послал он эрцгерцогу Карлу свои предложения о новом вторжении в Швейцарию. Но судьба решила иначе: Суворов вынужден был ехать в Россию. Всюду по пути его встречали толпами, выказывая знаки удивления, уважения, благоговения.

Но с выездом из Праги¹ у Суворова появились признаки болезни, от которой он скончался. Он плохо себя чувствовал еще

¹ Где Суворов провел Святки.

в Кончанском. Назначение в Италию подняло и дух, и тело. Но в Италии и особенно в Швейцарии здоровье опять пошатнулось. Общеподобающая слава после войны снова значительно подбодрила, но лета брали свое, и в Кракове, а затем и в Кобринском имении Суворов слег. «Тело мое во гноище», — писал он.

Весть о приготовлениях к великолепной встрече в Петербурге подействовала на Суворова лучше лекарств. Торжественный въезд в столицу России рисовался как утешение за все страдания. Но по дороге в Петербург разразился новый тяжкий удар — новая внезапная немилость государя.

20 марта при пароле отдано было высочайшее повеление: «Вопреки высочайше изданному уставу генералиссимус князь Суворов имел при корпусе своем, по старому обычаю, не переменного дежурного генерала, что и дается на замечание всей армии».

Разгневанный Павел приказал отменить все распоряжения о встрече Суворова, и в родную столицу величайший полководец, так прославивший Россию, въехал 20 апреля в 10 часов вечера тайком, остановясь на Крюковом канале, у своего родственника Хвостова. Здесь от Павла I явилось извещение не являться к государю.

Это был последний удар. Суворов приобщился Св. Таин. «Долго гонялся я за славой, — говорил он, — все мечта; покой души у Престола Всемогущего». В агонии Суворов бредил новыми войнами, часто упоминал про Геную; 6 мая, около двух часов дня, великий витязь земли русской скончался, не будучи прощен государем.

Похороны состоялись 12 мая с уменьшенными почестями; народ горько плакал, и, как говорит очевидец, «только не смел рыдать». Государь все же стоял на углу Невского и Садовой; бывший с ним генерал Зайцев, сподвижник Суворова, увидев гроб, зарыдал навзрыд; государь не выдержал и заплакал. Пропустив гроб, он вернулся во дворец; весь день и всю ночь был очень печален, все время повторяя: «Жаль!»

Суворов похоронен в Александро-Невской лавре, в нижней, Благовещенской церкви, возле левого клироса. Над гробницей, по его просьбе, сделана простая надпись: «Здесь лежит Суворов».

Суворов — полководец и воспитатель

В истории военного искусства Суворов является полководцем своеобразным и занимает место довольно особое. Все великие полководцы были в то же время или неограниченные государи, как Александр Македонский, Густав Адольф, Фридрих Великий, Петр Великий, Наполеон, или пользовались в военном отношении полной властью.

Суворов никогда не обладал самостоятельностью. До Итальянского похода он все время был в подчинении и самостоятельно исполнил только одно крупное поручение: взял Измаил. Остальные победы одержал он, или вырывая насильно себе самостоятельность действий, или пользуясь случаем, чтобы проявить ее (Фокшаны, Рымник, Прага). В итальянскую войну он хотя и был главнокомандующим, но на деле был связан по рукам и ногам.

Кроме того, Суворов в личной жизни много раз был несчастлив. Вспомним хотя бы столкновение его с Потемкиным и немилости государя. Даже после смерти Суворова изучение его великих деяний было заброшено из-за появления на военном поприще яркой фигуры Наполеона, а позднейшие исследования, сухие и с оглядкой на Запад, не дали нам полного образа нашего величайшего полководца. И однако, Суворов все же признан великим полководцем — за границей даже, быть может, более, нежели в России.

Он действовал в самой разнообразной обстановке: на равнинах, в лесах и болотах, в степях, в горах, во всякое время года, при всяких условиях. Он вел большую войну — сражения в открытом поле, взятие крепостей, переправы через реки, оборону морских берегов, — вел и войну малую. За свои 40 лет боевой жизни Суворов руководил 63 сражениями, где был всегда слабее противника (кроме Адды и Нови) и, несмотря на то, всегда наступал и не только не был никогда побежден, но, наоборот, все его победы были самые решительные.

Он старался окончить войну поражением живой силы противника. Каждый его замысел направлен он на уничтожение врага в поле; он совершенно не придает значения си-

дению под крепостями, которые должны пасть сами собой с уничтожением живой силы врага. А если крепости и являлись предметом действий Суворова, то брались им быстро, мощными ударами, без сидения под крепостными стенами.

«Брестский корпус сего числа кончен»; «Неприятельскую армию взять в полон» — вот свидетельства решительности Суворова. Но если ему не удавалось «кончить» в бою, то шло неотвязное преследование. «Преследуй денно и ночью, доколе истреблен не будет: недорубленный лес опять вырастет», — урок Суворова и в стратегии, и в тактике.

Все предприятия Суворова вместе с тем были всегда строго соотнесены с общим положением дел на войне. «Смотри на дело в целом», — учил он и при этом никогда не решал задачи за противника для обоснования своих действий, а, наоборот, ставил сам врагу неразрешимые для него задачи, и всегда самого крупного значения.

«Не лучше ли одна кампания вместо десяти», — говорил он в 1799 г. Или: «Не лучше ли иметь цель направить путь на Париж, нежели остроумными степенями преграждать дорогу к своим вратам?» (т. е. к 4-угольнику крепостей: Верона, Мантуя, Пескьера, Леньяго).

Такой взгляд тем более замечателен, что даже один из лучших представителей тогдашнего военного дела — эрцгерцог Карл — держался «стратегии местности», прочие же прямо вязли в разного рода ложных методических измышлениях. Однако Суворов при этом сам далеко не пренебрегает местностью. В одном из своих заветов нам он указывает: «Умей пользоваться местностью», — и сам пользуется ею несравнимо, но лишь как пособием в достижении своей главной цели — уничтожение силы сопротивления врага ударом в наиболее больное место.

Но для правильной постановки цели нужно знать общую обстановку. Суворов и достигал этого знания с помощью замечательного своего «глазомера». Из сбивчивых, иногда противоречивых примет Суворов умел вычитывать истинное положение вещей, и тогда решение вопроса о цели являлось само собой. Это он называл: «верный взгляд военный».

Не менее искусно выбирал Суворов и направление для достижения цели — операционную линию. Выигрыш во времени, в связи с выбором кратчайшего операционного направления, он считает весьма важным.

Вот как он скорбит по случаю остановки под Брестом в 1794 г.:

«Время драгоценнее всего. Юлий Цезарь побеждал поспешностью. Я терплю до двух суток для провианта, запасаясь им знатно на всякий случай. Поспешать мне надлежит к стороне Бреста, ежели между тем мятежники не разбиты, но не для магазин-вахтерства (как прежде кондукторства); есть младшие... или оставить все. Там мне прибавить войска, идти к Праге, где отрезать субсистенцию из Литвы к Варшаве.

Тако, сиятельный граф, близ трех недель я недвижим, и можно здесь сказать, что Магербал Ганнибалу — ты умеешь побеждать, но не пользоваться победой. Канна и Брест подобие имеют; время упущено, приближаются винтер-квартиры».

Многие говорили, что Суворов «дикий самородок», склонный только к лобовым ударам. Между тем он был в высшей степени гибок в своем творчестве и действовал всегда сообразно с обстановкой. Так, в 1794 г. при движении к Бресту Суворов выбирает кружной путь, в 1799 г. в походе в Швейцарию — кратчайший, на Сен-Готард. Наконец, в 1799 г. он двигается против Макдональда, хотя и более удаленного, чем Моро, но зато более опасного — и по наиболее прямому пути.

Свои замыслы Суворов выполняет с необыкновенной быстротой и нечеловеческой силой воли. «На войне деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время — дороже всего», — учит он и так действует всегда сам.

Никакие препятствия его остановить не могли, пока обстановка не менялась. «Имей цель определенную», — говорил он. Но, отличаясь невероятной решительностью, иногда дерзостью, Суворов был осторожен в лучшем значении этого слова. Он никогда не пускался в предприятия, не обеспечив его со всех сторон, для чего порою жертвовал даже самым драгоценным на войне — временем.

5 октября 1794 г. он доносит Румянцеву:

«К сожалению, вместо прямой дороги на венгров я должен взять кружный марш на Бельск, для боя с Макрановским, чтобы не дать ему моего крыла, обеспечить Брест и очистить Литву».

Следовательно, он двинулся кружным путем для обеспечения своей операционной линии. Наоборот, перед походом в Швейцарию в 1799 г. он, стараясь внезапно разбить французов, выбирает кратчайшее операционное направление, о чем и пишет Готце, приглашенному к совместным действиям:

«Истинное правило военного искусства — прямо напасть на противника, с самой чувствительной для него стороны, а не сходитья, робко пробираясь окольными дорогами, через что самая атака делается многосложною, тогда как дело может быть решено только прямым смелым наступлением». Короче, действия Суворова — это высшее соединение решительности и осторожности.

На пути к осуществлению своих мощных замыслов Суворов боролся за едино- и полновластие как основу военных действий, высоко ценя значение вождя. «Присутствие опытного и дельного полководца стоит более целой армии» и «Полная мочь доверенному главнокомандующему», — говорил он, и ниже будет видно, как он это понимал. Но, переходя к самому венцу своих деяний, к их решению, Суворов признавал и военные советы. Однако, как и другие наши великие вожди, он не искал от подчиненных этого решения, а сам вливал в их души свою железную волю.

При всем изложенном, Суворов ясно устанавливает разницу между замыслом войны, похода и действий, и никогда он не был во власти предвзятости. Так, предполагая в июле 1799 г. вторгнуться в Генуэзскую Ривьеру, чтобы покончить с Моро, причем главные силы полагалось двинуть через Тенденский проход, он пишет:

«Многие обстоятельства еще могут измениться, так что теперь слишком было бы преждевременно начертать план для нападения через Тенденский проход или сделать распределение войск...»

Следовательно, «план действий» будет составлен после, а замысел похода готов. Вообще «будущие действия» Суворов определял вперед «на сутки или двое», — а что советуют передовые тактики теперь?..

Шателер говорил: «Обширные планы его превосходятства господина фельдмаршала, которые я, конечно, разделяю, он применяет сообразно обстановке и местности. Эти планы кажутся сумасшедшими и баснями тем ограниченному гениям, благодаря которым мы потеряли Савойю и Италию».

Решительный, смелый, проникающий всегда духовным оком в обстановку, Суворов не мог не придавать значения разведке и производил ее всеми способами, но он был, конечно, враг злоупотребления «рекогносцировками» и «демонстрациями», предпринимаемыми, как говорил Наполеон, «когда полководец ни на что не решается».

В 1799 г. на предложение Шателера «произвести рекогносцировку» Суворов с досадой отвечал: «Рекогносцировки — не хочу; они годны только для трусов, чтобы предостеречь противника; а кто захочет, тот и без них всегда отыщет неприятеля... Колонны, штыки, холодное оружие, атаки, удар... вот мои рекогносцировки». То есть моя усиленная разведка есть завязка боя — и ничто иное...

Уверенный в победе, Суворов, однако, всегда принимал меры на случай неудачи, чтобы и тогда его положение не могло быть тяжелым (Треббия).

Суворов всегда старался собрать возможно больше сил и держать их сосредоточенно. Именно наиболее важной заслугой Суворова, выдвигающей его из ряда других полководцев, и следует признать установление им правильного соотношения между положительной деятельностью войск (борьбой с противником) и расходом их в тылу.

С необычайной простотой, как всегда, кратко и ясно Суворов говорит: «Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации. Победивши, обновляй по обстоятельствам, но гони его до сокрушения. Коли же быть перипатетиком, то лучше не быть солдатом», — т. е. Суворов сосредоточивает войска для решительных действий,

рискуя даже сообщениями. «Победа все покрывает», — говорит он в другом месте.

Так ни до него, ни после него еще никто не смотрел на этот страшный вопрос. Сам Наполеон считает, что сосредоточение двух третей сил на решающем участке — уже предприятие, превосходно соображенное.

Перед походом в Швейцарию Суворов пишет в распоряжении от 25 августа 1799 г. генералам Готце, Линкену и Римскому-Корсакову: «Для общего нападения считаю нужным напомнить о необходимой во всех случаях предосторожности держать по возможности все силы свои в совокупности, дабы бесполезным раздроблением не сделать самую атаку безуспешною. Затем должно разузнать вернее стоящего перед собой неприятеля и настоящую силу его. Мы должны о первых своих шагах подробно извещать друг друга через ежедневных курьеров». Как это все свежо, и в особенности конец, для действий в горах!.. «Сия Сова не с ума ли сошла, или его никогда не имела», — пишет он про Тугута, решившего вывести австрийцев из Швейцарии вместо соединения с Суворовым...

Всякая разброска сил, тем более тогдашний излюбленный кордон, были особенно противны Суворову. «Дефенсив — офенсив... По первому славен Лассиев кордон от Триеста до Хотина. Сей прорывали варвары по их воле; в нем много хранительных пунктов; слабейшие больше к пользе неприятельской, чего ради меньше его силы, ударяя в один, препобеждает. Так делал здесь Бонапарт, так погибли Болье и Альвинчи... Мне повороту нет — или также погибнуть...» — говорил он.

И еще: «Кордонная линия всегда может быть опрокинута, неприятель по своему произволу устремляет силы на один пост, между тем как обороняющийся, оставаясь еще в неизвестности, имеет свои силы рассеянными...»

Если же Суворов и приходил на поле сражения с силами меньшими, чем у противника, то это было помимо его воли. Однако в этом случае он быстротой достигал внезапности перед противником и всегда его побеждал.

«Воюют не числом, а умением» и «Быстрота и внезапность заменяют число, натиски и удары решают битву», — учит он нас.

«Удивить — победить», — добавляет он в другом месте. Или: «Кто напуган, тот наполовину побит...» Наконец: «Штыки, быстрота, внезапность... Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, — а ты, удвоив шаг богатырский, нагрять быстро, внезапно. Неприятель не ждет: поет и веселится; а ты из-за гор высоких, из-за лесов дремучих, через топи и болота пади на него, как снег на голову. Ура, бей, коли, неприятель вполовину побежден, не давай ему опомниться. Гони, доканчивай, победа наша: у страха глаза велики».

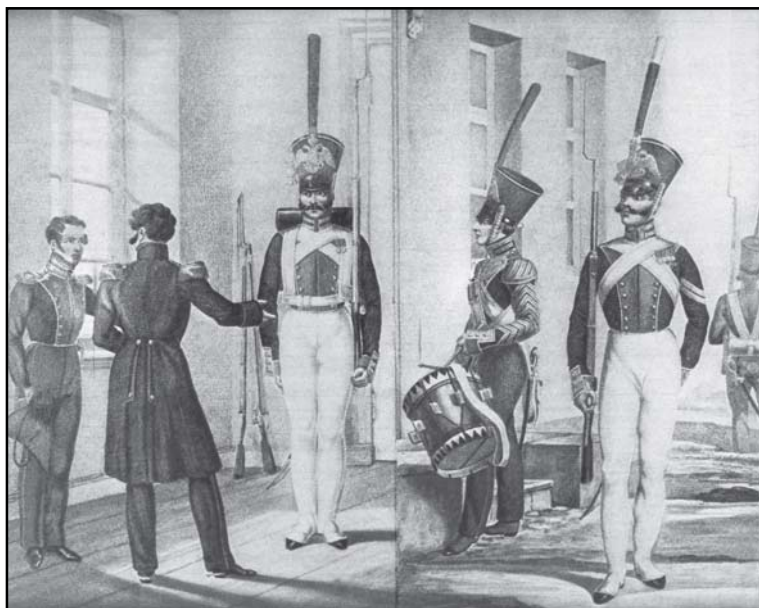
Где найдем мы лучшее истолкование внезапности, этого вернейшего залога победы, основанного на скрытности (из-за гор, лесов, через топи, как снег на голову) и быстроте (удвоив шаг богатырский, нагрять быстро), как и во всех высочайших образцах военного искусства?!

Суворов никогда не уступал почина действий противнику и всегда господствовал над его волей. Все дела его ведены им как по нотам. Всегда и всюду он делал все, что хотел, а неприятель шел по его воле. Даже в то роковое мгновение под Треббией, когда сами «чудо-богатыри» частью дрогнули и бежали, он сумел обратить это в военную хитрость («заманывай»), и враг был разбит. Даже в Швейцарии из безвыходного, казалось бы, положения он вышел наступательными боями, обманув все расчеты врага, — а под Кинбурном прямо сказал про турок: «Пушкай все вылезают».

Необыкновенно твердый и настойчивый, он не признавал возможности отказаться от своего замысла. «Что вы скажете про человека, который уложит всех до последнего, ляжет сам, но не даст приказа отступить», — говорил Моро. Наоборот, чем больше возникало трудностей, тем горячее было стремление их преодолеть у Суворова. И вот мы видим, как, весь израненный, еле живой и, казалось бы, исчерпавший все силы войск, он под Кинбурном «в третий раз обновил сражение — победа совершенная».

«Атакуй, с чем Бог послал», — учит Суворов. Или: «Жаль, что не все 100 тысяч здесь — было бы легче покончить с ними одним разом».

Если же противник хотел овладеть почином (Макдональд, Жубер), то Суворов опережал его и жестоко бил. Вся стра-

Форма одежды лейб-гвардии Измайловского полка: штаб- и обер-офицеры, рядовой барабанщик и унтер-офицер

тегия его была наступательная, и никогда он не вел войны оборонительной. Иногда, в частных случаях, ему приходилось обороняться (Кинбурн, Гирсово), но и тогда он переходил в наступление по строгому расчету...

«Оборонительная война нехороша, — говорил он князю Ауерспергу, встретившись с ним на балу во дворце перед отъездом в Вену, — наступательная лучше. Французы на ногах, а вы на боку. Они бьют, а вы заряжаете. Взводи курок, прикладывайся, а они ринфрески [по-итальянски прохладительное] — пропорция три против одного. Пойдите за мной, и я вам докажу».

Будучи сторонником смелости, решительности сражений, Суворов даже вышучивал такие слова, как опасность, поддержка (по-тогдашнему «сикурс»), резерв и т. п. «Сикурс, опасность и прочие воображительные в мнениях слова слу-

жат бабам, которые боятся с печи слезть, чтобы ног не переломить, а ленивым, роскошным и тупозрячим для подлой обороны, которая по конце худая ли, добрая ли, рассказчиками также храброю называется».

Об отступлении Суворов слушать не хотел: слово «ретирада» произносил он нараспев, а о *défensif* он говорил, что на русском языке соответствующего слова нет.

Давая для обучения войска наступные плутонги, он прибавлял: «хотя и отступные, только с толкованием, что то не для отступления, но только для приучения ног к исправным движениям».

В Италии он дает Багратиону поручение: «вы таинство побиения неприятеля холодным оружием Бельгардовым войскам откроете и их к сей победительной атаке прилежно направите; а от ретирад — отучите».

Но это вовсе не значит, что Суворов совершенно отрицал отступление как прием действий на войне. Раз завязался бой, он не допускал мысли о неудаче, и по его словам: «Проигранное сражение — это такое, которое считают проигранным». Но, например, перед Нови, под Александрией и т. д. он прямо указывает, отходя, выманивать врага, а Бельгарду, идя на Макдональда, для действий против Моро дает указание: «Перед превосходными силами отступают». Наконец, Краю он пишет: «Нет стыда уступить пост превосходному в числе неприятелю».

Понимая бой как конечное и грозное средство войны, он стремился всегда довести его до самого решительного исхода и победу старался закончить жестоким преследованием. «Победивши, обновляй по обстоятельствам, но гони его до сокрушения». И еще: «Преследуй денно и ночью, пока истреблен не будет», — вот наставления Суворова; ибо «Недорубленный лес опять вырастет...»

Еще одно его выражение: «Бегущего неприятеля истребляет одно преследование».

«Будучи победителем, мы остановились, засели в унтеркунфт, в унбештимтгеагт. Вы должны были, разбив неприятеля, преследовать его; в подобном случае можно и с малым отрядом отрезать противника», — укоряет он Бельгарда.

А ведь тогда не придавали преследованию особого значения и предпочитали строить противнику так называемый «золотой мост», давая свободно уйти с поля сражения.

Что касается ночных действий, которые якобы «выдвинула впервые русско-японская война», то Суворов говорил об этом следующее: «Ночное поражение противников доказывает искусство вождя пользоваться победою не для блистания, но для постоянства. Плодовитостью реляций можно упражняться после».

Всегда уверенный в победе, Суворов, однако, предостерегал от последствий недооценки противника: «Никогда не презирайте вашего неприятеля, каков бы он ни был, и хорошо узнавайте его оружие, образ действовать им и сражаться, его силы и слабости». И наконец, венец всего: «В бою надо стремиться к единой главной точке и забывать о ретираде. Быстрота и внезапность заменяют число. Натиск и удары решают битву».

Горячий поклонник разумной свободы действий, он мечется душой, когда Венский двор требует от него не предпринимать ничего важного, не испросив предварительно разрешения из Вены. Вот как писал об этом Суворов графу Разумовскому:

«Его Римское Императорское Величество желает, чтобы, если мне завтра баталию давать, я бы отнесся прежде в Вену. Военные обстоятельства мгновенно переменяются. По сему делу для них нет никакого верного плана. Я ниже мечтал быть на Тидоне и Треббии по следам Ганнибала, ниже в Турине, как один случай дал нам пользоваться тамошними сокровищами, ниже в самом Милане, куда нам Ваприо и Кассано ворота отворили. Фортуна имеет голый затылок, а на лбу длинные висящие власы. Лёт ее молнииин; не схвати за власы — уже она не возвратится».

В другом же письме, от 1 июля, он пишет: «Я в Милане — получаю из Вены ответы о моем приезде в Верону; я только что в Турин перешел — пишут мне о Милане...» А дальше читаем у него: «В Вене любят только посредственность; а талант не охотник до узды<...>. Из четырех углов за тысячу верст отнюдь в мои операции не входить».

Ясно, что Суворов, при таком отношении к вопросу проявления воли на войне, самым решительным образом обосновал свои успехи на самостоятельности своих подчиненных.

«Способность видна лишь из действий», — говорил Суворов. Так, в польскую войну он заявил своим подчиненным: «Спрашиваться старших накрепко запрещаю; но каждому постовому командиру в его окружности делать мятежникам самому собою скорый и крепкий удар, под взысканием за малую деятельность»

Под Туртукаем дважды им говорилось, что все должны действовать самостоятельно, и главное — прямо бросаться на врага. То же — под Измаилом.

Но лучше всего отражает концепцию Суворова его высказывание, обращенное к Розенбергу: «Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит; он проникает в ежедневные перемены течения их и потому направляет свои поступки по воинским правилам».

Я вправо, должно влево — меня не слушать.

Я велел вперед, ты видишь — не иди вперед».

Но частный почин покоится на ясном сознании каждой своей цели. Только тогда каждый смело может идти вперед, не оглядываясь робко назад.

Вот каковы основные взгляды Суворова:

«План операционный в главную армию, в корпус, в колонну. Ясное распределение полков. Везде расчет времени. В переписке между начальниками войск следует излагать настоящее дело ясно и кратко, в виде записок без больших титулов; будущие же предприятия определять вперед на сутки или на двое. Не довольно, чтоб одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтоб вести войска согласно с ним. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые.

Каждый воин должен понимать свой маневр. Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный. Болтун и без того будет наказан.

Вместе с планом должен быть приложен небольшой чертеж, на котором нет нужды назначать множество деревушек, а только главные и ближайшие места, в той мере, сколько может быть нужно для простого воина; притом нужно дать некоторого рода понятия о возвышениях (горах)» (в целях наблюдения). Пусть нам укажут что-нибудь лучше этого.

Широкий ум Суворова охватывал, однако, не только тактику ведения войны. Политика у него, подобно Наполеону, Фридриху и другим полководцам, входит в его соображения как один из важных устоев военного успеха.

Умиротворение Польши после падения Праги в 1794 г., предложения о восстановлении Пьемонтской армии и Тосканских ополчений с целью освободить действующие силы от забот по обеспечению тыла в 1799 г. превосходно обрисовывают Суворова и с этой стороны, не говоря уже о Кубани и особенно о Крыме, где все сделано им одним, о замысле идти на Париж в 1798/99 г. и пр.

Но при всей властной суровости своих действий Суворов не любил бестолкового пролития крови.

«Мудрый Бельгард, — говорил он, — между прочим, привык терять людей: в начале кампании он доставил неприятелю в Тироле через Лаудона с лишком 10000 человек; ныне, в нужде моей, он с ранеными проиграл с лишком 2000 человек.<...> Для короны — размен есть; для них — не их люди; чего же жалеть.<...> Бештимтзагеры убавили у меня из-под ружья в три раза почти больше, нежели мне на трех баталиях стоили Тидона, Треббия и Нура».

Люди, не понимавшие Суворова, говорили, что ему только сопутствует счастье. «Один раз счастье, другой раз счастье, помилуй Бог. Когда-нибудь да и уменье», — справедливо говорил Суворов. Доходили до него слухи, что австрийцы иначе об его успехах и не думают. В одном из рескриптов к Суворову даже австрийский император выразил надежду, что, при всегдашнем его счастье, есть надежда скоро достигнуть желаемого. Это, наконец, взбесило старого фельдмаршала, и он в письме к Разумовскому (от 25 июня) пишет: ««Счастье», — говорил римский император... Ослиная в армии голова тоже говорила мне — слепое счастье...»

Да, скажем мы: «Он был счастлив, но потому, что поведал счастьем».

Мы видели, какой путь избрал Суворов для этого. Он был один из образованнейших людей своего века. Потемкин только тогда убедился в обширном и глубоком уме Суворова, когда однажды императрица доставила ему возможность, спрятавшись, подслушать разговор Суворова по важнейшим государственным вопросам. Правда, для вида Суворов вышучивал современную ему науку, называл военных ученых его времени «бедными академиками», а в то же время придавал настоящей, живой науке, основанной на изучении деяний великих полководцев, огромное значение.

«Генералу необходимо, — говорил он, — непрерывное образование себя науками с помощью чтения. Ему нужно мужество, офицеру — храбрость, солдату — бодрость<...>».

Всякая война различна; здесь масса в одном месте, а там гром. Бесперывное изучение взгляда сделает тебя великим полководцем. Никакой баталии в кабинете выиграть не можно. Умей пользоваться местностью, управляй счастьем: мгновение дает победу. Властвуй счастьем быстротою Цезаря, столь хорошо умевшего захватывать внезапно врагов, даже днем, обращать их, куда ему угодно, и побеждать когда угодно. Приучайся к неутомимой деятельности. Будь терпелив в военных трудах и не унывай при неудаче. Будь прозорлив, осторожен, имей цель определенную; умей предупреждать обстоятельства ложные и сомнительные, но не увлекайся местною горячностью.<...>

Возьми себе в образец героя древних времен, наблюдай его, иди за ним вслед, поравняйся, обгони — слава тебе. Я выбрал Кесаря. Альпийские горы за нами, Бог перед нами. Я с вами — ура. Орлы российские облетели орлов римских».

Однажды, желая знать мнение Суворова о лучших военных сочинениях и выдающихся полководцах, граф Растопчин назвал нескольких. При каждом имени Суворов крестился, наконец сказал на ухо: «Юлий Цезарь, Ганнибал, Бонапарте, домашний лечебник, пригожая повариха». Здесь особенно поразительно то, что он поставил Бонапарта в один ряд с Ганнибалом и Юлием Цезарем, основываясь на впе-

чатлении от первого его похода 1796/97 г. Это показывает, насколько было велико чутье этого человека. А между тем Наполеон признавал в Суворове только душу великого полководца, но отрицал его ум.

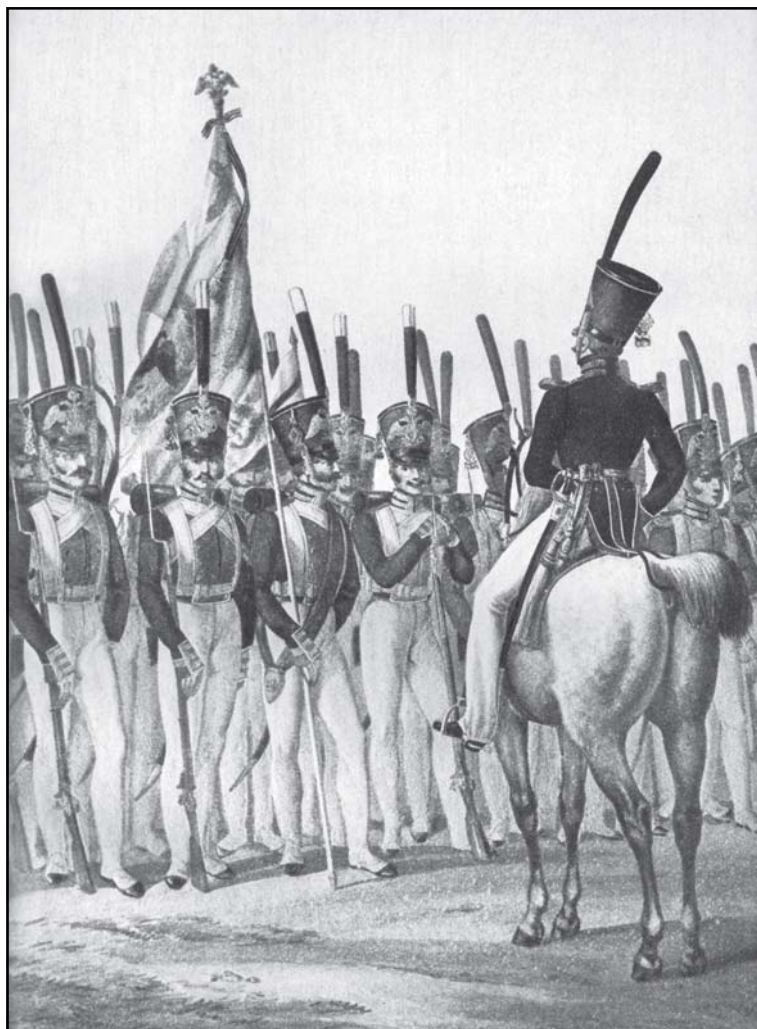
И вот на этой-то почве непостижима порой для непосвященных глубина мышления Суворова. Между тем у него все так просто, и, уважая душой военную науку, он не вязнет в дебрях ее и проповедует то, что стало каноном спустя лет 150, да и то не вполне решительно. У него нет особых стратегии и тактики. У него одна только великая, всеобъемлющая наука — «Наука побеждать». И в самом деле, к чему же должны мы стремиться всегда и во всем, как не к победе над врагом. Но раз «правильно называть есть правильно понимать», то кто же более Суворова достоин быть отцом и этой первейшей и важнейшей мысли о единстве военной науки на почве главенства победы, главенства боя над всем остальным на войне, — и кто когда-либо лучше него ощутил природу и сущность войны, которая живет и дышит победой?! Недаром же он говорил: «Смотри на дело в целом...»

Но что же тогда лучше всего обеспечит нам всегда достижение этой великой цели — успех во всем на войне. «Глазомер, быстрота, натиск», — вот, по мнению Суворова, три главнейшие основания победы, т. е. надо уметь оценить обстановку (разведка), быстро принять решение и увенчать предыдущие действия решительным натиском, не выжидая удара со стороны противника.

А вот и другое разительное доказательство суворовского «взгляда на дело в целом».

Долго считали мы, а инженеры упорствуют и до сих пор, что действия против крепостей — это особая «крепостная война», с ее «особыми принципами». «Баталия на окопах на основаниях полевой», — учит Суворов. Он даже не признает в обучении войск слова «крепость» как чего-то неодолимого, — а мы считаем ныне, что немцы открыли нам эту истину, и не хотим знать своего...

Таков Суворов-стратег, Суворов — начертатель высшего отдела «Науки побеждать».

Форма одежды лейб-гвардии Измайловского полка:
адъютант и знаменные ряды

Что касается Суворова-тактика, т. е. его деятельности на поле сражения и на пути к нему, то в этом отношении он еще более непревосходим. Да оно и понятно, раз дело это обосновано у него на глубоком уважении к военной истории. «Тактика без истории потемки», — говорил он.

В бою он всегда умел схватить истинную обстановку, быстро оценить положение противника и свое; искусно пользовался он чужими ошибками, не давал врагу пользоваться его выгодами. Тактический «глазомер» Суворова никогда не давал сбой, и если обстановка не выяснялась до сражения, то Суворов раскрывал ее самым боем (Нови).

Для удара он выбирал наиболее важную точку неприятельского расположения и тоже вовсе не вел здесь одних равномерных лобовых ударов. «В бою надо стремиться к единой главной точке и забывать о ретиреде», — учил он. «В баталии полевой три атаки: первая на крыло, которое послабее... в середину нехорошо, самого сожмут... Атака в тыл всеми силами хороша только для малаго корпуса», — учит он. Что изменилось здесь? И знаменитые немецкие «окрыления», и «резиновая лента при прорыве врага» разве взяты не отсюда?

Но разнообразие приемов покоится прежде всего на понимании местности. Суворов и говорил: «Умей пользоваться местностью», — и пользовался ею сам неподражаемо, — вспомним его приемы везде, и особенно в Италии (Треббия) и Швейцарии (более всего — в последней). Недаром он говорил: «Где пройдет олень, там пройдет солдат, а где пройдет солдат, там пройдет целое войско...»

Управление боем оставалось всегда в руках Суворова. Он был полным хозяином поля сражения и, в зависимости от обстановки, давал делу тот или другой оборот (Рымник, Козлуджи, Треббия, Гларис).

Француз Дебокаж говорит: «Когда он являлся перед противником, все уже им было предвидено заранее. Но если какой-нибудь случай или местные обстоятельства требовали перемены, он делал ее с такою быстротой, что никто не мог заметить, есть ли эта перемена самопроизвольное творчество данного мгновения или исполнение первоначального решения».

Подготовка Суворова к сражению была крайне простой. Письменные диспозиции отдавались им только тогда, когда обстановка не допускала сомнений в своей неизменности, т. е. перед самым исполнением. Чаще распоряжения делались простыми записками за подписью или самого Суворова, или доверенного лица. Чаще же всего Суворов отдавал распоряжения прямо на словах, собирая у себя подчиненных обыкновенно «к обеду», т. е. около семи часов утра. Но это вовсе не исключало основных письменных распоряжений, одно дополняло другое, о чем уже и говорилось выше применительно к «плану операционному».

Отличаясь всегда точностью и обстоятельностью в отдаваемых распоряжениях, Суворов и подчиненных учил тому же, — как это тоже уже указывалось выше.

Но, осуждая излишнюю скрытность, Суворов вовсе не опровергал необходимости тайны. Наоборот, он высоко ее ценил, и все меры скрытности всегда были приняты, — например, в нужных случаях войска стояли укрыто, подход подкреплений скрывался, выступление с ночлега назначалось «по петуху», и петухом пел сам великий старец, хлопая попутно в ладоши, — пел именно тогда, когда ему нужно было поднять своих чудо-богатырей, не выдавая тайны своего выступления.

Как все великие вожди, Суворов дрался всегда всеми родами войск, которые действовали у него необычайно дружно и на началах взаимной выручки. Каждый род войск при этом Суворов применял в зависимости от обстановки, а не исходя из одних прописных истин об «основных свойствах». В Фокшанском и Рымникском сражениях у него конница идет брать окопы, в сражении у Кобылки она блистательно действует в пешем строю, на Треббии успех дают налеты казаков, а под Измаилом и в Альпах казаки дерутся пешие пиками. Наконец, во время войны с конфедератами Суворов сажает пехоту на повозки и двигается со скоростью 60 верст в сутки. Конная артиллерия у него «скачет как сама хочет», — но пешая строго работает на свою пехоту, бок о бок с нею. Далее, например, он глубоко чтит казаков как силу самобытную и своеобразную и

взял их в Италию по строгому расчету удивить врага, а значит, и победить этим средством...

Недосягаемые образцы дал Суворов своими походными движениями. «Суворовские переходы» известны всему миру. Основывая свои успехи на неожиданности появления перед противником, он доводил быстроту передвижения до поразительных результатов и появлялся на поле сражения как снег на голову.

Принято считать, что можно делать по одной дороге корпусу в сутки 15—20 верст без особого утомления. Если движение продолжительное, то в неделю даются войскам две дневки, и можно пройти 100—125 верст. С нашей точки зрения, все «походные движения» Суворова являются «форсированными», ибо его обычный переход 28—30 верст, а в походе на Треббию он преодолел за 36 часов 80 верст. Но, несмотря на то что суворовские войска ходили очень быстро, они, в общем, мало утомлялись и мало имели отсталых. Это достигалось искусным распределением движения, строгим порядком и нравственным воздействием на войска.

В более широкие строи переходили только при сближении с врагом, походом шли четверо в ряду, пробегая головами теснины, чтобы не задержать хвоста, — и вообще: «Голова хвоста не ждет, и солдат не объедается», а также: «Пища поддерживает силы человека. В случаях особенных надо довольствоваться малым». Дневной переход Суворов разделял как бы на несколько малых, перемежая их между собою часовым, а в середине движения 3—4-часовым отдыхом.

Из его «Науки побеждать» видно, что после первых 10 верст назначался привал на 1 час, после вторых 10 верст — варка пищи и отдых на 3—4 часа, затем остальная часть перехода — и ночлег. Таким образом, люди отдыхали часто и всегда были бодры. Конница идет «своим походом вперед, отдыхает мало и свыше десятка, чтобы дать коням в лагере выстояться», и «кавалерия сама снабжает фуражом», а полевая артиллерия «от 1/2 до 1 версты впереди, чтобы спуская и подьемам не мешала».

На походе Суворов требовал безусловного порядка. Отбившихся из строя, покидавших ряды под разными предло-

гами он жестоко наказывал и взыскивал за них с начальников. Офицеры всегда шли на своих местах, со стороны противника. По выстрелам все они бросались вперед, к следующему по рангу начальнику, за приказаниями и разъяснениями обстановки. Передние взводы не ждали задних и, приходя к месту привала или ночлега, немедленно снимали снаряжение и располагались на отдых. Ночлеги были глубокие на походе, широкие перед боем...

Большинство сражений выиграно именно благодаря неожиданности появления перед противником. Но одной быстроты подхода к противнику мало, надо уметь с похода вступить в бой. Встречный бой, т. е. бой одновременно с подходом к полю сражения и развертыванием сил, — само понятие о котором не существует у нас ни в уставах, ни в учебниках, — составлял долговековую нашу славу, и все лучшие бои Суворова именно и были встречными боями.

«Атакуй, с чем Бог послал», — ибо первое дело во встречном бою именно и есть ударить на врага, ошеломить его; остальное — дело быстроты развертывания...

Все изложенные военные приемы Суворова вовсе не были обоснованы на том якобы презрении к огню, которое, совершенно не понимая истинного уклада суворовской мысли, так усердно прививали у нас в виде «тактики удара» извратившие Суворова его истолкователи второй половины XIX в. Суворов именно и постиг эту-то высшую тайну войны — правильное соотношение огня и удара... Его построения для боя — это верх уважения к огню. Его поучения в «Науке побеждать» — тоже. Весь уклад его обучения и воспитания войск — тем более. Суворов требовал на обучение стрельбе по 23 патрона в год на человека, когда их отпускалось от казны по три. В бой он давал по 100 патронов на человека. Узаконив у нас рассыпной строй стрелков, он широко пользовался им, применяя особенно искусно тогда, когда нужно было поддерживать огнем особо трудную работу идущих на приступ или преодолевающих какие-либо препятствия войск. Здесь у него еще с Туртукая были выработаны приемы стрельбы пехоты через головы своих впереди действующих частей, по выказывающемуся из-за валов и укрытий противнику.

В основу обучения стрельбе Суворов ставил огонь одиночный, с точнейшим прицеливанием, редкий, но меткий, и непременно со «скорым» заряджанием. Залп, по его мнению, годится только «в разводе, коли с пальбою, для очищения ружей. В ином строю — только для исправности», а «против неприятеля не годится! Он может сколоть и порубить, пока опять заряжают». Иное дело — одиночная стрельба: «Исправный приклад править пальбою. Здесь он расстраивается по неминуемой торопливости, но во взводной пальбе он виден. Одиночка пальбы на баталии выйдет сама собою... Для сбережения пули тут на каждом выстреле всякий в своего противника должен целить, чтоб его убить...»

Пусть беспристрастный читатель скажет, на чем мы проиграли главным образом русско-японскую войну, как не на неумении стрелять — и особенно на слепом пристрастии к залпам, промежутками между которыми японцы пользовались, чтобы давать свои толчки вперед, особенно ночью, и при голосе команд или огне которых они бросались на землю, пропускали пули над собою почти без потерь для себя. Между тем против нас они вели огонь отдельный, и именно по-суворовски, имея «каждый своего определенного врага, чтоб его убить». Далее, у Суворова управление огнем — во взводах.

Еще одно суворовское правило: разрешать даже без команды огонь в каждом капральстве «для вернейшего застреливания старших и наездников».

Необычайное уважение Суворова к огню и понимание его свойств заставляло его всюду и везде применять «крестные огни», так что и свои знаменитые «подвижные кареи» он строил, не закрывая «крепостных огней».

Мало того, даже при отражении противника встречным ударом в штыки пехота Суворова сначала выпускала в него с 60 шагов свою верхнюю пулю и затем с 30 шагов бросалась в штыки, а в обучении он прививал: «Марширование, повороты всякого рода, скорый заряд и конец удар в штыки», — т. е. без огня штыку он даже и не учил, как правило.

Наконец, указание Суворова: «Когда неприятель бежит, то его провожают ружейным огнем. Он не стреляет, не при-

кладывается, не заряжает. Много неудобств спастись бегством». Есть ли где большее уважение именно к огню, отсутствие возможности вести который и есть первейшее, у Суворова, неудобство отступлений. И дальше: «Когда за ним штыки, он еще реже стреляет; а потому не останавливаться, а ускорять бегство штыками».

Глубоко уважая также артиллерию, Суворов широко применял артиллерийский огонь, особенно продольный, для чего она и маневрировала преимущественно в охвате противника, но во всяком случае ее определенно учил он наносить наибольший вред врагу, — а свою пехоту Суворов обучал быстро и легко проходить наиболее опасные полосы обстрела неприятельской артиллерии и пехоты. Огонь этот он делил на дальний огонь «большой полевой артиллерии», более близкий — артиллерии полковой и, наконец, на огонь ружейный. Конница тоже обучалась у Суворова пальбе, но лишь пешком, а конная артиллерия имела у него завидное право: «Конная артиллерия скачет, как сама хочет», — глубокое понимание того, что именно этот драгоценный род войск и должен пользоваться наибольшей свободой в бою для быстрого уравнивания огня, где нужно. Наконец, приказывалось в боях: «быстро на батарее пускаться, что особливо внушить». Но исходя из относительных свойств разных видов огня Суворов определенно выказывал особое уважение к огню пехотному. «Пехотные огни открывают победу», — говорил он, ставя тем самым пехоту как род войск на первое место. Что можем мы добавить к этим величайшей мудрости словам, когда война 1904—1905 гг. дала общие потери от пехотного огня 85 %, от артиллерийского и от штыка — остальные 15 %.

«Пуля дура, штык молодец», — говорил он, и имел, конечно, на то основание. Да позволено будет спросить, при всех прочих равных условиях не возьмет ли все же верх тот, у кого дух (решительность сойтись на штык) выше.

Но победа ведь одним лобовым ударом не получается: мы видим у Суворова прежде всего маневр, подвижность, и он, в сущности, соединяет силы не перед сражением, а на поле сражения, даже на месте расположения врага, т. е. делает то, что Шлих-

Форма одежды лейб-гвардии Гренадерского полка

тинг приписывает Мольтке как величайшую заслугу перед историей военного искусства, даже в ущерб всей славе Наполеона.

В итоге суворовская пехота была уверена в себе, глубоко верила в свой штык, но и чтילה огонь, как средство расчистить дорогу этому штыку при всяких обстоятельствах, а средство сочетать их обычно видела в маневре, в подвижности, в избытке дееспособности над врагом.

Конница Суворова не боялась никакого врага. Его артиллерия всюду шла с пехотой и конницей. В частности, наступательный порыв пехоте прививался настолько, что она шла сама вперед и на конницу. «Сквозные же атаки» при этом учили одновременно: пехоту — сноровкам против конницы, конницу (коней) — бесстрашию против пехоты, всех их — стойкости против артиллерии.

Для достижения бешеной стремительности удара войска не смели останавливаться до его завершения прохождением насквозь, ибо «порыв не терпит перерыва». И наоборот, Суворов останавливал конницу, непременно лишь пройдя сквозь цель удара, но здесь приказывал спешиться и ласкать и прикармливать лошадей. Ожидая себе и в бою того же облегчения, кони неслись, как бешеные, и в этом простом донельзя приеме — весь смысл знаменитых ударов суворовской конницы.

Вообще, избрав себе образцом римлян, а любимым героем Цезаря, Суворов взял себе за правило: «Учить в мирное время только тому, что придется делать на войне». Вместе с тем его обучение действительно давало понятие «каждым предшествующим шагом, к чему ведет последующий», а вся работа в поле, непременно на ряде местных предметов или двухсторонняя, завершала выработку войск соблюдением и третьего основного правила: «Учить не рассказом, а приказом...»

Добавив к этому, что Суворов лично наблюдал за всеми видами обучения, что он во всем служил образцом своим подчиненным, легко понять, почему его войска были действительно «победительные войска, усердием и ревностью генералов весьма исправные в дневных... ночных баталиях и штурмах и всегда готовые увенчать себя новыми лаврами».

Как и у римлян, у Суворова «бои были кровавыми ученьями, а ученья — боями без пролития крови». Как и у рим-

лян, у него было: «Тяжело на ученье — легко в походе», — и необыкновенная выносливость «чудо-богатырей», всегда бывших «и в мирное время на войне», вошла в поговорку.

Сам Суворов определил свое обучение так: «Экзерцицирование мое было не на караул и не на плечо, но прежде поворотливость, затем различное марширование, а потом уже приемы, скорый заряд и конец — удар в штыки».

Самая тщательная подготовка каждого боевого действия была отличительной чертой Суворова. От него была взята, например, иностранцами сноровка строить городки по образцу неприятельских укреплений и препятствий и на них учить войска преодолению этих укреплений и препятствий непосредственно перед приступом. Он первым разработал правила, когда открывать ворота взятых с боя крепостей, как окарауливать погреба в них от взрыва и т. д.

Он дал высшие образцы обмана врага ложными тревогами, изнурения его постоянной бдительностью. У него всегда кипела заготовка всякого рода средств, все он предвидел, ничего не упускал из виду, чтобы заранее сделать каждого чудо-богатыря «на себя надежным — основание храбрости». Он первым снабдил каждую свою дивизию конницей, пионерами и вспомогательными войсками всякого рода, дав ей полную самостоятельность для развертывания действий.

Но всего важнее подойти к главному ключу суворовских побед, к его отношению к бойцу-человеку.

Хорошая стратегия покоится на хорошей атаке, а эта последняя требует прежде всего хороших солдат и начальников, — таких, на которых можно возложить любую боевую задачу, которые не растеряются ни при какой неожиданности, везде найдутся, нигде не проявят немогузайства, — иначе говоря, солдат и начальников с высокими, непоколебимыми душевными качествами.

Достижение этой задачи он основал на том простом начале, что если в войсках нравственная упругость не только не подорвана, а, наоборот, по возможности развита, то можно решиться на самые отчаянные предприятия, не рискуя потерпеть неудачи. В этом отношении он упредил Наполеона с его правилом: «На войне важнее не то, что делается, а то, как оно делается...»

Суворов и создал прежде всего великого русского чудо-богатыря, а во главе него поставил великого офицера и генерала. «Господа офицеры, какой восторг!» — заканчивал он свои поучения о приемах обучения, а про генералов говорил: «Вашего Императорского Величества победительные войска усердием и ревностью своих генералов весьма исправны к дневным и ночным баталиям и штурмам и готовы увенчать себя новыми лаврами».

Всякого человека убеждал он прежде всего в его силах, и высшим пределом обоснования своих успехов он ставил требование, чтобы «каждый был на себя надежен — основание храбрости».

Но для этого надо было начертать путеводную звезду, надо было указать, что каждого ожидает... И вот Суворов все поглощает понятиями «победа» и «слава» и обращает горячий призыв к народной гордости: «Чудо-богатыри, мы русские».

Войска наши в руках Суворова были тем более драгоценным оружием, что они умели быть грозными в боях, но милостивыми с побежденными, и чистота духа, чистота взаимных отношений была их отличительной чертой.

Безраздельно влияя на душу своих подчиненных, Суворов берег эту душу от ненужных тревог и испытаний. Нравственную подготовку он вел, внушая веру в непобедимость русского чудо-богатыря, который ему за это и отвечал неизменно: «С тобой все возьмем». До наивысшего же подъема духа доводил Суворов исполнителя лишь непосредственно перед самым действием, и войска вступали в бой без замедления: «Дабы медлениями не умалить стремления к приобретению славы...»

Уважение к чужой личности прививалось Суворовым и внутри самих войск, и по отношению к «обывателю». Указывалось: «поражать противника человеколюбием»; «обывателя не обижать». В век бессловесного унижения низшего Суворов допускал «возражения высшему, но с тем, чтобы оно делалось пристойно, наедине, а не в многолюдстве, иначе выйдет буйство; излишние рассуждения свойственны только школьникам и способностей вовсе не доказывают — способность видна лишь из действия».

Во всем — и в бою, и в мирной деятельности — у Суворова было «равнение по передним». Он приветствовал все идущее вперед, работающее, осуждал застой, карал отсталость.

«Шаг вперед, 2—3, 10 позволяю; один назад — смерть», — говорил он всегда, определяя этим попутно размеры и смысл поступательного движения военного дела.

Сам он не застывал в мертвом шаблоне. При бесконечной гибкости приемов в отдельных боях, мы видим у него видоизменения, соответствующие обстановке данного времени. Указания совершенствуются, приемы крепнут и пополняются новыми... «Победивши, обновляй по обстоятельствам».

В одном лишь неизменен Суворов — в его требовании к солдату как к человеку: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо решиму, справедливу, благочестиву. Молись Богу! От него победа! Чудо-богатыри, Бог нас водит. Он нам генерал!.. Ученье свет, неученье тьма. За ученого трех неученых дают. Нам мало трех, давай нам шесть, давай нам десять на одного — всех побьем, повалим, в плен возьмем...»

И чудо-богатырь был действительно учен. Но он был и воспитан, он знал все, что было нужно, он любил свое ружье-«жену», верил в свой клинковый (а не граненый) штык, умел его вытаскивать из врага, не оставляя его в нем (а ныне именно из-за трудности вынимать у нас и не применяется снова штык-кинжал), верил в другие рода войск, верил в то, что его ведут только к победам, а не к бедам, верил в Бога и величие русского народа и желал им — и, конечно, себе в том числе — «Славы, Славы, Славы».

Необходимо еще оговорить, что Суворов знал почти всех своих сподвижников в лицо, что он свято чтит войсковые предания и славу, что никто бережнее его не относился к неприкосновенности и нерушимости на войне тактического устройства войск мирного времени и что заботливость его о довольствии и здоровье войск была прямо трогательная, причем он сам жил с войсками одной жизнью.

Обаяние Суворова на войска было удивительное. «Довольно возить изображение этого странного чудака по войскам, чтобы они сделали самые необыкновенные подвиги», — говорил Дерфельден Фуксу на поле сражения под Треббией.

Наряду со всем изложенным, нельзя, конечно, не сказать и о чудачествах Суворова. Но ведь этот крупный самородок, эта «соль земли русской», эта знаменательная личность, чьи меткие высказывания и теперь способны взбодрить русскую душу — был все же человек, и у него могли быть свои недостатки, свои особые свойства, с ним родившиеся, с ним и ушедшие в могилу. Но вместе с тем они необычайно сближали его с его людьми и делали «своим», «Божьим» человеком. Нельзя также обойти молчанием славолюбие Суворова, его высокое о себе мнение, явное осознание превосходства над другими... Но они основывались на действительных его заслугах, а все, что было в нем лишнего — если только было, — искуплено прощальными с миром словами: «Долго я гонялся за слагою: все суета... Истинный покой у престола Всевышнего».

Когда гроб с телом Суворова поднесли к воротам Александрово-Невской лавры, возникли опасения, что он не пройдет... «Везде проходил, и здесь пройдет», — раздался из толпы голос чудо-богатыря, боевого соратника почившего. Действительно, Суворов «везде проходил», руководимый горячей любовью к Богу, твердой преданностью Отечеству и непреклонной верой в своих чудо-богатырей.

«Славный подвигами на защиту Русской земли, великий учитель и воспитатель армии, генералиссимус, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский, неизменно являл собою пример самоотверженного служения Престолу и Родине.

Грозный к врагу, милостивый к побежденному, поборник правды, радетельный о младшем и преданный военной науке, он представляет высокий образец человека и воина, сильного верою в Бога, преданностью царю и любовью к Родине», — так говорится в высочайшем приказе от 6 мая 1900 г., приуроченном к столетию со дня кончины Суворова.

Суворов — воистину великий полководец. Разбитый им Моро ставит его несколько не ниже Наполеона и оценивает его поход на Треббю как «верх военного искусства». Масена готов отдать все свои 48 походов за 17 дней Швейцарского похода Суворова. Сам Наполеон, не любивший соперников и не изучавший как следует деяний Суворова, признает все же за ним «душу великого полководца».

Немецкий писатель Гюнтер говорит, что военное искусство Суворова было той же тайной ведения войны, которой владел Наполеон и которой немцы обязаны своими беспримерными успехами в 1870—1871 г. Австриец Биндер Кригльштейн в сочинении «Дух и материя на войне», описывая действия Суворова в войне 1799 г., восхищается как личностью нашего полководца, так и его высокими качествами русского солдата. О Суворове он говорит: «Мы вполне понимаем то фанатическое почитание, каким до сих пор пользуется память Суворова в рядах русской армии, и мы смело и с полным убеждением признаем в этом величественном отпрыске славянского племени величайшего полководца, наряду с Фридрихом и Наполеоном».

Наша гордость — Суворов-полководец — высоко чтит чисто русские устои и понимал величие славянской души. Вот почему заветы Суворова никогда не умрут, вот почему они навсегда сохранят свою актуальность.

Суворов и его чудо-богатыри возвращены на исконно русской почве. Они — прямые наследники по духу дружин Святослава, Ярослава и Александра Невского, ратей Дмитрия Донского и Иоанна Грозного, «регулярства» Петра, победителей Фридриха при Елизавете. Они же отцы героев «Священной памяти Двенадцатого года», героев Забалканских наших походов, витязей покорения Кавказа и Средней Азии...

А в заключение напомним поэтичное народное предание о великом старце, Александре Васильевиче Суворове:

«В дремучем лесу, среди болот, лежит огромный камень с пустым нутром. Дурная слава про то место ходит: там блуждают синие огни, носятся белые тени, раздаются тоскливые стоны. Всегда здесь мертво; только ворон каркает над мшистым камнем да вьется хищный орел. Путник, нечаянно сюда попавший, торопится уйти, кладя на себя крестное знамение. В камне видно малое отверстие; брезжит оттуда тусклый свет неугасимой лампы, и раздается чуть слышное, глухое поминовение рабу Божию Александру. Там спит Суворов, склонив седую голову на уступ камня; давно он спит и долго спать будет. Только тогда, когда зальется русская земля кровью боевому коню по щиколотку, проснется вещий дедушка, выйдет из своей неволи и избавит Отечество от лютой невзгоды».

Военное дело в эпоху императора Павла I

*А. К. Баиов, ординарный проф. Императорской
Николаевской Военной академии,
полковник Генерального штаба*

Почти никогда смена власти не влекла за собой таких перемен в жизни русской армии, как последовавшее 6 ноября 1796 г. восшествие на престол императора Павла I. Своеобразный характер Павла I, в связи с обстоятельствами его жизни до восшествия на престол, обуславливал как резкость перемены направления, так и характер нового курса. Он вытекал прежде всего из условий его рождения, весьма метко определенных профессором П. И. Ковалевским: он был сыном Петра III, который отличался хилостью тела и слабостью духа, душевной неуравновешенностью, эмоциональной неустойчивостью и преобладанием низших страстей над высокими умственными интересами. Напротив, мать его, Екатерина II, была женщиной несомненно физически мощной и умственно гениальной. Такое сочетание свойств родителей имело последствием то, что Павел, по закону наследственности, получил натуру отца, значительно смягченную духовными качествами матери.

Все старания воспитателей Павла, Порошина, графа - Панина, епископа Платона, были направлены к тому, чтобы подавить в Павле, насколько это было возможно, проявления тех влечений, страстей и недостатков, которые так явно и так резко выражались в отце его, Петре III.

Если они и не успели искоренить всего, то во всяком случае значительно смягчили и исправили многое.

Что касается отношений Павла к его матери, то прежде всего нужно отметить, что Павлу с первых же дней его жизни были чужды материнская любовь, нежность и забота. Это повлекло за собой впоследствии отчужденность, а с течением времени — даже враждебность к матери.

Несомненно также, что государственный переворот 1762 г. не прошел бесследно для семилетнего Павла. Очевидно, что смерть отца, в связи с предшествовавшими тревожными днями, оставила в душе Павла след на всю жизнь. «Между матерью, не любившей сына Петра от рождения, и сыном лежала глубокая пропасть», — пишет один из историков.

Павел в детстве не имел друзей-сверстников, жил и развивался одиноким; у него развилась фантазия, и он жил образами этой фантазии, как чем-то действительным.

Вместе с тем у Павла мало-помалу стали развиваться по отношению к людям, особенно близко стоявшим к нему, крайняя подозрительность, недоверие и мнительность. Неудачная первая женитьба только способствовала развитию в Павле раздражительности, впечатлительности, подозрительности и резкости в обхождении с людьми.

В 1774 г. цесаревич Павел представил императрице записку под заглавием «Рассуждения о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оногo и касательно обороны всех пределов». Эта записка представляла собой не что иное, как жестокую критику нынешнего царствования, начавшегося в 1762 г. Екатерина, руководившая прежде всего интересами государства и признававшая в данном случае невозможным переубедить сына, окончательно решила отстранить его от дел.

По смерти первой жены, великой княгини Наталии Алексеевны, Павел отправился за границу искать себе другую супругу. Прежде всего он поехал в Берлин поклониться своему кумиру, Фридриху Великому. Поездка в Берлин имела следствием еще больший разлад между матерью и сыном.

Вскоре Павел женился на принцессе Вюртембергской, принявшей имя Марии Федоровны. Благодаря личным качествам великой княгини отношения между Павлом и Екатериной значительно улучшились, но рождение у великокняжеской четы сыновей, Александра и Константина, вновь повлекло за собой обострение этих отношений, так как Екатерина взяла на себя воспитание внуков и вела их по своему усмотрению, а не так, как хотел этого Павел.

Второе путешествие в Европу также не осталось без влияния на впечатлительного великого князя. К воспринятому им потсдамскому идеалу присоединились еще и версальские воспоминания. Вместе с тем цесаревич пропитался в высшей степени аристократическими идеями и вкусами как раз тогда, когда они стали отживать свое время в Европе. В конечном результате вторая заграничная поездка развила в нем в еще большей степени стремление к тому именно, чего Екатерина не могла ему предоставить: к неограниченной власти.

Чтобы как-нибудь занять по природе деятельную натуру Павла, жаждавшего дела и власти, Екатерина подарила ему Гатчину. Павел с жаром принялся за ее обустройство. Оставшись в тиши, погруженный в себя, он переживал все прошлое и создавал планы на будущее, имея в виду круто и радикально перевернуть все то, что существовало теперь. При этом великий князь не стеснялся открыто высказывать недовольство окружающим и свои мнения насчет современного управления государством и деяний императрицы.

В 1793 г. женился сын Павла, Александр. Это событие, обычно радостное для любого отца, было тягостным для Павла. Опасность лишиться престола усилилась. Павел стал проявлять крайнюю несдержанность. Гнев его против императрицы дошел до того, что сначала он не хотел даже присутствовать при бракосочетании сына. Все это заставило Екатерину сильно призадуматься, и она, ссылаясь на нервы и неспособность Павла, решила устранить его и передать престол старшему сыну его, Александру. Но вскоре наступившая кратковременная болезнь свела в могилу Екатерину Великую, и 6 ноября 1796 г. Павел стал русским императором, т. е. получил то, чего он так болезненно ждал

свыше 30 лет — неограниченную власть, в дальнейшем послужившую новым источником его странностей и бедствий для России.

Очевидно, что на военных преобразованиях Павла должны были отразиться особенности его характера. Но при рассмотрении военных реформ Павла необходимо обратить внимание еще на одну существенную черту его характера, а именно: на его страсть к военному делу, его милитаризм, который, однако, по тем или другим причинам получил весьма одностороннее направление. Для нас это тем более важно, что направление это порывало со славным прошлым нашей армии, порывало с заветами Петра I и Екатерины II, порывало с основами русского военного искусства, покоившегося на глубоком понимании нашими полководцами природы войны, значения в ней человека, особенностей русского воина, причем этот разрыв со старым был настолько решителен, новые идеи настолько разнились по существу от прежних, что военные реформы Павла затормозили правильное развитие русского военного искусства более чем на 50 лет. Нужен был Севастопольский погром, чтобы вновь возвратиться к допавловской эпохе и отрешиться от посеянного в армии Павлом слепого преклонения перед «немцами».

Помимо всего прочего, Павел унаследовал от отца своего, Петра III, любовь к военному делу, проявляющуюся в неудержимой страсти к экзерцирмейстерству, к парадомании, одним словом, к «мелкостям» военной службы. Воспитатель Павла, граф Никита Иванович Панин, словом и делом отклонял от своего воспитанника соблазн подобного увлечения. Печальный опыт царствования Петра III служил для Панина достаточным побуждением, чтобы относиться с большей осмотрительностью ко всем военным упражнениям цесаревича. Тем не менее страсть к низшим формам военного дела, несмотря на все принятые меры предосторожности, окончательно восторжествовала в уме цесаревича, чему способствовали различные обстоятельства.

Дальнейшей ступенью к развитию страсти Павла к «мелкостям» военной службы послужило представление ему командиром Московского пехотного полка, Каменским (буду-

щим фельдмаршалом), описания Бреславльского лагеря, в котором Фридрих Великий собирал и обучал свои войска и куда Каменский был послан в 1765 г. Это описание Бреславльского лагеря представляло собой апологию прусских военных порядков и самого короля Фридриха II.

Рисуя картину бедственного положения империи, Павел в своем «Рассуждении» приходит к заключению, что России необходим покой и пока следует отказаться от наступательных войн и устроить всю военную систему государства для обороны. С этой целью великий князь предлагал покрыть Россию чем-то вроде военных поселений. Затем признавалось необходимым ввести строгую регламентацию в военном деле и для этого дать войскам подробнейшие штаты, уставы, инструкции и «предписать всем, начиная от фельдмаршала и кончая рядовым, все то, что должно им делать; тогда можно на них взыскивать, если что-нибудь будет упущено».

Введением строжайшей подчиненности, по мнению Павла Петровича, была бы достигнута цель, чтобы «никто, от фельдмаршала до солдата, не мог извиниться недоразумением, начиная о мундирных вещах, кончая о строе». Когда же, благодаря введению по всему государству строгой централизации, все, и фельдмаршал, и солдат, должны были бы испрашивать особые высочайшие разрешения на каждый случай, непредвиденный инструкцией, то, как писал цесаревич, «через такое ограничивание все будут несравненно довольнее и охотнее к службе, потому что не будут страдать и видеть себя подчиненными прихотям и неистовствам частных командиров, которые всем сим сквернят службу и вместо приохочивания удаляют всех от ней».

Различие взглядов Павла и императрицы до некоторой степени обуславливалось действительными недостатками военной системы Екатерины, при которой командиры полков являлись почти полновластными во всех отношениях распорядителями своих частей, не направляемыми и не контролируемые свыше, вследствие чего, конечно, в связи с низким общим нравственным развитием общества того времени, естественно, возникали злоупотребления как в распо-

ряжении людьми, так и особенно — материальной частью. Цесаревич Павел мог лично наблюдать все эти непорядки, тем более что в гвардейских частях, бывших всегда у него на глазах, они были значительнее, в особенности в том, что касалось порядка службы.

Упомянутое выше пребывание Павла в Берлине усилило пристрастие великого князя к Пруссии, усилилась страсть к милитаризму с Потсдамской окраской. По словам одного из очевидцев Павловского царствования, «ничто не могло сравняться с тем вредом, какой причинили Павлу Петровичу прусская дисциплина, выправка, мундиры и т. п., словом, все, что напоминало о Фридрихе Великом». Между тем Екатерина называла прусскую военную систему «обрядом неудобноносимым». На этой почве вполне естественно отношения между Екатериной и Павлом еще более обострились.

Относительно увлечения Павла всем тем, что он видел в Берлине, один из исследователей того времени пишет: «В Пруссии все шло как бы по волшебству: с математической точностью король из своего Сан-Суси командовал и государством, и армией, и все второстепенные исполнители были не более как лица придаточные. Стройность, порядок, единообразие, строгая подчиненность производили какое-то обаятельное влияние на тех, кто пристальнее не вглядывался в дело, и если вся Европа считала себя счастливой, подражая до последних мелочей всем прусским учреждениям, то можно ли обвинять Павла Петровича за то, что он сделался восторженным поклонником Фридриха II и приписывал только ненормальному положению России, где женщина была на троне, что мы вели свои дела путем своеобразным, не только не следуя за общим потоком подражательности пруссакам, но даже с пренебрежением смотрели на обезьянство всей Европы».

Таким образом, с 1776 г. в Павле окончательно окрепли пруссофильские убеждения и окрепли настолько, что Екатерине приходилось считаться с ними как с непреодолимым препятствием.

Следующим существенным этапом в деле развития идей о военных порядках и стремлениях провести эти идеи в жизнь

для Павла явилось пожалование ему в 1783 г. Гатчины. С этого времени начинается так называемый Гатчинский период в жизни цесаревича, который является последней, окончательной подготовкой его перед вступлением на престол. Здесь, вдали от двора матери, Павел Петрович создал постепенно в малом виде ту своеобразную Гатчинскую Россию, которая представлялась ему в будущем единственно достойным образцом для всей империи.

Особенное же внимание Павлом было обращено на создание собственной, по прусскому образцу, армии, которая должна была служить прообразом будущей русской армии, начиная от одежды и кончая обучением и организацией.

Гатчинские войска

Мысль о создании Гатчинских войск, которые являлись как бы молчаливым протестом против военной системы при царствовании Екатерины, родилась у Павла после посещения им Берлина.

По возвращении великого князя из первого заграничного путешествия он поселился на Каменном острове и вместо караулов, которые, по званию генерал-адмирала, назначались к нему от флота, в 1782 г. была составлена постоянная команда от флотских батальонов в 30 человек. Другая такая же команда была послана в Павловск, принадлежавший Павлу Петровичу. Эти две команды и послужили зерном, из которого пышно развились Гатчинские войска.

После получения цесаревичем в дар Гатчины каждая из указанных команд была увеличена до 80 человек, и начальство над обеими было вверено пруссаку-капитану барону Штейнверу, знакомому с тайнами экзерцермейстерства Фридриха Великого.

В это же время в Гатчину был переведен один из кирасирских полков, шефом которого был наследник цесаревича. Павел разбил его на несколько полков двухэскадронного состава, обратив их в полки различного вида кавалерии. Так, у него были: собственно кирасирский полк, жандармский

драгунский, гусарский и, наконец, казачий эскадрон, состоявший из 60 донских казаков.

По какому-то необъяснимому недоразумению, по снисходительности или же упущению со стороны Екатерины, она, которая обыкновенно столь зорко следила за всеми действиями цесаревича, не препятствовала ему в его стремлении постепенно сформировать свою особую армию, ни в чем не похожую на русскую армию того времени. Ввиду этого численность Гатчинских войск с каждым годом постепенно возрастала, и ко дню восшествия на престол императора Павла пехота Гатчинских войск состояла из двух гренадерских и четырех мушкетерских трехротных батальонов и, кроме того, одной отдельной егерской роты. Состав рот был не более 62 человек, а егерской — 52. Что касается артиллерии, то она состояла из одной роты в четыре отделения. Всего в Гатчинском отряде ко дню восшествия на престол Павла I было 2400 человек.

В общем, состав Гатчинских войск был самый разнообразный: тут были сербы, выходцы из Малороссии, разные отпускные, командированные, охотники; иногда случались и беглые. Особенно интересным является вопрос о комплектовании Гатчинских войск офицерами, так как они-то и явились проводниками идей и порядков Павла в русской армии по смерти Екатерины.

Все порицая в Екатерининской армии, считая ее страшно распушенной, убежденный в недобросовестности во всех отношениях начальников всех степеней, Павел, конечно, мог доверять только своим гатчинским офицерам, воспитанным согласно его взглядам и убеждениям. Вполне естественно, что, желая у себя ввести прусские порядки, цесаревич в свои Гатчинские войска прежде всего набрал иностранцев почти исключительно из числа тех, которые служили в прусской армии. Достаточно было такому офицеру показать знание некоторых элементарных сведений из прусского устава — и он при желании охотно принимался в Гатчинский отряд.

Впоследствии, с увеличением числа Гатчинских войск, в состав их стали приниматься русские офицеры из отставных, а также те из бывших на действительной службе, которые,

в силу различных причин, не могли служить в армии и должны были искать убежища в Гатчине, несмотря на тягость тамошней как внешней, так и внутренней службы. Небольшое жалованье, простой и некрасивый мундир, продолжительные и утомительные учения и тяжелая караульная служба способствовали тому, что в Гатчинских войсках служили только те, для которых это составляло крайнюю необходимость. Невысок был во всех отношениях уровень этих офицеров, особенно их нравственные качества.

Во главе этих офицеров находился Алексей Андреевич Аракчеев. Он прибыл в Гатчину 24 лет, в чине капитана, 4 сентября 1792 г., а в 1796 г., в чине полковника, был уже инспектором пехоты и артиллерии Гатчинских войск, исправлял должность Гатчинского губернатора и управлял военным департаментом, учрежденным в Гатчине в 1794 г. и ведавшим хозяйственной частью всех Гатчинских войск.

Такому быстрому возвышению и безграничному доверию цесаревича Аракчеев всецело обязан своими личными качествами, которые в полной мере отвечали служебным требованиям и идеалам Павла Петровича. Безгранично преданный Павлу, беспрекословно повиновавшийся, в высшей степени педантичный в несении службы и требовавший того же от других, требовательный до жестокости, хитрый, но безусловно не глупый и не без способностей — таков был ближайший наперсник Павла.

Форма одежды Гатчинских войск была настоящим сколком с прусского обмундирования: короткие панталоны, чулки и башмаки, косы, пудра и прочее. И это в то время, когда Потемкин, назначенный вице-президентом Военной коллегии, занявшись улучшением обслуживания русской армии, приказал отрезать косы, бросить пудру и одел солдата в куртку, шаровары, полусапожки и удобную, красивую каску.

Гатчинские батальоны носили названия по именам своих шефов. Все войска по роду оружия разделялись на инспекции. Во главе каждой инспекции стоял инспектор, который был ответственным за обучение, подготовку и внутренний порядок, но власти инспектор не имел никакой. Вся власть полностью сосредоточивалась в руках цесаревича, который

входил во все мелочи повседневной жизни и без разрешения которого ничего решительно нигде не могло быть сделано.

Обучение Гатчинских войск происходило по уставу, который был составлен бароном Штейнвером и Кушелевым. Устав этот был сплошным подражанием прусскому уставу. Он подробно входил не только во все отрасли военной службы, но и касался частной жизни офицеров и нижних чинов. Кроме устава, для руководства при обучении войск служила книжка «Тактические правила», которая была не что иное, как плохой перевод изданной в Пруссии в 1760 г. брошюры под заглавием «Тактика или дисциплина по новым прусским правилам».

Суворов об этих правилах отзывался так: «Немо-российский перевод рукописи, изъеденный мышами и двадцать лет тому назад найденный в развалинах старого замка».

Все внимание при обучении обращалось на стрельбу; на удар же в штыки смотрели как на нечто второстепенное. Господствующим строем был развернутый, а так как большим массам в таком строе двигаться было очень трудно, то уменьшили число шагов в минуту (до 75) и размер шага (до 3/4 аршина). Суворов по этому поводу говорит: «Шаг мой уменьшен в три четверти, и тако на неприятеля вместо сорока — тридцать верст».

При обучении обращалось внимание главным образом на показную сторону, и нарушение каждой мелочи считалось великим преступлением. При таких условиях немудрено, что люди ошибались, тем более что начальствующие лица, желая добиться совершенства, делали учения по 12 часов в сутки. Особенно этим отличался Аракчеев в качестве инспектора пехоты. Обладая железным здоровьем и почти сверхъестественной неутомимостью, он не сходил с поля во все время учений; ничто не ускользало от его внимательного взора, и всякий провинившийся подвергался строгому наказанию. Обычными же наказаниями были: прогнание сквозь строй или удары тесаками, шомполами или палками.

Едва ли не тяжелее строевой службы для Гатчинских войск была караульная служба.

Необходимо, наконец, еще сказать, что, сознавая недостаток военного образования своих офицеров и желая по

возможности пополнить его, цесаревич при посредстве Аракчеева в 1794 г. учредил в Гатчине классы для младших офицеров, подпрапорщиков и юнкеров. Учителями были назначены артиллерийские офицеры: Каннабих, Капцевич, Апрельев и Сиверс. Занятия в этих классах происходили по вечерам, от 4 до 6 часов, для того чтобы не мешать ходу строевых занятий.

Посещение этих классов было для всех обязательно, и за этим зорко следил Аракчеев, но он мог добиться лишь одного, чтобы все офицеры посещали классы; основная же цель не достигалась ввиду того, что сами преподаватели были людьми малообразованными. Тактику, например, преподавал майор Каннабих, Саксен-Веймарский дворянин, — он поступил в Гатчинские войска из морского кадетского корпуса и в звании аудитора исполнял в нем береиторские обязанности, а с 1789 г. обучал верховой езде конную артиллерию. Преподавание тактики он сводил к изложению уставных форм. Плохо говоря по-русски, Каннабих ломаным языком рассказывал о разных построениях и тростью выделял эспантонные приемы.

Таковы были Гатчинские войска, таковы были их руководители. Отстраненный от всяких государственных дел, подозрительный Павел выработал в себе особые взгляды, особые убеждения, и впоследствии, вступив на престол, он, не вникнув в обстановку во всей ее совокупности, все свои гатчинские взгляды перенес на Россию и на ее 500-тысячную армию.

Реформы императора Павла

Сокращение численности армии ♦ Умаление значения старших войсковых начальников ♦ Централизация ♦ Генеральный штаб
♦ Комплектование войск офицерами

В соответствии со взглядами императора Павла, высказанными им еще в бытность его наследником в упоминаемой выше записке, а также ввиду намерения Павла держаться мирной политики и желания приблизить русскую армию

к прусскому образцу, прежде всего было решено уменьшить численность армии. К концу его царствования армия состояла из полевой пехоты в количестве 204 тысяч, кавалерии в составе 45 тысяч, артиллерии — 25 тысяч и инженерных войск — около 3 тысяч, всего 277 тысяч полевых войск, а с гарнизонными — 355 тысяч, в то время, как при Екатерине численность армии определялась в 500 тысяч человек. Наибольшему сокращению подверглась конница, а именно на одну треть своего прежнего состава.

Пехоту сокращают за счет наиболее ценных элементов, а именно егерей, число которых уменьшается на две трети; трехбатальонные полки переформированы в двухбатальонные.

Организация конницы подчиняется иноземным образцам. Карабинеры, конноегеря и легкоконные полки исчезают, а на место их являются кирасиры по прусскому образцу.

Артиллерия ставится на один уровень с прочими родами войск, чем обеспечивается ей полная возможность дальнейшего усовершенствования как в организации, так и в боевой подготовке. Достигается это, во-первых, тем, что была установлена более тесная связь с другими родами войск, и, во-вторых, тем, что, соединив материальную часть артиллерии с личным составом и фурштадтом, образовали впервые стреловые артиллерийские части.

Положено прочное начало инженерным войскам формированием двух понтонных рот и пионерного полка.

Существовавшие при Екатерине дивизии были уничтожены. Вместо дивизий установлены были инспекции, которые представляли собой территориальные округа, включающие все роды полевых войск и войска гарнизонные. Власть над инспекцией находилась в руках трех инспекторов; один из инспекторов был для пехоты, другой для кавалерии и третий — для артиллерии.

Устав 1796 г. указывал, что при назначении инспекторов чин не должен играть никакой роли. Это было сделано исключительно для того, чтобы не имевших пока высоких чинов гатчинцев выдвинуть на должность инспекторов и тем лишить влияния старых боевых екатерининских генералов.

Инспектора под страхом лишения чинов отвечали за состояние во всех отношениях полков, находившихся в их инспекции, но при этом прав и власти не имели никаких. Тем не менее инспектора на судьбу армии и отдельных частей ее имели громадное влияние. Это зависело от того, что Павел слепо доверял докладам инспекторов и по одному слову их исключал со службы как младших офицеров, так и шефов полков, не давая им даже права объясняться и оправдываться.

Еще в большей мере умалению значения старших войсковых начальников способствовало учреждение шефов полков. В каждый полк были назначены шефы из числа генералов, не получивших назначения инспекторов. Обязанности шефов были совершенно те же, что и прежних командиров полков; права же их были значительно меньше прежних командирских.

Наряду с шефами полков были и командиры полков, которые совершенно не имели никакой власти и никаких прав.

В связи с установлением шефов была принята еще одна неудачная мера, а именно: полки, не исключая гвардейских, начиная с 1796 г., взамен петровских территориальных названий, постепенно стали называться по фамилиям шефов. Эта реформа имела два крупных неудобства: во-первых, в отношении организационном, так как постоянная перемена наименования полков порождала сильную путаницу, и, во-вторых, в отношении нравственной стороны, так как при этом боевые заслуги полка и вся его доблестная служба при перемене названия как бы забывались, и поддержание славных традиций полка делалось затруднительным.

Впрочем, на нравственную сторону в то печальное время обращали мало внимания. Недаром Аракчеев позволял себе перед строем старых, заслуженных полков их покрытые славой победоносные знамена называть екатерининскими юбками.

Та же система наименования полков в 1798 г. была перенесена и на роты и эскадроны, которые приказано было называть не по номерам, как это было до сих пор, а по фамилиям их командиров. Этим только усугублялись недостатки наименования полков по шефам.

Реформой того же порядка, т. е. стремящейся к централизации в управлении войсками и к тому, чтобы подорвать значение и влияние местных начальников, явилось уничтожение дежурств, которые представляли собой подобие штаба при старших начальниках.

Последовательно развивая основную мысль этой реформы, Павел уничтожил даже канцелярии в полках. Эта мера крайне неблагоприятно отразилась на управлении войсками, особенно в военное время. Таким образом, все реформы по управлению войсками в царствование Павла были проникнуты недоверием, что совершенно противоречило идеям Екатерины II, были продиктованы стремлением никому не давать никаких прав, нарушали связь начальствующих лиц всех степеней с войсками, не признавали работы штаба и в конечном результате привели к полному расстройству управления войсками даже в обычное мирное время.

Этими же особенностями отличаются реформы и центрального управления армии. При Екатерине в этом отношении была полная децентрализация. Главнокомандующие армиями пользовались большими правами по устройству войск, обучению, хозяйству, квартированию, производству в чины (до полковника), увольнению в отпуск, в отставку и по переводам.

Император Павел такие права главнокомандующих считал началом всего зла и все это уничтожил в первые же дни своего царствования. Его система в этом отношении была совершенной противоположностью системе Екатерины. У него начальники наблюдают, инспектируют, отвечают, но прав и власти не имеют. Павел хотел обо всем знать и все решать сам. К нему поступают все донесения непосредственно от полков, и он лично распоряжается по всем крупным и мелким делам. Все управление армией, в сущности говоря, сосредоточивается в кабинете у Павла; генерал-адъютант, его секретари, он сам, все посылают приказания непосредственно инспекторам, шефам, командирам полков, даже начальникам отдельных небольших команд, — и все это потому, что он считал возможным всей армией управлять так, как Гатчинским отрядом.

Ближайшим результатом установления такой системы является увеличение объема переписки и увлечение бюрократическим началом. Да иначе и быть не могло: к Павлу поступают и от него исходят все назначения, даже самые мелкие; он сам следит за вакансиями, сам увольняет в отпуск свыше чем на 28 дней, сам разрешает вступление в брак, сам же перемещает младших офицеров из роты в роту и т. д.

В общем, из-за чрезмерной централизации начальствующий состав обезличивается; начинают бояться пользоваться своими ничтожными правами и стремятся только угодить стоящим выше. Отсюда все внимание обращается на мелочи, а за ними упускается общее направление; да кроме того, все стараются выполнить эти мелочи, не стремясь достигнуть наилучших результатов в важнейшем — в боевой подготовке войск.

К органам центрального управления при Павле необходимо присоединить также и военно-походную канцелярию Его Императорского Величества, которая была образована в 1797 г. и во главе которой стоял Ростопчин. Обязанности начальника этой канцелярии состояли в том, что он должен был обо всем докладывать государю и всем передавать его повеления.

При общем направлении реформ Павла, конечно, не мог оставаться без перемен Генеральный штаб, тем более что он к началу царствования Павла был в расстройстве. Действительно, уже через неделю по восшествии на престол, а именно 13 ноября, Генеральный штаб был уничтожен; чины его переведены в строй, а карты, планы и все дела переданы генерал-адъютанту Кушелеву, под начальством которого постепенно образовалась свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части.

Положение свиты по квартирмейстерской части при этом было крайне неопределенным: никаких постановлений относительно обязанностей, круга деятельности, комплектования, прохождения службы не было издано во все время царствования Павла. Пополнялась свита офицерами из строя, а иногда даже людьми из других родов службы. Офицеры сви-

ты занимались больше черчением и съемками, к службе же собственно Генерального штаба вовсе не подготовлялись. У Суворова в 1799 г. вследствие этого по необходимости был австрийский генеральный штаб, хотя в армии находились чины свиты по квартирмейстерской части.

Император Павел держался мнения, что корпус офицеров для однородности и по тому характеру, каким он должен обладать, необходимо комплектовать преимущественно из потомственных дворян. Лица других сословий производились в офицеры как редкое исключение и то только после продолжительной их проверки.

Кроме производства унтер-офицеров из дворян, корпус офицеров пополнялся еще воспитанниками специальных для этой цели учебных заведений. К существовавшим в Петербурге двум кадетским корпусам при Павле прибавилось еще два таких учебных заведения, которые выпускали своих питомцев прямо в офицеры: во-первых, Императорский военно-сиротский дом для сыновей неимущих дворян и офицеров, преимущественно сирот, и, во-вторых, Гродненский кадетский корпус.

Одно из первых распоряжений императора Павла после вступления его на престол касалось перемены в армии прежнего, как он говорил, «мужицкого» обмундирования. По поводу обмундирования, вновь введенного императором Павлом и скопированного с прусского, Суворов говорил: «Нет вшивее пруссаков: в шильтгаузе и возле будки без заразы не пройдешь, а головной их убор вонюю своею вам подарит обморок. Мы от гадости были чисты, а она первая докука ныне солдат. Штилеты — гной ногам».

Вооружение пехоты состояло из шпаги и ружья со штыком, но унтер-офицеры вместо ружей имели алебарды, что уменьшало число стрелков в полку на 100 человек. Егеря имели на вооружении короткий нарезной штуцер, к которому можно было примыкать кортик, обычно носимый отдельно в особых ножнах. Кортиком можно было действовать, не примыкая его к штуцеру. Вооружение кавалериста состояло из палаша, мушкета или карабина, двух пистолетов. Седло и вся остальная конская сбруя были немецкие.

Строевая и боевая подготовка войск

Уставы ♦ Приемы обучения войск ♦ Умаление заслуг выдающихся полководцев екатерининской эпохи

Общий дух реформ императора Павла и то направление, которое установилось с самого начала этого царствования в управлении армией, уже предreshают систему обучения и воспитания войск эпохи Павла и влияние того и другого на боевую подготовку армии. Но чтобы получить полную картину по данному вопросу, необходимо хотя бы в общих чертах остановиться на уставах того времени.

29 ноября 1796 г. по предложению, данному Военной коллегии от ее президента, графа Салтыкова, было во исполнение высочайшего соизволения предписано немедленно ввести в действие вновь изданные уставы: 1) воинский устав о полевой пехотной службе; 2) воинский устав о полевой кавалерийской службе; 3) воинский устав о полевой гусарской службе и 4) о кавалерийской службе.

Объявление этих уставов уже через три недели после восшествия на престол императора Павла ясно свидетельствует, с одной стороны, о гатчинском происхождении их, а с другой — о той торопливости, с которой Павел стремился ввести новые порядки в армии, совершенно искоренив старые.

Во всех новых уставах совершенно не видно опыта ни блестящих войн предшествовавшего царствования, ни революционных войн; эти уставы разработаны, без всякой связи с духом времени и потребностями жизни, в гатчинском уединении при помощи различных штукмейстеров. Все уставы проникнуты стремлением решительно во всем ввести строгую регламентацию, дать указание на каждый частный случай при условии, что за малейшее отступление от устава строго, а часто и жестоко взыскивалось.

В общем Павловские уставы положили у нас начало крайне мелочным требованиям в обучении армии, выдвинув на первый план не боевую подготовку, а подготовку к вахтпараду. Проникаясь с течением времени все больше и больше духом уставов, войска вскоре стали видеть венец своей под-

готовки в том, чтобы на смотре не сбиться с ноги, чтобы линия фронта не изогнулась, чтобы интервалы и дистанции были в точности соблюдены, чтобы общий вид части при прохождении церемониальным маршем был блестящ.

В частности, особенностями пехотного устава 1796 г. являются: преобладающее значение в нем линейных построений, отсутствие даже упоминания о колоннах и каре, придание большого значения равнению и правильности шага, сильное развитие правил для наступательной, отступной и плутоножной стрельбы, полное отсутствие указаний о рассыпном строе.

Особенностями же кавалерийского устава были: узаконение двухшереножного строя, полнота, рациональность и последовательность одиночного обучения на коне, сокращение до разумных пределов подготовки к пехотному строю, производство эволюции непременно на галопе, хорошо развитые правила атаки.

Отрицательные стороны Павловских уставов, несмотря на то что во многом они были выше уставов 1763 г., не были уравновешены ни соответствующими инструкциями, ни практическим применением уставов.

К числу боевых инструкций, изданных в царствование императора Павла, нужно причислить: 1) тактические правила, или наставление воинским эволюциям с планами 1797 г.; 2) правила о службе кавалерийской 1796 г. и 3) наставление генерал-майорам кавалерии 1796 г.

«Тактические правила» собственно с тактикой ничего общего не имели. В общем, они повторяли во многом пехотный устав, указывая те же строи, те же виды и способы стрельбы. Новым, по сравнению с уставом, являлись только каре, различные построения его из одного или нескольких батальонов и различные эволюции с ним.

«Правила о службе кавалерийской 1796 года» предназначались главным образом для гусар. В них прежде всего более подробно, чем в уставе, излагалась сторожевая служба, которую преимущественно несли легкие войска. В виде особого приложения к «Правилам» было добавлено «Наставление генерал-майорам кавалерии 1796 года». В этом настав-

лении указывались обязанности генерал-майоров в сторожевой службе, во время марша и в бою.

В общем, все наставления в царствование императора Павла, касавшиеся кавалерии, развивали уставные положения, подобно тому как это делали и наставления, относившиеся к пехоте, но здесь они приносят больше пользы, так как сами уставы имели много положительных сторон.

Взгляды императора Павла, наложившие отпечаток на всю его эпоху, особенно неблагоприятно сказались на приемах обучения войск. Этому способствовали также положения уставов 1796 г., которые точно и безусловно определяли формы различных строев и способы перехода одного строя в другой не только элементарных единиц, но и более крупных войсковых соединений. Немалую роль в деле обучения сыграло также увлечение государя разводами, которые он признавал могучим средством для распространения в армии правильных, по его мнению, основ обучения, так как источник боевых успехов видел в идеальном исполнении тонкостей строя и в обращении войск в живую машину. Главной целью обучения становились точное, до самых мельчайших подробностей воспроизведение уставных форм и механическое движение при соблюдении самого строгого равенства и держания дистанции и интервалов.

Таким образом, постепенно воцарилось обучение ради церемониала и вахтпарада, причем малейшее отступление от буквы устава с одобрения самого государя жестоко каралось. При таких условиях экзерциция занимает все время, эволюции же и маневры отрядов небольшого состава, разнообразные по содержанию, поучительные для войск и низших начальников, уступают место линейным учениям больших отрядов на ровной однообразной местности, учениям, сводящимся к приемам механической дрессировки.

Производившиеся весьма редко маневры ничем не отличались от обычных учений, на них также главным образом стремились к воспроизведению механических движений на ограниченном пространстве. Вместо лагерных сборов в годы Екатерининского царствования установлены были сборы при полковых штабах на шесть недель.

В результате в деле обучения водворяется педантизм и крайняя односторонность, выдвигавшие на первое место внешнюю сторону в ущерб, конечно, внутреннему содержанию и убивавшие всякую самостоятельность и самодеятельность. Таким образом, нужно признать, что армия времен императора Павла как боевое орудие была несравненно хуже подготовлена, чем армия эпохи Екатерины II. Воспитание войск в царствование императора Павла было еще в худших условиях, чем обучение, так как ему не придавали никакого значения, да для него не оставалось и времени.

Взгляды Павла на конечную цель обучения армии, на средства этого обучения, на способы управления армией и на свою роль в этом, наконец, личный характер государя, его нервный темперамент при своеобразном понимании степеней и пределов своей власти как самодержавного монарха — все это отразилось на системе образования войск, которая приводила к полному обезличению, шаблону, подавлению разумной деятельности исполнителей. В армии закон не уважался, властью никто не пользовался, каждый опасался принять на свой страх то или другое решение, если только оно не подсказывалось уставом. В противоположность предшествующей эпохе в армии развились грубость и унижение личности. Обращение старших с младшими, особенно с нижними чинами, стало жестоким. Наложение взысканий не регулировалось никаким законом.

При таких условиях лучшее достояние Екатерининской армии, давшее столько блестящих и искусных побед — частный почин, самостоятельность и самодеятельность, — были сведены на нет. Взамен их укоренилось требование слепого, нерассуждающего повиновения и безусловного исполнения, без малейшего нарушения устава, который несомненно, однако, не мог предусмотреть всю бесконечно разнообразную обстановку деятельности.

Все это приводило к тому, что здоровые духовные основы в армии подрывались, нравственный элемент в деле боевой подготовки армии не выдвигался на подобающее ему место, высокий дух армии мало-помалу исчезал. Этому способствовал также целый ряд мер, которые умаляли выдаю-

щиеся заслуги славных боевых деятелей предшествовавшего царствования, выдвигали в первые ряды военачальников людей бездарных, непросвещенных, не имеющих за собой никаких заслуг, роняли служебное, человеческое достоинство не только нижних чинов, но и офицеров и даже генералов. К таким мерам нужно отнести нижеследующее.

В первый же год царствования Павла I во время ничем не нарушаемого мира в стране семь генералов были произведены в фельдмаршалы. Желание дать каждому полку шефа в генеральском чине повело за собой большое производство в этот чин, причем при назначении шефов фельдмаршалы были поставлены в общий список генералов, получая такое же назначение шефами, как и только что произведенные в генеральский чин гатчинцы. Суворов по этому поводу писал: «Фельдмаршалы кассированы без прослуг в общем генералитете... В Москве я безгласен и для декорации величества».

Массе лиц из гатчинцев были пожалованы ордена без всяких видимых заслуг с их стороны. Наказание арестом даже генералов применялось крайне широко за малейшие, чисто формальные нарушения в несении службы. Нередко за ничтожные провинности офицеры и генералы исключались со службы, причем соответствующие приказы редактировались в крайне обидных и даже оскорбительных для увольняемых выражениях. Все это подрывало уважение к наградам, роняло чинопочитание, расшатывало дисциплину, ставило в первые ряды людей, совершенно не заслуживающих этого, и в то же время обесценивало людей, действительно выдающихся.

Значение императора Павла в истории военного искусства в России

В царствование императора Павла была сделана вторая, после Петра III, попытка в развитии русского военного искусства свернуть на чуждый нам путь заимствований с Запада. Но если при Петре III эта попытка, к счастью, не

имела успеха, то, к сожалению, новый опыт на этом ложном пути, повторенном сыном Петра III, императором Павлом, имел другие результаты.

По сравнению с предыдущей блестящей эпохой царствования Екатерины Великой эпоха императора Павла характеризуется полным отказом от начал, служивших основанием в различных отраслях государственной деятельности предшествующего царствования, а именно: самостоятельности, самодеятельности и частного почина — и культивирования как раз обратного направления. Хронологическая близость двух эпох со столь противоположными направлениями неминуемо должна была повлечь за собой некоторую двойственность в характере деятельности различных частей государственной машины в царствование императора Павла и сказаться на результатах этой деятельности.

С одной стороны, устанавливается новая система в организации вооруженной силы, а главное — в деле обучения и воспитания армии, без всякого уважения к системе предыдущего царствования и к боевому опыту всей нашей предшествующей истории; с другой же стороны, на годы царствования императора Павла выпадает блестящая боевая деятельность Суворова, дающая высочайшие положительные образцы русского военного искусства.

Отмеченная двойственность и видимое несоответствие между мирной жизнью армии и ее боевой деятельностью не содержит, однако, в себе противоречия. Суворов — это отзвук блестящего царствования Екатерины Великой, его боевая деятельность и такая же деятельность армии, ему подчиненной, независимо от его гения, есть результат системы предшествующего царствования, системы, положительные результаты которой проявились, несмотря на крайне неблагоприятные для этого условия. В деяниях Суворова сказались, таким образом, живучесть и жизненность системы Екатерины, несмотря на некоторые ее недостатки. Гений Суворова, его необычайная боевая деятельность, его военное искусство чисто русского характера не могли не произвести впечатления на увлекающегося и нервного Павла, не могли не захватить его, обладающего пылкой и благородной душой.

И вот он, будучи носителем начала сосредоточения всей власти и всей направляющей деятельности в своих руках, отрицая малейшую самостоятельность кого бы то ни было в ведении дел, говорит Суворову: «веди войну как знаешь» и «...предоставляю на совершенное распоряжение Ваше частные и случайные предприятия, коих издали предписывать не можно, а должно поручить искусству главнокомандующего, что я и делаю, не предписывая по сему Вам ничего».

Но Суворов был один. По отношению же к другим военачальникам Павел крепко держался своей системы, что было тем легче, что большая часть их не участвовала в военных действиях и могла в командуемых ими войсках без всяких препятствий насаждать вахтпарадные фокусы. С окончанием же войны с Францией и последовавшей вслед за тем смертью Суворова уже не было ничего, что могло бы сдерживать императора Павла в этом отношении, и, таким образом, создались весьма благоприятные условия для развития и укрепления в армии плац-парадных требований, которые, в конце концов, привели к убеждению, что «война портит войска».

Однако смерть императора Павла, когда еще были живы впечатления от Итальянского и Швейцарского походов Суворова, когда многие из генералов, участвовавших в этих походах, еще не сошли со сцены, были полны воспринятых от Суворова уроков и носили на себе отблеск славы великого полководца, когда, являясь учениками «российских войск победоносца», они представляли собою драгоценнейшее хранилище заветов чудесного старца, помешала на первых порах широкому и быстрому распространению и укреплению системы преемника Екатерины Великой.

Вследствие этого на первый взгляд может казаться, что все отмеченные выше отрицательные начала системы императора Павла, составляющие характерные черты и Павловских военных реформ, как будто по тем или иным причинам не имели вредного влияния на ход развития русского военного искусства. Такое мнение находит себе, казалось бы, подтверждение и в блестящей деятельности многих наших генералов в войнах в период царствования Александра I с

французами, шведами и турками, в проявлении некоторыми генералами в этих войнах высокого военного искусства, а нашими войсками тех высоких качеств, которыми отличалась армия Екатерины, воспитанная на принципах разумного патриотизма, уважения к человеческому достоинству каждого, проникнутая наступательными тенденциями и духом самостоятельности, самодеятельности и частного почина.

Однако глубоко заложенные основы Павловского режима были указанными выше условиями только несколько заглушены, придавлены, но не задавлены совершенно, не вырваны с корнем.

Смерть одних сподвижников Суворова, уклонение, под давлением личных интересов, от его заветов других, продолжительный мир после почти непрерывных войн, изменение душевного настроения державного вождя армии, наличие военных деятелей, желавших использовать для своих целей новый настрой властителя, — таковы те обстоятельства, которые создали благодарную почву для развития, а затем и окончательного утверждения начал военной системы императора Павла, заставив забыть заветы Екатерины, Суворова, Румянцева, Потемкина и других наших талантливых генералов.

Значение это тем более велико, что начала Павловской системы, логически развиваясь, привели в конце концов Россию к Севастополю в 1854—1855 гг. и жестоко откликнулись в нашей последней войне с Японией в 1904—1905 гг.

Первые две войны Александра I с Францией

Д. А. Назаров, генерал-майор

Политическая обстановка в Европе, созданная успехами Наполеона

18 брюмера ♦ Разрыв России с Австрией и Англией ♦ Кампания 1800 г.
♦ Сближение России с Францией ♦ Люневильский мир ♦ Амьенский мир
♦ Новая война между Францией и Англией ♦ Приготовление Наполеона
к высадке в Англию ♦ Разрыв между Россией и Англией

В то время как Суворов, закончив Швейцарский поход, располагал все войска на зимние квартиры в Баварии, Париж сделался свидетелем одного из важнейших государственных переворотов в европейской истории, известного под именем 18 брюмера: 29—30 октября 1799 г. верховная власть во Франции перешла в руки Наполеона Бонапарта, облеченного званием первого консула. Брюмерский переворот, как объявил о том в своем первом манифесте его творец, означал конец великой революции.

Но брюмерский переворот, начав собою эру внутреннего успокоения Франции, не знаменовал того же самого для Европы. Если в десятилетие великой революции французские дела составляли один из главнейших предметов международных сношений, то после 18 брюмера внимание европейской дипломатии оказалось прикованным к Парижу еще в большей мере. Только агрессивная политика революционной Франции, имевшая целью распространить за свои пределы вновь народившиеся идеи, сменилась завоевательными стремлениями ее нового правителя, политика которого, по самой

природе происхождения достигнутой им власти, не могла не быть воинственной. К тому же для многообразно одаренной личности Наполеона война составляла ее главную стихию.

Консульство во Франции открыло в истории период, которому по справедливости присвоено название наполеоновской эпохи. Богатая военным содержанием, эпоха эта занимает видное место и в исторических судьбах русской армии.

Наполеону едва минуло тридцать лет, когда он смело взял в свои нетерпеливые, но твердые руки управление Францией и показал себя изумленному миру как неподражаемый воин, политик, правитель. Человек этот казался «роковым» по своим демоническим способностям. Наполеон не был теоретиком, еще менее — идеалистом. Его рассудок был покорным слугой практического успеха и беспримерной воли. «Жутким холодом веет, — читаем у одного из биографов Наполеона, — от беспощадной пронизательности и находчивости этого математического ума, опиравшегося на редкую память, особенно насчет цифр и местностей». Он умел сразу вносить порядок в хаос текущих дел; ему достаточно было одной мелочи, чтобы охватить обширное целое. То был отчаянный игрок: на кон он ставил и себя, и весь мир. «Кто не рискует, тот и не выигрывает», — восклицал он.

Как южанин, Бонапарт отличался чуть ли не болезненной пылкостью, чудовищным воображением, но при этом говорил: «Не знаю, что такое головокружение и нервная боль».

Работоспособность Наполеона была необычайной: он мог трудиться по 12—16 часов кряду, оставаться на коне по полсутки; у его секретарей костенели руки под его диктовку, у адъютантов и курьеров подкашивались ноги. Он знал цену времени, как никто; в разгар коронационных торжеств император проводил в присутственных местах по 12 часов. Бонапарт ел без разбору, что ему подложат; спал 4—6 часов и мог когда и где угодно уснуть на часок.

В момент 18 брюмера государственный механизм Франции представлял груды обломков.

Широко, быстро, твердо вел Наполеон свои реформы, которые прочностью своих последствий, по его же признанию, превзошли результаты великих сражений, им данных.

Создана была система внутреннего административного управления Франции; написан с военной быстротой и простотой свод гражданских законов, обошедший мир; умиротворены церковные распри; введена новая педагогическая система; обуздана печать; упорядочены финансы с быстрым подъемом хозяйственного быта страны; здесь Наполеон, подобно Петру, был лучшим хозяином и лучшим же контролером.

Устройство вооруженной силы не могло у Бонапарта не стать на первом месте. Вскоре после 18 брюмера военный министр доложил первому консулу, что никто не знает численности войск, никто не платит им жалованья, не кормит и не одевает их. Однако на первых порах для Бонапарта оказалось недоступным распорядиться действовавшими в то время армиями: Массены — в Италии и Моро — в Германии, благодаря особенно отпору последнего — соперника в военном искусстве с Наполеоном. Пришлось пока ограничиться созданием «собственной» консульской армии. Она была сформирована негласно, под скромным названием «резервной» численностью в 60 тысяч.

Наполеон сам заправлял внешними делами Франции. Знаменитый в летописях дипломатии Талейран оказывался лишь «отражением славы» того, кому он служил. Прекрасно знавший тогдашние взаимоотношения держав, Талейран был полезен Наполеону для ориентирования в международных вопросах, но это не мешало оракулу европейской дипломатии получать от своего принципала в готовом виде важнейшие дипломатические бумаги. Нечего говорить о том, какие выгоды извлекала стратегия Наполеона от совмещения в одном лице источника и политических, и военных директив.

Консульству прежде всего предстояло закончить войну со второй коалицией. Идя навстречу миролюбивым желаниям народа, Бонапарт обратился с мирными предложениями к Австрии и Англии, но был отвергнут. Мир надо было добыть войной. Впрочем, задача облегчалась вследствие выхода России из состава коалиции.

Мера долготерпения императора Павла I, давно уже недовольного корыстной и неискренней политикой Венского

кабинета, переполнилась, когда 10 октября 1799 г. он получил известие о поражении корпуса Римского-Корсакова под Цюрихом. На следующий день разрыв с Австрией был возвещен письмом, в котором русский государь писал императору Францу: «...Видя, что мои войска покинуты на жертву неприятелю тем союзником, на которого я полагался более, чем на всех других... что спасение Европы принесено в жертву желанию распространить вашу монархию, имея притом многие причины быть недовольным двуличным и коварным поведением вашего министерства... я прекращаю действовать заодно с вашим императорским величеством...» Суворову было приказано двинуться из Баварии в Россию.

Наполеон по достоинству оценил последствия этого разрыва и изыскал пути к сближению Франции с могущественной Россией, предложив императору последней возвратить без всяких условий русских пленных, от размена коих отказались Австрия и Англия. Облеченный в такую форму встречный шаг Бонапарта произвел сильное впечатление на рыцарскую натуру Павла I, который одним из первых понял, что твердая власть первого консула возвращает Францию к порядку. Не любивший останавливаться на полдороги, русский император повел дело русско-французского сближения особенно энергично после разрыва с Англией, поставившей в невозможные условия наш корпус, направленный в голландскую экспедицию.

Со стороны английского министерства, кроме того, возникли мелочные придирки по выплате России субсидий. Возмущенный холодно-эгоистическим поведением англичан, неуважительным отношением их к нашим войскам, император Павел, приказав уведомить Сен-Джеймский кабинет, что русское правительство «не торгует войсками и не продает своих услуг», повелел уплатить денежные претензии и возвратить русские войска и эскадры в Россию. Когда же обнаружились подозрительные замыслы британцев относительно Мальты, находившейся под особым покровительством русского императора, Павел окончательно порвал с Англией. В середине апреля 1800 г. наши миссии были отозваны из Лондона и Вены.

Ревнивая самостоятельность Моро не позволила Бонапарту, сообразно ясным стратегическим выгодам, присоединить свою «резервную» армию к германской и заставила его направить ее, ценой затяжной кампании, в промежуток между армиями Моро и Массены. «Резервная» армия перешла Альпы по Сен-Бернарскому перевалу и совершенно внезапно вышла на фланг длинных сообщений австрийской армии Меласа. 2 июня у селения Маренго, по счастливой для Бонапарта случайности, австрийцы были разбиты и потеряли в Италии плоды всех успехов Суворова. Однако окончательный удар был нанесен Австрии 21 ноября 1800 г. под Гогенлинденем, где Моро разгромил армию эрцгерцога Иоанна.

Подписанный 21 ноября 1801 г. Люневильский мир, устанавливая границей Австрии Рейн, подчинял фактическому влиянию Бонапарта всю Италию и предоставлял ему надзор за вознаграждением германских князей, потерявших свои земли на левом берегу Рейна вследствие присоединения их к Франции, что, иными словами, давало Наполеону право вмешательства во все дела Германии.

Между тем в сентябре 1800 г. англичане захватили остров Мальту. Павел I счел это за вызов к войне. По инициативе России и при ее участии образовался против Англии союз, куда вошли также Пруссия, Швеция и Дания. У нас готовились к отпору на Балтийском побережье, в Париже составлялся проект похода в Индию русско-французской армии; в виде передового отряда последней выступили к Оренбургу донские казаки, и в это время, 12 марта 1801 г., на всероссийский престол вступил Император Александр I.

Новый государь, несмотря на свою молодость, обнаружил большую осмотрительность во внешних делах, которыми он любил заниматься самолично. С первых же шагов царственной деятельности у подозрительного от природы Александра I проявилось чувство, руководившее им и впоследствии: с одной стороны, стремление дать Европе твердо обеспеченный мир, с другой — недоверие к французам вообще и к главе их правительства в частности.

В инструкции, разосланной нашим заграничным миссиям, указывались следующие главнейшие основания внешней

Император Александр I (с гравюры 1810 г. по рисунку Бозио)

политики только что начавшегося царствования: 1) император отказывается от всяких завоевательных замыслов и расширения границ своего государства; 2) будет держаться политики невмешательства во внутренние дела других государств и признает всякую правительственную форму, какую пожелают установить у себя народы; 3) не допустит роста влияния Франции в Европе. Поэтому распря с Англией и Австрией прекращена, а Бонапарту заявлено, что русское правительство желает всеобщего покоя и что в его сближении с дворами венским и лондонским нет никакой враждебной цели по адресу Франции.

26 сентября 1801 г. наконец был подписан мирный договор между Россией и Французской Республикой, формально восстанавливающий согласие между этими державами, но, в сущности, не удовлетворивший ни ту, ни другую стороны. Поводом будущих осложнений могло послужить хотя бы то, что в сентябрьских актах не удалось устранить противоречия между энергичными требованиями русского правительства в пользу королей сардинского и неаполитанского, как завета Павловского царствования, и очевидным стремлением консульского правительства к постепенному поглощению Италии, первым этапом которого являлось состоявшееся еще в апреле присоединение Пьемонта к Франции.

В начале 1802 г. между Францией и Англией последовало заключение Амьенского мира, санкционировавшего малопримлемые уступки со стороны последней. Англичане очень скоро поняли опрометчивость своего шага. Через год с небольшим война с Францией снова возгорелась, чтобы на этот раз окончиться только через 12 лет.

В эту эпоху ясно обрисовываются властные черты облика Наполеона. Он начинает рассыпать оскорбительные резкости и даже дерзости не только по адресу опозоренной Австрии, но и таких сил, как Россия и Англия. Исследователь русско-французских сношений того времени говорит о Наполеоне: «Лицемерие и коварство сквозят повсюду. Уже каждое движение было делом тонкого искусства, было рассчитано на душевное впечатление, на слабости противников и совершается публично, с шумом и блеском сценического представления.

Уже выработалась знаменитая манера всеобщего оглушения внезапностью и неожиданностью: сегодня — беспричинные оскорбления и запугивания, рыкание льва; завтра — такие же ласки кошачьей лапки, кротость и даже лесть, особенно когда первый прием встречал твердый отпор... В душе революционного генерала разгоралась алчность мироправителя. Его хищнический взор выходил уже за пределы Европы, падая на широкую полосу народов — от Португалии до Индии, от Швеции до варварийцев Алжира и феллахов Египта». В бюджете Франции появилась новая статья — внешние доходы, т. е. сотни миллионов, взимавшихся в мирное время не только с покоренных, но и с союзных стран.

21 июля 1802 г., по всенародному голосованию, Наполеон сделался пожизненным консулом. Известие об этом произвело на императора Александра самое тяжелое впечатление. «...Нужно ожидать, — писал наш канцлер русскому послу в Париже, — всего от такой беспокойной, плодovitой на проекты головы, от человека, имеющего столько средств в своем распоряжении». На изворотливость Парижа из Петербурга отвечали холодностью и подозрительностью. Несомненно уже существовал глубокий разлад между Россией и Францией; все вело медленно, но неуклонно к обоюдному разладу.

Наполеон задумал нанести Англии решительный удар посредством высадки французской армии на Британские острова. До сих пор, однако, остается невыясненным, в какой мере великий полководец считал осуществимым такое предприятие, одни приготовления к которому повергали гордую Великобританию в нескрываемый трепет. Десант на английские берега мог представлять обеспеченную операцию лишь при условии господства на море французского флота, чего, в сущности, не было. Несчастный для французов опыт египетской экспедиции 1798 г. только что подтвердил эту азбучную истину. Поэтому, в соответствии с величием военного таланта Наполеона, правильное остановиться на предположениях тех историков, которые принимают грандиозные приготовления на берегах Ла-Манша за маску, под покровом которой первый консул готовил превосходную армию не столько для проблематичной, с точки зрения военного искусства, экспедиции на британские берега, сколько для того, чтобы

применить это могучее орудие где-либо на континенте. Поводы для того всегда могли быть изысканы.

Декретом от 2 июня 1803 г. по побережью океана, близ Булони, Амблешёза и Монтрёйля, были образованы постоянные лагеря, где в бараках и разместилась почти вся французская армия. Здесь, на вольном воздухе, в постоянных трудах, чуть ли не в виду неприятеля, жили, воспитывались и обучались французские войска. Разумная и строгая дисциплина искоренила распущенность революционных войск и с лихвой заменила их идейное воодушевление, ибо теперь, по словам историка Сореля, главным моральным стимулом французов явилась слава Франции.

Англия во всеоружии готовилась дать отпор своему исконному врагу.

Отношения между Петербургским и Тюильрийским кабинетами стали особенно натянутыми с первой половины 1804 г. В марте этого года, по приказанию Наполеона, обнаруженного призраками заговоров против его власти, совершено было вопиющее преступление, которое в свое время заставило содрогнуться всех и каждого в Европе. В баденском городе Эттенгейме французскими жандармами был захвачен один из принцев Бурбонского дома, герцог Ангиенский. Заподозренный в роялистских замыслах, принц был судим полевым судом и расстрелян во рву Венсенского замка. Пруссия и Австрия, главные государства Германии, неприкосновенность территории которой была столь поругана Бонапартом, молчали или уклончиво высказывали свое мнение. Не так посмотрел на это злодеяние русский государь.

Осторожный в своих дипломатических шагах, император Александр передал это дело суждению совета высших сановников, на котором и было постановлено о прекращении дипломатических отношений с Францией в том случае, если на русские представления по этому предмету последуют неудовлетворительные объяснения французского правительства. Само собою разумеется, что судьба герцога Ангиенского послужила лишь поводом для выражения решительного протеста России против стремления Наполеона к всемирному владычеству. К одинокому протесту русского правительства присоединились

лишь второстепенная Швеция и, в качестве курфюрста ганноверского, король английский.

Последовавший из Парижа ответ, названный Талейраном «немного строгим», заключал в себе непристойно дерзкую фразу. Шильдер справедливо замечает: «Этот строгий ответ дорого обошелся Франции».

В июле 1804 г. Россия потребовала от французского правительства выполнения договорных обязательств по неаполитанскому и сардинскому вопросам, но последнее, по обыкновению, отвечало уклончиво. Тогда в октябре дипломатические миссии России и Франции взаимно покинули Париж и Петербург. Императорский титул Наполеона русским правительством не был признан. Война между Россией и Францией становилась вопросом близкого будущего.

Соловьев следующими словами очерчивает смысл происходящего тогда в Европе: «От Франции шло наступательное, завоевательное движение, в ее челе стоял первый полководец времени, задачей которого было ссорить, разъединять, бить поодиночке, поражать страхом, внезапною нападения, силой притягивать к себе чужие народы. От России, наоборот, шло движение оборонительное, и государь ее, в соответствии этому характеру движения, отличался не воинственными наклонностями, не искусством бранного вождя, но желанием и умением соединять, примирять, устраивать общее действие, решать европейские дела на общих советах, приводить в исполнение общие решения».

Кампания 1805 г.

- Третья коалиция держав против Франции ♦ Русская армия в 1805 г.
- ♦ Австрийские войска ♦ «Великая» армия Наполеона ♦ План действий коалиции ♦ Начало кампании ♦ Отступление Кутузова по правому берегу Дуная ♦ Кремс. Движение Кутузова к Ольмицу
- ♦ Шёнграбен ♦ Аустерлиц

Россия и Англия, сильные каждая по-своему, абсолютно свободные от влияния Наполеона, естественно сошлись в преследовании одинаковой цели — обуздание международной

тирании последнего. Чересполосность географического положения, как показали события, не гарантировала от появления на границах России французских армий, а вполне возможные со стороны Наполеона подстрекательства в Турции и возбуждение польских надежд на восстановление Польши могли грозить уже непосредственным интересам России.

Одним из первых звеньев третьей коалиции была русско-австрийская конвенция от 25 октября 1804 г., предусматривавшая, в случае новых покушений Наполеона на Италию или Египет, мобилизацию 250 тысяч австрийских и 115 тысяч русских войск. Но основой союза против Франции послужил договор, подписанный в Петербурге 30 марта 1805 г., между Россией и Англией. Последняя обязывалась из расчета на каждые 100 тысяч коалиционных войск уплачивать ежегодно на содержание около 12,5 млн рублей и четвертую часть этой суммы на их мобилизацию; кроме того, Великобритания поддерживала коалицию морскими силами, а также при помощи десанта английских войск на материк. Число войск, выставяемых Россией, увеличивалось до 180 тысяч.

Не легко удалось нашей дипломатии получить согласие Австрии на подписание октябрьской конвенции. Там господствовал страх перед Наполеоном. По словам нашего посла в Вене, графа Разумовского, «страшный консул» для венского двора — та же голова Медузы, «окаменяющая» все его движения и действия. Финансы Австрии были в плачевном состоянии, вооруженные силы переустраивались.

Еще труднее было склонить венское правительство на присоединение к формальному русско-английскому союзу, договор о котором, благодаря английским субсидиям, по видимому, устранял одну из причин австрийских колебаний. Только события, затронувшие непосредственные интересы австрийской монархии, вывели венский двор из нерешительности и увлекли Австрию на путь торопливых вооружений. Затаив кровную обиду, в Вене смолчали на принятие Наполеоном титула короля Италии. Но когда в мае 1805 г. было объявлено о присоединении к Франции Генуэзской Республики, тогда наконец и австрийское правительство убедилось, что для властолюбия императора французов границ не

существует. С этого момента венский двор не только признал возможным вступить в ряды коалиции, но и в принципе согласился на разработанный Россией общий план военных операций коалиции.

К союзу против Франции присоединилась Швеция, имевшая в лице своего короля Густава IV убежденного противника Наполеона.

Пруссия держалась политики пассивного нейтралитета. Прусский король Фридрих Вильгельм III, не обладавший достаточно твердым характером, но упрямый и питавший отвращение ко всякому решительному шагу, отказался от участия в союзе против Наполеона и предпочитал прислушиваться к заманчивым предложениям Тюильрийского кабинета, манившего, по случаю войны с Англией, перспективой присоединения к Пруссии ганноверского курфюрства — родины великобританской королевской династии. Император Александр, связанный личной дружбой с прусской королевской фамилией, в августе 1805 г. еще раз убеждал Фридриха Вильгельма вступить в коалицию и требовал согласия на пропуск своих войск через прусские владения. Король просил обождать окончательным решением относительно союза, но наотрез отказался допустить пройти русским войскам через Пруссию. Приходилось прибегнуть к тому средству, о котором из Петербурга уже однажды давали понять Берлинскому кабинету, а именно — втиснуть Пруссию в коалицию силой оружия. Нейтралитет Пруссии ослаблял коалицию в двух отношениях: 1) он лишал ее содействия не менее 100 тысяч прусских штыков, занимавших грозное положение на фланге и даже в тылу французской армии; и 2) оттягивал часть сил коалиции от прямого назначения. Кроме того, война была начата при неготовности к ней Австрии, а расчеты дипломатов на приверженность к делу коалиции южногерманских государств оказались ошибочными.

Русская армия 1805 г., в общем, комплектовалась, была организована, управлялась, училась, жила и действовала как при императоре Павле. За четыре первых года своего царствования император Александр, поглощенный главным образом капитальной реформой центрального управления, ес-

тественно, не мог уделять достаточно времени делу усовершенствования армии. Леденящая строгость павловской службы смягчилась. Полкам возвращены прежние петровские областные названия вместо наименования по фамилиям их шефов; но последние еще продолжали существовать одновременно с командирами полков. Косы и букли доживали свой век.

Налаженный крутыми мерами павловского времени порядок в армии по внутреннему и хозяйственному благоустройству войск, их инспектированию, однообразию требований оставалось лишь поддерживать. Но зато вряд ли заслуживала сохранения система обучения и тактической подготовки войск предыдущего царствования, основанная на отживших свой век прусских образцах с преобладанием плац-парадной муштровки, с понижением духа инициативы начальников, с пренебрежением к справедливому во все времена правилу: учить войска тому, что им предстоит делать на войне. Император Александр был также почитателем прусских порядков.

В 1805 г. Россия имела около 280 тысяч полевых войск, из них 18 % конницы и 8 % артиллерии и инженерных войск. В пехоте гренадерские, мушкетерские и егерские полки имели по три батальона 4-ротного состава, по 165 человек в роте, и полковую артиллерию — по шесть орудий трехфунтового калибра. В кавалерии были полки: кирасирский и драгунский по пять эскадронов, уланский — по пять и десять эскадронов, гусарский — по десять эскадронов; казачьи полки насчитывали по 500 казаков. Единицы полевой артиллерии — роты в 12 орудий — сводились в батальоны и полки; по материальной части наша полевая артиллерия несколько не уступала иноземным армиям; она была вооружена шести- и двенадцатифунтовыми пушками, а конная — и гаубицами. Инженерные войска — в виде пионерного полка и понтонных рот; последние — с деревянными и парусинными понтонами. Высшие соединения войск в мирное время не шли далее полков; управление войсками было основано на территориальных подразделениях России, называемых инспекциями. В случае войны, по особому расписанию, войсковые части сводились в

бригады и далее в более крупные соединения, называемые иногда колоннами, иногда корпусами и даже дивизиями, которые, будучи сочетаниями всех родов оружия, не имели постоянного состава, по несколько раз в течение кампании менявшегося. Импровизируемые по этой причине штабы генералитета были малоудовлетворительными механизмами для управления войсками.

Основным в пехоте был трехшереножный развернутый строй батальона, и боевой порядок полка представлял линию развернутых батальонов с полковыми орудиями против интервалов. Соответственно этому походные колонны не могли быть иными, как разомкнутыми; из них быстро выстраивался фронт к стороне фланга, но развертывание по головной части было медленным. Застрельщичий бой вели егерские полки, рассыпавшиеся впереди; остальная пехота вела огонь из развернутого строя и, по замечанию Наполеона, в стрельбе уступала французам.

При построении более крупных отрядов каждая из колонн строила линейный боевой порядок в две, редко в три линии, и затем колонны действовали, разделенные известными промежутками.

Боевой порядок русской армии в умелых руках начальника мог вполне выдержать сравнение с более совершенным французским. Но нельзя не отметить, что все новое, возникшее в тактике французских революционных войск, и в том числе применение боевых колонн в пехоте, как более подвижного строя, прошло у нас бесследно, и наши войска не без справедливости заслужили упрек Наполеона в малом умении маневрировать.

Тем не менее стойкость русской пехоты, необыкновенное упорство в ведении боя, отлично знакомые Фридриху Великому, не могли не обратить на себя внимания и Наполеона, который, пожалуй, авторитетнее всего и оценил качества тогдашней нашей пехоты. После первых боевых столкновений в 1805 г. он счел необходимым рекомендовать своей пехоте особый боевой порядок, приспособленный к лучшему ведению штыкового удара, до которого как решительного акта боя любили доводить дело русские. В приказе-воззвании

накануне Аустерлица Наполеон, воодушевляя армию на предстоящее сражение, особо подчеркнул, что в этот день «дело идет о чести французской пехоты». Не следует ли видеть между словами великого полководца скрытые, недоговоренные слова признания за русской пехотой высоких боевых качеств?

Кавалерия наша в войну 1805 г. прославилась атаками под Аустерлицем; по обычаю того времени, она принимала ограниченное участие в несении сторожевой и разведывательной службы; эти важные отрасли боевой деятельности, как и прежде, исполнялись казаками, обладавшими, даже без систематического обучения, природными качествами отличных разведчиков.

В боевых действиях русской артиллерии, вообще не отстававшей от других родов войск, кампания 1805 г. не дала тех выдающихся образцов, какие нашими артиллеристами были проявлены год спустя на полях Прёйсиш-Эйлау.

Хотя над русской армией уже носились веяния, не открывавшие для ее искусства особенно заманчивых перспектив, обещавшие скорее понизить ее тактическую дееспособность, но в кампаниях 1805—1807 гг. войска русские еще оставались теми же чудо-богатырями, какими они были в век Екатерины Великой. Генералы и офицеры в общей массе, так же как и значительная часть солдат, были не только носителями традиций, но и свидетелями побед Суворова. «Прусский плац-парад» только начинал свою губительную работу над ними...

Численность полевой сухопутной армии Австрии составляла 340 тысяч. Лучший воинский авторитет того времени, эрцгерцог Карл, полагал возможным закончить постановку армии на военную ногу не ранее шести месяцев. Но правительство, под давлением опасений за свои Венецианские области, решило ускорить военные приготовления и нашло ревностного исполнителя своих намерений в лице генерала Макка, взявшегося подготовить армию в двухмесячный срок; указы о новой организации последовали в июне и августе; новый пехотный устав был введен также в июне. При такой лихорадочной поспешности реорганизация войск была произведена одновременно с сосредоточением армии

к границам. С незаконченным обучением, с недостатками в материальной части войска выступили в поход, имея в своих рядах едва две трети из положенных по штатам.

Главным злом австрийской военной системы тогда, как и при Суворове, было существование гофкригсрата, обращавшего главнокомандующего армией в игрушку придворных интриг. Кроме того, несмотря на обширный боевой опыт, в австрийских военных кругах был нередким тот тип военных теоретиков, которые, по словам Петрушевского, биографа Суворова, смотрели на военное дело как на графическое искусство и не подозревали, что нельзя принимать людей только за счетные единицы. В непонятном ослеплении венское правительство в 1805 г. призвало из указанной категории двух деятелей на самые ответственные посты в армиях. Это были генералы австрийского Генерального штаба Макк и Вейротер, репутация которых в качестве знатоков военного искусства представляется каким-то недоразумением: первый погубил австрийскую армию под Ульмом, а второй — был псевдоходоводителем союзников под Аустерлицем.

Кампанию 1805 г. выиграла французская армия. Находясь в течение двух лет в постоянных лагерях, она получила высокую тактическую подготовку и была готова в любую минуту к выступлению в поход. Живя на полувоенном положении, войска эти выгодно выделялись своей походной «тренировкой», что и дало им возможность совершить знаменитый в военных летописях марш от французского побережья к Дунаю с замечательной быстротой и порядком. Наполеон справедливо писал с похода своему брату Иосифу: «Можете приказать поместить в «Монитор», что армия одержала уже две большие победы: первая состоит в том, что в ней нет ни больших, ни дезертиров...» Едва ли когда-нибудь великий полководец располагал лучшей боевой силой, чем эта дисциплинированная, плотно сколоченная, отлично снабженная, так называемая «великая» армия, пронизанная волей своего императора-главнокомандующего.

Она включала трехбатальонные пехотные полки различного состава и различных видов — гренадерские, карабинерские, фузилерские, вольтижерские, стрелковые, с ро-

тами силой 83—123 человека; кавалерийские четырехэскадронные полки и полевую артиллерию, с незаконченным перевооружением шести- и двенадцатифунтовыми пушками и впервые запряженную, подобно русской артиллерии, опередившей в этом отношении французскую, казенными лошадьми. Полки были сведены в постоянные бригады, дивизии и корпуса, коих в походе 1805 г. в Германию было семь, по 2—4 дивизии каждый; кроме того, на правах корпусов считались резервная кавалерия под командой Мюрата и 10-тысячная гвардия; последняя у Наполеона имела особый смысл династического отряда, связанного с его личной судьбой.

Считают, что истинным гением-стратегом Наполеон становится с 1805 г.; тогда же и тактика у него получает свое высшее развитие. Он уже не был исполнителем чужих велений; все средства государства были в его полном распоряжении, все ожидало только его волеизволения; было время сделать выводы из своего довольно богатого боевого прошлого. Всеобъемлющая личность Наполеона как полководца, его всепроникающий авторитет в управлении армией совершенно подавляли средних людей; оттого противники при встрече с ним иногда теряли голову, а его же маршалы, но вне его руководства часто не справлялись с возложенными на них задачами. Драгомиров, сравнивая Мольтке с Наполеоном, следующими словами оттеняет последнего: «Наполеон скоро соображал и скоро терял нить быстросоображенного; зато, бросая схваченное, быстро тут же творил новое, ничего общего с брошенным не имевшее, часто, однако, еще лучше, вернее приводившее к желанной, намеченной им цели».

План действий коалиционных армий в 1805 г. был отработан в более или менее окончательном виде в июле, на венских совещаниях, где представителем интересов русской армии был генерал-адъютант Винценгероде. Согласно этому плану, 80-тысячная австрийская армия вступает в Баварию и ожидает присоединения 90 тысяч русских. Другая австрийская армия, численностью 142 тысячи, сосредоточивается в Италии; по обычаю австрийцев, первоначальной целью ее действий указывалась не живая сила неприятеля, т. е. его

армия, а овладение крепостями по рекам Эчу и Минчио. Для поддержания связи между названными армиями назначалось 53 тысячи австрийцев в Форарльберге и Тироле.

20 тысяч русских перевозятся морем из Ревеля и Кронштадта, высаживаются в Стральзунде и совместно с 12 тысячами шведов и англичанами действуют наступательно против французов в Ганновере; 25 тысяч русских, перевезенных из Корфу, и 5 тысяч англичан, прибывших с Мальты, высаживаются в Неаполитанском королевстве и, соединившись с войсками последнего, вытесняют французские войска из Южной Италии и стремятся в долину р. По.

Армия в Италии, по овладении линиями Эча и Минчио, и армия в Баварии, по соединении с русскими, совместно наступают через Швейцарию и вторгаются во Францию. Наконец, если бы Пруссия присоединилась к коалиции, то ее армия должна была двинуться во Францию через Средний Рейн или наступать через Голландию.

Совершенно иначе распорядился Наполеон. Не придавая почти никакого значения диверсиям союзников в Неаполе и северной Германии, он назначает в Италию лучшего из своих маршалов, Массену (45 тысяч), приказав последнему ограничиться обороной; главную же массу войск (235 тысяч) он ведет в долину Дуная, к Вене, правильно рассчитав, что, при нейтралитете Пруссии, разгром союзников на этом главном, решающем направлении само собою повергнет к его ногам всю Италию, а тем более Ганновер.

Если сопоставить группировки сил Наполеона и союзников, то нетрудно видеть, насколько простая, ясная и величавая идея первого превосходила сложные, расплывчатые, заурядные соображения коалиции. Последние были отчасти лишены даже фактической почвы: австрийцы привели в Баварию на одну треть менее предположенного числа войск, а русские имели на Дунае вместо 90 тысяч всего лишь 46 тысяч.

Общая численность русского войска составила около 258 тысяч. Развертывание этих сил на нашей западной границе и цели, указанные разным их частям, были таковы: Подольская армия Кутузова, около 58 тысяч, собиравшаяся у Радзивилова, поступала в распоряжение императора ав-

стрийского; она и назначалась к соединению с австрийскими войсками в долине Дуная. Северная армия Бенигсена, около 48 тысяч, сосредоточивалась на линии Тауроген — Гродно; Волынская армия Буксгевдена, 48 тысяч — у Брест-Литовска и здесь же Литовская армия Эссена 1-го, около 56 тысяч. Названные три армии находились под общей командой Михельсона; цель действия — с согласия прусского правительства или *без* такового согласия, вступить в пределы Пруссии, а затем Буксгевдену и Эссену направиться через Силезию в Богемию, а Бенигсену — на соединение с корпусом графа Толстого.

Десантный корпус графа Толстого, около 19 тысяч, должен высадиться в Стральзунде; угрожая Пруссии, совместно с шведскими войсками и английским десантом, граф Толстой должен был освободить Ганновер от французской оккупации и вместе с армией Бенигсена направиться в Голландию. На о. Корфу было сосредоточено около 17 тысяч войск; из них 12 тысяч Анрепа должны были отплыть в Неаполитанское королевство и поступить здесь, совместно с английскими и неаполитанскими войсками, под начальство Ласси.

Кроме того, резервный корпус Торماسова, 20 тысяч, должен был действовать против Молдавии, а формирующийся с октября резервный корпус Римского-Корсакова, 14 тысяч — против Пруссии.

Из всех мобилизованных Россией войск в боевых столкновениях приняло участие едва 45 %. На севере Германии, где корпус графа Толстого оказался в конце сентября, и в Южной Италии, куда русские войска были перевезены с Корфу к началу ноября, боевых действий, из-за промедления в сосредоточении союзных войск, так и не последовало.

150-тысячное войско, собранное против Пруссии, также не пришлось пустить в дело. Во время марша «великой» армии к Дунаю, один из ее корпусов прошел через прусское владение Аншпах. Бесцеремонное вторжение в пределы прусской территории вызвало в Берлине сильное раздражение, в результате чего даже нерешительный Фридрих Вильгельм сделал распоряжение приступить к мобилизации армии, а главное, со-

гласился пропустить наши войска через свои земли. Чтобы поддержать в берлинском дворе столь благоприятное интересам коалиции настроение, император Александр в октябре отправился в Берлин, надеясь личным своим влиянием побудить прусского короля к союзу против Наполеона. Действительно, 22 октября, по Потсдамскому договору, Пруссия вступила в коалицию, но условно. Колеблющийся Фридрих Вильгельм III, под влиянием своих дипломатов, и на этот раз обратился к полумере. Продолжая приготовления к войне, Пруссия выступила вооруженной посредницей между коалицией и Наполеоном. Хотя события показали, что посредничество привело берлинский кабинет к сближению с Францией, но положение, занятое Пруссией, пока позволило двинуть на помощь Австрии русские войска, сосредоточенные на прусской границе. Армии Буксгевдена и Эссена 1-го направились к Ольмюцу, а Бенигсен вступил в Силезию.

Таким образом, операции русской армии в 1805 г. ограничились походом в Австрию армии Кутузова, к которой в конце кампании присоединились войска Буксгевдена и гвардия из состава Литовской армии. Этот поход был известен в наших войсках под названием «Цесарский поход».

Стягивание русских войск к границам производилось негласно. Русские впервые узнали про заграничный поход из указа от 1 сентября о рекрутском наборе, где цель войны была указана в следующих выражениях: «Безопасность империи нашей, достоинство ее, святость союзов и желание, единственную и непрременную цель нашу составляющее, водворить в Европе на прочных основаниях мир, решили нас двинуть ныне часть войск наших за границу...»

13 августа из Радзивилова выступила Подольская армия, ведомая Кутузовым, одним из самых даровитых боевых генералов екатерининского века, замеченным по своим способностям, уму, образованию еще великой государыней. Русский до мозга костей и в то же время тонкий дипломат, Кутузов отдавал предпочтение осторожности, подчас хитрости, перед стремительностью и порывом. Зрело обдумывал он всякое предприятие, стараясь подчинить расчету каждый свой шаг, отлично разбирался в обстановке, был тверд

и независим в своих решениях, но признавался, что не имел решимости отстаивать свои взгляды лично перед императором Александром, расположением которого он никогда не пользовался.

Путь Кутузова шел через Тешен, Брюнн, Кремс к Брауну на р. Инн. Армия двигалась шестью эшелонами, называвшимися колоннами, коими командовали князь Багратион, Эссен 2-й, Дохтуров, Шепелев, барон Мальтиц и барон Розен. Вследствие неблагоприятных отношений к Турции шестой эшелон был задержан и присоединился к армии уже впоследствии. Эшелоны шли в переходе один от другого, делая в среднем около 20 верст в сутки, с дневками каждые три дня; почти тысячеверстный путь первоначально было рассчитано сделать в 62 дня. Снабжение продовольствием наших войск всецело было предоставлено австрийским властям.

Для командования австрийской армией на Дунае был номинально назначен молодой эрцгерцог Фердинанд; действительным же ее главнокомандующим был генерал-квартирмейстер армии Макк, получивший от императора Франца самые обширные секретные полномочия. Эрцгерцог Карл командовал армией на второстепенном театре в Италии, а эрцгерцог Иоанн — в Тироле.

Вместо того чтобы выжидать присоединения Кутузова, Макк опрометчиво выдвинулся вперед, к р. Иллеру, в Баварию, войска которой, однако, вопреки его расчетам, не присоединились к австрийцам.

Наполеон еще в феврале мог быть осведомленным о замышлявшейся против него коалиции; ему были известны лихорадочные вооружения Австрии и передвижения ее войск к западным границам. Он утвердился в мысли обрушиться на монархию Габсбургов. Еще в августе были посланы для разведок в Баварию, Швабию и даже Зальцбург, под вымышленными именами, опытные генералы — Мюрат, Бертран, Савари. Когда 11 августа Наполеону стало известно о вступлении австрийцев в Баварию, он отдал приказание о движении корпусов своей армии к Рейну. Сосредоточение армии и ее движение производились в строжайшем секрете. Газетам было запрещено писать о передвижениях войск, француз-

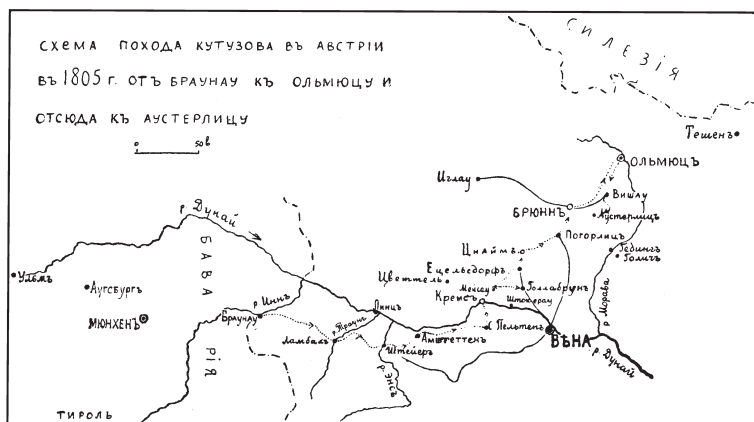
ским резидентам за границей было рекомендовано проявлять сговорчивость и уступчивость; пущен был слух лишь о стягивании 30-тысячного обсервационного корпуса к Германии в качестве меры предосторожности против вооружения Австрии. 14 сентября Наполеон был уже в Страсбурге; зная о рискованном движении Макка к Иллеру, он решил направить главный удар против правого крыла австрийской армии, чтобы, став на ее сообщениях, отрезать ее от русских.

10 сентября в Вене достоверно узнали о выступлении французской армии в поход, и гофкригсрат принял меры к ускорению движения армии Кутузова. Пехота, от Тешена, преодолевала 50—62 версты в сутки — половину перехода пешком, другую — на подводах; запряжка артиллерии удвоена обывательскими лошадьми, норма провианта и фуража увеличена. Но постоянные дожди испортили дороги, и трудное форсированное движение русской армии обошлось ей ценою, по крайней мере, в 6 тысяч больных, оставленных по дороге.

Сбитый с толку искусными демонстрациями Наполеона, Макк, далекий от желания своевременно отступить на соединение с русскими, бросавшийся от одного предвзятого умозрительного решения к другому, после ряда частных поражений позволил Наполеону довести до конца замечательную операцию, результатом которой было окружение, а затем, 8 октября, и пленение австрийской армии под Ульмом. Только незначительной части войск во главе с эрцгерцогом Фердинандом, не разделявшим стратегических измышлений Макка, удалось прорваться в Богемию, да 10-тысячный отряд Кинмайера успел соединиться с Кутузовым на р. Инн.

Направив корпус Нея в Тироль и назначив ему в поддержку идущий из Франции корпус Ожро, Наполеон двинул остальные корпуса к р. Инн, куда и прибыл 16—17 октября. Надо было торопиться покончить с русскими: Пруссия, обиженная за Аншпах, могла взяться за оружие.

Армия Кутузова сосредоточилась у Браунау 10 октября; изнуренная за последние переходы крайне ненастной погодой, почти без обуви у солдат, она была отделена по

Поход М. И. Кутузова в Австрии в 1805 г.

крайней мере 240-верстным расстоянием от Ульма и не имела прочной связи с армией Макка. 11 октября в Браунау явился виновник Ульмской катастрофы — Макк. Кутузов из командующего вспомогательной армией становился главнокомандующим — вершителем судеб австрийской монархии.

В Браунау сосредоточилась 55-тысячная армия, в том числе около 20 тысяч австрийцев графа Мерфельдта; в 3—4 переходах находились 150-тысячные французские войска. Как русский генерал Кутузов должен был стараться сохранить свою армию, дабы при заключении мира, при том или ином исходе войны, не пострадали интересы России, но как предводителю союзных войск ему нельзя было не считаться и с другой целью, вытекавшей из союзных обязательств, — спасти Вену. Ради последнего были немедленно посланы приказания эрцгерцогам Карлу и Иоанну идти на соединение с Кутузовым. Дипломатично и вместе с тем твердо отвергнув не вяжущиеся с выгодами русской армии австрийские предложения, Кутузов, оставляя линию р. Инн, принял решение медленно, задерживая противника, отходить к Вене, сближаясь с подкреплениями из России, Тироля и Италии.

Разрушив мосты на Инне, русская армия 13 октября начала движение к р. Траун, а на одной высоте с нею, к югу, шли австрийские войска Мерфельдта. Уже здесь начал обнаруживаться антагонизм союзников: наши презирали австрийцев, а последние смотрели на русских как на варваров и невежд в военном деле. Но худшим следствием Ульмского погрома были признаки деморализации австрийского правительства, пытавшегося уже открыть переговоры с Наполеоном.

19 октября у Ламбаха, на р. Траун, восемь батальонов Багратиона, оставленные для наблюдения за разрушением моста, имели первое боевое столкновение с неприятелем; около пяти часов русские отбивали атаки и отошли лишь после разрушения моста.

23 октября Кутузов подошел к р. Энс. Здесь последовало из Вены странное распоряжение, которое не могло содействовать улучшению русско-австрийских отношений: с одной стороны, император Франц указывал Кутузову оборонять возможно дольше правый берег Энса, а с другой — австрийским войскам графа Мерфельдта было приказано отходить к Вене. Кутузов, видя полное несоответствие между этими приказами, ни минуты не колебался и, когда Мерфельдт, выбитый французами из Штейера, двинулся, даже не уведомив о том русского главнокомандующего, к Вене, последний отказался от борьбы с неприятелем за переправы через Энс и стал отходить по направлению к Кремсу.

Между тем французские войска появились и за Дунаем. В Линце Наполеон, для прочного обеспечения левого фланга армии со стороны Богемии и ожидаемых русских подкреплений, приказал Мортье сформировать особый корпус для движения по левому берегу Дуная. Сознывая опасное положение этого корпуса, отделенного Дунаем от остальной армии, император организовал из собранных на Дунае и его притоках лодок флотилию для поддержания связи с Мортье.

Оставление Кутузовым линии Энса давало Наполеону повод предполагать, что русский полководец будет оборонять последнюю выгодную перед Венной позицию у С.-Пельтена. Желая добиться при атаке последней более решитель-

ных последствий против ускользавшей до сей поры русской армии, Наполеон приказал главным силам преследовать русских с фронта, а корпусам Даву и Мармона — отбросить от Кутузова войска Мерфельдта и выйти против левого фланга С.-Пельтенской позиции; тогда Мортье перехватил бы кратчайший путь соединения русских с идущими к ним из России подкреплениями.

24 октября произошло два боя, весьма различных по своему характеру и последствиям. В то время, как Даву почти уничтожил австрийские войска Мерфельдта, у Амштетена Мюрат и Удино встретили самое упорное сопротивление арьергарда русской армии под начальством князя Багратиона, поддержанного пехотой Милорадовича; хотя наши в конце боя и отошли, но успех добыт был неприятелем ценой целого ряда отчаянных штыковых свалок.

В С.-Пельтене Кутузов получил сведение о движении корпуса Мортье по левому берегу Дуная и понял, что Наполеон подготавливает ему окружение в то время, как армии эрцгерцогов Карла и Иоанна находятся чуть ли не в 500 верстах от Вены. Ввиду этого он 28 октября перешел Дунай у Маутерна, сжег за собой мост и мог, таким образом, за сильной преградой реки считать себя обеспеченным от ударов французской армии.

Донесение о переправе Кутузова у Маутерна поставило Наполеона в затруднительное положение: искусный маневр русского генерала расстроил его стратегические комбинации, и прозорливому полководцу в то же время стала очевидной степень опасности, которой подвергался корпус Мортье. Первым распоряжением Наполеона была приостановка общего движения к Вене, куда так стремился пылкий Мюрат, но было уже поздно; от опытных старческих глаз Кутузова не ускользнул промах его великого соперника, и наш главнокомандующий, ничем не рискуя, не упустил случая воспользоваться хотя бы частной победой над торжествовавшим доселе противником.

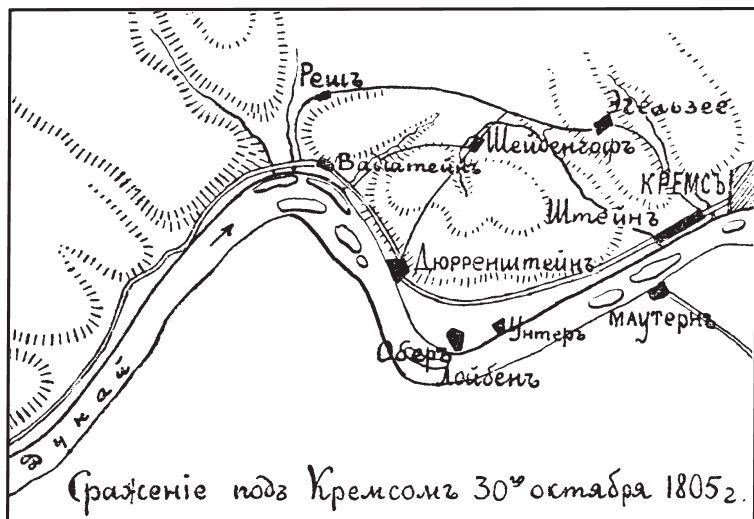
Маршал Мортье вместо того, чтобы уклониться от встречи с русскими, продолжал с дивизией Газана и драгунским полком движение к Штейну; две остальные дивизии его кор-

пуга — Дюпона и Дюмонсо — были сзади в одном переходе. И Кутузову было известно от разведчиков о появлении передовых войск Мортье у Штейна, а лазутчики, кроме того, выяснили и доложили нашему главнокомандующему разброску сил французского корпуса.

Местность, на которой разыгралось сражение у Кремса, или Дюрренштейнский бой, представляет теснину между Дунаем и невысокими, но крутыми отрогами Богемских гор, подходящих во многих местах столь близко к реке, что дорога к Кремсу превращается в узкую выемку в скалах; там, где горы отступают от реки, как между Дюрренштейном и Штейном, и в устьях оврагов, образуются ровные площадки, покрытые виноградниками. Для атаки французов с фронта был назначен авангард Милорадовича, силой шесть батальонов, два эскадрона; главная же атака на левый фланг и в тыл неприятеля поручена была распорядительному Дохтурову, который с 21 батальоном, двумя эскадронами был двинут горами к Эгельзее; остальные войска стали в резерве во главе с самим Кутузовым у Штейна, а князь Багратион с 11 батальонами, 20 эскадронами обеспечивал правый фланг армии к стороне Цветтеля. Несколько батарей расположились на берегу Дуная для обстреливания французской флотилии.

В 2 часа утра 30 октября войска Дохтурова собрались в Эгельзее и, оставив здесь пять батарей с двумя орудиями Штрика, в 5 часов двинулись далее тремя колоннами: две из них, при которых находился Дохтуров, шли через Шейбенгоф к Дюрренштейну и Вадштейну; третья же — Шмидта — шла на Реш, чтобы удерживать Дюпона; первым двум колоннам предстояло сделать всего 3,5 версты, третьей — около 5 верст. Расчеты, что войска Дохтурова закончат движение к 7 часам утра, совершенно не оправдались; колонны наши попали на труднодоступные лесисто-горные тропинки, по которым два человека рядом могли идти с трудом; непрерывный дождь еще более затруднял движение; пришлось оставить в этих теснинах и конницу, и орудия.

Около 8 часов утра дивизия Газана, ночевавшая в Обер-и Унтер-Лойбене, двинулась к Штейну. Постепенно вводя в

Сражение под Кремсом 30 октября 1805 г.

дело всю дивизию и пользуясь превосходством сил, Мортье по горным тропинкам обошел наш авангард и заставил Милорадовича, успевшего занять Унтер-Лойбен, отойти к Штейну. Было 11 часов утра, но Кутузов тщетно ожидал появления Дохтурова в тылу противника. Пришлось поддержать Милорадовича силами из резерва. Не доходя до Штейна, французы, встреченные картечью, были в то же время атакованы слева Бутырским полком, спустившимся с гор от Эгельзее из отряда Штрика. Теперь Мортье убедился, что с одной дивизией ему не одолеть русских; поэтому, приостановив атаки, он ограничился перестрелкой, укрываясь в виноградниках, и послал Дюпону приказание ускорить движение.

Только около 5 часов пополудни спустились с гор давно рвавшиеся в бой передовые войска Дохтурова — 6-й егерский полк и гренадерский батальон Ярославского полка с генерал-майором Уланиусом во главе, — которые выбили французов из Дюрренштейна, перехватив путь отступления Газана. Явившийся следующим, Вятский полк должен был построить фронт в противоположную сторону, так как уже

показались головные части дивизии Дюпона. Очутившись почти в безвыходном положении, Мортье не растерялся: оставив небольшую часть войск против Милорадовича, он бросился с остальными напролом к Дюрренштейну; западнее уже шел упорный бой между колонной Шмидта и войсками Дюпона. Теснота места мешала развертыванию подходивших полков Дохтурова, а темнота — управлению ими; войска сражались по преимуществу врукопашную; на улицах городка резались штыками, бились прикладами. Мортье удалось пробиться через Дюрренштейн; он сам и часть его войск спаслись на лодках через Дунай, остальные пробились вверх по реке. Дивизия Газана потеряла до двух третей своего состава и была до такой степени расстроена, что в продолжение кампании более не вводилась в дело. Трофеями наших войск были пять орудий, штандарт, знамя и до 1500 пленных; успех, однако, достался также недешево. Наполеон назвал 30 октября «днем резни».

Так как 31 октября корпус Мортье перешел на правый берег Дуная, то ближайшим выгодным следствием Дюрренштейнского боя было освобождение армии Кутузова, прикрытой линией Дуная, от непосредственного давления противника и возможность спокойно искать соединения с армией Буксгевдена. В моральном же отношении победа под Кремсом не только освежила дух русских войск после двухнедельного отступления, но и способна была поднять упавшее настроение наших союзников. Первым делом Кутузова после сражения было дать измученным войскам вполне заслуженный ими отдых. Армия расположилась у Кремса; сюда, из России, подошел шестой ее эшелон. Однако оплошность австрийцев лишила русские войска необходимого покоя, а маститому их предводителю готовила новые испытания.

Как только Наполеон выяснил, что итоги Кремского сражения не так уж плохи, как в уме его возникает новая комбинация против Кутузова. Он дает приказ Мюрату с большей частью кавалерии, корпусами Сульта и Ланна, а также гренадерами Удино немедленно занять Вену, овладеть тамошним мостом на Дунае и, направившись к Цнайму, наперерез Кутузову, постараться отрезать последнего от шедших к нему

Александр I

подкреплений; вместе с тем корпусам Бернадота и Мортье было приказано, переправившись через Дунай у Мёлька, преследовать русских с тыла. 1 ноября в Вену вступили Мюрат и Ланн с отрядом гренадер Удино и несколькими взводами гусар. Маршалы, на виду 13-тысячного отряда австрийцев, обманув их басней о заключенном перемирии, овладели мостом.

Весть об этом неожиданном событии дошла до русского полководца в тот же день. Нельзя было медлить ни одной минуты — иначе французы могли предупредить нас на Брюннской дороге. Кутузов, оставив в Кремсе больных и раненых, в ту же ночь выступил оттуда с армией. 2 ноября, после полудня, в Мейсау было получено известие, что авангард Мюрата показался у Штокерау. Чтобы прикрыть справа свой фланговый марш, Кутузов выдвинул боковой авангард силой до 6 тысяч человек под начальством князя Багратиона с приказанием задерживать французов у Обер-Голлабуна до тех пор, пока армия, миновав Ецельсдорф, не выйдет на большую дорогу из Вены через Цнайм к Брюнну. Вместе с Багратионом пошел небольшой кавалерийский отряд австрийцев Ностица.

Не отдохнув после дневного марша, отряд Багратиона шел целую ночь под дождем по проселочным дорогам, среди виноградников и оврагов. Всегда непреклонно исполнительный там, где дело шло о безопасности главных сил, порученных его охранению, князь Багратион и на этот раз сумел окончить чрезвычайно тяжелый ночной переход в возможно короткий срок и к утру 3 ноября был уже с отрядом у Голлабуна. В этот день Мюрат, выступив с конницей и гренадерами Удино из Штокерау, вскоре наткнулся на передовые посты Ностица впереди Обер-Голлабуна, а армия Кутузова, увязая по колено в грязи, достигла утром, после 56-верстного перехода за 36 часов движения, Ецельсдорфа и здесь была остановлена для отдыха.

Мюрат, считая себя достаточно сильным, чтобы с имеющейся у него пехотой атаковать русских, задумал с целью выиграть время и подтянуть сюда Сульта повторить уловку, столь удавшуюся ему при захвате венского моста; он послал

к Багратиону парламентаря с предложением перемирия. Последний отослал переговорщика к Кутузову, который схватился за этот непредвиденный случай и со свойственным ему тонким расчетом воспользовался хитростью Мюрата в свою пользу. Он тотчас отправил к Мюрату для переговоров генерал-адъютанта Винценгероде. «Намерение же мое было, — доносит он государю, — паче всего выиграть время к снисканию средства для спасения армии и успеть отойти от неприятеля». Подписанный проект перемирия был послан на утверждение как Кутузову, так и Наполеону в Вену.

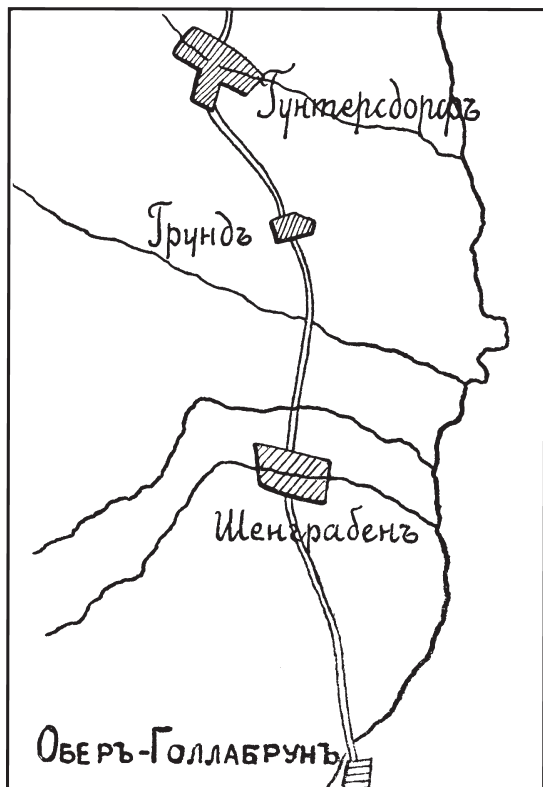
Получив вечером 3 ноября, этот документ, наш главнокомандующий, как он говорит в донесении императору Александру, «удержался ответом на 20 часов, а между тем продолжал отступать и успел отойти от французов два марша». Действительно, 4 ноября армия наша прошла Цнайм, а 5-го утром достигла Погорлица, и кризис потери пути отступления для нее закончился. Собственно говоря, уже 4 ноября первоначальная задача князя Багратиона могла считаться им исполненной. Но русская армия оказывалась в полной безопасности лишь с достижением Погорлицкого перекрестка. Вот почему, ради высшего интереса «спасения армии», Кутузов, желая скрыть свое движение от Ецельсдорфа к Погорлицу, бестрепетно жертвует отрядом князя Багратиона, оставляя его заслоном перед многочисленным противником.

Наполеон был взбешен поступком Мюрата. Отправив последнему категорическое распоряжение о немедленной атаке русских, он сам поскакал к Голлабруну, велел следовать туда же пехотной дивизии Каффарелли и гвардии и приказал выразить свое сильнейшее неудовольствие Бернадоту за его промедление переправой через Дунай и опоздание в преследовании по пятам Кутузова. Мюрат получил ответ Наполеона 4 ноября, после полудня, и под впечатлением выговора, предупредив начальника русского отряда, безотлагательно начал атаку русских, чтобы покончить дело до темноты.

Шеститысячному отряду Багратиона предстоял неравный бой против 30 тысяч — один из самых тяжелых случаев в действиях арьергарда, когда последний все более

и более удаляющимися от него главными силами представлен самому себе. Арьергард Багратиона, его «геройская дружина», состоял из полков: Киевского гренадерского, Азовского и Подольского мушкетерского, 6-го егерского, по одному батальону Новгородского и Нарвского, Павлоградского гусарского, Черниговского драгунского, Донских казачьих — Сысоева 3-го и Ханженкова 1-го и легкой «вакантной» роты 2-го батальона 4-го артиллерийского полка, которую считают родоначальницей 5-й батареи 10-й артиллерийской бригады. Заняв в виде передового пункта егерским полком Шёнграбен, Багратион построил свой отряд в боевой порядок севернее этой деревни; в первой линии стояли киевские гренадеры, азовцы и подольцы, имея впереди в центре артиллерийскую роту, справа — черниговских драгун и слева — павлоградцев; в резерве или второй линии стояли два батальона Новгородского и Нарвского полков; деревня Грунд в тылу была наскоро приведена в оборонительное состояние.

Около 5 часов пополудни загорелся бой; гренадеры Удино, построенные в две колонны, двинулись против центра русских; дивизия Сюше — против их правого фланга и дивизия Леграна — против левого; дивизия Вандамма была в резерве; конница, из-за болотистой местности почти не приняла участия в деле. В самом начале боя наша артиллерия зажгла Шёнграбен, и егеря отошли на главную позицию. Пожар заставил гренадер Удино податься назад, но Сюше обошел правый фланг русской позиции, а Легран достиг селения Грунд. Князь Багратион, вынужденный отступить, направил свою пехоту к Грунду, на улицах которого завязалась рукопашная свалка. Руководство боем в высшей степени затруднялось для Багратиона столпотворением войск на тесном пространстве, а также темнотой; несмотря на это, Багратион, насколько возможно, не выпускал из опытных своих рук управление войсками и с обычным для него спокойствием и хладнокровием не оставлял своими указаниями частных начальников, выказавших здесь кроме храбрости и личную распорядительность.

Шенграбенский бой 4 ноября 1805 г.

Для обеспечения дальнейшего отступления было занято заблаговременно двумя нашими батальонами и казаками селение Гунтерсдорф. При переходе через последнее напор противника при неизбежном замедлении движения сделался сильнее. Солдаты наши либо пробивались штыками, либо пускали в ход хитрость, когда кто-либо из командиров кричал неприятелю по-французски: «Вы стреляете по своим; мы французы!» На высотах позади Гунтерсдорфа около 11 часов французы прекратили атаки, и закончился этот беспримерный бой. По свидетельству

наших историков, отряд Багратиона потерял более трети своего состава и восемь орудий, завязших в грязи, но имел и трофеи в виде знамени и нескольких пленных.

После Шёнграбена дорогое для России имя князя Багратиона повторялось во всех ее уголках. С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях, относящихся к 1805 г., отмечает: «Знаменитый Багратион был нашим любимцем...» И для потомков Шёнграбенский бой представляет собой одну из наиболее ярких страниц среди деяний Багратиона, личным дарованием которого вверенный ему отряд во многом обязан своим спасением из трагического тактического положения, выпавшего на его долю во имя взаимной выручки русской армии.

6 ноября Багратион присоединился к Кутузову в Погорлице, где тот встретил «князя Петра», как он называл Багратиона, словами: «О потере не спрашиваю; ты жив — этого довольно!» 7 ноября в Вишау произошло соединение Кутузова с 27-тысячной армией Буксгевдена; соединенные русско-австрийские силы отошли к Ольмюцу, где и расположились на квартирах.

Поход от Браунау к Ольмюцу представляет собой операцию, свидетельствующую в самом положительном смысле о военном таланте Кутузова. На протяжении почти 400 верст, при крайне неблагоприятных погодных условиях, под непосредственным преследованием противника, русский главнокомандующий, хитроумно распутывая смелые стратегические замыслы Наполеона и ловко обходя подводные камни союзнических отношений, не только выводит в сохранности свою армию из-под ударов неприятеля, но еще и находит случай довольно чувствительно пощипать последнего под Кремсом.

Впервые, после выхода из Булонского лагеря, Наполеон дал отдых своей утомленной армии. «Великая» армия с углублением в Моравию, по мере разрастания тыла и усложнения обстановки, таяла. Надо было иметь заслон против соединившихся 14 ноября эрцгерцогов Карла и Иоанна, наблюдать за Венгрией и Богемией, заняться устройством новой, более короткой коммуникационной линии от Брюнна

на Иглау через Богемию к Рейну. Все эти меры привели к неизбежной разброске войск, и в последний период кампании для ведения активных операций он располагал силами, уступающими силам своих противников.

Наступил резкий перелом в ходе кампании.

Главные армии воюющих сторон стояли неподвижно около Ольмюца и Брюнна, имея передовые посты в расстоянии одного перехода друг от друга.

С прибытием русской гвардии сила союзной армии возросла до 86 тысяч; в числе которых было около 15 тысяч слабо подготовленных австрийцев. Собранная с квартир армия стояла лагерем к югу от Ольмюца на сильной Ольшанской позиции. Материальное положение союзных войск было незавидным: чувствовался недостаток продовольствия, что усугублялось ужасной погодой; очевидец, граф П. А. Строганов, выражается сдержанно о степени этого недостатка, но авторитетные документы того времени определяют его как голод, причиной которого стала нераспорядительность австрийского правительства, не ожидавшего перенесения военных действий в Моравию. Наполеон имел у Брюнна около 50 тысяч войск; он мог усилить их через 2—3 дня до 73 тысяч, притянув корпус Бернадота и часть корпуса Даву. Французские войска, стоявшие на квартирах, были изобильно снабжены продовольствием благодаря реквизициям и контрибуции, наложенной на жителей занятых австрийских областей.

Исследователи кампании 1805 г. почти единогласно признают, что единственно правильным, целесообразным способом действий в этот период было терпеливое выжидание. Через несколько недель, с прибытием войск эрцгерцога Карла, Иоанна и Фердинанда, союзные силы удваивались; содействие Пруссии могло утроить силы коалиции. Лучшие русские генералы, с Кутузовым во главе, придерживались этих же соображений, зная из свежего опыта, что с полководческим гением Наполеона можно справиться лишь при безусловно подавляющем числе войск.

К сожалению, с прибытием в Ольмюц императоров Александра и Франца воинственные инстинкты молодых приближенных русского государя одержали верх над мнением опыт-

ных военных. Эти самонадеянные люди создали в императорской главной квартире излишне самоуверенное настроение, которого неохотно выслушиваемый Кутузов не поборол. К тому же их поддерживали и австрийцы; сознавая свое бессилие, австрийское правительство желало скорейшей развязки войны, и притом какой бы то ни было ценой. Фактически власть над армией ускользнула из рук Кутузова, и непосредственным руководителем операции сделался генерал-квартирмейстер его штаба Вейротер, сумевший, несмотря на свою бездарность, втереться в доверие к Александру.

12 ноября на военном совете было решено перейти в общее наступление против французов. Постановление совета развязывало руки Наполеону — для него отсрочка решительного столкновения грозила дурными последствиями. Его не могло не беспокоить двусмысленное поведение Пруссии; недостаточность сил не позволяла ему обрушиться на Ольшанскую позицию; он знал, что через 2—3 недели перевес в силах перейдет бесповоротно на сторону союзников. Надо было притворной уклончивостью увлечь их до того места, которое было наиболее выгодно для принятия боя французской армией.

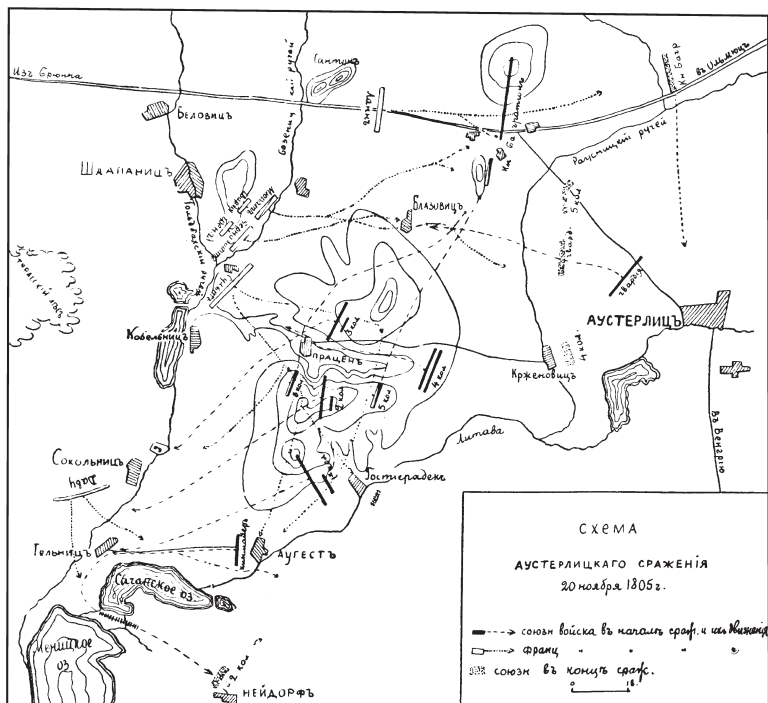
15 ноября союзная армия двинулась из Ольшанского лагеря в пяти колоннах, причем центральная следовала по большой дороге из Ольмюца в Брюнн. На следующий день кавалерия союзников выбила небольшой конный отряд из Вишау. Было вообще замечено повсюду отступление неприятельских частей. Послав Даву и Бернадоту приказание спешить на соединение с армией, Наполеон, для выигрыша времени послал к императору Александру генерала Савари с просьбой свидания с русским государем. В ответ к Наполеону был отправлен генерал-адъютант князь Долгорукий. Последний держался с императором французов соответствующим посланцу русского монарха достоинством, но привез малодостоверные сведения о царящем во французских войсках унынии; нелишне при этом заметить, что свидание Наполеона с Долгоруким происходило во французской аванпостной цепи. Миссия князя Долгорукова окончательно закрепила намерение атаковать Наполеона. Вей-

ротер, не имевший определенных сведений о силе противника и его расположении, вознамерился захватить потерявший уже значение путь отступления французской армии на Вену, ударив в ее правый фланг.

Вместо того чтобы идти к намеченной цели прямым путем на Брюнн, сочли необходимым нацелить армию по всем правилам линейной тактики, и 17 ноября союзная армия сошла с большой дороги влево; по невылазной грязи проселочных дорог она сделала опасное фланговое движение, пройдя за три дня 35—40 верст. Этот марш, совершенный чуть ли не на виду французской армии, лучше всякой измены обнаружил намерения Вейротера. Выжидая неподвижно за Гольдбахским ручьем, Наполеон таил замысел в удобную минуту выйти из-за Гольдбаха и самому ударить по союзникам.

Поле Аустерлицкого сражения представляет открытое холмистое пространство, подходящее, севернее большой Брюннской дороги, к лесистым отрогам Моравских гор; на западе оно окаймляется Гольдбахским ручьем, впадающим в Меницкое озеро; последнее вместе с озером Сачанским, р. Литавой и Раусницким ручьем ограничивают поле с юга и востока. Среди холмов над всей окружающей местностью выделяются Праценские высоты, разделенные оврагом, где лежит селение Працен, на две группы: северную и южную. Ряд селений: Тельниц, Сокольниц, Кобельниц, Шлапаниц, Беловиц, расположенных в довольно глубокой долине болотистого Гольдбаха, засаженного деревьями, заключают трудноодолимые теснины в виде плотин и мостов. Глинистая почва при оттепели, случившейся в день сражения, была вязкой, хотя в то же время на озерах держался все-таки слой льда.

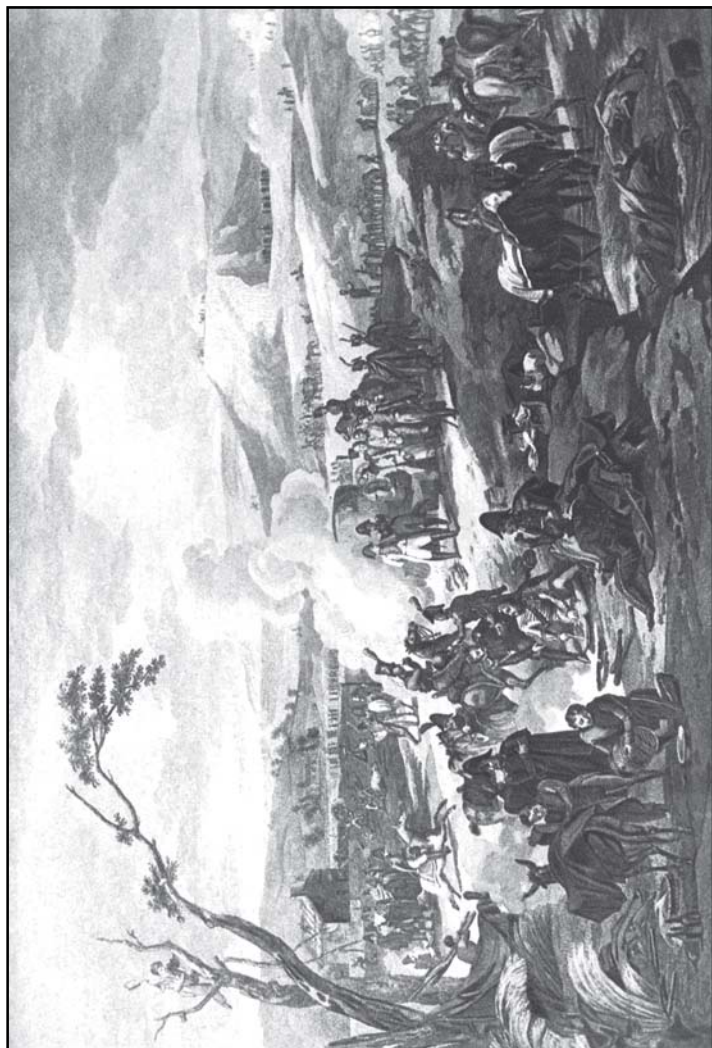
19 ноября союзная армия подошла к полю сражения и расположилась на ночлег в окрестностях Аустерлица. Австрийский авангард Кинмайера — впереди Аугеста; 1-я колонна Дохтурова — 25 батальонов — между Аугестом и Гостиерадеком; 2-я колонна Ланжерона — 18 батальонов — и 3-я Пржибышевского — 17 батальонов — на Праценских высотах; 4-я Колловрата — 27 батальонов — за 3-й; 5-я князя

Аустерлицкое сражение 20 ноября 1805 г.

Лихтенштейна — 57 эскадронов — частью впереди 2-й, частью левее 4-й; авангард князя Багратиона — 12 батальонов, 35 эскадронов — на большой Брюннской дороге; гвардия — 10 батальонов, 20 эскадронов, последний эшелон которой еще только двигался к Аустерлицу, бивакировала северо-западнее этого городка.

Вейротер изготовил диспозицию для атаки противника. Напрасно Кутузов возражал, что диспозиция должна быть составлена лишь после тщательного изучения положения неприятеля. Поздно вечером она удостоилась утверждения, а после 11 часов ночи была прочитана по-немецки Вейротером начальникам колонн, собранным к Кутузову в Крженовиц. Согласно этому, местами малопонятному, документу,

Утро Аустерлицкого сражения (с картины Норье)

для главной атаки назначалось левое крыло под начальством графа Буксгевдена, состоявшее из 1, 2-й и 3-й колонн — почти половина всех сил; первоначальной целью действий указывалось форсирование Гольдбаха на участке Тельниц—Сокольников; далее же предreshался 10-верстный обход правого фланга неприятеля до линии Шлапаниц—Турасский лес, находящейся в глубине неприятельского расположения; правое крыло армии князя Багратиона с присоединенной к нему 5-й колонной должно было держаться оборонительно и служить осью захождения для левого; 4-я колонна, при которой находился Кутузов, составляла в центре связь между крыльями, а отчасти и правый фланг главной атаки; относительно слабый резерв — гвардия великого князя Константина Павловича — был подкреплением правого крыла. Таким образом, устремляя главный удар в лишенный какого-либо значения правый фланг неприятеля, Вейротер растягивал верст на двенадцать фронт союзной армии, ослабляя ее центр и совершенно игнорируя возможность контратаки со стороны Наполеона. Войска получили неуклюжий русский перевод диспозиции чуть ли не в момент выступления с биваков.

Наполеон основал свой простой план предстоящего сражения на прорыве растянутого расположения союзников захватом Праценских высот. Накануне сражения он лично объяснил маршалам цели и задачи, возлагаемые на каждого из них в бою, а рано утром в день сражения дал им окончательные приказания. На правом фланге Наполеон полагал ограничиться пассивной обороной Гольдбахского ручья; нанесение главного удара на Праценские высоты было поручено корпусам Сульта и Бернадота с кавалерией Мюрата, резервом за ними служили гренадеры Удино и гвардия; корпус Сульта был еще ночью переведен на левый берег Гольдбаха; наконец, корпусу Ланна, на левом фланге, было приказано наступать против Багратиона. Для прочного обеспечения левого фланга, от которого отходил путь отступления на Брюнн, была укреплена и вооружена 18 орудиями высота Сантон, а занимавшему ее полку было приказано обороняться до последнего оставшегося в живых бойца.

Около 7 часов 20 ноября началось наступление союзников. Первыми вступили в дело три колонны Буксгевдена, которые отгеснили за Гольдбах французов, удержавшихся, однако, с прибытием Даву на высотах за ручьем.

Наполеон с восходом солнца уже стоял на Шлапаницкой высоте, окруженный маршалами и штабом; он наблюдал, как постепенно вершины Праценских высот, выступавшие из густого тумана, застилавшего все лощины, все более и более очищались от русских колонн, спускавшихся к Гольдбаху. Пехотные дивизии С.-Илера и Вандамма в полной готовности стояли у подножия высот, на которых должна была решиться участь дня. А на последних становилась в ружье и готовилась к выступлению 4-я колонна, при которой уже находился Кутузов. Один из бригадных командиров этой колонны, Берг, рассказывает, что он только в минуту подъема с бивака узнал о предстоящем сражении и что у людей даже не были заряжены ружья. Военный глазомер Кутузова сразу оценил важное значение командующих Праценских высот, и русский главнокомандующий медлил покинуть этот тактический ключ поля сражения. Подъехавший сюда со свитой Александр был удивлен, что здесь, в присутствии самого главнокомандующего, нарушена диспозиция. Государь, слегка упрекнув в этом Кутузова, приказал выступать, и около 9 часов авангард колонны, состоящий из двух батальонов Новгородского и батальона Апшеронского полков, сопровождаемый Милорадовичем, тронулся.

Низы были все еще застланы сплошным туманом; шли, как утверждает Ланжерон, без всякого охранения. Поэтому нельзя и удивляться, что головные наши батальоны по выходе из д. Працен были чуть ли не в упор встречены сильнейшим огнем передовых частей дивизии С.-Илера. Кутузов доносил впоследствии, что новгородцы «не держались нимало» и повернули назад. От безотчетной паники, как следствия внезапности неприятельской атаки, как известно, не застрахованы самые лучшие войска. Тем не менее благодаря распорядительности самого Кутузова, раненного при этом, и Милорадовича удалось водворить некоторый порядок.

Правее Працена, против Вандамма, построилась наша пехота, а левее — против дивизии С.-Илера — слабые батальоны австрийцев. Но колонны и С.-Илера, и особенно Вандамма неудержимо продвигались вперед, невзирая на отчаянные контратаки нашей пехоты, воодушевляемой Милорадовичем и дравшейся на глазах своего государя. Из удалившихся войск Буксгевдена связь с центром случайно сохранил Ланжерон благодаря тому, что, задержанная при выступлении кавалерией Лихтенштейна, его колонна растянулась и оказавшаяся в ее хвосте бригада графа Каменского 2-го могла быть направлена во фланг дивизии С.-Илера. Однако прибытие свежей бригады, как и вообще все усилия названных войск, не могли остановить французов; около 11 часов дня император Александр приказал начать отступление.

В эту-то минуту исход Аустерлицкого сражения и был решен не в пользу союзников. Исправить ошибку, т. е. отобрать у французов Праценские высоты, нельзя было при помощи войск цесаревича и Багратиона, имевших против себя корпуса Бернадота и Ланна со всей кавалерией Мюрата. «Спасение для союзников могло заключаться в том, — говорится в «Истории кавалергардов», — если бы Буксгевден сообразил, что такое происходит в центре армии, понял бы, что против его трех корпусов у французов не может быть столько же войск, и, оставив одну из своих колонн против Даву, повернул бы остальные две на выручку своего центра. Но Буксгевден, будучи человеком весьма храбрым, был... человек надменный, упрямый и не одаренный способностями, самолюбивый, обидчивый, педант-немец, считавший, что раз он точно исполняет букву диспозиции, то ставит себя вне ответственности...»

Так, говоря словами той же «Истории», и случилось то, что в то время, как союзники были заняты «маршированием» по вейротеровской диспозиции, орлы наполеоновских полков через туман, расстилавшийся над Гольдбахом, перенеслись на освещенные «аустерлицким» солнцем высоты Працена и в этой одной точке оказались властителями всего обширного Аустерлицкого поля сражения.

Цесаревич Константин Павлович

Гвардия, под командованием цесаревича Константина Павловича, построилась в боевой порядок, заняв двумя батальонами д. Блазовиц. Около 9 часов утра, однако, эти батальоны были вытеснены из селения, но на французов лихо бросились в атаку лейб-улань, шедшие в голове приближавшейся слева 5-й колонны. Попытка цесаревича двинуться к Працену не удалась, приведя к довольно жесто-

ченными схватками с пехотными дивизиями Вандамма и Риво, причем наша конная гвардия во время атаки на пехоту Вандамма отбила орла 4-го линейного полка и пронеслась до холма, на котором стоял Наполеон, вырученный из опасности контратакой своих мамелюков. Цесаревич начал отступать к Аустерлицу и приказал только что подошедшим кавалергардскому полку и лейб-казакам прикрыть переход своей пехоты через ручей. Против кавалергардов пущена была последняя часть гвардейской кавалерии Наполеона; конноартиллерийская рота полковника - Костенецкого отходила отстреливаясь; французы не решились преследовать нашу гвардию по эту сторону Раусницкого ручья.

На правом крыле князь Багратион под давлением сомнений, возникших в нем после прочтения диспозиции Вейротера, неохотно вел бой. Когда гвардия и кавалерия Лихтенштейна отошли за Раусницкий ручей и Ланн начал обходить с левого фланга наши войска, Багратион шаг за шагом, с обычным для него хладнокровием, стал отходить к Аустерлицу.

С захватом Праценских высот неприятель очутился в тылу войск Буксгевдена. Наполеон, приказав Даву перейти в наступление, направил во фланг и тыл левого крыла союзной армии большую часть корпуса Сульта, поддержанную гренадерами и гвардией. Буксгевден получил приказание отступать, посланное ему Кутузовым одновременно с оставлением последним Праценских высот, но исполнение этого приказа со стороны командующего левым крылом последовало только около часа пополудни, когда французы уже двинулись в тыл 2-й и 3-й колонн, в чем главным образом и надо видеть причину того, что Аустерлицкое поражение приняло для союзников характер бедствия. Колонна Пржибышевского, окруженная неприятелем, была почти уничтожена; колоннам же Дохтурова и Ланжерона удалось начать отступление. У Аугеста успели перейти через Литаву лишь два батальона Буксгевдена и Ланжерона.

Поломка моста и захват селения дивизией Вандамма заставил остальные войска союзников, под умелым ру-

Сражение при Аустерлице

ководством храброго Дохтурова, оказавшегося здесь старшим, повернуть и искать пути отступления через теснины между озерами. Хладнокровие Дохтурова, а также мужество Новоингерманландского полка способствовали успехам в трудном деле движения по узким гатям, хотя поломка мостов и взрыв зарядного ящика сильно затрудняли последнее. Когда же гвардейская артиллерия Наполеона с высот у Аугеста стала громить столпившиеся на плотинах войска, то люди с орудиями бросились на лед Сачанского озера; последний стал проваливаться, и озеро поглотило людей, лошадей, пушки... Остатки колонн Дохтурова и Ланжерона ночью достигли Нейдорфа.

Союзники потеряли под Аустерлицем до 27 тысяч человек и свыше 150 орудий; потеря французов показывается по-разному — от 8 до 12 тысяч, число русских знамен, утраченных в сражении, доводимое историками до 30, должно быть, на основании сведений наших архивов, сокращено до 2—3, остальные были спасены солдатами.

Наполеон считал Аустерлицкое сражение одним из лучших в ряду им разыгранных; здесь, как он говорил, шансы успеха были наименее сомнительны. Наоборот, в отношении союзников оно метко названо Бюловым «странным событием». В истории же военного искусства сражение под Аустерлицем всегда будет служить примером, в котором ярко противопоставляются: единоначалие — многоначалию, исключительно реальные основы в замысле сражения у Наполеона — догадкам и предвзятым идеям

Императрица Елизавета
Алексеевна (с портрета
В. Л. Боровиковского)

Вейротера, простота сильного внезапного удара на решительную точку — расплывчатой, бессвязной атаке на 12-верстовом фронте, твердое управление боем — необъединенным усилиям частных начальников, короче, обдуманное до возможных пределов человеческого предвидения сражение — с одной стороны, и случайный, неизбежно хаотического характера бой — с другой.

21 ноября союзная армия собралась в Чейче, 22-го она прикрылась р. Моравой и достигла Голича. Надобности в преследовании ее не оказалось: было заключено перемирие с условием, что русская армия покинет австрийские пределы. Император Александр, не разделяя взгляда своего союзника на безнадежность положения, тем не менее повелел своей армии немедленно идти через Кашау, Эпериеш, Львов к Радзивилову, куда она и прибыла 26 декабря.

Коалиция рушилась... Ближайшим следствием этого у нас было сильнейшее и справедливое раздражение против австрийцев. Императрица Елизавета Алексеевна в письмах к своей матери называет их «трусами, предателями»; считает, что слово «австриец» омерзительно звучит для всякого русского...

Кампания 1806/07 г.

Отношения Пруссии и Франции ♦ Начало войны ♦ Осенний поход русской армии: Пултуск и Гольмин ♦ Зимний поход: Прейсиш-Эйлау
♦ Весенний поход: Фридланд ♦ Тильзитский мир

Из держав третьей коалиции удар, разразившийся при Аустерлице, обрушился главным образом на Австрию. Что касается России, то Аустерлиц был лишь облаком, слегка затмившим славу русского оружия, но облако это быстро рассеялось. Англия даже еще более упрочила свое господство на морях, уничтожив французский флот у Трафальгара. Но зато ореол Аустерлицкой победы сообщил и властительной политике Наполеона еще более гигантский размах. Летом 1806 г. Лагарп пишет императору Александру о Наполеоне: «Ваш неприятель никогда не откажется искренно от

своих гигантских видов; он слишком подался вперед, чтобы отступить... Когда... у него все готово... он устремляется с быстротою молнии...» На этот раз объектом воинственного устремления Наполеона оказалась Пруссия, увлекшая Россию в новую борьбу с Францией.

Пруссия не только не настояла на своих требованиях, посланных Наполеону в ноябре 1805 г., но и пришла к неожиданному результату — заключению между ею и Францией союза, в «залог» которого берлинский двор получил Ганновер — опасный дар, могущий лишить Пруссию в случае нужды поддержки Англии. В июне 1806 г., из южногерманских государств был образован Рейнский союз — полувассальная Франции федерация, дававшая в распоряжение Наполеона до 60 тысяч войск. Создание Рейнского союза ставило Пруссию в беспомощное положение, особенно, если принять во внимание, что «великая» армия после австрийского похода продолжала занимать южную Германию, висела дамокловым мечом над юго-западными областями Пруссии.

Тогда, в защиту непрерывно попираемого Наполеоном достоинства монархии Гогенцоллернов, в недрах последней поднялась волна патриотического воодушевления, которая в конце концов заставила вялого и упрямого Фридриха Вильгельма III расстаться с сомнительно выгодной, но бесспорно унижительной политикой пресловутого нейтралитета. Подъем воинственных страстей населения был так велик, что, сделав неизбежной войну с Францией, он толкнул Пруссию на опрометчивый шаг — начать военные действия ранее, чем она могла заручиться фактическим содействием России, единственной державы, куда только и мог обратиться за помощью прусский король.

На подготовку к походу русской армии, однако, требовалось не менее трех месяцев, и русские войска могли прийти в Пруссию никак не ранее ноября.

В конце июля 1806 г. в Берлине было получено известие о намерении Наполеона отнять Ганновер у Пруссии и, с целью дать удовлетворительное для Франции направление переговоров о мире с Англией, возвратить названную область

английскому королю. Весть эта переполнила чашу терпения, и 28 июля Фридрих Вильгельм приказал поставить армию на военное положение. Отправка 13 сентября к Наполеону требования о выводе французских войск из Южной Германии ускорила развязку ко вреду пруссаков. В ответ на вызывающий шаг Наполеон, не любивший выпускать инициативу из своих рук, двинул к р. Заале стоявшие наготове в долине Майна семь корпусов, кавалерию Мюрата, гвардию и баварские войска, всего 190 тысяч. Великий полководец полагал, что прусская армия представляет собой весьма серьезного противника, но, как показали события, он преувеличил боеспособность пруссаков. Прусская армия и вообще вся военная система Пруссии мертвенно застыли в формах, завещанных Фридрихом Великим; прусские войска во многом отстали от требований времени; победы Суворова и Наполеона не возбудили здесь даже любопытства; самонадеянность прусского офицерства не имела пределов; генералы были дряхлы; еще существовали такие пережитки старины, как вербовка, палочная дисциплина.

В один и тот же день, 2 октября, на двух смежных полях сражений, под Йеной и Ауэрштедтом, прусская армия была разгромлена французами. Наполеон начал тотчас энергичное преследование. Веденное быстро, непрерывно, неотвязчиво до берегов Балтийского моря, оно сокрушило военное могущество Пруссии. Насколько силен был воинственный азарт перед войной, настолько же был велик всеобщий упадок нравственных сил в прусских войсках теперь; победоносный марш великой армии через всю Пруссию сопровождался позорными капитуляциями сильных прусских отрядов, целым рядом постыдных, почти без сопротивления, сдач крепостей перед незначительными французскими силами. От этого погрома у прусского правительства уцелели лишь около 15 тысяч полевых войск и несколько крепостей по Одере и Висле. Вот при каких обстоятельствах 22 октября 1806 г. первые русские войска, назначаемые в помощь Пруссии, перешли нашу границу у Гродно.

Для предстоящей кампании против Наполеона у нас было мобилизовано около 120 тысяч солдат, которые и составили

так называемую заграничную армию; большего числа не желали и в Берлине, опасаясь затруднений в продовольствии армии на театре войны. После полного поражения пруссаков неприятель мог угрожать границам России, и явилась необходимость обратиться к мере чрезвычайной — созыву временного ополчения, или милиции: 18 так называемых батальонов милиции приняли участие в весеннем походе 1807 г., а около 250 тысяч ополченцев были оставлены на службе в качестве запаса действующей армии.

Поход 1805 г. не остался без влияния на усовершенствование русских войск; немного, сделанное в этом направлении, не могло, за краткостью времени, прочно укорениться в армии, но, во всяком случае, было свежей струей в деле боевого устройства войск. Учреждением постоянных дивизий раз навсегда было покончено в нашей армии с импровизированными высшими войсковыми соединениями, присущими организации войск в XVIII в. и страдавшими отсутствием достаточной внутренней спайки между отдельными частями. Дивизии имели разнообразную силу — среднюю 1060 штыков, 2700 сабель, 54 полевых орудия, — но заключали в себе все рода войск: примерно 6—7 пехотных полков, 4—5 кавалерийских полков с казаками, 4—6 рот батареейной, или тяжелой, легкой и конной артиллерии, пионерскую роту. Полевая артиллерия взамен батальонов и полков была переформирована в бригады; к каждой дивизии назначалась своя артиллерийская бригада, чем достигалась осознанная по необходимости органическая связь между пехотой и артиллерией.

В кампании 1806/07 г. наша артиллерия явила своими действиями образцы рационального употребления этого рода оружия в бою. Наши артиллерийские роты своей искусной стрельбой, подвижностью, массовым расположением орудий на позиции нередко влияли самым чувствительным образом на ход сражения. Массирование артиллерии, как известно, впоследствии стало излюбленным приемом у Наполеона. Конница не отставала на полях сражения от блестящих примеров кампании 1805 г.; в войну 1806/07 г. она проявила себя, кроме того, действиями малой войны. В тяжелые походы 1806/07 г., когда Наполеон испытал первые

неудачи, русская пехота обнаружила то же высокое напряжение упорства и стойкости в бою, с которыми французы уже были знакомы.

Заграничная армия состояла из двух вспомогательных корпусов: один, силой до 60 тысяч, в составе четырех дивизий, под начальством Бенигсена, и другой — около 40 тысяч, также из четырех дивизий, — под командой графа Буксгевдена; последний корпус, составленный из войск, пострадавших под Аустерлицем, изготовился к походу недели на три позже первого. Кроме того, у Брест-Литовска собирался корпус Эссена 1-го, около 22 тысяч, в составе двух дивизий.

Главнокомандующим был назначен престарелый фельдмаршал граф Каменский, с боевой репутацией, утвердившейся в екатерининскую эпоху, и тогда же омрачивший свою карьеру крутостью и даже жестокостью своего нрава. Каменский, выбранный под давлением Москвы, не оправдал возлагавшихся на него надежд: за 10-летнее пребывание в отставке фельдмаршал отстал от службы, а годы сделали свою разрушительную работу над его моральными и физическими силами.

«...Ничего не вижу; ездить верхом почти не могу... мест на ландкартах отыскивать совсем не могу, а земли не знаю... малейшую часть переписки, в шести бумагах состоящую... долго выдерживать не могу. Подписываю, не знаю что», — доносил государю граф Каменский. Фельдмаршал страдал довольно обычным недостатком старости — недоверчивостью; отсюда занятия вроде самоличного отправления пакетов, собственноручного составления ничего не значащих бумаг и т. п. Бессильный в соображениях, составлявших обязательный для него как главнокомандующего круг деятельности, Каменский за семидневное свое пребывание при армии внес большую путаницу в распоряжения главной квартиры.

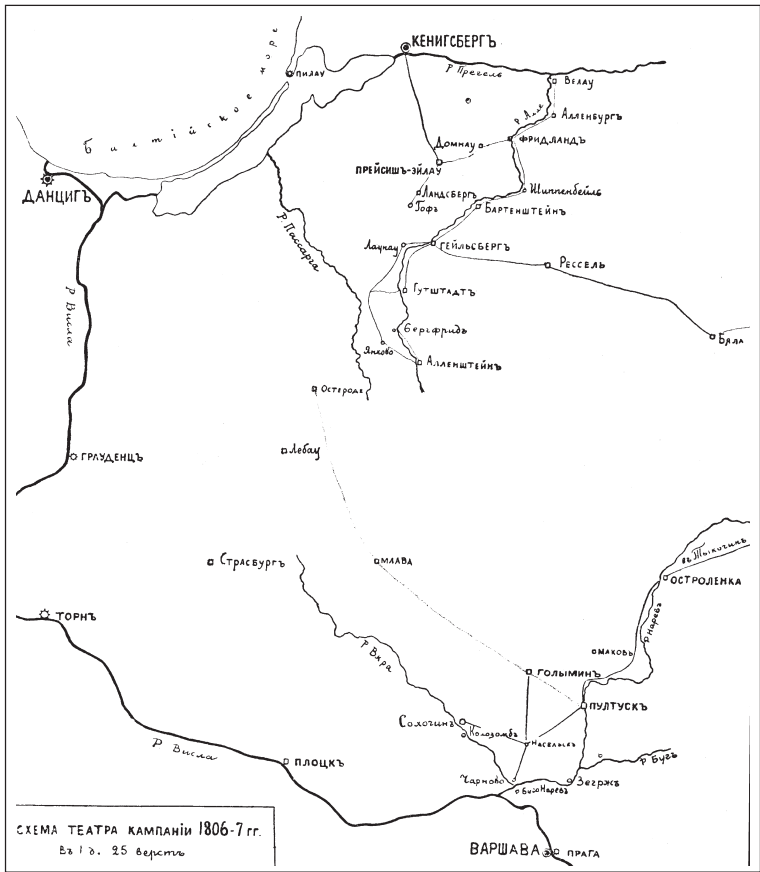
Театром действий для русской армии в 1806/07 г. служили провинция Восточная Пруссия, а также пространство между Вислой, Наревом и германской границей. Южная часть театра, где произошли осенние операции, — бедная страна, с труднопроходимыми лесами, с малым числом дорог, на которых осенью, вследствие невылазной грязи, застревали

артиллерия и обозы. В северной части театра — районе зимнего и весеннего походов — дорог больше, и они в лучшем состоянии. Важнейшим пунктом был Кёнигсберг.

До прибытия графа Каменского Бенигсен распоряжался самостоятельно; ему был подчинен 14-тысячный корпус прусских войск Лестока; крепости Данциг, Грауденц, Торн, Пилау были заняты особыми прусскими гарнизонами. Было решено попытаться задержать наступление Наполеона на линии р. Вислы, для чего Бенигсен, расположив свои главные силы в Пултуске, выдвинул к Висле передовые отряды: Седморацкого — к предместью Варшавы, Праге; Баркляеде-Толли — к Плоцку, и Лестока — к Торну. Против 74-тысячных русско-прусских войск, растянутых на 350 верст, Наполеон сначала двинул группу корпусов в 80 тысяч, а затем, с подходом прочих, вторую — также в 80 тысяч. Но 19 ноября, когда корпус Буксгевдена приближался к Остроленке, русские из-за оплошности Седморацкого, очистившего без единого выстрела Прагу, потеряли линию Вислы.

Передовые корпуса французской армии Даву и Ланна утвердились на правом ее берегу; около того же времени Ней овладел переправами у Торна, а Сульт и Ожро готовились к переправе у Плоцка. Усилив мостовыми укреплениями переправы, Наполеон создал из Вислы исходную базу для своих операций; тогда же он стал манить поляков возрождением их независимости и воспользовался вновь набранными польскими войсками для занятия сильных тет-де-понов на Висле. Организовав основу для предстоящих действий, он, пользуясь разобщенным положением русских и пруссаков, поставил себе задачей: левым крылом армии — группой войск Бернадота, ударив в промежуток Торн—Страсбург, отделить пруссаков от русских; правой же группой, под своим личным начальством, обойти русских слева и, захватив переправу у Пултуска, припереть их к р. Нарев.

Бенигсен, в свою очередь, лишившись Вислы, предполагал собрать свои силы у Пултуска и склонил Буксгевдена сблизить сюда же и его корпус. 7 декабря вступил в командование армией граф Каменский. Он тотчас же нарушил целесообразные расчеты Бенигсена, заменив планируемое

Театр военных действий кампании 1806—1807 гг.

последним сосредоточенное расположение у Пултуска кордоном дивизий по р. Вкре. Двинув корпус Бенигсена к этой реке, фельдмаршал направил правее, через Маков и Голымин, две дивизии из корпуса Буксгевдена; другие же две дивизии этого корпуса были стянуты левее, к Попову, для обеспечения связи с корпусом Эссена 1-го, которому было приказано выступить из Бреста на соединение с армией.

Невзирая, однако, на столь малоискусные распоряжения Каменского, Наполеону не удалось нанести русской армии задуманного им удара.

11 декабря были атакованы французами авангарды корпуса Бенигсена на р. Вкре: Баркляя-де-Толли — у Сохочина и Колозомба и графа Остермана-Толстого — у Чарнова.

Авангард Баркляя-де-Толли подвергся атаке корпуса Ожро. Уступая в силах противнику, войска наши трижды останавливали попытку французов перейти реку; Барклай приказал начать отступление только тогда, когда был замечен обход неприятеля слева.

Не менее упорно защищал в тот же день переправу у Чарнова и граф Остерман, имевший до 5 тысяч воинов. Ему пришлось отбиваться от корпуса Даву, усиленного затем войсками Ланна, гвардией и кавалерией Мюрата, руководимых самим Наполеоном. Даву еще ранее успел навести мосты на Вкре и Нареве, а главное, занять остров в устье Вкры, что сокращало переправу через реку. Не будучи в состоянии сбить Даву с правого берега реки, Остерман решился зато возможно более затруднить выход французов на левый берег; он занял сильную позицию на возвышенностях, правый фланг которой обеспечивался Вкрой, у Помеховского моста, а левый — Наревом, у Чарнова. Позиция имела несоразмерное силам Остермана протяжение по фронту, около 3 верст, и требовала для своей обороны особой стойкости войск. Наполеон, произведя разведку, повел главную атаку дивизией Морана на Чарново, а в то же время дивизия Гюденя вела демонстративную — на Помехово. В сумерки французы частью по мосту, частью на лодках и паромках начали переправу. Три атаки противника на нашу позицию были отбиты картечью и штыками. «Никогда ночной бой не был разыгран в таком порядке, с такой точностью и смелостью [как под Чарновом]», — пишет про наши войска даже далеко не расположенный к русским Тьер¹. Остерман, узнав от пленных, что против него сосредоточены почти в восемь раз боль-

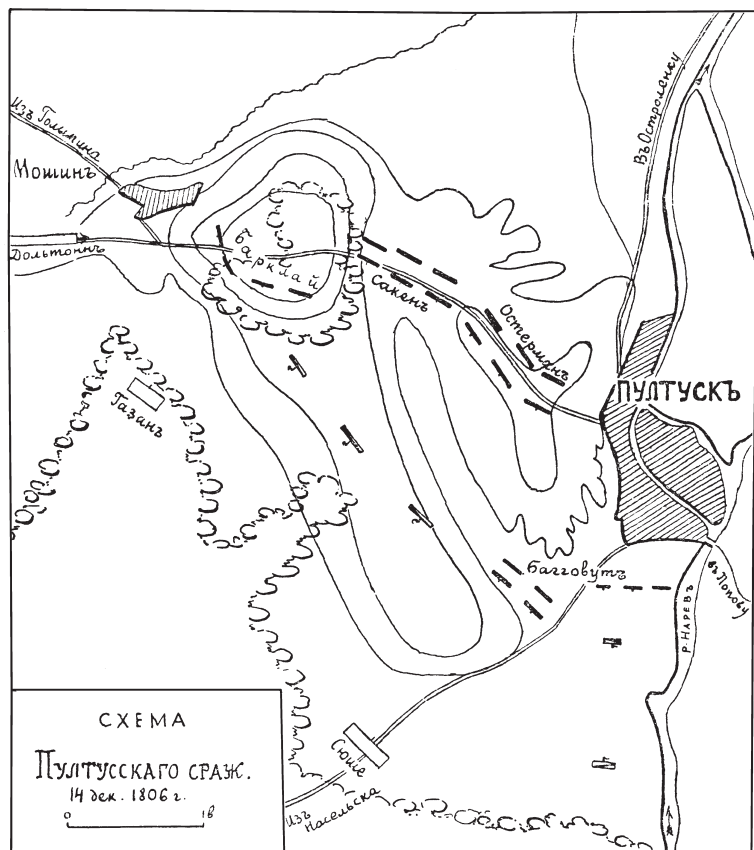
¹ Адольф Тьер (1797—1877) — французский государственный деятель, историк.

шие силы с Наполеоном во главе, приказал начать отступление, во время которого наши произвели трехкратные контратаки. Отчаянная оборона нашего авангарда заставила наконец французов прекратить атаки. Совершенно правильно оценив общее положение дел, Остерман понял, что потеря переправы у Пултуска может поставить нашу армию в критическое положение. Поэтому, отходя к Насельску, он послал генералу Багговуту, стоявшему с авангардом у Зегржа и ему не подчиненному, приказание спешить к Пултуску.

Доблестные действия наших авангардов задержали французов по крайней мере на 10 часов, а распорядительность частных начальников сохранила для нас Пултускую переправу.

В ночь на 13 декабря получено было известие о приближении французов к Пултуску — это был корпус Ланна. Приказания Каменского о стягивании всех войск к Пултуску указывали на то, что фельдмаршал решил принять бой у последнего пункта. Но непосильная, без нужды лихорадочная деятельность последних дней окончательно надломилась силы престарелого предводителя русской армии. Сложив в эту ночь звание главнокомандующего и выехав из армии, он доносил императору Александру: «...Нашел себя не схожим на себя: нет той резолюции, нет того терпения к трудам и времени, а более всего нет прежних глаз...» Граф Каменский передал командование армией старшему после себя, графу Буксгевдену, причем последнее приказание им отданное, — отступить к нашим границам, — отменяло ранее намеченный им план о встрече Наполеона у Пултуска. С отъездом фельдмаршала управление армией только номинально перешло к Буксгевдену, по существу же в армии наступило двоевластие, так как Бенигсен, во-первых, стремился, с риском для себя, освободиться от подчинения Буксгевдену и, во-вторых, не исполнил последнего приказа Каменского, а принял смелое решение вступить с Наполеоном в сражение у Пултуска.

Непролазная грязь, замедлявшая в высшей степени всякие передвижения и доставку сведений; трудность разведок на закрытой и пересеченной местности; блуждание русских

Пултуское сражение 14 декабря 1806 г.

колонн вследствие перекрещивающихся приказаний Каменского — таковы неблагоприятные обстоятельства, послужившие причинами редко встречавшегося в боевой практике Наполеона случая, что он не мог разобраться в обстановке; простояв 13 декабря в Насельске, он все-таки сделал ошибку, предположив, что наши главные силы сосредоточены у Голымина, а не у Пултуска. Соответственно этому, направив Ланна для захвата Пултусской переправы, Наполеон

двинул главные свои силы на север и несколько западнее линии р. Нарев.

Позиция, избранная Бенигсеном на 14 декабря, была расположена к юго-западу от Пултуска, на высоте, отлого спускающейся в том же направлении к стороне противника и ограниченной на востоке р. Наревом и крутыми обрывами его правого берега. Подступы к позиции скрывались лесом, подходящим версты на полторы к ее фронту. Топкая почва сильно затрудняла передвижение войск, особенно артиллерии. Корпус Бенигсена, численностью до 45 тысяч, расположился для обороны в следующем порядке: пехота построилась между Мошинским лесом и Пултуском в две линии, имея в первой семь полков, во второй — шесть и слабый резерв в один полк и два батальона; правой половиной расположения командовал Сакен, левой — Остерман; Мошинский лес был занят особым отрядом Баркляя-де-Толли, силой в пять пехотных полков с несколькими эскадронами, а впереди Пултуска стоял отдельный отряд Багговута, состоящий из 10 батальонов с несколькими эскадронами; на одной высоте с этими отрядами развернулась кавалерия, впереди которой были рассыпаны казаки.

Утром 14 декабря к нашей позиции подошел корпус Ланна, силой до 20 тысяч; около 11 часов французы повели одновременную атаку на обе наши передовые позиции на флангах. Багговут встретил атаку дивизии Сюше контратакой; при поддержке, направленной сюда с главной позиции, Багговут успешно отбил атаку неприятеля, сильно при этом пострадавшего от огня нашей артиллерии. С неменьшим успехом была отражена Барклаем-де-Толли атака на Мошинский лес. Тогда Ланн приостановил наступление, ожидая прибытия дивизии, направленной сюда Наполеоном, и ограничился лишь канонадой.

Около 8 часов вечера подошедшая дивизия Дольтонна ворвалась в селение Мошин. Воспользовавшись этим, Ланн снова повел атаку против Сакена, приказав Сюше возобновить удар против Остермана. Бенигсен, узнав о подходе к французам подкрепления, лично приказал Барклаю и Сакену переменить фронт правым флангом назад и

усилил их артиллерией. Оценив значение промежутка между дивизией Дольтона и остальными войсками Ланна, ослабляющего боевую линию неприятеля, он приказал перейти в общее наступление. С резервом и 20 эскадронами Бенигсен двинулся в указанный промежуток, и кавалерия произвела ряд блестящих атак во фланг французов; в то же время Барклай и Остерман остановили напор неприятеля. Считая атаку Ланна бесповоротно отбитой, Бенигсен, однако, из-за ночной темноты и вьюги не преследовал французов; мало того, он вынужден был тотчас же отступить на север, чтобы не быть обойденным главными силами Наполеона, бывшими в этот день у Голымина. Приписав себе вполне справедливо победу над Ланном, Бенигсен был не прав, утверждая в реляции, что он отбил атаки самого Наполеона.

В тот же день главные силы французской армии атаковали у Голымина сравнительно небольшой, в 10—12 тысяч, сборный отряд князя Голицына, образовавшийся случайно из полков разных дивизий, частью блуждавших со времени отступления от р. Вкры вследствие противоречивости приказаний графа Каменского, частью отрезанных от своих дивизий при наступлении французов в северном направлении; во время боя подошли еще отряды подобного же происхождения. Желая сделать остановку для войск, донельзя утомленных, князь Голицын вынужденно должен был занять впереди Голымина позицию, прикрытую излуциной болотистой речки; лес на левом фланге был занят Костромским пехотным полком под командованием князя Щербатова.

Борьба небольшого нашего отряда с превосходящими силами противника могла окончиться для князя Голицына сравнительно благополучно лишь потому, что невылазная грязь, замедлявшая движение французов, принудила Наполеона вводить свои войска в бой по частям, по мере их подхода, причем большая часть французской артиллерии, завязшая в грязи, осталась назади.

Между тем, в 15 верстах от Голымина и Пултуска, в Макове, стоял неподвижно и безучастно граф Буксгевден с дивизией Тучкова. Нельзя отрицать, что происшедший в этот

день переход власти над армией, осложненный самовольством Бенигсена, затруднял ориентирование Буксгевдена; но нельзя не признать и того, что бездействие в Макове еще лишний раз свидетельствовало об узости военного кругозора Буксгевдена. «Стоять без дела, — говорит Леер¹, — когда нет специально данного поручения, слышать выстрелы в 15 верстах и не идти на выручку, это дело преступное на войне...»

Задуманное Наполеоном окружение русской армии не удалось. Весь результат осеннего похода свелся для него лишь к тому, что, отеснив русских на север, он мог с большей безопасностью расположить свою армию на квартирах. Французская армия заняла обширный, около 200 верст по фронту, квартирный район Варшава—Пултуск—Голымин—Млава—Остероде. Она сильно нуждалась в отдыхе, ибо была до чрезвычайности истощена последними движениями; в оттепель при глинистом грунте грязь была так велика, что однажды на прохождение 11 верст потребовалось 13 часов. Кроме дурной погоды, было и другое зло, способствовавшее появлению в доселе безупречных войсках Наполеона признаков деморализации. Реквизиции ничего не давали, а подвоз жизненных припасов из магазинов был почти невозможен. Наследный принц Баденский, предпринявший с Наполеоном поход в 1806 г., говорит в своем дневнике, что голод был неизменным спутником великой армии и что здесь последняя стала впервые выражать недовольствие. Храбрые воины привыкли к усталости и опасностям, но не к продолжительным лишениям. Упадок дисциплины был несомненный. Фукар рассказывает, как 14 декабря на биваке 10-го полка солдаты кричали проезжавшему Наполеону по-польски «schleba», на что находчивый император на том же языке отвечал им «piema».

В равной мере страдали и русские войска от ненастья, и от дурных дорог, и от недостатка продовольствия. Несмотря на одно из драгоценнейших качеств русского солдата —

¹ Г. А. Леер (1829—1904) — русский военный теоретик и историк, генерал от инфантерии, член-корреспондент Академии наук.

сына суровой природы и жизни — безропотность, в армии все-таки появились бродяжничество, случаи грабежа; особенно наблюдались непорядки в корпусе Бенигсена, который был слабым строевым начальником и не отличался достаточной заботливостью о нуждах солдата. При таких обстоятельствах отход армии 28 декабря к Тыкочину, где можно было воспользоваться запасами имеющихся там магазинов, оказался более чем уместным.

Между тем создавшееся в верху армии разноначалие, или, точнее, безначалие, могло грозить большими бедами в будущем. Бенигсен вел непозволительную игру, в которой становиться на его сторону ни в коем случае не приходится, но все-таки надо сказать, что разрешение командного кризиса в армии предпочтением Буксгевдену несравненно более способного Бенигсена было весьма удачным; последний, щедро награжденный за победу под Пултуском, и был назначен главнокомандующим; Буксгевден был отозван. Указ об этом получен был 31 декабря 1806 г., на марше армии в Восточную Пруссию, куда, согласно постановлению военного совета от 20 декабря, переносились наши операции.

Современники ценили в Бенигсене его ум и способности, о чем свидетельствуют его смелые и искусные замыслы. Но замыслы без умелого и настойчивого исполнения остаются только замыслами, и, поддававшийся попеременной смене надежд, сомнений и колебаний, Бенигсен не обладал в надлежащей мере важнейшим военным качеством — твердостью характера. Оттого в итоге его полководческой деятельности в 1806/07 г. мы видим лишь отбитие ударов Наполеона; его наступательные предприятия обыкновенно замирали или, как случилось под Фридландом, приводили даже к поражению.

Располагая корпусами Эссена 1-го и Лестока (до 107 тысяч войск), Бенигсен перешел к активным действиям. Он вознамерился, оставив для обеспечения своих сообщений Эссена 1-го и одну из дивизий в долине Нарева, двинуться, под прикрытием лесов и озер, к Нижней Висле, разбить по частям левофланговые корпуса Наполеона—Нея и Бернадота, освободить Грауденц от обложения и, угрожая сообще-

ниям Наполеона, быть может, заставить последнего начать отступление от Варшавы. Наступательные операции зимнего похода русской армии, однако, окончились обороной у Прёйшиш-Эйлау.

4 января 1807 г. русская армия двинулась из Бялы на запад. 8 января, в то время когда главная квартира Бенигсена достигла Ресселя, корпус Нея, выдвинутый слишком вперед и оказавшийся всего в одном переходе, легко мог быть атакован всеми нашими силами; но по бездействию Бенигсена этого не случилось. Другой французский корпус, Бернадота, сильно разбросанный, был предупрежден Неем о появлении русских. Бернадот тотчас же начал сосредоточивать свои войска, что ему и удалось благодаря тому, что 12 января Бенигсен, ожидая, в силу оказавшихся впоследствии ложными слухов, нападения Наполеона, пропустил и здесь удобный случай разбить хотя бы часть корпуса Бернадота.

После безрезультатного и недостаточно быстрого марша — за девять дней было сделано по уже подмерзшим дорогам 120 верст — в операции русской армии наступил перелом. Наш главнокомандующий изменил фронт армии, доселе обращенный к западу, на юг, так как не подлежало сомнению, что Наполеон снимет свои войска с квартир, чтобы броситься против русских. С переменой фронта армии Бенигсен поставил себе целью прикрыть Кёнигсберг и доступы к русской границе.

В течение почти 10 дней Наполеону оставалось неизвестным о фланговом движении нашей армии, и, отдавая 15 января приказ о подъеме с квартир своих войск, он не знал, что русские уже стоят лицом на юг. Полагая, что Бенигсен продолжает движение на запад, Наполеон задается целью демонстрациями Бернадота завлечь русскую армию возможно далее в этом направлении и, быстро притянув последнего к собранной тем временем армии, ударить в левый фланг русских; отрезав, таким образом, от России армию Бенигсена, Наполеон предполагал отбросить ее к морю или Нижней Висле. Местом сосредоточения французской армии был избран Алленштейн, куда к корпусу Сульта справа и слева дол-

жны были примкнуть прочие корпуса; Бернадоту было указано медленным отступлением, даже до Торна, увлекать Бенигсена, а затем форсированным маршем спешить на присоединение к армии; ввиду важной роли Бернадота 19 января ему были отправлены новые инструкции с приложением к ним, для лучшего ориентирования маршала, всего операционного плана Наполеона.

Разъезд Елизаветградского гусарского полка захватил молодого французского офицера с этими важными бумагами и доставил его в Лебау, к стоявшему здесь с авангардом князю Багратиону, недавно прибывшему в армию. Багратион, переслав захваченное главнокомандующему и уяснив себе общее положение дел, во-первых, для сближения с армией отошел несколько назад и, во-вторых, поручил полковнику Юрковскому, атаковав передовые посты Бернадота, показать последнему настойчивость нашего преследования, а затем быстро отойти к авангарду. Бернадот все глубже и глубже отступал к Торну.

Опасное положение нашей армии становилось очевидным. Через три дня Бенигсену удалось сосредоточить армию на позиции у Янкова; сюда же подошли авангарды Багратиона и Баркляя, и только прусский корпус Лестока еще держался отдельно. Велико было удивление Наполеона, когда он, неожиданно для себя, нашел русскую армию в Янкове; его силы даже еще не были сосредоточены. Поэтому пока, ввиду подготовки предстоящей атаки русских, было решено ограничиться лишь занятием переправы на р. Алле у Бергфрида. После упорного боя Бергфридская переправа осталась за французами. Ночью русский главнокомандующий, получив известие от Лестока, что он не может прибыть в Янково, немедленно выступил на север тремя колоннами, прикрываясь тремя аррьергардами — Маркова, Баркляя-де-Толли, Багвута, — бывшими под общим начальством князя Багратиона.

Утром 23 января, когда подошли корпуса Нея и Ожро, Наполеон увидел исчезновение нашей армии с Янковской позиции. Располагая превосходством сил, Наполеон начал фронтальное преследование русской армии; но, стремясь, с одной стороны, отрезать русских от р. Преголи, а с другой —

помешать соединению с ними прусского корпуса Лестока, он для достижения первой цели направил правым берегом р. Алле корпус Даву, а исполнение второй задачи поручил корпусу Нея с кавалерией Лассалья, направленному по левому берегу р. Пассарги.

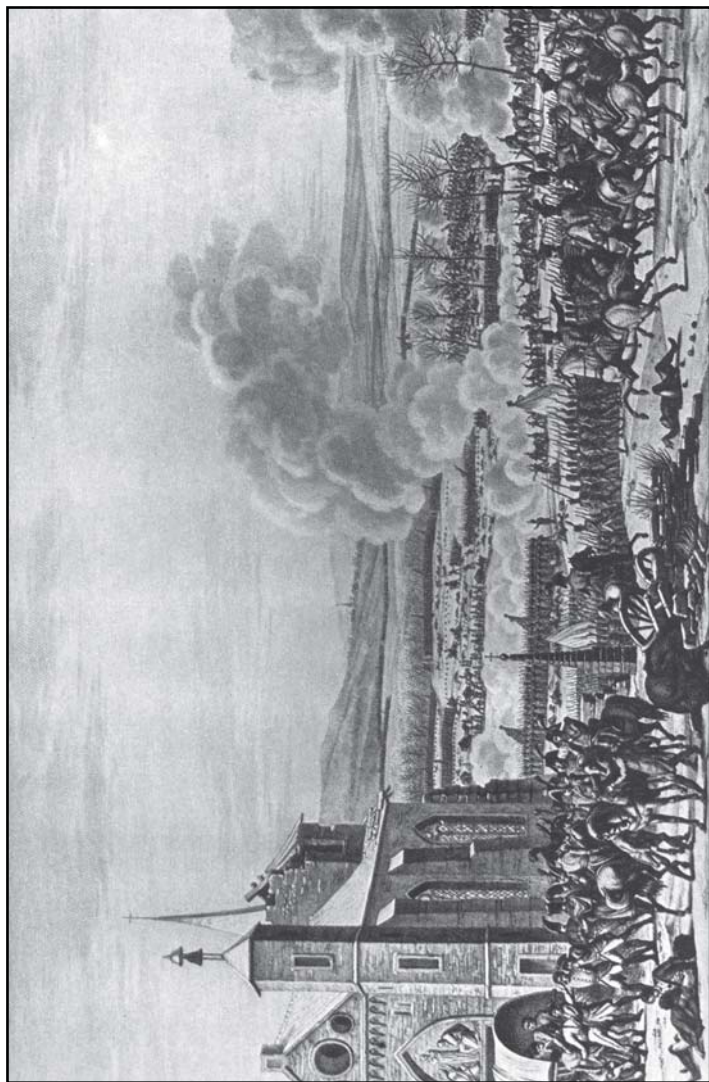
Искусное, настойчивое и решительное преследование французами противника вплоть до 27 января, на протяжении 70 верст, встретило не менее искусное и стойкое сопротивление русских арьергардов, руководство которыми находилось в умелых руках Багратиона и Баркляя. В эти четыре дня ночных маршей, делавшихся особенно тяжелыми вследствие нераспорядительности при их организации, русским войскам потребовалось проявить необычайное напряжение и самоотвержение. «Нужно обладать русским здоровьем и терпением, — говорил один из участников этих маршей, — чтобы все это переносить... Бедный солдат ползет как привидение и, опираясь на своего соседа, засыпает на ходу... все это отступление представляется мне скорее сном, чем действительностью. Наш солдат в этом отношении обладает таким терпением... которое превосходит всякую философию».

Тяжелым был для войск Багратиона бой 24 января. Почти с 7 часов утра французы яростно ломились вперед. Багратион, считавший вопросом чести арьергарда «не отдать неприятелю ни повозки, ни колеса», отбивая отчаянные атаки и искусно маневрируя, привел отряд на ночлег лишь в 11 часов вечера, преодолев за этот день с непрерывным боем 28 верст.

25 января Бенигсен начал стягивать армию на позиции у Ландсберга; на этот раз обязанность прикрыть построение армии была возложена на 5-тысячный арьергард Баркляя-де-Толли, которому, невзирая на подавляющие силы противника, было приказано во что бы то ни стало удержать французов. Построив пехоту на возвышенности впереди с. Гофа, Баркляй выслал к мосту Изюмских гусар. Известие о том, что на поле сражения присутствует Наполеон, способное на иного навести панику, нисколько не поколебало хладнокровия Баркляя, про которого сложилась солдатская поговорка: «Поглядя на Баркляя, и страх не берет». Французы стали

обходить наш арьергард с флангов пехотой, а драгуны Груши с фронта смяли наших гусар. На выручку последних двинулся Костромской мушкетерский полк; три отчаянные атаки французов были одна за другой блестяще отбиты полком, и ободрившиеся гусары опрокинули неприятельских драгун. Тогда Мюрат бросил в атаку целую кирасирскую дивизию Опу. Французские латники вновь смяли гусар, перемешались с ними и начали рубить костромичей. «Я имел прискорбие, — пишет Барклай, — видеть почти совершенную гибель сего бесподобного полка». Неудачи сильно отразились на нашем арьергарде, и он с трудом прошел Гоф. На новой позиции Барклай нашел поддержку, высланную Бенигсеном, но был к вечеру сбит, и только темнота да подоспевшие лейб-кирасиры и орденцы спасли арьергард.

Бенигсен двинул всю армию в одной колонне к Прёйсиш-Эйлау. У Ландсберга был оставлен арьергард князя Багратиона. В эти минуты величайшей опасности, в трех верстах от сильнейшего противника, «князь Петр» шутил более обыкновенного и терпеливо ждал до 7 часов утра 26 января окончания вытягивания армии. В восьмом часу Багратион двинулся вслед за нею и благополучно дошел с арьергардом до опушки Грюнгефкенского леса. Багратион занял позицию между замерзшими озерами Тенкнитенским и Вашкейтенским; город Эйлау — наш тыл — был занят отрядом Барклая. Упорное сопротивление русских заставило Мюрата выждать подхода пехоты, и когда около 2 часов дня подошли головные части Сульта и Ожро, была возобновлена атака нашей позиции с обходом ее по льду Тенкнитенского озера, но французы были отбиты. С разрешения Бенигсена Багратион отвел свой отряд через город, и подошедшая пехота Сульта долго не могла ворваться в Эйлау благодаря упорству наших егерей. В городе они продолжали бой за каждое строение, тогда и был тяжело ранен Барклай-де-Толли. Уже Багратион хотел вывести отряд Барклая из города, как Бенигсен приказал вновь овладеть Эйлау. Сойдя с коня, Багратион повел наши колонны, которые ворвались в город. Однако уже в 11 часов вечера, по невыясненной достаточно причине, мы очистили Прёйсиш-Эйлау.

Сражение при Прейсиш-Эйлау (с картины Звевсха)

Наполеон, заняв город корпусом Сульта, выдвинул влево кавалерийскую дивизию Лассалья, вправо — драгунскую Мильо и эшелонировал остальные войска за городом. Беннигсен решился на генеральное сражение. При тяжелых маршах армия таяла, оставляя отсталых в таком количестве, что остановка делалась положительно необходимой.

Отказавшись от Прёйсиш-Эйлау как опорного пункта, главнокомандующий наш расположил армию на пустынных открытых холмах между селами Шлодиттен и Серпален, в расстоянии от противника около трех четвертей версты. Тактическим ключом позиции можно было считать командующие Креговские высоты за ее левым флангом.

Ввиду крайнего разноречия историков о силах сторон, столкнувшихся у Прёйсиш-Эйлау, приходится остановиться на предположении генерала Леера, который считает обе армии равносильными, около 70 тысяч каждую.

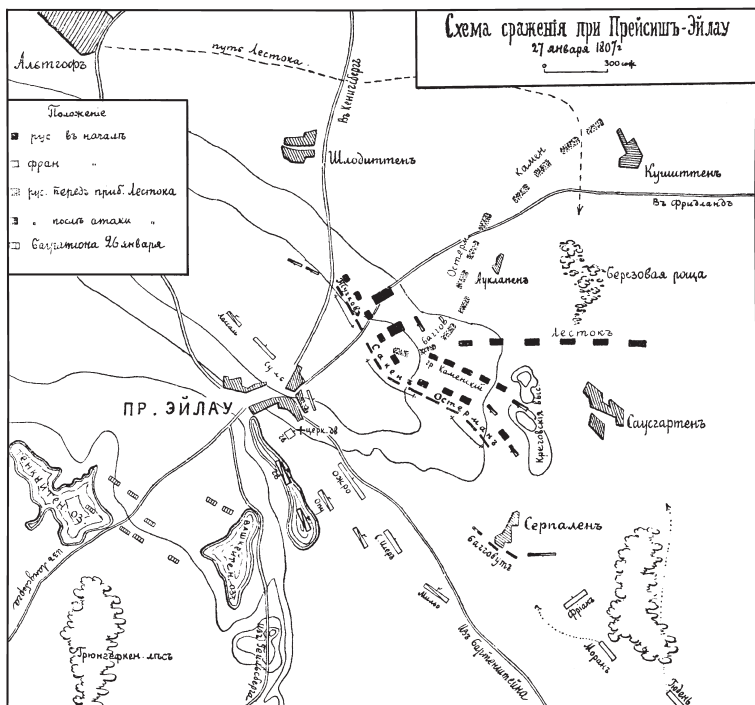
Русская армия расположилась в сплоченном и густом боевом порядке на протяжении около 3 верст по фронту и с несоответственно малой глубиной; четыре с половиной дивизии — в боевой линии и полторы дивизии с большей частью конницы — в резерве. Боевая линия образовала три линии; правым крылом командовал Тучков, центром — Сакен, левым — Остерман. Дивизии резерва, под общим командованием Дохтурова, стояли: за правым крылом — в общей глубокой колонне из развернутых батальонов и за левым крылом — под командованием талантливого графа Каменского, сына фельдмаршала, в линии полков, из которых каждый в колоннах из развернутых батальонов. Особый отряд Багговута, из четырех пехотных полков, был поставлен уступом впереди левого фланга, у села Серпален. Конница расположена была по всему фронту в нескольких группах: за правым и левым флангами, в центре, при резерве графа Каменского и в отряде Багговута. Артиллерия, под общим начальством Резвого, в большей своей части была массирована в три батареи: 60 орудий — на правом крыле, 60 — на левом и 70 маскированных орудий — в центре. Корпус Лестока ожидался к правому флангу. Грузный боевой порядок русской армии напоминал

боевые порядки XVIII столетия; построение — густое, дававшее обильную жатву артиллерийскому огню, и в то же время мало глубокое, обрекавшее войска лишь на пассивное отбитие ударов и мало способствовавшее нанесению таковых при помощи маневра, ибо допускало, в сущности, единственное движение — вперед; частями, способными к маневрированию, были: отряд Багговута, вся конница числом до 150 эскадронов, случайно, в силу обстоятельств — корпус Лестока и, с мешкотным выходом из-за фланга, — шесть полков графа Каменского.

План действий Бенигсена не отличался определенностью. Судя по расположению войск, трудно сказать, какому из путей отступления, т. е. на Домнау к Кёнигсбергу или на Фридланд в Россию, он придавал значение. Побочные обстоятельства указывают, что он отдавал предпочтение первому из этих путей.

Наполеон решился на немедленную атаку русских, не выжидая корпусов Бернадота и Нея; он, очевидно, спешил разгромить русскую армию, не дав ей возможности оправиться и отдохнуть после тяжелых маршей. Главный удар направлялся на левый фланг с целью отрезать нас от России, для чего и назначался корпус Даву, все время оперировавший против этого фланга. Остальные войска могли быть распределены частью для усиления Даву, частью для привлечения внимания русских с фронта; с выходом же корпуса Нея против правого фланга армии Бенигсена было бы довершено окружение последней на поле сражения. Сообразно изложенному, две дивизии корпуса Сульта, окрыленные слева кавалерией Лассалья, занимали город, простираясь несколько западнее последнего; правее Эйлау — корпус Ожро, еще правее — дивизия С.-Илера из корпуса Сульта с драгунами Мильо; вся кавалерия Мюрата и гвардия стояли в общем резерве за городом; корпус Даву был нацелен с юго-востока.

27 января, в день сражения, был мороз 4—6°; по временам шел густой снег, переходивший в метель, так что видимость была плохая уже в 40—50 шагах; воды были скованы толстым льдом, но сугробы, видимо, затрудняли движение вне дорог.

Сражение при Прейсиш-Эйлау 27 января 1807 г.

Сражение было завязано, едва забрезжил свет, дивизией Фриана, шедшей в голове корпуса Даву и наткнувшейся на отряд Багговута. Направляясь правее Серпалена, Фриан, отбиваясь от Багговута, должен был, однако, выждать как развертывания левее дивизии Морана, так и спешившей к нему на поддержку из главных сил дивизии С.-Илера, которая, задержанная снегами, сильно страдала от огня нашей левофланговой батареи. Тогда Багговут направил во фланг С.-Илера 15 эскадронов генерал-майора Каховского, опрокинувших, с захватом 130 пленных, ближайшие полки С.-Илера и отбросивших их на Морана. Когда же дивизии Даву проявили свой охват и с запада и с востока, Багговут, покинув горевший Серпален, начал отходить с боем в промежутке

ток между войсками Остермана и выдвинувшимися из-за левого фланга полками графа Каменского. Появление последнего заставило Даву приостановиться, собраться с силами и торопить подход своей третьей дивизии — Гюдены.

Между тем уже давно грохотала наша многочисленная артиллерия, и ей отвечала меньшая числом французская: начавшись, когда уже рассвело, эта артиллерийская дуэль на дистанции в полверсты разгоралась и длилась часа три. О силе огня можно отчасти судить по тому, что пешая гвардия Наполеона, не вступавшая совсем в дело и укрытая, потеряла до 12 % людей от одного только стояния под выстрелами русских орудий; пронизывалось французскими ядрами до глубоких резервов и наше скученное построение. Подступы французской кавалерии и пехоты против нашего правого фланга были отбиваемы огнем орудий и егерей, а также контратаками в штыки.

Опасение за успех маневра Даву, от которого поступил ряд донесений о встреченном им значительном сопротивлении, при неимении известий от Нея заставляет Наполеона принять меры к тому, чтобы отвлечь от Даву в другую сторону как внимание, так и силы нашего центра. Ввиду этого, а отчасти и с целью найти выход из невыносимого взаимного артиллерийского расстреливания корпусу Ожро было приказано двинуться вперед. Две дивизии этого корпуса, под покровом снежной метели, бившей в лицо русских, перешли в колоннах низину, разделявшую противников, и начали подниматься к русскому фронту. Приняв более чем следовало влево, Ожро вышел к нашему центру не против войск Остермана, что было особенно важно в смысле содействия Даву, а ближе к правому флангу нашего боевого порядка, чем закрыл обстрел своей артиллерии и лишился помощи ее огня. Дивизии Ожро были встречены совершенно неожиданно для них, с самого близкого расстояния, картечью нашей, скрытой от них и доселе молчавшей центральной батареей. Гибельный огонь 70 орудий вывел из строя почти всех старших начальников, полки Ожро потеряли порядок, не отступали, но и не продвигались вперед. Видя заминку неприятеля, наша пехота и конница постепенно перешли в наступление, и произошел

кровапролитный бой, на который иные наши полки шли с радостными криками и смехом. В этой кровавой работе штыка и сабли французские полки не выдержали и дрогнули.

Мгновенно оценил великий полководец значение наступившего момента: гибель корпуса Ожро; расстройство нашего центра, необходимость новым отвлечением наших сил от Даву расчистить путь маршалу... Не смущаясь истреблением целого корпуса, Наполеон с бесповоротной решимостью сохранить за собой во что бы то ни стало инициативу, бросает на наш фронт и в тыл наших полков, преследующих Ожро, всю свою кавалерию — 75 эскадронов Мюрата и Бессьера. Первый эшелон этой массовой атаки — три дивизии драгун, по словам Дениса Давыдова, пронеслись сквозь две русские линии и были остановлены лишь третьей; отовсюду и пехота наша, и конница ринулись на французских кавалеристов. Второй эшелон — кирасиры Опу — обрушились частью и на дивизию графа Остермана-Толстого; атаку французских латников с замечательной стойкостью и смелостью отбил Павловский гренадерский полк, сноровисто и находчиво руководимый своим начальником дивизии, Остерманом. «Начальник и подчиненные были достойны друг друга», — замечает по этому поводу участник похода князь Волконский. Наконец, третий эшелон — гвардейская кавалерия — был частью отбит огнем, частью смят елисаветградскими и павлоградскими гусарами, а также казаками Киселева. Остатки Ожро и кавалерии собирались у города; огонь артиллерии разгорелся с новой силой. Бенигсен, не сумевший сберечь своего резерва, лишен был возможности перейти в наступление против Наполеона, у которого оставались свежими лишь восемь батальонов гвардии.

Даву продвигался вперед с величайшими усилиями, особенно вследствие искусных действий графа Каменского. Много труда положено было французами, чтобы вырвать у храбрых полков последнего село Саусгартен, что случилось только тогда, когда вступила наконец в дело свежая дивизия Гюдены, охватившая наш левый фланг и принудившая графа Каменского отходить восточнее мызы Ауклапен. Войска

Даву утвердились на мызе Ауклапен, заняли березовую рощу и дотянули свой правый фланг до села Кушитен.

Настал кризис: путь на Фридланд, в Россию, был в руках французов; но и положение корпуса Даву, растянувшегося на 3 версты, было непрочным; Даву не имел свежих войск для довершения своего успеха. Последнего решительного удара, коим победа, быть может, могла бы быть достигнута, Наполеон не сделал; он не рискнул последним своим резервом — гвардией. Неожиданно успех Даву и в том числе его попытки прорваться за Ауклапен были поколеблены искусным выездом нашей конной артиллерии. С правого фланга армии прискакали конноартиллерийские роты Ермолова и Богданова и, с присоединившейся третьей ротой князя Яшвиля, снялись с передков на пологой высоте над Ауклапеном. Обдав сначала французов картечью, 36 наших орудий стали громить неприятеля и вскоре зажгли мызу. Этой конноартиллерийской контратаки было достаточно, чтобы войска 2-й и 3-й дивизий бросились вперед; французы очистили мызу Ауклапен, и наступление их замерло. Огонь нашей конной артиллерии, кроме того, отлично подготовил атаку для корпуса Лестока, подходившего в это время к Альтгофу.

Отделив в арьергард бригаду Плева, искусно увлекшую за собою Нея, Лесток с остальными войсками, численностью около 8000, проскользнул к полю сражения. Развертывание прусского корпуса началось левее полков неутомимого графа Каменского, который приготовился сопровождать пруссаков; к левому флангу их боевого порядка, в котором находился и наш Выборгский полк, примкнули московские драгуны и три эскадрона павлоградцев. Лесток выбил французов из Кушитена, опрокинул неприятельские пехотные колонны, спешившие к этому селению из березовой рощи, и начал огнем артиллерии и пехоты готовить атаку на последнюю. Мы овладели рощей после стремительной атаки, и французы отошли к Саусгартену. Лесток далее не двинулся. Бенигсен пропустил и эту удобную минуту для нанесения противнику решительного поражения.

После 9 часов вечера водворилась полная тишина на поле одного из кровопролитнейших сражений эпохи. Она была

прервана на короткое время, около 22 часов, выстрелами, которыми была отражена появившаяся наконец головная бригада корпуса Нея. Появление только что отбитой части войск Нея в воображении истомленного боем и пораженного громадными потерями Бенигсена могло превратиться в подход целого корпуса этого маршала; главнокомандующий русской армией приказал начать отступление к Кёнигсбергу. А в это время положение противника было еще более тяжелым. Наполеон впервые увидел, как его армия не могла не только одолеть русских, но и сама была близка к гибели. В 4 часа утра, не зная еще об отступлении русской армии, он писал Дюроку: «...Возможно, что я перейду на левый берег Вислы...»

В 1809 г., в Шёнбрунне, император французов сказал Чернышеву: «Если я назвал себя победителем под Эйлау, то это только потому, что вам угодно было отступить», — основание, как видно, формального свойства. Действительно, никакого преследования со стороны французов не было.

Потери с обеих сторон были очень велики; мы потеряли до 26 тысяч; потеря французов равнялась почти 30 тысячам. Мы взяли пять орлов и не отдали врагу ни одного знамени, ни одного орудия. «Сражение, — говорит проф. Колубакин, — отличалось страшным натиском и настойчивостью со стороны французов и таковым же упорством и стойкостью с нашей стороны и осталось нерешенным... в нем обычному искусству Наполеона мы противопоставили неслыханное после Суворова мужество...» Впоследствии Наполеон, встретив Бенигсена в Тильзите, сказал ему: «Вы были злы под Эйлау». Но не только мужество и стойкость проявили здесь наши войска. Сквозь грузность и неподвижность форм и духа линейной тактики, в Прёйсиш-Эйлауском бою пробились и заявили о себе частная инициатива и активность, которыми славились войска Екатерины Великой. Мы видим их, кроме неутомимых атак нашей конницы, в искусном маневрировании уступов Багговута, графа Каменского, Лестока, в перебрасывании с одного фланга на другой конных орудий. В истории русской армии сражение у Прёйсиш-Эйлау отмечено особой наградой для офицеров за участие в нем — золотым крестом, подобным Георгиевскому.

Наполеон, чтобы убедить Европу в своей победе при Прёйсиш-Эйлау, пробыл на поле сражения девять дней, после чего отвел армию за р. Пассаргу. Поспешное движение французов было крайне беспорядочным; больные и раненые были брошены, повсюду валялись повозки и даже орудия; казаки Платова, назойливо преследовавшие неприятеля, захватили более 2 тысяч пленных.

Наступило трехмесячное затишье: обе стороны настолько нуждались в отдыхе и приведении себя в порядок, что, как бы по обоюдному соглашению, предоставили решение участи кампании весеннему походу. Скудость продовольственных припасов ощущалась в сильной степени и французами, и нами. Вследствие беспечности Бенигсена и его бессилия прекратить злоупотребления провиантского ведомства нужда достигла крайних пределов. При подобных условиях вспышка заболеваемости в войсках была такова, что, например, к 26 февраля на 48-тысячную армию было 15 тысяч больных.

С падением Данцига Наполеон в двух коленах Вислы: Варшава—Торн и Торн—Данциг, получал охватывающую базу, предоставившую большую свободу в маневрировании против русских. Его армия была усилена настолько, что для наступательных действий он мог располагать, по крайней мере, 170-тысячным войском. Главная французская армия занимала квартирный район по левую сторону р. Пассарги с выдвинутым к Гутштадту, в виде авангарда, корпусом Нея.

Наша армия стояла на квартирах около Гейльсберга, с главной квартирой в Бартенштейне и авангардом князя Багратиона у Лаунау. Она была усилена прибывшими 6-й дивизией, гвардией, несколькими батальонами милиции и несколькими тысячами рекрутов. Не считая корпуса Тучкова, имевшего специальное назначение в долине Нарева против 25 тысяч Массены, и прусского корпуса Лестока, у Бенигсена для активных операций оставалось 80—85 тысяч.

Весенний поход открылся наступательным действием русского главнокомандующего; уступая более чем вдвое силам противника, Бенигсен, отделивший корпус Лестока и часть войск под начальством графа Каменского для прикрытия Кёнигсберга, мог задаваться лишь скромными целями.

Было решено атаковать стоявший изолированно впереди Пассарги корпус Нея; двинувшись главной массой между реками Алле и Пассаргой и разобшив Нея от соседних корпусов Сульта и Даву, можно было отрезать его от переправ и, окружив, нанести ему полное поражение. Довольно хорошо рассчитанный план Бенигсена тем не менее страдал сложностью замысла, требующего для успешного его исполнения высокой степени согласованности в действиях отдельных отрядов, чего не случилось. 25 мая корпус Нея был атакован лишь частью наших сил и отошел, хотя и нанеся неприятелю урон примерно в 1500 человек, за Пассаргу.

Известие о нападении на Нея побудило Наполеона, предполагавшего вообще начать наступление против русских лишь 29 мая, не откладывать его. Французским корпусам было приказано сосредоточиться на р. Пассарге. Основная идея начатой Наполеоном операции заключалась в действиях против правого фланга русской армии с целью, отрезав ее от Кёнигсберга, отбросить затем к р. Преголи. Узнав достоверно о сборе французской армии, Бенигсен решил принять сражение и местом его избрал Гейльсберг, вокруг которого высоты, особенно на правом берегу Алле, были укреплены еще во время стоянки ранней весной. В расчете, что атака французов последует на правом берегу, здесь и расположились главные силы нашей армии; на левый же берег были переведены три дивизии и большая часть конницы с небольшим арьергардом Бороздина у Лаунау.

Вопреки ожиданиям Бенигсена, французская армия наступала как раз по левому берегу р. Алле; 29 мая, утром, к Гейльсбергу были направлены корпуса Мюрата и корпуса Сульта и Ланна; остальные силы Наполеона не тронулись вперед. Причина столь необычного явления заключалась в том, что через леса по левому берегу Алле к Гейльсбергу имелась лишь одна дорога, по которой в один день можно было продвинуть не более 65 тысяч солдат; приходилось поэтому войска вводить в бой по частям.

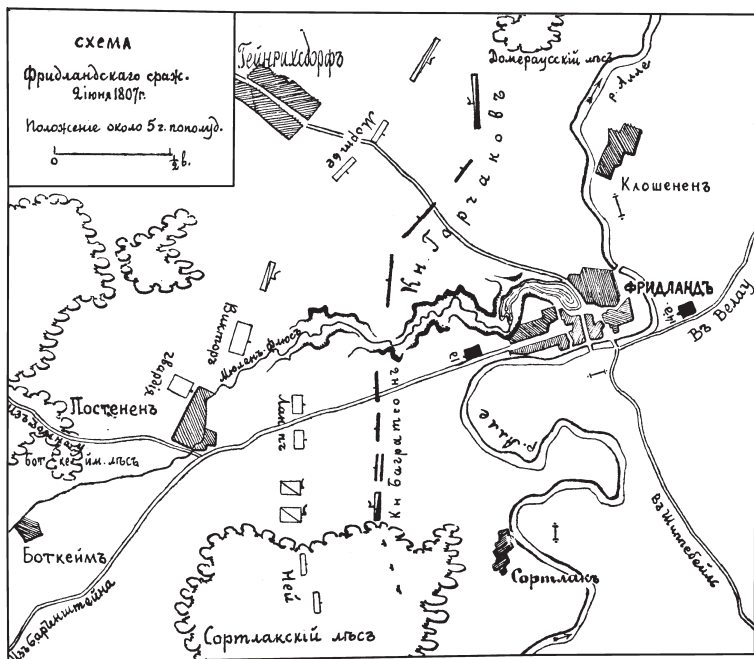
С 10 часов, когда арьергард Бороздина был атакован Мюратом, и примерно до 18 часов последовал ряд боев на наших передовых позициях, начиная с позиции у Лаунау, что

дало Бенигсену полную возможность перебросить, по трем понтонным мостам, на левый берег Алле почти всю армию. Князь Багратион шаг за шагом замедлял наступление французов, отбивая их разрозненные и бессвязные, но вместе с тем дерзкие атаки. Около 6 часов вечера Наполеон приказал Сульту вести атаку на средний редут нашей позиции; французы трижды безуспешно возобновляли нападение; Ланн еще не появлялся; перевес в силах и свежести войск был безусловно на русской стороне. Назрел самый удобный момент для перехода в наступление, но русская армия не двинулась со своей позиции. Наш главнокомандующий подвергся мучительному припадку своей болезни и не мог руководить боем; он несколько раз сходил с лошади, ложился на землю и даже упал в продолжительный обморок. Обе армии провели ночь на поле сражения, которое было безусловно нашей тактической победой.

30 мая Наполеон не пожелал возобновить бой и вознамерился заставить русскую армию очистить Гейльсбергскую позицию посредством маневра, для чего корпуса Даву и Мортье тотчас были двинуты на Кёнигсбергскую дорогу.

Бенигсен с полным вниманием сделал оценку создавшейся обстановки и остановился на единственно возможном в его положении и целесообразном решении — двинуться правым берегом Алле к Велау и, заняв позицию за р. Преголей, прикрывающую наши границы, выждать прибытия подкреплений и таким путем затянуть кампанию. Вечером 30 мая армия наша двинулась к Бартенштейну, откуда, после короткого отдыха, истомленные войска продолжили движение. В Шиппенбейле 1 июня было получено известие о занятии неприятельской конницей Фридланда. В тот же день вечером, однако, неприятель был выбит оттуда нашей кавалерией, а к ночи у Фридланда сосредоточились все силы Бенигсена.

Французская армия двигалась параллельно нашей, по левому берегу Алле. 1 июня, чтобы окончательно изолировать Лестока от русских, Наполеон направил Мюрата, Даву и Сульта в направлении к Кёнигсбергу; корпус Ланна отправлен на Домнау с целью произвести разведку; остальная

Фридландское сражение 2 июня 1807 г.

масса французских войск сосредоточилась у Прейсш-Эйлау, заняв весьма выгодное центральное положение относительно передовых корпусов. Находясь в 35 верстах от Кёнигсберга и в 25 верстах от Фридланда, эта 60-тысячная масса могла быть двинута в кратчайшее время, смотря по надобности, или к Кёнигсбергу, или к р. Алле.

Не проверив сведений о противнике, не отвечавших действительности, Бенигсен перевел чуть ли не половину армии через Алле, чтобы, как читаем в его реляции, атаковать корпус Ланна, подать тем «вспомоществование» Кёнигсбергу и прикрывать дорогу на Велу. Подобное намерение, не заключая в себе ничего несбыточного даже при ошибочном ориентировании Бенигсена относительно группировки сил Наполеона, требовало энергичного, незамедлительного,

отнюдь не вялого исполнения. Главнокомандующий русской армией не знал, что силы французов перед Фридландом, насчитывавшие к 3 часам утра 2 июня 13 тысяч, возрастут к 7 часам до 33 тысяч, а к 17 часам — до 85 тысяч. В течение ночи Бенигсен перевел через Алле всю армию, оставив на правом берегу 14-ю дивизию, большую часть артиллерии и отправив небольшой отряд Платова для обеспечения переправ у Велау и Алленбурга. Наполеон же, по первым донесениям Ланна, посылает к нему ночью драгун Груши, кирасир Нансути, корпус Мортье, а затем уже, утром 2 июня, корпус Нея, Викторя и гвардию.

Местность, на которой произошло Фридландское сражение, не представляла бы особых невыгод для действия войск, если бы Бенигсен, атаковав Ланна, своевременно отошел за Алле и продолжал свое движение на Велау; но та же местность превратилась в классически отрицательную оборонительную позицию, когда на ней пришлось принять случайный и ненужный бой. Открытая равнина, на которой расположилась русская армия, постепенно склонялась к р. Алле, с расстояния верст трех от Фридланда; фронт позиции не отмечался какой-либо заметной линией; приближение противника отлично маскировалось обширными лесами Сортлакским и Боткеймским, селениями Гейнрихсдорф и Постенен, находящейся вблизи рощей, а также высокой рожью, покрывавшей поля и холмы. Ручей Мюленфлюс, текущий в глубоком овраге и у города обращающийся в непроходимый пруд, разрезал позицию на две части, затрудняя поддержание связи между участками нашего расположения к северу и югу от него. Алле, имеющая крутые берега, замыкала тыл позиции; чтобы попасть на мосты через реку, надо было втянуться в тесное пространство между коленом Алле и Мюленфлюсом и, во всяком случае, пройти город Фридланд; к нашему счастью, к концу сражения на Алле были найдены броды.

Окончательное расположение русской армии, силой 50—55 тысяч, приняло вид обширной дуги, упиравшейся левым флангом в село Сортлак и на правом дотягивавшейся до Доме-раусского леса; Мюленфлюс разрезал дугу на два крыла: левое,

под командованием Багратиона, состояло из авангарда, и правое, под начальством князя Горчакова, имело три дивизии с большей частью конницы. Артиллерия была разбросана по фронту; на правом берегу Алле она была собрана в три батареи: против села Сорглак, против мостов и против Клошенена.

Ланн, наткнувшийся со своим корпусом на всю русскую армию, обречен был на выжидательные действия; он искусно скрыл свою слабость, растянув свои 12,5 тысячи на 5 верст в виде тонкой линии батарей и стрелков, кое-где поддержанных кавалерийскими частями. С подходом Груши, Нансути и Мортье, французы отобрали у нас село Гейнрихсдорф. Около 10 часов Ланн, имевший уже до 40 тысяч солдат, решился сам перейти в наступление против нашего центра. Французы были отбиты, но у нас был израсходован почти весь резерв.

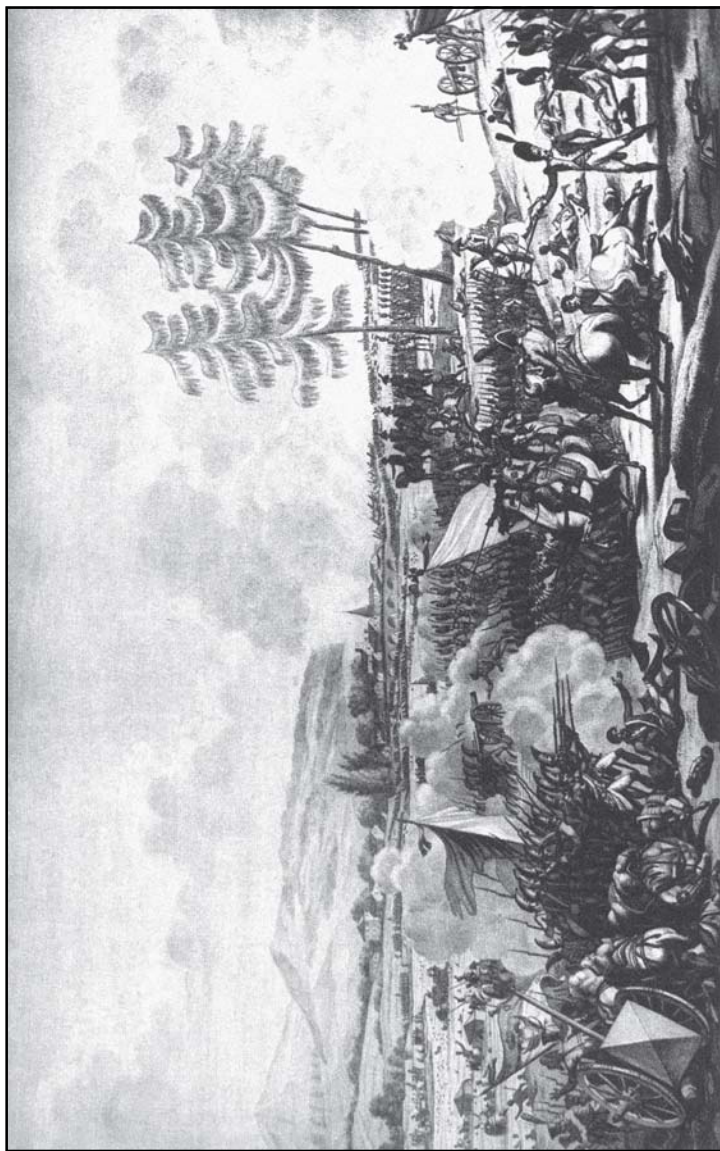
Около полудня наступило затишье; следовало бы очистить позицию. Хотя Бенигсен говорит в своих мемуарах, что «честь нашей армии не позволяла уступить поле сражения», но то же доброе имя русской армии не запрещало главнокомандующему распорядиться более энергично и смело русскими войсками в период постепенного накопления сил маршала Ланна. В 12 часов подошли корпус Нея и гвардейская кавалерия. Прибывший на поле сражения Наполеон, оценив опасную обстановку, в которой очутилась стоящая против него армия, руководимая изнемогавшим от острых физических болей полководцем, решил направить главный удар на левый фланг противника и вести его в кратчайшем направлении к мостам. Но Наполеон не торопился, поджидая Виктора и гвардию. В 14 часов он продиктовал свою знаменитую диспозицию; боевую линию должны были составить: Ней — на правом фланге, Ланн — в центре, Мортье — на левом фланге; корпус Виктора и гвардия — в резерве у Постенена. Направляющим участком назначался корпус Нея; «инициатива атаки принадлежит маршалу Нею», — говорилось в диспозиции. Ради отдыха только что прибывших войск атака началась в 17 часов.

С колокольни Фридланда видны были высокие столбы пыли, возвещавшие приближение многочисленных колонн к

Наполеону, но доклады об этом Бенигсен оставлял без внимания; равнодушно отнесся он и к предостережениям опытного Багратиона. Только незадолго до 17 часов, когда последовал сигнальный залп неприятеля, означающий начало общего наступления, Бенигсен разослал приказания сниматься с позиции. Князь Багратион тотчас же начал отступление, но князь Горчаков решил пока не трогаться со своего участка.

Ней наступал уступами справа, по дивизии в каждом; правый уступ, наступая ближе к Алле, занял село Сортлак. Скоро, однако, дивизии Нея попали под огонь наших батарей, удачно сосредоточивших свои выстрелы, но тяжелое положение на правом французском крыле было обращено в блестящее главным образом благодаря замечательно смелым действиям начальника артиллерии корпуса Виктора, генерала Сенармона. Тридцать шесть орудий последнего вынеслись вперед своей пехоты и снялись шагах в шестистах от русских линий. Ошеломив наши войска, огонь артиллерии Сенармона ослабил русские батареи и дал возможность войскам Нея оправиться и возобновить атаку. Чтобы полнее подготовить последнюю, Сенармон подсказывает сначала на 300, а потом на 150 шагов к линиям Багратиона и начинает громить столпившиеся между Алле и Мюленфлюсом русские войска. По словам Дениса Давыдова, действие картечи, косяк Сенармон выпустил 2154 штуки, было «неимоверно смертоносно». Тщетно бросались на французов наша пехота и конница, напрасно пытался атаковать противника последний резерв главнокомандующего, Измайловский полк, — густые колонны французов ломились вперед.

Отступление обернулось в беспорядочную свалку, в которой личный пример таких выдающихся боевых генералов и офицеров, как Раевский, Багговут, Кульнев, Ермолов и любимец войск Багратион, даже обнаживший шпагу, не мог восстановить порядка. Из свалки, например, в Императорском батальоне милиции, родоначальнике лейб-гвардии Финляндского полка, вышли живыми около 60 %, только половина которых была как следует одета. По недоразумению мосты загорелись ранее, чем было нужно. Очевидец говорит, что некоторым частям приходилось отступать не толь-

Сражение при Фридриланде (с картины Звевеха)

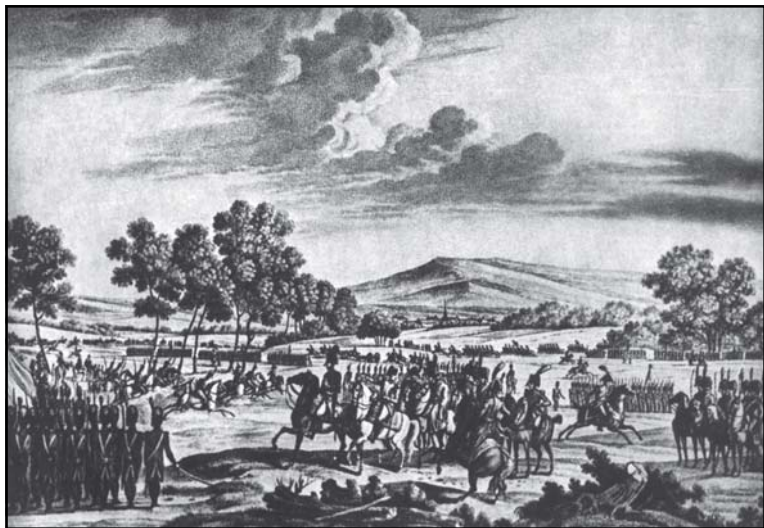
ко по загоревшимся мостам, но и вплавь или с помощью кавалеристов.

Священная обязанность прикрыть отступление выпала на долю доблестных гренадерских полков Павловского и С.-Петербургского; гренадеры дали возможность Багратиону отойти через пылающий Фридланд к мостам и оказали последнее отчаянное сопротивление у ворот горевшего города, потеряв своего начальника-героя, командира Павловского полка генерал-майора Мазовского.

Войска правого крыла князя Горчакова спохватились только тогда, когда артиллерия Сенармона начала обстреливать их продольно; часть их пробилась через Фридланд, а большая — перешла Алле у села Клошенен вброд. Не могли перевезти только 29 орудий. Последние были спасены графом Ламбертом, который с александрийскими гусарами, подобрал орудия, ночью проскользнул к Алленбургу, где и перешел Алле. Сражение закончилось около 23 часов. Французская армия осталась на поле сражения, а русская продолжа-

Встреча Александра I и Наполеона в Тильзите

Наполеон показывает Александру I свою гвардию у Тильзита
(с гравюры Куже-сына)

ла движение к Велу. Потери наши исчисляются в 15 тысяч, а французов — около 8 тысяч солдат.

Английский генерал лорд Гутчинсон, состоявший при главной квартире Бенигсена, очерчивает в следующих словах поведение наших войск под Фридландом: «Они бы победили, если бы только мужество могло доставить победу... В полной мере заслуживали они похвалы и удивления каждого, кто видел Фридландское сражение».

7 июня армия наша перешла Неман у Тильзита и уничтожила за собою мост. Бенигсен считал ее настолько расстроенной, что пришлось заключить перемирие.

Последствия Фридландского сражения были зрело взвешены враждующими сторонами. Обозначились обоюдомирные течения. Император Александр в инструкции графу Толстому, назначенному в 1807 г. послом в Париж, указывает главнейшие доводы в пользу прекращения войны 1806/07 г.: «...Я был совершенно оставлен союзниками,

наконец, увидев границы моего государства подверженными опасности от сцепления ошибок и обстоятельств, которых мне нельзя было тотчас отворотить, я имел полное право воспользоваться предложениями, несколько раз деланными мне в течение войны Наполеоном». Значит, государь не признал возможным подвергать всем ужасам войны русскую землю в трудное для нее время, когда одновременно велась война и против Турции. Император французов, в свою очередь, не любил подолгу отсутствовать в Париже. Испытав в течение 8-месячной упорной кампании, на какое вообще сопротивление способны русские войска, великий полководец не считал возможным начинать «русский» поход без основательной подготовки, тем более что Пруссия была уже у ног победителя. Император Александр применил всю силу своего влияния, чтобы спасти несчастного союзника, и ему действительно удалось отстоять хотя бы тень политического существования Прусского королевства.

13 июня на особом плоту посреди Немана, в Тильзите, состоялась встреча императора Александра с Наполеоном. Начались мирные переговоры. Основы мира устанавливались во время ежедневных вечерних бесед двух властителей; дипломаты были лишь редакторами принятых решений. 25 июня были подписаны, а 27-го ратифицированы акты Тильзитского мира, из которых важнейшим был договор о русско-французском союзе. Тильзитские постановления были не безвыгодны для России, по крайней мере в смысле территориальных приобретений. Непосредственным их следствием было присоединение Белостокской области; ими же в значительной степени было обосновано завоевание Финляндии и Бессарабии. Пруссия была совершенно унижена.

Но в тогдашней России Тильзитский мир оказался весьма непопулярным. Шильдер говорит, что на Петербург, на Москву, наконец, на все российское просвещенное общество Тильзит произвел самое тягостное впечатление; что не было возможности не только наказывать за изъявление всеобщего недовольства, но даже и сдерживать недоволь-

ных, ибо, как выразился весьма своеобразно один из современников, «от знатного царедворца до малограмотного писца, от генерала до солдата — все, повинуясь, роптало с негодованием». К тому же условия союзного договора заключали в себе такие обязательства России в отношении Англии, которые грозили в будущем самыми тяжелыми последствиями для русских торгово-экономических интересов.

Очевидно, была лишь видимость того, что роковой для Наполеона клубок политических взаимоотношений России и Франции был в Тильзите распутан, вернее — ослаблен; с того самого рубежа, с Немана, где умолкли выстрелы кампании 1806/07 г., надлежало в 1812 г. приступить к его радикальному, опять-таки при помощи меча, распутыванию.

Отечественная война 1812 г.

Н. П. Михневич, заслуженный профессор и почетный член Императорской Николаевской Военной академии, генерал от инфантерии

Перед вторжением Наполеона в Россию

Политическая обстановка ♦ Подготовка сторон к войне ♦ План войны Наполеона ♦ План русских ♦ Стратегическое развертывание русских армий ♦ Движение армии Наполеона к русской границе

Политическая обстановка. С 1799 г. Россия участвовала во всех европейских коалициях и больших войнах против Французской Республики, а потом и империи Наполеона. Только при борьбе против русских войск великий полководец переживал иногда тяжелые минуты сомнения в успехе. Хотя он и с особенным удовольствием часто вспоминал про «солнце Аустерлица», но, наверное, никогда не забывал и «метели Прёйсиш-Эйлауской». Россия была страшным противником на пути великого завоевателя к мировому владычеству. Его неудержимо увлекал неумолимый рок, в чем он и признавался, говоря: «Я чувствую, что стремлюсь достигнуть неведомой цели; но по достижении ее, когда я уже буду не нужен, достаточно будет одного атома, чтобы погубить меня; до тех же пор никакие человеческие силы не одолеют меня!» Проникнутый этими чувствами, Наполеон решил очертя голову броситься в борьбу с Россией.

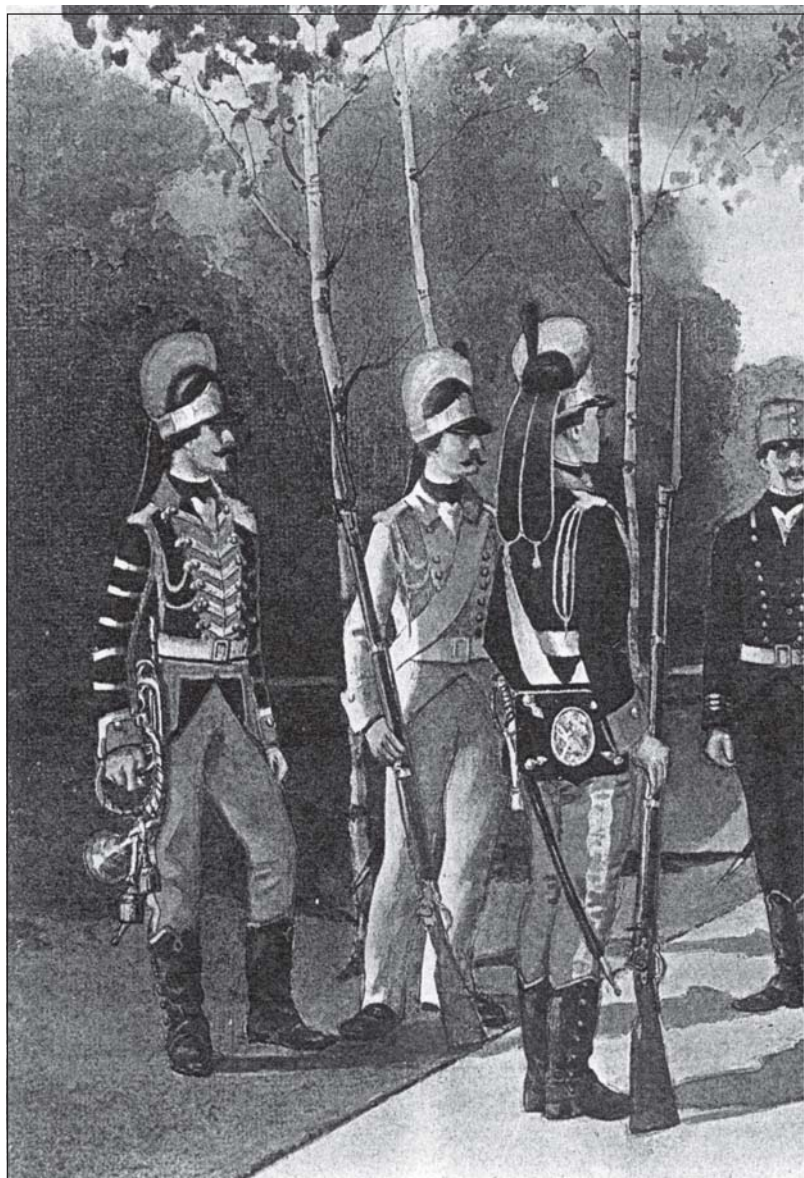
Гроза накапливалась с обеих сторон, и Россия была не удовлетворена Тильзитским миром 1807 г., заключенным после неудачного сражения под Фридландом. Русские люди считали подобный мир унижительным, хотя Россия и получила приращение — Белостокскую область. К этому присоединились

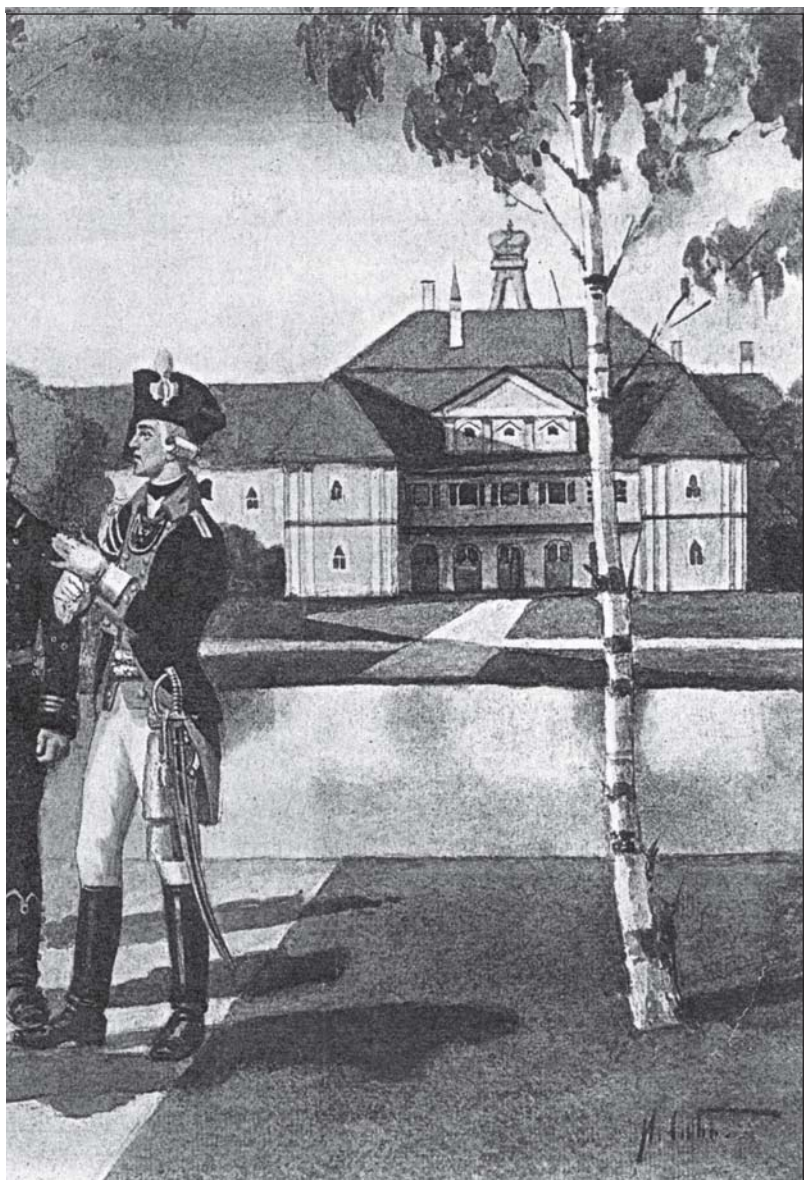
и причины экономического характера: мы обязались примкнуть к континентальной системе и порвать торговые связи с Англией, что вызвало сильное падение денежного курса и разорение купцов; наконец, русский таможенный тариф 1810 г., крайне невыгодный для Франции, вызвал новые осложнения. Война 1809 г., где русские должны были бороться против Австрии в союзе с Наполеоном, не сгладила отношений союзников: Наполеон был недоволен нерешительностью действий русских, а император Александр — присоединением Галиции к герцогству Варшавскому, намекавшим на возможность восстановления Наполеоном Польского королевства. Отказ выдать за Наполеона великую княжну Анну Павловну тоже способствовал обоюдному охлаждению.

Вскоре Наполеон нанес большое оскорбление императору Александру: носясь с идеей восстановления империи Карла Великого, говоря, что «еще три года — и я буду владыкой вселенной», в 1810 г. он начал уже приводить в исполнение свою мысль, уничтожив самостоятельность Голландского королевства, присоединив к Франции ганзейские города, Лауэнбург и все побережье Северного моря между реками Эмсом и Эльбой. В числе пострадавших оказалось герцогство Ольденбургское, по поводу чего император Александр I выразил энергичный протест. Наполеон протеста не принял; государь решил искать содействия у всей европейскиx правительств. Разрыв уже состоялся. Император Александр почел своей задачей спасти Европу от ненасытного честолюбия Наполеона.

Что касается Европы, то иностранные дипломаты предвкушали возможность использовать последствия этой борьбы, и Меттерних не скрывал своих опасений насчет пока еще возможного соглашения между Россией и Францией в ущерб Австрии и Пруссии. Последствием этого соглашения был бы раздел Европы между договорившимися сторонами. Поэтому они все держали сторону Наполеона, чтобы в случае победы Франции поживиться за счет России, а в случае победы последней объединиться против нее¹.

¹ В 1814 г., по восстановлении Бурбонов, был заключен между Англией, Францией и Австрией союзный договор против России.

Форма одежды лейб-гвардии Гренадерского полка

Справедливо сказал Данилевский, что «двенадцатый год был, собственно, великой политической ошибкой, обращенной духом русского народа в великое народное торжество»¹.

На почве нарушений континентальной системы и порвались отношения между Наполеоном и Александром I. Наполеон начал в 1811 г. приготовления к войне, отозвал своего посланника Коленкура, заменив его генералом Лористоном.

Отпуская Коленкура, государь высказал ему с полной откровенностью свой взгляд на положение дел: «У меня нет таких генералов, как ваши; я сам не такой полководец и администратор, как Наполеон, но у меня хорошие солдаты, преданный мне народ, и мы скорее умрем с оружием в руках, нежели позволим поступить с нами, как с голландцами и гамбургцами. Но уверяю вас честью, что я не сделаю первого выстрела, я допущу вас перейти Неман и сам его не перейду; будьте уверены, что я не объявлю вам войны, я не хочу войны; мой народ хотя и оскорблен отношениями ко мне вашего императора, но так же, как и я, не желает войны, потому что он знаком с ее опасностями. Но если на него нападут, то он сумеет постоять за себя».

Обе стороны начали искать союзников. К началу войны 1812 г. обстановка прояснилась: 24 февраля (7 марта) прусский король Фридрих Вильгельм III известил о союзе с Францией, 2 (14) марта то же сделала и Австрия.

24 марта Россия заключила союз со Швецией и 16 (28) мая окончила войну с Турцией. Когда французские войска подошли к нашей границе, был подписан мирный договор с Англией.

Подготовка сторон к войне. Силы и средства обеих сторон были далеко не одинаковы. Французская империя, располагавшая средствами 60-миллионного населения (собственно Франции, Рейнского союза, Италии, Далмации², Иллирии и герцогства Варшавского), считала в числе своих союзников

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 42.

² Историческая область в Югославии.

Австрию, Пруссию, Данию и Швейцарию. На стороне России были Швеция и нейтральная Турция, и только Англия помогала деньгами. Россия была истощена расходами на войны с Турцией, Швецией и Францией. Наполеон и в этом отношении имел громадное превосходство: бюджет империи в 1 млрд, военные контрибуции от прежних лет и военный резервный фонд в 100 млн франков. Только война на Пиренейском полуострове, поглощавшая значительные силы Франции, косвенно помогла России в тяжелый 1812 г.

Подготовка к войне началась обеими сторонами с 1809 г. Испытав большие затруднения в войне 1806/07 г. по части продовольствия, Наполеон заготовил запасы на 11 месяцев на всю армию, разместив их в крепостях по берегам Вислы и в Варшавском герцогстве. Передовым опорным пунктом избрана крепость Данциг; также были усилены крепости Модлин и Замосць в Варшавском герцогстве и Штеттин¹, Кюстрин и Глогау на Одере. Барону Биньону, резиденту в герцогстве Варшавском, приказано было в декабре 1811 г. организовать тайную разведку, перевод писем и бумаг, донесений дезертиров, пленных и т. п. Разведка действовала на всех дорогах от Петербурга, а также Бухареста, откуда можно было ожидать прибытия русской армии из Турции. Особые агенты действовали в Риге, Динабурге², Гродно, в районе Пинских болот. Собирались сведения о продовольственных и перевозочных средствах Польского театра войны.

В декабре 1811 г. сделан призыв конскриптов по сроку 1812 г. — 120 тысяч, из которых 112 249 человек влиты немедленно в действующие войска.

Армия Наполеона, заключающая в себе войска почти всех европейских наций, в 1812 г. достигала 1 187 000; из этого числа свыше 600 тысяч составляли так называемую большую армию, предназначенную для вторжения в Россию. Иностранные контингенты были следующие: итальянцев — 42 тысячи, баварцев — 30 тысяч, саксонцев — 30 тысяч, поля-

¹ Нынешний Щецин в Польше.

² Нынешний г. Даугавпилс.

ков — 60 тысяч, вестфальцев — 30 тысяч, вюртембержцев — 15 тысяч, баденцев — 10 тысяч, германский контингент — 23 тысячи, пруссаков — 20 тысяч, австрийцев — 30 тысяч; всего 290 тысяч. Часть их вошла в большую армию, часть действовала на Пиренейском полуострове.

Большая армия состояла из гвардии, 12 пехотных корпусов и 4 резервных кавалерийских корпусов.

Гвардия, под начальством маршалов Лефевра, Тыс. человек

Мортье и Бессьера 37,5

Пехотный корпус:

1-й маршала Даву (пять пехотных дивизий и две легкие кавалерийские бригады) 69,5

2-й Удино (три пехотные дивизии и две легкие кавалерийские бригады) 40

3-й Нея (три пехотные дивизии и две легкие кавалерийские бригады) 34

4-й вице-короля итальянского принца Евгения Богарне (три пехотные дивизии, итальянская гвардия и две легкие кавалерийские бригады) 45

5-й князя Понятовского (три пехотные дивизии и одна кавалерийская бригада) 34,5

6-й Гувийон Сен-Сира (две пехотные дивизии и две легкие кавалерийские бригады) 23,5

7-й Ренье (две пехотные дивизии, одна кавалерийская дивизия и одна легкая кавалерийская бригада) 18,5

8-й Вандамма, а потом Жюно (две пехотные дивизии и одна легкая кавалерийская бригада) 17

9-й маршала Викторя (три пехотные дивизии и две легкие кавалерийские бригады) 25

10-й маршала Макдональда (одна пехотная дивизия и Прусский корпус) 29

11-й Ожро (пять пехотных дивизий и сводный Драгунский полк) 46

Австрийский князя Шварценберга (четыре пехотные дивизии и одна кавалерийская дивизия) 36

Кавалерийский корпус:

1-й Нансути (две кирасирские дивизии и одна легкая кавалерийская дивизия)	12
2-й Монбрена (две кирасирские дивизии и одна легкая кавалерийская дивизия)	9
3-й Груши (одна драгунская дивизия и одна легкая кавалерийская дивизия)	7
4-й Латур-Мобура (одна дивизия тяжелой кавалерии и одна легкой кавалерии)	7
Обоз главной квартиры (13 обозных батальонов, лазареты)	7
Артиллерийские, инженерные и понтонные парки	13
1-я резервная дивизия	14
Датская дивизия	10

Примечания. 1. Резервная кавалерия — под общим командованием Мюрата, короля Неаполитанского.

2. Всего в большой армии Наполеона (к 1 августа 1812 г.) было 540 654 человека и 155 929 строевых и обозных лошадей, до 100 тысяч разного рода нестроевых чинов и 1372 орудия

Во главе этой армии стояли талантливые соратники Наполеона, прошедшие серьезную боевую школу. Армия боготворила Наполеона и была уверена в его непобедимости. Солдаты были опытны в бою и воодушевлены духом презрения к смерти, а свойственная французам беспредельная веселость не оставляла их в минуты самых грозных опасностей. Упоенные мечтой о славе и победах, они прошли через все столицы Европы, но были остановлены на равнинах России и под стенами Москвы. Армия Наполеона имела и свою слабую сторону, которая заключалась в большом количестве иноземных солдат, чуждых интересам Франции. В глубине души все они ненавидели великого деспота и только ждали благоприятной минуты, чтобы сбросить с себя пресловутое иго.

В начале 1812 г. войска большой армии двинулись с разных концов Европы в Пруссию и в герцогство Варшавское и в мае заняли левый берег Вислы, от Данцига до Радома. Ог-

ромные материальные запасы, сосредоточенные на Висле, решили двинуть за армией водным путем по Дейме, Преголи, Неману и р. Вилии до Вильна, а 20 обозных батальонов (6 тысяч конных повозок и 300 на быках) должны были перевезти двухмесячное продовольствие на всю армию.

Никогда еще подготовка Наполеона к войне не была доведена до такой высокой степени совершенства, но для борьбы с Россией и этого оказалось недостаточно.

В апреле выехал Наполеон из Парижа и, прибыв в Кёнигсберг, приказал армии переправиться через Вислу и двинуться к Неману и Бугу. Но война еще не была объявлена России, и переговоры с императором Александром не прекращались.

Подготовка к войне с Наполеоном и в России началась с 1809 г. рекогносцировками пограничной полосы квартирмейстерскими офицерами, а в 1810 г. была укреплена западная граница. Приступили также и к разработке плана войны.

В 1812 г. было произведено три набора рекрутов, а также сформировано ополчение численностью 280 951 человек только из помещичьих крестьян. По окончании войны они были распущены по домам. Из части рекрутских депо в 1811 г. сформированы 1-й и 2-й резервные корпуса, а в марте 1812 г. из остальных депо сформировано еще 10 пехотных и четыре кавалерийские дивизии, 17 пеших и семь конноартиллерийских рот.

Армия наша в начале 1812 г. была доведена до 480 тысяч при 1600 орудиях, кроме учебных и гарнизонных войск. Но не все эти войска могли вступить в борьбу с силами Наполеона. Более 80 тысяч находились в Молдавии (Кутузов); в Крыму и Новороссийском крае — 20 тысяч (герцог Ришелье), на Кавказской линии — 10 тысяч (Ртищев), в Грузии — 24 тысячи (маркиз Паулучи); в Финляндии — 30 тысяч (Штейнгель); в Москве формировалась дивизия Неверовского (8 тысяч); кроме этого, 12 тысяч еще не вошли в состав дивизий и 80 тысяч были в запасных батальонах и эскадронах; всего 264 тысячи человек.

Таким образом, в марте 1812 г. Россия могла выставить к западным границам всего 200 тысяч войск против 600-ты-

сячной армии Наполеона. В марте 1812 г. состав русских войск был следующим:

Пехота	Число полков	Тыс. человек
Полки:		
гвардейские	6	13
гренадерские	14	37
пехотные	96	226
егерские	50	75
морские	4	10
пионеры	-	4
	Всего	365

Кавалерия	Число полков	Тыс человек
Полки:		
гвардейские	6	5,5
кирасирские	8	7,5
драгунские	36	34,5
уланские	5	8,5
гусарские	11	20
	Всего	76

Артиллерия:	Число орудий	
гвардейская (пять рот)	60	
полевая батарейная	648	
полевая легкая	648	
конная (22 роты)	264	
	Всего	1620

Пехотные полки состояли из трех батальонов, по четыре роты; вторые батальоны считались запасными и оставались дома; только их гренадерские роты вышли в поход; из них составлены были сводные гренадерские батальоны. Кавалерийские полки состояли: кирасирские и драгунские из пяти эскадронов, в том числе один запасной; уланские и гусар-

кие — из 10 эскадронов, в том числе два запасных. Артиллерийские роты (или батареи) состояли из 12 орудий.

Два пехотные полка составляли бригаду, три бригады (две линейные и одна егерская) — дивизию (с 1806 г.). В 1810 г. введены были пехотные корпуса, состоявшие из двух или трех пехотных дивизий с придачей кавалерии, а также резервные кавалерийские корпуса.

После опыта кампаний 1805—1807 гг. проявились многие неудобства реформ императора Павла I и стало заметно стремление к новым веяниям в деле как воспитания, так и обучения войск, а также и военного искусства вообще. При этом старались опираться не на Петровский Воинский устав, не на национальные начала екатерининской эпохи, уже оправданные блестящими успехами нашего оружия, а на иностранные источники: сочинение французского военного теоретика Гибера и некоторые немецкие (пруссские) книги.

Идеи Гибера были хотя и односторонни — он был поклонником линейной тактики, — но все-таки полезны, так как он требовал обучения прицельной стрельбе, систематических лагерных занятий и маневров в мирное время, простоты и малого числа видов строя.

Вновь изданные александровские уставы не могли отрешиться от чрезмерного развития видов строев, а рутинеры Павловской школы выдвинули на первый план занятия эволюциями настолько, что даже любитель муштры и плац-парадной стороны обучения войск великий князь Константин Павлович жаловался на вырождение у нас занятий войск в «танцевальную науку». Впрочем, были и такие генералы, серьезно смотревшие на военное дело и подготовку войск, как князь Барклай-де-Толли, под влиянием которого было введено много хорошего и особенно действие пехоты в рассыпном строю. Великий князь Константин Павлович был представителем противоположного течения, а посему восстановил отвергаемую официальными уставами наступную и отступную пальбу из сомкнутого строя.

Кавалерия наша, по образцам Фридриха Великого, подготовлялась хорошо. Особенно высоко было поставлено бое-

вое действие артиллерии. Замечательны в этом отношении «Правила для артиллерии в полевом сражении», составленные графом Кутайсовым в 1812 г., в которых он проводит идею резерва в артиллерии и необходимости связи с другими родами войск.

Были попытки поднять и общую тактическую подготовку офицеров. С этой целью издали сочинение «Общий опыт тактики», первая часть которого, «Опыт начальной тактики», появилась в 1807 г., а вторая, «Опыт высшей тактики», — в 1810 г.

В 1812 г. появилось замечательное по тому времени, приписываемое князю Барклаю-де-Толли, «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения». В нем воскрешаются военные принципы Екатерининской эпохи: меткая стрельба, решающее значение удара в штыки, целесообразность обучения и пр. Стрелковая цепь с резервами рекомендуются как основа боевого порядка.

Все это изучалось с охотой, так как отвечало духу времени, потребности данной минуты. Поражение Аустерлицкое, поражение Фридландское, Тильзитский мир, надменность французских послов, пассивность императора Александра перед политикой Наполеона I — все это оставило глубокие раны в душах русских патриотов. Мщение было единым чувством, пылающим в груди каждого.

Привыкшая к блеску побед в период екатерининского царствования, гордая своим предыдущим величием, Россия не могла снести тильзитского позора. И если Аустерлицкое и Фридландское поражения возбуждали жажду мести, то Пултуск, Эйлау и Гейльсберг, доказавшие, что русская армия может бороться с французами, питали надежду на успех в сердцах русских.

Вышедшие в отставку вновь вступали на военную службу. Молодежь стремилась приобретать познания в военном деле, зачитывалась только что появившимся знаменитым сочинением Жюмини «О великих военных действиях», чтобы познать тайну побед великого полководца. Отголосок всеобщего увлечения идеями Жюмини звучит в шуточных строках поэта-партизана Д. В. Давыдова:

Говорят: умней они...¹
Но что слышим от любого?
«Жомини да Жомини!» —
А об водке ни полслова.

Работа кипела и в верхах армии: в 1812 г. появились два высочайше одобренных положения: 1) «Учреждение для управления большой действующей армии», чего не было даже у Наполеона и чем можно объяснить многие его неудачи начиная с 1812 года, и 2) «Положение для крепостей, на базисе военных действий расположенных».

К этому времени относится серьезная работа генерал-квартирмейстера фон Сухтелена «Начертание на случай военных ополчений». Им было разработано пять предложений по мобилизации, с подробным расчетом времени «собрания армий», но «все принадлежащее к сей материи» хранилось «под секретом» в особом конверте в канцелярии Военной комиссии. Конверт этот вскрыт был лишь через пятьдесят лет, во время Восточной войны 1853—1856 гг., а именно 15 декабря 1854 года.

Таким образом, и в армии, и в обществе ждали войны и готовились к ней. Вспомним, что в рядах армии было много генералов, офицеров и солдат славной екатерининской эпохи, привыкших побеждать и гордившихся своим славным боевым прошлым. На полях сражений Отечественной войны и особенно в сражении под Бородином они показали свою доблесть всему миру.

План войны Наполеона. В первых числах мая 1812 г. армия Наполеона развернулась на Висле, от Данцига до Радома, в 400 верстах от русской армии, стоявшей на границе, за Неманом. При дальнейшем движении на восток французский полководец имел в виду следующее:

1) если русская армия перейдет в наступление в направлении на Варшаву, обрушиться на ее правое крыло, разбить его и всю армию оттеснить на юг, в болота Полесья;

¹ Нынешние гусары по сравнению с ветеранами.

2) если русские останутся на месте в оборонительном положении, то атаковать их, стараясь прежде всего покончить с правым крылом русской армии.

В конце апреля Наполеон имел весьма точные сведения о расположении русских армий вдоль границы — от России до Луцка — и употреблял все старания, чтобы удержать их в этом положении, для чего приказал Даву распространять слухи о движении его на Варшаву и оттуда на Волынь и о том, что будто бы в Варшаву прибудет и Наполеон со штабом армии.

26 мая из Дрездена император дал приказание для движения армии к русской границе в трех группах:

левая группа (1, 2 и 3-й пехотные, два кавалерийских корпуса и гвардия — 220 тысяч человек) под непосредственным его командованием;

центр (4-й и 6-й пехотные и 3-й кавалерийский корпуса — 85 тысяч человек) под начальством принца Евгения;

правая группа (5, 7 и 8-й пехотные и 4-й кавалерийский корпуса — 75 тысяч человек) под начальством короля Иеронима.

Наполеон сделал ошибку — будучи главнокомандующим, он взял на себя командование левой группой, что должно было вызвать большие затруднения при действиях на таком огромном театре войны, как Россия.

Наступать французская армия против русских, оставшихся в выжидательном положении на границе, должна была уступами слева: главная масса (гвардия, Даву, Удино, Ней и кавалерийские корпуса Нансути и Монбрена), предводимая Наполеоном, должна через Ковно двинуться на Вильно, «которое будет первым предметом действий¹»; в центре — Евгений со своим корпусом, Сен-Сира и кавалерией Груши от Растенбурга, на Сувалки и Сейны, уступом вправо-назад от императора; он должен был брать во фланг русские войска, если бы они перешли в наступление от Олиты или Гродна; в случае же движения вперед стараться отрезать армию Барклая от Багратиона; правая масса — Иеронима (Понятовский, Ренье, Вандамм и кавалерия Латур-Мобура) — образует второй эшелон у Варшавы и на Нареве.

¹ Письмо к Иерониму; Торн, 5 июня.

Иерониму предписано употребить все средства, чтобы заставить русских думать, что он должен идти через Люблин на соединение с Шварценбергом и потом на Волынь и, таким образом, притянувши внимание на себя, облегчить действительное наступление на севере. Если же русские перейдут против него в наступление, то обороняться на Нареве и в Варшаве, опираясь на Модлин; тогда Евгений атакует русских во фланг, Иероним обеспечит сообщения на Торн, а император двинется из Вильна и отрежет окончательно путь отступления русских.

Крайние фланги армии прикрывались отдельными корпусами: слева — Макдональда,двигающегося на Россиены, а справа — Шварценберга, наступавшего на Люблин.

Таким образом, сущность операции, задуманной Наполеоном, состояла в следующем: удерживая правое крыло армии, нанести своим левым крылом сильный удар правому крылу русской армии и, отбросив его, двинуться в тыл центра и левого крыла русских.

Как мы скоро увидим, Наполеон сразу потерпел неудачу: русские не сделали того, о чем он думал; они не перешли в наступление к Варшаве и не остались на границе, так что его удар был нанесен впустую.

Тогда он делает новую ошибку — старается воспрепятствовать соединению армий Баркляя и Багратиона; если бы это соединение произошло до Смоленска, то, под давлением общественного мнения, русские дали бы сражение при крайне невыгодных условиях; сражение же под Смоленском значительно облегчило положение русских.

План русских. Императору Александру прежде всего предстояло решить вопрос: где встретить неприятеля — на чужой земле или в своих пределах?

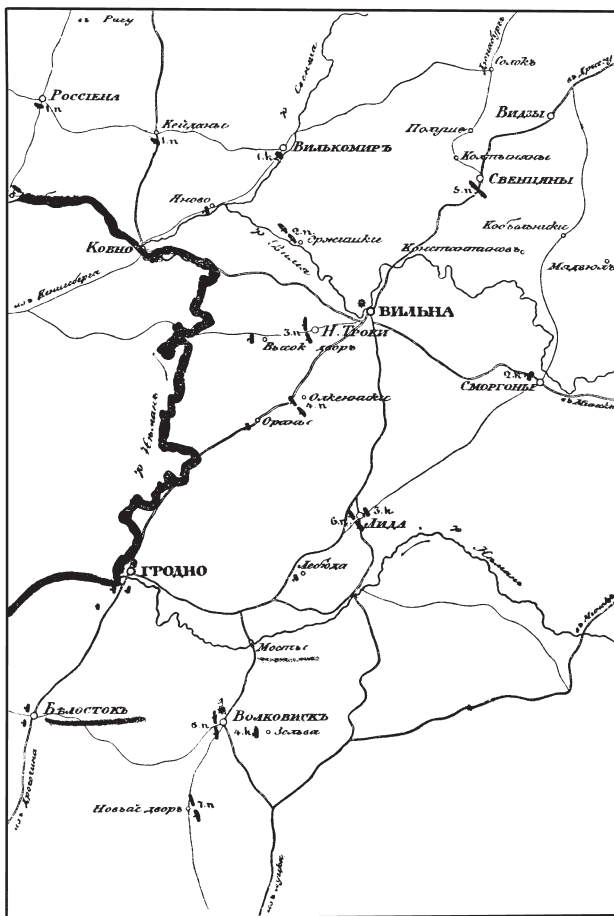
Действуя наступательно, мы избавляли свою страну от тягот войны, могли усилиться войсками и средствами Пруссии и поднять всю Германию, изнемогавшую под игом Наполеона и покрытую сетью тайных обществ. Но для этого нужно было довериться полякам, что было невозможно, так как поляки поспешили провозгласить в Варшаве восстановление польского королевства. «Судьба России скоро свершит-

ся, татары будут отброшены обратно за Москву», — хвалились они наперед. При подобном настроении в Польше и слабости Пруссии целесообразнее было отказаться от наступления и принять оборонительный способ действий.

Очень многие высказывали мысль, что в борьбе с Наполеоном лучше всего применять затяжной характер войны; против его решительных действий противопоставить такие факторы, как время, расстояние, суровость климата, плохие дороги и отступление шаг за шагом; избегая решительных сражений и постоянно нападая на сообщения, тыл армии, лишая ее необходимых запасов и тем самым постепенно обессиливать. Подобный способ действий с особенной выгодой может быть применен на обширном русском театре военных действий, на этом «океане земли», как выразился историк Соловьев.

Идея обороны действиями на сообщения наступающей армии была прекрасно разработана Бюловым и использована генералом Фулем при составлении нашего оборонительного плана в 1812 г. По его плану, утвержденному государем, на главном театре, к северу от Полесья, для прикрытия Петербурга и Москвы выставлялись две армии, каждая из которых должна отступать перед превосходящим в числе противником, не вступая в генеральное сражение, а в это время другая, свободная от напора противника армия должна ударить в тыл наступающего. На случай вторжения противника из Галиции выставлена еще третья армия к югу от Полесья, у Луцка.

Как мы увидим дальше, под напором превосходящих сил Наполеона обе наши армии, дислоцированные к северу от Полесья, вынуждены были отступать, и, по-видимому, план Фуля оказался несостоятельным. Но этот приговор был бы несправедлив: основная идея плана — действия на сообщения армии Наполеона — и погубила ее; только эта работа выпала, по отступлении армий Баркляя и Багратиона, войскам Витгенштейна и Штейнгеля, действовавшим с севера, и армиям Торماسова и Чичагова, действовавшим с юга, а также партизанским отрядам, имевшим опору в этих регулярных войсках.

Расположение 1-й и 2-й армии перед войной

Идея Бюлова, а следовательно, и Фуля в конце концов восторжествовала.

Стратегическое развертывание русских армий. Для встречи противника 220-тысячные русские войска были выдвинуты на самую западную границу в составе трех армий.

1-я Западная армия, под начальством военного министра генерала Баркляя-де-Толли, состоящая из шести пехотных и трех резервных кавалерийских корпусов и 7 тысяч казаков (всего 127 тысяч солдат с 550 орудиями), стала по правому берегу Немана, от Россиен до Лиды, на фронте в 200 верст. Главная квартира ее находилась в Вильно. Император Александр прибыл туда в апреле, чтобы наблюдать за общим ходом политических и военных событий.

Состав 1-й Западной армии

Пехотный корпус:	Тыс. человек
1-й графа Витгенштейна (две пехотные, одна кавалерийская дивизии, три казачьих полка).....	23
2-й генерал-лейтенанта Багговута (две пехотные, одна кавалерийская дивизии)	16,5
3-й генерал-лейтенанта Тучкова 1-го (две пехотные дивизии и два кавалерийских полка)	18,5
4-й графа Шувалова, а потом графа Остермана-Толстого (две пехотные дивизии и один кавалерийский полк).....	13,5
5-й цесаревича Константина Павловича (гвардейская, гренадерская и 1-я кирасирская дивизии)	20
6-й генерала Дохтурова (две пехотные дивизии и один кавалерийский полк)	20,5
Резервный кавалерийский корпус:	
1-й Уварова	3,6
2-й барона Корфа	4
3-й графа Палена	3
Казачи (14 полков) в Гродне атамана Платова	7

2-я Западная армия генерала князя Багратиона, состоящая из двух пехотных и одного резервного кавалерийского корпусов и 4 тысячи казаков (всего 40 тысяч человек и 216 орудий), заняла открытый промежуток между Неманом и Буггом. Главная квартира — в Волковиске, в 90 верстах от Лиды.

Состав 2-й Западной армии

Пехотный корпус:	Тыс. человек
7-й Раевского (две пехотные дивизии и один кавалерийский полк)	16,5
8-й Бороздина (две пехотные дивизии и один кавалерийский полк)	15
4-й резервный кавалерийский корпус графа Сиверса	3,5
Летучий отряд (девять казачьих полков)	
Иловайского 5-го (у Белостока)	4,5

3-я Западная армия генерала Тормасова в составе трех пехотных и одного резервного кавалерийского корпусов (всего 43 тысячи человек и 168 орудий) стояла по квартирам в Волыни и Подолии. Главная квартира в Луцке.

Состав 3-й Западной армии

Пехотный корпус:

генерала графа Каменского (одна пехотная дивизия, одна пехотная бригада, один кавалерийский полк)
 Маркова (две пехотные дивизии и кавалерийский полк)
 барона Сакена (одна пехотная дивизия, одна кавалерийская дивизия и один конный полк)
 Кавалерийский корпус графа Ламберта (две кавалерийские дивизии)
 Летучий отряд (девять казацких полков)

За этими войсками во второй линии находились:

1-й резервный корпус Меллера-Закомельского (две пехотные дивизии и одна кавалерийская дивизия) в Торопце;
 2-й резервный корпус Эртеля (две пехотные дивизии и одна кавалерийская дивизия) в Мозыре.

Таким образом, наши армии, втрое слабее неприятеля, были растянуты кордоном от Ковна до Луцка на 500 верст;

кавалерия стояла за пехотными корпусами, и только казаки Платова и Иловайского 5-го у Гродна и Белостока могли производить разведки. При таких условиях сосредоточение наших армий было возможно далеко в тылу.

1-й Западной армии Баркляя-де-Толли было намечено сосредоточиться у Свенцяи, а потом отступить в Дрисский укрепленный лагерь, устроенный на Западной Двине. Платов и 2-я Западная армия должны были действовать на сообщения противника, когда он пойдет на 1-ю армию; а 3-я Западная армия должна была наблюдать границы Волыни и Подолии и, усилив себя корпусом Эртеля, действовать во фланг тем войскам, которые пойдут против Багратиона; в случае же превосходства в силах противника отступить к Киеву.

Армиям приказано во всех возможных случаях поддерживать друг друга; корпусам быть в непрерывной связи и разведывать направление движения неприятеля. При переправе через Неман слабого неприятеля бить и уничтожать, а от сильнейшего отступать, портя дороги и переправы и устраивая засеки. При отступлении приказано уводить с собой всех земских чиновников, вывозить казну, военные запасы и архивы. Линии размещения запасов с одной стороны — от Немана к Двине и Великим Лукам, с другой — к Волынской и Минской губерниям (на случай маневров 1-й и 2-й Западных армий). В течение апреля и мая заканчивали работы по укреплению Киева и Риги. Укрепляли также Борисов для прикрытия Смоленской дороги и сообщения между Бобруйском и Динабургом. Строили укрепленные лагеря близ Киева и на левом берегу Западной Двины, у Дриссы. Для обеспечения соединения 1-й и 2-й армий укрепляли местечко Мосты на Немане и строили предмостное укрепление при Сельцах. Об отступлении внутрь России первое время не помышляли, но оно было вынуждено силой обстоятельств.

Без страха, но с волнением ожидала Россия войны. Все сознавали, что предстоит нечто ужасное. Частые пожары, появление кометы — все толковалось в народе как тяжелые предзнаменования. Император Александр выказал в эту трудную минуту необыкновенную твердость. Присланному к нему Наполеоном для переговоров графу Нарбонну, указав

на лежавшую перед ним карту России, государь сказал: «Я не ослепляюсь мечтами; я знаю, в какой мере император Наполеон великий полководец, но на моей стороне, как видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для вас земле нет такого отдаленного угла, куда бы я не отступил, нет такого пункта, который я не стал бы защищать, прежде чем согласиться заключить постыдный мир. Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России».

Движение армии Наполеона к русской границе. После доклада в Дрездене графа Нарбонна, попутно отметившего, что он «не заметил в русских ни уныния, ни надменности», Наполеон 17 мая решил не откладывать далее нашествия на Россию и в три часа утра выехал из Дрездена в Торн, где дал окончательное повеление войскам идти к границам России. Одни направились через Эльбинг и Кёнигсберг к Ковно (левая группа), другие — к Белостоку (центр) и Гродно (правое крыло). Осмотрев в четыре дня крепость Данциг и собранные в ней запасы, Наполеон отправился в Кёнигсберг, где занялся складированием продовольствия. Все дороги были забиты бесконечными обозами со всякими видами запасов. При войсках гнали целые стада скота, и шли большие обозы с припасами, которые было запрещено расходовать, так как на походе войска должны были получать продовольствие от жителей. Корпусным командирам приказано собирать как можно больше повозок и запасов на случай сосредоточения к полю сражения 400 тысяч человек, когда на средства страны рассчитывать будет нельзя.

Во исполнение этих повелений, лошади, рогатый скот, повозки, хлеб в Пруссии и Варшавском герцогстве беспощадно отнимались у населения, и его же заставляли все это везти за войсками, предававшимися грабежу. Дисциплина в войсках начала падать; подводчики разбегались, а на место их ставили строевых солдат, не умевших обращаться с лошадьми, отчего обозы начали понемногу отставать, что грозило суровыми лишениями в будущем. Участники похода в большой армии Наполеона отмеча-

ют, что голодовка в войсках началась уже в Германии, даже в богатой Саксонии. Мрачные предчувствия уже зарождались в душе многих опытных воинов. 10 (22) июня Наполеон прибыл в Вильковишки и решил немедленно открыть военные действия.

От Немана до Смоленска

Переправа через Неман у местечка Понемунь ♦ Отступление 1-й Западной армии в Дрисский лагерь ♦ Отход 2-й Западной армии к Несвижу ♦ Движение 1-й Западной армии к Витебску ♦ Бои под Витебском ♦ Действия князя Багратиона на пути от Несвижа до Смоленска ♦ Соединение 1-й и 2-й армий под Смоленском ♦ Причины первых неудач Наполеона ♦ Действия на флангах ♦ Действия Торماسова против Ренье и Шварценберга

В Вильковишках Наполеон продиктовал приказ по армии: «Солдаты! Вторая война польская началась. Первая кончилась под Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого изъяснения о странном поведении своем, пока орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Не почитает ли она нас изменившимися? Разве мы уже не воины аустерлицкие? Россия поставляет нас между бесчестьем и войной. Выбор не будет сомнителен. Пойдем же вперед! Перейдем Неман, внесем войну в русские пределы. Вторая польская война, подобно первой, прославит оружие французское; но мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец пятидесятилетнему кичливому влиянию России на дела Европы».

Приказ этот не был послан в корпуса Макдональда и Шварценберга, так как восторженные слова его, по мнению Наполеона, не могли произвести на немцев желанного впечатления.

Переправа через Неман у местечка Понемунь. 11 (23) июня Наполеон поехал из Вильковишек к Ковно, куда под-

тянулись 250-тысячные его войска. Прибывшие на бивак польских войск, он и его начальник штаба Бертье переоделись в польские костюмы и в сопровождении польского офицера подъехали к самому берегу Немана. Здесь из окна одного дома, в расстоянии пушечного выстрела от Ковно, Наполеон лично произвел рекогносцировку противоположного берега, спрашивал, где на реке броды и где стоят русские войска; в тот же день он побывал еще в нескольких пунктах на Немане и выбрал место для переправы у местечка Понемуни; сопровождал его инженерный генерал Гаксо.

Когда солнце село и наступила темнота, к месту переправы прибыл Наполеон, чтобы руководить ею. Пехота, конница и артиллерия в глубоких колоннах, в полной тишине и без огней, стояли почти у самой реки. Спустили понтоны на реку, и 300 поляков 13-го полка поплыли на лодках к русскому берегу; по высадке тотчас же была занята деревня. Подъехал к месту высадки русский разъезд Лейб-казацкого полка и, выяснив в чем дело, донес командиру полка графу Орлову-Денисову, но тот не приказал вступать в бой и послал о происшедшем донесение. Так, без объявления, начал Наполеон эту войну, которую Талейран справедливо назвал «началом конца».

К полуночи были наведены три моста, и вскоре они заколыхались под тяжестью войск, начавших по ним переправу. Наполеон любовался некоторое время на переправу своих войск, а потом и сам переехал на русскую сторону¹. Русские отступили, не оставив следа. Сильный ливень испортил дороги, что затруднило переправу войск. Двое суток, днем и ночью, тянулись войска по мостам, но уже утром 13 (25) июня авангард большой армии занял Ковно без сопротивления; казачий разъезд, там находившийся, отступил и сжег мост на р. Вилии. Под ве-

¹ Подполковник Пион де Лош рассказывает с удивлением, что Наполеон приказал ему занять батареей высоту на левом берегу Немана, левее мостов; русских нигде не было; не хотел ли он заставить думать шедшие за ним войска, что его орудия могут обстреливать всю Россию?

чер прибыл в Ковно Наполеон и имел здесь первый ночлег на русской земле.

В то время как шла переправа главной массы войск Наполеона у Ковна, вице-король Евгений находился у Олецка, а король вестфальский Иероним был еще дальше позади, у Новограда. По окончании переправы Наполеон двинулся к Вильно.

Корпуса 1-й Западной армии быстро отступали на соединение к Свенцянам. Уже утром 12 (24) июня император Александр получил донесение о готовящейся переправе у Ковна. Платову и Багратиону было послано приказание немедленно ударить переправляющимся во фланг, но государь хранил полученные сведения в тайне и даже вечером был на балу в Закрете, загородном доме генерала Бенигсена. Во время бала курьер привез известие о наводке неприятелем мостов на Немане. Получив это донесение, государь никому об нем не сообщил, пробыл еще час на балу и затем уехал отдавать необходимые распоряжения. Государственному секретарю Шишкову было поручено написать приказ войскам, который оканчивался так: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского солдата не останется в царстве моем». В приказе были и такие слова: «Не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь Свидетеля и Защитника правды, Всемогущего Творца Небес, поставить силы наши против сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог».

Сравнивая воззвания Наполеона и императора Александра к войскам, французский писатель Сегюр дает им весьма верную оценку: «Одно проникнуто идеей обороны, просто и умеренно; другое имеет тон вызывающий, дышит дерзостью и уверенностью в победе; первое опирается на религию, а второе доверяет случаю; первое вызывает к любви к отечеству, последнее — к любви к славе»¹.

¹ Ségur comte. Histoire de Napoléon et de la Grande arméen 1812.

14 (26) июня Наполеон выступил из Ковна на Вильно, надеясь быстрым движением помешать сосредоточению русских войск, а император Александр выехал из Вильна.

Войска из Ковно двигались тремя колоннами: 1) прямо на Вильно шли Мюрат с корпусами Нансуги и Монбрена, а за ними корпус Даву и гвардия, при которой был Наполеон¹; 2) влево, по правому берегу Вилии, двигался Удино на Вилькомир; 3) вправо, левым берегом Вилии, — Ней на Кормелов и Скурули, с приказанием повернуть оттуда на Вильно или же, в случае надобности, поддерживать Удино.

Первые переходы под проливными дождями уже оказались губительными для французских войск, в некоторых батареях пала треть лошадей. Обозы отстали. Войска, сосредоточенные на небольшом пространстве, начали грабить население и все превращали в пустыню; устрешенные жители спасались в леса, угоняя с собою скот. Многие предчувствовали недоброе. Начальник артиллерии, генерал Сорбье, говорил: «Надо с ума сойти, чтобы пуститься на такое предприятие! Что можно ожидать осенью, если в июне ледяные дожди убивают лошадей и делают дороги непроездными?»

Сразу обнаружившееся значительное превосходство сил у Наполеона и его стремительное наступление повлияли на настроение императора Александра, и он, уступая мнению большинства, по-видимому, отказывается от плана Фуля, и, вместо действия разделенными силами, стремится к соединению их. Отдано приказание 1-й армии сосредоточиваться у Свенцяи, а 2-й идти на соединение с 1-й через Вилейку, а в случае невозможности исполнить это направиться на Минск, к Борису. Вслед за тем 20 июня 1-й армии приказано отступить к Дрисскому укрепленному лагерю².

¹ Туда же направлялся вице-король из Прен через Новые Троки; он переправился через Неман у Прен 18 (30) июня; а войска короля Иеронима сосредоточились у Гродно лишь 21 июня (3 июля); головные его части начали подходить 17 (29) июня.

² В сущности, приказание 2-й армии идти на Вилейку или на Минск к Борису выводило ее на Московскую дорогу, которая, за уходом 1-й армии в Дрисский укрепленный лагерь, оставалась неприкрытой. Если бы

Отступление войск 1-й армии к Вильно шло благополучно, и 14 (26) июня Барклай-де-Толли приостановился, но 15 (27) появились против наших авангардов, стоявших в Трокках и Рыконтах, конные неприятельские отряды и получено известие, что «при них идет и сам Наполеон», поэтому на следующий день приказано было продолжать отступление к Свенцянам.

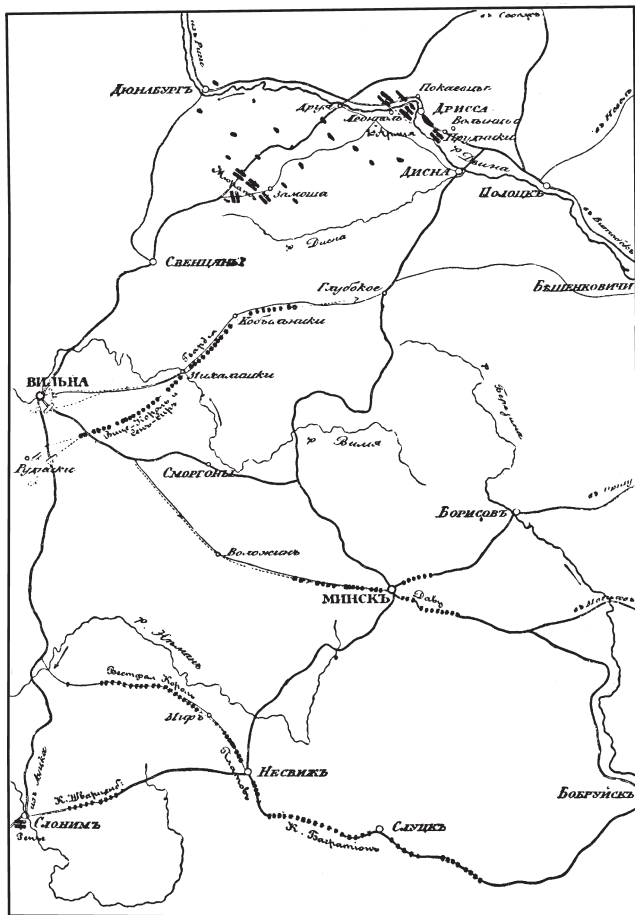
16 (28) июня неприятель атаковал перед Вильном аррьергард корпуса Тучкова, прикрывавший отступление; последним выступил из Вильно граф Орлов-Денисов с Лейб-казачьим полком. В полдень в столицу бывшей Литвы торжественно въехал Наполеон, встреченный магистратом с ключами города и восторженными криками поляков, называвших это событие днем освобождения земли Гедиминовой.

Занявши Вильно, Наполеон прервал прямое сообщение между армиями Барклая-де-Толли и Багратиона. В Вильно он остается с гвардией, а прочие войска безостановочно двигает вперед, чтобы помешать соединению корпусов 1-й армии и окончательно разъединить 1-ю и 2-ю армии, а последнюю, если удастся, и уничтожить. С этой целью 150 тысяч войска, под начальством Мюрата¹, двинуты за армией Барклая-де-Толли, а 40 тысяч, под начальством Даву², устремились через Ольшаны на Минск, наперерез армии Багратиона, против которой с фронта наступало 80-тысячное войско короля Иеронима, подходившее в это время к Гродно и Белостоку. Вице-король, по переправе через Неман у Прен, остановился у Рудников, чтобы оттуда, смотря по обстоятельствам, обратиться влево на Свенцяны или вправо, против Багратиона.

идея соединения обеих армий была твердо усвоена, то 1-ю не следовало уводить к Дриссе, а вести ее навстречу 2-й армии; движением 1-й армии на Дриссу она удалялась, а не сближалась со 2-й армией.

¹ Пехотные корпуса Удино и Нея, три дивизии из корпуса Даву и кавалерийские корпуса Нансути и Монбрена.

² Кавалерийский корпус Груши, три пехотные и одна кавалерийская дивизии.

Расположение войск к 1 июля

Сообразно направлениям движения войск Наполеона театр войны разделился на две операционные зоны, и каждая из них была театром действий против одной из наших армий. Рассмотрим действия против армии Баркляя-де-Толли.

Отступление 1-й Западной армии в Дрисский лагерь. Все корпуса 1-й армии, за исключением фланговых — графа Витгенштейна и Дохтурова, слабо преследуемые непри-

телем, беспрепятственно отступили к Свенцянам. Витгенштейн тоже успел отступить своевременно, только арьергард его, под начальством Кульнева, должен был выдержать в Вилькомире упорный восьмичасовой бой с войсками Удино. Дохтурову пришлось тяжелее. По сбору корпуса в Ольшанах он 16 (28) июня выступил в Сморгонь. 18 (30) июня его боковой авангард (полковник Крейц) столкнулся в Ошмянах с кавалерийской дивизией Пажоля (корпус Даву). Тогда Дохтуров ускорил марш и, сделав на следующий день переход в 42 версты, ушел от Даву и Нансути. Французы отошли в Михалишки. Только начальник авангарда корпуса графа Шувалова, Дорохов, стоявший в Оранах, поздно получивший приказание для отступления, был отрезан. В Олькишках он получил приказание не идти к 1-й армии, а присоединиться к Багратиону. Целую неделю двигался отряд Дорохова усиленными маршами между неприятельскими колоннами, стараясь ускользнуть от них; его считали уже погибшим, но он в Воложине присоединился к Платову, потеряв всего 60 человек.

19 июня, через семь дней после начала войны, корпуса 1-й армии стояли в окрестностях Свенцяны в таком расстоянии, что могли сосредоточиться не более как за двое суток. План Наполеона — помешать этому сосредоточению — не удался!

20 июня 1-я армия начала отступление к Дрисскому лагерю, куда и прибыла 27-го числа.

Неприятель медленно двигался за нашими войсками, почти не тревожа их. Удино, следуя за Витгенштейном, пытался овладеть недостроенным Динабургом, но был отбит при атаке предмостного укрепления и отступил к Мюрату. Довольный отступлением армии Баркляя-де-Толли к Дриссе, Наполеон остановил Мюрата у Замосцья и решил покончить с армией Багратиона.

В течение двух недель после переправы через Неман жара сменялись проливными дождями; дороги, мосты и плотины пришли в негодность; низкие места покрылись водой; французские парки и провиантские обозы отстали. Люди и лошади большой армии Наполеона переносили ужасные ли-

шения, что вызвало страшный падеж лошадей и скота и мародерство в войсках, вынужденных отыскивать себе пропитание. Бедствовали даже войска, остановившиеся в Вильно. Вот как описывает свое положение командир гвардейской батареи, простоявшей десять дней в Вильно¹:

«От Вильна до Витебска каждый корпус, каждый полк, каждая рота должны были продовольствоваться собственным попечением; каждый капитан был интендантом своей роты. Как только становились на бивак, войска брели во все стороны, отыскивая продовольствие. Солдаты приносили снопы или муку, но им не удавалось найти хлеба. Если случалось найти печь, то ночью пекли хлеб. Утром масса повозок, нагруженных мукой, в виде авангарда двигалась с бивака в поисках печей и мельниц. За неимением лучшего сыпали муку в бульон. Большинство солдат в течение всей кампании не имели другой пищи. Благодаря захваченным у поляков быкам, коровам и овцам, которых гнали вслед за нами, мяса было в изобилии; при скоплении в голове дефиле, при прохождении мостов можно было захватить скота сколько угодно.

Витебск — большой город. Все здания его покинуты жителями и многие сожжены. Жгли ли сами русские дома, чтобы лишить нас всяких средств к жизни, или же это было следствием беспорядков, неизбежных при вторжении, как это было в Германии, трудно сказать».

Вот какова была обстановка в гвардейских частях, следовавших в лучших условиях, на глазах императора и по лучшей дороге. Можно представить весь ужас положения частей, следовавших по боковым дорогам, в менее обжитых и с более редким населением местностях.

Конечно, Наполеон видел ужасное положение, в котором очутилась его армия, но приостановить военные действия среди лета, через две недели по переходе границы и не одержавши крупного успеха, было невозможно. Теперь все его мысли обратились к армии Багратиона.

Отход 2-й Западной армии к Несвижу. Смелый и энергичный командующий 2-й Западной армией, воспитанный в шко-

¹ Pion des Loches. Mes campagnes (1792—1815). P. 282.

ле Суворова, князь Багратион лелеял мысль о вторжении через Белосток и Остроленку в Варшавское герцогство, где он рассчитывал разбить неприятельские корпуса, расположенные между Влодавой и Тыкочином, а в случае неудачи хотел отступить в Брест-Литовск на соединение с Тормазовым.

На этот план, представленный Барклаю-де-Толли, он не получил ответа, но ему было предложено воспрепятствовать неприятелю отрезать дороги, ведущие на Минск и Борисов. Платову, стоявшему у Гродно, приказано действовать по направлению к Лиде и Сморгони.

17 (29) июня Багратион выступил из Волковиска, через Зельву, на Слоним, чтобы оттуда идти на Минск. В тот же день Платов из Гродно потянулся к Лиде.

В Зельве 18 июня Багратион получил высочайший рескрипт о принятом новом операционном плане, по которому 2-я армия должна была идти на соединение с 1-й, под прикрытием казаков Платова. Багратион немедленно двинулся к Новогрудку, куда ожидалась из Москвы 27-я дивизия Неверовского; Платов поворотил к Николаеву для занятия переправы через Неман. Отправив лишние обозы и больных в Бобруйск, Багратион 22 июня достиг Новогрудка, а авангард его уже начал переправу в Николаеве, для дальнейшего движения на Вишнево и Воложин, чтобы предупредить там войска Даву, по донесению казаков, появившиеся в Ольшанах.

Но в Николаеве князь Багратион получил известие, что король Иероним шел ему в тыл, что Слоним занят Шварценбергом, а влево, у местечка Липняшки, показались разъезды вице-короля Евгения; кроме того, разъезды Платова повсюду встречали французов (корпус Даву) между р. Неманом и дорогой на Минск. Багратион был охвачен противником с трех сторон, идти прямо на Минск через лесистую полосу, без магазинов, было безумно, поэтому он решил изменить направление и следовать на Минск через Новосвержень и Кайданов. Для прикрытия этого движения он приказал Платову выслать сильные отряды к Вишневу, а вместе с соединившимся с ним отрядом Дорохова занять Воложин и держаться там до 26 июня. Платов не мог выполнить этого, так

как Воложин был уже занят войсками Даву; тогда Платов двинулся вправо, на Бакшты и Хатово, но Даву не обратил на это внимания и продолжал движение на Минск.

24 июня Багратион достиг Мира, откуда думал силой открыть себе путь на Минск, но получил донесение, что от Вилейки и Воложина двигаются огромные силы французов, а также от Новогрудка войска Иеронима угрожают ему с тыла. Багратион вторично меняет направление движения — на Слуцк и Бобруйск, чтобы искать соединения с 1-й армией через Могилев.

26 июня, в день вступления 1-й армии в Дрисский лагерь, Багратион прибыл в Несвиж, где остановился на трое суток, чтобы дать отдых своим войскам, сделавшим в течение 10 дней по дурным дорогам и глубоким пескам 240 верст.

Государь был очень доволен действиями князя Багратиона и, рассчитывая, что он, по соединении с Платовым и Дороховым, в состоянии отбросить Даву, предписал ему пробиться на Вилейку или, по крайней мере, на Минск. Приказание это застало 2-ю армию уже в Тимковичах, на переходе из Несвижа в Слуцк, и потому не могло быть исполнено.

Во время стояния Багратиона в Несвиже Платов занимал Мир с отрядом у Карелиц, где столкнулся с авангардом короля Иеронима, действовавшего крайне вяло. 18 июня Иероним был в Гродно и простоял там четыре дня, чтобы подтянуть колонны и наладить довольствие войск.

Наполеон, выразив свое недовольство, потребовал от него решительных действий. С корпусом Понятовского впереди, король Иероним выступил из Гродно 22 июня и 26-го дошел до Новогрудка, а передовой его отряд — до Карелиц, преодолев за четыре дня 120 верст. Здесь у Мира казаки Платова заманили поляков в засаду в лесу и атаковали их, при содействии кавалерии Васильчикова; поляки обратились в бегство, оставив в наших руках много пленных.

Между тем Даву занял Минск. Наполеон, крайне недовольный действиями своего брата, короля Иеронима, подчинил его Даву. «Невозможно маневрировать хуже! — писал ему Наполеон. — Вы будете причиной, что Багратион успе-

ет уйти — и я лишусь плода самых искусных соображений». Обиженный король Иероним уехал из армии¹.

Наполеон был не прав. И Иероним, и Даву побаивались Багратиона, так как не знали его сил, как не знал и сам Наполеон. После целого месяца операций, несмотря на то, что перед открытием кампании имел точное расписание русских войск, он не успел еще выяснить, входят в состав армии Багратиона три, четыре или шесть дивизий. Он иногда и обманывал своих подчиненных, желая добиться с их стороны энергичных действий. Так, 10 (22) июля он высказывает Ренье предположение, что русские 9-я и 15-я дивизии присоединились к Багратиону и, следовательно, не действуют против него, а час спустя сообщает Даву, что дивизии эти оставлены Багратионом на Вольни.

Справедливо многие упрекают Наполеона за то, что если операции против армии Багратиона он считал в этот период главными, то ему следовало не сидеть в Вильно, а переехать в Гродно и объединить оттуда действия войск короля Иеронима и Даву.

Успешные действия Багратиона основывались на превосходной разведывательной службе казаков Платова, которые давали ему всегда самые точные сведения о французах.

Движение 1-й армии из Дрисского лагеря к Витебску. 26 июня 1-я Западная армия заняла Дрисский лагерь, построенный в изгибе р. Западной Двины, на левом ее берегу. Тут, на месте, сразу стала очевидной вся невыгода его занятия, так как местность вокруг и укрепления не давали уверен-

¹Н. Окунев в сочинении «Рассуждения о больших военных действиях в 1812 г.» доказывает, что если бы король Иероним не задерживался в Гродно и с 19 июня двинулся на Новогрудок и далее до Карелиц, куда ему было идти 150 верст, то он столкнулся бы с Багратионом в Карелице, которому из Зельвы, через Новогрудок, Николаев в Карелицу было одинаковое расстояние. Вероятно, так же рассчитывал и Наполеон, обвиняя своего брата. Тут упущено из виду то, что казаки Платова, надвигавшиеся на Лиду, должны были своевременно обнаружить это движение войск короля Иеронима, и тогда, наверное, Багратион не пошел бы на Николаев, а двинулся бы прямо через Карелицу на Мир и, таким образом, наверное, ушел бы из-под удара противника.

ности в возможности отбить атаку превосходящих сил противника, а в случае отступления по мостам на правый берег армия попадала в очень невыгодные тактические условия, к которым присоединялись стратегические еще большей важности, так как приходилось пожертвовать прямыми путями на Москву, откуда доставлялись продовольствие и подкрепления. Неприятель, двинувшись прямо на Витебск или Смоленск, мог лишит армию, стоявшую у Дриссы, всякого сообщения с теми территориями России, защита которых была для нее всего важнее.

На основании этих соображений было решено покинуть Дрисский лагерь и поспешить к Полоцку и Витебску, чтобы прикрыть пути на Москву. 2 июня армия переправилась на правый берег Двины, а 4-го двинулась к Полоцку, чтобы опередить Наполеона или в этом пункте, или у Витебска.

27 июня обстановка представлялась Наполеону в следующем виде:

1-я русская армия Барклая, около 100 тысяч, отступает к Динабургу, преследуемая 100-тысячным войском Мюрата, главная квартира которого прибыла в Видзы;

2-я русская армия Багратиона, силой не свыше 40—50 тысяч, повернула на Бобруйск, преследуется 60-тысячным войском Иеронима, передовые войска которого заняли Новогрудок;

4-й и 6-й гвардейские корпуса (Сен-Сира и вице-короля Евгения), силой свыше 100 тысяч, составлявшие стратегический резерв армии, находились в Вильно и в районе двух переходов к югу и юго-западу;

сообщения армии прикрывались: справа — корпусом Шварценберга у Пружан и корпусом Ренье у Слонима, а слева — корпусом Макдональда у Россиен.

Наполеон решил двинуть свой стратегический резерв от Вильно на Докшицы и Витебск, угрожая одновременно Петербургу и Москве. Он предполагал, что это заставит Барклая, усилив гарнизоны Риги и Динабурга, двинуться вниз по Двине для прикрытия Петербурга.

Во время этой операции Макдональд демонстративной переправой через Двину у Фридрихштадта и Якобштадта

должен притянуть часть сил Барклая на себя; Мюрат должен был оставаться под Динабургом, наблюдая 1-ю армию, Даву движением из Минска на Борисов и Оршу — прикрывать операцию справа и опередить Багратиона на путях к Двине, а Иероним — продолжать преследовать Багратиона.

Вскоре выяснилось, что Барклай не пошел к Динабургу, а отступил в Дрисский лагерь (донесение от 3 июля). Тогда Наполеон останавливается на решении переправиться через Двину между Десной и Полоцком, предполагая исполнить эту операцию между 8 и 13 июля. Мюрат должен был при этом вести наблюдения в направлении Динабурга, Друи и Дриссы и сосредоточиться выше Дриссы. Макдональду приказано выделить сильный заслон к Динабургу.

3 июля (15) главные силы Наполеона, двигаясь двумя колоннами, головными эшелонами миновали Свенцяны и Вилейку, но на следующий день было получено донесение, что русские переправились у Друи на правый берег Двины и Кульнев разбил бригаду дивизии Себастиани. Наполеон приостановил на один день движение на восток, чтобы оказать поддержку Мюрату, если бы выяснилось, что русские преследуют серьезные намерения.

Между тем своевременное отступление 1-й армии из Дрисского лагеря и быстрое движение ее к Полоцку, занятому ею 6 (18) июля, в самом начале разрушают планы Наполеона. Утром 7 (19) июля, находясь в Глубоком, Наполеон узнает о быстром движении русской армии к Полоцку и немедленно направляет главные силы на Бешенковичи, чтобы не пустить 1-ю армию к Витебску; при этом Мюрату приказывает сосредоточиться к Десне и выделить корпус Удино для прикрытия Вильна и сообщений армии от Динабурга до Десны.

При отступлении из Дрисского лагеря 1-й корпус графа Витгенштейна был оставлен для прикрытия Петербурга и энергичных действий против неприятельского корпуса, который, быть может, перейдет Двину у Динабурга. Еще накануне, 3 (15) июля, авангард, под начальством Кульнева, переправился на левый берег Двины у Друи и произвел неожиданное нападение на бригаду французской конницы,

опрокинул ее и взял в плен одного генерала и 200 чел. кавалеристов, после чего Кульнев возвратился за Двину, произведя у противника страшный переполох.

Не доходя Полоцка, император Александр оставил армию и отправился через Великие Луки и Смоленск в Москву. Перед отъездом государь подписал воззвание к жителям Москвы и манифест об организации ополчений. С этого момента война становилась народной. К этому времени относится заключение союза со Швецией и мира с Турцией.

12 июля в полночь император въехал в Москву. Манифест государя вызвал неописуемое воодушевление: дворянство Московской губернии определило выставить 80 тысяч ополченцев, купечество и другие сословия делали огромные денежные пожертвования. Предложений было так много, что манифестом от 18 июля решено было составить ополчение только от 17 губерний, ближайших к Москве и Петербургу. Пробыв в Москве семь дней, государь отбыл в Петербург.

Бои под Витебском. С 6 по 10 июля, т. е. пять суток, Наполеон оставался в Глубоком, устраивая там промежуточный склад запасов и оружия, но войска его уже двигались по направлению к Бешенковичам, где вице-король Евгений должен был навести мосты через Двину, прикрыв их на правом берегу предмостным укреплением.

В 1-й армии были получены донесения о марше неприятеля к Витебску, почему и она 8 (20) июля последовала туда же, на Горяны, Сиротино и Погорелицы. По очищении нами Полоцка кавалерийский корпус Монбрена переправился у Десны на правый берег Двины и пошел за 1-й армией; в арьергарде ее, в одном переходе, шел корпус Дохтурова, с кавалерией Корфа и графа Палена.

11 (23) июля Барклай-де-Толли достиг Витебска, пройдя 111 верст за трое суток. Здесь он надеялся соединиться с 2-й армией Багратиона.

12 (24) июля французский авангард устраивает переправу у Бешенковичей, сам Наполеон лично производит рекогносцировку на правом берегу Двины и убеждается, что ар-

мия Барклай успела уже отойти на Витебск.

Попыткой предупредить русскую армию на пути в Витебск движением к Бешенковичам заканчивается операция, задуманная Наполеоном в Вильно. План потерпел полную неудачу. Наполеон решает продолжить движение к Витебску в надежде, что русские примут бой, но он уже сознает, что вопрос о бое всецело зависит от намерений Барклая.

В своем стремлении к генеральному сражению он сдерживает пылкого Мюрата и требует от него осторожного наступления, чтобы дать русским сосредоточиться и лишить их «предлога для уклонения от боя». Но это послужило русским на руку, так как в течение нескольких дней Барклай был в ужасном положении и не знал, что предпринять, — известий из 2-й армии не было, а ее следовало ожидать на соединение под Витебском.

Отступить к Смоленску Барклай не мог, это значило пожертвовать 2-й армией. Движение через Бабиновичи на Оршу, чтобы соединиться с нею, приводило к опасному фланговому маршу в виду превосходящего в числе противника, да еще неизвестно было — удалось бы Багратиону пробиться на Могилев. Дать сражение, имея 80 тысяч против 200-тысячных войск неприятеля, значило рисковать поражением в то время, когда еще резервы наши были в периоде формирования. Положение поистине трагическое! Барклай-де-Толли до получения известий из 2-й армии должен был оставаться под Витебском, на позиции за р. Лучесой, и по возможности не вступать в генеральное сра-

Генерал-фельдмаршал (1814)
князь Михаил Богданович
Барклай-де-Толли
(со старинной гравюры)

жение, а выигрывать время частными боями, пользуясь лесистой и пересеченной местностью. С этой целью он выдвинул 13 (25) июля 4-й пехотный корпус Остермана-Толстого верст на двадцать вперед, к Островне, который столкнулся с Мюратом. Завязалось весьма жаркое дело. Граф Остерман целый день вел бой против кавалерии, поддержанный пехотной дивизией Дельзона, и к вечеру отступил к д. Какувячиной, потеряв шесть орудий и 2 тысячи человек. На смену его к д. Какувячиной были высланы 3-я дивизия Коновницына и 1-й кавалерийский корпус Уварова, но они в этот день не были введены в бой.

14 (26) июля Коновницын занял позицию за оврагом у д. Какувячиной. Бой начался с раннего утра; все атаки французов были отбиты, и Коновницын перешел было в наступление, но был оттеснен польским уланским полком, под начальством самого Мюрата, а потом прибыл Наполеон и повел общую атаку, под напором которой Коновницын стал медленно отступать; на дороге он встретил высланные ему на помощь корпуса Уварова и Тучкова; последний, как старший, вступил в командование. После упорного лесного боя войска наши отступили к Витебску; авангард графа Палена расположился несколько впереди. Урон убитыми, ранеными и пленными каждой стороны достигал 3 тысяч человек. Наполеон приказал разбить свою походную палатку на высоте у д. Какувячиной; все предвещало сражение — предмет желаний Наполеона, — и русские сгорали нетерпением сразиться с врагом.

С рассветом 15 (27) июля французы двинулись от д. Какувячиной к Витебску и в четвертом часу утра завязали перестрелку с авангардом графа Палена, который с боем начал медленно отступать к главной позиции за р. Лучесой. Наполеон начал разворачивать свои силы, угрожая в особенности левому флангу 1-й армии. По счастью, в это время прибыл адъютант князя Багратиона с извещением, что Даву опередил его занятием Могилева, что попытка 2-й армии опрокинуть его не удалась и что она взяла направление на Мстиславль к Смоленску. Теперь только Барклай мог свободно вздохнуть; он немедленно отдал приказание об отступлении

корпусов к дороге на Поречье. Трудное это движение в ясный летний вечер, вблизи неприятеля, было исполнено в таком отличном порядке, что Наполеон принял его за построение армии к бою. Он также стал готовить к сражению свои огромные войска и послал Сен-Сиру и Груши предписание поспешить к Витебску. Выжидая их, Наполеон отложил решительное сражение до следующего дня, а это значительно облегчило задачу Барклая. Граф Пален держался на Лучесе до ночи, после чего ушел из города и последовал за армией, оставив аванпосты, которые ночью поддерживали огни.

Наутро 16 (28) июля французы были поражены исчезновением русской армии, заняли Витебск и два дня искали ее по дороге в Петербург. Наполеон предполагал, что Барклай отступил к Петербургу, в направлении на Сураж, и двинул для преследования Мюрата, вице-короля Евгения и гвардию; только Ней отправился по Рудненской дороге, на Смоленск. В вечер Мюрат был у Гапоновой. Сведений о русских не было.

17 (29) июля колонны Барклая достигли Рудни и Поречья; Мюрат двинулся на Поречье, а вице-король — на Сураж; Наполеон с гвардией вернулся в Витебск, потеряв надежду настигнуть армию Барклая; он расположил главную квартиру в Витебске и стоял там до 1 (13) августа.

Действия князя Багратиона на пути от Несвижа до Смоленска. Не имея возможности пройти через Минск, князь Багратион пошел усиленными переходами от Несвижа, через Слуцк и Бобруйск, к Старому Быхову, чтобы оттуда пройти через Могилев на Оршу, где предполагал соединиться с ним Барклай-де-Толли, отступивший в то время от Дриссы к Витебску. В Бобруйске Багратион дал своим войскам отдых на три дня, предполагая, что он уже вне опасности, так как Платов 2 (14) июля у Романова опрокинул авангард короля Иеронима, после чего преследование с этой стороны прекратилось. Но Даву форсированно двигался по прямой дороге из Минска на Могилев и опередил Багратиона, после чего с 25-тысячным войском занял у д. Салтановки, на дороге из Могилева в

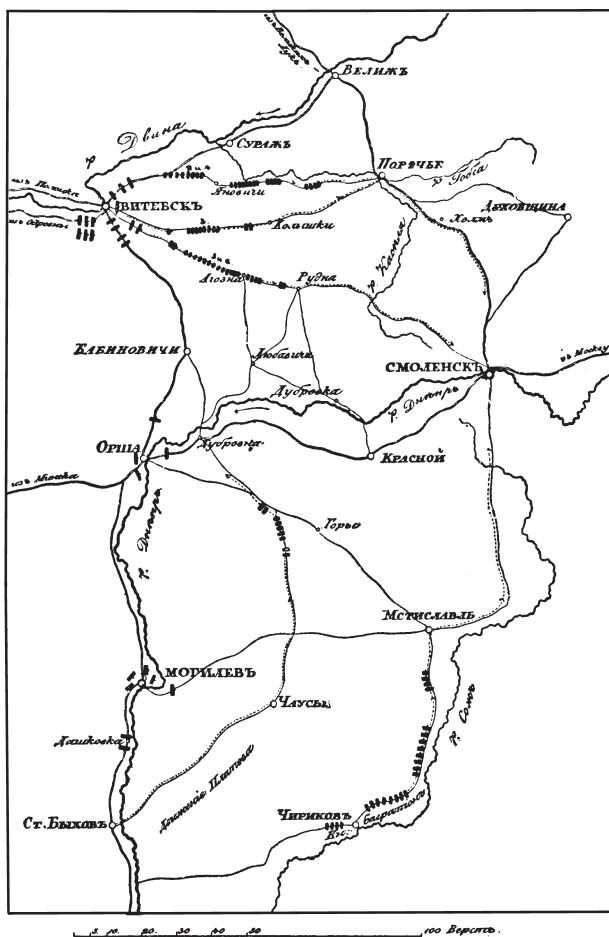
Быхов, сильную позицию и решил держаться на ней до прибытия следовавших к Могилеву корпусов Понятовского и Латур-Мобура. Как только выяснилось, что Даву двинулся к Могилеву, движение Багратиона через Могилев на соединение с Барклаем сделалось невозможным, и он принимает новое решение — кружным путем идти на Смоленск; но, чтобы достичь этого, необходимо было приковать на некоторое время Даву к Могилеву, и потому 11 (23) июля он атаковал Даву на позиции при Салтановке, а ночью начал отступление к Новому Быхову. Даву не трогался с места, ожидая, что на следующий день Багратион атакует его всеми силами. Этим и воспользовался Багратион, чтобы быстро уйти к Новому Быхову, где переправился на левый берег Днепра и кружным путем двинулся через Мстиславль к Смоленску.

Даву остановился у Могилева и прекратил преследование Багратиона, предполагая, что тот будет продолжать отступление на Мозырь.

Даву мог двумя способами помешать движению Багратиона на Смоленск: или двинуться прямо на Мстиславль и там перерезать дорогу, или же настойчиво следовать за Багратионом и отеснить его к Мозырю.

Движение на Мстиславль, углублявшее его в неприятельский край и ставившее между двумя нашими армиями, было слишком смелым и рискованным; не пошел же Даву вслед за Багратионом потому, что не смел удаляться от главных сил Наполеона, бывших в это время у Витебска. Князь Багратион, со своей стороны, так искусно прикрыл движение казаками Платова, что Даву и не подозревал настоящего его направления. Платов из Горок двинулся на Дубровну, где примкнул к Барклаю-де-Толли.

Соединение 1-й и 2-й армий под Смоленском. 1-я армия из-под Витебска двинулась тремя колоннами к Смоленску, направив всю материальную часть по Пореченской дороге. Дохтуров с корпусом и гвардией, двинутый форсированным маршем из боязни, чтобы французы не опередили нас, прибыл в Смоленск 19 июля, а 20-го туда подтянулась и вся армия. 22 июля прибыла в Смоленск и 2-я армия Багра-

Движение 1-й и 2-й армий к Смоленску

тиона. Багратион опередил свою армию, прибыл в Смоленск 21-го числа и, хотя был старшим по званию, но отдал себя в подчинение Барклаю-де-Толли, как обремененному особым доверием государя и военному министру, которому лучше были известны планы Его Величества, расположение резервов и запасов и меры, принятые для обороны отечества.

1-я армия расположилась на правом, а 2-я — на левом берегу Днепра.

Отступление наших армий от Немана до Смоленска выказало и большое искусство начальников и необыкновенную выносливость русских войск. За 38 дней 1-я армия прошла 500, а вторая — 750 верст, и обе сохранили полный порядок и бодрость духа, понесли очень незначительные потери и ждали боя с нетерпением.

Благодаря искусству наших генералов и необыкновенной энергии войск ни один из планов великого полководца не удался, армия же его пришла в крайнее расстройство. Неудача маневров Наполеона, повторившаяся три раза, может быть объяснена отчасти и его личными промахами. Первая неудача — удар по 1-й армии в направлении на Ковно — произошла вследствие странного с его стороны предположения, что русские останутся на границе растянутым кордоном и не оценят своего опасного положения. Оказалось, что наши генералы своевременно ушли из-под удара.

Вторая операция — против Багратиона — не удалась потому, что сам Наполеон не переехал из Вильно в Гродно, чтобы объединить действия Даву и короля Иеронима и придать им необходимую энергию. Багратион тоже благополучно избежал поражения.

Третья операция — принудить Барклая к сражению под Витебском — опять не удалась, потому что Наполеон, имея полную возможность атаковать 1-ю армию 15 (27) июля, отложил атаку на следующий день, поджидая полного сосредоточения войск, а за ночь русские успели уйти, да так, что Наполеон два дня не мог узнать, куда в действительности они отступили. Граф Йорк фон Вартенбург в сочинении «Наполеон как полководец» объясняет эти события так:

«Операция против Багратиона не удалась потому, что у императора не было уже достаточной физической энергии, чтобы проявить неутомимость и лично обеспечить руководство операциями на важнейших пунктах; операция против Барклая не удается в свою очередь потому, что его ум не

имеет уже той быстроты, которая раньше давала ему возможность оценить и схватить решающий момент с быстротой молнии».

Это новое доказательство справедливости слов: «Счастье подобно женщине; если вы не воспользуетесь им сегодня, завтра его уже не ждите». 27 июля, под Витебском, оно улыбалось ему, а 28-го вернуть его было невозможно.

А между тем средства для дальнейшей борьбы ежедневно уменьшались; за пять недель, продвинувшись на 450 верст от Немана до Двины, Наполеон потерял почти треть своей армии отставшими от голода и болезней (см. цифровые данные на с. 620). Особенно сильно пострадали вюртембержцы и баварцы. Из донесения Сен-Сира от 16 (28) июля из Бочайкова видно, что 19-я дивизия на последнем только переходе потеряла отставшими 465 человек. Важнейшими причинами этих огромных, на первый взгляд даже непонятных потерь были, во-первых, быстрота движения, во-вторых, недостаток продовольствия, в-третьих, дурное управление. Дисциплина в войсках начала расшатываться, распространилось мародерство. Наполеон чувствовал необходимость прекратить на время наступление и дать отдых своим истомленным войскам. Он расположил их по квартирам, на пространстве между Суражем, Витебском и Могилевом.

Многие современники свидетельствуют, что император при этом заявил, что кампания 1812 г. закончена и дальнейшие действия будут предметом кампании 1813 г. Однако ни в одном из печатных документов не встречается указаний относительно предполагаемого более или менее продолжительного перерыва операций. Напротив, во всех предписаниях Наполеона и Бертье от 17 (29) и 18 (30) июля говорится только о кратковременной остановке армии на 7—8 дней.

Наполеон не мог отказаться от замысла разбить русскую армию, так как за время передышки Россия изыскала бы новые средства для борьбы и, кроме того, в тылу его восстала бы вся Европа, тайные общества в которой готовились вступить в борьбу с завоевателем-деспотом.

×è ñéáí í î ñòí ÷áòú ðáò êí ðí óñî á áí ëüø í é àðí èè Í àí î éáí í à
 í ðè àòí ðæáí èè á Ð ññè þ (25 èþ í ý) è á êí í óâ áááòñðà

Корпус	Тыс. человек	
	к 25 июня	к 23 августа
1-й Даву	69,5	40
2-й Удино	40	22,5
3-й Нея	34	15
4-й вице-короля Евгения	45	31,5
5-й князя Понятовского	34,5	26
6-й Сен-Сира	24	15
7-й Ренье	18,5	12
8-й Вандамма (Жюно)	17	12
Австрийский корпус Шварценберга	35	31
1-й кавалерийский Нансути	12	5,5
2-й кавалерийский Монбрена	9	4
3-й кавалерийский Груши	7	4,5
4-й кавалерийский Латур-Мобура	7	4
Императорская гвардия	37,5	25
Итого	354	248

Примечание. Потеря составила 106 тысяч человек, или 30 %. Для 9, 10, 11-го корпусов и тыловых войск сведений за август не имеется; в них потери, вероятно, были несколько меньше, кроме 9-го и 10-го корпусов, которые действовали тоже в 1-й линии.

От Немана до Двины расстояние в 450 верст армия Наполеона прошла за 30 дней, преодолевая в среднем по 15 верст в сутки; для больших масс войск подобная скорость очень большая, так как многим частям приходится двигаться по проселочным дорогам, со значительными обходами, что вынуждает часто проходить вдвое больше, чтобы на ночлег выровняться с главной колонной,двигающейся по большому тракту. А массы были действительно велики: от Ковно до Вильно 250 тысяч солдат двигались по одному направлению, а от Вильно до Витебска шли две колонны,

от 100 до 150 тысяч каждая. Кроме того, из-за проливных дождей в начале июня дороги, и без того плохие, стали труднопроходимыми, а палящий зной в жаркое лето 1812 г. страшно изнурял войска. Правда, и русские переносили те же трудности, но они были в привычном климате и ни в чем не нуждались; войска же Наполеона терпели крайний недостаток в продовольствии. Огромные запасы, заготовленные Наполеоном на Висле, и огромные обозы, следовавшие за войсками, отстали, от бескормицы начался падеж лошадей. Было предписано войскам довольствоваться средствами страны. Войска, придя на ночлег, вместо отдыха разбредались во все стороны в поисках съестного, но поскольку западный край России малонаселен, фуражиры зачастую возвращались с пустыми руками или же приносили зерно, которое нужно было превратить в муку, а выпечь хлеб почти никогда не удавалось; варили суп с мукой или пекли на углях лепешки. Многие умирали от голода и истощения; некоторые от отчаяния прибегали к самоубийству, другие отставали от колонн и предавались грабежам. Мародеры, собравшись в шайки, беспощадно опустошали край и еще более затрудняли положение армии.

Ко всем этим невзгодам присоединялась, как и всегда бывает при движениях значительных масс войск, недостаточная распорядительность по отводу мест для биваков, что вынуждало войска часто стоять по несколько часов под ружьем в ожидании указания, где им стать.

Начальники часто пренебрегали своими обязанностями заботиться о сохранении боеспособности войск. Особенно это чувствовалось в кавалерии. Действительно, в то время как пехота потеряла треть своего состава, кавалерия сократилась наполовину.

От трудов и лишений в большой армии Наполеона вспыхнули эпидемии; при войсках санитарных средств почти не было; госпитали были переполнены; люди умирали на дорогах или на улицах без всякого призрения. В госпиталях царил беспорядок; не только в медицинском пособии, но даже в пище больные терпели недостаток.

Все расчеты «великого виртуоза войны» оказались бессильными в трудных условиях ведения войны в России. Справедливо сказал историк С. М. Соловьев: «Океан земли поглотил великую армию Наполеона».

Действия на флангах. Расположив армию на квартирах в районе Сураж—Витебск—Могилев, с целью дать солдатам отдых и наладить довольствие, Наполеон приказал войскам на флангах перейти в наступление. Таким образом, в период затишья на фронте главных сил открылись решительные действия на флангах.

На левом фланге большой армии Наполеона действовали Макдональд и Удино. Во время перехода главных сил Наполеона через Неман 39-тысячный корпус Макдональда двинулся из Тильзита на Россиены, потом разделил свои силы — пруссаков (генерал Граверт) направил к Риге, а с остальными силами двинулся сам к Якобштадту для угрозы правому флангу 1-й Западной армии Барклая.

В это время с нашей стороны на Двине были следующие силы: в Риге — 15 тысяч, в Динабурге — 3500 и 25-тысячный корпус Витгенштейна у Дриссы; ему было приказано прикрывать Петербург и в случае возможности, переправившись через Двину, действовать наступательно в тыл французской армии.

Наполеон, двигаясь к Витебску, также оставил у Дриссы 40-тысячный корпус Удино, которому предписал отбросить Витгенштейна возможно дальше на север, чтобы облегчить Макдональду действия против Риги, которую предполагалось осаждать.

Удино переправился через Двину в Полоцк и двинулся на Себеж, куда от Якобштадта должен был наступать также и Макдональд; обоим маршалам надлежало отрезать Витгенштейна от Петербурга. В это время Витгенштейн переправился на левый берег Двины в Друе и намеревался открыть действия в тыл неприятеля, но, узнав о намерениях противника, решил обратиться против корпуса Удино, чтобы разбить его до соединения с Макдональдом. Получив сведения о движении Удино на Себеж, он пошел ему наперерез к Клястицам. Столкновение Витгенштейна

(23 тысячи солдат и 108 орудий) и Удино (28 тысяч, 114 орудий) произошло 18, 19 и 20 июля у д. Якубово, близ Клястиц. Разбросанные войска корпуса Удино были разбиты по частям у Якубова и Клястиц; для преследования их выслан авангард Кульнева, который в пылу преследования увлекся, удалился от главных сил на целый переход, перешел р. Дриссу и атаковал противника у д. Боярщины, где Удино сосредоточил весь свой корпус и, пользуясь закрытой местностью, неожиданно перешел всеми силами в наступление.

Авангард Кульнева был опрокинут с большим уроном, и сам герой Кульнев был убит. Для армии это была большая потеря: воинские доблести, подвиги, даже причуды Кульнева носили на себе отпечаток «духа высокого», предприимчивости необыкновенной, как выразился о нем Михайловский-Данилевский. Надо сказать, что и генерал Вердье, которому Удино поручил преследовать наш авангард, повторил ошибку Кульнева и у Головчиц наткнулся точно так же на главные силы Витгенштейна и был разбит наголову. В этих боях Удино потерял до 10 тысяч человек и отступил к Полоцку, чтобы выждать прибытия корпуса Сен-Сира, направленного ему на подкрепление Наполеоном.

Теперь на стороне противников был значительный перевес в силах: 40 тысяч против 20 тысяч Витгенштейна.

Командир 1-го пехотного корпуса граф П. Х. Витгенштейн

Дав немного отдохнуть войскам, граф Витгенштейн также двинулся к Полоцку, чтобы отбросить противника за Двину, и 5 (17) августа атаковал соединенные корпуса Удино и Сен-Сира, но был отбит. Раненый Удино сдал начальство Сен-Сиру. На следующий день, 6 (18) августа, Сен-Сир сам атаковал русских и принудил их отступить. Граф Витгенштейн расположился за р. Дриссой, а Сен-Сир остался в Полоцке, ограничившись наблюдением за нашими войсками.

Макдональд, перейдя из Якобштадта в Динабург, оставался в бездействии и ничего не предпринимал против Риги, но, если бы он двинулся на Люцин, то Витгенштейн должен был бы отойти к Острову, и тогда французы прочно бы утвердились в Полоцке.

Сражение под Полоцком приостановило месяца на два военные действия на этом театре с обеих сторон. Витгенштейн ожидал подкреплений, шедших к нему из Петербурга.

Действия Витгенштейна имели большое влияние на ход войны. С 25-тысячным корпусом он атаковал и разбил превосходящего числом противника, заставил Наполеона выделить из главных сил, на поддержку Удино, корпус Сен-Сира. Витгенштейн держится против трех корпусов и прикрывает весь край к северу от Двины. Вся Россия ликовала при известии о победе под Клястицами, за которую граф Витгенштейн пожалован орденом св. Георгия 2-го класса и 12-тысячной пожизненной пенсией. Псковское купечество поднесло ему икону св. Гавриила с надписью «Защитнику Пскова», а дворянство просило позволения воздвигнуть ему в Пскове памятник.

Действия Торماسова против Ренье и Шварценберга. 3-я Западная армия генерала Тормасова, дислоцированная вначале у Луцка, должна была прикрывать Волынь и действовать наступательно на сообщения армии Наполеона. В начале июля Тормасов приступил к действиям: оставив часть войск в Житомире и на границе Галиции, с остальными силами он двинулся от Луцка к Кобрину. В это время Ренье, выставленный заслоном против Тормасова, шел от Слонима к Пинску, выслав в Кобрин 4-тысячный отряд

Клингеля. Шварценберг выступил из Слонима к Несвижу на присоединение к главной армии Наполеона. 15 (27) июля, в день выступления армии Барклая из Витебска к Смоленску, Торماسов неожиданно атаковал Клингеля в Кобрине и совершенно уничтожил его отряд; Ренье и Шварценберг бросились назад к Слониму и по соединении, в составе 40 тысяч человек, двинулись к Пружанам, чтобы оттеснить Тормасова обратно на Волынь.

Тормасов с 25 тысячами солдат занял сильную позицию у Городечны, на которой и был 31 июля (12 августа) атакован с фронта Шварценбергом, а с левого фланга Ренье, и хотя в течение целого дня успешно отбивал все атаки противника, но ввиду угрозы его сообщениям решил отступить по дороге к Луцку, за р. Стырь, чтобы сблизиться с Дунайской армией Чичагова, шедшей на соединение с ним.

Шварценберг и Ренье ограничились слабым преследованием Тормасова только до левого берега Стыри, а дальше — лишь наблюдением.

Обе стороны оставались в таком положении до начала сентября, когда присоединившаяся Дунайская армия довела наши силы на этом театре военных действий до 60 тысяч человек, после чего с нашей стороны были начаты наступательные действия.

Таким образом, на обоих флангах большой армии Наполеон достиг незначительного успеха, заставив и Витгенштейна, и Тормасова прекратить наступательные действия; но этот успех был куплен дорогой ценой отвлечения от главных сил двух корпусов — Сен-Сира и Шварценберга, общей численностью около 70 тысяч, т. е. почти трети сил, остававшихся у него для ведения главных операций. Против 50-тысячных наших войск, угрожавших флангам наступающей армии, уже действовали пять корпусов (Макдональд, Удино, Сен-Сир, Шварценберг и Ренье) численностью около 115 тысяч. Не есть ли это первое доказательство верности основной идеи плана Фуля?

От Смоленска до Бородино

Переход 1-й и 2-й Западных армий в наступление ♦ Движение Наполеона к Смоленску ♦ Бой под Красным 2 (14) августа ♦ Сражение под Смоленском ♦ Отступление 1-й Западной армии из-под Смоленска ♦ Бой у Лубина 7 августа ♦ Формирование народных ополчений ♦ Партизанская война ♦ Движение французской и русской армией к Бородино ♦ Назначение Кутузова главнокомандующим

Переход 1-й и 2-й Западных армий в наступление. Соединением 1-й и 2-й Западных армий под Смоленском положение наше делалось, по-видимому, лучше, чем оно было в начале войны; оставалось только одно неудобство — разделение власти между обоими главнокомандующими; хотя Багратион и принял решение подчиниться Барклаю-де-Толли, но в трудные минуты это должно было сказаться невыгодным образом.

Остановка армии Наполеона на квартирах многих навела на мысль о необходимости наступления. Багратион, армия, общество и сам государь сочувствовали этому. Один Барклай-де-Толли сознавал несвоевременность решительных действий, которые могли привести к генеральному сражению в то время, когда на окончание формирования второй резервной армии необходим был, по крайней мере, месяц. Наконец, уступая общему мнению, он решился на наступление, но на короткое расстояние — не далее трех переходов. 25 июля Барклай-де-Толли собрал военный совет, который, однако, не пришел ни к какому решению; на следующий день он приказал начать наступление к Рудне.

Армия Наполеона была сильно разбросана — вероятно, для облегчения ее довольствия — на фронте от Суража до Могилева, т. е. почти на 200 верст: Наполеон с гвардией и одной дивизией 1-го корпуса — в Витебске, две другие дивизии 1-го корпуса — в Половичах; вице-король на левом фланге в Сураже; Ней с 3-м корпусом — в Лиозне, впереди него Мюрат, с 1, 2-м и 3-м кавалерийскими корпусами в Рудне, Жюно с 8-м корпусом — в Орше; Даву с остальной частью своего корпуса на — Днепре, у Расасны; 5-й корпус Понятовского — в Могилеве.

Таким образом, при наступлении наших армий к Рудне можно было разбить прежде всего три кавалерийских корпуса Мюрата, а потом находившийся в 20 верстах от него, в Лиозне, корпус Нея. Направление, избранное для наступления Барклаем, было очень выгодным.

26 июля (7 августа) обе армии двинулись тремя колоннами к Рудне, а для прикрытия Смоленска и дороги на Москву была выслана к Красному дивизия Неверовского с четырьмя эскадронами драгун и тремя казачьими полками.

Неожиданный переход в наступление наших армий вначале имел успех: 27 июля Платов, шедший во главе армии, разбил значительный отряд французской кавалерии у Молевого болота и Кешно. Французы отступали по всей линии, кроме отряда, стоявшего у Поречья. У Барклая является опасение быть отрезанным от Смоленска обходом нашей армии справа (она достигла уже левым крылом Надвы, а правым Приказ-Выдры), и он меняет направление движения, переводя главные силы на Пореченскую дорогу. Это решение окончательно обрекло на неудачу операцию, обещавшую вначале большие выгоды — хотя бы от разгрома кавалерийских корпусов Нансути, Монбрена и Груши.

Невозможно было предположить, чтобы Наполеон приказал корпусу вице-короля одному двинуться от Поречья к Смоленску, так как он неминуемо был бы разбит; сосредоточение же всей армии у Поречья требовало много времени; гораздо выгоднее было ему сосредоточенными силами двинуться от Витебска, через Лиозно, на Рудню. По-видимому, можно было в Поречье послать тоже дивизию, как и в Красное, и, обеспечив таким образом оба крыла, энергично атаковать передовые французские корпуса и преследовать их, но не далее Лиозна.

На Пореченской дороге неприятеля не оказалось. Барклай решил снова перенести действия на Рудненское направление, куда армия прибыла 1 августа, потеряв пять дней на бесцельные движения. А между тем за это время обстановка радикально и невыгодно для нас изменилась.

Движение Наполеона к Смоленску. Из перехваченного письма одного нашего офицера к матери Наполеон был осведом-

лен о возможности наступления русских и принял решение переправить армию на левый берег Днепра, в Расасну и Хомин, и, быстро двинувшись к Смоленску, овладеть им без боя и стать на прямом пути отступления русских к Москве. Рота вольтижеров и дивизия Себастиани, встреченные в Инкове авангардом Платова, выяснили начало наступления русских, и тогда Наполеон немедленно приступил к выполнению задуманного им плана¹.

1 (13) августа, в день вторичного подхода армии Барклая к Рудне, Наполеон собрал на левом берегу Днепра, между Расасной и Лядами, всего в 70 верстах от Смоленска, 190-тысячные войска, с которыми и решил немедленно двинуться для захвата Смоленска. Наши армии могли бы тоже подоспеть на выручку Смоленска, но для этого необходимо было своевременно узнать о намерениях Наполеона. Эта задача могла быть выполнена дивизией Неверовского, высланной к Красному. Здесь должна была решиться судьба Смоленска и возможность возвращения наших армий на свой естественный путь отступления на Москву.

Бой под Красным 2 (14) августа. Армия Наполеона двигалась к Смоленску двумя колоннами: левая, имевшая в авангарде Мюрата с тремя кавалерийскими корпусами (Нансути, Монбрена и Груши) и корпус Нея; за ними в главных силах следовали: Даву, вице-король и гвардия; в правой колонне, по дороге из Могилева, на Романово, к Смоленску, двигались: Понятовский, Жюно и Латур-Мобур. На правом берегу оставалась кавалерийская дивизия Себастиани, которая должна была двигаться, равняясь на Мюрата.

Переступив за Ляды, исконно русскую землю, наши враги сразу почувствовали перемену обстановки — везде пусто

¹ Решив двинуться на Смоленск, Наполеон приказал: 1) Шварценбергу разбить Тормасова и преследовать его до уничтожения; 2) Сен-Сиру и Удино атаковать Витгенштейна; 3) Виктору, стоявшему на Висле, перейти на Неман; 4) Ожеро выступить из Берлина к Одере и одну дивизию расположить на Висле.

и ни живой души; крестьяне семьями со всем имуществом и скотом бежали в леса, где среди болот жили в шалашах и только по ночам украдкой выходили на жатву.

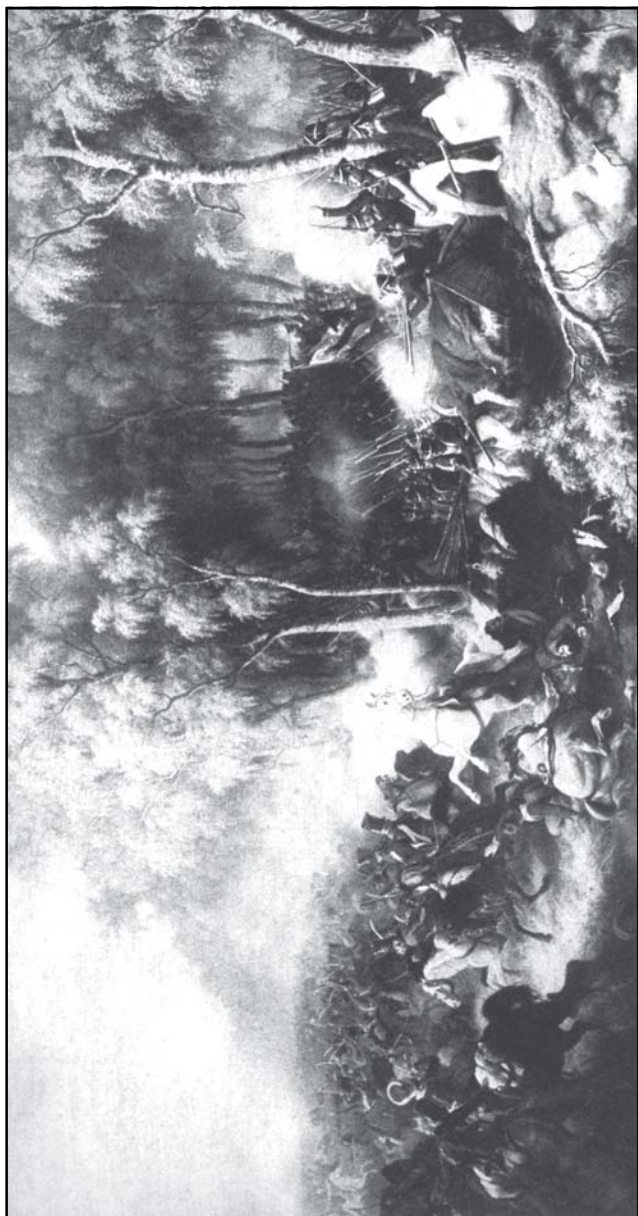
В то время как авангард армии Наполеона подходил к Красному, наша 1-я Западная армия была на Рудненской дороге, у Волоковой и Гавриков, в 35 верстах от Смоленска, а 2-я Западная армия передовым корпусом Бороздина дошла до Надвы (35 верст от Смоленска), корпус же Раевского находился в одном переходе сзади.

В Красном стоял отряд Неверовского, наблюдавший дороги на Оршу и Мстиславль. Жители помогали войскам разведывать о неприятеле. 2 августа, в полдень, Неверовскому донесли, что к Лядам, где стояли казаки, подходит неприятельский отряд.

27-я дивизия Неверовского, составлявшая ядро отряда, была из молодых солдат, не бывавших в бою. Неверовский, получив известие о наступлении неприятеля, выдвинул свой отряд перед Красным, по дороге к Лядам, обозы отправил в Смоленск, но вскоре прискакавшие казаки донесли, что силы противника большие. Остаться перед Красным, имея сзади город, плотину и глубокий овраг, которые пришлось бы проходить под натиском неприятеля, было опасно, поэтому Неверовский решил оставить для занятия Красного один батальон 49-го егерского полка с двумя орудиями, а весь отряд увести на позицию за оврагом. Там он поставил пехоту в центре, драгун с десятью орудиями на левом фланге, а казаков — на правом; для обеспечения отступления через мост в 12 верстах в тылу он отправил туда 50-й егерский полк с двумя конными орудиями.

Около трех часов пополудни показался неприятель, развернувшийся широким фронтом по дороге и полям; кавалерия шла в обход Красного, а пехота Нея — на сам город, осыпая градом пуль егерей и их орудия, под которыми были перебиты все лошади. Егеря были вынуждены отступить с потерей орудий.

Мюрат с 15-тысячной конницей и дивизией пехоты повел затем атаку на нашу главную позицию. Драгуны на

Сражение под Красным 2 августа 1812 г. Подвиг генерала Д. П. Неверовского
(с картины А. Е. Коцебу)

левом нашем фланге были опрокинуты, и противник успел захватить пять наших орудий; казаки на правом фланге тоже были сбиты. Неверовский остался с одной пехотой! К нему присоединился и батальон, занимавший Красный. Между тем противник, видя слабость нашего отряда, напрягал усилия, чтобы его уничтожить: пехота готовилась атаковать с фронта, конница охватила оба фланга.

Неверовский, решив отступить по Смоленской дороге, приказал батальонам построить каре и, объезжая их, говорил: «Ребята, помните же, чему вас учили; поступайте так, и никакая кавалерия не победит вас: не торопитесь в пальбе, стреляйте метко во фронт неприятеля, третья шеренга передавай ружья, не суетясь, и никто не смей начинать без моей команды!»

Между тем неприятель ураганом неся в атаку на безмолвное каре Неверовского. Загремела «тревога», и дружный батальонный огонь послал тысячи метких пуль навстречу атакующим; вскоре масса всадников и лошадей, убитых и раненых, покрыла поле перед батальонами; доскакавшие до каре храбрецы гибли на штыках егерей. Атака отхлынула. Неверовский дал сигнал «отбой» и, снова объезжая войска, благодарил их и поздравлял с победой. Громкое «ура!» и «рады стараться» раздавались ему в ответ.

Отбив нападение, наши батальоны двинулись к Смоленску по большаку, вдоль канав, обсаженных деревьями. Неприятель ежеминутно производил атаки; каре останавливались и доблестно встречали врага смертоносным огнем и штыками. Пройдя таким образом верст пять, наши, без различия полков, тесно сплотясь, смешались в одну колонну, отступая, отстреливаясь и отражая атаки. Оставалось пройти еще 7 верст до расположения 50-го полка, занявшего позицию за мостами у деревни. Но здесь для Неверовского встретилось наибольшее затруднение: на подходе к деревне дорога шла по открытому месту, без деревьев по сторонам; французская конница окружила наших со всех сторон, но в одной версте от деревни по ней был открыт огонь из двух орудий, бывших за мостом, который и заставил противника открыть дорогу, а

вскоре и совсем прекратить преследование ввиду предположения, что за оврагом стоит сильное подкрепление.

За деревней Неверовский дал отдохнуть своим героям-егерям, а с наступлением темноты быстро двинулся к Смоленску и, преодолев за ночь 40 верст, к утру стоял на позиции за оврагом, в 6 верстах от Смоленска.

Неверовский со своими геройскими полками обязан был успеху благодаря не только воинской доблести в бою, необыкновенной стройности и быстроте движения, но и тому, что у противника вначале была только одна батарея, а потом и она отстала, и последующий бой во время всего наступления был только между пехотой Неверовского и конницей Мюрата, чрезмерно горячившегося от досады, что он не может взять горсти храбрецов.

Сам Наполеон осудил действия своих генералов в этом бою, сказав: «Я ожидал всей дивизии русских, а не семи отбитых у них орудий».

Бой Неверовского под Красным и тактика его отступления к Смоленску служат классическим примером для изучения боевых отношений пехоты и конницы. «Неверовский отступал как лев!» — говорит один из очевидцев этого отступления, наш враг.

Багратион же, сам показавший в 1805 г. под Шёнграбеном высочайший пример воинской доблести при отступлении, донося государю о подвиге отряда Неверовского, говорит: «Нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, с какой дивизия, совершенно новая, дралась против чрезмерно превосходных сил неприятельских. Можно даже сказать, что примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя».

Канонада в начале боя под Красным была слышна на правом берегу Днепра во 2-й армии и особенно в корпусе Раевского, задержанном впереди него двигавшимися войсками и лишь в 7 часов вечера выступившем из Смоленска по дороге на Надву. Прискакавший от Неверовского адъютант, посланный к князю Багратиону, сообщил Раевскому о бое под Красным. Раевский остановился, отойдя всего 12 верст от Смоленска, и вскоре получил от Багратиона приказание спешно

идти к Красному на поддержку Неверовского; на усиление его, в случае боя на равнине, Раевскому была дана 2-я кирасирская дивизия. Паскевич с восьмью батальонами поспешно двинулся в авангард и, проходя через Смоленск на рассвете 3 августа, осмотрел стены города и окружающую местность на случай возможного там боя. В 6 верстах от города Паскевич встретил Неверовского, объявил ему приказание Раевского и вступил в командование всеми силами, расположенными на позиции за оврагом.

Сам Раевский вскоре прибыл в Смоленск, следуя за авангардом. Здесь он встретился с Бенигсеном, который советовал ему не переправлять артиллерию за Днепр, говоря, что он идет на верную гибель. Не так смотрел на дело герой Раевский. «Надобно было истощить все средства. Я чувствовал, что дело шло не о потере нескольких пушек, но о спасении армии — может быть, России», — замечает Раевский в своих записках. Раевский стал в трех верстах за Паскевичем; скоро присоединилась к нему истомленная боем и тяжелым маршем 27-я дивизия Неверовского.

Только к 4 часам пополудни появились разезды перед позицией Паскевича, конница обошла его левый фланг, но до ночи противник ничего не предпринимал, многочисленные же костры показывали, что перед нашими сосредоточиваются громадные силы неприятеля. Раевский был один на левом берегу Днепра, впереди Смоленска; остальные войска хотя и двигались к нему на поддержку, но были: 2-я армия в 30, а 1-я в 40 верстах от него. На скорое подкрепление, таким образом, рассчитывать было нельзя.

Ночью Раевский собрал своих генералов на военный совет; все высказывались за то, чтобы дать бой на месте расположения корпуса, но прибывший после всех Паскевич оспаривал это мнение, обосновывая свою точку зрения тем, что левый фланг позиции совершенно оторван и что он будет также обойден, как в данный момент уже обойден левый фланг его авангарда; поэтому очень скоро придется отступить; при доблести войск можно пробиться в Смоленск штыками, но артиллерию через овраг, бывший в тылу, будет провезти трудно, и ее придется потерять. «Поэто-

му лучше обороняться в Смоленске, — сказал он. — Может быть, мы там удержимся. При несчастье потеряем артиллерию, но сохраним корпус. Во всяком случае выиграем время и дадим возможность армии прийти к нам на помощь».

Ночь была ясная, луна ярко светила. Раевский с Паскевичем поехали на разведку позиции под Смоленском. Город лежит на левом берегу Днепра, который течет в глубокой долине, противоположный правый берег с Петербургским предместьем возвышается над городом; город расположен между двумя глубокими оврагами, ограничивающими его с восточной и западной сторон. Он огражден высокой старинной каменной стеной с валгангом, бойницами и 30 башнями; впереди стены — неглубокий ров с прикрытым путем, а с западной стороны, между предместьями Красненским и Мстиславским, правильная, сомкнутая крепостца, называемая Королевским бастионом. Строения на главных улицах и площадях — каменные, на остальных — деревянные; улицы довольно широкие. К городу примыкают предместья: Красненское с деревушкой Чернушкой (с запада) и д. Раченка (с востока), Мстиславское и Никольское, отделенные от города небольшим гласисом (с юга); сюда подходят все главнейшие дороги, ведущие от Красного, Мстиславля и Рославля; с Рославльской дороги идет поворот на д. Прудышеву, где есть брод и небольшая переправа через Днепр. Из города в Петербургское предместье вел мост, прикрытый на правом берегу предмостным укреплением. Из Петербургского предместья шли дороги: на Рудню, на С.-Петербург, через Поречье и в Москву; эта дорога на протяжении трех верст от предместья до Шеина-Острова отлично обстреливается с противоположного левого берега Днепра.

Осмотрев местность, Раевский склонился на предложение Паскевича и немедленно приказал пехоте отходить к Смоленску, а коннице оставаться на месте и поддерживать огни на покинутых пехотой местах.

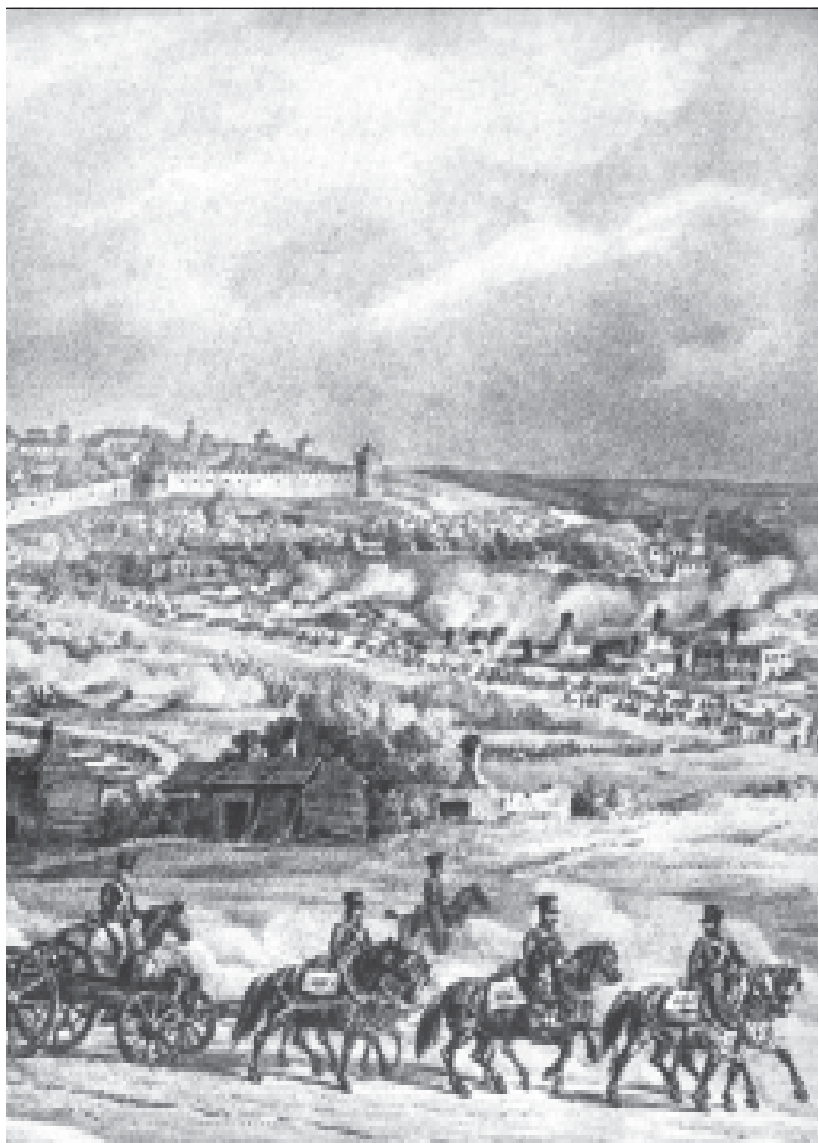
Позиция для боя была занята следующим образом: на правом крыле, где вероятнее всего было ожидать атаку,

стал Паскевич; он расположил шесть батальонов 26-й дивизии в прикрытии, два орудия для обстреливания Красненской дороги и 18 орудий поставил в Королевский бастион; по стене был разбросан Виленский полк. Бригада Ставицкого (27-й дивизии) с 24 орудиями заняла кладбище впереди Мстиславльского предместья, а восемь батальонов с 24 орудиями 12-й пехотной дивизии остались в самом предместье. На левом крыле, около Рославльской дороги, стали два батальона с четырьмя орудиями, а за ними, в Никольском предместье, — остальная бригада 27-й дивизии. Несколько сотен выздоравливавших из госпиталей были вооружены и рассыпаны для обороны городской стены. Коннице приказано было разведывать и действовать на левом фланге. Ночью прибыли на подкрепление Раевского Новороссийский драгунский и Литовский уланский полки.

Ночь с 3 на 4 августа Наполеон провел в новом архиерейском дворе, в 7 верстах от Смоленска. С зарей 4-го он выехал к авангарду, составленному из корпуса Нея и конницы Мюрата. Произведя, по обычаю, лично рекогносцировку, Наполеон приказал Нею атаковать город. Он был убежден, что Смоленск обороняет только дивизия Неверовского и что остальные наши войска еще далеко.

Сражение под Смоленском. Первый день — 4 (16) августа. Теснимая неприятелем, наша конница быстро отступила к городу, но уже через полчаса у деревни Чернушки показались три сильные пехотные колонны неприятеля: одна из них шла на Королевский бастион, другая правее — на кладбище, третья — левее, вдоль Днепра, на Красненское предместье. Наши 70 орудий открыли огонь. Французы геройски шли в атаку, неся огромные потери от наших ядер и картечи, дошли до рва и уже поднялись было на гласис, но Орловский полк своим огнем удержал противника и заставил его скрыться в овраге. Неоднократные попытки французов возобновить удар были отбиваемы, как и первая. Масса убитых и раненых наполняла ров. Первый боевой пыл врага, по-видимому, остыл. Тогда Паскевич приказал Орловскому полку ударить в штыки; вместе

Французская армия перед Смоленском (с гравюры Адама)

с ним пошли в атаку Ладожский и Нижегородский полки; неприятель был выбит из рва и отброшен далеко назад. Паскевич запретил нашим увлекаться преследованием и снова занял свою первоначальную позицию. Вскоре неприятель был подкреплён и снова повел атаку, дошел до гребня оврага, но не двигался дальше, ограничиваясь одной перестрелкой. В центре стрелки и колонны неприятеля приближались к русским батареям и выдвинули свою артиллерию. Их встретили сперва картечью, потом последовало общее «ура!». Неприятель и здесь был отбит. На Никольское предместье атаки не было.

К 9 часам утра на поле сражения стала разворачиваться вся армия Наполеона, но в это время Раевский получил от Багратиона следующую записку: «Друг мой! Я не иду, а бегу; желал бы иметь крылья, чтобы скорее соединиться с тобой. Держись. Бог тебе помощник!». Легче стало на душе Раевского, но возникал вопрос — удастся ли додержаться до прибытия выручки, так как перед ним разворачивались целые тучи стрелков и выдвигались огромные батареи. Артиллерия эта, на наше счастье, била стены Смоленска, стараясь их обрушить, поэтому наши за прикрытием теряли немного людей. Горожане обоего пола выходили на поле сражения и на руках уносили в город тяжелораненых.

Около полудня показалась за рекой колонна войск Багратиона. Вначале Багратион хотел переправиться у Катани, где навел было и мост, но, узнав, что Наполеон уже миновал Корытню, снял мост и быстро двинулся по правому берегу Днепра к Смоленску. С высокого берега реки были видны все поле сражения и действия Раевского против французов; несмотря на утомительный ночной переход в 30 верст, войска просто бежали на помощь героям-товарищам. Наполеон, завидя наши войска, уже предвкушал давно желанный день — дать генеральное сражение русским — и радостно воскликнул: «Наконец русские в моих руках!»

Первой прибыла на подкрепление Раевскому 2-я кирасирская дивизия, которую он просил прислать, предполагая

вести бой на равнине; теперь же ей не было дела на поле сражения, и она была остановлена на правом берегу Днепра. В седьмом часу подошла 2-я гренадерская дивизия, но и она была задержана у моста, так как бой начинал затихать. Теперь Наполеон уже не торопился с развитием боя, а подтягивал к полю сражения свои войска, чтобы на следующий день нанести нам громовой удар.

Второй день — 5 (17) августа. Весь вечер 4 августа и в ночь на 5-е подходили французские корпуса, и к утру 5-го обнаружилось развертывание для боя всей армии Наполеона: на левом крыле у Днепра был 3-й корпус Нея; правее его, на дорогах Красненской и Мстиславской — 1-й корпус Даву; далее вправо — 5-й корпус Понятовского, а на самом правом крыле — кавалерия Мюрата. Гвардия составляла резерв за корпусом Даву. 4-й корпус вице-короля Евгения остался на Красненской дороге, между Корытней и Любной, на случай попытки русских переправиться через Днепр и атаковать французскую армию с тыла. 8-й корпусом Жюно, назначенный примкнуть к правому флангу, сбился с дороги и прибыл на поле сражения около 5 часов пополудни.

Армия французов развернулась полукружьем, упершись обоими флангами в Днепр.

К ночи с 4 на 5 августа обе наши армии тоже собрались у Петербургского предместья, под Смоленском. Все радовались, что избежали катастрофы, и поздравляли Раевского и Паскевича с одержанной ими победой и спасением Смоленска.

Причина успеха нашего 4 августа, конечно, зависела и от Наполеона, рассчитывавшего, как и под Витебском 16 июля, разгромить русских в генеральном сражении на следующий день, и в обоих случаях выпустившего наши армии из-под ударов. Гоняясь за предполагаемым огромным успехом, он упускал малый, но верный, подтвердив поговорку, что «лучшее есть враг хорошего».

После сосредоточения обеих наших армий под Смоленском предстояло решить: дать ли сражение Наполеону или же продолжать отступление внутрь страны. С болью в

душе Багратион уступил Барклаю-де-Толли, настаивавшему на необходимости отступления, так как, по его мнению, сосредоточение всех сил Наполеона под Смоленском обрисовывает его намерение опередить нас в окрестностях Дорогобужа, дабы завладеть Московской дорогой. Поэтому было решено: 1) армии Багратиона отступить к Соловьевой переправе, оставив под Смоленском, за р. Колодней, аррьергард князя Горчакова; 2) для прикрытия этого отступления армии Барклая занять одним корпусом Смоленском, а прочим оставаться на правом берегу Днепра, подле города.

Из письма Багратиона к Аракчееву мы увидим, что Барклай-де-Толли обманул своего товарища обещанием не уходить без нужды из-под Смоленска; сам же только об этом и думал.

Ночью с 4 на 5 августа начали приводить план Барклая в исполнение. В Смоленск назначили корпус Дохтурова, который в полночь сменил Раевского и усилен был дивизиями Неверовского и Коновницына, а также бригадой дивизии Колюбакина. Поутру 5 августа 1-я армия заняла высоты на правом берегу Днепра, а 2-я отошла за 12 верст по Московской дороге, отправив вперед разведку во все стороны.

Выступая, князь Багратион доносил государю: «Надеюсь, что военный министр, имея перед Смоленском всю 1-ю армию, удержит Смоленск, а я, в случае покушения неприятеля пройти далее, на Московскую дорогу, буду отражать его».

Корпус Дохтурова занял те же позиции, на которых накануне вел бой корпус Раевского: 24-я дивизия Лихачева стала на правом; 7-я Капцевича, на левом крыле; 3-я Коновницына в резерве; 27-я Неверовского в Раченском предместье. На правом берегу Днепра были выставлены сильные батареи для обстреливания во фланг неприятеля, когда он будет штурмовать город.

На заре Наполеон выехал в поле, ожидая выхода русской армии для генерального сражения, но со стороны Смоленска не было никакого движения, поэтому он разослал приказания для атаки города.

План сражения при Смоленске 5 августа

С восьми часов утра послышались первые выстрелы, а к десяти слились в общую канонаду по всему фронту; передовая пехотная линия противника завязала живой стрелковый бой, и некоторые части даже врывались в предместья, но были опрокинуты назад; к двум часам неприятель даже отошел на пушечный выстрел; огонь затих.

Наполеон все еще льстил себя странной надеждой на то, что русские выйдут из Смоленска и примут сражение впереди города. Надежды его были разрушены донесением с правого фланга, что русские отступают по Московской дороге. Наполеон поскакал к Шеину-Острову. Здесь он сам убедился в движении князя Багратиона, и первой его мыслью было отрезать 2-ю армию от 1-й, для чего он приказал отыскать на Днестре поблизости брод для переправы войск; но найти брод не удалось, и тогда Наполеон решил овладеть Смоленском посредством фронтальной атаки.

В 4 часа пополудни все колонны одновременно двинулись в атаку: Ней — на Красненское предместье, Даву — на Мстиславское и Молоховские ворота, Понятовский атаковал Раченку и выставил батареи для обстреливания моста через Днепр. Часа два Дохтуров выдерживал натиск втрое сильнейшего противника в предместьях, но наконец был вынужден отойти в город; пехота заняла стены, артиллерия — бастионы; вне стены оставалось небольшое число стрелков. Батареи, выставленные нами на правом берегу Днестра, энергично обстреливали атакующего противника, который нес огромные потери. Наши, прикрытые стенами, несли меньший урон. Недаром в старину называли смоленские стены дорогим ожерельем России.

Главный натиск вел корпус Даву на Молоховские ворота, защищаемые дивизией Коновницына. Четырежды пришлось заменять наши четыре орудия, стоявшие у ворот. Сам Коновницын, раненный в руку, не перевязав раны, не выходил из боя. Барклай-де-Толли, следивший с противоположного берега за ходом ожесточенного боя, послал на подкрепление сражавшимся 2-ю дивизию принца Евгения Вюртембергского. Два полка были направлены к Раченке, а с четырьмя остальными принц пошел к Молоховским воротам. Здесь была крайняя нужда в поддержке; передовые части, бывшие впереди стены, в большом расстройстве отступали в город; протискиваясь сквозь толпы отступавших и массы раненых, под ядрами французов принц устремился

вперед. Дохтуров, чтобы облегчить отступление, приказал принцу произвести вылазку и прогнать неприятеля, засевшего в ближайших к стене домах. Принц повел тотчас же 4-й егерский полк. Встреченный жестоким огнем, полк было заколебался, но увлеченный примером своего доблестного начальника, бросившегося вперед, полк ворвался в прикрытый путь и сильным батальным огнем остановил покушения неприятеля на ворота. На левом фланге, у Раченки, Неверовский со своей славной 27-й пехотной дивизией блестяще отбил все атаки поляков Понятовского. Ему много содействовала артиллерия 1-й армии, под управлением графа Кутайсова, и присланные на поддержку гвардейские егеря. Неоднократно кидались поляки к стенам, даже врывались в ворота небольшими группами, но уже не возвращались назад.

Видя бесполезность усилий трех корпусов овладеть городом, Наполеон решил произвести последний удар. Сторудийная батарея, выдвинутая вперед, должна была подготовить штурм. Масса ядер, гранат и картечи посыпалась в город и на головы доблестных его защитников. Во многих местах вспыхнули пожары; все улицы были загромождены повозками с имуществом убегающего населения, войсками. Одни бежали от неприятеля, спасаясь от смерти, другие неслись вперед, на смертный бой с ненавистным врагом. Три дня уже церкви не затворялись, и в них день и ночь было молитвенное служение, где коленопреклоненный народ призывал на помощь силы небесные. Ближе к вечеру, когда началось всенощное служение накануне праздника Преображения Господня, отдано было распоряжение оставить город. Из Благовещенской церкви вынесли чудотворный образ Смоленской Божьей Матери с хоругвями и в благоговейно торжественном шествии направились за город, чтобы передать святыню под охрану русской армии. При последних лучах заходящего солнца, в тихий летний вечер, огонь и дым огромным столбом поднимались к небу.

Последняя отчаянная попытка французов штурмовать город была отбита геройскими его защитниками; с великим

трудом спасли и мост — единственное сообщение с армией, но и тогда воины Дохтурова, спереди громимые неприятелем, сзади опалаемые пожаром, не сходили со стен. Поздно вечером, часу в одиннадцатом, канонада прекратилась; враг отступил в предместья.

Так окончился второй славный день сражения под Смоленском. Ни тройные силы доблестного врага, ни губительный артиллерийский и ружейный огонь, ни разрушительное пламя пожара — ничто не могло сломить горсти русских богатырей, решивших умереть, но не сдать врагу древнюю русскую твердыню. Наполеон не имел решительно никакого успеха, но понес огромные потери — от 6 до 12 тысяч (показания различны). Русские потеряли до 4 тысяч убитыми и ранеными, из которых многие погибли в огне горящих зданий, давших им приют.

Успех русских был несомненным. Возник вопрос: что же предпринять дальше? Перейти в наступление и добить расстроенного врага или продолжить оборону в самом Смоленске, или же отступать в глубь страны? Как всегда, мнения генералов разделились, но Барклай-де-Толли, верный своей первоначальной идее — выигрывать время до окончания формирования резервов, решил, что не наступило еще время рисковать всем. Он принимает решение: ночью очистить Смоленск и, заняв на некоторое время Петербургское предместье и лежащие позади него высоты, перейти на следующую ночь проселочными дорогами на Московскую дорогу¹.

В час ночи Дохтуров, согласно данному приказанию, очистил Смоленск, заградив входы в город, вывез по возможности раненых и разрушил Днепровский мост. К рассвету все было выполнено. Несколько полков арьергарда Корфа заняли Петербургское предместье против бывшего моста и при бродах; мимо войск наших тянулись отовсюду несчастные жители, спасавшиеся от неприятеля и шедшие, не зная сами куда.

¹ При Вильно надо было начать это движение уже с утра 6 августа, так как колонны были глубокие и на вытягивание в походный порядок требовали много времени.

На заре 6 августа французские аванпосты заметили, что Смоленск пуст, и вошли в него, за ними вступил авангард, и вскоре прибыл сам Наполеон; из окон церкви над Днепровскими воротами он осмотрел нашу позицию за рекой, приказал выставить две пушки на балконе церкви и четыре на валу и открыть огонь по русским. Предместье загорелось, и наш аррьергард вынужден был отойти. При виде нашего отступления неприятель переправился вброд около моста, оттеснил остатки егерей и выступил из форштадта на равнину по Пореченской дороге, в трех верстах от позиции 1-й армии. Тогда был послан на поддержку Корфа вернувшийся уже с дивизией Коновницын. С егерской бригадой князя Шаховского и отступившим отрядом Корфа Коновницын атаковал французов и отбросил их за Днепр. Корф снова занял предместье, а егеря, рассыпавшись по берегу Днепра, целый день перестреливались с неприятелем, находившимся на противоположной стороне. По временам обменивались пушечными выстрелами. Во многих местах конница противника, видимо, отыскивала броды, но все утро неприятель не предпринимал ничего важного.

Отступление 1-й Западной армии из-под Смоленска. После полудня было замечено движение французов вверх по Днепру, что заставило опасаться, как бы Наполеон не вышел на Московскую дорогу и не прервал сообщение между 1-й армией и 2-й, находившейся на марше к Соловьевой переправе. Барклай-де-Толли решил поспешить выйти на Московскую дорогу, двинув армию двумя колоннами: 1) левую (южную), под начальством Тучкова 1-го (2, 3-й и 4-й пехотные и 1-й кавалерийский корпуса), в 21 час направить по Петербургской дороге к Крахоткину, где повернуть к Горбунову, Лубину (на Московской дороге) и Бредихину и стать на ночлег, а 8 августа продолжать движение к Соловьевой переправе; 2) правую (северную) — Дохтурова (5-й и 6-й пехотные, 2-й и 3-й кавалерийские корпуса и вся резервная артиллерия) — в 19 часов двинуть к Стабне, а оттуда по проселочной дороге на Прудиче, где иметь ночлег, и 8 августа дойти до Соловьевой переправы.

Целиком потерянный день (6 августа) и поздно принятое решение вынудило 1-ю армию производить движение ночью по проселочным лесным дорогам, а потом привело к ряду кровопролитных боев (при Гедеоновой, Валутиной горе и под Лубином). Ошибка в стратегии тяжелым бременем легла на плечи солдат!

Отступление армии Барклая с выходом на Московскую дорогу представляло очень трудную задачу в особенности для левой колонны Тучкова 1-го, так как в ночь с 6 на 7 августа французы навели несколько мостов через Днепр и приближались к Лубинскому перекрестку, куда должна была выходить наша левая колонна. Их мог задержать какое-то время арьергард Горчакова, оставленный Багратионом еще 5 августа, пока он не будет сменен отрядом из 1-й армии, при выходе ее к Лубину. Горчаков простоял за р. Колодней два с половиной дня; утром 7 августа он был извещен о переправе в Смоленск французов и о том, что у Прудышевой Жюно тоже строит мост, переправа корпуса которого угрожает его левому флангу; потом он был извещен о прибытии авангарда от колонны Тучкова к Лубину. При таких обстоятельствах Горчаков считал свою задачу выполненной и, оставив три казачьих полка Карпова за р. Колодней, ушел на присоединение к своей армии. Дорога к Лубину для неприятеля была открыта.

Барклай-де-Толли сознавал важность прикрытия Лубинского перекрестка, почему при авангарде левой колонны (3200 человек Тучкова 3-го) послал генерал-квартирмейстера 1-й армии полковника Толя и приказал ему, выступив в 8 часов вечера, идти через Горбуново, на Московскую дорогу. За авангардом должны были следовать: на расстоянии одночасового перехода — 1-й кавалерийский корпус, далее — 3-й пехотный корпус, 4-й пехотный, 2-й пехотный и, наконец арьергард Корфа.

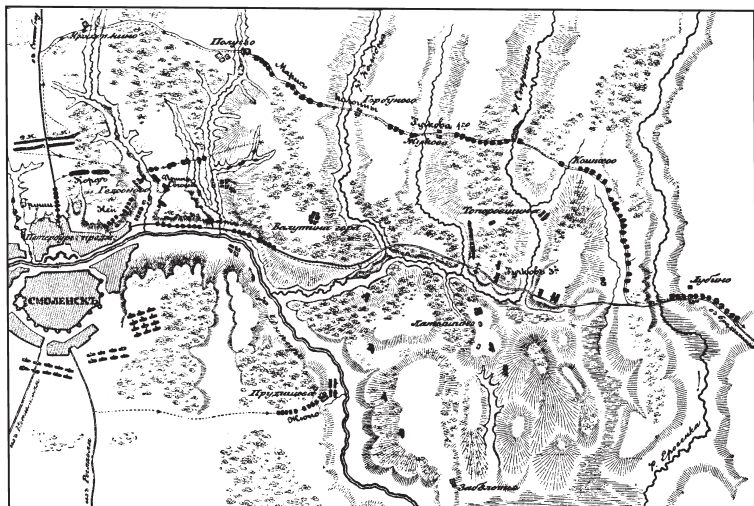
Ночью из-за плохой проселочной дороги и необходимости чинить разрушенные мосты авангард Тучкова двигался медленно, так что прошел 20 верст за 12 часов и вышел на Московскую дорогу только к 8 часам. Узнав здесь об уходе арьергарда Горчакова и о слабости оставленно-

го отряда Карпова, Тучков 3-й проявляет смелую инициативу: сознавая огромную важность для всей армии прикрытия Лубинского перекрестка, он решает двигаться не к Бредихину (налево), как приказано ему по диспозиции, а направо, в сторону Смоленска. За р. Колодней, у д. Латышиной, он остановил свой авангард, а передовой отряд выдвинул к Валутиной горе. Это было в десятом часу утра.

Расчет движения левой колонны Тучкова 1-го был сделан ошибочно: допускали, что к утру вся колонна вытянется по дороге и уйдет из-под Смоленска, но этого не могло случиться, так как в колонне было три пехотных и один кавалерийский корпус, что в глубину должно было составить около 40 верст. И действительно, к утру, когда французские войска уже выходили из предместья, 2-й корпус Багговута, назначенный следовать в хвосте колонны, еще не трогался с места, в ожидании, когда очистится дорога. Тогда его двинули небольшими частями через лес, по бездорожью, где он сбился с направления и, проплывав несколько часов, на рассвете очутился у д. Гедеоновой, всего в полутора верстах от Петербургского предместья. Необходимо было часа три-четыре, чтобы привести корпус в порядок, и на это время во что бы то ни стало удерживать д. Гедеонову. Барклай-де-Толли, по счастью, бывший при 2-м корпусе, возложил оборону д. Гедеоновой на принца Евгения Вюртембергского (3 пехотных и один кавалерийский полк и четыре орудия), выбившего из нее передовые французские войска.

Наполеон не выехал из Смоленска, а поручил преследование русских Мюрату, Нею и Жюно, который должен был для этой цели навести мост у Прудышевой. Не зная, куда отступили русские, Мюрат двинул по Петербургской дороге корпус Груши, а сам с двумя корпусами (Нансути и Монбре-ня) пошел по Московской дороге; Ней направился к д. Гедеоновой, в промежутке между ними. Отсутствие самого Наполеона вызвало нерешительность в действиях его маршалов, что вывело армию Барклая из критического положения.

До 8 часов Ней бездействовал в ожидании разъяснения обстановки, после чего завязал перестрелку и в 9 часов

План действий перед Дубинским сражением

атаковал д. Гедеонову. Прибытие подкреплений из арьергарда Корфа, отряда от войск Тучкова 3-го, войск 4-го корпуса и, наконец, всего отряда Корфа дали принцу Евгению возможность удержаться у Гедеоновой и затем отступить в порядке к д. Галионщине и далее к Горбунову.

Бой у Лубина 7 августа. Заметив движение русских вправо, Ней донес о том Наполеону, из чего последний убедился в следовании наших к Московской дороге, а потому и Нею велено было идти туда же. Усилив его войсками Даву, Наполеон приказал атаковать с фронта находившиеся там русские войска; Мюрат и Жюно должны были охватить их левый фланг.

В 11 часов завязалась перестрелка в передовой цепи Тучкова 3-го, и по мере подхода корпуса Нея положение его слабого отряда на позиции за р. Колодней становилось все труднее и труднее; благодаря подкреплению из 2 тысяч человек Тучков 3-й продержался на позиции до 15 часов. Затем он отступил за р. Страгань, разобрал на ней мост и остановился на позиции, с которой уже нельзя было отхо-

дить, пока за ним не пройдут Лубинского перекрестка Багговут и Корф. Ней, теперь понимая важность своей задачи, особенно усиленно повел атаки на отряд Тучкова 3-го. В 15 часов прибыл на место боя Барклай-де-Толли и двинул дивизию Коновницына на помощь Тучкову 3-му, а графу Орлову-Денисову с 1-м кавалерийским корпусом приказал на рысях двинуться из Бредихина к Заболотью, на наш левый фланг, против Мюрата и Жюно, готовившихся охватить наши войска с этой стороны.

К четырем часам пополудни за р. Страганью у Тучкова 3-го успело собраться около 8 тысяч человек с 16 орудиями, но положение его было тяжелым: с фронта ему угрожали атакой 20-тысячные войска Ней, а с левого фланга — охватом 12 пехотных и кавалерийских полков Мюрата и Жюно. В особенности же было опасно обходное движение 14 тысяч Жюно, уже переправившихся через Днепр и стоявших у д. Тебеньковой. Если бы Жюно двинулся вперед, то Тучков должен был бы отступить; но Жюно, невзирая на просьбы Мюрата поддержать его, не двинулся, отговариваясь неполучением приказаний. Это значительно облегчало положение Тучкова.

Орлов-Денисов своими искусными действиями отразил все попытки Мюрата дебушировать из леса в обход левого фланга Тучкова. Начался упорный фронтальный бой. В 17 часов Ней, получив в подкрепление дивизию Гюдена из корпуса Даву, четыремя дивизиями повел атаку, но был отбит. К этому времени прибыли на поле сражения Барклай и направленные им туда же полки 3-го пехотного кор-

Генерал-адъютант князь
П. М. Волконский

пуса. В 18 часов последовала вторая атака французов на центр и правый фланг Тучкова, которая была также отбита. Через час, когда уже начали выходить на Московскую дорогу войска Багговута и Корфа, французы повели третью атаку, кончившуюся для них так же неудачно, как и две первые. Наконец в 21 час французы в четвертый раз сделали последнее отчаянное усилие захватить нашу позицию. Атака эта была ведена дивизией Гюдены под начальством Жерара. Тучков 3-й бросился навстречу в штыки, но был опрокинут и сам, исколотый штыками, взят в плен. Дальнейшее наступление французов остановлено генералом Олсуфьевым с Рязанским и Брестскими полками. Это был последний акт кровопролитного боя у Лубина, стоившего нам 5—6 тысяч человек, а французам — около 9 тысяч. Потери были велики, но цель достигнута: к ночи все войска левой колонны вышли на Московскую дорогу.

Прекрасно задуманная и вначале очень искусно исполненная Наполеоном операция под Смоленском, как мы видели, осуществлена была далеко не так энергично в дни боев с 4 по 7 августа включительно. В сражении под Смоленском он увлекается неверным предположением; во время же отступления наших войск бездействует, как и Барклай-де-Толли, все 6-е число, а 7-го не руководит боем, который мог был повести, по меньшей мере, к разгрому левой колонны армии Барклая-де-Толли.

Русские, отбив 4 и 5 августа атаки превосходящего числом противника, могли бы и не отступать от Смоленска, как о том и думал Багратион. Если 5 августа 30 тысяч наших войск в продолжение целого дня могли выдержать напор 100 тысяч, то вся армия Барклая-де-Толли, без сомнения, могла бы отбить все атаки Наполеона, даже если бы он подтянул для того и корпус вице-короля, остававшийся в тылу. И, во всяком случае, от Москвы наши армии не были бы отрезаны. И вот почему.

Чтобы отрезать нам путь отступления на Москву, Наполеон должен был переправиться через Днепр где-нибудь не дальше д. Прудищевой; более дальний обход вел его к потере времени и для нас был не опасен. Переправу эту

он мог произвести: 1) до сражения 4 и 5 августа или 2) после сражения.

До сражения у Наполеона было под Смоленском 131 560 человек, а у нас — 116 900, из которых в 1-й армии 76 тысяч и во 2-й 40,9 тысячи.

Для переправы Наполеон мог бы выделить корпуса Даву и Понятовского и 1-й и 3-й кавалерийские корпуса, всего 49 463 человека (39 020 пехоты и 10 443 кавалерии). Багратион с 40,9 тысячи солдат имел достаточно сил, чтобы воспрепятствовать этой переправе. У Наполеона перед Смоленском оставалось бы всего 82 007 человек против 72 300, бывших в армии Баркляя (за выделением 1-го кавалерийского корпуса на помощь Багратиону). По-видимому, Наполеон не мог иметь никаких шансов на успех.

Теперь рассмотрим в качестве второго предположения, что Наполеон предпринял переправу после неудачного штурма 5 августа.

После потери 20 тысяч человек у французов оставалось 111 570. 5-го числа к вечеру прибывший Жюно усилил армию до 125 570 человек. Предположим, что к вечеру 6 августа Наполеон притянул бы к армии и корпус вице-короля, что усилило бы его до 156 015 человек. Русские за оба дня боя потеряли 6 тысяч солдат; следовательно, у них оставалось 110 900 человек под ружьем; если предположить, что обе армии понесли бы одинаковые потери, то в 1-й армии было бы 69,3 тысячи, а во 2-й — 41,6 тысячи человек.

Так как 5 августа корпуса Даву и Понятовского приняли на себя основной удар, то Наполеон переправил бы через Днепр, без сомнения, свежие корпуса Жюно и вице-короля с поддержкой их остатками корпуса Понятовского и 1-м и 3-м кавалерийскими корпусами — всего 66 626 человек. Остальные войска — 89 389 солдат — должны были оставаться перед Смоленском.

Без сомнения, Багратион с 41,6 тысячи человек мог воспрепятствовать переправе через реку 66 626 воинов.

Обратимся теперь к тактике защиты самого Смоленска. В первом предположении его обороняют 72,3 тысячи из 82 007 наличного состава; во втором — его защищают 69,3

тысячи из 89 389 солдат. Судя по сражению 5 августа и тому числу войск, которые тогда оборонялись, можно утверждать, что русские, по всей вероятности, имели бы успех и нанесли бы противнику урон, вчетверо больший собственных потерь. Но даже и при сдаче города сообщение по Московской дороге не было бы прервано.

Исходя из стратегического значения Смоленска можно высказать сожаление, что в 1812 г. не было сделано ничего, чтобы усилить его укрепления или, по крайней мере, расчистить валганг и прикрытый путь, которые местами заплыли и были неудобны для обороны¹.

Многие в армии, скорее всего, считали, что не следует отступать, что надо дать отпор противнику у Смоленска. Наверное, этот вопрос обсуждался Барклаем и Багратионом 5 августа, но потом уже, к вечеру 6-го числа, Барклай испугался ответственности за смелое решение и начал снова отступать. Только этим и можно объяснить следующее письмо, написанное 7 августа Багратионом из Михайловки, на Смоленской дороге, графу Аракчееву².

«Милостивый государь, граф Алексей Андреевич!

Я думаю, что министр уже рапортовал об оставлении неприятелю Смоленска. Больно, грустно, и вся армия в отчаянии, что самое важное место понапрасну бросили. Я, с моей стороны, просил лично его убедительнейшим образом, наконец, и писал; но ничто его не согласило. Я клянусь вам моей честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он мог бы потерять половину армии, но не взять Смоленска. Войска наши так дрались и так дерутся, как никогда. Я удержал с 15 тысячами более 35 часов и бил их, но он не хотел остаться и 14 часов. Это стыдно, и пятно армии нашей, а ему самому, мне кажется, и жить на свете не должно. Ежели он доносит, что потеря велика, — неправда; может быть, около 4 тысяч, не бо-

¹ Эти соображения высказаны Н. Окуновым в его сочинении «Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году». Напечатано на французском языке в Париже в 1829 г.

² Конечно, Багратион был уверен, что его письмо прочтет государь.

лее, но и того нет; хотя бы и десять, как быть, война! Но зато неприятель потерял бездну...

Что стоило еще оставаться два дня? По крайней мере, они бы сами ушли, ибо не имели воды напоить людей и лошадей. Он дал слово мне, что не отступит, но вдруг прислал диспозицию, что он в ночь уходит. Таким образом воевать не можно, и мы можем неприятеля скоро привести в Москву.

Слух носится, что вы думаете о мире. Чтобы помириться, Боже сохрани! После всех пожертвований и после таких сумасбродных отступлений — мириться; вы поставите всю Россию против себя, и всякий из нас за стыд поставит носить мундир. Ежели уж так пошло — надо драться, пока Россия может и пока люди на ногах...

Надо командовать одному, а не двум. Ваш министр, может, хороший по министерству; но генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего Отечества... Я, право, с ума схожу от досады; простите мне, что дерзко пишу. Видно, что тот не любит государя и желает его гибели нам всем, кто советует заключить мир и командовать армией министру. Итак, я пишу вам правду: готовьте ополчение. Ибо министр самым мастерским образом ведет в столицу за собой гостя. Большое подозрение подает всей армии господин флигель-адъютант Вольцоген. Он, говорят, более Наполеона, нежели наш, и он советует все министру. Я не токмо учтив против него, но повинуюсь как капрал, хотя и старше его. Это больно; но, любя моего благодетеля и государя, — повинуюсь. Только жаль государя, что вверяет таким славную армию. Вообразите, что нашей ретирадой мы потеряли людей от усталости и в госпиталях более 15 тысяч; а ежели бы наступали, того бы не было. Скажите, ради Бога, что наша Россия — мать наша — скажет, что так страшимся, и за что такое доброе и усердное Отечество отдаем сволочам и вселяем в каждого подданного ненависть и посрамление? Чего трусить и кого бояться? Я не виноват, что министр нерешим, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет совершенно, и ругают его насмерть...»

Сколько горькой истины и пророчества относительно предстоявших событий! И так многие думали и чувствовали. Действительно, главная причина сначала слабых результатов, а затем и целого ряда кризисов заключалась в нере-

шительности и колебаниях Барклая и в разделении власти во главе армии между двумя независимыми друг от друга главнокомандующими.

Впрочем, и тактика Наполеона изменилась до неузнаваемости: ввиду особенно важного для нас значения Москвы и южных губерний он ставит себе задачей отбросить наши армии на север, для чего необходимо было постоянно обходить наш левый фланг. Начало операции и велось Наполеоном в этом духе, но уже под Смоленском было сделано слишком мало в этом отношении, а под Лубином обход его и совершенно замер. После Лубинского боя Наполеон приостановил преследование наших армий и четыре дня пробыл в Смоленске. Как будто приходила ему мысль о мире. Он приказал привести к себе раненого генерала Тучкова 3-го, обласкал его, вернул ему шпагу и просил написать письмо к брату с предложением императору Александру мира. Письмо это было прочтено государем, но осталось без ответа.

Формирование народных ополчений. Выяснившаяся с самого начала войны малочисленность наших войск в сравнении с армией Наполеона, отсутствие достаточных средств для доукомплектования армии побудили императора Александра I призвать на борьбу с врагом все население России. 6 (18) июля, перед отъездом государя в Москву, были написаны воззвание к первопрестольной столице и манифест о всеобщем ополчении. Манифест этот был читан в церквях, в дворянских собраниях, в городских думах, и не было места в России, где бы воззвание государя не зажгло в людях восторженной решимости пожертвовать всем во благо отечества. Отныне борьба с Наполеоном приняла характер народной и священной войны. Оборонительные средства России стали развиваться в огромных размерах.

Одна Московская губерния вызвалась выставить 80 тысяч ратников и пожертвовала 13 тысяч рублей. Общая готовность пожертвований превзошла даже меру потребности, и государь повелел собрать ополчения только в 17 губерниях, ближайших к театру войны, а в остальных ограничиться обыкновенным набором рекрутов.

Ополчения, выставленные губерниями, были разделены на три корпуса: 1-й — для обороны Москвы; 2-й — для обороны Петербурга; 3-й — для образования резерва. В шесть недель восемь губерний 1-го округа выставили 125 тысяч ратников, снабдили их одеждой, трехмесячным продовольствием, в частности 325 тысячами четвертей разного хлеба, и пожертвовали 16 тысяч руб. Остальные губернии не отставали от Московского округа¹. Для устройства ополчений при особе государя составлен особый комитет; главными же начальниками ополчений назначены: 1-го округа — граф Растропчин, 2-го — генерал Кутузов, 3-го — граф Толстой.

Ратники каждой губернии составляли полки конных и пеших казаков и пеших егерей (во 2-м округе пешие полки назывались дружинами). Пешие полки делились на батальоны, сотни и десятки. Ополчение каждой губернии состояло под командой особого губернского начальника; полковые командиры и прочие начальники избирались из дворян добровольцев. Все ратники были одеты в кафтан и шаровары серого сукна, имели суконные шапки с выбитым из меди крестом, вензелем государя и надписью под ним «За веру и царя». Вооружение составляли ружья со штыками, а за недостатком их вооружались пиками и топорами.

Кроме ополчений, формировались резервные войска во Владимире, Москве и Калуге.

Манифест о народной войне произвел сильное впечатление даже на Наполеона; он неоднократно приказывал прочитывать себе перевод манифеста. Он готовился, в сущности, ко второй польской войне, не ожидая, что начинается настоящая война с Россией, где, кроме борьбы с русским народом, предстояла еще борьба с природой и необъятным пространством. В Испании у него шла пятый

¹ Дворянство Смоленской губернии, еще до получения манифеста от 6 июля, просило государя о разрешении выставить 20 тысяч ратников на подкрепление армии, и через восемь дней после объявления манифеста 12 447 ратников было уже собрано в Дорогобуже; пожертвовано, кроме того, свыше 9 млн руб.

год война с народом, армии его гибли одна за другой, а победить непреклонный испанский народ он не мог. Что же могло ожидать его в России, с ее гордым русским народом, неоднократно проявлявшим свою готовность на высочайшее самопожертвование «за веру, царя и Русь-матушку»? Наполеон, верно, сознавал, что его ожидает гибель, и он все время ищет мира, начиная со Смоленска. Но было уже поздно. Россия решилась сокрушить дерзкого врага, ступившего на святую русскую землю.

Партизанская война. Уже начиная с Витебска французская армия почувствовала перемену обстановки: жилища пылают, запасов нет, население исчезло, проводников не получишь.

Знаменитый впоследствии поэт, партизан Ахтырского гусарского полка подполковник Д. В. Давыдов, предложил Барклаю-де-Толли с 500 человек кавалерии ударить на сообщения французской армии и открыть партизанскую войну в ее тылу. Предложение не было пока принято. Впрочем, до сражения под Смоленском был выслан отряд Винценгероде на Поречье и Велиж для связи с Витгенштейном и извещения о движениях неприятеля. Отряд этот своим появлением навел страх на французские гарнизоны, бывшие в Витебске и Полоцке, захватил до тысячи мародеров, шатавшихся по окрестностям, чем облегчил положение населения.

После отступления армии от Смоленска, Винценгероде приказано было уйти из Витебской губернии и находиться недалеко от армии. Отряд двинулся на Поречье и Белый. Едва вступил он в пределы Смоленской губернии, к разъездам его, посланным на Поречье, стали присоединяться жители и вместе с казаками нападать на неприятеля. И так было везде: добровольцы всех сословий и званий соединялись с отрядом Винценгероде для борьбы с неприятелем. Из Белого Винценгероде пошел через Покров и Воскресенск на Сычевку и Гжатск. Здесь его совместные с населением действия сделались еще более энергичными.

Французы, подобно тому как они это делали и в Испании, не замедлили ответить кровавой расправой, но эти меры не могли остановить стихийного протеста оскорб-

ленного русского народа. Явились патриоты, не побоявшиеся единолично вступить в борьбу. В Смоленске отставной подполковник Энгельгардт и коллежский ассессор Шубин, защищавшие свое имущество от грабителей, были осуждены французами на казнь. Неприятель выразил готовность даровать им жизнь при условии, что они изменят своей присяге. Это предложение было отвергнуто с негодованием, и их расстреляли. Энгельгардт даже не позволил завязать себе глаза перед казнью.

Движение французской и русской армий к Бородино. Простояв четыре дня в Смоленске, Наполеон двинул свою армию вслед за отступающими русскими войсками¹. Он надеялся быстротой движения не дать русской армии времени умножить свои силы. Он надеялся разбить ее, занять Москву, разрушить все наши средства обороны и принудить императора Александра к миру. «Нас ожидает мир, — говорил он своим приближенным, — через неделю мы заключим его. Быв так близко к цели, не о чем рассуждать. Пойдем в Москву!»

Приступая к движению на Москву, он подтвердил свои приказания относительно энергичных действий Шварценберга против Торماسова и Сен-Сира против Витгенштейна; Макдональду предписал взять Ригу. Виктору приказано охранять пути от Вильно к Смоленску, через Могилев и Минск, и поддерживать сообщения с главными силами; в случае необходимости отступления Виктор должен был облегчить эту операцию главных сил. Резервная 50-тысячная армия Ожеро была придвинута к границам России; дивизии его были в Кёнигсберге, Данциге, Варшаве, Ковне, а также между Вислой и Одером. Войска Монсея придви-

¹ Некоторые высказывают мысль, что если бы Наполеон остановился в Смоленске, перезимовал там, устроил тыл, то с весны он мог бы выиграть кампанию. Но это было невозможно: престиж Наполеона поддерживался постоянным успехом; у него в это время была тяжелая война в Испании; в тылу его вся Европа готова была восстать против деспота; да и русские не оставили бы его в покое. Мы видели, как русские сорвали армию Наполеона с квартир под Смоленском. Подобными действиями можно было известить противника где угодно.

нуты с Эльбы к Одеру. Первые батальоны национальной гвардии двинуты из Франции к крепостям на Рейне и Эльбе. Кроме всего этого, во Франции объявлен новый рекрутский набор. Это был невиданный в истории размах вооруженных сил по всей территории Европы.

11 (23) августа Наполеон выехал из Смоленска к армии. Авангард его еще накануне столкнулся с арьергардом Платова у Соловьева (казаки, четыре кавалерийских и шесть егерских полков). В ожидании возможного боя он вел свою армию на фронте в 14 верст: по Московской дороге шли Мюрат, за ним Даву, Ней, гвардия и Жюно; в правой колонне шел Понятовский, в левой — вице-король. На ночлег корпуса должны были располагаться в 4—5 верстах друг от друга.

Наши армии тянулись по одной дороге — впереди армия Багратиона, а за нею 1-я армия Баркляя-де-Толли. 9 (21) августа 2-я армия была у Дорогобужа, а 1-я — в восьми верстах от него, у Умолья, где и простояла два дня.

Движение было крайне трудным. Из-за продолжительной жары и засухи остававшиеся на корню хлеба сгорали и высыпались, болота пересохли, лошади и скот издыхали, не находя корма на сожженных солнцем лугах. Наши армии находили кое-какие запасы, но для армии Наполеона не оставалось ничего; в особенности страдала кавалерия, которую вели скудно, и дальних фуражировок производить было нельзя.

Остановившись у Умолья, Барклай-де-Толли уже склонялся дать генеральное сражение, уступая общественному мнению, хотя и знал о неготовности резервов. Он писал Растопчину, прося его ускорить выставление московских военных сил на подкрепление армии, писал Витгенштейну и Милорадовичу, прося последнего из Калуги, Можайска и Волоколамска спешить к Вязьме, где составить резерв армии; убеждал и Торماسова открыть решительные действия в тылу неприятеля. Казалось, сражение назревало, и Багратион пришел со своей армией из Дорогобужа и пристроился к 1-й, став на ее левом фланге. Но вскоре нерешительность опять охватила Баркляя, и он донес государю: «Имея перед собою превосходного неприятеля, я буду вместе с

князем Багратионом стараться избегать генерального сражения. Однако же мы в таком положении, что сомневаюсь в этом успеть, но надеюсь на Бога, на справедливость нашего дела и храбрость наших войск».

Движение вице-короля, угрожавшее обходом по правому флангу позиции у Умоля, побудило Баркляя-де-Толли не принимать на ней сражения и ночью с 11 на 12 августа отступить к Дорогобужу, где, по смотру местности, позиция была найдена слишком тесной. Боязнь быть обойденным с обоих флангов заставила снова отступить. 14 (26) августа наши армии были в Семлеве. Отсюда послали генерал-квартирмейстера Толя выбрать и укрепить под Вязьмой позицию на 20—25 тысяч человек, дабы, имея сей город в нашей власти, армии могли бы в то же время действовать наступательно». В укрепленном лагере под Вязьмой думали оставить Милорадовича, скорого прибытия которого туда ожидали. В донесении государю Баркляй-де-Толли пишет: «Итак, вот минута, где наше наступление должно начаться».

Толь донес, что под Вязьмой удобной позиции нет; все места лесисты, горы покрыты кустами, а верстах в десяти за Вязьмой, по большой Московской дороге, есть довольно выгодная позиция, которую и следует укрепить.

15 (27) августа обе армии соединились при Вязьме; арьергард вступил в кровопролитный бой на р. Осме. Наполеону крайне хотелось начать генеральное сражение, так как с каждым днем народная война разгоралась все сильнее. Города и селения в районе движения войск доставались французам сожженными; горели и волости в округе верст на двадцать, куда забирались французские фуражиры и толпы мародеров, число которых ежедневно увеличивалось из-за недостатка продовольствия.

16 (28) августа наши армии отошли к Федоровскому, надеясь на следующий день отойти к Цареву Займищу, где была найдена позиция.

Мюрат сильно теснил наш арьергард у Вязьмы. Вместо Платова арьергардом командовал Коновницын. При отступлении нашего арьергарда Вязьма была зажжена, так что не-

приятельская артиллерия не могла пройти через город, а пошла в обход, вместе с пехотой и конницей. На позиции за Вязьмой Коновницын продержался еще несколько часов, к вечеру же отступил и остановился в 18 верстах впереди Царева Займища.

Хотя при отступлении от Смоленска наш арьергард постоянно отбивал все атаки противника и мы не потеряли ни одного орудия, но желание дать генеральное сражение росло и в обществе, и в армии. Помыслы и молитвы всех устремлены были к одному: окончить ненавистное отступление, которое вело врагов к самому сердцу России.

17 (29) августа при Царевом Займище Барклай-де-Толли решил, по-видимому, на генеральное сражение и доносил государю: «Здесь стал я с обеими армиями в позиции и решил ожидать атаки неприятельской».

Снова начали строить укрепления и готовиться к сражению, но войска уже не верили в возможность боя. «Опять прикажут отступать!» — было на уме у всех. Всякая надежда на решимость Барклая-де-Толли пропала; разногласия же его во взглядах с Багратионом совершенно обострили их взаимные отношения. Но вскоре все воспрянуло духом, получив известие о назначении общего главнокомандующего князя Михаила Илларионовича Кутузова, который и прибыл к армии в Царево Займище.

Назначение Кутузова главнокомандующим. Славный сподвижник Суворова, недавно блестяще окончивший войну с Турцией, 29 июля возведенный в княжеское достоинство с титулом светлейшего, Кутузов был тем, на кого с верой и надеждой смотрела вся тогдашняя Россия. Чрезвычайный комитет¹, которому государь поручил выбрать главнокомандующего всеми армиями, единогласно избрал Кутузова. 8 (20) августа государь объявил ему об этом назначении.

¹ В состав Чрезвычайного комитета входили: граф Салтыков, генерал Вязмитинов, граф Аракчеев, генерал-адъютант Балашов, князь Лопухин и граф Кочубей.

Император Александр не доверял ни военным способностям, ни личным свойствам Кутузова. Вверяя ему судьбу России, государь превозмог в себе предубеждение против него и сделал уступку общественному мнению. Глас народный на этот раз оказался гласом Божиим. Назначение Кутузова было встречено с восторгом во всей России; даже недоброжелатели полководца сознавали, что никто не мог бы заменить его в то время, когда Наполеон неудержимо двигался к сердцу России.

Наполеон, отлично знавший Кутузова еще со времен войны 1805 г., назвал его «le vieux renard du Nord». «Постараюсь доказать великому полководцу, что он прав», — заметил Кутузов, когда ему сделался известным этот отзыв.

11 августа князь Кутузов выехал из Петербурга в армию. В Ижоре он встретил курьера с донесением о занятии французами Смоленска. «Ключ к Москве взят!» — с горечью воскликнул старый полководец. Весь переезд его к армии имел вид непрерывного торжественного шествия; толпы жителей городов и селений ждали его проезда, становились на колени, желали ему счастливого пути и восклицали: «Спаси нас, побей супостата!»

17 (29) августа Кутузов прибыл в Царево Займище на позицию, избранную Барклаем для решительного боя. Поздоровавшись с почетным караулом и оглядев солдат, он воскликнул: «Можно ли все отступать с такими молодцами?!» Эти слова быстро разнеслись по армии, и тотчас же роди-

Светлейший князь Смоленский
генерал-фельдмаршал
М. И. Голенищев-Кутузов

лась поговорка: «Приехал Кутузов бить французов». Тем не менее, признав местность невыгодной для сражения и желая сблизиться с приближавшимися подкреплениями, Кутузов приказал продолжать прерванное Барклаем отступление, чтобы на первой же выгодной позиции вступить в битву, которой желали войска и народ.

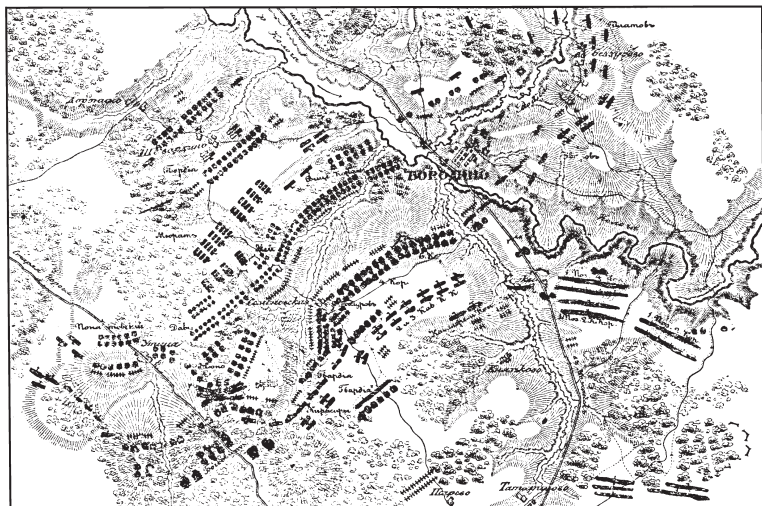
Кутузов внутренне сочувствовал идее Барклая — пока уклоняться от генерального сражения, но сознавал, что необходимо удовлетворить желание общества, требовавшего вступления в бой. Бородинская битва не оправдывалась общим стратегическим положением армии — это была искупительная жертва, приносимая в защиту первопрестольной столицы.

Бородинское сражение

Позиция у Бородино ♦ Диспозиция Кутузова ♦ Бои у Шевардино 24—26 августа ♦ Три атаки на Семеновские флеши ♦ Наступление вице-короля Евгения ♦ Атака Уваровым и Платовым левого фланга французов у д. Беззубово ♦ Четвертая атака на Семеновские флеши ♦ Пятая и шестая атаки на Семеновские флеши ♦ Взятие французами центральной батареи ♦ Ход боя на левом крыле, у д. Утицы ♦ Ночь с 26 на 27 августа ♦ Оценка сражения

19 (31) августа армия Кутузова выступила из Царева Займища, в тот же день прошла через Гжатск и ночевала при деревне Ивашковой; арьергардом командовал Коновницын; 20-го ночлег был в Дурькине, 21-го — у Колоцкого монастыря и 22-го у с. Бородино. Во время этих маршей к армии присоединились резервы Милорадовича, которому приказано было вступить в командование 2-м и 4-м корпусами. Под Бородином была выбрана позиция для боя, которую 22-го числа Кутузов лично объехал и одобрил.

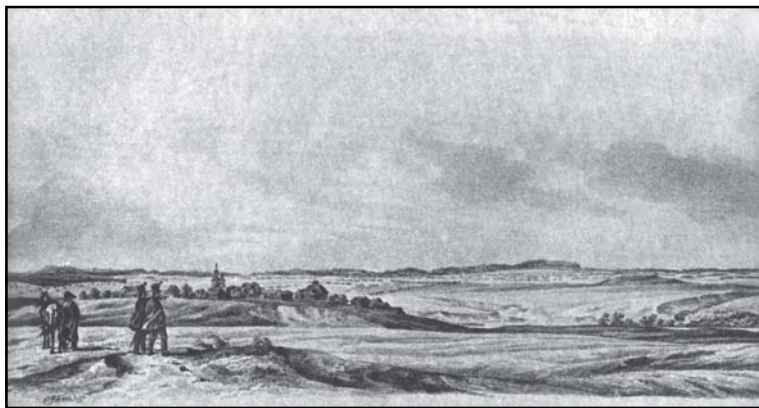
Наполеон продолжал следовать за нашей отступающей армией. 19 (31) августа авангард его занял Гжатск и сжег его. На следующий день Наполеон сам прибыл в Гжатск, где и получил сведение о вступлении в командование армией Кутузова, что заставляло надеяться на возможность ско-

План сражения при Бородино

рого генерального сражения. Поэтому он приостановил наступление, чтобы подтянуть корпуса и подготовиться к предстоящему сражению. Мюрат немного выдвинулся перед Гжатском, Даву и Ней остановились в Гжатске, левее их — вице-король в Павлове, правее — Понятовский в Будаеве; в этом положении армии оставались и 21 августа (2 сентября). Жюно был пока позади, в Чеплуке. К 22 часам приказано было доставить сведения о боевом составе всех корпусов, а также исправить ковку лошадей. Численность армии составила 128 тысяч, и ожидалось в течение пяти дней присоединение еще 6 тысяч человек с тыла. 23 августа (4 сентября) армия снова двинулась вперед.

После полудня Мюрат столкнулся с арьергардом Коновницына у Гряднева; бой длился до ночи, после чего Коновницын отступил к Колоцкому монастырю. 24 августа (5 сентября) Мюрат атаковал у Колоцкого монастыря наш арьергард, который, под угрозой обхода вице-короля, отступил к главным силам, стоявшим у Бородина. К двум часам Мюрат подошел к нашей позиции, и туда же приближались вице-король от Больших Садов и Понятовский от Ельни.

Общий вид Бородинского поля (с гравюры Адама)

Позиция у Бородино. Бородинская позиция лежала по обе стороны большой Смоленской дороги. Правый фланг ее примыкал к лесу, между реками Москвой и Колочей; левый фланг оканчивался у д. Утицы, на старой Смоленской дороге. Фронт ее, длиной около 7 верст, представлял тупой исходящий угол у с. Бородино. Позиция превалировала над впереди лежащей местностью. Ее правый фланг был прикрыт рекой Колочей, текущей в глубоком обрывистом овраге; центр прикрывался Семеновским ручьем. Левый фланг был слабейшей частью позиции; только кустарник и небольшой лес могли несколько затруднить здесь наступление. Между тем этот фланг был весьма важен; если бы французы имели тут успех, то могли бы по старой Смоленской дороге достигнуть Можайска прежде наших войск, стоявших у Бородина, и таким образом отрезать им путь отступления к Москве.

Позиция была усилена укреплениями: на оконечности правого фланга, у леса, фронтом к р. Москве, были построены три флеши; у дер. Горки, на новой Смоленской дороге — две батареи, одна выше другой, одна на три орудия, другая на девять; в центре позиции, на высоте — боль-

На позиции у с. Бородино. Накануне боя (с гравюры Адама)

шой люнет, вооруженный 18 орудиями (батарея Раевского); впереди и южнее д. Семеновской — три флешы (Багратионовы флешы); село Бородино, на левом берегу Колочи, приведено в оборонительное положение. Укрепления не имели сильного профиля и искусственных препятствий. Люнеты, обращенные к р. Москве, на правом фланге, были лишними, а на левом фланге, у д. Утицы, где проходила заброшенная, старая Смоленская дорога, совсем не было укреплений.

Впереди Семеновских холмов, в расстоянии 900 сажен от них, у деревни Шевардино, возвышается большой холм, превалирующий над окружающей местностью. Первоначально предполагали на этом кургане расположить левый фланг позиции, но так как при таком расположении фланг оказывался слишком выдвинутым вперед и легко подвергался охвату, то отодвинули его на Семеновские холмы, а на Шевардинском холме построили пятиугольный редут на 12 орудий и поставили передовой отряд¹.

¹ Впрочем, отсутствие укреплений у д. Утицы подтверждает предположение, что левый фланг был действительно вначале у Шевардина, да и местность здесь (болотистый лес) труднодоступна для маневрирования войск.

Позицию предложено было занять следующим образом: правый фланг и центр — войсками 1-й армии Барклая-де-Толли (2-й и 4-й корпуса, под общим начальством Милорадовича, за р. Колочей до Горок; от Горок до батареи Раевского — 6-й корпус; частный резерв 1-й армии — 1-й резервный кавалерийский корпус Уварова и девять казачьих полков Платова — уступом за правым флангом первой армии); левый фланг — войсками 2-й армии князя Багратиона (7-й пехотный корпус от батареи Раевского до д. Семеновской; 8-й корпус — Багратионовы флешы, причем 2-я гренадерская дивизия составила частный резерв 2-й армии, а шесть казачьих полков Карпова должны были стать у д. Утицы). Егерские полки всех корпусов боевой линии предложено было частью рассыпать впереди фронта, а пять полков расположить в кустах и в лесу влево от Багратионовых флешей. Кавалерийские корпуса стали во второй линии за пехотными корпусами (2-й кавалерийский корпус — за 4-м пехотным, 3-й — за 6-м и 4-й — за 7-м). Общий резерв (3-й и 5-й пехотные корпуса и две кирасирские дивизии) стал — у д. Князьковой, артиллерийский резерв (300 орудий) — у д. Псаревой. Сверх того на пять казачьих полков возложено было наблюдение за правым флангом, на нижнем течении р. Колочи.

В армии Кутузова было 103 тысячи регулярных войск (в том числе 72 тысячи пехоты и 17 тысяч кавалерии) при 640 орудиях и, кроме того, 7 тысяч казаков и 10 тысяч ратников, почти необученных и вооруженных большей частью пиками (Смоленского и Московского ополчений). В числе этих 103 тысяч было 15 тысяч наскоро обученных рекрутов, так что опытных солдат в нашей армии в день Бородинского сражения было всего 90 тысяч.

Перед сражением все частные и казенные обозы отправили на 6 верст за Можайск; при полках оставили только патронные ящики и по одной лазаретной карете на батальон. Командирам корпусов предписывалось озаботиться устройством свободных сообщений между войсками.

Диспозиция Кутузова. Для боя дана была следующая диспозиция, подписанная Кутузовым 24 августа:

«Присоединив к себе все подкрепления, прибывшие от Калуги и Москвы, армия ожидает наступления неприятеля при Бородине, где и даст ему сражение. 2, 4, 6-й и 7-й пехотные корпуса и 27-я дивизия составляют кор-де-баталь и располагаются в две линии. За каждым из них становится по кавалерийскому корпусу: за 2-м пехотным 1-й кавалерийский, за 4-м — 2-й, за 6-м — 3-й, за 7-м — 4-й.

В центре кор-де-баталь, за кавалерийскими корпусами, станут резервы, в батальонных колоннах, на полных дистанциях, в две линии, а именно: 3-й пехотный корпус, а за ним гвардия и сводные гренадерские батальоны 4, 7, 1-й и 3-й дивизий. Вторая гренадерская дивизия и сводные гренадерские батальоны 2-й армии становятся за 4-м кавалерийским корпусом и составляют резерв 2-й армии. Все кирасирские полки обеих армий во время действия расположатся позади гвардейского корпуса в полковых колоннах; артиллерия, остающаяся при резервах, составляет резервную артиллерию. Начальники в кор-де-баталь: правый фланг — из 2-го и 4-го корпусов, под командой Милорадовича; центр — из 6-го корпуса, под командой Дохтурова; левый фланг — из 7-го корпуса и 27-й дивизии, под командой князя Горчакова. Главнокомандующие армиями командуют, как и прежде, войсками, их армии составляющими, то есть: Барклай-де-Толли правым крылом и центром, а князь Багратион левым флангом; князь Голицын 1-й командует 1-й и 2-й кирасирскими дивизиями, кои соединить вместе в колоннах за гвардией.

В этом боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям. Не в состоянии будучи находиться во время сражения на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность господ главнокомандующих и потому предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля. Возлагаю все упование на помощь Всесильного и на храбрость и неустрашимость российских воинов, при счастливом отпоре неприятельских сил дам собственные повеления на преследование его, для чего и ожидать буду беспрестанных рапортов о действиях, находясь за 6-м корпусом. При сем случае неизлишним почитаю представить господам главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден. На случай наступательного движения, оное производится в сомкнутых колоннах к атаке, стрельбой отнюдь не заниматься, но действовать быстро холодным ружьем. В интервалах между

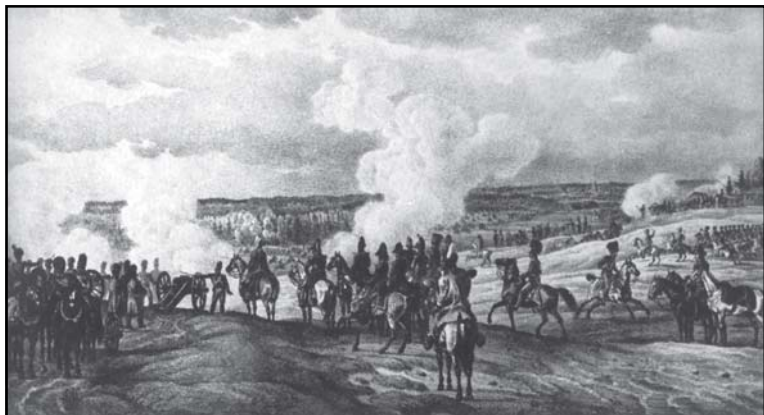
пехотными колоннами иметь некоторую часть кавалерии, тоже в колоннах, которая бы подкрепляла пехоту. На случай неудачного дела, генералом Вистицким открыты несколько дорог, которые он господам главнокомандующим укажет и по коим армии должны будут отступать. Сей последний пункт единственно для сведения господ главнокомандующих».

Бои у Шевардино 24—26 августа. Войска арьергарда Коновницына при отступлении к Бородино разошлись со своим корпусом. Рассыпавшиеся по берегу Колочи егеря открыли огонь по головным отрядам французов. Наполеон приказал овладеть деревнями Фомкиной, Алексинкой, Доронином, Шевардино и редутом возле него, которые мешали развертыванию войск, следовавших по новой Смоленской дороге.

Передовая позиция у Шевардино была занята частью войск 2-й армии, под начальством князя Горчакова (27-я пехотная дивизия, пять гренадерских полков, два сводно-гренадерских батальона, два драгунских полка и 2-я кирасирская дивизия); 27-я дивизия стояла за редутом, имея на

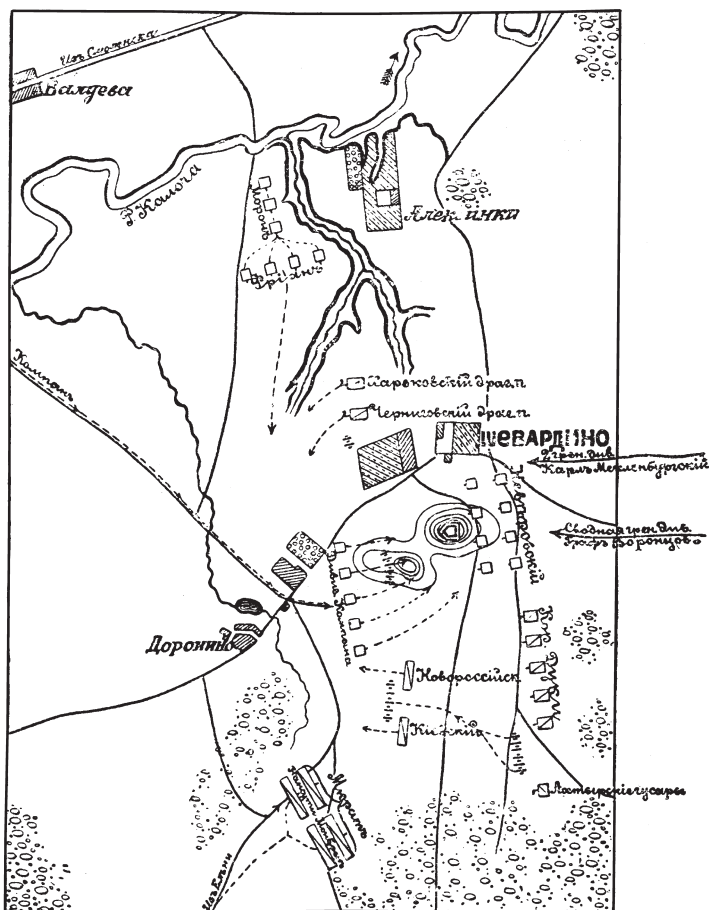

Наступление французской пехоты под Шевардино
(с гравюры Адама)

Бой под Шевардино. Французская артиллерия на позиции

флангах кавалерию; три полка егерей заняли на левом фланге Доронино и кустарник возле него; в редут поставлено 12 батарейных орудий. Овладев без особенного труда д. Фомкиной, Мюрат переправился через Колочу; за ним следовал корпус Даву; им обоим удастся овладеть д. Алексинкой и развернуться против правого фланга Шевардинской позиции, в то время как Понятовский, наступавший от Ельни, овладел Доронином, угрожая левому флангу. Упорный бой завязался за редут, который несколько раз переходил из рук в руки противников, по мере ввода ими в бой резервов; на ночь редут остался за нами. Но уже ночью, в темноте, французы еще попытались овладеть редутом; Неверовский без выстрела неожиданно сам атаковал их в штыки, его поддержала 2-я кирасирская дивизия; французы, охваченные паникой, бежали, оставив в наших руках пять орудий, из которых три подбитых остались на месте, а два вывезены кирасирами. Бой затих. Около полуночи французы, по-видимому, снова намеревались вести атаку на батарею, но в это время было получено приказание Кутузова, следившего за боем от деревни Татариновой, отвести войска Горчакова на главную позицию, что и было исполнено.

Бой при Шевардино

Наполеон приказал разбить свою палатку влево от Московской дороги, в д. Валуевой, посреди расположения гвардии; впереди стоял корпус вице-короля. Ней стоял за Даву; Жюно был еще в Гжатске.

В 2 часа утра 25 августа (6 сентября) после непродолжительного отдыха Наполеон выехал на рекогносцировку с Коленкуром и Рапфом и внимательно осмотрел позицию

русских и строящиеся укрепления. В это утро был привезен подарок Наполеону — портрет его сына — «короля Рима»; портрет был выставлен для осмотра гвардейцев, которые выражали при этом необыкновенную преданность своему императору. После завтрака Наполеон продиктовал следующий приказ по армии:

«Воины! Вот сражение, которое вы так желали. Победа зависит от вас. Она необходима для нас; она доставит нам все нужное: удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске и Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспоминает о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвой».

Отдав этот приказ, после полудня он вторично выехал перед позицией русских и был вполне доволен тем, что, по-видимому, на этот раз русские хотят дать бой.

Уже на рассвете армия Наполеона стояла под ружьем в следующем расположении: Понятовский на правом крыле, примыкая к дороге на Ельню; рядом с ним, впереди Шевардинского редута — Даву с тремя дивизиями (Фриана, Дессе и Компана); за ним гвардия; впереди селения, до р. Колочи — дивизия Морана, на другом берегу реки — Жерар и корпус вице-короля — между Валуевой и Бородином (Моран, Жерар и кавалерийский корпус Груши были отданы в распоряжение вице-короля); утром 26-го Моран также переправился к вице-королю на левый берег р. Колочи. Ней стоял немного сзади и левее Даву, у Алексинки; к ночи прибыл и стал за ним Жюно. Правее и сзади за Даву стояли кавалерийские корпуса Нансути, Монбрена и Латур-Мобура, прибывшего из Мстиславля, через Ельню и Ермаки.

Вернувшись в свою палатку вечером, Наполеон сделал распоряжения для завязки боя на следующий день. Сражение начнется сильной канонадой: 62 орудия Даву и гвардии и 40 орудий Нея вступят в бой с Семеновскими батареями; остальная гвардейская артиллерия будет в готовности к действию. В то же время Понятовский охватит левый фланг, а

Компан, которому император дал личные указания, поведет атаку на Семеновские укрепления. Вице-королю еще утром приказано за ночь навести три моста через Колочу и, как только начнется атака на правом крыле, двинуться вперед, перейти Колочу и войсками 4-го корпуса атаковать правое крыло русских, а дивизиям Морана и Жерара атаковать редут у д. Горки.

Отдав распоряжения, Наполеон лег спать, но почти не сомкнул глаз от волнения в ожидании решающего боя; он вскоре встал, призвал к себе Берье и работал вместе с ним до полпятого утра, потом сел на лошадь и отправился к Шевардинскому редуту, там слез с лошади, выбрал себе удобное место несколько впереди и влево от редута, и не сходил с него почти в течение всего дня. Он страдал в этот день настолько сильным насморком, что даже с трудом мог говорить, а через два дня совсем потерял голос.

В лагере русских настроение было приподнятым: нижние чины стирали белье, чтобы одеться в чистое, как перед смертью; многие даже отказывались от чарки, говоря, что в такой день не пьют. Спешно строили укрепления. После полудня по фронту войск крестным ходом обносили икону Смоленской Божьей Матери, перед которой служили молебны, и люди набожно прикладывались. Никакого приказа для подъема духа войск перед сражением Кутузов не отдавал; в этом нужды не было: всем были ясны важность предстоявшего сражения и причины войны. Впрочем, объезжая войска, старик главнокомандующий говорил с солдатами, но простым языком, понятным каждому русскому человеку. Сибирскому пехотному полку, например, он сказал: «Вам придется защищать землю родную, послужить верой и правдой до последней капли крови. Каждый полк будет употреблен в дело. Вас будут сменять, как часовых, через каждые два часа. Надеюсь на вас. Бог вам поможет; отслужите молебен!»

Заметив сосредоточение значительных сил неприятеля у Шевардинского редута, против нашего левого фланга, Кутузов приказал внести некоторые изменения в занятие позиции: сводной гренадерской дивизии графа Воронцова

приказано занять Семеновские флеши, а за нею стать 27-й пехотной дивизии Неверовского; 2-й гренадерской дивизии стать за Семеновским; корпусу Тучкова из общего резерва с 7 тысячами московского ополчения стать на старой Смоленской дороге, у д. Утицы. Остальных ополченцев разместили позади линий, чтобы те могли оказывать помощь раненым. Для связи Тучкова со 2-й армией четыре егерских полка заняли кусты и лес между Утицей и Семеновским. Главную квартиру свою Кутузов перенес из Тариновой в Горки.

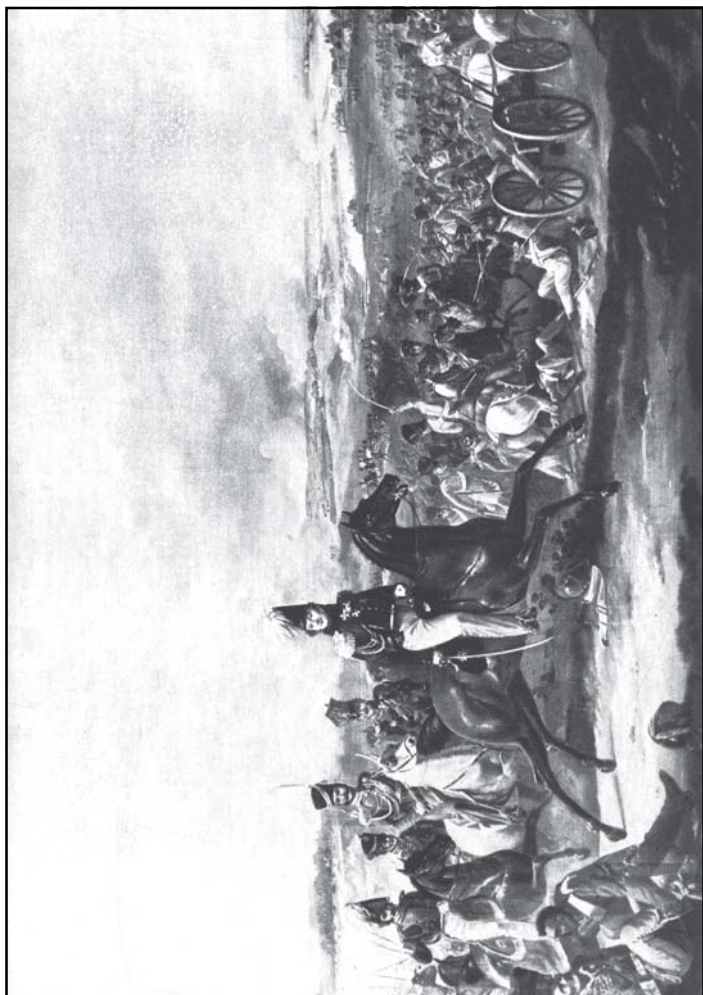
Наступил вечер; поднявшийся ветер с воем пронесился над нашими биваками, где солдаты, греясь около костров, точили штыки, отпускали сабли и прислушивались к ликованиям во французском лагере, вызываемым появлением Наполеона, объезжавшего свои корпусы.

Перед рассветом, среди глубокой тишины, царившей на Бородинском поле, грянул выстрел с русской батареи, впереди Семеновского, — в темноте нашим показалось, что неприятель приближается. Ошибка вскоре разъяснилась, и после первого выстрела все смолкло. Услышав звук выстрела, Кутузов поехал на батарею за д. Горками.

Почти в то же время и Наполеон скакал к Шевардинскому редуту. Заря занималась, туман рассеялся, блеснул первый луч солнца. «Это солнце Аустерлица!» — сказал Наполеон, возбуждая воинственное настроение своих войск, готовых уже ринуться в атаку после прочтенного им приказа, сулившего легкую победу и скорое окончание войны.

Верно сказал Наполеон: солнце было то же, что и под Аустерлицем, но настроение русских войск и вся обстановка предстоящего сражения были другими.

В половине шестого со стороны Шевардинского редута раздался одиночный пушечный выстрел и замер среди общей тишины. Прошло несколько минут. Раздался второй, третий выстрел, заколебался воздух; затрещала ружейная перестрелка, и вскоре огонь охватил все поле сражения. Град ядер, гранат, картечи и ружейных пуль из 1500 орудий и 25 тысяч ружей в течение всего дня сотрясали и воздух

Бородино 26 августа (с картины А. Е. Коцебу)

и землю под ногами бойцов, посылая смерть во всех направлениях, и казалось, что никому не суждено спастись из этого ада.

Около 6 часов утра бой разгорелся на старой Смоленской дороге и в центре, против Багратионовых флешей. Понятовский наступал по обе стороны старой Смоленской дороги против корпуса Тучкова, который, после упорного боя с превосходящим противником, отступил к холмам у д. Утицы; удачно расположив на командующей высоте артиллерию, он остановил ее огнем наступление поляков Понятовского.

Три атаки на Семеновские флешы. В то же время Даву, поддерживаемый огнем 100 орудий, двинул дивизию Компана и уступом справа за нею дивизию Дессе в атаку на флешы. Компан бросился на укрепления, а левее его Ней тоже завязал жаркий бой против флешей. В половине восьмого французам удалось ворваться в укрепления, невзирая на страшные потери от нашего картечного и ружейного огня; но Горчаков, оборонявший флешы, произвел контратаку дивизиями Воронцова и Неверовского и выбил французов из укреплений. Между тем, Наполеон, опасаясь, чтобы открытый правый фланг дивизии Даву не подвергся атаке со стороны русских, которые могли бы проскользнуть между Понятовским и Даву, приказал Жюно пройти за Неем и Даву и развернуться на правом фланге последнего, прикрываемом только кавалерией Мюрата. Жюно начал движение в 8 часов; но едва он вышел за корпус Нея, как со стороны русских была произведена сильная контратака; Жюно приказано было немедленно вступить в бой между корпусами Нея и Даву. Он перестроился в резервный порядок на месте, где его застало приказание, но контратака русских до него не дошла.

Произошло это так: двукратная попытка Даву атаковать флешы не удалась, и обе его дивизии были отброшены в лес; вскоре Ней, поддержанный огнем большой батареи, развернулся на левом фланге Даву, и атака была возобновлена с неудержимой силой. Артиллерия и пехота русских встретила врагов дождем картечи и пуль, но французы, преодолевая

Бой на Семеновских высотах. 2-я русская кирасирская дивизия врывается во флеш; Мюрат, отстреливаясь, ищет спасения в рядах своей пехоты (с гравюры Фабер-де-Фора)

ужас смерти, прорвались через интервалы между орудиями и захватили укрепления с тыла. Но этот успех был недолог. Дивизии Воронцова и Неверовского снова ударили в штыки и, при содействии 4-го кавалерийского корпуса, опрокинули противника, нанеся ему огромные потери.

В 9 часов Ней и Даву снова двинулись вперед; Мюрат поддерживал эту атаку, направив корпуса Латур-Мобура и Нансути уступом вперед и правее Даву, а корпус Монбрена — в резерве за Неем. Бой перед Семеновскими флешами снова усилился, и в то же время успех для французов обозначился, по-видимому, на обоих флангах.

На кургане, у д. Горки, Кутузов, окруженный штабом, наблюдал движения противника. Громадные массы войск, сосредоточенные Наполеоном у Шевардина, и его настойчивые атаки на Семеновские флешы указывали, что он не намеревается делать больших обходных движений, а решил раздавить русскую армию сильными фронтальными ударами, чего бы это ни стоило, невзирая ни на какие потери. Потери значительными были и у нас. Воронцов, ведя дивизию

зии в контратаку, был ранен и покинул поле сражения. Багратион, опасаясь быть охваченным слева, приказал Тучкову прислать дивизию Коновницына на поддержку Воронцова и Неверовского и взял несколько батальонов из второй линии корпуса Раевского, бывшего правее него, придвинул из резерва 2-ю гренадерскую дивизию принца Мекленбургского и поставил ее влево от д. Семеновской; к левому флангу 2-й гренадерской дивизии придвинул 2-ю кирасирскую дивизию Дуки, а Кутузов, по его просьбе, послал на усиление левого крыла Измайловский, Литовский и Финляндский полки из резерва, а за ними двинул семь гренадерских батальонов, три полка кирасир и три батареи гвардейской артиллерии. В то же время генерал-квартирмейстеру 1-й армии Толю приказано было перевести 2-й корпус Багговута с крайнего правого на левый фланг нашей позиции.

Наступление вице-короля Евгения. Посмотрим, что происходило в центре нашей позиции. Вице-король стоял в выжидательном положении у Бородино, наблюдая развитие сражения на нашем левом крыле; когда же Даву, Ней и Жюно стали подаваться вперед, он решил начать атаку на центр. Сначала он двинул дивизию Дельзона на Бородино, занятое Лейб-гвардии Егерским полком, и выбил его оттуда после короткого, но крайне упорного боя, в котором егеря потеряли 30 офицеров и половину наличного состава; французы перешли через Колочу за отступавшими егерями и готовились уже атаковать 12-пушечную батарею, защищавшую мост. Нападение удалось отбить, но батарею приказано было отвести назад. На поддержку гвардейским егерям были двинуты 1-й и 9-й егерские полки. Командир 1-го полка полковник Карпенков, укрыто расположивший свой полк, неожиданно вывел его на гребень холма, дал залп в упор и затем ударил в штыки. Ошеломленный неприятель бросился назад к мосту, однако не мог быстро перейти через него, так как егеря при отступлении успели разрушить часть настилки; не успевшие переправиться за Колочу были на нашем берегу истреблены до последнего. Наши егеря преследовали противника за реку, но вскоре были отозва-

Кутузов со своим штабом во время Бородинского боя
(со старинной гравюры)

ны назад, и при этом окончательно разрушили мост под сильным огнем противника.

Решив наступать за р. Колочу, вице-король оставил дивизию Дельзона у Бородина, а кавалерийской дивизии Орнано на правом берегу р. Войны, впадающей в Колочу, приказал прикрывать левый фланг; затем он двинул все свои войска за р. Колочу (дивизии Морана и Жерара, бывшая Гюдены, из корпуса Даву, дивизию Брусье, итальянскую гвардию и кавалерийский корпус Оруши), поддерживаемый огнем артиллерии, выставленной у Бородино. Все эти войска двинулись на курганную батарею, обороняемую 7-м корпусом Раевского, у которого, после отправки восьми батальонов на помощь Багратиону, оставалось только восемь батальонов, из них четыре, под начальством Паскевича, расположились правее батареи, а четыре, под начальством Васильчикова — левее; егеря 12-й и 26-й дивизий обороняли кустарник при впадении ручья Семеновского в р. Колочу; три егерских полка стояли в резерве за батареей. На левом фланге Раевского расположился 3-й кавалерийский корпус.

Атака батареи Раевского пехотой вице-короля (с гравюры Адама)

Мост через р. Колочу у с. Бородино на новой Смоленской дороге
(с гравюры Фабер-де-Фора)

В 10 часов, оттеснив наших егерей, вице-король атаковал батарею дивизиями Брусье и Морана, переправившись через Колочу. Минута для атаки была выбрана удачно: французская артиллерия уже несколько часов обстреливала батарею, Семеновские флешы только что были заняты Неем¹, резерв Раевского был наполовину израсходован на поддержку Багратиона.

Первая атака, произведенная дивизией Брусье, была отбита; французы отступили в овраг и усилили обстрел батареи артиллерией.

В одинадцатом часу бригада Бонами дивизии Морана устремилась к люнету; дивизия Паскевича, понесшая до того огромные потери, не в состоянии была удержать атакующих. Бонами с 30-м линейным полком ворвался на батарею, и там загорелся отчаянный рукопашный бой. Это был серьезный

¹ Потом они были нами снова отбиты.

момент сражения: по овладении батареями противник врезался в наше расположение и разобшел наши армии. Но, по счастью, поблизости находился начальник штаба 1-й армии, генерал Ермолов, посланный Кутузовым на левый фланг позиции для ободрения войск 2-й армии.

Сознавая важность обстановки, Ермолов приказал следовавшим за ним двум артиллерийским ротам полковника Никитина выстроиться фронтом к потерянному укреплению и открыть огонь по столпившимся на нем французам; сам же, взяв 3-й батальон Уфимского полка, повел его на батарею, за ним двинулись три егерских полка резерва и оставшиеся защитники укрепления, и все это, по словам Ермолова, «толпою в образе колонны» ринулось на батарею в штыки. Противник был опрокинут с кургана и, охваченный с флангов остатками полков 26-й и 12-й пехотных дивизий, отброшен на значительное расстояние. Израненный генерал Бонами был взят в плен.

Контратака Ермолова произвела сильное впечатление на французов и едва не повлекла за собой оставление ими Семеновских флешей.

Командир гвардейской батареи, стоявший в день Бородинского сражения впереди Шевардинского редута, прикрывая главную квартиру Наполеона, в своих воспоминаниях¹ дает следующую картину:

«Перед моими глазами было следующее зрелище: справа позади меня — старая гвардия в парадной форме, в центре — пехота молодой гвардии, слева — гвардейская кавалерия; против середины моей батареи император в серой шинели, скрестив руки на груди, нервно расхаживал на небольшом пространстве; дальше виднелась группа офицеров и генералов с подозрными трубами в руках. Две конные батареи, под командованием Морана, вскоре стали левее меня, прикрывая кавалерию. Я оставался в таком положении до четырех часов пополудни, слыша со всех сторон сильную канонаду и едва различая по временам, сквозь подымающуюся пыль, неприятельские позиции. Более сотни штабных офицеров один за другим подъезжали к императору; он выслушивал их донесения, потом движением руки

¹ Pion des Loches — colonel d'artillerie. Mes campagnes (1792—1815). P. 291—293.

отправлял назад, почти никому из них не сказав ни одного слова. Я утверждаю, что с начала боя и до четырех часов он оставался постоянно на одном месте и не отдал ни единого приказа, так как все это время я не спускал с него глаз. Маршал Бессьер, шагавший взад-вперед невдалеке от меня, время от времени подходил ко мне с вопросом, не вижу ли я передвижений около большого редута. Я отвечал ему, что ничего не видел, хотя даже не знал, где находился этот редут, называемый им большим; полагаю, что его превосходительство так же мало был в этом осведомлен, как и я, потому что если бы это было ему известно, то он не преминул бы указать мне направление. Каждый раз его превосходительство удалялся от меня, произнося сквозь зубы: “Очень трудно будет взять этот большой редут!”

Около четырех часов подъехал к императору с докладом один из офицеров штаба, и маршал Лефевр скомандовал: “Вся гвардия вперед!” Как мне исполнить это, когда передо мной овраг? Фуркруа, Ривьер и я начали отыскивать переход, как вдруг император, по-видимому, не замечавший рва, закричал нам: “Вперед, вы с... с...!” Не оставалось другого исхода, как броситься в ров, но тут генералу Лористону удалось найти переход и провести нас. Его Величество поехал вперед верхом, и больше я его не видел уже до конца этого дня».

В это время Ермолов был ранен картечью в шею, а талантливый начальник артиллерии 1-й армии, граф Кутайсов, убит.

Барклай-де-Толли, видя полное изнеможение корпуса Раевского, сменил его батальонами 24-й пехотной дивизии Лихачева, которую вскоре поддержал также 4-й дивизией принца Евгения Вюртембергского.

Бой стал затихать, но более 100 орудий громили защитников центрального участка нашей позиции, которые доблестно выносили страшные потери.

Атака Уваровым и Платовым левого фланга французов у д. Беззубово. Около 10 часов Кутузову стало ясно, что Наполеон хочет опрокинуть наше левое крыло, и потому он отдал приказание: 1) Милорадовичу с 4-м пехотным и 2-м кавалерийским корпусами сблизиться с центром и 2) Платову с казаками и Уварову с 1-м кавалерийским корпусом

переправиться через р. Колоча ниже Бородина, и атаковать левое крыло неприятеля, как об этом просил еще раньше сам Платов. Эта атака должна была отвлечь внимание Наполеона и часть его сил от нашего центра и левого фланга.

В двенадцатом часу дня Уваров с 28 эскадронами и 12 конными орудиями переправился через Колочу и двинулся к р. Войне, где был встречен дивизией Орнано и 84-м пехотным полком, которые отошли у Беззубова за мельничную плотину, а полк построился в каре перед плотинной. Боясь упустить противника, Уваров приказал лейб-гусарам атаковать пехоту без подготовки огнем конной артиллерии; три последовательные атаки лейб-гусар были отбиты, а когда была вызвана вперед артиллерия, противник отступил за плотину. На этом наступление Уварова, за неимением пехоты, и кончилось, так как в Бородине стояла целая дивизия Дельзона. Платов с девятью казачьими полками переправился через р. Войну выше Беззубова и, рассыпавшись в кустах между неприятельскими колоннами и обозами, проник в самый тыл, до новой Смоленской дороги. Это движение заставило противника оставить оборону плотины, чем воспользовались лейб-казаки, бросившись через плотину в тыл неприятелю. Вскоре Уваров и Платов были отозваны Кутузовым назад, но последствия этого нападения были значительные: как только вице-король узнал о появлении нашей кавалерии за р. - Колочей, он поскакал туда сам, приостановил атаку на центральную батарею и даже приказал дивизии итальянской гвардии переправиться обратно за р. Колочу для поддержки дивизии Дельзона, и хотя потом дело разъяснилось и опасность с этой стороны миновала, но время уже было потеряно, и русские успели подтянуть к центру все войска, бывшие в резерве и на правом крыле.

Четвертая атака на Семеновские флеши. Мы видели выше, как назревала третья атака на Семеновские флеши; на этот раз готовились атаковать: две дивизии корпуса Даву, три дивизии корпуса Нея, кавалерийские корпуса Латур-Мобура и Нансути и две легкие кавалерийские бригады. С нашей стороны оборонялись: остатки сводной гренадерской дивизии, 27-я

пехотная дивизия, 2-я гренадерская дивизия, 2-я кирасирская дивизия Дуки и три кавалерийских полка (Ахтырский, Новороссийский, Литовский) 4-го кавалерийского корпуса.

Ней повел атаку во главе 24-го легкого полка и овладел левой флешью; дивизия Ледрю ворвалась в правую флешь, а затем захватила и третью, бывшую несколько сзади. В рукопашном бою Воронцов был ранен штыком. Багратион направляет отбить флешу 27-ю пехотную дивизию, четыре батальона 2-й гренадерской дивизии принца Мекленбургского, кирасирскую дивизию Дуки и вышеупомянутые три кавалерийских полка с пятью конными орудиями. Французы снова выбиты из флешей.

Около десяти часов утра Ней, Даву и Мюрат опять повели атаку на флешу; после отчаянного боя, в котором были ранены князь Горчаков и Неверовский, войска Нея овладели флешами, но в это время подошла с левого фланга 3-я дивизия Коновницына с четырьмя кавалерийскими полками, которым удалось снова выбить французов из флешей.

Пятая и шестая атаки на Семеновские флешу. В 11 часов Ней и Мюрат ввели в бой дивизию Фриана (Даву, по случаю контузии, передал командование Мюрату), корпус Жюно направился в лес между флешами и старой Смоленской дорогой, где завязал бой с егерями Шаховского.

Более 400 орудий было выставлено против нашего левого крыла; с нашей стороны число орудий было доведено до 300. Теперь наступила самая кровопролитная сцена великой драмы! На пространстве одной квадратной версты гремела адская канонада 700 орудий; французы смело стремились вперед и даже вызвали похвалу самого князя Багратиона, крикнувшего «Браво!» одному французскому полку, храбро наступавшему без выстрела под страшным картечным и ружейным огнем с нашей стороны. Около 11 часов французы произвели пятую атаку, в четвертый раз ворвались во флешу и снова были выбиты, причем получили ранения принц Карл Мекленбургский и многие другие.

Через полчаса последовала шестая, последняя атака на флешу. Весь фронт нашего левого крыла двинулся навстре-

чу и вступил в отчаянный рукопашный бой. Перемешалось все — пехота, кавалерия и артиллерия; бились штыками, прикладами, тесаками, банниками. Некоторые неприятельские всадники, увлеченные запальчивостью, были захвачены даже в наших гвардейских полках. Одни только резервы обеих сторон стояли в отдалении неподвижно. В пылу этого боя тяжело раненный Багратион, сдав команду Коновницыну, был унесен с поля сражения, граф Сен-При и многие другие начальники выбыли из строя, и русские войска, не управляемые более, в половине двенадцатого окончательно уступили флешу французам. Коновницын отвел войска за Семеновский овраг, быстро привел их в порядок, занял артиллерией ближайшие высоты и задержал дальнейшее наступление французов. Вскоре прибыл герцог Александр Вюртембергский, посланный Кутузовым на левый фланг по получении известия о ранении Багратиона, но так как он прислал очень неутешительные донесения, то Кутузов отозвал его к себе, и начальство над 2-й армией поручено было бесстрашному защитнику Смоленска — Дохтурову.

Французы решили развить одержанный ими успех: вдоль Семеновского оврага были выставлены сильные батареи, после чего Ней повел дивизией Фриана и частью своего корпуса атаку на Семеновскую, Мюрат же направил корпуса Латур-Мобура и Нансути на участок южнее Семеновской, причем последний должен был охватить этот участок, опрокинув полки Лейб-гвардии Измайловский и Литовский (впоследствии Лейб-гвардии Московский). Под страшным огнем наших батарей конница неприятельская понеслась через Семеновский овраг. Нансути три раза атаковал Измайловский и Литовский полки, понесшие большие потери от огня французских батарей, но все атаки были отбиты батальным огнем¹; доскакавшие же до наших каре смельчаки умирали на штыках наших гвардейцев. Потери от артиллерийского огня были настолько ужасны, что наши

¹ Лейб-гвардии Финляндский полк встретил атаку без выстрела, держа ружья «под курок»; конница не выдержала такого приема и повернула назад, не доскакав до каре.

доблестные полки отдыхали, когда несущаяся на них в атаку кавалерия заставляла свою артиллерию прекращать огонь. Отбитую конницу Нансути преследовали наши два кирасирских полка (Орденский и Екатеринославский).

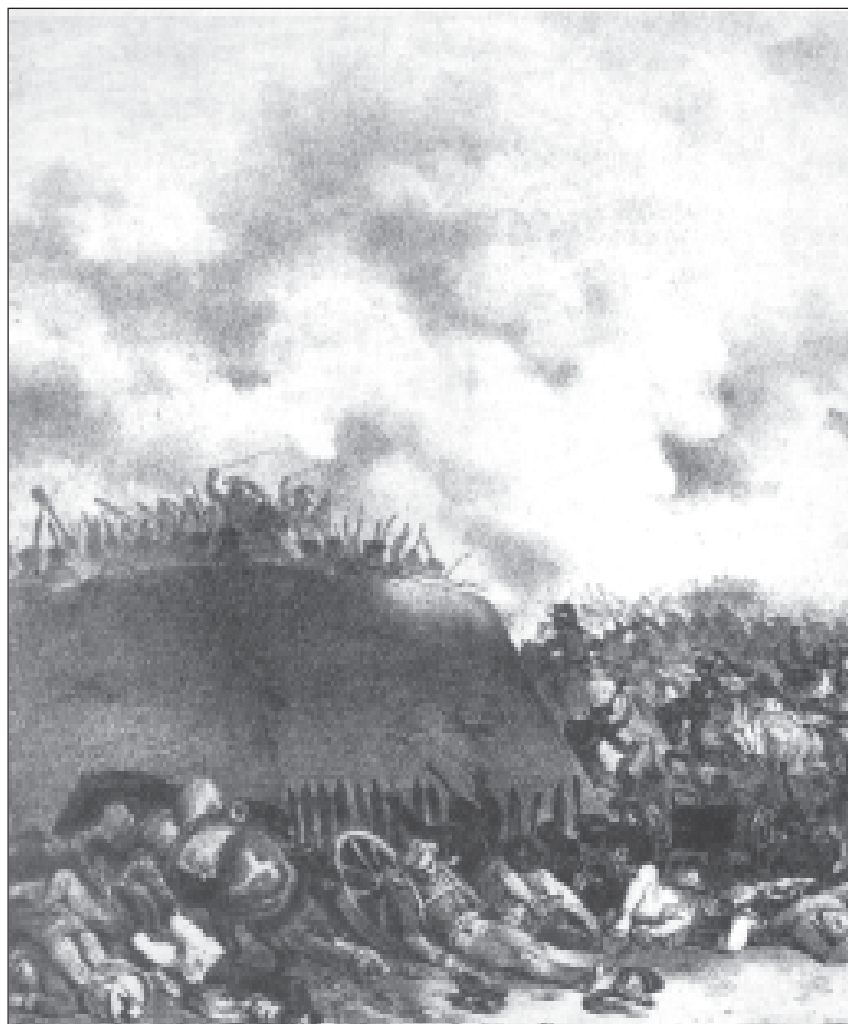
Латур-Мобур шел левее, севернее Семеновской, проскакал через части 2-й гренадерской дивизии, опрокинул драгун генерала Сиверса и заскакал в тыл Измайловскому и Литовскому полкам, но атака трех наших кирасирских полков (5-го гвардейского корпуса) и ахтырских гусар заставила его отступить за овраг.

Вслед за кавалерией Фриан с двумя пехотными полками двинулся на Семеновскую и овладел деревней. Наши войска левого крыла отошли к востоку от оврага на пушечный выстрел, но полки Измайловский, Литовский и Финляндский удержались у опушки леса, в центре Семеновского оврага.

Уступая настоятельным просьбам Нея и Мюрата о присылке подкреплений, но не считая минуту решающей атаки назревшей, Наполеон послал им дивизию молодой гвардии (генерала Роге), но как раз в это время он получил донесение о нападении нашей кавалерии за р. Колочей на левый фланг его армии; гвардия была остановлена.

Около полудня, после шестичасового упорного боя, атаки неприятеля нами были отбиты на всех пунктах, кроме Бородина и Семеновских флешей; центр несколько подался назад, и самым ближайшим пунктом к неприятелю была батарея Раевского. Но приостановка атаки на батарею почти на два часа, вследствие поиска за р. Колочей кавалерии Уварова и Платова, дала нам возможность усилить угрожаемый пункт войсками с правого фланга и из резерва: войска корпуса Раевского были сменены 24-й дивизией Лихачева, и прибыл 4-й корпус (Остермана); он стал левее и позади центральной батареи; за ним полки Преображенский и Семеновский, а за ними — кавалерия (2-й и 3-й корпуса и полки Кавалергардский и Конный).

Взятие французами центральной батареи. Успокоившись за свое левое крыло, Наполеон приказал возобновить атаку на центральную батарею. Атака началась в два часа: с фронта на батарею наступали три пехотные колонны (ди-

Атака батареи Раевского корпусом генерала
Коленкура (с гравюры Кампа)

Взятие батареи Раевского (с гравюры Адама)

визии Брусье, Морана и Жерара), с левого фланга — кавалерийский корпус Груши, а с правого — корпус Коленкура (заменившего убитого Монбрена); впереди наступала густая цепь стрелков.

Генерал Коленкур во главе кирасирской дивизии Ватье, перейдя р. Семеновку, опрокинул наши войска, бывшие южнее батареи, и с 5-м кирасирским полком повернул на север, прямо на батарею, ворвался на нее с горжи, но удержаться не мог, так как пехота вице-короля еще не дошла до укрепления. Из-за оврага по кирасирам был открыт убийственный огонь; с огромными потерями кирасиры отхлынули, оставив на батарее в числе убитых своего храброго начальника, генерала Коленкура.

За дивизией Ватье шли — в центре конные батареи, влево от них кирасиры, а вправо уланы; прямо на батарею шла саксонская гвардия Тильмана. Наша пехота (перновцы, кексгольмцы и 33-й егерский) огнем с 60 шагов отбила кирасир и улан, но Тильман, перескочив бруствер, ворвался на батарею; одновременно с возгласами «Да здравствует император!» ворвалась в укрепления и французская пехота. Завязался упорный бой внутри укрепления, причем израненный штыками генерал Лихачев был взят в плен. Батарея, вся покрытая трупами, была захвачена; в ней французы нашли 21 орудие, из которых 13 были подбиты.

Одновременно с этим Груши вел атаку левее батареи против нашей пехоты (три полка 24-й дивизии и 7-я пехотная дивизия); на поддержку им Барклай двинул Изюмский гусарский и Польский уланский полки, но они были отбиты. Кавалерия Груши окружила каре 7-й пехотной дивизии и производила непрерывные атаки, готовясь их уничтожить. На выручку им, по приказанию Барклая, были брошены из резерва Кавалергардский и Конный полки, которые, под начальством генерала Шевича, произвели блестящую атаку на французских и баварских кирасир, опрокинули их и гнали до самой батареи. Барклай своей распорядительностью и мужеством в Бородинском сражении заставил забыть о том, в чем его раньше обвиняли.

К четырем часам пополудни в центре и на левом фланге бой затихал, и только егеря Шаховского вели оживленный бой с вестфальским корпусом Жюно. Одна из дивизий этого корпуса успела прорваться между левым крылом 2-й армии и войсками Багговута, что заставило его в 17 часов покинуть позицию у кургана и, отойдя с версту по большой дороге, расположиться на одной высоте с левым флангом 2-й армии.

С трех часов дня в центре и на левом крыле французской армии бой почти прекратился и вылился в ожесточенную артиллерийскую канонаду. Потери с обеих сторон были так велики, что и русские, и французы были крайне истощены. Противник не решался выйти из отбитого укрепления для атаки на вторую позицию русских, которые тоже боялись покинуть ее и попытаться вернуть укрепления. К шести часам канонада тоже замолкла по всей линии.

Ход боя на левом крыле, у д. Утицы. Около 10 часов 30 минут утра Понятовский овладел д. Утицей и приостановил наступление, но когда Жюно потеснил егерей Шаховского и вошел с ним в связь, Понятовский атаковал вторую позицию Тучкова, на высоте за д. Утицей, и овладел ею; наши войска отошли от позиции на небольшое расстояние. Тучков был значительно слабее Понятовского после выделения дивизии Коновницына. В таком положении дело оставалось до 12 часов, когда прибыла на подкрепление Тучкова 17-я пехотная дивизия (Олсуфьева) с командиром 2-го пехотного корпуса, генералом Багговутом. Одна бригада 17-й дивизии (полки Брестский и Рязанский) была направлена против Жюно, в помощь Шаховскому, а другая подкрепила Тучкова, который, пользуясь этим, перешел в наступление и взял высоту обратно, причем сам был смертельно ранен и скончался на 48-м году жизни. Багговут вступил в командование войсками левого фланга.

Когда войска, защищавшие Семеновские флеши, отошли назад, то и Багговут, опасаясь быть отрезанным (в лесу бой между вестфальцами Жюно и егерями князя Шаховского еще продолжался), тоже отошел на версту по старой Смоленской дороге.

Генерал-лейтенант Николай
Александрович Тучков

В течение всего боя Наполеон не покидал своего места у Шевардинского редута и потому не мог быть вполне осведомлен о его ходе и объединить действия вице-короля Евгения, Нея и Даву, чем могли бы быть достигнуты более решительные результаты. Только в четвертом часу он выехал к Нею и Мюрату, к д. Семеновской, где и увидел, что русские стройно стояли на второй позиции, за Горками и Семеновским овра-

гом, в полной готовности продолжать бой. Хотя в распоряжении Наполеона и было 19 тысяч гвардии, но, не слушая советов своих маршалов, великий полководец решил не прибегать к этому последнему средству, так как, вероятно, не рассчитывал сломить русских¹. В прежних сражениях вскоре после начала боя к нему вели много захваченных пленных, отбитые орудия, знамена и т. п.; в этот день ничего подобного не было; напротив, несмотря на громадные силы, двинутые им в атаку нашей позиции, успеха не достигалось, и ежеминутно приезжали ординарцы с докладом о громадных потерях и с просьбой подкреплений. Теперь он сам увидел грозную стену русских бойцов, готовых умереть, но не уступить шага земли без боя. По всему фронту гремела страшная канонада, постепенно начинавшая утихать. Через три часа Наполеон вернулся назад, «против обык-

¹ Кутузов также имел свежие войска, не введенные в бой: на правом фланге четыре егерских полка полковника Потемкина, Преображенский и Семеновский полки гвардии, несколько рот артиллерии и еще 84 орудия в Можайске, бывшие в полной готовности.

новения, с красным лицом, с всклокоченными волосами и усталым видом».

Вот что пишет в своих мемуарах командир одной из гвардейских батарей:

«В шесть часов Перрен, адъютант графа Лобау, крикнул мне: “Вперед, по приказанию императора! На поддержку батарей вице-короля, уничтоженных неприятелем!” Я с трудом переправился через овраг, хотя и без приключений, и встретился с генералом Нурри, сообщившим, что и он сейчас присоединится к нам. Уже несколько гранат скользнули под нашими ногами, и я начал развешиваться для боя, когда прискакал другой офицер штаба с приказанием: “Император приказал отойти на прежнюю вашу позицию. — и прибавил вполголоса: — Позиция противника очень сильна, а уже поздно. Император приказал молодой гвардии, которая двинется впереди, овладеть ею завтра утром”. Я начал движение назад, но, отойдя несколько шагов, был остановлен генералом Нурри; масса артиллерии армейской и гвардейской стала около меня, и мы провели ночь на поле сражения, без еды, почти без огня, под сильным ветром, наносившим на нас тучи пыли. Вся местность вокруг была покрыта мертвыми и умирающими, впрочем, не так еще густо, как под Эйлау»¹.

Перестрелка продолжалась по всему полю сражения до наступления темноты; кое-где кавалерия то с той, то с другой стороны бросалась в атаку, но без решающего успеха. Вообще видно было всеобщее изнеможение; выстрелы час от часу редели, и битва замирала. Последней вспышкой сражения было дело у д. Семеновской. Около девяти часов вечера неприятель вышел из деревни и занял перед ней лес, но Лейб-гвардии Финляндский полк выгнал его оттуда штыками. Глубокая темнота летнего вечера спустилась на равнину, безмолвную, как огнедышащая гора без извержений.

Кутузов, расположившийся в центре позиции у Горок, все время следил за ходом боя и своевременно направленными подкреплениями успевал отбивать все атаки противника и в то же время необыкновенно искусно в течение всего боя под-

¹ Pion des Loches. Mes campagnes (1792—1815). P. 292.

Мюрат с кавалерий направляется в промежуток между деревнями Шевардино и Семеновское (с гравюры Адама)

держивал дух войск. Воспитанный в боевой школе Суворова, он овладел вполне этой в высшей степени трудной областью военного искусства.

Общее выражение лица его было сосредоточенное, на нем читалось напряжение, едва превозмогавшее усталость. В 11 часов утра ему привезли известие о том, что занятые французами флешы опять отбиты, но что князь Багратион ранен. Кутузов ахнул и покачал головой. Он понимал важность потери такого генерала, как Багратион. На замену Багратиона он назначил принца Вюртембергского; но когда последний, не доехав еще до Семеновской, через присланного адъютанта стал просить подкреплений, то Кутузов поморщился и послал Дохтурову приказание принять командование над 2-й армией, а принца, без которого, как он сказал, он не может обойтись в эти важные минуты, просил вернуться к себе.

Когда донесли о занятии французами флешей и Семеновской, он встал, как бы разминая ноги, отвел доносившего в сторону и потом сказал, обращаясь к Ермолову: «Съезди, голубчик, посмотри, нельзя ли что сделать!»

В третьем часу атаки французов прекратились. Кутузов был доволен успехом дня сверх ожидания. Но физические силы оставляли старика фельдмаршала. Голова его по временам низко опускалась, и он задремывал. Ему подали обедать. В это время прискакал от Барклая полковник Вольцоген с донесением, что войска страшно расстроены и сражение проиграно. Кутузов не поверил, страшно рассердился и приказал передать Барклаю, что его сведения неверны и что настоящий ход сражения известен ему, главнокомандующему, лучше, чем Барклаю.

«Отбиты везде, — горячо, с явным волнением говорил полководец, — за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской!»

В это время прибыл Раевский и сообщил, что войска твердо стоят на своих местах и что французы не смеют атаковать более.

Выслушав его, Кутузов сказал по-французски:

— Вы, стало быть, не думаете, как другие, что мы должны отступить.

— Напротив, ваша светлость, в нерешительных делах остается победителем тот, кто упрямее, — отвечал Раевский, — и мое мнение...

— Кайсаров! — крикнул Кутузов своего адъютанта. — Садись пиши приказ на завтрашний день. А ты, — обратился он к другому, — поезжай по линии и объяви, что завтра мы атакуем.

Узнав, что назавтра решено атаковать неприятеля, все — начиная от высшего командования и кончая последним солдатом — словно бы сбросили с себя накопившуюся усталость и приободрились.

Наполеон и вся его армия почувствовали, что под Бородином свершилось нечто невиданное, необычайное; в их сердцах зародилось чувство ужаса перед врагом, который, потеряв половину состава армии, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения. По словам Ермолова, «в Бородинском сражении французская армия Наполеона расшиблась об русскую армию». Победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага

и в собственном бессилии, была одержана русскими под Бородином, но одержана ценой страшных потерь.

Перед Бородинским сражением у нас было под ружьем 113 тысяч человек; из них мы потеряли 57—58 тысяч; урон французов: из 130 тысяч солдат — 50 тысяч, в том числе убитыми и ранеными 43 генерала, почему Бородинское сражение и прозвано во французской армии «битвой генералов». Трофеи с обеих сторон почти равны. У неприятеля отбито 13 орудий, нами потеряно 12, и, кроме того, у нас подбито 37 орудий и 111 зарядных ящиков. Пленных с каждой стороны было не более 1 тысячи. Ожесточение было так велико, что даже безоружных прикалывали как у нас, так и у неприятеля.

Противник, привыкший к победам под руководством гениального полководца, сражался с удивительным мужеством, но ничто не могло сломить мужества русских воинов, решившихся умереть за родину.

Наполеон в своих мемуарах так оценивает Бородинское сражение:

«Из всех моих сражений самое ужасное то, которое дал я под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

«Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано [французами] наиболее доблести и одержан наименьший успех».

Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» пишет: «Прямым последствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, погибель пятисоттысячного нашествия и погибель Наполеоновской Франции, на которую первый раз, под Бородином, была наложена рука сильнейшего противника».

Ночь с 26 на 27 августа. По окончании сражения Наполеон начал стягивать войска назад, а Барклай, по приказанию Кутузова, остававшийся на поле сражения, распоряжался приготовлениями к бою на следующий день.

До 23 часов Кутузов не отменял распоряжений к возобновлению сражения. Наши дозоры, высланные ночью,

выяснили, что батарея Раевского и Бородино очищены неприятелем. Наполеон окружил свою ставку каре гвардии, из опасения нападений казаков, тревоживших французов в течение всей ночи.

В 23 часа прибыл к Кутузову командующий войсками 2-й армии Дохтуров. Кутузов вышел к нему навстречу со следующими словами: «Поди ко мне, мой герой, и обними меня. Чем может государь вознаградить тебя?» Он вывел его в другую комнату и, переговорив с ним, приказал артиллерии тотчас же отступать за Можайск, пехоте и кавалерии, после краткого отдыха, идти туда же. Войска были разделены на четыре колонны: 1-я Дохтурова, 2-я Милорадовича, 3-я Платова и 4-я исключительно из артиллерии. Барклай-де-Толли получил это приказание в полночь. Отступление было вызвано большими потерями в войсках и необходимостью сблизиться с подкреплениями. Кутузов мог бы через Верею или Боровск потянуть Наполеона за собой, на Калугу, но, видимо, он имел в виду отступлением на Москву еще больше растянуть тыл Наполеона, возбудить ожесточенную партизанскую и народную войну и подготовить в Москве могилу французской армии. Можно догадываться, что таким было, действительно, его намерение, так как с Бородинского поля сражения, когда наша армия потянулась к Москве, наш прославленный партизан Д. В. Давыдов с сотней казаков и 50 ахтырскими гусарами пошел на запад, в тыл армии Наполеона, и через несколько дней обозначились его действия, вызвавшие большое беспокойство самого Наполеона и Бертье.

Мелкий холодный дождь и ветер досаждал усталым войскам, подтягивавшимся к своим знаменам. Многих товарищей недосчитались; некоторыми полками командовали поручики. Но и при таких условиях войска с досадой приняли приказание об отступлении, так как сгорали нетерпением сразиться с противником на следующий день.

Кутузов в донесении государю прояснил причину отступления, но не упоминал ни о победе, ни об отступлении неприятеля, а указал на страшное упорство в битве,

мужество войск, понесенные ими большие потери и перечислил взятые в бою трофеи.

27 августа, в 6 часов утра, русская армия снялась с позиции в таком порядке и так тихо, что французы заметили это не раньше 10 часов. Утром французские генералы собрались около ставки Наполеона, и некоторые из них, особенно Ней, выражали неодобрение его действиями накануне. Наполеон не возражал: он сидел нога на ногу и довольно часто, опершись руками о колено, повторял с каким-то конвульсивным придыханием: «Москва! Москва!» Получив донесение об отступлении русских, Наполеон был очень обрадован и приказал Мюрату с остатками кавалерии и пехотной дивизией Дюфура начать преследование. На поле сражения был только аррьергард Платова, который затем отступил к Можайску, где и отбил все нападения французской кавалерии.

Оценка сражения. Бородинское сражение явилось очистительной жертвой за оставление Москвы и было предпринято в угоду общественному мнению. Наполеон, мечтавший одним ударом кончить войну, убедился, что она только началась этой битвой и что русские отступали до сих пор не из боязни, а по расчету, и упорство, с каким они защищали каждую пядь земли, показало французам, чего они должны ожидать впереди, и поселило в них такое уныние, какое обыкновенно бывает только вследствие понесенного поражения.

В самом ведении боя необходимо отметить нижеследующее.

1. Позиция была оценена и занята нами неправильно. Она была занята равномерно войсками; на самом же деле все пространство между Москвой-рекой и Горками, прикрытое труднопереходимой р. Колочей, было недоступно для атаки большими силами; тут для обороны достаточно было ополчений и казаков; у нас же стояли здесь три пехотных (2, 4-й и 6-й) и три кавалерийских корпуса, казаки и резерв. Если бы их сначала поставили от д. Горки до старой Смоленской дороги, то не пришлось бы переводить 2-й и 4-й корпуса с правого крыла на левое по самому полю сражения и рисковать быть разбитым по частям.

Кутузов превосходным управлением боем успел исправить ошибки, но подвергался большому риску.

2. Наполеон, решивший атаковать центр нашей позиции, тоже слишком много войск оставил у Бородина; потом их пришлось переводить к пункту атаки через Колочу.

3. Ошибки Кутузова и Наполеона были исправлены необычайной храбростью войск. Бой был грубый, чисто фронтальный, и все важнейшие фазы его развивались только около двух пунктов — Семеновских флешей и батареи Раевского. Оба укрепления не были сильными, если кирасиры Тильмана смогли перескочить во время атаки через ров и бруствер батареи Раевского. Укрепления эти были и незначительными по размерам; они скорее служили для указания направления, в котором велась атака и встречалась со стороны обороняющегося целыми корпусами пехотными и кавалерийскими. Если бы этих укреплений не было, бой разыгрался бы, наверное, совершенно в том же духе, причем войска атакующего направлялись бы в какой-нибудь другой пункт на местности. Некоторые утверждают, что если бы Наполеон направил главную массу своих войск на наш левый фланг, то мог бы отбросить нашу армию в угол между р. Москвой и Колочей. С этим согласиться нельзя, во-первых, потому, что, направив значительные массы войск в леса на старой Смоленской дороге, Наполеон был бы в затруднении развернуть их и управлять боем, и, во-вторых Горки, Семеновская и Утица составляли три уступа в боевом порядке русской армии, а последняя из деревень — ближайшая к неприятелю. Поэтому правое крыло и центр ее ближе к Можайску, чем неприятель, направившийся на д. Утицу. Даже если бы он и овладел Утицей, то Кутузов мог усилить Тучкова, дабы удержать его в положении, от которого зависела участь боя, или же отступить от Горок к Можайску по новой Смоленской дороге. Разыгрывая сражение на нашем левом фланге, Наполеон выиграл бы его легче и с меньшим кровопролитием, но никогда не смог бы оттеснить нашу армию в угол между р. Москвой и Колочей.

По потерям обеих сторон в бою это было самое кровопролитное сражение Наполеоновской эпохи, и именно потому, что это был бой фронтальный, при удивительном мужестве, проявленном обеими армиями. Потери были велики и вследствие значительного числа орудий, выставленных обеими сторонами, а также огромного сосредоточения войск на небольшом пространстве — что-то около двух квадратных верст.

Причиной потерь было также и отсутствие связи в действиях разных родов войск, даже в армии Наполеона, имевшей высокую тактическую подготовку.

Так, дивизия Морана, при атаке на батарею Раевского, была истреблена русской артиллерией, в то время как русскую пехоту громили батареи Сорбье.

Кавалерия вводилась в бой своевременно и имела успех; но действия ее были частными и потому не могли иметь решающих последствий. Из-за потерь, понесенных кавалерией Наполеона под Бородином, сражение это названо «могилой французской кавалерии».

Набег Уварова и Платова за Колочу приостановил наступательные действия неприятельского центра, чем русские воспользовались для приведения в порядок утомленных войск.

Потери русской армии были так велики, что Кутузов не мог рискнуть на следующий день дать сражение с расчетом на серьезный успех.

Преследование со стороны Наполеона было слабое. Несмотря на отступление русских, Наполеон не чувствовал себя победителем.

Содержание

От редакции	3
-------------------	---

А. Г. Елчанинов. История военного искусства в России до воцарения Петра Великого

От зарождения Русского государства до середины XI в.	5
Вторая половина XI в. — первая половина XIII в.	22
С середины XIII в. до второй половины XIV в.	30
Вторая половина XIV в. — середина XV в.	33
Вторая половина XVI в.	51
Смутное время (конец XVI — начало XVII в.)	75
XVII столетие	82

П. М. Андрианов. Эпоха Петра Великого

Военное искусство Петра Великого	86
Великая Северная война	108
Завоевание берегов Балтийского моря	125
Гродненская операция	134
Единоборство Петра Великого с Карлом XII	142
Сражение при Лесной	156
Поход шведов на Украину	167
Осада Полтавы	174
Полтавское сражение	180
Продолжение борьбы на Севере	203
Прутский поход	203
Состояние русской армии при Петре Великом	221
Царь Петр — великий полководец	231
Птенцы гнезда Петрова	235

А. К. Байов. Военное искусство и состояние русской армии при ближайших преемниках Петра Великого

Организационно-административные реформы в царствование императрицы Анны Иоанновны	240
Война с Турцией в 1736—1739 гг.	250
Организационно-административные реформы в царствование императрицы Елизаветы	268
Участие русских войск в Семилетней войны	274
Царствование императрицы Екатерины II	297

А. Г. Елчанинов. Александр Васильевич Суворов

Боевая деятельность Суворова	350
Увольнение Суворова со службы	335
Итальянский и Швейцарский походы	397
Суворов – полководец и воспитатель	441

А. К. Байов. Военное дело в эпоху императора Павла I

Гатчинские войска	476
Реформы императора Павла	480
Строевая и боевая подготовка войск	486
Значение императора Павла в истории военного искусства в России	490

Д. А. Назаров. Первые две войны Александра I с Францией

Политическая обстановка в Европе, созданная успехами Наполеона	494
Кампания 1805 г.	503
Кампания 1806/07 гг.	540

Н. П. Михневич. Отечественная война 1812 г.

Перед вторжением Наполеона в Россию	578
От Немана до Смоленска	599
От Смоленска до Бородино	626
Бородинское сражение	662
Содержание	703